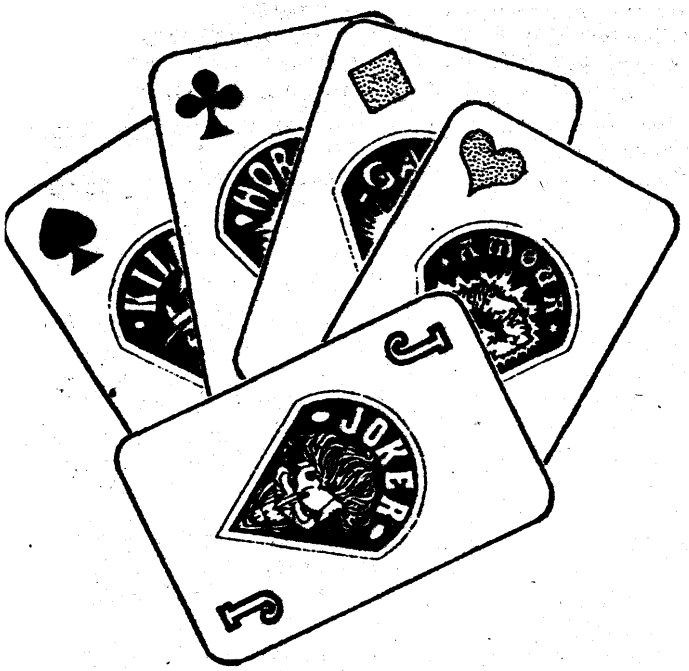

JOKER BOOK
ДЖЕК ВЭНС
Джек Вэнс
Вечная жизнь
JOKER

JOKER
J
JOKER

JOKER

Книги, вышедшие в серии «ДЖОКЕР»

Ф.Саберхаген	Берсеркер
Ф.Пол, Д.Уильямсон	Дитя Звезд
М.Муркок	Хроника черных клинков
К.Куртц	Хроники Дерини
Бегущий по лезвию	Фантастические романы
Инспектор-призрак	Сборник фантастических произведений
Ф.Дик	Король эльфов
Забыть о Земле	Фантастические романы
Л.С.Де Камп	Конан
Б.Чандлер	Наемники космоса
Дж.Кристофер	Тетралогия
М.Муркок	Ледовая шхуна
Ф.Фармер	Плоть
Берега смерти	Сборник фантастических романов
А.Ван Вогт	Чудовище

ДЖЕК ВЭНС

ВЕЧНАЯ ЖИЗНЬ

РИПОЛ
Джокер
1993

ББК 84.7 США
В 97

Серия «ДЖОКЕР»
Фантастические романы
Серия основана в 1992 году

Автор и составитель серии
Андронкин Кирилл Юрьевич

Главный художник
Атрошенко Сергей Петрович

Главный редактор
Молчанова Ирина Давидовна

Редакторы
Лебедева Я.Л.
Залесов К.А.

Художник
Хромов А.А.

Корректоры
Зубина К.И.
Мещерякова Г.А.
Плющ В.Г.

Компьютерный набор
Володарская Т.В.
Баранова Е.В.
Рожкова В.Б.

Технический редактор
Дырын Ш.Ш.

В этой книге мы предлагаем вниманию читателя три увлекательнейших романа известного американского фантаста Дж.Вэнса. Перед вами загадочные истории, насыщенные приключениями, войнами и волшебными превращениями. В них вы встретите монстров, необычных героев и безумных волшебников. Автор как всегда демонстрирует безудержную фантазию и восхитительный юмор.

В 4703040100-026
070219-93 без объявл.

ISBN 5-87012-026-0

© РИПОЛ, Джокер, 1993
© Перевод К.Маслякова, 1993
© Оформление А.Хромова, 1993
© Составление серии К.Андронкина, 1993

ВЕЧНАЯ ЖИЗНЬ

Глава первая

1.

Кларжес, последний город планеты, растянулся на тридцать миль вдоль северного берега реки Шант, недалеко от места ее впадения в Океан.

Кларжес — древний город. Монументы, здания, таверны возрастом от двух до трех тысяч лет встречались на каждом шагу. Жители города обожали эти древние сооружения, которые вызывали у них мистическое ощущение бесконечности жизни. Однако они были членами общества свободного предпринимательства, и это заставляло их постоянно вводить в свою жизнь разные новшества. В результате Кларжес стал причудливой смесью древности и модерна. Еще никогда не существовало города, который мог бы сравниться с Кларжесом по величественности и мрачному великолепию. В районе Мерсер возвышались башни, как драгоценные турмалины, такие высокие, что своими шпилями они почти что вонзались в небо. Вокруг располагались роскошные магазины, театры, великолепные дома, а затем начинались предместья, производственные районы, которые уходили далеко за горизонт. Наилучшие места — Баллиас, Эрдистон, Вандун, Подоблачный Замок — находились на северных склонах холмов. А с юга их омывала река. Все тут кишело жизнью, движением. Миллионы окон отражали солнечный свет, по бульвару проносились машины, в воздухе виднелись аэрокары, авиетки. Мужчины и женщины проходили по улицам с деловым видом, не теряя времени понапрасну.

За рекой лежала Глэйд Каунти — обширная территория, непригодная для жизни. Там не росло ничего, кроме приземистых ив и колючих кустов. Глэйд Каунти не имела никакого права на существование. Однако в нее входили шестьсот акров, которые занимал Карневаль.

Карневаль! Это поистине драгоценность, пышный цветок на сером безжизненном фоне Глэйд Каунти. Все шестьсот акров его территории были расцвечены всеми цветами радуги. Там находились все возможные средства развлечения и увеселения.

Жизнь в Кларжесе определялась деловой активностью людей. Карневаль жил своей собственной жизнью. По утрам там царила тишина. К полудню начинали работать машины по уборке улиц да появлялись редкие прохожие. А вечером Карневаль оживал, трепеща разноцветными крыльями, как только что появившаяся на свет бабочка. К заходу солнца весь Карневаль был полон жизни, веселья, эмоций.

Вокруг Карневаля проносились кометы-автомобили: Сангрил, Рублон, Голд Глориана, Мистик Эмеральд, Мелантон Ультра-Лазурь, освещая город своим волшебным сиянием.

Все зеркальные окна павильонов Карневаля отражали мириады разноцветных огней, украшавших город. На улицах, аллеях, бульварах появлялись праздничные толпы веселых людей. Звуки музыки, песен, рулеток, шипение проносившихся автомобилей-комет, крики зазывал — все это создавало атмосферу необычности происходящего на улицах.

Ночь шла, и общее опьянение усиливалось. Люди в карнавальных костюмах, масках и полумасках пели, плясали, играли веселились, забыв обо всем. Празднество приближалось к своему пику. Все моральные заслоны и запреты переставали существовать. Веселый смех переходил в истерический хохот, беззаботное пение — в дикий вой. Все это походило на спиритуальный оргазм. Ночь шла, и люди уставали, костюмы утрачивали свою праздничность, маски открывали потные лица с воспаленными глазами. Мужчины и женщины — сонные, измученные, — отправлялись по домам. И те, что жили в фешенебельных районах, и обитатели рабочих окраин ехали вместе в вагонах сабвея без всякой зависти друг к другу. Они все приезжали в Карневаль, чтобы забыть о тяготах и заботах обыденной жизни, они приходили сюда тратить деньги — и больше, чем деньги, — они тратили здесь свою жизнь.

2.

Человек в медной маске стоял возле Дома Жизни и зазывал посетителей. Вокруг его головы светился ореол, составленный из символов бесконечности, а на фасаде здания сияла эмблема в виде ладони.

Человек в маске кричал:

— Друзья, выслушайте меня! Неужели вам жалко флорина за свою жизнь? Заходите в Дом Жизни! Вы встретитесь с дидактором Монкуром и познакомитесь с его замечательными методами!

Он дотронулся до кнопки, и низкий рокочущий звук наполнил воздух. Его высота и громкость постепенно нарастали:

— Слоп! Слоп! Приходите в Дом Жизни! Предоставьте возможность дидактору Монкуру проанализировать ваше будущее! Ознакомьтесь с его методами! Только один флорин за вход в Дом Жизни!

Высота звука все увеличивалась, переходя в вой, пронзительный свист, и, наконец, звук перешел предел слышимости, оставив после себя ощущение неуверенности, нестабиль-

ности. Но зато голос человека в медной маске, напротив, вселял уверенность и спокойствие.

— У каждого человека есть мозг, и он одинаков у всех людей. Но почему есть Бруды, Веджи, Серды, Вержи и Амаранты?

Он наклонился вперед и заговорил тихо, доверительно:

— Секрет жизни — техника. Дидактор Монкур обучает технике жизни. Разве бесконечность не стоит флорина?

Некоторые прохожие отдавали свои флорины и заходили в Дом. Постепенно он наполнился посетителями.

Человек в медной маске сошел с возвышения. Кто-то схватил его за руку. Человек резко повернулся, и схвативший испуганно отскочил.

— Вэйлок! Ты испугал меня. Это я, Бэзил.

— Вижу, — кротко ответил Гэвин Вэйлок.

Это в самом деле был Бэзил Тинкоп, коротенький, толстый, разодетый, как сказочная птица: ярко-желтый пиджак отделан зелеными металлическими полосами, красно-серые платины закрывают ноги, черные перья колышутся вокруг лица, как лепестки. Если Бэзил и заметил недружелюбие Вэйлока, то счел возможным проигнорировать его.

— Я ждал, что услышу о тебе, — сказал Бэзил. — Я был уверен, что наша последняя беседа...

Вэйлок покачал головой.

— Я не хочу быть замешанным в такое дело.

— Но твое будущее, — запротестовал Бэзил. — Это же парадокс, что ты уговариваешь других позаботиться о своем будущем, а сам остаешься гларком.

Вэйлок пожал плечами.

— Всему свое время.

— Всему свое время! А проходят драгоценные годы, и твой слоп остается плоским.

— У меня свои планы. Я пока готовлюсь.

— А другие уходят вперед!

— Хочешь, я открою тайну? Ты никому не скажешь ни слова?

Бэзил обиделся.

— Разве я когда-нибудь давал повод сомневаться за семь лет...

— Один месяц короче семи лет... Через месяц я буду регистрироваться в Бруды.

— Я рад слышать это. Идем выпьем по стакану вина за твое решение.

— Мне нужно присматривать здесь.

Бэзил покачал головой и при этом пошатнулся. Стало ясно, что он пьян.

— Ты удивляешь меня, Гэвин. Семь лет... и вот...

— Почти семь лет.

Бэзил удивленно моргнул.

— Семью годами больше или меньше... Ты все равно удивляешь меня.

— Каждый человек — загадка. Я стараюсь быть проще.

Бэзил пропустил это мимо ушей.

— Приходи к нам в Балиасский Паллиаторий. — Он наклонился к Вэйлоку, и перья скользнули по маске. — Я пытаюсь разработать новый метод лечения, — сказал он доверительно. — Если все будет хорошо, то крутой слоп мне обеспечен. Мне хотелось с тобой расплатиться, хотя бы частично.

Вэйлок рассмеялся. Маска отозвалась глухим эхом.

— Самый маленький из долгов, Бэзил.

— Ничего подобного! — вскричал Бэзил. — Если бы не ты, где бы я сейчас был? На борту «Ампродекса».

Вэйлок пренебрежительно махнул рукой. Семь лет назад они с Бэзилом служили на корабле «Ампродекс». Капитан корабля Хеснер Уэлси был огромным мужчиной с большими черными усами и нравом носорога. Он был Веджем, и все его усилия пройти в Серды были тщетны. Целых десять лет он был Веджем. Это не принесло ему никакого удовлетворения, и он постоянно находился в состоянии раздражения и недовольства. Когда корабль вошел в устье реки Шант и перед матросами возникла громада башен Мерсер, Хеснер Уэлси впал в помешательство. Он схватил топор, разрубил пополам вахтенного офицера, разгромил кают-компанию и стал пробиваться к реактору, намереваясь уничтожить блок защиты реакции и взорвать корабль. Никто не мог остановить его. Перепуганная команда попряталась. Вэйлок, преодолев страх, попытался подкрасться к капитану сзади, но вид сверкающего топора вселил в него ужас. Он увидел, как из каюты вышел Бэзил, осмотрелся, подошел к капитану, который замахнулся топором. Бэзил увернулся от первого удара и стал говорить с капитаном тихо, доверительно. Уэлси выронил топор, тупо уставился на Бэзила, и тут его помешательство перешло из буйной фазы в коллапс. Капитан упал на палубу в глубоком обмороке. Вэйлок вышел из укрытия, глядя на капитана.

— Не знаю, как тебе это удалось, но это чудо. — Он улыбнулся. — Ты сможешь быстро возвыситься, работая с психическими больными.

Бэзил с сомнением посмотрел на него.

— Ты серьезно?

— Абсолютно.

Бэзил вздохнул и покачал головой.

— Вряд ли.

— Тебе нужны только пронырливость и нахальство. И везение, — ответил Вэйлок.

— Я попытаюсь.

Он попытался, и через пять лет стал Веджем. Его благодарность Вэйлоку была безграничной. И сейчас, стоя перед Домом Жизни, он хлопнул Вэйлока по спине.

— Приходи в Паллиаторий посмотреть на меня. Ведь я ассистент психиатра. Мы поможем тебе начать свой слоп. Сначала, конечно, ничего особенного, но затем ты сможешь развить успех.

Вэйлок сардонически рассмеялся.

— Служить помешанным? Это не для меня, Бэзил. — Он снова поднялся на возвышение и снова символы бесконечности закружились вокруг его головы. Его голос зазвенел медью. — Повышайте свой слоп! Дидактор Монкур держит ключи жизни! Читайте его трактаты, пейте его тоники, делайте то, что советует он! Слоп! Слоп! Слоп!

3.

Слово «слоп», которое буквально означает «наклон», имело в те времена особый смысл. Слоп служил мерой положения человека в обществе. В этом слове отражалось прошлое человека, предугадывалось его будущее. Короче говоря, слоп — это угол наклона линии жизни человека, производная от его положения в обществе в зависимости от возраста.

Началом этой системы послужил Фез-Плей-Акт, который возник триста лет назад во времена Мальтузианского Хаоса. ФПА был продиктован ходом человеческой истории. Когда число болезней и смертей значительно сократилось в результате повышения эффективности методов лечения, население Земли стало удваиваться ежегодно. При такой скорости через три столетия люди покрыли бы Землю слоем в пятьдесят футов толщиной. Теоретически проблема была разрешима: контроль за рождаемостью, систематическая пища для стерилизации определенной части населения, освоение пустынь... Но в мире, где жили люди, имеющие тысячи национальных и религиозных предрассудков, теория была бессильна. Даже когда объединенный институт разработал специальную технику, которая впоследствии завоевала весь мир, начались первые выступления недовольных. Начался век Мальтузианского Хаоса, приближался Большой Голод. Вся земля была охвачена этим хаосом. Разгорались небольшие, но жестокие войны. Города подвергались грабежам и поджогам, миллионы людей бродили по земле в поисках пищи, слабые не выжива-

ли, количество трупов превосходило количество живых. Но разгоревшийся пожар погасил сам себя. Население Земли сократилось на три четверти. Расы и национальности смешались, политические различия стерлись, государства исчезли, чтобы возродиться в виде экономических районов.

Одним из таких районов стал Кларжес с окрестностями. Он пострадал сравнительно мало и стал цитаделью цивилизации. Кларжес предусмотрительно закрыл свои границы, установив там электрический барьер, и сотни тысяч обгорелых трупов валялись вдоль границ. Это породило у кочевых народов легенду о кровожадности жителей Кларжеса.

В Кларжесе находился объединенный институт, где велись исследования жизни человека. Ходили слухи, что в институте открыли тайну долгожительства. Слухи были недалеки от истины. Конечный результат исследований института был вечная жизнь.

Жители Кларжеса были охвачены гневом, когда об этом объявили публично. Неужели забыт Большой Голод? Они стали протестовать. Разрабатывались сотни планов, призванных избавить мир от новой угрозы. Постепенно был обнародован ФПА, который завоевал всеобщее одобрение. По этому плану право на повышенную продолжительность жизни имел только тот, кто проявил себя на службе обществу. Были учреждены пять филов или пять уровней общественной значимости: основной, второй, третий, четвертый и пятый. Основной — это Бруды, второй — Веджи, третий — Серды, четвертый — Вержи. Пятая группа образовала Общество Амарантов. ФПА тщательно разработал условия перехода из фила в фил. Ребенок рождался вне фила. В любое время после шестнадцати лет он мог зарегистрироваться как Бруд и таким образом обязывался подчиняться правилам ФПА. Если он не хотел регистрироваться, то жил обычной жизнью до среднего возраста в восемьдесят два года. Это были гларки, имеющие минимальный социальный статус.

ФПА устанавливал продолжительность жизни Брудов такую же, как у гларков — восемьдесят два года. Достигшие степени Веджей имели право на медицинскую обработку, предупреждающую старение, и получали лишние десять лет жизни. Серды — двадцать шесть лет, Вержи — сорок шесть лет. Те же, кто достигал ступени Амарантов, получали неограниченную жизнь.

К этому времени население Кларжеса приблизилось к двадцати миллионам человек при установленном максимуме в пятьдесят миллионов. Однако предполагалось, что очень скоро этот максимум будет достигнут. И тогда возникнет новая проблема — что делать с человеком, достигшим установ-

ленного срока жизни? Эмиграция? Это не решение проблемы. Кларжес ненавидели во всем мире. Любой, выехавший за его пределы, рискует жизнью. Тем не менее офицеры эмиграции были приглашены в Пританеон обсудить эту проблему.

Офицеры сделали свое заявление на сессии Пританеона, в котором подчеркнули, что в мире сейчас существует пять районов, где поддерживается более или менее сносная цивилизация: Кипр, Су-Вентр, Империя Гондвана, Сингали и Новый Рим. Но ни один из этих районов не разрешает эмиграцию, разве что в приграничные области. Кларжес мог бы расширить свои границы силой оружия. Но это, теоретически, означало бы, что когда-нибудь настанет момент, когда Кларжес завоюет весь мир и останется лицом к лицу со своей проблемой.

Пританеон угрюмо выслушал это заявление, а затем потребовал изложения плана ФПА. После этого службе эмиграции было вменено в обязанность насильственно лишать жизни тех, кто достиг разрешенного законом возраста...

Конечно, такое решение не прошло гладко. Противники говорили об аморальности такого решения, но им указывали на опасность перенаселения. Сторонники подчеркивали, что каждый имеет право выбора — или жить нормальной жизнью и умереть своей смертью, или попытаться и, возможно, выиграть высший фил, обеспечив себе большую продолжительность жизни. Но при этом человек берет на себя обязательство добровольно отказаться от жизни, когда истечет срок. В любом случае человек не теряет ничего, но зато имеет возможность выиграть самое ценное сокровище.

ФПА стал законом. Почти все люди зарегистрировались в Бруды. Достигнуть фила Ведж было нетрудно — особенно на первых порах. Достаточно было заниматься обычной общественно-полезной деятельностью. Подняться выше было сложнее, но вполне возможно для тех, кто обладал способностями выше среднего. Новая система послужила стимулом, и таких людей стало больше. Появились предпосылки для вступления Кларжеса в Золотой век. Бурно развивались науки, искусство...

Проходили годы, и ФПА модифицировался. Теперь награда для каждого фила варьировалась в зависимости от деятельности человека за каждый год, количества людей, имеющих этот фил, количества гларков и множества других факторов.

Для подсчета награды для каждого члена фила по этой сложной системе был сконструирован компьютер — Актуриан. Он, кроме расчетов, печатал карты жизни по требованию человека, где изображался слоп его жизни, по наклону которого можно было судить, приближается ли человек к гори-

зонтальной границе следующего фила, или же он быстро достигнет вертикальной линии — терминатора, означающего конец жизни. Если слоп пересекает терминатор, то офицер эмиграции и его люди выполняют мрачную обязанность, возложенную на них ФПА. Это безжалостно, но необходимо.

Система, конечно, не была лишена недостатков. Все мыслящие люди стремились работать только в тех областях, где было наиболее вероятно получить ощутимые результаты. Новыми, малоизученными проблемами многие старались не заниматься. В искусстве тоже почти все шли проторенными путями, стараясь побыстрее добиться результата. Так что всем неизвестным, необычным занимались только гларки, не думающие о карьере.

Непрерывная борьба за восхождение по общественной лестнице изнуряла нервную систему людей, и психбольницы были переполнены теми, кто решил удалиться в нереальный мир.

Жители Кларжеса с безудержной энергией боролись за повышение своего слопа. Каждая минута человека была посвящена работе или изучению техники достижения цели. Хобби и спорт были заброшены, общественно-полезная деятельность отошла на второй план. И если бы не клапан, которым являлся Карневаль, где можно было на время забыться и отдохнуть, мало кто выдержал бы изнурительную борьбу и сошел бы с ума. В карневаль каждый человек приезжал один или два раза в месяц. Здесь затуманенный работой мозг мог найти отдых. Здесь человек давал волю эмоциям. Здесь он мог не думать об основной цели своей жизни.

В Карневаль изредка приезжали и Амаранты, одетые в роскошные костюмы. Неузнаваемые под своими масками, они могли забыть о зависти, которая владела всеми остальными, когда они видели этих счастливчиков...

4.

В Карневаль приехала и Джакинт Мартин, ставшая три года назад Амарантом и прошедшая обновление три недели назад.

Джакинт Мантин трижды поднималась из Брудов: сначала как специалист по средневековым инструментам, затем как концертирующая флейтистка и, наконец, как музыкальный критик. Трижды линия ее жизни круто устремлялась вверх и трижды она возвращалась обратно к горизонтали.

В возрасте сорока восьми лет она мужественно расширила сферу своей деятельности и стала заниматься историей музыкальной культуры. Это помогло ей в возрасте пятидесяти

четырех лет стать Веджем. За оригинальные исследования в области музыкальной символики она перешла в Серды в возрасте шестидесяти семи лет. Ее назначили ассистентом в Картербургский университет, но через четыре года она сама стала сочинять музыку. «Древний Греаль» — насыщенная страстью оркестровая сюита, полностью отражающая особенности ее незаурядной натуры, подняла ее в Вержи в возрасте девяноста двух лет.

Затем на тридцать лет она отошла от активной деятельности, разыскивая новые стимулы, которые дали бы ей возможность перейти в Амаранты.

Она всегда интересовалась загадочной культурой королевства Сингали и, несмотря на почти неустранимые препятствия, на грозные опасности, она решила провести один год в Сингали.

Она тщательно готовилась к этому, изучила язык, обычаи, ритуалы, подготовила одежду, выкрасила кожу. Правительство выделило ей воздушный шар, и она вылетела за пределы Кларжеса в варварскую страну, где жизнь ее подвергалась постоянной опасности.

В Канасте она объявила себя колдуньей и, пользуясь последними научными достижениями, заработала себе прочную репутацию. Знатные лорды Гондваны предложили ей посетить их пиратскую империю, и она с благодарностью приняла приглашение. Намеченные планы она быстро выполнила, но, очарованная гондванскими художниками, их своеобразным видением мира, провела там четыре года. Многие аспекты жизни в Гондване показались ей неприличными — особенно равнодушие к людским страданиям. Она была очень эмоциональной женщиной, чувствительной, и в течение всего времени пребывания за границей Кларжеса находилась в состоянии крайнего отвращения. В Торренге она случайно присутствовала на церемонии Большая Ступа. Все увиденное внушило ей такой ужас, что она бежала из Гондваны и вернулась в Кларжес в шоковом состоянии.

Шесть месяцев спокойной жизни вернули ей душевное равновесие, и следующие шесть лет были для нее весьма продуктивны. Она опубликовала книгу «Гондванское искусство», много эссе по гондванской музыке, подводным королевским садам, ритуальным танцам на склоне горы Валакунен, и в возрасте ста четырех лет стала Амарантом.

После обновления она превратилась в очаровательную девятнадцатилетнюю девушку, более или менее похожую на нее саму в этом возрасте.

Новая Джакинт действительно была девятнадцатилетней, но опыт ее и знания были накоплены за сто четыре года. В

новой Джакинт Мартин нельзя было найти ни одной черты характера, не присущей старой Джакинт. Да, она действительно осталась сама собой в новом обличье.

Джакинт получила прекрасное стройное тело. Пепельно-серые волосы блестящим каскадом спадали на очаровательные плечи. Несмотря на наивность, открытость взгляда, можно было угадать скрытые глубины ее натуры. Если сравнивать красоту женщины с цветком, то можно было сказать, что она находится в самой высшей точке расцвета.

Во время борьбы за достижение высшего фила ее сексуальные инстинкты были придавлены. Она еще никогда не была замужем, и теперь ей предстояло открыть для себя новые ощущения.

В этот вечер она надела серебряное платье, обтягивающее ее стройную фигуру, и поехала в Карневаль без какой-то определенной цели, не особенно задумываясь, что она будет делать там.

Она припарковала свой кар, проехала на пассажирском диске через прозрачный тоннель и очутилась в самом сердце Карневаля.

Яркие костюмы, веселый смех и возгласы, музыка, звучащая всюду, разнообразные запахи, яркие глаза, смотрящие из-под масок, ярко расцвеченные рты, руки и ноги, проделывающие гротесковые движения в танце, шелест одежды, сверкание красочных реклам. Все это был Карневаль! Он очаровал Джакинт. Ей оставалось только раствориться в нем, подчиниться его ритму, бездумно плыть по течению...

Она пересекла Конкур, прошла через Фоли Инкредибль в Малый Овал, опустилась по Аркадии-вэй, с интересом осматривая все вокруг.

Яркие цвета она воспринимала как звон колоколов. Она слышала гармонию цвета, ее обертоны, мягкие и взрывные, бьющие по нервам, возбуждающие в ее душе отклик. Она сама не ожидала такого эффекта. Она проходила мимо всех достопримечательностей Карневаля — Замка Истины, Голубого Грота, Лабиринта, Колледжа Эроса, где перед публикой демонстрировались технические приемы любви.

Перед нею разворачивалась игра реклам и ярче всех светилась реклама Дома Жизни. Человек в медной маске мощным голосом созывал публику. В ее мозгу вдруг вспыхнули тревожащие душу воспоминания о церемонии Большая Ступа: главный жрец, демонически красивый, таким же громовым голосом руководил стонущей в религиозном экстазе толпой верующих...

Джакинт остановилась послушать.

— Друзья, каков ваш слоп? — кричал Вэйлок. — Заходи-

те в Дом Жизни! Дидактор Монкур поможет вам! Бруд перейдет в Веджи. Веджи — в Серды. Серд — в Верджи. Верж — в Амаранта. Зачем жалеть час, если Монкур даст вам годы? Всего флорины, один флорин! Разве это много за вечность? — Голос его гудел, как медный колокол. — Увеличивайте свой слоп! Смотрите в будущее с надеждой! Всего флорин за вход в Дом Жизни!

Вокруг него собралась толпа. Вэйлок обратился к мужчине:

— Вот-ты, я вижу, Серд. Когда ты станешь Вержем?

— Я Бруд.

— Но ты должен быть Сердом! Зайди в Дом Жизни и через десять минут ты сможешь показать нос своим убийцам. А ты... — Это была женщина средних лет. — У тебя есть шанс пережить своих детей. Не менее сорока двух Амарантов обязаны своим возвышением дидактору Монкуру.

Вэйлок заметил прекрасную девушку в серебряном платье.

— О прекрасная леди! Ты хочешь стать Амарантом?

Джакинт рассмеялась.

— Меня это не интересует.

Вэйлок картинно развел руками.

— Нет? А почему?

— Может, потому, что я гларк.

— Сегодняшний день может оказаться поворотным пунктом в твоей жизни. Заплати флорин — и ты можешь оказаться Амарантом. И тогда ты возблагодаришь дидактора Монкура и его чудесный метод!

Облако голубого дыма вылетело из Дома Жизни и повисло над его головой.

— Заходи, если хочешь увидеть дидактора Монкура. Войти — это всего лишь минута и всего лишь флорин. Один флорин за продление твоей жизни.

Вэйлок спрыгнул с возвышения. Теперь он был свободен. Те, кто не вошли в Дом Жизни, уже не войдут туда. Он поискал глазами в толпе. Вот оно, серебряное платье. Он протолкался через толпу, пристроился к Джакинт.

Серебряная маска скрыла удивление на лице Джакинт.

— Неужели дидактор Монкур не пользуется популярностью, и тебе приходится выискивать клиентов в толпе? — Тон ее был легким, игривым.

— В настоящий момент я принадлежу себе. И так будет до завтрашнего вечера.

— Но ты только что говорил о Вержах, Амарантах... Какой тебе интерес к девушке-гларку?

— Самый простой. Ты очень красивая. Разве этого мало?

— Что можно увидеть под маской?

— Ты одна в Карневале?

Она кивнула и искоса взглянула на него, надеясь, что он не заметил этого.

— Я буду сопровождать тебя, если позволишь.

— О, я могу втянуть тебя в неприятности.

— Я не боюсь риска.

Они прошли по Аркадии-вэй и вышли на Беллармин-серкус.

— Сейчас мы на перепутье, — сказал Вэйлок. — Колохан выведет нас на Эспланаду. Малый Конкур вернет на Конкур, Рьяченда приведет в район Тысячи Воров. Куда ты хочешь?

— Мне все равно. Я приехала посмотреть.

— В таком случае, выберу я. Я здесь живу и работаю, но знаю о Карневале немногим больше тебя.

Джакинт заинтересовалась:

— Ты здесь живешь?

— У меня квартира в районе Тысячи Воров. Многие из работающих в Карневале живут там.

Она вопросительно посмотрела на него.

— Значит, ты Бербер?

— О нет. Берберы — деклассированные элементы. А я обычный человек, гларк, как и ты.

— И тебе никогда не надоедает это? — Она показала на оживленные толпы.

— Иногда до смерти.

— Тогда почему ты не живешь в Кларжесе? Это всего лишь в нескольких минутах лета отсюда.

Вэйлок взглянул вдаль.

— Я редко выбираюсь в Кларжес. Раз или два в неделю. Смотри, вот там большая Пиротека. Оттуда мы сможем увидеть сразу весь Карневаль.

Они прошли под аркой. Затем эскалатор привез их на посадочную площадку. Один из кометных автомобилей — Ультра-Лазурь — стремительно опустился на площадку. Из него вышли тридцать пассажиров и столько же вошли. Двери захлопнулись, и Ультра-Лазурь взмыл вверх, рассыпая за собой голубые искры.

Они летели низко, огибая башни и высокие здания. Затем взлетели так высоко, что Карневаль показался им не больше снежинки. Стремительный спуск — и вот они уже снова на посадочной площадке. Джакинт радовалась и щебетала, как ребенок, настолько ее восхитило и изумило воздушное путешествие.

— Ну а сейчас, — сказал Гэвин Вэйлок, — сверху вниз, из воздуха под воду.

Он провел ее по веренице лестниц в темный холл. Там они встали на низкий пьедестал, и прозрачный колпак накрыл их. Площадка дрогнула под ними, и они поплыли через темный канал. Вскоре они оказались в водном царстве, царстве голубого и зеленого цветов. Они плыли между коралловых башен, стоящих в садах из водорослей. Рыбы подплывали взглянуть на них, осьминоги вытягивали разноцветные щупальца. Вскоре они оказались над морской впадиной. Под ними не было ничего, только темная бездна.

Купол всплыл на поверхность, и они снова оказались в царстве людей, в царстве света, красок, звуков — в Карневале.

— Вот это Дом Снов, — сказал Вэйлок. — Опускаешься на диван и видишь много чудесного.

— Боюсь, что мне не нравится видеть сны.

— Тогда Дом Далеких Миров. Там ты можешь почувствовать себя на Марсе, Венере, дотронуться до Юпитера, Сатурна, пройтись по далеким мирам... А вот Холл Откровения. Там всегда очень интересно.

Они вошли в холл и очутились в большом зале, где не было ничего, кроме многочисленных трибун. За некоторыми из них стояли люди, самые разные — строгие, возбужденные, злые, истеричные... Каждый из них говорил, обращаясь к кучке своих слушателей. Слушатели тоже были разные. Одни слушали с любопытством, другие с благоговейным трепетом, третьи — равнодушно. Это были проповедники различных доктрин и религиозных культов. Один из них объявил себя не более и не менее как Маниту, второй говорил о тайнах Диониса, третий пробовал вернуться к поклонению силам природы, четвертый доказывал, что он Мессия, и требовал поклонения себе.

Вэйлок и Джакинт вышли на улицу.

— Они смешны и трагичны, — заметила девушка. — Хорошо, что есть место, где они могут высказаться перед слушателями, излить то, что на них давит изнутри.

— Весь Карневаль для этого и создан. Видишь тех людей? — Из одного дома выходили люди. Мужчины и женщины, по двое, по трое, покрасневшие и возбужденные. Некоторые хихикали, другие были бледны как смерть. — Они выходят из Дома Ощущений. Жутких ощущений. Это угроза... — он помолчал, подыскивая подходящее слово для замены слова «смерть», не принятого в Карневале, — ...угроза перехода. Они платят за страх. Они с криком ужаса падают с высоты 200-300 футов, но на мягкие подушки. В узком коридоре на них опрокидывается ковш с расплавленным металлом. Он падает так близко от людей, что искры прожигают

одежду. Человек в черном — имитация убийцы — заводит их в черную комнату, где стоит гильотина. И смертоносное лезвие останавливается в миллиметре от шеи. Люди выходят оттуда бледные от страха. Может, это и хорошо для нас — поиграть в неизбежность. Я не знаю.

— Этот Дом не для меня, — заявила Джакинт, передернув плечами. — У меня нет страха перед неизбежностью.

— Нет? — Он взглянул на нее сквозь прорези маски. — Ты так молода?

Она рассмеялась.

— У меня достаточно других страхов.

— В Карневале много Домов, способных принести забвение от любого страха. Ты боишься бедности?

— Я не хочу жить, как живут варвары.

— Может, ты хочешь стать богатой?

— Заманчивая идея.

— Тогда идем.

Заплатив по десять флоринов, они вошли в Дом. Здесь на них надели одежду, к которой были подвешены десять бронзовых колец.

— Каждое кольцо стоит флорин, — сказал служитель. — Как только вы войдете в коридор, начинайте воровать кольца друг у друга. Когда пройдет установленное время, включается свет, и вы идете получать деньги за украденные вами кольца. Можно выиграть, но можно и проиграть. Счастливого воровства.

Они вошли в полутемный коридор с зеркальными стенами, зашторенными нишами, альковами. Здесь царила атмосфера недоверия. Откуда-то из-за угла вдруг показывалась голова и исчезала, из-за шторы протягивалась рука и хватала кольцо. Свет начинал мигать и гаснуть. Тогда слышались мягкие шаги, шорохи, вскрики, шелест одежды... Наконец зазвенел звонок, и Вэйлок вышел к кассе. Здесь его уже ждала Джакинт. Вэйлок получил 12 флоринов за двенадцать колец.

— Мне повезло меньше, — сказала Джакинт. — У меня всего три кольца.

Вэйлок ухмыльнулся.

— Я украл два кольца для тебя.

Они вышли на улицу, зашли в маленькое бистро и выпили по бокалу фиолетового шампанского.

— Ночь началась! — воскликнул Вэйлок и широким жестом показал на город. — Карневаль!

Они пошли по набережной. На противоположном берегу реки высились башни Мерсера и другие здания Кларжеса. Город был строг и монументален, Карневаль же, напротив, был полон безумного веселья и страсти.

Повернув на Гранадиллу, они прошли мимо здания Астарты с его двадцатью сверкающими куполами, сделанными в виде гигантского мужского полового органа, хвастливо упирающегося в небо...

Сотни людей в масках и красочных костюмах шли по улицам, где в воздухе благоухал аромат цветов, где стояли скульптурные изображения демонов, ведьм и прочей нечисти. Вскоре они снова очутились на Конкуре.

Сознание Джакинт раздвоилось. Одна — меньшая часть ее — воспринимала все окружающее с холодной беспристрастностью, другая — большая — была захвачена ритмом жизни в Карневале. Она вся сконцентрировалась на ощущениях: глаза были широко раскрыты, нос жадно вдыхал чудесные ароматы. Она с готовностью смеялась любой шутке и охотно шла за Вэйлоком.

Они посетили дюжину Домов, попробовали множество напитков. Воспоминания Джакинт стали путаться, блекнуть, как краски на старой картине.

На одной из площадок игроки кидали копья в живых лягушек. Зрители бурно приветствовали каждый успех и осмеивали неудачников.

— Это противно, — сказала Джакинт.

— Зачем же ты смотришь?

— Не могу оторваться. В игре есть какая-то мрачная притягательность.

— Игра? Это не игра. Они делают вид, что играют. Им просто нравится убивать.

Джакинт отвернулась.

— Должно быть, это Вейрды.

— Может быть, каждый из нас немного Вейрд.

— Нет, — она энергично замотала головой, — только не я.

Они прошли до самой границы района Тысячи Воров, затем повернули назад и зашли в кафе «Памфилия».

Механическая кукла принесла им покрытые инеем стаканы с Санг де Диос.

— Это освежит тебя, и ты забудешь усталость.

— Но я не устала.

Он вздохнул.

— А я устал.

Джакинт наклонилась к нему.

— Но ты же сам говорил, что ночь только началась.

— Я выпью пару стаканов. — Он приподнял маску и выпил один. Джакинт с любопытством смотрела на него.

— Ты не назвал мне своего имени.

— В Карневале это не принято.

— О, скажи свое имя.

— Меня зовут Гэвин.

— А я Джакинт.

— Красивое имя.

— Гэвин, сними маску, — резко сказала девушка. — Дай мне увидеть твое лицо.

— В Карневале принято скрывать лицо под маской.

— Но моя серебряная маска совсем не скрывает меня.

— Только очень красивая девушка рискнет надеть такую маску. Для большинства вся прелесть в том, что нужно носить маску. В маске я в твоем воображении могу сойти за принца. Но если ее снять, я превращусь в обыкновенного человека.

— Мое воображение отказывается принимать тебя за принца. Сними маску.

— Потом.

— Ты хочешь, чтобы я подумала, что ты безобразен?

— Нет. Конечно, нет.

Джакинт рассмеялась.

— Ты разжигаешь мое любопытство.

— Нет. Считай меня жертвой обстоятельств.

— Как древних Туарегов?

Вэйлок удивленно посмотрел на нее.

— Не ожидал такой эрудиции от девушки-гларка.

— Мы оба весьма любопытная парочка, — сказал Джакинт. — А какой твой фил?

— Гларк, как и ты.

— А, — она кивнула. — Кое-что, сказанное тобой, заставило меня удивиться.

— Я что-то сказал? Что именно? — насторожился Вэйлок.

— Всему свое время, Гэвин. — Она поднялась. — А теперь, если ты выпил достаточно, чтобы прогнать усталость, идем отсюда.

— Идем, куда пожелаешь.

— Куда пожелаю?

— Да.

— Хорошо. Идем. — Она повела его по улице.

Где-то вдали колокол пробил полночь. Воздух стал гуще, цвета ярче, движения людей наполнились тайным смыслом, как будто они на ходу исполняли ритуальный танец страсти.

Вэйлок притянул к себе Джакинт. Рука его легла на гибкую талию.

— Ты чудо, — хрипло прошептал он. — Ты сказочный цветок.

— Ах, Гэвин, — сказала она. — Какой ты лжец.

— Я говорю правду.

— Правду? Что такое правда?

— Этого никто не знает.

Она резко остановилась.

— Мы можем узнать правду. Ведь здесь есть Замок Истины.

Вэйлок отшатнулся.

— Там нет истины. Только злобные идиоты, которые всех пачкают грязью.

Она взяла его за руку.

— Гэвин, ты сказал, что пойдешь туда, куда я пожелаю.

Вэйлок неохотно вошел с ней в широкие ворота. Их встретил служитель.

— Обнаженную правду или приукрашенную?

— Обнаженную, — быстро сказала Джакинт.

Вэйлок попытался протестовать, но Джакинт искоса посмотрела на него, и он сказал:

— Пусть так. Мне стыдиться нечего.

— Идем, Гэвин. Подумай только: ты узнаешь мое мнение о себе.

— Но ты увидишь меня без маски.

— Разумеется. Но разве ты не планировал это с самого начала? Не думал же ты целовать меня, не снимая маски?

Служитель провел их в альковы.

— Здесь вы можете раздеться. Повесьте бирки с номерами на шею. Возьмите микрофоны и говорите в них все, что думаете о тех людях, которые будут вам встречаться. Они в свою очередь будут говорить свое мнение о вас. На выходе получите печатный листок со всеми отзывами о вас.

Через пять минут Джакинт вышла в центральный холл. На шее у нее висела бирка с номером двести два, в руках — небольшой микрофон. Она была полностью обнажена.

Пол холла был покрыт толстым пушистым ковром, в котором приятно утопали ноги. Пятьдесят голых мужчин и женщин всех возрастов прогуливались по холлу, разглядывая друг друга.

Появился Гэвин Вэйлок с номером девяносто восемь. Он был скорее высокого, чем среднего роста, моложавый, хорошо сложенный. Волосы у него были густые, темные, глаза — светло-серые, лицо красивое, выразительное.

Он подошел к Джакинт, смело встретив ее взгляд.

— Почему ты так на меня смотришь? — спросил он.

Она отвернулась и посмотрела на людей в холле.

— Теперь нам нужно прохаживаться и демонстрировать себя.

— Люди всегда чертовски злы, — сказал Вэйлок. Он осмотрел Джакинт с головы до ног. — Но ты вне всякой критики.

Поднеся микрофон ко рту, он сказал несколько слов.

— Теперь мое впечатление о тебе на пленке.

Почти пятнадцать минут они прохаживались по холлу, перекидываясь короткими репликами. Затем вернулись в свои альковы и оделись. На выходе они получили сложенные листки с надписью: «Обнаженная правда». На листках были отпечатаны отзывы о них тех людей, с которыми они встречались. Джакинт начала читать. Сначала она нахмурилась, затем хихикнула, затем густо покраснела и скомкала листок. Вэйлок пренебрежительно взглянул в свой листок и тут же впился в него глазами:

«Это лицо знакомо мне. Но откуда я знаю его? Внутренний голос называет мне имя: Грэйвен Варлок! Но этот ужасный монстр осужден и передан убийцам. Кто же тогда этот человек?»

Вэйлок поднял глаза. Джакинт смотрела на него.

Глаза их встретились, и Джакин не выдержала — отвернулась.

Вэйлок аккуратно сложил листок, спрятал его в карман.

— Ты готова?

— Да.

— Тогда идем.

Глава вторая

1.

Грэвин Вэйлок выругал себя. Из-за этого красивого личика он забыл о своей бдительности, о которой не забывал все семь долгих лет.

Джакинт могла только предполагать, что происходит в голове Вэйлока. Маска скрывала его лицо, но руки судорожно сжимали листок, когда он его читал, и пальцы дрожали, когда складывал...

— Твое самолюбие ранено? — спросила Джакинт.

Глаза Вэйлока сверкнули из прорезей маски. Но когда он заговорил, голос его был спокойным.

— Легко. Давай посидим немного в «Памфилии».

Они перешли улицу и вошли в кафе, прячущееся в зарослях жасмина. Ощущение легкости у обоих исчезло. Каждый был погружен в свои мысли. Они уселись возле балюстрады в полуметре от прохожих. Служитель принес им бокалы с вином, и еще некоторое время они сидели молча.

Джакинт тайком поглядывала на медную маску, живо

представляя умное сардоническое лицо под ней. И в ее мозгу всплывал другой образ — образ жреца в Торренте. Он приходил к ней из прошлого прежней Джакинт и внушал ужас.

Джакинт содрогнулась. Вэйлок быстро посмотрел на нее.

— Замок Истины подействовал на тебя угнетающе? — спросила Джакинт.

— Я немного озадачен. — Вэйлок достал листок. — Послушай. — Он прочел запись, которая вызвала такую реакцию в его душе.

Джакинт выслушала без особого интереса.

— Ну и что?

Вэйлок откинулся на спинку кресла.

— Странно, что твоя память возвращается в те времена, когда ты могла быть не более чем ребенком.

— Я? — воскликнула девушка.

— Ты одна в Замке знала мой номер. Я незаметно от тебя перевернул бирку другой стороной.

Джакинт ответила звенящим голосом:

— Хорошо. Это сказала я.

— Тогда ты обманула меня, — сказал Вэйлок. — Ты не можешь быть гларком, так как семь лет назад ты была ребенком. И ты не Бруд. Но девушка твоего возраста, достигшая фила Ведж, уникальное явление. Значит, ты Амарант. Твоя исключительная красота подтверждает мою мысль. Такое совершенство не может быть создано только природой. Значит, твои гены подверглись модификации. Как тебя зовут?

— Джакинт Мартин.

— Я был прав в моих предположениях. Ты частично права в своих. У меня действительно лицо Варлока. Я его реликт.

2.

После того как человек вступает в Общество Амарантов, он подлежит перевоплощению, ему даруется вечная молодость. Из его тела экстрагируется пять клеток. После необходимой перестройки генной структуры клетки помещают в раствор нутриентов, гормонов и специальных стимуляторов, которые обуславливают быстрое прохождение клеткой всего цикла развития: от эмбриона до взрослого человека. В результате получают пять идеализированных копий прототипа. А когда в них вкладывают память прототипа, они становятся полными копиями.

Пока проходит цикл развития суррогатов, Амаранты уязвимы, как обычные люди, и они тщательно оберегают себя, не желая погибнуть по глупой случайности. Но после перевоплощения Амарант полностью независим от превратностей

жизни. Даже если Амарант гибнет в катастрофе, в жизнь вступает его следующая копия.

Однако бывали случаи, когда Амаранты гибли до полного развития суррогата. Такие суррогаты, внешне копии Амарантов, но без вложенной в них памяти, назывались реликтами. Они выходили в мир и жили обычной жизнью, отличаясь от остальных только своим бессмертием. Если суррогат хотел, то мог регистрироваться как Бруд, и бороться за повышение фила, так как несмотря на бессмертие, срок их жизни был ограничен рамками закона. Если они оставались гларками, то могли жить бесконечно, но постоянно опасаясь, что их обнаружат, и тогда они автоматически станут Брудами со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Гэвин Вэйлок оказался именно таким человеком — реликтом без памяти о прошлом и без опыта жизни своего прототипа. Джакинт Мартин, напротив, была суррогатом, получившим все от своего прототипа.

3.

— Реликт... — задумчиво произнесла Джакинт. — Реликт Грэйвена... Семь лет назад... Для реликта с семилетним стажем ты хорошо развит.

— Я очень способный, — отпарировал Вэйлок.

Джакинт отхлебнула из бокала.

— Грэйвен Варлок высоко поднялся в свое время. Чем он занимался?

— Журналистикой. Он основал газету «Кларжес Дирекшен».

— Припоминаю. Его соперником был Абель Мандевиль со своем «Кларионом».

— И его врагом. Они однажды встретились на Порфировой башне. Стали спорить, оскорблять друг друга, и Абель ударил Грэйвена. Тот ответил, и Абель упал с высоты тысячи футов на Картерхауз-сквер. — Горькие нотки появились в голосе Вэйлока. — Его объявили монстром, присудили к всеобщему презрению и выдали убийцам, когда его суррогаты еще только развивались. — Глаза его сверкнули. — Среди Амарантов такого не бывает. Смерть для них исключена. Если она и случится, то ненадолго. Через несколько недель новый суррогат продолжит его жизнь. И вот с Грэйвеном случилось такое... Его отдали убийцам, хотя он только что стал Амарантом.

— Ему бы следовало быть осторожнее до перевоплощения, — сухо заметила Джакинт.

— Но он был нетерпелив, импульсивен, он не мог долго

находиться в изоляции. И он не учел мстительности и вероломства своих врагов.

Джакинт заговорила строгим тоном:

— Существуют законы государства. То, что они иногда беспомощны, не умаляет их значения. Каждый, кто совершает чудовищный акт убийства, подлежит забвению.

Вэйлок ответил не сразу. Он поудобнее устроился в кресле, поиграл бокалом и пытливо на нее взглянул.

— Что ты теперь собираешься делать?

Джакинт допила вино.

— Мне не хотелось бы узнавать то, что я узнала. А теперь я не могу скрывать монстра.

Вэйлок перебил ее:

— Монстра нет! Грэйвен уже семь лет как предан забвению!

— Да, конечно! — кивнула Джакинт.

Круглое лицо в обрамлении черных перьев появилось над балюстрадой.

— О, это же Гэвин! Старый добрый Гэвин!

Бэзил Тинкоп ввалился на террасу и осторожно опустился в кресло возле их столика. Его птичий костюм был в полном беспорядке. Черные перья печально свешивались на лицо.

Вэйлок встал.

— Прости нас, Бэзил. Мы как раз собирались уходить.

— Не так скоро! Неужели я не могу тебя увидеть нигде, кроме как перед входом в Дом Жизни? — Бэзил заказал еще выпивки. — Гэвин, — обратился он к Джакинт, — мой самый старый друг.

— Да? Сколько же лет ты его знаешь?

Вэйлок медленно опустился в кресло.

— Семь лет назад мы выловили Гэвина из воды. Это был корабль «Ампродекс» с капитаном Хеснером Уэлси. Он потом чокнулся. Ты помнишь, Гэвин?

— Прекрасно помню, — напряженно ответил Гэвин. Он повернулся к Джакинт: — Идем...

Она взяла его за руку.

— Твой друг Бэзил заинтересовал меня. Значит, вы вытащили Гэвина Вэйлока из воды?

— Он уснул в воздушном шаре, и тот занес его в море.

— И это случилось семь лет назад? — Джакинт искоса посмотрела на Вэйлока.

— Что-то вроде этого. Гэвин может сказать точно. У него прекрасная память.

— Гэвин мало говорит о себе.

Бэзил важно кивнул.

— Посмотри на него: сидит, как статуя, под своей маской.

Они оба посмотрели на Вэйлока. В глазах Гэвина стоял туман, как после анестезии. Усилием воли он заставил себя выпить бокал. Алкоголь прояснил его мозги.

Бэзил тяжело поднялся.

— Простите меня. Небольшое дело. Умоляю, не уходите. — Он, пошатываясь, побрел по террасе.

Вэйлок и Джакинт смотрели друг на друга через стол.

Джакинт мягко заговорила:

— Семь лет назад Грэйвен Варлок был передан убийцам. Семь лет назад Гэвина Вэйлока выловили из воды... Но дело не в этом. Ведь монстр уничтожен...

Вэйлок промолчал.

Вернулся Бэзил и плюхнулся в кресло.

— Я уговариваю Гэвина бросить свое дурацкое занятие. У меня есть некоторое влияние. Я мог бы дать ему неплохой старт.

— Простите, — сказал Вэйлок. Он поднялся и направился в туалет.

Но по дороге он зашел в телефонную будку, дрожащими пальцами нажал кнопки набора. Вспыхнул экран. На нем появился черный круг.

— Кто вызывает? — спросил низкий голос.

Вэйлок показал лицо.

— А, Гэвин Вэйлок!

— Мне нужно говорить с Карлеоном.

— Он занят в музее.

— Соедините меня с Карлеоном!

Раздался щелчок, и на экране появилось круглое лицо. Черные как агаты глаза смотрели на Вэйлока с любопытством. Вэйлок изложил свою просьбу. Карлеон задумался.

— Я сейчас занят выставкой...

— Это подождет, — резко сказал Вэйлок.

Лицо на экране не изменило выражения.

— Хорошо. Две тысячи флоринов.

— Хватит и тысячи.

— Ты же богатый человек, Вэйлок!

— Хорошо. Две тысячи. Но побыстрее.

— Задержки не будет.

4.

Вэйлок вернулся к столу. Бэзил что-то горячо говорил Джакинт.

— Ты не понимаешь! Каждая индивидуальность — это круг. Как к нему может прикоснуться другой разум? Только в одной точке! В одной точке на окружности. Хотя на ней много точек, число их определяется количеством способнос-

тей человека, то есть оно равно числу точек, из которых разум способен воздействовать на внешний мир.

— О, — проговорила Джакинт, искоса поглядывая на Бэзила, — по-моему, ты все упрощаешь.

— Ха-ха! Ты не хочешь понять всю глубину моего метода. У каждого есть любимые точки приложения сил, в которых он действует успешнее всего. Я пытаюсь найти эти точки и заставить пациента направить свои силы именно в них. Однако сейчас я пошел дальше. У меня возникла новая идея. Если она сработает, то я смогу воздействовать на сам источник, который не позволяет человеку использовать свои силы на максимуме возможностей. Это будет громадный шаг вперед и выдающееся достижение. — Он замолчал, а потом добавил: — Прости, но весь этот разговор здесь не к месту.

— Напротив, — ответила Джакинт. — Она повернулась к Вэйлоку. — А ты как считаешь, Гэвин?

— Мы уходим?

Она улыбнулась, покачала головой, и Гэвин понял, что так и должно быть.

— Я остаюсь тут, Гэвин. Но ты устал и хочешь спать. Иди, отдыхай. — Ее улыбка перешла в смех. — Бэзил Тинкоп позаботится обо мне. Иди...

Она всмотрелась в проходящую толпу:

— Альберт! Денис!

Двое мужчин в роскошных костюмах остановились, посмотрели на балюстраду.

— Джакинт! Приятный сюрприз!

Они поднялись на террасу. Вэйлок нахмурился, сжал пальцы.

Джакинт представила вновь прибывших:

— Альберт Пондиферри, Денис Лестранж, Бэзил Тинкоп, а это... Гэвин Вэйлок.

Денис Лестранж был стройным и элегантным. Его светлые волосы были коротко пострижены. Альберт Пондиферри был смуглый, крепкий, со сверкающими черными глазами. Он ответил на приветствие со сдержанной корректностью.

Бросив хитрый взгляд на Гэвина, Джакинт сказала:

— Друзья, только в Карневале можно встретить поистине интересных людей.

— Да? — Они посмотрели с любопытством на Бэзила и Гэвина.

— Бэзил работает психиатром в Баллисском Паллиатории.

— Вероятно, у нас найдется много общих знакомых, — заметил Денис.

— А Гэвин Вэйлок... вам никогда не догадаться.

Вэйлок стиснул зубы.

— Я не буду и пытаться, — сказал Альберт.

— О, я попытаюсь, — Денис с любопытством рассматривал Вэйлока. — По телосложению — профессиональный акробат.

— Нет, — сказала Джакинт. — Думай дальше.

— Ну помоги, сделай хоть намек. Какой у него фил?

— Если я скажу это, то не будет и тайны, — ответила Джакинт.

Вэйлок едва сдерживал себя. Эта женщина была невыносима.

— Бессмысленное развлечение, — заметил Альберт. — Сомневаюсь, что Вэйлоку нравится эта игра.

— Я уверена, что совсем не нравится. Но игра имеет смысл. Однако, если вы...

В воздухе что-то прошелестело. Прошелестело так тихо, что услышал это только Гэвин. Джакинт вздрогнула, поднесла руку к плечу. Но укол был настолько мгновенен, что она ничего не поняла. Это могло быть локальное раздражение нерва.

Бэзил Тинкоп положил руки на стол, обвел всех взглядом.

— Должен сказать, что у меня разыгрался чудовищный аппетит. Кто разделит со мной омара?

Все отказались. Немного подумав, Бэзил поднялся.

— Я пройдусь по набережной и где-нибудь поем. А вообще-то пора идти домой. Это вы, счастливые Амаранты, можете не думать о завтрашнем дне.

Альберт и Денис церемонно пожелали ему спокойной ночи. Джакинт покачнулась в кресле. Она изумленно моргала, раскрыв рот, как будто ей не хватало воздуха.

Вэйлок встал.

— Я с тобой, Бэзил. Пора и мне домой.

Джакинт наклонила голова, с трудом дыша. Альберт и Денис с удивлением смотрели на нее.

— Что-нибудь случилось? — спросил Вэйлок.

Джакинт не ответила.

— Она слишком перевозбудилась, — заметил Альберт.

— Ничего страшного, — лениво ответил Денис. — Пусть расслабится.

Джакинт медленно опустила голову на руки. Ее пепельные волосы рассыпались по столу.

— Вы уверены, что ничего страшного? — спросил Вэйлок.

— Мы позаботимся о ней, можешь не беспокоиться, — ответил Альберт.

Вэйлок пожал плечами.

— Идем, Бэзил.

Выйдя из кафе, он обернулся. Джакинт не двигалась. Она лежала неподвижно. Альберт и Денис смотрели на нее, ничего не понимая.

Вэйлок глубоко вздохнул.

— Идем, Бэзил. Это не наше дело.

Глава третья

1.

Вэйлок чувствовал себя очень утомленным. Он расстался с Бэзилом возле ресторана.

— Я не голоден. Просто устал.

Бэзил хлопнул его по плечу:

— Не забывай о моем предложении. Я всегда смогу подыскать тебе место в Паллиатории.

Вэйлок медленно пошел по набережной. Уже занимался рассвет, и красочные огни Карневаля стали меркнуть. Редкие запоздавшие прохожие шли с усталыми глазами и утомленными лицами.

Горькие мысли теснились в мозгу Вэйлока. Семь лет назад его ярость оказалась губительной: Абель Мандевиль упал с башни. Сегодня, чтобы заставить замолчать женщину, вознамерившуюся погубить его, он совершил второе убийство. Теперь он дважды монстр. В те времена это слово означало конец человека. Ведь тот, кто приносил смерть — а слово «смерть» не было принято в Кларжесе — считался чудовищем, исчадием ада, монстром.

Однако Вэйлок никого не лишал жизни. Абель Мандевиль возобновил свое существование спустя несколько дней после гибели. Новая Джакинт тоже скоро появится. И он сам должен был исчезнуть насовсем семь лет назад. Ведь к тому времени его суррогаты еще не прошли полный цикл развития. Тогда он не упустил своего шанса. Он захватил воздушный шар и сбежал за границу Кларжеса. Убийцы не стали его преследовать. Ведь житель Кларжеса, попавший в руки варваров, погибал мучительной смертью.

Однако Вэйлок не погиб. Он обогнул Кларжес с юга, пересек пустыню, озеро Хук и очутился над Южным Морем. Там он обнаружил «Ампродекс», имитировал крушение, был подобран и зачислен в команду, чтобы оплатить свой проезд. Гэвин Вэйлок начал свое существование.

Вэйлок тщательно скрывался все эти годы. Только раз в неделю он покидал Карневаль, и то в маске, своем альтер-эго.

Жил он в районе Тысячи Воров, но даже в таком притоне никто и никогда не видел его без маски.

Самое плохое было в том, что, согласно законам города, оставался всего месяц до оправдания Грэйвена Варлока за давностью преступления. И тогда Гэвин Вэйлок смог бы начать новую карьеру под новым именем, не боясь никаких разоблачений.

Но еще не все потеряно. Он надеялся выпутаться из этой истории. Ведь новая Джакинт появится только через неделю или через две.

Вэйлок прошел по темным улицам, вошел в квартиру и лег спать.

2.

Через шесть часов неспокойного сна Вэйлок проснулся, принял ванну и сел завтракать. Он вспомнил события прошлой ночи, поморщился и постарался их забыть — только будущее стоит того, чтобы о нем думать.

Цель его была ясна. Он должен проложить себе путь наверх, снова пробиться в Общество Амарантов. Но как это сделать?

Грэйвен Варлок продвинулся на поприще журналистики. Он основал «Кларжес Дирекшен» и сделал его самым читаемым журналом. Но Абель Мандевиль сразу узнает своего старого врага. Нет, журналистику следует исключить как поле деятельности.

Наиболее часто повышают свои филы люди искусства: художники, музыканты, писатели, артисты. Но из-за этого в области искусства работает много людей, и пробиться там сложно.

Космолетчики тоже быстро получают высокие филы, но зато у них высокая смертность, и в количественном отношении число Амарантов-космолетчиков не выше, чем людей других профессий.

В течение первых пяти лет Вэйлок разрабатывал теорию, способы достижения успеха. Он понимал, что главное — это правильно выбрать точку приложения силы, поле деятельности. Но теперь он стал сомневаться, что этого будет достаточно. Можно всю жизнь стремиться к цели, много работать — и погибнуть в самом конце пути. Нет, чтобы быстрее добраться до заветного фила, гарантирующего бессмертие, нужно полностью освободиться от моральных ограничений, стать холодным и безжалостным по отношению к конкурентам. Общество не было милосердно к Грэйвену Варлоку. Он был принесен общественному мнению в жертву. Следова-

тельно, Гэвен Вэйлок ничем не обязан обществу и может воспользоваться им для достижения своих целей. В соответствии с новым ходом мыслей Вэйлок за последний год переработал свою теорию, перевел ее в план практических действий. Но пока еще не окончательный.

Он открыл записную книжку, стал читать. Знакомые мысли, выношенные годами...

Он захлопнул книжку.

Гэвин Вэйлок, гларк, мог бы жить вечно, если бы сумел избежать опознания. Но Грэйвен Варлок стал Амарантом. Гэвин Вэйлок тоже должен это сделать. Чем скорее он станет Брудом, тем скорее начнет путь в Общество Амарантов.

Глава четвертая

1.

Месяц прошел без происшествий. Вэйлок работал как всегда в Доме Жизни, делая еженедельные визиты в Кларжес по адресам, которые никто, кроме него, не знал. Прошел месяц, и с ним семь лет с тех пор, как Грэйвен Варлок покинул пределы Кларжеса. Теперь он по всем законам мертв. Значит, Гэвин Вэйлок может свободно ходить по улицам без медной маски, не опасаясь разоблачения. Грэйвен Варлок мертв. Зато Гэвин Вэйлок полон жизни и решимости бороться.

Он бросил работу в Доме Жизни, выехал из района Тысячи Воров и поселился в роскошной квартире на Фариот-вэй в Октагоне, в нескольких сотнях метров к югу от Мерсера, поблизости от Эстергази-сквер и Актуриана.

Утром он прошел по Алеманд Авеню, вышел на Олифант-стрит, прошел несколько кварталов и очутился на Эстергази-сквер. Далее он прошел по тенистым дорожкам сквера мимо кафе «Далмация» и оказался на площади перед Актурианом. Вэйлок зашел в кафе выпить чашку чая. На площади перед Актурианом всегда толпился народ. Люди жаждали знать, насколько они преуспели на жизненном пути, каков их слоп.

Вэйлок почувствовал волнение. Все семь лет он жил относительно спокойно, но регистрация в Актуриане изменит все. Он познает те же волнения и беспокойства, которые обуревали всех жителей Кларжеса.

Сидя в теплом уютном кафе, он подумал, не бросить ли все это. Но, допив чай, поднялся, решительно пересек площадь и вошел в Актуриан.

2.

Он подошел к стойке с надписью «Информатор». Служитель, бледный юноша с горящими глазами и тонкими бескровными губами, спросил:

— Чем могу быть полезен?

— Я хочу зарегистрироваться в Бруды.

— Заполните, пожалуйста, карту.

Вэйлок взял карту, вставил в щель кодирующего устройства, стал нажимать необходимые клавиши. Застрекотала машинка, отпечатывая вводимые данные, закрутилась магнитная лента.

К стойке подошла женщина средних лет. Лицо ее было полно тревоги, она старалась не смотреть на служителя.

— Чем могу быть полезен?

Женщина стала говорить, но речь ее прерывалась. Наконец она справилась с собой:

— Я относительно своего мужа. Его имя Эган Фортам. Я уезжала на три дня, а когда вернулась домой, мужа там не было. — Голос ее дрожал. — Может, вы поможете мне отыскать его.

Голос клерка наполнился участием. Он сам заполнил карту.

— Ваше имя, мадам?

— Голд Фортам.

— Фил?

— Я Ведж, школьный учитель.

— Имя вашего мужа?

— Эган Фортам.

— Его фил?

— Бруд.

— Его код?

— ИХД-995-ААС.

— Адрес?

— 2244, Клеобюри Курт, Уиблсайд.

— Минуточку.

Он опустил карту в щель машины, а сам занялся юношей лет восемнадцати, который, видимо, только что закончил Колледж и пришел регистрироваться в Бруды.

Защелкала машина. Клерк прочел ленту и повернулся к женщине.

— Миссис Фортам, вашему мужу Эгану Фортаму нанес визит убийца в 8.39 в прошлый понедельник.

— Благодарю, — прошептала Голд Фортам и понуро пошла к выходу.

Клерк печально склонил голову, затем снова поднял ее, приняв прежний лучезарный вид. Он взял карту Вэйлока.

— Прекрасно, сэр. Теперь положите сюда палец правой руки.

Клерк взял отпечаток пальца, бросил в щель.

— Необходимая проверка, сэр. Некоторые умники снова приходят регистрироваться, когда их слоп приближается к терминальному.

Вэйлок задумчиво потер подбородок. Сейчас он достанет его старую карту семилетней давности... Он ждал. Медленно тянулись секунды. Клерк рассматривал свои ногти. Наконец прозвенел короткий звонок. Клерк с изумлением посмотрел на экран, затем повернулся к Вэйлоку:

— Дубликат!

Вэйлок стиснул пальцами стойку. Клерк прочел:

— Идентично отпечатку Грэйвена Варлока, переданного убийцам. — Он посмотрел на Вэйлока, прочел дату. — Семь лет назад.

— Я его реликт, — сказал Вэйлок. — Я ждал семь лет, чтобы иметь возможность зарегистрироваться.

— О да, — сказал клерк. — Да, да. — Он надул щеки. — Тогда все в порядке. Ваш отпечаток не принадлежит ни одному живому человеку, а мертвые нас не интересуют. Мы редко встречаемся с реликтами.

— Нас мало.

— Да. — Клерк подал Вэйлоку металлическую пластину. — Ваш кодовый номер КАО-321-ЖСР. Если пожелаете узнать свою линию жизни, наберите кодовый номер на ЭВМ и прижмите палец к сенсору.

Вэйлок кивнул.

— Я понял.

— А сейчас пройдите в комнату С, там запишут ваш Альфа для телевекции.

В комнате С девушка завела Вэйлока в кабину, усадила в металлическое кресло. Сотрудник в белой маске надел на голову Вэйлока металлический шлем с полусотней электродов. Девушка подкатила тележку с черным ящиком, установила контакты размером с боксерские перчатки на висках Вэйлока.

— Мы делаем анестезию, — сказала она. — Тогда излучение вашего мозга будет четким и ясным. — Она положила руку на тумблер. — Это не больно, но ваш мозг на секунду онемеет.

Щелкнул тумблер, и сознание Вэйлока погасло. Потом он пришел в себя, не представляя, сколько же прошло времени.

Девушка сняла шлем, ласково улыбнулась.

— Благодарю, сэр. Первая дверь направо.

— Это все?

— Все. Теперь вы Бруд.

Вэйлок вышел из Актуриана, пересек площадь, снова занял место в кафе и заказал чай.

Возле Актуриана стояла железная клетка. В ней скорчившись сидела какая-то старуха. Это была Клетка Стыда. Старуху, видимо, бросили туда, пока Вэйлок был в Актуриане. Она нарушила правила Актуриана, и теперь, по древнему обычаю, была наказана.

За соседним столиком сидели двое мужчин — толстый и тонкий. Они обсуждали происходящее.

— Эта старая ворона, — сказал толстяк, — хотела обдурить Актуриан.

— Это теперь не редкость, — ответил собеседник. — Раньше эти клетки использовались не чаще раза в год. — Он покачал головой. — Мир изменился...

Вэйлок перестал слушать их, когда заметил прекрасную девушку, деловито идущую по площади. Серый плащ оттенял красоту ее фигуры, пепельные волосы развевались по ветру.

Это была Джакинт Мартин.

Она прошла совсем близко от кафе. Вэйлок привстал, но тут же одернул себя. Что он ей скажет?

Джакинт взглянула на него, как будто припоминая что-то, но ее мозг был занят другим. И в своем сером плаще, который ветер прижимал к ее стройным ногам, она исчезла за углом как прекрасное видение.

Вэйлок постепенно пришел в себя. Странное ощущение! Ведь для новой Джакинт он был незнакомец. Она же для него — всего лишь красивая женщина.

Вэйлок приказал себе не думать о ней. Главная забота сейчас для него — будущее. Он подумал о предложении Бэзила работать в Паллиатории.

Взгляд его привлекла кипа газет. Как и во все времена пресса Кларжеса обсуждала самые горячие темы жизни. Газеты могли помочь ему сделать выбор.

Вэйлок подошел к столу, просмотрел заголовки статей. При виде «Клариона» он горько усмехнулся. Затем он стал просматривать новости.

Несмотря на технические достижения, в Кларжесе было еще много недостатков. Люди не успевали за развивающейся техникой. Социологи с тревогой отмечали нарастающую волну самоиндуцированных переходов, попросту, самоубийств. Вэйлок читал дальше:

«Веджи вносят наибольший вклад в число таких исчезновений. За ними идут Серды и затем Бруды. Вержи и гларки наименее всего подвержены этому бичу нашего времени. Амаранты, естественно, не могут уйти из жизни, даже если и захотят».

Вэйлок задумался. Может, заняться методом выявления и наказания потенциальных самоубийц. Это может дать повышение фила...

Он стал читать дальше. Два Амаранта — Блэйд Дюкерман и Фиделия Бусби были закиданы гнилым виноградом в одной деревушке. Это случилось во время праздника. Толпа гнала их через всю деревню с криками и хохотом. Вмешались местные власти, но наказания не последовало. Все было объяснено обильными возлияниями жителей. Власти извинились, и извинения были приняты.

Интервью с дидактором Тальбертом Фальконе Вержем, выдающимся психопатологом.

«Дидактор Фальконе был... крайне обеспокоен нарастающим количеством умственных расстройств. Девяносто два процента больных в стране — это психические больные. Один человек из шести находится на учете в психдиспансере. Серьезнейшая проблема нашего времени, но ею никто не занимается, так как не видно путей ее решения — а значит, возможности повышения фила.»

Вэйлок перечитал параграф. Это же его собственные слова! Он стал читать дальше с интересом.

«Причина всех психических расстройств очевидна. Интеллигентный человек, много работающий, вдруг обнаруживает, что несмотря на все его усилия, слоп неотвратимо приближается к терминатору. Человек впадает в транс. Временами, при определенных обстоятельствах, он становится буйным и опасным для окружающих. Это самая характерная особенность нашего времени. И количество таких больных увеличиваться в связи с тем, что повышение фила становится все более и более трудным. Разве это не трагедия? Мы, познавшие тайны материи, покорившие межзвездное пространство, построившие роскошные дворцы до небес, и, наконец, уничтожившие время, мы, знающие и умеющие так много — все еще беспомощны, когда нам приходится иметь дело с человеческим мозгом!»

Вэйлок задумчиво положил газету. Он поднялся, вышел из кафе, пересек Эстергази-сквер и прошел по Рамбольд-стрит в Мерсер.

Вот его поле деятельности — и именно тут пролегает путь в Амаранты, именно здесь предлагает ему работу Бэзил, обещая поддержку. Разумеется, сначала ему будет трудно. Придется много учиться. Но Бэзил прошел через все это и теперь уже приближается к Сердам.

Вэйлок задумчиво шел дальше, дошел до башни Пелагис Индастри и поднялся на лифте на верхнюю площадку.

Вид был великолепный. Горизонт простирался на пятьде-

сят миль. Вэйлок видел реку Шант, Глэйд Каунти, Карневаль и даже далекое море. Внизу лежал город, извергающий низкие звуки, вверху сиял беззвучный купол неба. Вэйлок подставил лицо ветру, и радость охватила его. Кларжес! Блистательная цитадель цивилизации в море дикости и варварства. Он, Гэвин Вэйлок, уже раз вознесся над ним.

Он сделает это еще раз!

Глава пятая

1.

К северу от Мерсера река огибала Семафор Хилл и устремлялась в долину Ангелов. Затем она извивалась среди холмов Вандун Хайленд — самой красивой местности в Кларжесе. На северном холме расположился Баллиас, тоже красивое место, но менее престижное. Здесь в основном жили Вержи и Серды, а также богатые гларки, которые компенсировали отсутствие фила экстравагантным образом жизни.

Паллиаторий был расположен всего в полумиле от Риверсайд-Роад. Вэйлок вышел из сабвея на станции Баллиас, поднялся на поверхность и очутился перед Паллиаторием. Он прошел в приемную и спросил, где ему найти Бэзила Тинкопа, и был направлен на третий этаж в триста третий кабинет. Найти его оказалось несложно. На двери висела табличка:

БЭЗИЛ ТИНКОП
психиатр

и чуть ниже, более мелким шрифтом:

СЭТ КАДДИГАН
психотерапевт

Вэйлок вошел.

За столом сидел человек и работал. Он отчеркивал линии на листе бумаги. Вероятно, это и есть Сэт Каддиган. Он был высоким, но немощным, с костистым лицом, растрепанными рыжими волосами и чересчур длинным носом. Он нетерпеливо посмотрел на Вэйлока.

— Я хотел бы видеть мистера Бэзила Тинкопа.

— Бэзил на конференции. — Каддиган вернулся к работе. — Садитесь. Он скоро вернется.

Вэйлок не стал садиться, а подошел к стене, на которой

были развешаны фотографии. Это были групповые снимки, очевидно, персонал Паллиатория. Каддиган искоса наблюдал за ним. Внезапно он спросил:

— А зачем вам мистер Тинкоп? Может, я помогу вам? Вам нужно место в Паллиатории?

Вэйлок рассмеялся:

— Разве я похож на сумасшедшего?

Каддиган наблюдал его с профессиональной беспристрастностью.

— Словно сумасшедший не несет в себе научной информации. Мы, врачи, редко используем его.

— Вы ученый? — спросил Вэйлок.

— Считаю себя таковым.

На столе лежал лист, на котором было что-то изображено красным фломастером. Вэйлок взял лист.

— И художник, к тому же.

Каддиган взял лист, поднес его к носу, положил на стол.

— Этот рисунок, — ровно сказал он, — сделан пациентом. Он нужен для диагноза.

— А я думал, это ваша работа.

— Почему?

— В ней чувствуется что-то необычное...

Каддиган снова посмотрел на рисунок.

— Вы действительно так считаете?

— Да, конечно.

— Вероятно, у вас те же мании, что и у больного, рисовавшего это.

— А что это? — рассмеялся Вэйлок.

— Пациента попросили нарисовать его мозг.

Вэйлок заинтересовался:

— У вас много таких рисунков?

— Очень.

— Вы как-то классифицируете их?

Каддиган показал на какой-то прибор.

— Пытаемся с его помощью.

— А когда проведете классификацию, что тогда?

Каддиган явно не хотел отвечать. Наконец он сказал:

— Вы, конечно, знаете, что психология как наука развивается не так быстро, как другие науки.

— Я это предполагаю, — задумчиво сказал Вэйлок. — Психология привлекает мало талантливых людей.

Каддиган поморщился:

— Трудности заключаются в сложности нервной системы человека и отсутствии точных методов контроля. Уже набрано громадное количество материалов — например, диагностика по рисункам. — Он показал на лист бумаги. — Я над-

еюсь, что моя работа внесет небольшой вклад в это дело. Психология бурно развивается, но всегда наталкивается на основную трудность — сложность мозга и отсутствие точных методов. О, кое-что уже сделано. Можно вспомнить Амарантов Аброяна или Сашевского, Коннели, Мелларсона... Но, несмотря на это, Паллиатории полны больных, и наши методы лечения ничем не отличаются от методов во времена Фрейда и Юнга. — Он устремил на Вэйлока пронзительный взгляд: — Вы хотели бы стать Амарантом?

— Очень.

— Решите одну из двадцати основных проблем психологии — и вы на вершине славы. — Он склонился над столом, как бы говоря об окончании беседы. Вэйлок улыбнулся, пожал плечами и пошел по комнате.

Внезапно раздался пронзительный, леденящий душу вой. Вэйлок посмотрел на Каддигана.

— Старый добрый шизофреник, — сказал тот. — Наш хлеб.

Дверь открылась. Вэйлок повернулся. В дверном проеме стоял Бэзил Тинкоп в строгой серой униформе.

2.

Во второй половине дня Гэвин Вэйлок покинул Паллиаторий. Усевшись в воздушный кар, он полетел над городом. Солнце опускалось в оранжевый туман за Глэйд Каунти. Башни Мерсера горели в последних лучах солнца, затем погасли. В городе начали зажигаться огни. За рекой веселой россыпью засветился Карневаль.

Вэйлок думал о своем новом деле. Бэзил был несказанно рад, увидев его, и сказал, что Вэйлок сделал правильный выбор.

— У нас столько работы, Гэвин, горы работы!

Каддиган с легкой ухмылкой смотрел на восторги Бэзила. Он явно считал его дилетантом.

Сейчас главное, думал Вэйлок, овладеть терминологией, жаргоном. Однако нужно все время стараться избежать рутины, в которой запутались и застряли сотни его предшественников. Он должен досконально изучить это дело, подойти к нему критически, не поддаваясь никакому влиянию, абсолютно непредвзято. Он должен остаться в стороне от всех доктрин и теорий, однако четко понимать, что дает каждая из них.

А пока не представится возможность для повышения фила — или пока он сам не создаст ее, — он должен приобрести репутацию, которая поможет ему скидывать одного за другим тех, кто стоит выше его. Вверх к слопу! К дьяволу всякие предрассудки!

Он очутился в Флориандер Ден, в самом сердце Октагона, всего в трех минутах ходьбы от его квартиры.

Остановившись возле стенда новинок, он пробежал глазами индексы и выбрал две книги по психологии и организации психиатрических учреждений. Вэйлок нажал соответствующие кнопки, опустил флорин в щель и через минуту получил микрофильмы в целлофановых пакетах.

Вскоре он уже шел по Фариот-вэй. Все утреннее возбуждение у него пропало. Он устал и очень хотел есть. Придя домой, он поужинал и поспал пару часов.

Проснулся он, чувствуя себя маленьким, слабым, ничтожным. Он взял микрофильмы, устройство для просмотра и вышел на улицу.

Лениво брел он по Эстергази-сквер и по привычке завернул в кафе «Далмация». Площадь, темная и пустая, казалось, хранила эхо шагов тех, кто ходил по ней днем. Клетка Стыда все еще стояла на площади, и в ней сидела старуха. В полночь ее освободят.

Он заказал чай, кексы и стал работать.

Когда Вэйлок поднял глаза, он удивился, что в кафе столько народу. Время было одиннадцать часов. Он вернулся к чтению.

Без четверти двенадцать все столики были уже заняты. Мужчины и женщины были странно возбуждены и старались не смотреть в лицо друг другу.

Вэйлок больше не мог работать. Он посмотрел на темную площадь. Пусто. Но все знали, что Вейрды там.

Наступила полночь. Голоса в кафе притихли.

Клетка заколебалась. Старуха стиснула руками прутья, глядя на площадь. Вот дверь открылась, и старуха была свободна. Наказание кончилось.

Все приникли к окнам, затаив дыхание.

Старуха осторожно пошла вдоль фасада Актуриана по направлению к Бронз-стрит.

Камень упал на тротуар позади нее. Потом другой, третий... Ее ударило в бедро. Она побежала. Камни сыпались на нее из тьмы. Один, размером с кулак, попал ей в шею. Старуха пошатнулась, упала. Затем с трудом поднялась, проковыляла до угла и исчезла в ночи.

— Сбежала, — сказал чей-то голос.

Ему ответил другой:

— Ты сожалеешь об этом, значит, ты такой же, как и Вейрды.

— Вы заметили, сколько камней? Настоящий град.

— Вейрдов становится все больше.

— Вейрды, Визереры и остальные... Я не знаю, не знаю...

Глава шестая

1.

На следующее утро Вэйлок прибыл в Паллиаторий точно вовремя и с горечью подумал:

«Я похож на всех остальных трудолюбивых неудачников».

Бэзила Тинкопа не было, и Вэйлок представился Сэту Каддигану. Тот протянул ему бланк:

— Заполните это, пожалуйста.

Вэйлок просмотрел бланк, нахмурился. Каддиган рассмеялся:

— Если хочешь работать здесь, заполни.

— Но я уже принят на работу.

— Бланк нужно заполнить. Таковы правила, — терпеливо повторил Каддиган.

Вэйлок написал несколько слов, поставив прочерки против тех вопросов, на которые не хотел отвечать, и вернул бланк.

— Вот. Моя история жизни.

Каддиган просмотрел листок.

— Твоя жизнь кажется мне сплошным вопросительным знаком.

— Какая есть.

Каддиган пожал плечами.

— Здесь у нас наверху сидят люди, которые любят строго придерживаться правил. Твоя бумажка будет для них как красная тряпка для быка.

— Может, эти люди нуждаются в таком стимуляторе.

Каддиган строго взглянул на него.

— Люди твоего положения редко бывают стимуляторами, не пожалев об этом.

— Надеюсь, что я недолго буду в таком положении.

Каддиган спокойно улыбнулся.

— Уверен, что недолго.

Последовала короткая пауза, затем Вэйлок спросил:

— Ты когда-нибудь был в такой должности, как я?

— Нет. Я получил образование в Хорфройдском колледже. Два года проработал интерном в Мидоу Груп Хоум. Следовательно... — Каддиган посмотрел на свои руки. — Я был сразу принят на более интеллектуальную работу.

Он с сардоническим ожиданием взглянул на Вэйлока:

— Хочешь познакомиться со своими обязанностями?

— По крайней мере, мне любопытно.

— Отлично. Работенка не очень приятная. Иногда опас-

ная. Если причинишь вред пациенту, твой слоп понизится. Мы не имеем права на эмоции и жестокости — если, конечно, сами не сходим с ума. — Глаза Каддигана сверкнули. — А теперь, если ты пройдешь со мной...

2.

— Вот наша маленькая империя, — с иронией сказал Каддиган. Он прошел в зал, который чем-то напоминал Вйэлоку музей. По обеим сторонам зала стояли кровати. Все было выдержано в серо-белых тонах. Прозрачные пластиковые перегородки отделяли одну кровать от другой, образуя ряд стойл вдоль стен. Вследствие этого кровати в дальнем конце зала казались окутанными туманом. Пациенты лежали на спинах, вытянув руки вдоль тела. У некоторых были открыты глаза. Все это были мужчины, довольно молодые.

— Все тихо и спокойно, — сказал Каддиган. — Они в сильном коллапсе и даже не могут шевельнуться. Но иногда в мозгу кого-нибудь из них что-то происходит, и тогда он начинает извиваться, корчиться...

— Тогда он опасен?

— Это зависит от человека. Некоторые просто корчатся. Другие вскакивают на ноги и бегут по залу, уничтожая все на своем пути. Если, конечно, позволить им это. — Он угрюмо улыбнулся. — Посмотри... — Он показал на углубление в полу, куда входили ножки кроватей. — Как только пациент поднимается с постели, датчики давления вырабатывают сигнал управления, и специальное устройство закрывает дверь отсека. Пациент не может бежать и тогда начинает рвать простыни. Мы разработали специальный материал для постельного белья, которые рвется со страшным треском. Когда пациент истратит свою ярость на них, входим мы, успокаиваем его и укладываем в постель. — Он помолчал. — Но такие больные не самое страшное. Есть гораздо хуже. — Он посмотрел на потолок. — Там, наверху, крикуны. Они лежат тихо и неподвижно как статуи, но иногда издают вопли. Это трудно выдержать, ведь мы люди, а человеческий мозг очень чувствителен к звукам определенной частоты. — Он снова помолчал.

Вэйлок с содроганием смотрел на безжизненные лица больных. Каддиган продолжал:

— Я часто думаю, что если бы у меня был смертельный враг, я поместил бы его в палату крикунов, где он мог бы все слышать и не смог бы бежать оттуда. Через шесть часов он стал бы таким же, как они.

— Вы не используете седативы?

Каддиган пожал плечами.

— В отдельных случаях без них не обойтись, а в остальных мы работаем по указаниям психиатра, ведущего отделение. Здесь это дидактор Альфонс Клу. Дидактор Клу разработал курс лечения, в котором совершенно не используется телепатия, что, по-моему, неверно. Но я Бруд, а дидактор Клу за свой метод получил Вержа. Помощником Клу является Бэзил Тинкоп. У него тоже свои представления о лечении. Очень необычные. Он считает, что все известные методы лечения неправильны. Необходимо делать все как раз наоборот. Если, например, известно, что в определенных случаях истерии помогает массаж, Бэзил оборачивает пациента в мокрую простыню. Бэзил — экспериментатор. Он делает все, что хочет, без сомнений и колебаний.

— И какие результаты?

Каддиган поджал губы.

— Никому хуже не стало. Некоторым помогло... Но, конечно, Бэзил не знает сам, что делает.

Они пошли по центральному проходу: лица, разные лица, но выражение у всех одно: глубокая меланхолия и ни проблеска надежды.

— О Боже, — прошептал Вэйлок. — Эти лица... Они в сознании? Мыслят ли? Знают, что мы смотрим на них?

— Они живые. В какой-то мере мозг их функционирует.

Вэйлок покачал головой.

— Но ты не думай о них, как о людях, — сказал Каддиган. — Если ты будешь так думать, то ты пропал. Ты ляжешь рядом с ними. Для нас они только объекты, с помощью которых мы повышаем свой слоп. Идем. Я покажу, что тебе нужно сделать.

3.

Вэйлоку его обязанности показались отвратительными. Он должен был убирать, проветривать, кормить тридцать шесть коматозных пациентов, каждый из которых в любой момент мог стать буйным. Кроме того, в его обязанности входило вести записи и помогать Каддигану и Тинкопу.

Бэзил заглянул в зал в конце дня. Он был в прекрасном настроении и хлопнул Вэйлоку по спине:

— Ничего, Гэвин. Ты не слушай ворчание Сэта. Вообще-то он умный мужик.

Каддиган поджал губы и отвернулся.

— Полагаю, что мне пора пойти поесть. — Он коротко поклонился и пошел к выходу. Бэзил взял за руку Гэвина. — Идем, я покажу тебе кафе. Мы поедим и подумаем, чем тебе заняться.

Вэйлок взглянул в зал.

— А как с ними?

Бэзил усмехнулся.

— А что с ними? Куда они денутся? Что с ними может случиться? Они лежат как замороженные. А если взорвутся, то что? Из камеры не выйти. Разорвут простыни, уляжется пыл, и они снова будут спать.

Кафе размещалось в полусфере, прикрепленной к главному зданию. Из окон открывался великолепный вид на залитую солнцем долину. Столы в кафе были расставлены так, что все посетители сидели лицом к окнам. Бэзил провел Вэйлока к самому дальнему столу, причем выбор места, по-видимому, был сделан без определенного расчета. Посетители холодно отнеслись к их появлению.

Когда они сели, Бэзил кивком поздоровался с кем-то.

— Заметил, как они бесятся? — Вэйлок неопределенно хмыкнул. — Они знают, что я иду вперед. Я вытащил приз прямо у них из-под носа, и это их злит.

— Я думаю.

— Все эти, — Бэзил показал на посетителей, — погрязли в зависти и подозрениях. Они мне завидуют и сплетничают, как деревенские бабы. Сэт Каддиган тебе высказал свое отношение к моим действиям?

Вэйлок рассмеялся.

— Не совсем так. Он назвал их необычными и сказал, что они беспокоят его.

— Разумеется. Мы оба начинали с одного уровня. Но Сэт занялся тем, что принялся разрабатывать классические методы. Я же плюнул на них.

Принесли меню. Бэзил заказал латтук и крекеры, объяснив, что лучше себя чувствует, когда легко поест.

— Сэт трудится очень много, но больше работает над совершенствованием своих познаний, чем над совершенствованием психиатрии. Я же... экстравагантен. Так говорят они. Но в основном я прав. Наше общество — это самая стабильная структура в истории и у нее нет тенденции к изменению. Это причина всех психических заболеваний. Мы должны сражаться с ними яростно, сняв перчатки. — Вэйлок, занятый котлетой и кресс-салатом, кивнул. — Они говорят, что я экспериментирую с пациентами, как с морскими свинками, — пожаловался Бэзил. — Это не так. Я просто пробую разные системы терапии. И это могло бы осуждаться всеми, если бы не приносило результатов. Но... ха-ха, — засмеялся он, зажимая рот рукой, — к их великому огорчению, моим пациентам становится лучше. Некоторых я даже выписал. Кто

больше всех вызывает зависть, как не дерзкий и удачливый выскочка? — Он похлопал Вэйлока по плечу. — Я так рад, что ты со мной, старина! Кто знает, может, мы вместе пробьемся в Амаранты. Неплохая игра, да?

После ленча Бэзил провел Вэйлока в покои номер восемнадцать и оставил его. Вэйлок без особого энтузиазма пошел вдоль ряда кроватей, впрыскивая через кожух в кровь больных витамины и тонизирующее.

Он думал о больных. Тридцать шесть мужчин — и всех их сюда привел слоп. Никакой тайны не было в причине их психоза. Здесь они доживут до того момента, когда за ними придет черный лимузин.

Вэйлок шел, всматриваясь в пустые лица. У каждой кровати он спрашивал себя, как лечить этих несчастных?

Он остановился у постели, где лежал щуплый человечек с закрытыми глазами. Вэйлок прочел на табличке имя и фил. Олаф Джеремски, Ведж. Там были еще какие-то значки, но он их не понял.

Вэйлок коснулся щеки человека.

— Олаф, — мягко сказал он. — Проснись. Ты здоров. Олаф, ты здоров, ты можешь идти домой.

Лицо Олафа Джеремски оставалось таким же безжизненным. Ничто не шевельнулось в нем.

— Олаф Джеремски, — строго сказал Вэйлок, — твоя линия жизни пересекла горизонталь. Теперь ты Серд. Поздравляю, Олаф. Ты — Серд.

Лицо не изменилось. Глаза не двинулись. Но Вэйлоку показалось, что какое-то выражение промелькнуло на лице Олафа.

— Олаф Джеремски! Серд! Олаф Джеремски! Серд! — громовым голосом вскричал Вэйлок. — Олаф Джеремски, теперь вы Серд!

Но едва заметное проявление жизни на лице пациента снова скрылось под маской бесконечной меланхолии.

Вэйлок отошел, хмурясь, посмотрел на безжизненную маску. Затем снова склонился над Олафом.

— Жизнь! — прошептал он. — Вечная жизнь! Жизнь, жизнь!

Лицо оставалось меланхолически спокойным. Лишь глубокая печаль пришла откуда-то изнутри, но вот угасла и она, как последние лучи в небытие.

Вэйлок наклонился ниже.

— Смерть! — жестко произнес он. — Смерть, — самое страшное слово, запрещенное в языке. — Смерть! Смерть! Смерть!

Вэйлок посмотрел в лицо Олафа. Он оставалось спокойным, но из глубины на поверхность стало подкатываться что-то жуткое. Вэйлок отступил назад, не отрывая взгляда от лица.

Глаза Олафа внезапно открылись. Они поворачивались то вправо, то влево, затем зафиксировались на Вэйлоке. Глаза горели дьявольским огнем. Губы растянулись в зловещем оскале. В груди что-то заклокотало, рот открылся, и Олаф издал дикий вопль. Казалось, без всяких усилий он вскочил с кровати. Руки его потянулись к горлу Вэйлока, но тот успел отскочить. Спиной он ощутил металлические прутья клетки. Она автоматически захлопнулась.

Джеремски шел вперед, вытянув руки. Вэйлок крикнул, ударил по рукам — но это было все равно, что бить по стальным трубам.

Вэйлок изо всех сил оттолкнул Джеремски, схватился за прутья клетки и закричал:

— На помощь!

Джеремски снова бросился на него. Вэйлок пытался снова оттолкнуть его, но маньяк схватил его за пиджак. Вэйлок упал на пол, увлекая за собой Джеремски. Тот висел у него на спине, как клещ. Вэйлок перевернулся на спину и выскользнул из пиджака, оставив его в руках Олафа. Вэйлок бросился на кровать, взывая о помощи. Джеремски, дико хохоча, кинулся за ним. Гэвин юркнул под кровать. Джеремски остановился, чтобы изодрать пиджак в клочья, а затем заглянул под кровать. Вэйлок забился подальше, чтобы до него невозможно было достать. Джеремски бросился на кровать и попытался схватить Вэйлока с другой стороны, но Вэйлок успел откатиться на противоположную сторону. Началась смертельная игра. Джеремски, как кузнечик, прыгал с одной стороны кровати на другую, а Вэйлок перекатывался под кроватью.

Затем Джеремски замер. Вэйлок оказался в ловушке. Он не знал, куда ему откатиться: лежа в центре, он был в зоне досягаемости и с той, и с другой стороны.

Он услышал голоса, звуки шагов.

— Помогите! — завопил он, увидев ноги Сэта Каддигана. — Я здесь!

Ноги остановились возле клетки.

— Этот маньяк хочет задушить меня! — крикнул Вэйлок. — Я не могу сдвинуться с места!

— Спокойно, — сказал Каддиган. Появились еще чьи-то ноги. Клетка открылась. Джеремски завопил и бросился в коридор, но его тут же схватили, одели смирительную рубашку и уложили в постель.

Вэйлок выполз из-под кровати. Он встал, поправляя одеж-

ду, а Каддиган сделал впрыскивание больному. Тот вытянул руки вдоль тела и впал в коллапс. Каддиган повернулся к Вэйлоку, кивнул ему и вышел из зала.

Вэйлок бросился за ним, затем остановился, взял себя в руки и спокойно вышел. Каддиган сидел в кабинете и занимался бумагами. Вэйлок опустился в кресло, пригладил волосы.

— Довольно неприятное ощущение.

Каддиган пожал плечами:

— Тебе еще повезло, что Джеремски слабак.

— Слабак! Да у него руки, как железо! Я еще никогда не встречал такой силищи.

Каддиган кивнул, усмехнулся:

— Возможности маньяков чудовищны. Они разбивают все наши представления о механике человеческого тела. Но есть и другие феномены. — Голос его стал педантично монотонным. — Например, в древности были, да и сейчас существуют люди, способные ходить босиком по раскаленным углям.

— Да, я знаю.

— Я сам видел человека, который мог управлять полетом птиц, заставляя их лететь туда, куда хочет он. Ты можешь в это поверить?

— А почему нет?

Каддиган кивнул.

— Ясно одно: такие личности могут управлять такими силами в своем организме, которые мы даже распознать не можем. Олаф Джеремски становится в шесть раз сильнее, чем обычно. Но он еще довольно слабенький. У нас есть два силача — Максимилиан Герцог и Фидо Веделиус. — Улыбка искривила губы Каддигана. — Должен предупредить — а именно к этому я вел разговор, — что очень опасно возбуждать наших клиентов, какими бы мирными они ни казались.

Вэйлок промолчал. Каддиган откинулся на спинку кресла, сжал пальцы.

— Должен сказать, что на сегодня я блокирую твой лист прогресса и не выставлю высокий балл. Я не знаю, как ты попал сюда, да и знать не хочу.

Вэйлок открыл рот для ответа, но промолчал. Каддиган поднял руку.

— Может, ты считаешь Бэзила Тинкопа образцом для подражания? Если так, то получше планируй свои действия. А еще лучше — изучи секрет его поразительного везения.

— Я думаю, ты неправильно понимаешь ситуацию.

— Возможно, — насмешливо сказал Каддиган. — Но думаю, что ты и Бэзил — приверженцы того метода в психиатрии, который можно назвать методом Молота и Наковальни.

— Твой юмор весьма тонок.

Бэзил вошел в комнату, посмотрел на обоих.

— Этот старый шакал Каддиган снова скрипит? — Он прошел вперед. — Когда я впервые оказался здесь, мне постоянно приходилось выслушивать его. Я думаю, что пробился в Веджи только для того, чтобы избавиться от его нравоучений.

Каддиган промолчал, и Бэзил обратился к Вэйлоку.

— Значит, у тебя уже было боевое крещение?

— Чепуха, — ответил Вэйлок. — Теперь я буду осторожнее.

— Правильно, — сказал Бэзил. — Только так.

Сэт Каддиган встал.

— Прошу прощения, но у меня сегодня вечером занятия и я должен подготовиться. — Он поклонился и вышел.

Бэзил покачал головой и ехидно улыбнулся.

— Бедный Сэт, он с большим трудом воздвигает свой слоп. И набивает голову всякой чепухой. Сегодня... хм... сегодня лекция по поведению вирусов и хирургия при температуре абсолютного нуля. Завтра он будет изучать развитие эмбрионов. Послезавтра еще что-нибудь...

— Обширная программа.

Бэзил уселся в кресло, отдуваясь.

— Мир большой, и мы не можем все быть одинаковы. Твоя работа на сегодня кончилась. Можешь идти домой. Завтра у нас важный день.

— Я с радостью пойду, — сказал Гэвин. — Мне нужно кое-что почитать.

— О! Ты серьезно взялся за дело!

— Я буду наверху. В любом случае!

Бэзил поморщился.

— Только не вбивай это себе в голову слишком сильно, а то кончишь как они. — И он выразительно покрутил пальцем у виска.

— Нет. Это исключено.

Глава седьмая

1.

Вэйлок вошел в прихожую своей квартиры и осмотрелся с неудовольствием. Какая безвкусица! Он с сожалением вспомнил апартаменты Варлока в Подоблачной Башне. Это все его собственность. Но как можно предъявить права на нее?

Ему захотелось есть, но, просмотрев содержимое холодильника, он не нашел ничего, что соблазнило бы его. Он взял микрофильмы, прибор и вышел на улицу.

Обедая в ресторане, предназначенном для гларков, он думал о событиях прошедших дней. Ему припомнилась Джакинт, какой она явилась ему в Замке Истины — стройная, как тополь, грациозная, как котенок, неестественно прекрасная. И теплое чувство охватило его. Что он может сделать? Вряд ли ему следует говорить, что он был одним из последних, видевших ее живой в прежней ипостаси. Ведь тогда наверняка начнется следствие. И хотя его, Гэвина Вэйлока, трудно обвинить в чем-либо, лучше не касаться этого.

Чем же тогда заняться? Он подумал и отверг различные публичные развлечения. Ему хотелось дружеского общения, беседы. Кафе «Далмация»? Нет. Бэзил Тинкоп? Нет. Сэт Каддиган? Не самая дружелюбная по отношению к нему личность, но... Почему бы и нет?

Вэйлок, никогда не сопротивляющийся импульсам, пошел к телефону, нашел код Каддигана, нажал кнопки. На экране появилось лицо Каддигана:

— О, Вэйлок...

— Хэлло, Каддиган. Как занятия?

— Как обычно. — Каддиган держался настороженно.

Вэйлок сымпровизировал предлог для звонка.

— Ты не очень занят? Мне нужен твой совет.

Каддиган не проявил большой любезности, но пригласил Вэйлока к себе. Вэйлок сразу двинулся в путь. Каддиган жил в Воконфорде, восточном пригороде, который считался местом, где проживали представители богемы. Квартира Каддигана была выдержана в неопределенных тонах, разностильная мебель оживляла интерьер. Освещение исходило из шаров бледно-лимонного цвета, развешанных в разных углах. На стенах висели картины художников-дистортионистов, странные керамические фигурки стояли на низких книжных шкафах. Вэйлоку показалось, что на самом Каддигане появился налет эксцентричности.

К удивлению Вэйлока, у Каддигана была жена — высокая женщина, живая, доброжелательная, внушающая симпатию.

Каддиган представил ее как Пледж и сказал с нежностью:

— Пледж буквально выбила меня в Веджи. Сама она дизайнер и, вероятно, хороший.

— Дизайнер? — воскликнул Вэйлок. — Для меня это звучит, как...

Пледж улыбнулась:

— Как нечто древнее? Не смущайся. Все считают нас смешными. Но мы просто любим ощущать материал, форму... кстати, все древние предметы сделаны гораздо красивее, чем наши.

— Да, у вас в квартире необычно.

— Да, есть определенный стиль. Но сейчас я должна извиниться и покинуть вас. У меня много работы. Я делаю калейдохром.

Пледж с достоинством вынесла свое крупное тело из комнаты, а Каддиган проводил ее взглядом, полным гордости.

Он повернулся к Вэйлоку, рассматривавшему лист бумаги, исчерченный кривыми линиями слопа. Их было много, и все вместе они создавали довольно красивую картину.

— Это, — сардонически заметил Каддиган, — запись наших взлетов и падений. Беспощадно открытая биография. Иногда мне хочется стать гларком. Короткая, но счастливая жизнь. — Голос его изменился. — Ну, что тебя привело ко мне?

— Я могу надеяться на твою скромность? — спросил Вэйлок.

Каддиган покачал головой.

— Я не очень скромен. И не хотел бы быть таким.

— А если я хочу поговорить конфиденциально?

— Я ничего не могу гарантировать. Мне жалко, что приходится говорить это, но лучше, чтобы между нами не было непонимания.

Вэйлок кивнул. Его это устраивало, тем более, что у него и не было настоящего вопроса к Каддигану. — Тогда я, пожалуй, воздержусь от обсуждений своей проблемы.

Каддиган кивнул.

— Очень мудро. Впрочем, не требуется особого соображения, чтобы разгадать твою тайну.

— О Каддиган, ты все время впереди меня на несколько шагов.

— И намереваюсь оставаться впереди. Хочешь послушать, как я реконструирую твою проблему?

— Давай, попробуй.

— Дело касается Бэзила Тинкопа. Кроме меня, тебе никто не даст нужную информацию. Так вот, ты хочешь получить информацию о Бэзиле от того, кто стоит достаточно близко к нему. Ты же человек с амбициями и, к тому же, без всяких моральных принципов.

— Сейчас все такие, — сказал Вэйлок, но Каддиган пропустил его слова мимо ушей.

— Должно быть, ты спрашиваешь себя, как тесно ты должен связать свою судьбу с Бэзилом? Будет он возвышаться или падать? Ты хочешь возвышаться с ним, но падать вместе у тебя нет желания. Ты хочешь получить мою оценку будущего Бэзила. Когда я предложу тебе ее, ты выслушаешь, но свое мнение сохранишь при себе. Ты знаешь, что я представляю течение, в корне противоположное энергетическому

прагматизму Бэзила. Тем не менее ты считаешь меня честным человеком и надеешься получить объективную оценку. Я прав?

Вэйлок шутливо покачал головой.

Губы Каддигана искривились в усмешке.

— Теперь, когда мы покончили с формальностями, я хочу предложить тебе чашку чая.

— Благодарю, — Вэйлок откинулся в кресле. — Каддиган, почему у тебя такая неприязнь, предубеждение ко мне?

— Неприязнь — не то слово. Предубеждение лучше, но тоже не точно. Я чувствую, что ты не искренний психиатр. Ты прицел сюда не для того, чтобы лечить людей, а для того, чтобы воздвигнуть свою карьеру. Но уверяю тебя, в данной области это совсем не просто.

— А как же Бэзил?

— Везение.

Вэйлок сделал вид, что задумался.

Каддиган заговорил:

— Хочешь, я скажу тебе то, о чем ты даже не догадываешься?

— Ради Бога.

— Бэзил легко может ввести в заблуждение. Сейчас он излучает оптимизм и довольство. Но если бы ты видел его до того, как он стал Веджем! Он был погружен в черную меланхолию и чуть сам не стал нашим пациентом.

— Я понятия не имел об этом.

— Про Бэзила я могу сказать одно: он вполне искренне хочет улучшить мир. — Каддиган коротко взглянул на Вэйлока. — Он вылечил девять пациентов. Это очень неплохо, но у него наивная мысль, что если он интенсифицирует свою терапию, то излечит девятьсот пациентов. Но его случай, как перец в пище: немного перца улучшает вкус, а если пищу переперчить, то она становится несъедобной.

— Значит, ты считаешь, что его успехи позади?

— Разумеется, случиться может всякое.

— А что у него за методы лечения?

Каддиган пожал плечами.

— Перец в пище.

В комнату вошла Пледж, звеня браслетами, одетая в черно-красно-коричнево-золотое сари и в невообразимые красные сандалии с изумрудно-зелеными пряжками.

— А я думал, — сухо заметил Каддиган, — что ты занимаешься докладом. Или это и есть калейдохром?

— Нет, конечно. Но у меня возникла идея, и мне тут же захотелось проверить ее на практике.

— Бабочка никогда не думает о своем слюне.

— О слоп! Плевать на него.

— Ты заговоришь по-другому, когда я стану Сердом.

Пледж подняла глаза к нему.

— Иногда я жалею, что ввязалась в эту гонку. Кому хочется стать Амарантом?

— Мне, — ухмыльнулся Вэйлок. Он заметил, что понравился Пледж. Но еще более обрадовался, когда увидел, что это беспокоит Сэта.

— Мне тоже, — сухо заметил Каддиган. — И тебе, что бы ты ни говорила.

— Я говорю правду. Раньше люди боялись смерти...

— Пледж! — воскликнул Каддиган и глазами показал на Вэйлока.

Пледж стиснула руки со звенящими браслетами.

— Не будь идиотом. Ведь мы смертны, за исключением Амарантов.

— Вряд ли хорошо говорить об этом.

— А почему бы и нет? Почему бы нам не говорить о том, как все обстоит на самом деле?

— Обо мне не думайте, — сказал Вэйлок. — Считайте, что меня здесь нет.

Пледж опустилась в кресло.

— У меня есть теория. Хотите выслушать ее?

— Конечно.

— Пледж, — предостерегающе проговорил Каддиган, но Пледж проигнорировала его.

— Главная причина того, что в Паллиаториях много пациентов, — это постоянная необходимость сдерживать себя, придавливать свои эмоции.

— Чепуха, — заявил Сэт. — Я психиатр и утверждаю, что это не имеет ни малейшего отношению к психическим расстройствам. Пациенты — жертвы страха и меланхолии.

— Может быть. Но взгляни, как люди ведут себя в Карневале.

Сэт кивнул на Вэйлока.

— Он специалист по Карневалю. Проработал там семь лет.

Пледж с восхищением посмотрела на Вэйлока.

— Как, должно быть, прекрасно жить в вечно веселом мире, полном красок, смеха, музыки, встречаться с людьми, полностью раскрепощенными.

— Да, довольно интересно.

— Скажи, — чуть дыша проговорила Пледж. — О Карневале ходит много слухов. Ты можешь подтвердить или опровергнуть их?

— Какой именно?

— В Карневале много нарушителей закона. Верно?

— В какой-то степени, да. Люди там нередко занимаются тем, за что были бы наказаны в Кларжесе.

— О, какой стыд, — пробормотал Сэт.

Пледж не обращала на него внимания:

— Насколько глубоко распространяется беззаконие? Я имею в виду... я слышала, что там есть Дом, очень дорогой, где можно увидеть смерть. Смерть молодых юношей и прекрасных девушек!

— Пледж, — взмолился Сэт. — Что ты говоришь? Ты сошла с ума!

— Я даже слышала, продолжала Пледж хриплым шепотом, — что если у вас есть много денег, тысячи и тысячи флоринов, то вы можете купить человека и убить его своей рукой любым способом, каким хочешь...

— Пледж! — крикнул Каддиган. — Ты говоришь страшные вещи! Опомнись!

Пледж фыркнула.

— Сэт, я слышала об этом и теперь хочу услышать, что скажет об этом мистер Вэйлок.

Вэйлок подумал о Карлеоне и его музее, о Рубелле, о Лориоте и других Берберах.

— Я тоже слышал нечто подобное, — заговорил он, — но я считаю это просто слухами. Я никогда не встречал людей, которые с уверенностью могли бы подтвердить этот слух. Как вы знаете, посетители Карневаля платят за то, что убивают копьями лягушек или рыб электрическим током. Но вряд ли они сами понимают, что делают. Это у них подсознательное желание.

Сэт с отвращением отвернулся.

— Чепуха.

— Теперь, Сэт, ты сам несешь чепуху. Ты ученый, но отказываешься смотреть в лицо фактам, противоречащим твоим теориям.

Сэт помолчал, затем ответил с шутливой галантностью:

— Я уверен, что мистер Вэйлок составил о тебе совершенно неверное представление.

— Нет, нет, — возразил Вэйлок. — Мне очень интересно.

— Видишь? — обрадовалась Пледж. — Я уверена, что мистер Вэйлок — человек без предрассудков.

— Мистер Вэйлок, — медленно произнес Каддиган, — хищник. Он пробивает себе путь наверх и его совершенно не интересует, чьи ноги он отдавит при этом.

Вэйлок ухмыльнулся и откинулся на спинку кресла.

— Во всяком случае, — заявила Пледж, — он не Гиппократ, и мне нравится.

— Приятное лицо, хорошие манеры...

— Сэт, ты не боишься оскорбить мистера Вэйлока?

Каддиган улыбнулся:

— Мистер Вэйлок реалист, и правда его не оскорбляет.

Чувствуя себя не очень удобно, Вэйлок заставил себя заговорить:

— Ты прав лишь наполовину. У меня есть определенные амбиции...

Музыкальный звук прервал его. Вспыхнул экран, на котором появился человек, стоящий возле двери дома. Он был одет в черную униформу убийцы.

— О Боги! — вскричала Пледж. — Он пришел за нами!

— Неужели ты не можешь быть серьезной? — рявкнул Сэт. — Спроси, что ему нужно?

Пледж открыла дверь. Убийца вежливо поклонился.

— Миссис Пледж Каддиган?

— Да.

— Согласно нашим данным, вы до сих пор не зарегистрировались у нас как Ведж.

— О, я совсем забыла. Но ведь вы и так знаете, что я Ведж?

— Конечно.

— Тогда зачем я должна уведомлять вас об этом?

Голос убийцы был холоден:

— Таковы правила. И вы значительно облегчите нашу работу, если будете помогать нам, неукоснительно соблюдая их.

— Ну хорошо. Форма у вас с собой?

Убийца подал ей конверт. Пледж закрыла за ним дверь, швырнула конверт на стол.

— Столько шуму из ничего... Такова наша жизнь. Это две стороны медали. Если бы не было убийц, не было бы Амарантов. А так как мы все хотим стать Амарантами, нам приходится помогать убийцам.

— Точно, — сказал Сэт.

— Порочный круг. Змея, кусающая свой хвост.

Каддиган искоса посмотрел на Вэйлока.

— Пледж стала Визерером.

— Визерером?

— Это правда, — сказала Пледж. — Мы создали общество и вместе спрашиваем, что нужно сделать, чтобы изменить мир, существующий в нем порядок. Вы, мистер Вэйлок, должны прийти на нашу встречу.

— С удовольствием. А где это происходит?

— О, здесь, там, где угодно. Иногда в Карневале, в Холле Откровений.

— Вместе с остальными идиотами, — заметил Сэт Каддиган.

Пледж не приняла оскорбления.

— Мы не скрываемся и делаем все открыто.

Последовала короткая пауза. Вэйлок поднялся.

— Думаю, мне пора.

— Но ты так и не заговорил о своей проблеме, — сказал Сэт.

— Я думал о ней, слушая вас. Многое мне теперь стало ясно. — Он повернулся к Пледж. — Доброй ночи.

— Доброй ночи, мистер Вэйлок. Надеюсь, вы позвоните нам еще.

Вэйлок взглянул на молчащего Сэта:

— С удовольствием.

2.

Утром, когда Вэйлок прибыл в Паллиаторий, Каддиган уже сидел за столом. Он приветствовал Вэйлока небрежным кивком, и тот сразу же приступил к выполнению своих обязанностей. Каддиган несколько раз проходил по залу, окидывая все практическим взором, но Вэйлок был внимателен, и Каддигану не удалось ни к чему придраться.

Перед полуднем торопливо ворвался Бэзил. Он увидел Вэйлока и остановился.

— Трудная работенка, да? — Он посмотрел на часы. — Время ленча. Идем поедим. Я попрошу Каддигана присмотреть здесь.

В кафе они уселись за тот же столик. Вид из окна был впечатляющий. Рваные облака неслись по небу, черные волны вздымались на реке, деревья в парке едва выдерживали сильные порывы ветра.

Бэзил отвел глаза от окна, чтобы этот вид не отвлекал его от более важных дел.

— Гэвин, — начал он, — мне трудно говорить это, но ты единственный в Паллиатории, кому я могу доверять. Я нуждаюсь в твоей помощи.

— Я потрясен, — сказал Вэйлок. — И удивлен. Ты нуждаешься в моей помощи?

— Я пришел к этому методом исключения. Конечно, я предпочел бы работать с человеком, имеющим опыт в психиатрии. — Он покачал головой. — Но те, кто выше меня, считают меня эмпириком, а те, кто ниже и должны бы уважать меня, предоставили меня самому себе.

— Сейчас каждый предоставлен самому себе.

— Ты прав, — Бэзил наклонился к Вэйлоку, хлопнул его по руке. — Ну так что ты скажешь?

— О, я рад возможности помочь тебе.

— Отлично, я хочу попробовать новую терапию. На Максимилиане Герцоге — одном из наших любопытнейших пациентов.

Вэйлок вспомнил, что Каддиган упоминал это имя.

— Случай интересный, — продолжал Бэзил. — Во время коллапса Герцог лежит, как мраморная статуя, но в буйном состоянии он страшен.

— И чем я могу тебе помочь? — осторожно спросил Вэйлок.

Бэзил посмотрел вокруг, прежде чем ответить.

— Гэвин, — хрипло сказал он, — на этот раз я получил средство лечения психозов. Эффективное для девяноста процентов наших пациентов.

— Хм...

— В чем дело?

— Если мы вернем пациентов во внешний мир, еще большее количество людей вернется сюда.

Бэзил задумался.

— Ты предлагаешь совсем не лечить их?

— Да нет. Просто мне кажется, что теперешнее число пациентов при этом возрастет вдвое.

— Возможно, — без энтузиазма согласился Бэзил. Он поджал губы и с жаром заговорил: — Но зачем же тогда вообще лечить их? Эти пациенты вверены мне. Ими могли быть и мы сами... — Он замолчал, и Вэйлок вспомнил слова Каддигана о меланхолии Бэзила. — Во всяком случае, не нам судить этих несчастных. Это дело Актуриана. Мы просто должны делать свою работу. Вот и все.

Вэйлок пожал плечами.

— Ты сам сказал, что это не наша проблема. Наша проблема — просто лечить. Пританеон устанавливает общественную политику, Актуриан оценивает наши жизни, убийцы поддерживают равновесие...

— Верно, — сказал Бэзил. — К этому времени я уже пробежал несколько новых тестов и достиг некоторого успеха. Максимилиан Герцог — это яркое доказательство тому. Я уверен, что если смогу вылечить Герцога или добиться существенного улучшения, то докажу эффективность моего метода. — Бэзил снова сел в кресло.

— Мне кажется, что если дело у тебя пойдет, ты попадешь в Серды.

— Да, в Серды. А может, и в Вержи. Это великолепный успех!

— Могу я узнать принцип твоего метода?

Бэзил осторожно осмотрелся.

— Я еще не готов обсуждать его. Я только могу сказать, что

в отличие от традиционной терапии, основой которой является терпение и выдержка, мой метод сильный и быстродействующий. Разумеется, состояние Герцога может ухудшиться, и тогда... — он улыбнулся, — у меня будут неприятности. Меня обвинят в страшном грехе: в том, что я использую пациентов как подопытных животных. И это правда. А как еще можно лечить этих несчастных? — Бэзил стал серьезным. — Мне нужна твоя помочь. Если я выиграю, то выиграешь и ты как помощник. Но по этой же причине риск существует и для тебя.

— Почему?

Бэзил с презрением посмотрел на коллег в кафе.

— Всем им очень не нравятся мои идеи.

— Я помогу тебе, — сказал Вэйлок.

3.

Бэзил Тинкоп вел Вэйлока по Паллиаторию — из зала в зал — вдоль нескончаемого ряда коек, на каждой из которых лежал человек. Человек с безжизненным лицом. Наконец они оказались возле двери. Бэзил сказал что-то в отверстие, затянутое сеткой, и дверь скользнула в сторону. Они прошли через короткий тоннель в зал под номером сто один. Это была высокая пентагональная камера с пластиковыми отделениями для коек по периферии. Пациенты лежали на подвешенных полотняных матрацах. Над каждым из них висела сеть, готовая упасть на пациента в тот момент, когда он начнет входить в фазу бешенства. На пациентах не было ничего, кроме набедренной повязки из металлической сетки. Чтобы пациент не смог повредить себя во время буйства, пояснил Бэзил и добавил:

— Сети очень крепкие — с четырнадцатикратным запасом прочности, если рассчитывать на силу обычного человека. Но Рой Атвен порвал уже три таких сети. Максимилиан Герцог — две.

Вэйлок в изумлении покачал головой.

— Кто из них Герцог?

Бэзил показал. Герцог бы невысоким, широкоплечим и крепким человеком с мускулистыми руками.

— Интересно, — сказал Бэзил, — что даже в таком состоянии он поддерживает высокий физический тонус! Ведь можно было бы ожидать полной атрофии мышц, а все остальные, хотя и лежат без движения, выглядят как хорошо тренированные атлеты.

— Это возможный предмет исследования, — заметил Вэйлок. — Может, мозг сумасшедшего производит гормоны — строители мышц.

Бэзил поджал губы.

— Вполне возможно. — Он нахмурился. — Я подумаю об этом позже. Интересная мысль... Но скорее всего мышечный тонус сохраняется из-за того, что мышцы в постоянном напряжении. Посмотри на лица больных.

Вэйлок взглянул и увидел, что Бэзил прав. Маски нечеловеческого отчаяния были на каждом лице. Зубы стиснуты, носы обтянуты кожей. Лицо Максимилиана было выразительнее всех.

— И ты думаешь, что сможешь вылечить их?

— Да. Сначала переправим его в мой кабинет.

Вэйлоку показалось, что мощное тело Герцога, зажатое в тисках неведомых сил, похоже на паровой котел, в котором нагнетается высокое давление. Он спросил:

— А это не опасно?

— Естественно, мы примем меры предосторожности, — рассмеялся Бэзил. — Например, введем ему гранулы миорала. Герцог будет слабым как ребенок.

Бэзил подошел к Герцогу, прижал сопло распылителя к шее. Послышалось шипение, и препарат вошел в кровь. Бэзил отошел от постели, махнул рукой.

Тут же два служителя принесли носилки и положили на них Герцога. Бэзил подписал какую-то бумажку, поданную ему служителем, и все формальности были закончены.

Носилки покатили к туннелю и затем в лифт.

— Теперь мы можем идти, — сказал Бэзил. — Герцога доставят в мою личную лабораторию.

4.

Бэзил и Вэйлок прошли через приемную, где сидел Каддиган, занятый своими картами и записями. Он поднял голову и, не произнеся ни слова, вернулся к своей работе.

Бэзил и Вэйлок вошли в кабинет Бэзила. Там Бэзил набрал кодовый шифр, стена скользнула в сторону, и они оказались в лаборатории Бэзила.

Она была небольшая, но прекрасно оборудованная. У одной стены стоял диван, у другой — компьютер с различной аппаратурой измерений, записи и Бог знает для чего еще. Тут же стоял шкаф с книгами и лекарствами.

Бэзил пересек комнату, сдвинул стенную панель. За ней находилось неподвижное тело Максимилиана Герцога.

Бэзил потер руки.

— А вот и он, наш инструмент, с помощью которого мы сможем продвинуться, и, я надеюсь, вылечим его.

Они освободили Герцога от пут.

— А сейчас, — сказал Бэзил, — начнем процедуру. В не-

котором смысле она, — он сделал паузу, — нападение на источник болезни.

Он выпрямил большое тело Герцога, поправил его руки и ноги. Находясь под действием лекарства, Герцог выглядел спокойным и умиротворенным. Бэзил подошел к ЭВМ, щелкнул тумблерами и положил металлический цилиндр на грудь больного. На экране дисплея побежали цифры и замелькали вспышки света.

— Пульс слишком замедленный, — сказал Бэзил. — Подождем. Миорал быстро рассасывается.

— А потом что? — спросил Вэйлок. — Он будет в коллапсе или в безумии?

— Кто знает? Садись, Гэвин. Я постараюсь тебе кое-что объяснить.

Вэйлок устроился в кресле, Бэзил прислонился к постели. Счетчик пульса остановился на груди Герцога. На экране уже высветилась цифра сорок один.

— Мозг наших пациентов, — заговорил Бэзил, — можно сравнить с заклинившим мотором.

Вэйлок кивнул. Частота пульса уже поднялась до сорока шести.

— Естественно, что существует бесчисленное множество теорий и методов лечения. Одни из них дают результаты в отдельных случаях, а в других случаях они бесполезны. Однако все они основаны на том, что необходимо приглушить, обесчувствить неверно функционирующую часть мозга, но никак не излечить его. Есть методы, основанные на применении шока — химического, электрического, механического, спиритуального. Иногда эти методы дают поразительные результаты, но чаще всего сам шок становится губительным для мозга. Есть хирургические методы замены поврежденных частей мозга. И, наконец, есть система Готвальда Левишевски, аналогичная тому, как выращивают суррогаты Амарантов. Но этот процесс вряд ли можно назвать лечением. Скорее, это получение нового человека. Я изучил все эти методы и убедился: ни один из них не воздействует напрямую на сам источник болезни. Чтобы излечить нашего больного, нужно убрать препятствие, мешающее вращаться мотору, который заклинило. Самое простое, но вряд ли приемлемое решение — изменить существующую систему жизни. Или же изменить мозг пациента так, что это препятствие не будет для него непреодолимым.

Вэйлок кивнул:

— Понятно.

Бэзил горько улыбнулся.

— Совсем понятно, да? Но как это сделать? Гипноз слиш-

ком слаб, хирургия слишком рискованна, да и неизвестно, что нужно вырезать. Остается электролечение или лечение препаратами. Остается выбрать наиболее эффективное лечение.

Глаза Вэйлока не отрывались от экрана. Пульс уже был пятьдесят четыре.

— Я нашел ключ к решению проблемы в работах Хельмута и Герарда, — продолжал Бэзил. — Я имею в виду их работы в области хирургии синапсов — короче, я понял, что происходит, когда импульс проходит от нерва к нерву. Результат Хельмута-Герарда действительно интересен. Оказывается, при передаче импульсов имеет место двадцать одна химическая реакция. И если хоть одна из них запаздывает или не произойдет, импульс возбуждения не перескочит от нерва на нерв.

— Кажется, я понимаю, к чему ты клонишь, — сказал Вэйлок.

— Значит, мы теперь имеем способ контролировать мыслительные процессы. Нам нужно выключить из мозга нашего пациента память о препятствии, о неразрешимой проблеме. И очевидный путь для того, чтобы сделать это, — атаковать синапсы на пути прохождения определенного импульса возбуждения. Для этого я выбрал вещество, полученное Хельмутом и Герардом. — Бэзил подошел к шкафу, достал мензурку с оранжевой жидкостью. — Вот он, антигептант. Растворимый в воде, нетоксичный, высокоэффективный. Будучи введенным в мозг, он действует как кнопка стирания, воздействующая на активные в данный момент цепи, но не трогает бездействующие.

— Бэзил! — искренне воскликнул Вэйлок. — Это же гениально!

— Осталась еще одна серьезная проблема, — сказал улыбаясь довольный Бэзил. — Мне совсем не хочется стирать куски памяти у наших пациентов, но как это сделать, я не знаю, да меня это и не очень интересует сейчас.

— Ты уже пробовал антигептант?

— Только на пациенте с легкой формой психоза. Герцог будет пробным камнем моего метода.

— Его пульс стал почти нормальным, — заметил Вэйлок. — Нам нужно быть поосторожнее.

Бэзил махнул рукой.

— Не беспокойся. Сэт у нас под рукой. Наша основная цель — перевести его в состояние буйства.

Вэйлок поднял брови.

— А я думал — предотвратить его.

Бэзил покачал головой.

— В его мозгу нам нужен только источник болезни. Когда мы его распознаем, мы введем антигептант. Мыслительная цепь, ведущая к источнику, рухнет, и с нею сам источник. Человек здоров!

— Просто и гениально!

— Просто и элегантно. — Бэзил посмотрел в лицо Герцогу. — Он возвращается в нормальное состояние. Теперь, Гэвин, приготовься измерять антигептант.

— Что я должен делать для этого?

— Нам нужно знать концентрацию антигептанта в мозгу Герцога. Если его ввести слишком много, то мы отключим большую часть его мозга. — Бэзил прикрепил электроды к голове пациента. — Антигептант слабореактивен, поэтому мы не можем измерять его количество. — Бэзил воткнул разъем в прибор. На экране вспыхнуло небольшое красное пятно. Бэзил повернул ручку настройки, установил резкость. — Вот измеритель. Концентрация антигептанта должна стать такой, чтобы пятно перешло в желтый цвет. Ни в коем случае нельзя допускать перехода в зеленый цвет. Понимаешь?

— Да.

— Хорошо. — Бэзил подготовил шприц и без колебаний ввел иглу в сонную артерию Герцога. Пациент шевельнулся. Пульс сразу подскочил до семидесяти.

Бэзил подсоединил трубку к резервуару.

— Видишь кнопку? При прикосновении к ней ты вводишь в мозг Герцога один миллиграмм антигептанта. Как только я скажу, нажимай на нее. Но будь очень внимателен. Понял?

Вэйлок кивнул.

Бэзил посмотрел на экран.

— Сейчас я введу стимулятор. — Выбрав в шкафу нужный шприц, он ввел препарат в кровь Герцога.

Дыхание пациента стало глубоким и тяжелым. На лице его появилось выражение крайнего отчаяния и напряжения. Вэйлок заметил, что он шевельнулся.

— Осторожно, — сказал он. — Герцог сейчас очнется.

— Хорошо. Это нам и надо. — Бэзил смотрел на аппаратуру. — Действуй быстро, если потребуется.

— Я готов.

— Хорошо. — Бэзил склонился над Герцогом.

— Герцог! Максимилиан Герцог!

Пациент, казалось, затаил дыхание.

— Герцог! — крикнул Бэзил. — Проснись!

Герцог шевельнулся.

— Герцог! Ты должен проснуться. У меня есть новости. Хорошие новости. — Ресницы больного затрепетали. Бэзил быстро сказал: — Антигептант!

Вэйлок нажал кнопку. Препарат проник в мозг Герцога. Красное пятно дрогнуло, посветлело, перешло в оранжево-желтое.

Бэзил кивнул.

— Герцог! Проснись! Хорошие новости!

Глаза Герцога приоткрылись. Желтый цвет снова превратился в красный.

— Антигептант! — шепнул Бэзил, и Вэйлок снова нажал кнопку.

— Герцог! — тихо, но повелительно заговорил Бэзил. — Ты проиграл. Ты не смог стать Сердом. Антигептант! Герцог, ты пытался, ты много работал, но сделал много ошибок. Тебе нужно винить только себя за то, что ты выброшен из жизни.

Из горла Герцога вырвался низкий звук, как бы предвещая бурю. Бэзил снова потребовал антигептант.

— Максимилиан Герцог, — торопливо заговорил он, — ты человек низшего сорта. Другие смогли стать Сердами, а ты не смог. Ты проиграл. Ты потерял время. И потеряешь жизнь.

Вены набухли на лбу Герцога. Клокочущие звуки неслись из груди.

— Антигептант, Гэвин!

Вэйлок нажал кнопку. Бэзил снова повернулся к Герцогу.

— Герцог, ты помнишь, сколько шансов ты упустил? Люди, которые ничем не лучше тебя, стали Сердами и Вержами. А тебя впереди ничего не ждет, кроме последней поездки в черном автомобиле.

Максимилиан Герцог медленно сел в постели. Он посмотрел на Бэзила, потом на Вэйлока.

Все молчали. Вэйлок не мог отпустить кнопку, так как пятно снова стало красным.

Наконец Вэйлок спросил:

— Хватит антигептанта?

— Хватит, — нервно ответил Бэзил. — Я не хочу слишком обширного воздействия.

— Какого еще воздействия? — спросил Герцог. Он пощупал электроды на своей голове, увидел трубки, тянущиеся к телу. — Что все это значит?

— Только ничего не трогай, — сказал Бэзил. — Это необходимые условия для лечения.

— Лечения? — Герцог был озадачен. — Разве я болен? Я чувствую себя прекрасно. Еще никогда я не был в такой хорошей форме. Ты уверен, что я болен? — Он нахмурился. — Мое имя...

Бэзил многозначительно взглянул на Вэйлока. Антигептант стер из памяти больного его имя.

— Максимилиан Герцог.

— А, да, конечно. — Герцог осмотрелся. — Где я?

— Ты в больнице. Мы лечим тебя.

Максимилиан Герцог подозрительно взглянул на Бэзила. Тот продолжал:

— Тебе лучше лечь. Через несколько дней все будет хорошо и ты сможешь вернуться к своим делам.

Герцог лег в постель, переводя взгляд с Бэзила на Вэйлока и обратно.

— Но где я? Что со мной? — Он бросил быстрый взгляд на Вэйлока, заметил на его униформе слова — Баллиасский Паллиаторий.

— Баллиасский Паллиаторий! — прохрипел он. — Так вот в чем дело! — Грудь его заходила ходуном, голос стал хриплым. — Выпустите меня отсюда. Со мной все нормально. Я такой же здоровый, как и все!

Он сорвал с головы электроды, отшвырнул трубку.

— Нет, нет, лежи спокойно, — обеспокоенно заговорил Бэзил.

Герцог оттолкнул его и стал вставать с постели.

Вэйлок повернул ручку. Сеть опустилась на Герцога, прижала его к кровати. Он стал рычать и рваться. Дикая ярость охватила его.

Бэзил подошел к нему и ввел в кровь транквилизатор. Герцог постепенно успокоился.

Вэйлок перевел дыхание.

— Фу!

Бэзил тяжело опустился в кресло.

— Ну, Гэвин, что скажешь?

— Некоторое время он был вполне рационален, — осторожно ответил Вэйлок. — Этот метод мне кажется перспективным.

— Перспективным! — воскликнул Бэзил. — Гэвин, еще ни один метод в мире не давал столь поразительных результатов.

Они освободили Герцога от сети, закатили кровать в бокс.

— Завтра, — сказал Бэзил, — мы попробуем проникнуть глубже.

Вернувшись в кабинет, они застали там Каддигана. Тот отложил работу:

— Ну, джентльмены, как продвинулись исследования?

Ответ Бэзила был уклончив:

— Нормально.

Каддиган скептически посмотрел на него, хотел что-то сказать, затем пожал плечами и отвернулся.

5.

Бэзил и Вэйлок пересекли Риверсайд-роад и вошли в одну из старых таверн. Они уселись за стол из темного дерева, заказали пиво.

Вэйлок предложил тост за успех Бэзила. Тот выразил уверенность в хорошем будущем Вэйлока.

— Кстати, — сказал Бэзил, — помнишь ту девушку, Джакинт Мартин? Она мне звонила вчера.

Вэйлок взглянул на него.

— Не могу представить, что ей нужно, — сказал Бэзил, опустошив кружку. — Мы немного поболтали, затем она поблагодарила меня, и мы распрощались. Удивительное создание. Ну, мне пора домой, Гэвин.

На улице они расстались. Бэзил сел в метро, чтобы добраться до своего района Семафор Хилл, Вэйлок задумчиво побрел по Риверсайд-роад.

Джакинт заинтересовалась своей смертью. От Бэзила ей ничего не узнать. И от него тоже, если он сам не захочет все рассказать.

Монстр. Вэйлок презрительно улыбнулся. Так должны были бы называть его жители Кларжеса. Жуткий человек, исчадие ада, посягающее на жизнь граждан.

Но разве можно убить Амаранта? Например, Джакинт Мартин. А Абель Мандевиль? Вэйлок с горечью вспомнил то, что произошло семь лет назад.

Он зашел в другую старую прибрежную таверну Тузитала, стоявшую на сваях прямо над водой, выпил кружку пива и заказал немного еды.

На экране телевизора появилось лицо комментатора. Вэйлок прослушал новости — в основном местного масштаба. Комиссия естественных ресурсов разрешила культивацию ста тысяч акров Глэйд Каунти. Разработчик плана Ги Лэсли принял поздравления по этому поводу. Комментатор предсказал, что Лэсли за этот успех несомненно станет Амарантом.

Затем Канулел Клод Имиш по старому обычаю объявил о начале новой сессии Пританеона. Имиш был огромным человеком с обаятельной улыбкой. У него не было особых талантов, да их и не требовалось, чтобы руководить архаичным и, по сути, формальным органом власти.

— Домой из космоса, — радостно объявил комментатор, — возвращается корабль «Стар Энтерпрайз». Наши герои посетили Плеяды, исследовали десятки планет и везут домой много любопытного. Хотя пока неизвестно, что именно.

Затем комментатор провел двухминутное интервью с Каспаром Джарвисом, генеральным директором ведомства убийц. Это был высокий человек с бледным лицом, густыми черными бровями и горящими глазами.

Джарвис говорил о возрастающей активности Вейрдов и Берберов, которые основались в Карневале. Если дело пойдет так и дальше, то в Карневаль придется ввести специальные подразделения по поддержанию порядка.

Такого в Карневале еще не было.

Комментатор закончил обзор сплетнями о тех, кто собирается в ближайшее время повысить свой слоп и даже продвинуться в Амаранты.

Когда Вэйлок вышел из Тузиталы, на Кларжес уже опустилась ночь. Небо светилось отраженными огнями. Стоя на тротуаре, Вэйлок ощущал ритм жизни города, мозговую деятельность ста миллионов его жителей.

В нескольких милях к югу лежал Эльгенбург и космический порт. Вэйлок с трудом удержался от желания посетить «Стар Энтерпрайз». Он пошел по Риверсайд-роад по направлению к Дистрикт Мартон. Там он спустился в метро и через несколько минут вышел на станции Эстергази возле кафе «Далмация».

Он сел за свой любимый столик, где уже сидел молодой человек с совиными глазами. Он представился Гэвину как Один Ласло, математик из Актуриана. Кроме того, Ласло занимался хореографией. Узнав, что Гэвин работает в Паллиатории, он очень возбудился.

— Расскажи мне о Паллиатории! Я задумал балет, уникальный, даже в чем-то зловещий: день жизни сумасшедшего. Я хочу показать мозг человека как чистый кристалл. Затем нарастает напряжение, все связи в мозгу рвутся — и кульминация — человек безумен. Полное отторжение от жизни, замыкание внутри себя!

Вэйлоку стало не по себе.

— Ты хочешь, чтобы я говорил тебе о работе, хотя я пришел сюда, чтобы забыть о ней.

Он выпил свой чай, распрощался с новым знакомым и вышел из кафе.

Он прошел по Алеманд Авеню, свернул на Фариот-вэй, подошел к своему дому. Лифт быстро поднял его на нужный этаж. Он вошел в свою квартиру.

Открыв дверь гостиной, он увидел спокойно сидящую на диване Джакинт Мартин.

Глава восьмая

1.

Джакинт встала.

— Надеюсь, ты простишь меня. Дверь была открыта, и я решила войти.

Вэйлок знал, что запирал за собой дверь.

— Я рад, что ты пришла. — Он подошел к ней, обнял, поцеловал. — Я ждал тебя.

Джакинт освободилась из его объятий, взглянула снизу вверх. Она была одета в бледно-голубую тунику, белые сандалии, темно-голубой плащ. Волосы золотым потоком стекали на плечи, в больших темных глазах сузились зрачки.

— Ты необыкновенная, — сказал Вэйлок. — Ты могла бы стать Амарантом только за свою красоту, если бы зарегистрировалась в Актуриане.

Он снова хотел обнять ее, но она отступила.

— Должна тебя разочаровать, — холодно сказала она. — Каковы бы ни были твои отношения с прежней Джакинт, на меня они не распространяются. Я — новая Джакинт!

— Новая Джакинт? Значит, тебя зовут не Джакинт?

— Мне лучше судить об этом. — Она отошла еще на шаг, смерила Вэйлока взглядом с головы до ног. — Ты Гэвин Вэйлок?

— Да.

— Ты очень похож на Грэйвена Варлока.

— Его нет в живых. Я его реликт.

Джакинт подняла брови.

— Да?

— Да. Но я не пойму, зачем ты здесь?

— Я объясню, — жестко сказала она. — Я Джакинт Мартин. Месяц назад моя первая версия была убита в Карневале. Кажется, большую часть ночи ты сопровождал меня. Мы вместе пришли в «Памфилию», и там к нам присоединились Бэзил Тинкоп, а позже Альберт Пондиферри и Денис Лестранж. Вы с Бэзилом ушли непосредственно перед моей смертью. Верно?

— Сначала я должен привести все в порядок у себя в голове, — сказал Вэйлок. — Значит, ты — Джакинт Мартин, но ты не гларк?

— Я Джакинт Мартин.

— И ты была убита?

— Ты не понял этого тогда?

— Когда ты положила голову на стол, мы решили, что ты пьяна, и ушли. Альберт с Денисом обещали позаботиться о тебе. — Он показал на диван. — Садись. Позволь налить тебе вина.

— Нет. Я пришла к тебе только за информацией.

— Отлично. Что ты еще хочешь узнать?

— Метод убийства! — Глаза ее сверкнули. — Кто-то лишил меня жизни. Я должна узнать его имя и отомстить.

— Месть — не то слово, — мягко возразил Вэйлок. — Ты

жива, ты дышишь, кровь течет в твоих жилах, ты полна жизни и красоты.

— Только монстр может оправдывать этим свое преступление.

— Значит, ты винишь во всем меня? Ты считаешь, что монстр — это я? Это я лишил тебя жизни?

— Я не обвиняю тебя в этом. Я только комментирую ход твоих мыслей.

— Значит, мне следует воздержаться от высказываний, — сказал Вэйлок. — По правде говоря, я предпочел бы более приятное времяпрепровождение. — Он снова потянулся к ней.

Она отступила, вспыхнув гневом.

— Каковы бы ни были у тебя отношения с моей предшественницей, теперь их не будет. Ты для меня чужой.

— Я был бы рад начать все сначала, — заметил Вэйлок. — Хочешь вина?

— Я не хочу пить! Я хочу знать! Я должна знать, кто и как меня убил! — Она стиснула руки. — Я должна знать и я узнаю. Скажи мне.

Вэйлок пожал плечами.

— Что я могу сказать?

— Мы с тобой встретились... Где? Когда? Ты работал в Карневале. У Дома Жизни.

— О, ты многое узнала у Бэзила Тинкопа.

— Месяц назад ты покинул Карневаль, бросил дело, которым занимался семь лет, зарегистрировался в Бруды. Ты изменил свою жизнь. Почему?

Вэйлок подошел к ней. Она отступала, пока не уперлась спиной в стену. Вэйлок положил руки ей на грудь. Но девушка даже не обратила на это внимания, видимо, все ее женское естество было придавлено одним — жаждой мести.

— Ну вот, — тихо сказала она. — Как все просто узнать. Я все вижу на твоем лице. Вижу правду.

— Ты просто хочешь там ее увидеть.

— Я не хочу, чтобы ты касался меня. — Она вдруг с неожиданной силой оттолкнула его.

— Тогда у тебя не будет причины находиться здесь.

— Ты так и не ответил на мои вопросы.

— Я не хочу отвечать, раз у тебя уже сложилось определенное мнение.

— Тогда ты ответишь против воли. Ты будешь говорить перед теми, кто умеет читать мысли.

Она прошла мимо него к двери. Там она остановилась, быстро оглянулась и вышла.

2.

Вэйлок прислушивался к ее удаляющимся шагам. Подумать только! Женщина, способная подарить высшее блаженство, стала для него страшной угрозой. Несколько минут он стоял неподвижно, погруженный в размышления. Если у нее были какие-то подозрения относительно него, то как же она рискнула прийти сюда одна, ночью?

И вдруг он понял. Он быстро осмотрел комнату, начал поиски. Под диваном он нашел маленький передатчик. Значит, кто-то слышал их разговор и мог вмешаться в нужный момент.

Теперь ему все стало ясно. Вэйлок раздавил передатчик каблуком и выбросил обломки в мусоропровод. После этого он с бутылкой вина прилег на диван и попытался разобраться в случившемся.

Джакинт Мартин достаточно высказать подозрения, и тогда его заберут в камеру для допроса. Там быстро выпотрошат его мозг.

Если окажется, что он невиновен, то поплатится Джакинт Мартин. Если же его вина подтвердится, мир никогда больше не услышит о Гэвине Вэйлоке.

Вэйлок с отвращением посмотрел вокруг. Его мозг предаст своего хозяина. Обмануть чтецов мыслей невозможно! Он вскочил на ноги. Чтецы мыслей! Пусть читают его мысли! Они ничего не узнают!

Он стал расхаживать ко комнате, размышляя. Прошло полчаса. Затем он сел к диктофону и продиктовал два длинных текста. Один он завернул в бумагу, второй вставил в диктофон и оставил записку для себя. После этого он завел будильник на семь часов и лег спать.

3.

Вэйлок прибыл в Паллиаторий рано утром, застав еще служителей ночной смены. Он прошел мимо дежурного, поднялся на второй этаж. Магнитофон на столе Бэзила подмигивал, что означало наличие на нем телефонного сообщения. Вэйлок нажал кнопку, чтобы прослушать его.

— Офис дидактора Бенберри, — заговорил женский голос. — Внимание, Бэзил Тинкоп. — Затем вступил голос, видимо, самого суперинтенданта. — Бэзил, как придешь, сразу свяжись со мной. Я серьезно встревожен. Нам нужно выработать политику поведения, которая сделала бы твои исследования менее раздражающими Совет. Твои стихийные работы должны прекратиться. Не приступай к работе, пока я не переговорю с тобой.

Вэйлок прошел в лабораторию. Там он выбрал распылитель и наполнил его антигептантом. В мензурке оставалось совсем немного вещества. Впрочем, Бэзил вряд ли приступит к работе сегодня. А ему, Вэйлоку, антигептант крайне необходим.

В мензурку он добавил воды, чтобы не было заметно уменьшения. Вернувшись в кабинет, он вставил пленку в магнитофон, затем поднес распылитель к шее. Но затем опустил его, написал несколько слов на листе бумаги. Снова поднял распылитель, нажал кнопку.

Сразу он почувствовал, что память покидает его. Он уже не помнил ничего, даже своего имени. Магнитофон рассказывал, как он убил Джакинт Мартин. Но эти слова текли мимо его мозга, не задерживаясь. Информация, которую он занес на пленку, исчезала из его памяти, стиралась.

Запись кончилась. Вэйлок закрыл глаза, откинулся в кресле, усталый, опустошенный. Антигептант рассосался в его мозгу и потекли мысли, смутные, неясные, как тени в тумане.

Он сел прямо. Листок бумаги, написанный им, привлек его внимание. Он взял его и прочел:

— Только что я стер память из своего мозга. Возможно, я стер слишком много. Мое имя — Гэвин Вэйлок. Я реликт Грэйвена Варлока. Мой адрес: 414, Фариот-вэй, квартира 820.

Там было еще много напоминаний, а завершала все запись:

«Вероятно, в памяти будут еще провалы. Не беспокойся об этом. Возможно, что Спецслужба вызовет тебя для чтения мыслей по вопросу убийства Джакинт Мартин, о которой я ничего не знаю. Непременно сотри магнитную запись. Не прослушивай ее, иначе стирание памяти будет бессмысленным. Не забудь стереть запись!»

Вэйлок дважды прочел текст, затем стер запись на пленке. Значит, его зовут Гэвин Вэйлок — что-то знакомое есть в этом.

Он положил распылитель в шкаф и уничтожил все следы своего пребывания в лаборатории.

Вошел Сэт Каддиган. Он был удивлен:

— Что привело тебя сюда в такую рань?

— Совесть, — ответил Вэйлок.

— Удивительно. — Каддиган прошел к столу, просмотрел свои бумаги. — Кажется, ничего не пропало.

Вэйлок проигнорировал его. Немного погодя Каддиган сказал:

— В Паллиатории ходят слухи, что дни Бэзила сочтены.

Он будет уволен из-за профессиональной некомпетентности. Твоя судьба, конечно, будет не лучше. На твоем месте я бы поискал другое поле деятельности.

— Благодарю, Каддиган. Твоя открытая неприязнь мне больше по душе, чем фальшивое дружелюбие.

Каддиган ухмыльнулся и сел за стол.

Послышались шаги Бэзила. Он вошел в комнату.

— Доброе утро, Сэт, доброе утро, Гэвин. Еще один день работы. К делу! Часы идут вперед. Попусту затраченное время укорачивает жизнь.

— О Боже, до чего напыщенно! — воскликнул Каддиган.

Бэзил ткнул пальцем в его сторону.

— Ты вспомнишь совет старого Бэзила, когда к тебе постучится черный убийца. Гэвин, иди работай.

Вэйлок неохотно последовал за Бэзилом в его кабинет. Он стоял возле двери, пока Бэзил слушал приказ Бенберри. Бэзил сначала был ошарашен, затем решительно повернулся и пошел в лабораторию.

— Я не слышал этого. Идем, Гэвин. — Вэйлок колебался. В бутылке уже почти не было антигептанта. Просто вода. — Мы не можем сейчас останавливаться, — сказал Бэзил. — Мы почти у цели. Если мы позволим остановить себя, мы погибли.

— Может, лучше... — начал Гэвин, но Бэзил не дал ему договорить. — Ты можешь поступать, как хочешь. Но я доконч эксперимент даже один.

Вэйлок кашлянул. Ему было плевать на приказ Бенберри, но как он объяснит отсутствие антигептанта?

Бэзил по внутренней связи уже приказал доставить к нему Максимилиана Герцога.

Вэйлок очень неохотно пошел за ним. Инъекция воды в Герцога: к чему это может привести? Может, он даже не выйдет из транса. А если выйдет? Черт побери, в конце концов, ведь есть же сеть!

Вэйлок сделал слабую попытку отложить эксперимент, но Бэзил был полон решимости.

— Если хочешь, уходи, Гэвин. Всего тебе хорошего. Но я должен пробить эту стену косности и непонимания. Бенберри... глупая обезьяна.

Прозвенел звонок. Тело Герцога вплыло в лабораторию.

Бэзил начал подготовку. Вэйлок напряженно стоял в центре комнаты. Если он скажет, что использовал антигептант, ему придется объяснять, для чего он это сделал. Память у него была пуста, но у него было ощущение чего-то

зловещего. Оно возникло от чтения записки, которую он оставил себе.

Бэзил спросил его:

— Ты помнишь свои функции?

— Да, — пробормотал Вэйлок. Сети вдруг показались ему чересчур хлипкими. Он открыл дверь в кладовую.

— Зачем? — спросил Бэзил.

— Вдруг сети не выдержат?

— Ммм. Сегодня сети нам не понадобятся. Если ты готов, начнем. Антигептант.

Вэйлок тронул кнопку. Жидкость стала вливаться в кровь Герцога.

Бэзил смотрел на индикатор.

— Еще, еще, — он осмотрел датчик. — Что за дьявольщина? — Может, препарат выдохся?

— Не пойму. Вчера все было прекрасно. — Он осмотрел мензурку. — Препарат тот же... черт, надо продолжать. — Он склонился над неподвижной фигурой. — Максимилиан Герцог, проснись! Сегодня мы освобождаем тебя из Паллиатория. Просыпайся.

Герцог сел в постели так резко, что Бэзил чуть не упал. Герцог сорвал с себя электроды, трубки. Клокочущий звук вырвался из его горла. Он вскочил с постели и стоял, покачиваясь, посреди комнаты. Глаза его горели адским пламенем.

— Сеть! — крикнул Бэзил.

Герцог протянул к нему руки. Бэзил отскочил в сторону, как краб. Вэйлок швырнул навстречу Герцогу стол, схватил Бэзила за руку, втащил в кладовую.

Герцог ударом ноги откинул стол и прыгнул за ними. Дверь захлопнулась перед его носом. Он ударил плечом в дверь, и вся стена загудела.

— Мы не можем оставаться здесь. Нам нужно как-то скрутить его, — сказал Бэзил.

— Как?

— Не знаю, но мы должны, иначе я пропал.

За дверью послышались шаги. Затем звук шагов стих, и тут же раздался дикий крик ужаса: крик Сэта Каддигана.

Вэйлоку стало плохо. Крик резко оборвался, послышался стук падающего тела, затем раздался взрыв дикого хохота и громоподобный рев:

— Герцог! Максимилиан Герцог! Убийца! Максимилиан Герцог!

У Бэзила подогнулись колени. Вэйлок смотрел на него, зная, что это он, Вэйлок, виноват во всем. Он открыл дверь, осторожно прошел через лабораторию в кабинет.

Сэт Каддиган был мертв. Вэйлок взглянул на изувеченное тело. Действительно, только монстр мог сделать такое. Слезы показались на глазах Вэйлока.

В кабинет вошел Бэзил. Он увидел Каддигана и спрятал лицо в ладонях. Откуда-то из холла донесся пронзительный крик, затем хриплое рычание.

Вэйлок заскочил в лабораторию, схватил распылитель, зарядил его препаратом «Мгновенный отключатель». Затем он присоединил распылитель к пластиковой трубке длиной в четыре фута, взвел курок. Теперь он был вооружен.

Он снова выскочил в кабинет, пробежал мимо Бэзила. В коридоре он осторожно осмотрелся и прислушался.

Послышалось женское всхлипывание. Значит, Герцог там. Вэйлок пробежал по коридору, заглянул в настежь распахнутую дверь. Герцог стоял над истерзанным телом человека. Рядом, прижавшись к стене, стояла женщина. Глаза ее остекленели от ужаса. Она изредка всхлипывала. Герцог держал ее за волосы, поворачивая голову женщины из стороны в сторону, как бы примериваясь, как легче оторвать ее одним рывком.

Вэйлок вошел в дверь, заглянул в лицо мертвеца. Это был дидактор Бенберри! Вэйлок сделал глубокий вдох, шагнул вперед, приставил распылитель к шее Герцога, нажал курок. Герцог отпустил волосы женщины, повернулся. Он хлопнул себя по шее, посмотрел без всякого выражения на Вэйлока и резко прыгнул вперед. Вэйлок нажимал и нажимал на курок.

— Тебе не напугать меня! — прорычал Герцог. — Дай мне только добраться до тебя, и я разорву тебя на куски. Я убью весь мир, начиная с тебя.

Вэйлок отступил назад.

— Почему ты не хочешь договориться мирно? Тогда ты будешь свободен.

Герцог рванулся вперед, вырвал трубку из рук Вэйлока.

— Мы можем договориться, — хрипел он, — но сначала я убью вас всех. — Он уже шатался: препарат начал действовать на его мозг. И вот он рухнул на пол, полностью парализованный.

Вэйлок подождал, пока прибежали служители. С ними появился и дидактор Сэм Юдиг, помощник суперинтенданта. Они остановились в дверях, с ужасом глядя на тела.

Вэйлок прислонился к стене. Голоса ушли куда-то вдаль. Он слышал только бешеные удары своего сердца. Сэт Каддиган и дидактор Руф Бенберри... оба мертвы...

— Теперь поднимется страшный шум, — сказал кто-то. — Не хотел бы я оказаться на месте Тинкопа.

4.

Тело Каддигана унесли. Бэзил стоял у окна, потирая ладони.

— Бедный Каддиган. — Он повернулся и посмотрел на Вэйлока. — Что же было неправильно? Гэвин, что могло произойти?

— Препарат потерял силу, — медленно ответил Вэйлок.

Бэзил взглянул на Вэйлока. В глазах его загорелась мысль, но она угасла, не успев разгореться. Он снова отвернулся.

— Вероятно, жене Каддигана уже сообщили? — спросил Вэйлок.

— А? — Бэзил нахмурился. — Юдиг должен был позаботиться об этом. — Он заморгал. — Я думаю, мне следует подыскать ей новое жилье. — Такова традиция: если умирает член семьи, оставшиеся должны переселиться в другое место.

— Если хочешь, я займусь этим. Я с нею немного знаком.

Бэзил с облегчением согласился.

Вэйлок набрал номер Пледж Каддиган. Она уже знала о трагедии, и сотрудник Паллиатория снабдил ее препаратом «Не хнычь», таблетками, заставляющими забыть о горе. Видимо, она нашла им хорошее применение: лицо ее горело, яркие глаза возбужденно светились, голос звенел.

Вэйлок сказал все, что потребовалось в подобных случаях. Пледж с готовностью рассказала о своих планах повышения слопа, пригласила заходить, и на этом разговор закончился.

Бэзил и Вэйлок молча сидели несколько минут. Затем к телефону позвали Бэзила. Это был дидактор Сэм Юдиг, ныне суперинтендант Паллиатория.

— Тинкоп, собрался Совет. Мы хотели бы выслушать твои показания. Ждем тебя в кабинете суперинтенданта.

— Хорошо. Я иду. — Бэзил поднялся. — Я пошел, — тяжело сказал он. Затем, заметив скорбное лицо Вэйлока, он добавил с деланным оптимизмом: — Не беспокойся обо мне, Гэвин. Я выкручусь. — Он хлопнул Вэйлока по плечу и вышел.

Вэйлок прошел в лабораторию. Здесь был страшный разгром. Он нашел мензурку с антигептантом, вылил содержимое, уничтожил мензурку. Затем он вернулся в кабинет и сел за стол Каддигана.

Он чувствовал связь между этой трагедией и каким-то другим, не менее ужасным событием. Джакинт Мартин? При чем тут она? Они вместе провели ночь в Карневале... Больше он ничего не помнит.

Он ходил взад-вперед, стараясь оправдать себя. Почему он должен чувствовать себя виновным? Жизнь в Кларжесе построена по принципу — каждый за себя. Когда кто-то ста-

новится Вержем, он автоматически уменьшает число Брудов на несколько десятков человек. Жизнь — суровая игра, и если он хочет выиграть, нужно выработать свои правила и строго придерживаться их.

Это было его право. Общество виновато перед ним и должно платить за свою вину. Грэйвен Варлок добился звания Амаранта. И статус Амаранта по праву принадлежит ему, Вэйлоку. И он имел право использовать все средства, чтобы вернуть себе этот статус.

В коридоре послышались шаги. Вошел Тинкоп, поникший, с опущенными плечами.

— Я уволен, — сказал он. — Я больше не работаю здесь. Они сказали что мне еще повезло, что я не встретился с убийцами...

5.

Смерть дидактора Руфуса Бенберри и Сэта Каддигана произвели сенсацию в Кларжесе. Гэвина Вэйлока восхваляли везде за исключительную храбрость и хладнокровие. Бэзила Тинкопа характеризовали как карьериста, использующего несчастных пациентов в качестве подопытных животных для подъема по служебной лестнице.

Когда Бэзил прощался с Гэвином, он был в полнейшем расстройстве. Щеки его обвисли, глаза потухли, он чуть не плакал.

— Что же было неправильно? — спрашивал он время от времени. — Может, судьба, Гэвин? Может, Великий Принцип нашего общества хочет, чтобы люди страдали психозами, как бы расплачиваясь за свое благоденствие? — Он улыбнулся через силу.

— Что ты собираешься делать? — спросил Вэйлок.

— Найду что-нибудь. Видишь, психиатрия не моя область. Попробую начать сначала. Но это вопрос будущего.

— Желаю тебе счастья.

— И я тебе желаю, Гэвин.

Глава девятая

1.

Новым руководителем Баллиасского Паллиатория стал дидактор Леон Граделла, приглашенный из какого-то другого института. Выглядел он уродливо: тяжелый торс и паучьи конечности. Голова его была очень большая, взгляд подозрительный.

Граделла объявил, что будет беседовать со всеми сотрудниками Паллиатория и, возможно, сделает внутреннюю перестройку структуры. Начал он с ведущих специалистов. От него никто не выходил улыбающимся и никто не рассказывал о содержании беседы. На следующий день был вызван и Гэвин Вэйлок. Он вошел в кабинет, и Граделла указал ему на кресло. Не говоря ни слова, он углубился в досье Вэйлока.

— Гэвин Вэйлок, Бруд, — сказал он, устремив взгляд на Вэйлока. Маленькие пронзительные глазки сверлили его. — Вы здесь недавно?

— Да.

— Вы приняты на низшую должность?

— Да. Я хотел начать с самого низу, чтобы мое продвижение по службе было обусловлено моей работой. Я хотел, чтобы моя работа говорила сама за себя.

На Граделлу это не произвело впечатления.

— Люди могут имитировать бурную деятельность, чтобы обеспечить себе путь наверх. Здесь этого не будет. Ваша квалификация в области психиатрии слишком низка, чтобы на что-то надеяться.

— Я не согласен.

Граделла откинулся на спинку кресла.

— Естественно. Но как вы можете убедить меня в обратном?

— Что такое психиатрия? — спросил Вэйлок. — Это изучение болезней мозга и лечение их. Когда вы используете термин «квалификация», вы имеете в виду формальное образование в этой области, которое совсем не связано с умением лечить больных. Следовательно, квалификация — иллюзорное понятие. Истинная квалификация доказывается успехами в лечении. У вас какая квалификация с этой точки зрения?

Граделла улыбнулся почти с удовольствием.

— О, по вашему определению я вообще профан. И значит, вы полагаете, что нам следовало бы поменяться местами?

— А почему нет? Я согласен.

— Лучше оставайтесь пока на своем месте. Я буду внимательно следить за вашей работой.

Вэйлок поклонился и вышел.

2.

В тот же вечер звонок оторвал Вэйлока от его занятий. У двери стоял высокий человек в черном.

— Это вы — Гэвин Вэйлок, Бруд?

Вэйлок рассматривал пришельца, не говоря ни слова. Ли-

цо у человека было длинным, сосредоточенным, подбородок заострялся, голова была покрыта редкими волосами. Он был одет в черную униформу. Эмблема гласила, что это человек из Специального Отряда Убийц.

— Я Вэйлок. Что вам нужно?

— Я убийца. Если хотите, можете проверить мои полномочия. Я почтительно прошу следовать за мной в Дистрикт Келл для короткой беседы. Если сейчас вам неудобно, мы можем договориться на более подходящее время.

— Разговор о чем?

— Мы расследуем преступление против Джакинт Мартин. Получена информация, которая указывает на вас как на возможного преступника. Мы хотим получить либо доказательство, либо опровержение.

— Кто источник информации?

— Наши источники конфиденциальны. Я советую идти сейчас, хотя, разумеется, решаете вы.

Вэйлок поднялся.

— Мне скрывать нечего.

— Внизу нас ждет служебный автомобиль.

Они подъехали к старому угрюмому зданию на Парментер-стрит, поднялись по узкой каменной лестнице на второй этаж, где убийца передал Вэйлока молоденькой девушке с глазами, как оловянные пуговицы. Она усадила его в кресло, предложила минеральной воды. Вэйлок отказался.

— Где трибуны? — спросил он. — Я не желаю, чтобы кто-нибудь шарил по моим мыслям в отсутствие трибунов.

— Здесь трое трибунов, сэр. Вы можете потребовать еще большего количества, если желаете.

— Кто эти трибуны?

Девушка назвала имена. Вэйлок удовлетворился: ни один из них не был замешан в чем-нибудь скандальном.

— Они будут здесь через минуту. Сейчас заканчивается очередное дело.

Прошло пять минут. Открылась дверь, вошли три трибуна, а за ними инквизитор, высокий тощий человек с умными, но язвительными глазами.

Инквизитор сделал формальное заявление:

— Гэвин Вэйлок, вы допрашиваетесь по делу об устранении Джакинт Мартин. Мы хотим знать все, что вы делали в период времени, когда это устранение произошло. У вас есть возражения?

Вэйлок задумался.

— Вы сказали: в период, когда произошло устранение. Это слишком расплывчато. Это может быть и минута, и час, и

день, и месяц. Я думаю, что для ваших целей достаточно спросить, что делал я в момент устранения.

— Время точно не установлено, сэр. Поэтому мы должны рассматривать некоторый период.

— Если я виновен, — заявил Вэйлок, — то я знаю точный момент, если же невиновен — то вторжение в мою частную жизнь вам ничем не поможет.

— Но, сэр, — улыбнулся инквизитор, — мы на службе общества. Неужели в вашей жизни есть нечто, что нужно скрывать от нас?

Вэйлок повернулся к трибунам.

— Вы слышали мое заявление. Будете ли вы защищать меня?

Один из трибунов ответил:

— Мы разрешим задавать вопросы, касающиеся только трех минут до и трех минут после устранения Джакинт Мартин. Я думаю, что такой период времени должен устроить всех.

— Хорошо, — сказал Вэйлок. — Я готов.

Он сел в кресло. Девушка принесла электроды, закрепила их на висках. Послышалось шипение, в шее стало покалывать. Это девушка ввела в мозг препарат.

Наступила тишина. Инквизитор расхаживал взад-вперед, трибуны сидели неподвижно.

Прошло две минуты. Инквизитор коснулся кнопки. Электроды запульсировали, в мозгу Вэйлока сформировались спирали, которые бешено крутились, постепенно сжимаясь в точку.

— Смотрите на свет, — сказал инквизитор. — Расслабьтесь. Больше от вас ничего не требуется. Расслабьтесь и ждите. Скоро все кончится.

Вэйлок смотрел на раскаленную добела точку. Сознание стало удаляться, покидать его. Вокруг слышались неясные голоса, двигались какие-то тени. Вдруг свет мигнул, яркое пятно стало рассасываться, размазываться — и вот он уже был в полном сознании.

Инквизитор стоял рядом, вглядываясь в лицо Вэйлока.

Было очевидно, что чтение мыслей ничего не дало. Трибуны смотрели в сторону, как бы стесняясь своей необычной роли, позволяющей им выслушивать сокровенные мысли людей. За ними стояла Джакинт Мартин.

Вэйлок привстал в кресле и гневно заговорил:

— Почему эта женщина была здесь? Это противоречит всем законам. Я потребую наказания для вас!

Главный трибун, Джон Фостер, поднял руку:

— Присутствие этой женщины, конечно, нежелательно. Но оно не противоречит законам.

— Почему бы тогда не производить чтение мыслей прямо на улице? Тогда все прохожие смогут удовлетворить свое любопытство.

— Ты не понял. Джакинт присутствует здесь в соответствии со своим положением. Она сама убийца. Недавно зачислена в штат.

Вэйлок повернулся к Джакинт. Она улыбнулась холодной улыбкой.

— Да. Я расследую собственное убийство. Кто-то совершил чудовищное преступление. Я хочу знать, кто это.

— Хорошенькое занятие для красивой женщины.

— Что делать? Но я не собираюсь заниматься этим все время.

— Есть ли у вас какой-нибудь прогресс?

— Он был бы, если бы не странные провалы в твоей памяти.

Инквизитор откашлялся.

— Вы не хотите дать нам информацию по своей воле?

— Какую? — спросил Вэйлок. — Я ничего не знаю о преступлении.

Инквизитор кивнул.

— Мы это выяснили. В вашем мозгу есть провал относительно всего, что относится к данному делу. — Он отошел. Трибуны поднялись с кресел. — Благодарим, мистер Вэйлок. Вы старались нам помочь.

Вэйлок повернулся к трибунам.

— Благодарю вас за помощь.

— Это наш долг, мистер Вэйлок.

Вэйлок бросил взгляд на Джакинт, вышел из комнаты и пошел к выходу. Сзади послышались шаги. Это была Джакинт Мартин. Вэйлок остановился и подождал ее. Она подошла к нему, напряженно улыбаясь.

— Я должна поговорить с тобой, Гэвин Вэйлок.

— О чем?

— Разве ты не знаешь?

— Я не могу сказать ничего, кроме того, что ты уже знаешь.

Джакинт закусила губу.

— Но ты был со мной в ту ночь! Правда, я не знаю, как долго. Эта часть ночи мне совсем неизвестна. А в ней, может, и содержится ключ.

Вэйлок пожал плечами.

Она сделала шаг вперед, вгляделась в его глаза.

— Гэвин Вэйлок, ты будешь говорить со мной?

— Если хочешь.

3.

Они нашли укромное место в «Голубой Боболинке», старой таверне, деревянные стены которой почернели от древности. На стене висела коллекция старых фотографий — знаменитости, которые посещали когда-либо эту таверну.

— Ну, Гэвин Вэйлок, — сказала Джакинт, — расскажи мне, что случилось в тот вечер.

— Я мало что могу сказать. Ты все уже знаешь. У нас возникло взаимное влечение друг к другу, по крайней мере, мне так показалось. Мы посещали разные Дома развлечений и под конец пришли в «Памфилию». Остальное ты знаешь от своих друзей.

— А где мы были до «Памфилии»?

Вэйлок, как помнил, перечислил все их действия. С большим трудом он выуживал сведения из своей памяти и наконец добрался до встречи с Бэзилом.

Джакинт запротестовала.

— Но ты многое пропустил.

Вэйлок нахмурился.

— Я не помню. Может, я был сильно пьян?

— Нет. Денис и Альберт утверждают, что ты был совершенно трезв и насторожен.

Вэйлок пожал плечами.

— Значит, тогда не произошло ничего такого, что произвело бы на меня впечатление и отложилось в памяти.

— И еще, — сказала Джакинт, — ты забыл сказать, что мы заходили в Дом Истины.

— Да? И это я не помню.

— Странно. Служитель хорошо запомнил меня.

Вэйлок согласился, что это действительно странно.

— Хочешь услышать мою теорию? — спросила мягко Джакинт.

— Пожалуй.

— Я уверена, что в Доме Истины я узнала о тебе нечто такое, что ты хотел бы скрыть. И ты решил убить меня. Что ты скажешь на это?

— Ничего.

— Ты ничего не сказал во время чтения мыслей. — Голос ее стал горьким. — Самые интересные события почему-то отсутствуют в твоей памяти. Не знаю, как ты добился этого. Но я хочу узнать правду. И ты увидишь, что не смог извлечь выгоды из своего преступления.

— Что ты имеешь в виду?

— Больше я ничего не скажу.

— Ты странный человек.

— Я обычный человек, но с сильными чувствами.

— Я тоже.

Джакинт сидела неподвижно.

— О чем ты?

— О том, что распри между нами ни к чему хорошему не приведут.

Джакинт расхохоталась.

— Ты больше уязвим, чем я.

— И, соответственно, более безжалостен.

Джакинт поднялась.

— Я должна идти. Но думаю, ты не забудешь меня. — Она быстро пробежала по ступеням и скрылась из виду.

На следующее утро Вэйлок направился в Паллиаторий. Примерно через час его вызвали к дидактору Граделле. Он был холоден и суров.

— Я рассмотрел ваше дело. У вас нет никаких оснований занимать эту должность, и, следовательно, вы уволены.

Глава десятая

1.

Бэзил Тинкоп позвонил Вэйлоку через день после того, как его уволили из Паллиатория.

— Гэвин! Я боялся, что не застану тебя дома.

— Зря боялся. Я больше не работаю в Паллиатории.

Розовое лицо Бэзила превратилось в лицо обиженного ребенка.

— Плохо, Гэвин! Какое несчастье!

Вэйлок пожал плечами.

— Работа была так себе. Может, мне удастся найти что-нибудь получше.

— Хотел бы я сказать то же самое. — Бэзил покачал головой.

— Значит, у тебя еще нет планов?

Бэзил вздохнул.

— В молодости я занимался стеклодувным делом. Я мог бы предложить несколько усовершенствований. А может, я вернусь на корабль. Я все еще не устроен и не уверен ни в чем.

— Только не бросайся на первую попавшуюся вакансию.

— Разумеется. Но я должен подумать о своем слопе, иначе надолго застряну ниже Серда.

— Нужно все хорошо обдумать. — Вэйлок налил себе чаю.

Бэзил махнул рукой:

— Обо мне не беспокойся. Я всегда останусь на ногах.

— Давай думать. Ты утверждал, что в Паллиаторий необходим приток свежих мыслей.

— И какая от этого польза? — Бэзил покачал головой.

— Другое подобное заведение, — сказал Вэйлок, — это Актуриан. Может, мы наладим его работу так, что добьемся всеобщего признания.

Бэзил с сомнением потер нос.

— Любопытно. У тебя очень гибкий ум.

— Актуриан не какое-нибудь святилище.

— Это просто основа всей наше жизни!

— Точно. Подумаем над этим. Его основные операции установлены лет триста назад. Можно ввести изменения — ведь основные уравнения те же самые, те же пропорции филов в обществе, тот же самый уровень рождаемости.

— И что можно получить от изменения? — задумался Бэзил.

— Слушай... чисто гипотетически: предел численности населения основан на максимальной производительности общества в сфере материальных благ. Увеличение производительности может повысить допустимое число Вержей и Амарантов. Человек, который докажет это, повысит свой слоп.

Бэзил молчал, глядя в потолок.

— Но ведь такие вещи контролируются кем-то, кто заведует в Актуриане всем.

— А твой дидактор Бенберри помогал тебе лечить больных?

— Бедный старик Бенберри. — Бэзил покачал головой.

— И еще, — сказал Вэйлок. — Клетка Стыда.

— Отвратительно, — пробормотал Бэзил.

— Ужасное наказание, даже в те времена, когда не было Вейрдов.

Бэзил улыбнулся.

— Человек может повысить свой слоп, избавив Кларжес от Вейрдов.

— Несомненно, — кивнул Вэйлок. — Но тот, кто предпримет действия в отношении устранения такого наказания, заслужит всеобщее одобрение и повысит свой слоп.

— Я не уверен, — покачал головой Бэзил. — Кто протестует против такого наказания? А когда наказанный выходит из клетки в полночь, многие респектабельные граждане приходят на это посмотреть.

— Или смешиваются с Вейрдами.

Бэзил глубоко вздохнул.

— Может, ты наведешь меня на что-нибудь важное и ценное. — Он посмотрел на Вэйлока. — Благодарю, что ты теряешь время на меня.

— Ничуть не теряю. Дискуссия полезна нам обоим.

— Что ты собираешься делать?

— У меня идея: клиническое изучение Вейрдов, исследование их психологии, мотивов, привычек, распределение филов у них, их общее число.

— Интересно. Однако эта тема запрещенная.

Вэйлок улыбнулся.

— Но зато такая, которая заинтересует многих.

— Но где ты получишь материал? Никто не признает себя Вейрдом. Нужно иметь огромное терпение, изворотливость, смелость...

— Я семь лет был резидентом в районе Тысячи Воров. Под моим управлением была сотня Берберов.

Бэзил был подавлен.

— Мы должны еще поговорить. Я созвонюсь с тобой.

Экран погас. Вэйлок прошел к столу и стал набрасывать план будущих исследований. На практическую работу потребуется шесть месяцев, на описание — еще три. Результат должен поднять его до Веджа.

Он позвонил в одно из известных издательств и через несколько часов явился туда.

Беседа прошла именно так, как он и ждал. Беррет Хоскинс, издатель, заговорил о тех же трудностях, о которых говорил Бэзил, но Вэйлок привел свои доводы и убедил издателя в своей правоте. Хоскинс сказал, что такие исследования наконец-то прояснят проблему Вейрдов, о которых ходят пока только невообразимые сплетни и слухи. Контракт для подписания будет готов на следующий день.

Вэйлок вернулся домой в радостном возбуждении. Это была именно та работа, о которой он мечтал! Какого черта он позволил затащить себя в Паллиаторий? Вероятно, семь лет выжидания затмили его разум, погасили воображение. Теперь он снова в седле и ничего не остановит его. Он откроет новую область социологических исследований, он поразит население Кларжеса...

Беррет Хоскинс позвонил Вэйлоку в полдень. На лице его не было и следа вчерашнего энтузиазма. Он прятал глаза от Вэйлока.

— Я действовал опрометчиво, мистер Вэйлок. Наше издательство не может опубликовать это исследование.

— Что?! Что случилось?

— Выявились некоторые обстоятельства, и главный редактор наложил вето на эту публикацию.

Вэйлок бросил трубку в холодном бешенстве. На следующий день он объехал несколько издательств, но ни в одном из них его даже не захотели выслушать.

Вернувшись домой, он стал расхаживать по комнате. Наконец он сел к телефону, набрал номер Джакинт Мартин.

На экране появилась Джакинт, холодная и прекрасная.

Вэйлок не стал тратить слова:

— Ты вмешиваешься в мои дела.

Она несколько секунд молча смотрела на него, затем улыбнулась.

— У меня сейчас нет времени говорить с тобой, Гэвин Вэйлок.

— Выслушай меня.

— Поговорим в другой раз.

— Хорошо. Когда?

Она задумалась. Внезапно у нее возникла идея, которая показалась ей забавной.

— Сегодня вечером я буду в Пан-Арт Юнион. Ты можешь мне все сообщить там, если хочешь. — И загадочно добавила: — Может, и я что-нибудь скажу тебе.

Экран погас. Вэйлок долго сидел задумавшись. Убийцы следят за ним. Общество Амарантов делает все, чтобы не допустить его успеха. Это очевидно. Все радостные мечты вчерашнего дня оказались иллюзией. Он ощутил меланхолию, такую глубокую, что вся дальнейшая борьба показалась ему бессмысленной. Как хорошо было бы сейчас отдохнуть, погрузиться в сладкое забытье...

Он перевел дыхание. Как мог он хоть на секунду подумать о том, чтобы сдаться, подчиниться?

Он поднялся, одел вечерний костюм — серый с темно-голубым. Он пойдет в Пан-Арт Юнион и встретится со своим противником на его поле. Но затем он задумался. Последние слова Джакинт... не означали ли они что-нибудь зловещее? Он хмыкнул, стал одеваться дальше, но беспокойство его росло.

Проверив, нет ли в комнате шпионских устройств, которые могли быть установлены в его отсутствие, Вэйлок достал маску — свое альтер-эго — и надел ее. Лицо его теперь стало тяжелым и длинным, губы красные и выпуклые, волосы темно-коричневые. Затем он набросил плащ и закрепил в волосах безвкусную серебряную пряжку.

2.

Фариот-вэй была пустынной. Несколько человек стояли на движущемся тротуаре. Вэйлок некоторое время смотрел на них из окна. Если это были шпионы, то недостаточно опытные. Лишь бы они не подключили воздушное наблюдение и сложную систему связи. Правда, от этого тоже можно уйти, но придется приложить много труда. Нельзя уйти только от телевекции, но она запрещена законом.

Вэйлок хотел уйти от слежки сразу, чтобы не раскрывать свое инкогнито. Самой опасной территорией был холл при выходе из квартиры. Вэйлок приоткрыл дверь и сквозь щель оглядел все, что мог увидеть. Он не заметил ничего подозрительного, хотя обзор был слишком маленький.

Вэйлок снял маску, плащ, свернул их в узел и, неся в руках, вышел из квартиры.

Он прошел по Фариот-вэй на станцию метро Алеманд Авеню. Там, убедившись, что за ним никто не идет и никто не подходит близко, чтобы незаметно закрепить на его одежде радиотрейсер, он вошел в капсулу и нажал первую попавшуюся кнопку: Гарстенг. Капсула пришла в движение, и Вэйлок снова натянул альтер-эго и плащ. После этого он направил капсулу на станцию Флориандер Дек. Он вышел из капсулы, почти уверенный в том, что скрылся от возможного наблюдения.

В киоске он купил коробочку «Стимос» и после минутного колебания проглотил желтую, зеленую и пурпурную таблетки.

«Стимос» — это таблетки, воздействующие на нервную систему и мозг. Оранжевые таблетки вызывают восторженность и веселье, красные — влюбчивость, зеленые — сосредоточенность и усиление воображения, желтые — мужество и решительность, пурпурные — остроту ума и способность общаться с людьми, темно-голубые — сентиментальность, светло-голубые улучшают способность владения мышцами, черные возбуждают визуальные фантазии, белые минимизируют эмоциональный отклик. Таблетки можно комбинировать для получения сложного эффекта.

Впереди возвышались залитые светом склоны холмов. Там находились Подоблачный Замок, Вандун Хайленд, Баллиас с Паллиаторием возле реки, а дальше Семафор Хилл, Эйнджел Ден, где жил Бэзил, а еще дальше был расположен Пан-Арт Юнио́н.

Вэйлок поднялся на посадочную площадку и сел в воздушный кэб. Кэб взвился в воздух. Внизу и вверху сияли мириады огней. За черной лентой реки пылало зарево Карневаля, отражающегося в воде.

Глава одиннадцатая

1.

Воздушный кэб доставил Вэйлока на посадочную площадку, где уже было много частных флайеров — дорогих игрушек, наслаждаться которыми имели время лишь Амаранты да гларки. Широкий туннель, покрытый черным ковром, вел в холл. Вэйлок ступил на ковер. Оказалось, что все ворсинки его незаметно вибрируют и перемещают человека. Вэйлок проехал под стеклянно-золотой портал и оказался в вестибюле. Там он увидел надпись:

СЕГОДНЯ ВЕЧЕРОМ!
АКВАФАКТЫ!
РЕЙНГОЛЬД БИБУРСОН!!!

Большая ленивая женщина сидела за столиком, над которым висел плакат:

«Пожертвования принимаются с благодарностью».

Женщине, видимо, было скучно, и она плела из проволочной нити замысловатый узор. Вэйлок положил на стол флорин. Женщина поблагодарила его хриплым голосом, не отрываясь от работы. Вэйлок шагнул за бархатные портьеры и оказался в холле.

Аквафакты Рейнгольда Бибурсона, сложные конфигурации из сгущенной воды, располагались на пьедесталах. Посмотрев на них, Вэйлок решил, что они не представляют для него интереса, и стал наблюдать за присутствующими.

Здесь было около двух сотен человек. Они стояли группами, беседуя или циркулируя вокруг блестящих пьедесталов. Рейнгольд Бибурсон стоял возле двери. Это был высокий худой человек. Он выглядел скорее не как почетный гость, а как жертва, обреченная на страдание. Эта выставка должна была обеспечить ему успех, признание, финансовую поддержку, но он походил на человека, идущего по пустынному лесу. И только когда кто-нибудь обращался непосредственно к нему, он опускал глаза и становился любезен и внимателен.

Джакинт стояла у противоположной стены и разговаривала с молодой женщиной, одетой в платье трагического серо-зеленого цвета. На Джакинт было платье цвета ее волос. Оно было сшито в стиле одежды аквитанских уличных танцовщиц. Волосы уложены в прическу, напоминающую пламя свечи. Глаза Джакинт скользнули по Вэйлоку, когда он вошел в зал, но, видимо, она не узнала его.

Вэйлок двигался вместе со всеми вокруг зала. Джакинт не узнала его и по-прежнему наблюдала за входом. Ее подруга, молодая, изумительно хорошо сложенная женщина, казалось, тоже внимательно следила за входом в зал. Лицо ее сужалось к подбородку и расширялось к скулам. На нем выделялись большие темные блестящие глаза. Роскошные волосы волнами спадали на плечи. Вэйлоку показалось знакомым это лицо. Где-то, когда-то он видел его.

Он прошел по залу и встал позади женщин, чтобы обрывки разговора долетали до него.

— Он придет? — спросила Джакинт волнующим стаккато.

— Конечно, — ответила темноволосая. — Он ведь без ума от меня.

Вэйлок поднял брови. Значит, ждут не его! Он был даже немного разочарован.

Джакинт нервно рассмеялась:

— До какой степени?

— Винсент, если я попрошу его, будет жить даже среди кочевников... А, вот и он.

Вэйлок проследил за ее взглядом и увидел человека, вошедшего в зал. Ему, по всей вероятности, было лет тридцать. И по виду у него был средний фил. Одежда была слегка экстравагантна, и носил он ее с непринужденным изяществом. Маленькие глаза цвета глины, длинный острый нос, маленький подбородок... скорее всего, учитель-наставник, строгий и придирчивый.

Джакинт повернулась, чтобы отойти.

— Может, не стоит, чтобы он видел нас вместе?

— Как хочешь. — Темноволосая пожала плечами.

Теперь Джакинт могла видеть Вэйлока, и он решил отойти. Так что больше он ничего не слышал.

Темноволосая девушка торопливо направилась навстречу тому, кого ждала, и столкнулась с двумя пожилыми джентльменами, направляющимися к Джакинт. Темноволосая сконфуженно улыбнулась и исчезла. Пожилые мужчины подошли к Джакинт и стали беседовать с ней.

Вэйлок продолжал движение по залу.

«Кажется, этот Винсент каким-то образом вовлечен в планы Джакинт, — подумал он. — С ним полезно познакомиться поближе».

Винсент сразу направился к темноволосой девушке, но, заметив Рейнгольда Бибурсона, подошел к нему.

— К своему стыду, — произнес Винсент, — должен признаться, что совсем незнаком с вашими работами.

— Многие незнакомы, — сказал Бибурсон гортанным голосом.

— Меня очень интересует, мистер Бибурсон, — продолжал Винсент, — ведь сам я техник, как вы переводите воду в такое сгущенное стеклообразное состояние? Как вы получаете из воды такие сложные поверхности и сохраняете их?

Бибурсон улыбнулся.

— Для меня нет проблем. Я ведь космолетчик, а в космосе нет силы тяжести. Там я могу делать, что угодно, а сохранять формы с помощью мезонного излучателя.

— Великолепно! — воскликнул юноша. — Но я склонен думать, что чудовищные бездонные глубины космоса должны скорее подавлять, чем возбуждать тягу к творчеству.

— Космос — это разинутый рот, — Бибурсон снова улыбнулся, — который требует, чтобы его наполнили, это голова, требующая мыслей, пустота, требующая формы.

— А куда вы летали в последний раз? — спросил подошедший к ним Вэйлок.

— На Сириус. И планету Дог.

— А! — воскликнул юноша. — Значит, вы были на борту «Стар Эндевор».

— Я — главный навигатор.

К ним присоединился мужчина средних лет.

— Позвольте представиться, — сказал он, — Якоб Мил.

Вэйлоку показалось, что юноша насторожился.

— Мое имя Винсент Роденейв, — сказал он неохотно.

Вэйлок промолчал. Бибурсон смотрел на них со спокойной отрешенностью.

Якоб Мил обратился к нему:

— Еще никогда не разговаривал с космолетчиком. Вы не возражаете, если я задам несколько вопросов?

— Конечно, нет.

— Я читал, что во Вселенной существует бесчисленное множество миров.

Бибурсон кивнул.

— И есть такие миры, где человек может выйти из корабля и жить?

— Я видел такие миры.

— Вы исследуете такие миры, если представляется возможность?

— Не часто. — Бибурсон улыбнулся. — Я всего лишь пилот, извозчик, и делаю то, что мне приказывают.

— О, я уверен, что вы можете рассказать больше, — запротестовал Мил.

Бибурсон кивнул.

— Есть планета, о которой я редко рассказываю. Свежая

и прекрасная, как весенний сад. Она моя. Еще никто не открыл ее. Это девственная планета с ледяными шапками полюсов, континентами, горами, океанами, лесами, пустынями... она моя. Я бродил по берегу реки. Справа и слева от меня стояли голубые леса, впереди возвышались горные хребты. И все это мое. Ни одного человека в пределах пятнадцати световых лет...

— Да, вы богач, — сказал Мил. — Вам можно позавидовать.

Бибурсон покачал головой.

— Этот мир я видел лишь однажды. И увидеть его снова столько же шансов, сколько увидеть знакомое лицо на улице чужого города. Я потерял свою планету. И, вероятно, никогда ее не найду.

— Но есть и другие миры. Может, их хватит на всех? Стоит только отыскать их.

Бибурсон рассеянно кивнул.

— Вот такая жизнь мне нравится, — сказал Вэйлок.

Якоб Мил рассмеялся.

— О, мы, люди, живущие в Кларжесе, не космолетчики. И Бибурсон — не один из нас. Он из прошлого. Или из будущего?

Бибурсон посмотрел на Мила с меланхолическим интересом, но не сказал ничего.

— Мы живет в крепости, — сказал Мил. — Мы отгородились от варваров барьером, мы находимся на острове в море дикости. И это определяет всю нашу жизнь. Слоп! Слоп!! Слоп!!! — Вот все, что можно услышать в Кларжесе. — Мил воздел руки в сардоническом отчаянии и пошел прочь.

Роденейв тоже двинулся по залу, обходя аквафакты. Вэйлок немного постоял, затем присоединился к нему. Они разговорились.

— Меня удивляет, — сказал Роденейв, указывая на причудливые формы, — как поддерживаются эти линии?

Вэйлок нахмурился.

— Может быть он использует поверхностные пленки, усиливающие плотность воды?

Винсент согласился без спора. Они прошли мимо Джакинт, все еще беседующей с двумя стариками.

— Это Джакинт Мартин, — небрежно бросил Вэйлок. — Ты знаком с ней?

Роденейв бросил на Вэйлока острый взгляд.

— Только понаслышке. А ты ее знаешь?

— Очень мало.

— Лично я здесь по настоятельному приглашению Анас-

тазии де Фанкур, — сказал Винсент, и Вэйлок ощутил дрожь в его голосе.

— Я незнаком с ней. — Так вот почему это лицо показалось ему знакомым! Анастазия де Фанкур! Знаменитая мим!

Роденейв снова оценивающе посмотрел на Вэйлока.

— Она подруга Джакинт.

— Между Амарантами не бывает дружбы, — расхохотался Вэйлок. — Они слишком довольны собой и не нуждаются в дружбе.

— Ты, вероятно, серьезно изучал психологию Амарантов?

Вэйлок пожал плечами.

— Да нет. — Он посмотрел вдаль. — Рейнгольд Бибурсон. Какой у него фил?

— Верж. Хорошее достижение для космолетчика.

— А какой у тебя фил? — спросил Вэйлок.

— Серд, — назвал Роденейв свой статус. Он работал техническим руководителем в Актуриане. Вэйлок спросил, каковы его функции.

— Разные исследования. В последний год я ввел упрощение в телевекторную систему. Раньше оператор интерпретировал код и затем переводил его координаты общей карты. Сейчас информация печатается прямо на лист, который является непосредственной частью карты. За это я и стал Сердом.

— Поздравляю, — сказал Вэйлок. — Мой друг хочет перейти на работу в Актуриан. Он будет рад услышать, что там есть возможности для повышения.

Винсент посмотрел на Вэйлока.

— В какой области он хочет работать?

— Вероятно, в области общественных отношений.

— О, так он ничего не заработает, — фыркнул Роденейв

— Разве нет возможности повысить слоп на изучении данной проблемы? Я и сам хотел бы поступить в Актуриан.

Роденейв смутился.

— К чему эта всеобщая миграция в Актуриан? У нас профессиональная работа, ничего необычного.

— Но ты же существенно повысил свой слоп.

— В технической области, если у человека есть логический ум, точная память, работоспособность, он всегда добьется успеха. Хотя, должен заметить, мой успех больше связан с изобретением.

Вэйлок посмотрел по сторонам.

— Интересно, и что же ты изобрел?

— Ничего существенного, но это приобрело большую популярность. Ты, наверное, и сам не раз грелся у очага.

— Конечно! — воскликнул Вэйлок.

— Очаг — это встроенный в стену экран. При включении на экране возникает изображение огня с углями, с потрескиванием, с запахом дыма... и с инфракрасным излучением.

— О, ты со своим изобретением, наверное, повысил не только свой слоп, но улучшил материальное положение.

— Кто думает о деньгах, когда жизнь так коротка?! — фыркнул Роденейв. — Сейчас я должен был бы быть дома и изучать логарифмы.

— ?!

— Я тренирую память. Уже сейчас я умею определять логарифмы числа при любом основании.

— Чему равен логарифм сорока двух? — с сомнением улыбнулся Вэйлок.

— При каком основании?

— Десять.

— 62325.

— Восемьдесят пять?

Роденейв покачал головой.

— Я дошел только до семидесяти одного.

— Тогда семьдесят один?

— 85126.

— Как ты делаешь это?

— Мнемоническая система, — махнул рукой Роденейв. — Каждую цифру я представляю как часть речи. Один — неодушевленное существительное, два — одушевленное существительное, три — существительное растение, четыре — минерал, пять — глагол, шесть — наречие эмоции, семь — наречие цвета, восемь — наречие направления, девять — размера, ноль — ничто. Для каждого числа я составляю кодовое предложение.

— Замечательно.

— Сегодня, — вздохнул Роденейв, — я должен был дойти до семидесяти четырех или семидесяти пяти. Если бы не Анастазия. — Он замолчал. — А вот и она.

Винсент смотрел на Анастезию как завороженный.

Девушка подошла к ним легкими, как у котенка, шагами.

— Добрый вечер, Винсент, — сказала она чистым голосом и бросила на Вэйлока быстрый взгляд. Роденейв сразу забыл о Вэйлоке.

— Я принес то, о чем ты просила. И позаботился, чтобы не было ни малейшего риска.

— Прекрасно, Винсент. — Она взяла его за руки и наклонилась совсем близко к нему, отчего он напрягся и побледнел. — Зайди ко мне после представления.

Роденейв расплылся в улыбке. Анастазия тоже улыбну-

лась, снова покосилась на Вэйлока и исчезла. Оба мужчины смотрели ей вслед.

— Чудесное создание, — пробормотал Винсент.

Анастазия остановилась возле Джакинт, которая спросила ее о чем-то. Анастазия кивком показала на Винсента Роденейва. Джакинт повернулась и увидела стоящих рядом Винсента и Вэйлока.

Глаза ее расширились от изумления. Она нахмурилась и отвернулась. «Неужели узнала?» — подумал Вэйлок.

Винсент Роденейв тоже заметил взгляд Джакинт. Он с любопытством посмотрел на Вэйлока.

— Ты не назвал мне своего имени.

— Я Гэвин Вэйлок, — грубо и прямо ответил Вэйлок.

Брови Роденейва взметнулись вверх, рот открылся.

— Ты сказал — Гэвин Вэйлок.

— Да.

Роденейв осмотрелся.

— Сюда идет Якоб Мил. Я лучше уйду.

— Чем он неприятен тебе?

Роденейв взглянул на него.

— Разве ты не слышал о Визерерах?

— Я слышал, что они встречаются в Холле Откровений.

Роденейв кивнул.

— Я не желаю слышать его излияния. Он гларк с головы до ног. — И поспешил прочь.

Вэйлок взглянул на Джакинт, которая все еще была занята беседой.

Якоб Мил подошел к Вэйлоку и с ухмылкой посмотрел вслед Роденейву.

— Можно подумать, что юный Роденейв избегает меня.

— Кажется, он боится твоей философии.

Якоб Мил начал что-то говорить, но Вэйлок извинился и пошел за Роденейвом, который остановился возле одной из структур. Заметив Вэйлока, он отвернулся.

Вэйлок тронул его за плечо, и Винсент повернулся к нему с недовольной миной.

— Я хочу поговорить с тобой, Роденейв.

— Сожалею, не сейчас...

— Может, нам лучше выйти?

— У меня нет такого желания.

— Тогда пройдем в боковой холл. Там легче поговорить о делах. — Вэйлок взял Роденейва за руку и повел в один из боковых альковов. Там он отпустил Винсента.

— Отдай мне это.

— Что?

— Ты принес для Анастазии что-то, что касается меня. Я хочу увидеть это.

— Ты ошибаешься. — Роденейв хотел уйти, но Вэйлок крепко взял его за руку.

— Отдай мне это.

Роденейв стал вырываться. Вэйлок распахнул его пиджак и в кармане жилета увидел конверт. Он взял его, несмотря на отчаянные протесты и сопротивление Винсента Роденейва.

Открыв конверт, Вэйлок увидел три квадратика пленки. Он взял один, посмотрел на свет. Изображение было слишком мелким, но метку можно было разобрать: Грэйвен Варлок.

— А, — сказал Вэйлок, — я начинаю понимать.

Роденейв стоял поникший, но взбешенный.

На второй пленке была метка: Гэвин Вэйлок. На третьей — Анастазия.

— Это же телевекторы, — сказал Вэйлок. — И ты мне скажешь...

— Я ничего не скажу! — резко оборвал его Роденейв. Глаза его злобно сверкнули.

Вэйлок с любопытством посмотрел на него.

— Ты понимаешь, что будет, если я заявлю на тебя?

— Безвредная шутка и ничего больше.

— Безвредная? Шутка? Ведь ты вмешиваешься в мою жизнь. Даже убийцы не имеют права пользоваться телевекцией.

— Ты преувеличиваешь серьезность дела.

— А ты преувеличиваешь расстояние до Клетки Стыда.

Роденейв махнул рукой.

— Отдай мне пленки.

— Ты сумасшедший? — Вэйлок насмешливо посмотрел на него.

Роденейв стал пытаться свести свою роль к минимуму.

— Я сделал это только по просьбе Анастазии.

— Зачем ей это?

— Не знаю.

— Я уверен, что она хотела передать пленки Джакинт.

— Это не мое дело, — пожал плечами Роденейв.

— Ты сделаешь ей другие? — осторожно поинтересовался Вэйлок.

— Нет, — Роденейв встретился с ним взглядом, отвернулся.

— Мне бы хотелось, чтобы это было так.

Роденейв посмотрел на конверт.

— А что ты с ним будешь делать?

— Ничего такого, что затронуло бы тебя. Благодари Бога, что тебе удалось легко отделаться.

Винсент повернулся и вышел из алькова.

Вэйлок некоторое время размышлял, затем снял маску и вышел из зала.

Джакинт сразу увидела его. Глаза их встретились, и Вэйлок почувствовал в ее взгляде вызов. Он пошел к ней. Джакинт ждала его с холодной усмешкой.

2.

— Халдеман видел руины в Бискайской гавани... — говорил один из собеседников Джакинт. — Стены, бронзовые стеллы, обломки мозаики, панель голубого стекла...

Другой собеседник даже хлопнул в ладоши.

— О, это настоящие чудеса! Если бы я не был занят в офисе, я присоединился бы к экспедиции.

Джакинт протянула руку в направлении Вэйлока.

— Вот человек, предназначенный для авантюр! — Она представила всех друг другу: — Сидон Сэм...: — подтянутый человек с обветренным лицом чуть поклонился, — ...и его честь канцлер Пританеона Клод Имиш. — Вэйлок посмотрел на хорошо откормленного седовласого старца.

Вэйлок также представился.

Джакинт, ощущая внутреннее напряжение Вэйлока, сказала ему:

— Мы говорим о последней экспедиции Сэма. Он подводный археолог. Разве это не увлекательно, Гэвин Вэйлок, увидеть разрушенные города под водой?

— Очень увлекательно! — воскликнул канцлер Имиш.

— А что это за город? — спросила Джакинт.

Сэм покачал головой.

— Кто знает? Только дальнейшие исследования могут ответить на это.

— А вам досаждали пираты?

— До некоторой степени. Но мы научили их остерегаться нас.

Вэйлок больше не мог сдерживать нетерпение. Он обратился к Джакинт:

— Могу я поговорить с тобой?

— Конечно. — Она извинилась перед собеседниками, и они отошли в сторону.

— Ну, Гэвин Вэйлок, что ты хочешь?

— Почему ты хотела, чтобы я явился сюда?

Она изобразила удивление.

— Разве ты не хотел встретиться со мной?

— Я тебе уже сказал: если ты будешь вмешиваться в мою жизнь, я буду вмешиваться в твою.

— Это звучит как угроза, Гэвин.

— Нет. Я не угрожаю тебе в присутствии этого... — Он указал на круглую кнопку, передающее устройство, с помощью которого вся информация о жизни Амаранта поступает к его суррогатам.

— Если бы я имела это в Карневале, — вздохнула она, — тогда бы не было всего, что произошло. — Она посмотрела мимо Вэйлока, и глаза ее сузились от возбуждения. — А вот и тот, с кем тебе нужно встретиться. Очередной любовник Анастазии... один из них...

Вэйлок повернулся. Абель Мандевиль!!! Они напряженно смотрели друг на друга.

— Грэйвен Варлок! — наконец воскликнул Абель.

— Мое имя Гэвин Вэйлок, — холодно ответил Вэйлок.

— Гэвин заявил, что он реликт Грэйвена, — сказала Джакинт.

— Тогда я извиняюсь. — Глаза Абеля сузились. — Реликт? Не суррогат?

— Реликт.

Абель внимательно смотрел на Вэйлока, изучая его движения.

— Возможно, возможно. Но ты не реликт. Ты Грэйвен, каким-то образом избежавший уничтожения. — Он повернулся к Джакинт: — Что можно сделать с монстром, чтобы привести его в руки правосудия?

— Не знаю, — задумчиво ответила Джакинт.

— Почему ты общаешься с ним?

— Должна признать, он интересует меня. И может быть, он суррогат...

Абель махнул большой красивой рукой.

— Где-то произошла ошибка. Когда убийцы хватают человека, они должны уничтожать все, даже память о нем.

— Абель, — сказала Джакинт, глядя на Вэйлока. — К чему вспоминать о прошлых ошибках, когда полно новых?

Абель хрипло прорычал:

— Монстеризм становится респектабельным занятием. — Он повернулся и ушел.

Джакинт и Вэйлок смотрели ему вслед.

— Он сегодня более желчен, чем обычно, — сказала Джакинт. — Это из-за Анастазии. Ревность грызет его.

— Ты пригласила меня сюда для встречи с ним?

— Ты слишком чувствителен. Да, я хотела быть свидетелем этой встречи. Меня интересует, каковы были твои мотивы для моего уничтожения. И я уверена, что Грэйвен Варлок...

— Но мое имя Гэвин Вэйлок.

Она отмахнулась от этих слов.

— Я не уверена в этом. Прежняя Джакинт не могла бы заинтересоваться тобой. Причина всему — дело Варлока-Мандевиля.

— Даже если это и так, почему я должен был убивать тебя?

— Когда я увидела тебя в Карневале, еще не прошло семь лет. Ты боялся, что я передам тебя убийцам.

— Предположим, что это так. Ты бы сообщила обо мне убийцам?

— Обязательно. Ты повинен в ужасном преступлении и повторил его в Карневале.

— Ты очень странная. Чтение мыслей доказало, что я ничего не знаю, а ты не хочешь поверить в это.

— Я не дурочка, Гэвин Вэйлок.

— Даже если я повинен... а я никогда этого не признаю... В чем состав преступления? Ни ты, ни Абель не испытали ничего, кроме маленького неудобства.

— Преступление, — мягко сказала Джакинт, — состоит в твоей готовности отобрать чужую жизнь.

Вэйлок беспокойно осмотрелся. Мужчины, женщины... Они разговаривали, смеялись, рассматривали экспонаты... Его беседа с Джакинт казалась чем-то нереальным.

— Сейчас вряд ли подходящее время спорить об этом, — сказал он. — Однако я должен сказать, что, если лишение жизни — преступление, то преступники все, кроме гларков.

Джакинт прошептала в притворном ужасе:

— Расскажи, в чем заключается мое преступление?

Вэйлок кивнул.

— Один Амарант на две тысячи человек — такова разрешенная пропорция. Когда ты стала Амарантом, информацию об этом ввели в Актуриан. Две тысячи черных автомобилей выехали по приказу Актуриана. Две тысячи дверей отворились, две тысячи несчастных покинули свои дома, поднялись на три ступеньки, две тысячи...

Голос Джакинт зазвучал, как расстроенная скрипка:

— Но я тут ни при чем...

— Да, — ответил Вэйлок. — Это борьба за существование, вечная борьба, но самая жестокая и безжалостная за всю историю человечества. И ты сочиняешь фальшивые теории, обманываешь себя, ослепляешь... Если бы ты честно смотрела в лицо действительности, в Паллиаториях было бы меньше пациентов.

Браво! — воскликнул канцлер Имиш, подошедший сзади. — Неортодоксальный взгляд на вещи, высказанный с большой искренностью.

Вэйлок поклонился.

— Благодарю. — Он кивнул Джакинт и пошел через толпу.

3.

Вэйлок сел в тихом углу. Значит, Джакинт заманила его сюда, чтобы установить его личность. Если не с помощью Абеля Мандевиля, то по телевекторным диаграммам, которые, по требованию Анастазии, достал ее поклонник.

Вэйлок достал пленки, стал рассматривать их. Телевекторные диаграммы Гэвина Вэйлока и Грэйвена Варлока совпадали полностью. Вэйлок улыбнулся и разорвал их. На диаграмме Анастазии изображение было расплывчатым. Как будто два изображения наложились одно на другое. Даже красный крест — знак совмещения — и тот был двойным. Один четкий и яркий, другой — бледный и расплывчатый. Почему же такая нечеткость, двойное изображение? Вряд ли неполадки в машине. Впечатление такое, как будто наложились диаграммы двух человек. Но это же невозможно. Альфа-диаграммы каждого мозга уникальны...

И вдруг у Вэйлока вспыхнула мысль, с первого взгляда абсурдная, но... Но если это так...

Возбуждение охватило его. В его мозгу созрел подробный план действий.

Но вот звуки труб разорвали течение его мыслей. Голоса затихли, свет стал меркнуть.

4.

Часть стены отошла в сторону и открыла сцену с черным занавесом. На сцене появился молодой человек.

— Друзья искусства! Перед нами согласилась выступить самая замечательная актриса. Я, конечно, имею в виду несравненную Анастазию де Фанкур. Она поведет нас за кулисы кажущегося и скинет вуаль с действительности. Выступление будет коротким, и она просила меня извиниться за некоторую схематичность представления. Но я не хочу этого делать. Помогать Анастазии будет музыкант-любитель, иными словами — я.

Он поклонился и исчез. В холле стало темно. Черный занавес задрожал. Вспыхнул свет прожектора, но на сцене никто не появился.

Потом из мрака вышла хрупкая белая фигурка в костюме Пьеро. Казалось, она вся трепещет в ярком свете. Она нерешительно шагнула к занавесу и как бы в нерешительности отогнула его. Что-то большое, черное прыгнуло на нее. Девушка бросила занавес, отскочила, пошла со сцены. Луч света преследовал ее. Она повернулась к зрителям. Лицо ее было белое как снег. На нем четко выделялись черные губы. Волосы

едва прикрывала белая шапочка с черным помпоном. На ней был свободный белый балахон с черными помпонами на месте пуговиц. Черные большие глаза, брови были выгнуты так, что придавали лицу изумленное выражение, — наполовину клоун, наполовину привидение...

Она отошла к самому краю сцены и смотрела на занавес, который, дрожа, отошел в сторону.

Так началась пантомима, которая длилась пятнадцать минут. Она состояла из трех эпизодов, в каждом из которых утверждалась победа сердца над разумом, фантазии над реальностью. Каждый эпизод был обезоруживающе прост, но эту простоту было трудно увидеть за дьявольским очарованием мима, ее скорбно опущенными углами черного рта, ее большими, как чернильные озера, глазами. Каждый эпизод сопровождался музыкой, и ритмический рисунок начинался с простейшего, постепенно усложняясь, переходя в сложные построения, имеющие глубокий философский смысл.

Действие первого эпизода происходит в лаборатории парфюмерной фабрики, где девушка работает лаборантом. Она смешивает разные масла, эссенции, но в результате получает только зловонный пар, который заставляет морщиться зрителей в зале. Девушка в отчаянии всплескивает руками и берет толстую книгу. Затем она бросает в чашу рыбью голову и горсть розовых лепестков. В чаше вспыхивает зеленое пламя. Девушка в трансе. Она роняет в чашу свой платок, и из чаши поднимается сноп разноцветных искр — чудо пиротехники. Все это сопровождается чарующей музыкой.

Во втором эпизоде девушка ухаживает за садом. Земля сухая и каменистая. Она выкапывает ямки и в каждую сажает цветок — розу, подсолнух, лилию... Цветы один за другим сохнут и желтеют. Девушка в отчаянии. Она ломает руки, рвет цветы, бросает их на землю. В порыве отчаяния она втыкает в землю лопату. Тут же из черенка лопаты начинают расти ветки, покрытые зелеными листьями. На ветках висят спелые плоды.

В третьем эпизоде сцена абсолютно темная. Виден только циферблат часов, зеленые стрелки и красная метка на двенадцати часах. Девушка выходит на сцену, смотрит на небо и начинает строить дом. Она строит его из совсем неподходящих материалов — сломанных досок, кусков металла, осколков стекла. Несмотря на это, у нее что-то получается. Вырисовывается структура дома. Девушка снова смотрит на небо и начинает работать быстрее. Стрелка приближается к красной отметке. Наконец дом готов. Девушка счастлива. Она

открывает дверь, чтобы войти, и отгоняет птиц. Пока она этим занята, стрелка коснулась красной отметки: яркая вспышка света, гром... яростный белый прибой расшвыривает обломки досок и камней, захлестывает и уносит девушку... Рев, скрежет, нечеловеческий вопль...

В холле включился свет, занавес опустился.

5.

Анастазия де Фанкур вернулась в свою комнату, закрыла за собой дверь. Она чувствовала себя так, будто вынырнула из ледяной воды и вернулась на солнечный пляж.

Спектакль вроде бы получился, хотя и были шероховатости. Возможно, придется добавить еще один эпизод...

Она застыла. В комнате был кто-то чужой. Незнакомый. Она заглянула в маленькую прихожую. Там сидел мужчина. Большой мужчина с бородой.

Анастазия прошла вперед, сняв шапочку и распустив волосы.

— Мистер Рейнгольд Бибурсон. Большая честь для меня.

Бибурсон медленно покачал головой.

— Нет, это честь для меня. Я не буду извиняться за вторжение. Космолетчики выше условностей.

Анастазия рассмеялась.

— Я бы согласилась с вами, если бы знала, какие условности вы имеете в виду.

Бибурсон отвел глаза в сторону. Анастазия подошла к столу, взяла полотенце и начала вытирать грим с лица.

— Я не из тех, кто умеет хорошо говорить, — сказал Бибурсон. — В моих мыслях рождаются картины, которые мне трудно перевести в слова. Мне приходилось бодрствовать на вахте недели, месяцы, когда остальные спали.

Анастазия скользнула в кресло.

— Вы, должно быть, очень одиноки.

— У меня есть работа. Есть скульптуры. Есть музыка. Сегодня я увидел вас и поразился. До сих пор я только в музыке находил то, что всколыхнули во мне вы.

— Этого следовало ожидать. Мое искусство, как музыка. И я, как музыканты, пользуюсь символами, далекими от реальности.

— Я понимаю, — кивнул Бибурсон.

Анастазия подошла к нему, заглянула в его лицо.

— Вы странный человек. Вы чудесный человек. Почему вы здесь?

— Я пришел просить, чтобы вы пошли со мной, — ответил Бибурсон с величественной прямотой. — В космос. «Стар Эн-

терпрайз» готовится к полету. Скоро мы полетим на Акарнар. Я зову вас собой в черное, украшенное звездами небо.

Анастазия улыбнулась.

— Я такая же трусиха, как и все остальные.

— В это трудно поверить.

— Но это правда. — Она подошла к нему, положила руку на его плечо. — Я не могу покинуть свои суррогаты. Тогда распадется связь между нами. Как видите, моя свобода весьма ограничена.

Сзади послышались шаги и раздался хриплый голос:

— Должен сказать, что сценка весьма любопытная.

В дверях стоял Абель Мандевиль и рассматривал комнату. Наконец он прошел вперед.

— Крутишь шашни с этой бородатой вороной? Обнимаешься с ним?

Анастазия разозлилась.

— Не слишком ли много ты позволяешь себе?

— Ха! Моя грубость менее тошнотворна, чем твое легкомыслие.

Бибурсон встал.

— Боюсь, что я испортил вам весь вечер, — печально сказал он.

Мандевиль хмыкнул:

— Не обвиняй себя. На твоем месте мог быть любой другой.

Раздался еще один голос. В комнату заглядывал Винсент.

— Могу я поговорить с тобой, Анастазия?

— Еще один! — воскликнул Абель.

Роденейв напрягся.

— Это оскорбление, сэр.

— Не имеет значения. Что тебе здесь нужно?

— Я не вижу, почему это вас должно интересовать.

Абель двинулся к нему. Роденейв, ростом чуть ли не вдвое ниже его, не тронулся с места. Анастазия очутилась между ними.

— Эй, петухи! Остановитесь! Абель, уйдешь ли ты, наконец?

Абель взбесился.

— Мне уйти? Мне?

— Да.

— Я уйду последним. Я хочу поговорить с тобой. — Он махнул в сторону Роденейва и Бибурсона. — Эй, вы, уходите!

Бибурсон поклонился с печальной грацией и вышел.

Винсент нахмурился.

— Может быть, мы увидимся позже? Мне нужно объяснить...

Анастазия пошла вперед. Ее лицо выражало страшную усталость.

— Не сегодня, Винсент. Мне нужно отдохнуть.

Роденейв заколебался, затем ушел.

Анастазия повернулась а Абелю.

— Абель, пожалуйста. Мне нужно переодеться.

Но Мандевиль стоял, как бык.

— Мне нужно поговорить с тобой.

— Я не хочу ничего от тебя! — Голос ее внезапно сорвался на крик. — Ты понимаешь, Абель? Я с тобой покончила, навсегда, насовсем! Уходи! — Анастазия отвернулась от него и стала вытирать грим.

Сзади послышались тяжелые шаги, затем возглас, стон, звук упавшего тела и мерное капанье — кап-кап-кап... которое скоро прекратилось.

Глава двенадцатая

1.

Следующий день был воскресенье. Вэйлок проснулся в состоянии крайней прострации. Он медленно оделся, вышел на улицу и пошел вдоль озера по направлению к Эстергази-сквер. Выбрав место в небольшом кафе, откуда он мог видеть и озеро и набережную, он заказал крепкий чай и рогалики с джемом.

Площадь была залита солнечным светом. Народу было больше чем обычно. Дюжина крикливых детей играла в игру «Найди гларка». Поблизости от Вэйлока сидели трое юношей и разговаривали, изредка громко смеясь.

Вэйлок прислушался. Юноши рассказывали анекдоты, в основном, неприличные.

Настроение его ухудшилось. Он мог повернуться к ним и сказать:

— Смотрите на меня, я монстр. Я убил не один раз, а два. А сейчас я обдумываю способ, как убить много людей. — Эти кретины раскрыли бы рты от страха и подавились бы своим идиотским смехом.

Солнце грело все сильнее, и постепенно к Вэйлоку стало возвращаться присутствие духа.

События прошлого вечера должны были реабилитировать его. Это должна была признать даже Джакинт. Если она со-

гласится прекратить свои преследования, он может забыть тот ужасный план, что зрел в его голове. Однако он понимал, что ему будет трудно отказаться от него.

Вэйлок достал из кармана конверт Роденейва и стал рассматривать пленку Анастазии. Разделить эти два изображения, наложенные друг на друга, совсем нетрудно. Обычная фототехника с фазовым анализом.

Он снова спрятал конверт в карман. Роденейв сильно рисковал из-за Анастазии. Если бы все открылось, он потерял бы работу, и его ждала бы Клетка Стыда. Он, Вэйлок, однажды рискнул и ничего не выиграл. Кажется, сейчас ему не остается ничего другого, кроме как рискнуть снова, но уже с большей вероятностью выигрыша.

Вэйлок посмотрел на залитую солнцем площадь, где играли дети, где мужчины и женщины шли в Актуриан и выходили оттуда с неподвижными лицами, угасшими глазами. Вэйлок взял газету. С первой страницы на него смотрело лицо Анастазии де Фанкур, прекрасное и одухотворенное, как лицо Сильфиды. Да, ее выступление было потрясающим. Вэйлок взглянул на название газеты — «Кларион» — газета Абеля.

Вэйлок быстро пробежал глазами новости. Миллионер-гларк предлагал все свое состояние за то, чтобы стать Амарантом. Автор жестоко высмеивал незадачливого миллионера. Новый суперинтендант Леон Граделла рассказывал о Баллиасском Паллиатории. Лига Гражданской Морали гневно клеймила развлечения в Карневале, называя их позорными, грязными, отвратительными.

Вэйлок зевнул, отложил газету. По набережной шла странная пара: высокий угрюмый молодой человек и женщина, такая же высокая, с гладкими рыжими волосами и лицом, длинным, как скрипка. На ней был ярко-зеленый жакет, ярко-желтая юбка, на руках звенела дюжина медных браслетов.

Вэйлок узнал ее: Пледж Каддиган. Они встретились глазами.

— Гэвин Вэйлок! — воскликнула она и всплеснула длинными руками. Подхватив молодого человека, она потащила его к столу, где сидел Вэйлок.

— Роджер Бисли, Гэвин Вэйлок, — представила она. — Мы можем посидеть с тобой?

— Конечно. — Если Пледж и скорбела о муже, то она хорошо скрывала свои эмоции.

Пледж и Роджер сели за столик Вэйлока.

— Я надеюсь, Роджер, — сказала Пледж, — что Гэвин Вэйлок станет одним из нас.

— Кем же? — спросил Вэйлок.

— Визерером, конечно. Сейчас все мыслящие люди приходят к нам.

— А кто такие Визереры?

Пледж в притворном ужасе закатила глаза.

— О нас так много говорят... Мы люди протеста. Мы создали свою коалицию и теперь организуем центральный комитет.

— Зачем?

Пледж удивилась.

— Чтобы мы стали социальной силой и могли что-то делать с правительством.

— Что именно?

Пледж снова всплеснула руками. Зазвенели браслеты.

— Если мы все будем заодно, то все будет хорошо. Нынешние условия жизни невыносимы. Мы все хотим перемен. Все, кроме Бисли.

Бисли кротко улыбнулся.

— Наш мир несовершенен. Но я уверен, что нынешняя система ничем не хуже любой другой.

Пледж сделала гримасу.

— Видишь, насколько он консервативен?

Вэйлок посмотрел на Бисли.

— Почему же тогда ты с ними?

— А почему нет? — воскликнул тот. — Я самый настоящий Визерер. Они спрашивают друг друга: каким будет мир? А я конкретизирую вопрос: каким будет мир, если нынешние условия сохранятся.

— Он не предполагает ничего конструктивного, лишь спорит с нами, — вставила Пледж.

— Ничего подобного. У меня есть четкая точка зрения. Она настолько проста, что Пледж и ее друзья не могут понять ее. Я считаю так. Первое — каждый хочет вечной жизни. Второе — этого нельзя допустить, иначе мы вступим в новый век Хаоса. И третье — очевидное решение — дать вечную жизнь только тем, кто заслужил ее. А это и есть наша нынешняя система.

— Но люди! Их постоянное нервное напряжение, страдания, ужас! Что ты скажешь о несчастных, заполняющих Паллиатории? Двадцать пять процентов всего населения!

Бисли пожал плечами.

— Мир несовершенен. В нем всегда будет страх и боль. Мы стремимся уменьшить их. Именно этим и нужно заниматься.

— О Роджер! Ты не можешь серьезно верить в это!

— При отсутствии доказательств обратного, верю. — Он повернулся к Вэйлоку. — Во всяком случае, такова моя точка

зрения, за что и подвергаюсь нападкам со стороны этих горячих голов.

— Я встречался с Визерером прошлым вечером, — сказал Вэйлок. — Его звали Якоб Мил...

— Якоб Мил! — Пледж от возбуждения ущипнула Бисли. — Роджер, позвони ему. Он живет рядом. Спроси, не придет ли он сюда.

Роджер Бисли сделал гримасу, и тогда Пледж сказала:

— Хорошо. Я сама. — Она встала и пошла к телефону.

— Очень горячая особа, — заметил Бисли.

— Да, пожалуй.

Пледж вернулась.

— Он выходит. Сейчас будет здесь.

Вскоре появился Якоб Мил и был представлен Вэйлоку.

Мил наморщил лоб.

— Ваше лицо мне знакомо. Мы уже встречались?

— Мы виделись вчера в Пан-Арт Юнион.

— Да? — Мил нахмурился. — Возможно. Я не помню... Ужасное событие.

— Действительно, ужасное.

— А что случилось? — спросила Пледж и не успокоилась, пока не получила полный отчет обо всем. Снова заговорили о Визерерах. Мил посетовал на упадок и дегенерацию статичного общества. Вэйлок сидел и смотрел на озеро.

Роджер Бисли воскликнул:

— Якоб, ты витаешь в облаках! Чтобы идти куда-то, нужно знать, куда идти!

— Человечество уничтожило своего последнего врага. Мы открыли тайну вечной жизни, и она должна принадлежать всем!

— Ха, ха, — засмеялся Бисли. — Под этой маской доброты скрывается самая жестокая доктрина. Кларжес, населенный амарантами, плодящимися и размножающимися! А потом — спасайся, кто может!

Вэйлок задумчиво сказал:

— Ход событий будет неотвратимым. Сначала мы переполним свое государство. Затем перейдем границы. Варвары объявят нам войну. Мы будет оттеснять их все дальше и дальше. Наше население будет расти. Мы оросим пустыни, воздвигнем острова в океанах, вырубим тайгу — и все это время нам придется воевать.

— Это будет империя, — пробормотал Бисли, — воздвигнутая на костях, сцементированная кровью.

— И что потом? — спросил Вэйлок. — Мы завоюем мир. Через сто лет вечной жизни люди будут стоять плечом к плечу

на суше, а те, кому не нашлось места на суше, будут плавать на плотах.

Якоб Мил вздохнул.

— Именно это я и называю леностью мышления. Все видят проблему, обсуждают ее возможные решения, а затем опускают руки и живут по-прежнему, утешая себя мыслями о том, что хотя бы поговорили об этом.

Наступила пауза, а потом снова заговорил Якоб Мил.

— Если бы у меня была власть, я никому не сообщил бы своих идей. Ими должен проникнуться каждый. Каждый должен понять необходимость такого шага.

— Но Якоб! — сказала Пледж. — Все обеспокоены, все ищут решение, все думают, куда идти.

Якоб пожал плечами.

— Я знаю, куда мне идти — но пойдут ли все за мной? Я не имею права звать за собой.

Роджер саркастически заметил:

— Может, ты нам укажешь направление?

Мил улыбнулся и показал на небо.

— Вот наш путь. К звездам. Вселенная ждет нас.

Наступила тишина, почти замешательство. Якоб смотрел на них, улыбаясь.

— Вы считаете меня сумасшедшим? Может, я и есть сумасшедший. Простите меня.

— Нет, нет, — запротестовала Пледж.

— Может, это и решение проблемы, — сказал Бисли, — но не для жителей Кларжеса. У нас устоявшийся образ жизни, привычки, карьера в конце концов.

— Цитадель, — сказал Мил с презрением. И указал на Актуриан: — А это сердце цитадели.

Пледж вздохнула.

— Ты мне напомнил. Мне нужно проверить свой слоп. Я не была там уже две недели. Кто-нибудь идет со мной?

Бисли согласился сопровождать ее. Все поднялись, вышли из кафе и разошлись.

Вэйлок купил газету. Заголовок на первой странице заставил его остановиться.

Абель Мандевиль совершил второе по тяжести страшное преступление — самоуничтожение. Шеф убийц Обри Херват написал в газете:

«Мы надеемся и настаиваем, чтобы те, кто будет общаться с новым Абелем Мандевилем, были великодушны и снисходительны. Естественно, его поступок не скрыть от нового Абеля, но не нужно рассматривать его как потенциального самоубийцу. Дадим ему шанс снова построить свою жизнь и будем обращаться с ним, как с обычным человеком».

2.

На следующее утро Вэйлок пришел в Актуриан и подал заявление о приеме на работу.

Суровая молодая женщина, заполнявшая его карту, была настроена весьма скептически.

— Естественно, это ваше право — работать там, где хочется. Но я советую вам подумать. Ведь на каждую работу, обеспечивающую высокий слоп, претендует много не менее умных и высокообразованных людей. Человек с абмициями поискал бы работу в другом месте.

Вэйлок отказался последовать этому совету и был послан в боковую комнату, где подвергся осмотру и нескольким различным тестам. Когда он вернулся в офис, молодая женщина уже кодировала результаты тестов.

Она с новым интересом посмотрела на него.

— У вас довольно высокий коэффициент, но я все равно не могу вам предложить многого. Ваше техническое образование не позволит занять пост начальника отдела или лаборатории. Может быть, вам подойдет отдел Общественных Отношений, тем более, там один из инспекторов недавно ушел в отставку. Если хотите, я узнаю.

Женщина ушла. Вэйлок остался сидеть.

Шли минуты — десять, двадцать, полчаса. Вэйлок начал злиться. Прошло еще десять минут, и женщина вернулась. Она прятала глаза от Вэйлока.

Он подошел к ней.

— Ну?

Она торопливо заговорила:

— Прошу прощения, мистер Вэйлок, но я ошиблась. Место, о котором я говорила, уже занято. Я могу предложить вам три места: помощник хранителя времени, ученик механика и охранник. Все они примерно одинаковы по слопу.

Заметив изменившееся выражение лица Вэйлока, она с участием добавила:

— Возможно, со временем вы приобретете достаточную квалификацию и сможете занять подходящее для вас место.

Вэйлок напряженно смотрел на нее.

— Странная ситуация, — наконец сказал он. — С кем ты говорила?

— Ситуация именно такая, как я объяснила ее, сэр.

— Кто инструктировал тебя?

Она отвернулась.

— Вы должны извинить меня.

Вэйлок наклонился к ней. Она не могла избежать его взгляда.

— Ответь, с кем ты консультировалась?

— Я, как всегда, показала все данные супервизору.

— И?

— И он сказал, что вы не подходите для той должности, которую предложила я.

— Я хочу говорить с супервизором.

— Как желаете, сэр, — с явным облегчением сказала женщина.

Супервизором был Клеран Тисволд, толстый маленький человечек с грубым красным лицом и жесткими волосами цвета соломы. При виде Вэйлока глаза его превратились в щелочки.

Разговор длился пятнадцать минут. С начала до конца Тисволд отрицал наличие какого-то влияния на него, но голос его звучал странно. Он согласился с тем, что Вэйлок имеет достаточно высокий коэффициент, дающий ему право занять ответственный пост.

— Однако, — добавил Тисволд, — я не только ориентируюсь на результаты тестов, но и сам оцениваю претендента.

— Как же вы могли оценить меня, не повидав?

— У меня нет времени спорить с вами. Принимаете ли вы то, что вам предложено?

— Да, — сказал Вэйлок. — Я принимаю. — Он поднялся. — Оформляться я приду завтра. А сейчас я иду подавать на тебя заявление трибунам. Надеюсь, ты проведешь приятный вечер.

Вэйлок медленными шагами покинул Актуриан. Небо было затянуто серой пеленой. Холодный ветер с дождем загнали его обратно в Актуриан.

Двадцать минут стоял он в вестибюле, и мысли его были такими же серыми и тусклыми, как небо над Кларжесом.

Вывод был простым и зловещим. Если Джакинт и ее дружки Амаранты не прекратят травлю, он, Вэйлок, будет вынужден принять контрмеры.

Нужно объяснить Джакинт, к чему может привести ее тактика.

Вэйлок прошел в телефонную будку, набрал номер Джакинт.

Экран засветился, но она не появилась на экране.

— Гэвин Вэйлок! Какой угрюмый! — Она еще издевалась.

— Я должен поговорить с тобой.

— Мне нечего узнавать от тебя. Если ты хочешь говорить, иди к Каспару Джарвису, расскажи, как ты убил меня, как стер память об этом из своего мозга...

Вэйлок не успел ответить, как экран погас. Джакинт выключила связь.

Он почувствовал себя слабым и опустошенным. Кто мог бы защитить его. Кто может повлиять на Джакинт? Роланд Зигмонт, президент Общества Амарантов. Вэйлок нашел код и позвонил Роланду.

Вспыхнул экран. Послышался голос:

— Резиденция Роланда Зигмонта. Кто говорит и по какому делу?

— Я, Гэвин Вэйлок. Хочу говорить с Роландом относительно Джакинт Мартин.

— Секунду.

На экране появился Роланд Зигмонт. Сухое лицо, лишенное эмоций, и острый взгляд.

— Я узнаю лицо из прошлого, — сказал Роланд. — Это лицо Грэйвена Варлока.

— Может быть, — ответил Вэйлок. — Но я говорю не об этом.

Роланд заметил:

— Я знаком с этим делом.

— Тогда вы должны остановить ее!

Роланд выразил удивление.

— Монстр уничтожил Джакинт. Мы не потерпим посягательства на жизнь Амарантов. Это должно быть ясно всем.

— Значит, эта травля — официальная политика Общества Амарантов?

— Немного не так. Наша политика — это достижение справедливости. Я советую вам отдать себя в руки закона. В противном случае ваша карьера не состоится.

— Вы не признаете результаты чтения мыслей?

— Я смотрел записи. Совершенно очевидно, что вы нашли способ блокировать определенные участки памяти. Существование такого способа тоже является угрозой нашему обществу — еще одна причина, по которой вы должны отдаться в руки закона.

Не говоря больше ни слова, Вэйлок отключил связь. Не обращая внимания на дождь, он побрел по Эстергази-сквер и вернулся домой. Он скинул промокшую одежду, принял горячий душ, вытерся насухо и бросился на диван. Спал он неспокойно, что-то бормоча и ворочаясь.

Когда он проснулся, был уже полдень. Дождь перестал, рваные облака неслись по небу.

Вэйлок сварил себе кофе и выпил его без удовольствия. Необходимо все же поговорить с Джакинт, объясниться с ней до конца.

Он надел новый темно-голубой костюм и вышел на улицу.

3.

Джакинт Мартин жила на Вандунских холмах, откуда открывался вид на весь Кларжес. Ее дом был небольшой, но элегантный. За домом был небольшой сад с прекрасными цветочными клумбами.

Вэйлок нажал на кнопку звонка. Возле двери появилась Джакинт. Радостное выражение на ее лице сменилось удивлением.

— Почему ты здесь?

— Могу я войти?

Она мгновение молчала, как бы раздумывая.

— Хорошо, — коротко сказала она и повела его в гостиную, украшенную экзотическими вещами из варварских стран: глиняная посуда из Альтамира, фигурки богов из Хотана, стекло из Дедекана...

Джакинт выглядела великолепно. Ее золотые волосы были распущены, глаза сверкали солнечным блеском. Она выжидательно смотрела на него.

— Ну так зачем ты здесь?

Вэйлок чувствовал, что ему трудно сопротивляться прелести Джакинт.

Она холодно улыбнулась.

— Скоро прибудут мои гости. Если еще раз хочешь уничтожить меня, то учти, незамеченным тебе уйти не удастся. А если ты пришел, чтобы признаться мне в любви, то это совершенно бессмысленно.

— Ни то, ни другое, — хрипло сказал Вэйлок. — Хотя твое поведение заставляет меня желать первого, а твоя внешность — второго.

Джакинт рассмеялась.

— Может, ты присядешь, пока мы беседуем?

Вэйлок сел на низкий диван возле окна.

— Я пришел говорить с тобой, убедить, упросить — если это необходимо... — Он помолчал, но Джакинт стояла перед ним, внимательная и настороженная.

Вэйлок продолжал:

— По меньшей мере трижды за последние две недели ты вставала на моем пути.

Джакинт хотела что-то сказать, но промолчала. Вэйлок не обратил на это внимания.

— Ты подозреваешь меня в преступлении. Но если ты ошибаешься, ты не имеешь права мешать моей карьере. А если ты права в своих подозрениях, то должна понимать, что я человек, способный постоять за себя.

— А, — тихо проговорила Джакинт, — ты угрожаешь мне.

— Я не угрожаю. Если ты прекратишь мешать мне, наши жизни протекут спокойно. В противном случае мы будем противниками, и это будет плохо и для меня, и для тебя.

Джакинт посмотрела в окно. На небольшую площадку опустился голубой «Пелестин».

— А вот и мои друзья.

Двое мужчин и женщина вышли из кэба и направились к дому. Вэйлок встал. Но Джакинт внезапно сказала:

— Оставайся с нами. Заключим перемирие на пару часов.

— Я был бы рад заключить перемирие навсегда. И не отказался бы от более близких отношений.

— О! — воскликнула Джакинт. — До чего хитер и ловок монстр. И распутен к тому же. Он желает изучить жертву со всех сторон.

Прежде чем Вэйлок смог ответить, зазвенел дверной звонок, и Джакинт пошла встречать гостей.

Это были композитор Рори Мак-Клачерн, Малон Керманец, реставратор древних музыкальных инструментов, и темноволосая девушка-гларк, известная под именем Фиминелла.

Затем пришли и другие гости, среди которых были канцлер Клод Имиш и его секретарь, самоуверенный молодой человек Рольф Авершам.

Джакинт устроила роскошный обед. Разговор был легким и шутливым. «Почему, — спрашивал себя Вэйлок, — так не может быть всегда?» Он почувствовал на себе взгляд Джакинт. Настроение у него поднялось. Он выпил больше вина, чем обычно, и с большим успехом вступал в беседу.

В течение вечера Рори Мак-Клачерн сыграл свое новое произведение, основанное на древних мелодиях.

Канцлеру Имишу музыка показалась скучной, и они с Вэйлоком удалились от остальных гостей.

— Мы где-то недавно встречались, — сказал Имиш.

Вэйлок напомнил ему обстоятельства встречи.

— Да, конечно. Я встречаюсь с таким количеством людей, что мне трудно запомнить всех.

— Да, ведь у вас такая работа, — сказал Вэйлок.

Канцлер рассмеялся.

— О, я присутствую на празднествах, поздравляю новых Амарантов, читаю приветственные адреса в Пританеоне. — Он презрительно махнул рукой. — Однако по Конституции я обладаю большими полномочиями, и если бы я ими воспользовался...

Вэйлок вежливо согласился, хотя он прекрасно понимал, что через двадцать четыре часа после того, как канцлер воспользуется даже наименьшей из своих прерогатив, он будет

выведен из состава Пританеона. Этот офис был анахронизмом, всего лишь символом власти, оставшимся с тех далеких времен, когда требовалось принимать срочные решения.

— Прочитай внимательно Великую Хартию, — сказал канцлер. — Мой долг — постоянно инспектировать общественное благосостояние и общественные институты. Я имею право собирать чрезвычайные сессии Пританеона. Я — верховный суперинтендант убийц. — Имиш хмыкнул. — В этой работе есть один недостаток: она не дает слопа. — Его взгляд упал на темнолицего юношу, пришедшего вместе с ним. Канцлер сделал гримасу. — А вот еще один недостаток в моей работе. Заноза в сиденье.

— Кто он?

— Мой секретарь, помощник и козел отпущения. Его титул — вице-канцлер, а его должность — еще большая синекура, чем моя. — Имиш с удовольствием смотрел на своего помощника. — Однако Рольф желает, чтобы его считали важной персоной. — Он пожал плечами. — А чем ты занимаешься, Вэйлок?

— Я работаю в Актуриане.

— Да? — Имиш заинтересовался. — Замечательное место. Возможно, я скоро приду туда с инспекцией.

Музыка кончилась, и все присутствующие стали поздравлять композитора. Мак-Клачерн пытался скрыть свою радость недовольным покачиванием головы. Снова началась общая беседа.

В полночь собрались уходить первые гости. Вэйлок остался и дождался, пока разъехались все. И наконец они с Джакинт остались одни.

4.

Джакинт устроилась рядом с ним на диване, поджав под себя ноги и внимательно глядя на него.

— Ну, а теперь умоляй, упрашивай меня, помнишь?

— И достигну ли я чего-нибудь?

— Думаю, нет.

— Почему ты так неумолима?

Джакинт резко сменила положение.

— Ты никогда не видел того, что видела я, иначе ты бы понял мои чувства. — Она искоса взглянула на него, как бы сравнивая с тем, кого она видела в своем воображении. — Память постоянно возвращает меня в Тонпенг. Каждый день там совершается церемония Большая Ступа, каждый день там пляшут жрецы и приносят жертвы... — Она поморщилась при этих воспоминаниях.

— А, — заметил Вэйлок. — Это может объяснить твою непримиримость.

— Если демоны существуют, — прошептала Джакинт, — то они собрались в Тонпенге. За исключением одного. — И она снова взглянула на него.

Вэйлок решил проигнорировать это обвинение.

— Ты преувеличиваешь зло этих людей, судишь их слишком сурово. Вспомни, они живут в совсем другой обстановке, в другом культурном слое. Они приносят жертвы... Но история человечества помнит много зла. Мы продукт эволюции, потомки хищников. Каждый кусок мяса, съедаемый человеком, отобран им у другого живого существа. Мы все рождены для убийства, мы убиваем, чтобы жить!

Джакинт побледнела при этих ужасных словах, но он не обратил на это внимания.

— У нас нет инстинктивного отвращения к убийству, оно продукт нашего времени.

— Правильно! — вскричала Джакинт. — Разве не в этом предназначение Кларжеса? Мы должны совершенствовать себя. Если мы будем терпеть среди нас монстров, мы совершим грех перед нашими потомками.

— И ты считаешь, что общество нужно очистить от меня?

Она взглянула на него, но ничего не ответила.

Немного погодя Вэйлок спросил:

— А что ты скажешь о Вейрдахе? Об Абеле Мандевиле?

— Если бы это зависело от меня, — сказала Джакинт сквозь зубы, — каждый монстр, к какому бы филу он ни принадлежал, должен быть уничтожен полностью и окончательно.

— Значит, ты травишь меня только потому, что это в твоих силах?

Она наклонилась к нему:

— Я не могу остановиться, я не могу пожалеть тебя, я не могу переделать свои идеалы!

Их глаза встретились.

— Гэвин Вэйлок, — хрипло сказала она. — Если бы ты доверился мне в Карневале! Но теперь ты мой личный монстр, и я не могу забыть об этом.

Вэйлок взял ее за руку.

— Насколько любовь лучше ненависти.

— И насколько лучше жизнь, чем небытие, — сухо ответила она.

— Я хочу, чтобы ты правильно поняла мое положение, — сказал он. — Я буду бороться за выживание, я буду так жесток и безжалостен, как тебе и не снилось.

Рука ее напряглась.

— Ты имеешь в виду, что не отдашься в руки закона?! — Она вырвала руку. — Ты бешеный волк, тебя нужно уничтожить раньше, чем ты принесешь вред тысячам людей!

— Подумай, прошу тебя. Я не хочу этой войны.

— О чем мне думать? Я больше не судья. Я доложила обо всем Совету Амарантов, и они вынесли решение.

Вэйлок встал.

— Значит, ты решилась?

Она тоже встала. Ее красивое лицо горело ненавистью.

— Конечно.

— Тогда все, что произойдет дальше, будет определять не только мою судьбу, но и твою.

В глазах Джакинт появилась нерешительность, но затем она сказал:

— Гэвин Вэйлок, покинь мой дом. Больше нам говорить не о чем.

Глава тринадцатая

1.

В понедельник утром Вэйлок пришел на работу в Актуриан. После необходимых формальностей он был представлен своему шефу — технику Бену Риву, низенькому темнокожему человеку с задумчивым взглядом коровы. Рив рассеянно поздоровался с Вэйлоком и задумался.

— Тебе придется начать с самого низу. Но, я думаю, ты другого и не ждал.

Вэйлок ответил обычной формулой:

— Я здесь для слопа. Все, что мне нужно, — это шанс для возвышения.

— Ну, что ж, шанс у тебя будет. Посмотрим, что можно предложить тебе сейчас.

Он повел Вэйлока через вереницу комнат, коридоров, лестниц. С удивлением и трепетом Вэйлок смотрел на окружающую его технику, жужжащие машины, крутящиеся ленты, вспыхивающие на пультах лампочки. Они шли, а вокруг них щелкали реле, гудели моторы, пузырился жидкий газ...

Трижды их останавливали охранники и проверяли пропуска. Это опечалило Вэйлока: он не предполагал такой степени секретности в Актуриане.

— Видишь, — сказал ему Рив, — если не хочешь неприятностей, не выходи из своей зоны.

Когда они наконец пришли к месту работы Вэйлока, Рив стал объяснять его обязанности. Он должен был заправлять ленты в механизмы, следить за показаниями некоторых приборов, смазывать с полдюжины подшипников и поддерживать порядок в комнате. Это была работа для выпускника средней школы.

Вэйлок, спрятав свое недовольство, принялся за работу. Рив некоторое время смотрел на него, и Вэйлоку показалось, что он заметил улыбку на лице Рива.

— Я знаю, что пока не очень справляюсь с этой работой, — сказал Вэйлок, — но уверен, немного практики — и все будет в порядке.

Рив улыбнулся.

— Каждый должен с чего-то начинать, а это твое начало. Если ты захочешь продвигаться вперед, тебе нужно изучить это, — и он перечислил несколько технических книг. Вскоре он ушел и оставил Вэйлока одного.

Вэйлок работал без энтузиазма, и когда закончился рабочий день, пошел домой.

Его разговор с Джакинт сейчас казался чем-то нереальным, гротескным... Вдруг ему показалось, что за ним следят. Да, ему нужно быть осторожным в своих действиях. Лучше, если они будут происходить в Актуриане. Туда доступ шпионам закрыт.

На следующий день он попытался встретиться с Роденейвом, но у того был выходной день. Вместо этого он встретился с Бэзилом Тинкопом в небольшом ресторане.

— Как ты себя чувствуешь на новом поприще? — спросил Вэйлок.

— Прекрасно. — Глаза Бэзила засветились. — Мне уже обещали повышение, и на следующей неделе мы проверим одну из моих идей.

— Что за идея?

— Я всегда считал, что карты жизни, которые рассылают жителям Кларжеса, какие-то холодные, безжизненные. Я считал, что их можно улучшить. Теперь на каждой карте выделяется место для дружеского совета, девиза, может быть, даже для хороших стихов...

— И все это строго индивидуально, все определяется человеком, которому эта карта предназначена, — добавил Вэйлок.

— Правильно! — воскликнул Бэзил. — Мы хотим, чтобы все понимали — Актуриан призван служить людям, заботиться об их благополучии. И все начинается с этих маленьких посланий. — Он гордо посмотрел на Вэйлока.

Внезапно раздались звуки труб, сирены. Все в кафе засты-

ли, лица побледнели, как будто сигнал тревоги заставил каждого из них почувствовать свою вину.

Вэйлок спросил что-то у Бэзила, но вопрос потонул в звуках сирен. В кафе вбежал человек. Он был маленький, тощий, с впалыми щеками и растрепанными волосами. Он дышал очень часто, как перепуганная птица. Все увидели его и отвернулись.

Он сел на стул, и было видно, что он хочет исчезнуть, раствориться, укрыться, как черепаха в своем панцире. Он положил руки на стол и опустил на них голову.

Три человека в черной униформе ворвались в кафе. Они быстро осмотрелись, подошли к беглецу, подхватили его под руки и потащили к выходу.

Сирены умолкли. Тишина была оглушающей. В кафе все сидели молча и не двигались. И только после нескольких минут все постепенно стали возвращаться к жизни.

— Бедняга, — сказал Бэзил.

— Его сразу посадят в Клетку Стыда? — спросил Вэйлок.

Бэзил пожал плечами.

— Может, сначала его будут бить. Кто знает? Он обвиняется не в преступлении, а в святотатстве.

— Да, — пробормотал Вэйлок. — Актуриан — святилище Кларжеса.

— Это огромная ошибка, — горячо заговорил Бэзил. — Обожествление машины!

Через двадцать минут возле их стола остановился Алвар Визерспок, работающий вместе с Бэзилом. Он был очень возбужден.

— Что вы думаете об этом шакале? — спросил он, глядя то на Бэзила, то на Вэйлока. — Нам нужно быть очень бдительными.

— Мы ничего не знаем о его поступке, — сказал Бэзил.

— Он работал здесь. Трюк его был простым: он перехватывал ленту с сообщением о его работе и менял содержимое записи с помощью магнитных чернил.

— Неплохо, — задумчиво сказал Бэзил.

— Такое уже было. Но виновных всегда обнаруживали и бросали в Клетку Стыда.

— Сигнал тревоги звучит только тогда, когда трюк не удается, — задумчиво сказал Вэйлок. — Более удачливые умудрялись обмануть систему тревоги.

Визерспок посмотрел на Вэйлока.

— Во всяком случае, этого уже допрашивают убийцы, а потом его ждет Клетка Стыда и полуночная прогулка. Но он слишком слаб и напуган. Хорошей травли не получится.

— Меня там не будет, — ровным голосом сказал Бэзил.

— И меня тоже, — сказал Визерспок и отошел от них, чтобы подойти к другому столу и поделиться своими новостями.

Перед концом рабочего дня Вэйлок снова позвонил Роденейву и на этот раз ему повезло. Роденейв приветствовал его без энтузиазма и пытался уклониться от свидания, на котором настаивал Вэйлок.

— Боюсь, что сегодня у меня нет времени.

— Но у меня очень важное и срочное дело.

— Я извиняюсь, но...

— Вызови меня к себе сейчас.

— Это невозможно.

— Ты помнишь то, что сделал по просьбе Анастазии?

Роденейв поморщился и медленно опустился в кресло.

— Хорошо. Я пошлю за тобой.

Через некоторое время к Вэйлоку подошла девушка:

— Гэвин Вэйлок, ученик техника?

— Да.

— Прошу вас пройти со мной.

Она провела Вэйлока в кабинет Роденейва. Роденейв коснулся пластины, которую протянула девушка. Этим он брал на себя ответственность за присутствие Вэйлока в Пурпурной Зоне.

Вэйлок сел без приглашения.

— Здесь можно говорить свободно?

— Да. — Роденейв смотрел на него, как домохозяйка смотрит на дохлую крысу. — В моем кабинете нет записывающих и подслушивающих устройств.

— Дело в том, — начал Вэйлок, — что сейчас я хочу говорить только правду, и в частности, о твоем служебном преступлении по просьбе Анастазии.

— Довольно, — прервал его Роденейв. — Я же сказал, здесь ничего не записывается.

Вэйлок улыбнулся, и Роденейв ответил ему улыбкой обреченной овцы.

— Я думаю, — сказал Вэйлок, — что твое влечение к Анастазии не уменьшилось?

— Я теперь не круглый идиот, если ты это имеешь в виду. Я не хочу, чтобы меня закидали камнями Вейрды. — Он выжидательно смотрел на Вэйлока. — Но ведь не мои переживания привели тебя ко мне. Почему ты здесь?

— Мне кое-что нужно от тебя. И чтобы получить это, я дам тебе то, что ты хочешь.

Роденейв скептически улыбнулся.

— Что же я хочу такого, что можешь предоставить только ты?

— Анастазию де Фанкур.

— Чепуха. — Глаза Роденейва посерьезнели.

— Скажем так: одну из Анастазий. Ведь их несколько. Прошла неделя после того, как Анастазия умерла. Сейчас клетки открыты. Растет новая Анастазия. И еще остается несколько Анастазий.

— Ну и что? — Взгляд Роденейва был жестким и враждебным.

— Я хочу предложить тебе один из этих суррогатов.

Роденейв пожал плечами.

— Никто не знает, где находятся эти клетки.

— Я знаю.

— Но ты предлагаешь мне ничто. Каждый из суррогатов — Анастазия. Если один из них отвергает меня, значит, и все остальные тоже.

— Если не применить аппарат, стирающий память.

Роденейв посмотрел на Вэйлока.

— Это невозможно.

— Ты до сих пор не спросил меня, что хочу я.

— Хорошо. Что же ты хочешь?

— Ты достал одну телевекторную диаграмму. Мне нужны остальные.

Роденейв засмеялся.

— Теперь я вижу, что ты сумасшедший. Ты понимаешь, чего просишь? Что будет с моей карьерой?

— Ты хочешь Анастазию? Вернее, одну из них?

— Я даже не хочу обсуждать этот вопрос.

— Но ты сделал это на прошлой неделе.

Роденейв встал.

— Нет. Окончательно и бесповоротно.

Вэйлок угрюмо сказал:

— Вспомни, ты достал не одну, а три пленки. Сделав это, ты нанес мне личный вред. Поэтому жалости у меня не будет.

Роденейв упал в кресло. Прошел час, в течение которого он изворачивался, потел, спорил, умолял, пытаясь вывернуться из этой ситуации. В конце концов он начал понемногу сдаваться.

Вэйлок твердо держался ранее выбранной им линии поведения.

— Я не прошу тебя делать ничего такого, что ты не делал раньше, — сказал он. — Если ты поможешь мне, то получишь то, что не получил в тот раз. Если откажешься помочь, то просто получишь наказание за тот проступок, что ты уже совершил.

— Я подумаю.

— Не возражаю. Я подожду.

Роденейв посмотрел на Вэйлока, и пять минут в комнате стояла тишина.

Наконец, Роденейв шевельнулся и сказал:

— У меня нет выбора.

— Когда ты дашь мне пленки?

— Тебе нужны только пленки Амарантов?

— Да.

— Я постараюсь сделать побыстрее.

— Сегодня понедельник. В среду вечером?

— В среду вряд ли. У нас будет посетитель. Канцлер Имиш со своей свитой.

— Да? — Вэйлок вспомнил разговор с канцлером. — Хорошо. Пусть будет пятница. Я приду к тебе вечером домой.

Гнев исказил лицо Роденейва.

— Я передам тебе пленки в кафе «Далмация». И надеюсь, что увижу тебя в последний раз.

Вэйлок улыбнулся, встал.

— Я тебе буду нужен, чтобы ты получил свою долю.

Возвращаясь домой, Вэйлок прошел под Клеткой Стыда. Заключенный сидел неподвижно, изредка безучастно глядя отсутствующим взглядом на окружающий мир. Вэйлок еще не остыл от разговора с Роденейвом, и эта картина произвела на него сильное впечатление.

2.

Рабочее расписание Вэйлока все еще не было отрегулировано, и в среду он освободился днем.

Он пересек площадь и зашел в кафе «Далмация». Он лениво пил кофе и читал «Кларион».

Вчера в городе Кобек, расположенном в верхней долине реки Шант, вблизи границы, произошли ужасные события. Жители города занимались добычей и обработкой прекрасного розового мрамора. Они вели спокойную размеренную жизнь до прошлого вторника, когда их всех вдруг охватила массовая истерия. Безумная толпа вырвалась из города и бросилась к границе. Там они разгромили казармы пограничников и перебили их.

Электрический барьер впервые за много лет был отключен. Толпа бросилась в страну варваров, где была тут же окружена и уничтожена. Варвары перешли границу и углубились на территорию Кларжеса. На своем пути они сеяли смерть и разрушения. В конце концов они были отброшены обратно, граница восстановлена, но материальные и людские потери огромны.

Что же случилось с жителями Кобека? Слоп в этом обви-

нить было трудно. Жизнь там текла медленно и монотонно, но там не было Карневаля, и напряжение нервной системы жителей накапливалось годами. Такова была гипотеза... Вэйлок поднял глаза от газеты. На площади, обычно закрытой для транспорта, появился серо-золотой правительственный автомобиль. Из него вышел канцлер Имиш, сопровождаемый темнолицым секретарем. Их встретили функционеры Актуриана. После обмена приветствиями все вошли в здание.

Вэйлок вернулся к чтению...

3.

Канцлер Имиш в компании Гемета Гаффенса, помощника супервизора, двух или трех младших сотрудников и Рольфа Авершама — своего секретаря, стоял на галерее, откуда был виден весь Архив Актуриана. Магнитные ленты в огромных шкафах непрерывно крутились, принимая и выдавая кванты информации. Имиш с содроганием смотрел на сложные механизмы, производящие непонятную ему работу. Он покачал головой:

— Пожалуй, мне никогда не понять всего этого.

Один из младших сотрудников сказал поучительным тоном:

— Эта сложная система отражает сложность нашей цивилизации.

— Да, возможно, — согласился Имиш.

Гемет Гаффенс фыркнул.

— Может, мы продолжим?

Он прошел вперед и коснулся пластины на двери. Это была граница между зонами. Дверь открылась, и их встретили охранники. После необходимой проверки они прошли дальше.

— У вас здесь много предосторожностей, — сказал Имиш.

— Необходимая бдительность, — коротко ответил Гаффенс.

Они прошли в дверь, на которой была надпись:

ЛАБОРАТОРИЯ ТЕЛЕВЕКЦИИ

Гаффенс вызвал Нормана Неффа, супервизора, и Винсента Роденейва, его помощника.

— Ваше лицо мне знакомо, — сказал Имиш Роденейву. — Правда, я встречаюсь со столькими людьми...

— Мы виделись на выставке Бибурсона,

— Да, да. Вы — друг нашей Анастазии.

Норман Нефф быстро распрощался, торопясь вернуться к своей работе. Он поручил Роденейву заняться гостями.

— Я буду очень рад, — сказал Роденейв. Он постоял, потирая подбородок, затем решился: — Может, я покажу вам систему телевекции.

У дверей в лабораторию их снова остановили охранники. После необходимых формальностей их пропустили.

— Почему такие предосторожности? — невинным тоном осведомился Имиш. — Неужели сюда кто-нибудь решит вломиться?

Гаффенс произнес ровным голосом:

— В данном случае, канцлер, мы охраняем частную жизнь наших граждан. Даже генерал-директор Джарвис не может затребовать отсюда информацию.

Канцлер кивнул.

— Может, вы объясните мне функции этой лаборатории?

— Роденейв продемонстрирует вам работу системы.

— Конечно, — пробормотал Роденейв.

Они прошли к машине. Техники, сидящие возле нее, встали и отошли в сторону. К ним подошел старший техник. Гаффиес шепотом приказал ему что-то, и он включил машину.

Роденейв подвел Имиша и Авершама к пульту.

— Каждый человек имеет свою картину излучения мозга, такую же уникальную, как отпечатки пальцев. Когда же человек регистрируется в Бруды, излучение его мозга регистрируется тут.

Имиш кивнул.

— Продолжайте.

— Чтобы обнаружить местонахождение человека, радиостанция излучает радиоволны определенной длины, а две приемные станции принимают интерференционные волны и пеленгуют человека. Изображение появляется в виде черной точки на карте. Вот... — Он поискал код, нажал кнопки. — Я набрал ваш код, канцлер. Вот здесь на карте — Актуриан, а эта черная точка — вы.

— Превосходно!

Роденейв продолжал рассказывать, нервно поглядывая на Гаффенса и старшего техника. Как бы случайно он нажал на пульте кнопки всего Общества Амарантов. Защелкала машина, и в кассету начали падать пленки, одна за другой.

Руки Роденейва дрожали, как пальмовые листья.

— Это, — пробормотал он, — телевекторы Амарантов. Но они, конечно, испорчены. — Пакет выскользнул из его рук, и пленки рассыпались по полу.

Гаффенс с беспокойством воскликнул:

— Роденейв, что с вами?

— Ничего, ничего, — добродушно сказал канцлер

Имиш. — Сейчас мы их соберем. — Он опустился на колени и начал собирать пленки.

— Не нужно, — сказал Роденейв. — Мы их все равно выбросим в корзину.

— А, тогда... — Канцлер поднялся.

— Если вы удовлетворены, канцлер, мы можем двинуться дальше, — сказал Гаффенс.

Группа пошла к выходу. Рольф Авершам задержался. Он поднял одну из пленок, посмотрел на свет, нахмурился. Он повернулся к Гаффенсу, который уже выходил из лаборатории.

— Мистер Гаффенс, — позвал он.

4.

Вэйлок сидел в кафе «Далмация», вертя в руках стакан с чаем. Делать ему было нечего, и он не мог придумать, чем бы себя занять.

Из Актуриана донесся сигнал тревоги. Вэйлок повернулся, чтобы видеть здание Актуриана. Вскоре сирена стихла. Люди, остановившиеся при звуках сирены, пошли дальше по своим делам.

Прошло полчаса. Распахнулись ставни на верхнем этаже, заскрипели цепи, и над площадью повисла Клетка Стыда.

Вэйлок привстал со стула. В Клетке Стыда сидел Винсент Роденейв, и его взгляд раскаленной иглой проник в полумрак кафе «Далмация» и вонзился в мозг Вэйлока. Вэйлок почти физически ощутил этот взгляд, но в душе его не шевельнулось ничего, никакого сочувствия, лишь горькое сожаление, что хорошо задуманная идея сорвалась.

Глава четырнадцатая

1.

Полночные улицы Кларжеса всегда тихие, только слышится приглушенный гул сабвея. Людей на улицах почти не было. В ночных кафе и театрах веселятся только гларки. Те же, кто решил снять напряжение и расслабиться, уехали в Карневаль.

Площадь перед Актурианом была пуста. В такое время кафе «Далмация» не страдает наплывом посетителей. Только несколько посетителей сидели за столиками: ночные служащие Актуриана, убийцы, вернувшиеся с очередного задания,

человек, обеспокоенный медленным ростом своего слопа, пара влюбленных... Но сегодня все столики были заняты людьми, прячущими свои лица.

Редкий туман с реки окутал площадь. Клетка Стыда висела над площадью, как нечто страшное, жуткое, пришедшее из глубины веков.

Откуда-то донесся мрачный звон. Полночь. Цепи заскрипели, Клетка Стыда медленно опустилась. Открылась дверца, и Винсент Роденейв стал свободным.

Он посмотрел на площадь и прислушался. Странные шорохи. Он сделал первый шаг. Из темноты вылетел камень, ударил его в плечо. Роденейв вздрогнул. Леденящий кровь вой раздался в темноте. Это было неожиданно, так как Вейрды всегда действовали в полной тишине.

Роденейв бросился бежать по направлению к кафе. Град камней обрушился на него. Они вылетали из мрака как метеоры. Сегодня Вейрды были настроены очень агрессивно.

В небе появился какой-то предмет. Он быстро опускался на площадь — неосвещенный воздушный кар. Он мгновенно приземлился, дверь открылась, и Роденейв нырнул туда. Кар взлетел. Камни гулко ударялись в его обшивку, не причиняя вреда. Темные фигуры вышли из тени и смотрели на удаляющийся кар. Затем они стали смотреть друг на друга. Впервые Вейрды вышли на открытое пространство. Они немного поговорили и затем растворились в темноте.

Площадь снова была пуста.

2.

Роденейв сидел скорчившись в кабине кара. Глаза его были похожи на осколки мутного стекла. Он пробормотал благодарность и затих.

Вэйлок посадил кар и провел Роденейва в свою квартиру. Роденейв колебался на пороге, осматривая комнату, но затем вошел и упал на диван.

— О Боже, все кончено. Я обесчещен, выброшен из жизни. — Он взглянул на Вэйлока. — Почему ты молчишь? Тебе стыдно?

Вэйлок промолчал.

— Ты спас меня. Но в этом нет ничего хорошего. Где теперь моя работа? Я встречусь с терминатором, как Серд. Это для меня катастрофа.

— И для меня, — сказал Вэйлок.

— А тебе-то что? Твои пленки остались.

— Что?

— Пока остались.

— Где они?

Выражение лица Роденейва внезапно изменилось.

— А теперь хлыст в моей руке.

Вэйлок задумался.

— Если ты сдержишь свое слово и отдашь мне пленки, я сдержу свое.

— Со мной все кончено. Зачем мне теперь женщина?

Вэйлок ухмыльнулся.

— Анастазия излечит твою боль. И еще не все потеряно. Ты образован и умен. Весь мир перед тобой. Есть много работ с гораздо большими возможностями продвинуться.

Роденейв фыркнул.

— Где пленки? — мягко спросил Вэйлок.

Они посмотрели в глаза друг другу, и Роденейв, не выдержав, отвернулся.

— Они за обшлагом пальто канцлера.

— Что?

— Этот идиот секретарь поднял тревогу. Он прошел через пост проверки с куском пустой пленки. Тревога отключилась, и тогда я взял канцлера за руку и сунул ему пленки за обшлаг.

— А потом?

— Гаффенс увидел пустую пленку. Он сразу заподозрил меня, прошел в лабораторию и просмотрел остальные пленки. Все они были пустые. Но на всех отпечатки моих пальцев. Поэтому меня передали на допрос убийцам, а затем бросили в Клетку Стыда.

— А Имиш?

— Ушел с пленками.

Вэйлок вскочил. Час ночи. Он прошел к телефону, набрал номер резиденции канцлера в южном пригороде Трайенвуд.

После долгой паузы на экране появилось лицо Рольфа Авершама:

— Да?

— Я должен поговорить с канцлером.

— Это невозможно. Он отдыхает.

— Всего несколько минут.

— Мне очень жаль, мистер Вэйлок. Может, вы назовете удобное для себя время?

— Завтра в десять.

Авершам посмотрел в записную книгу.

— В это время канцлер занят.

— Тогда в любое время, какое назначите вы.

Авершам нахмурился.

— Может быть, я выделю для вас десять минут в десять сорок.

— Прекрасно.

— Вы скажете, в чем состоит ваше дело?

— Нет.

— Как угодно.

Экран погас. Вэйлок повернулся к Роденейву.

— Ты не сказал, для чего тебе нужны эти пленки.

— Я не уверен, что тебе нужно это знать, — ответил Вэйлок.

3.

В своем доме на Вандунских холмах Джакинт Мартин не могла отдыхать. Ночь была душной. Джакинт вышла на балкон. Город лежал возле ее ног. Какая-то необъяснимая тяжесть навалилась на нее. Ей захотелось плакать. Великолепный Кларжес не должен погрязнуть в грехе. Человеческий гений создал этот город и должен спасти его теперь. Он должен встать стеной на пути гнусных монстров.

Утром она позвонит Роланду Зигмонту, председателю Общества Амарантов. Он человек с головой, он разделит ее беспокойство, он уже согласился действовать с ней против Вэйлока.

Но она должна настоять на конклаве. Необходимо добиться встречи всего общества. Встречи и обсуждения проблемы, чтобы выработать один общий план действий, призванных защищать Кларжес от разложения. Золотой Век должен продолжаться...

Глава пятнадцатая

1.

Резиденция канцлера располагалась в большом парке с мраморными статуями. И дом и сад были выдержаны в стиле старого Бижу. Дом имел шесть башен, стены которых были украшены мозаикой и витражами. Между башнями тянулись балконы с причудливой металлической решеткой. Посадочная площадка отделялась от дома воротами, которые охранялись.

Вэйлок вышел из кэба, и к нему тут же подошел охранник. Он посмотрел на Вэйлока с автоматической враждебностью.

— Да, сэр?

Вэйлок назвал свое имя. Охранник проверил книгу, и Вэйлок получил право войти.

Он поднялся на большую террасу, пересек ее, и перед ним

открылись громадные двери двенадцати футов высотой. Вэйлок очутился в фойе. Точно в центре прямо под огромной старой люстрой стоял Рольф Авершам.

— Доброе утро, мистер Вэйлок.

Вэйлок произнес вежливое приветствие, на что Рольф ответил коротким кивком.

— Я должен информировать вас, мистер Вэйлок, что канцлер не просто занят, он очень занят. Как вы знаете, я — вице-канцлер. Может, вы изложите мне свое дело?

— Я уверен, что вы могли бы мне помочь, но в любом случае мне хочется увидеть моего друга канцлера Имиша.

Авершам поджал губы.

— Сюда, пожалуйста.

Он провел Вэйлока по тихому коридору. Лифт поднял их на верхний этаж. Авершам пригласил Вэйлока в маленькую боковую комнату. Он посмотрел на часы, выждал тридцать секунд, затем постучал в дверь.

— Войдите, — глухо донесся голос Имиша.

Авершам открыл дверь, отступил в сторону. Вэйлок вошел. Канцлер Имиш сидел за столом, лениво листая старый фолиант.

— Как ваше здоровье? — спросил Вэйлок.

— Благодарю, ничего, — ответил Имиш.

Авершам сел в дальнем конце кабинета. Вэйлок не обращал на него внимания.

Закрыв фолиант, Имиш откинулся в кресле и ждал, когда Вэйлок изложит свое дело. Он был одет в просторную блузу — явно не в ту одежду, где находились пленки.

— Канцлер, я пришел к вам не как знакомый, а как гражданин, обычный человек, хотя мне и пришлось оторвать время от своей работы.

Имиш нахмурился.

— В чем же дело?

— У меня нет еще полной информации по делу, но возможно, оно представляет угрозу.

— Что ты имеешь в виду?

Вэйлок колебался.

— Вы полностью доверяете своим служащим? Они абсолютно надежны? — Он красноречиво удержался от того, чтобы не бросить взгляд на Авершама. — Может случиться так, что слово, даже неосторожный взгляд создадут опасность.

— Какая-то чепуха.

Вэйлок пожал плечами.

— Может быть. — Затем он рассмеялся. — Пожалуй, я не буду говорить больше ничего, пока не случится что-либо, что подтвердит мои подозрения, сделает их более очевидными.

— Может, это будет самое лучшее.

Вэйлок расслабился, поудобнее устроился в кресле.

— Мне очень жаль, что ваш визит в Актуриан закончился так неудачно. В некотором смысле я виноват в этом.

— Как это?

Краем глаза Вэйлок заметил блеск в глазах Авершама.

— В том смысле, что я предупредил о вашем визите.

Имиш махнул рукой.

— Не думай об этом. Просто глупая история.

— У вас очень интересный дом. Но... не подавляет ли он?

— Очень. Я бы не стал жить здесь, если бы этого не требовали правила.

— Сколько ему лет?

— Он построен лет за сто до Хаоса.

— Прекрасное здание.

— Да. — Внезапно канцлер обратился к Авершаму. — Рольф, может, вы займетесь рассылкой приглашений на официальный прием?

Авершам молча поднялся и вышел из кабинета.

— Ну, Вэйлок, о чем ты говорил? — спросил Имиш.

Вэйлок осмотрелся.

— В вашем кабинете нет подслушивающих устройств?

На лице канцлера появилась смесь сомнения и негодования.

— Кому нужно за мной шпионить? — Он горько усмехнулся. — Я всего лишь канцлер, можно сказать, — ничто.

— Вы — глава Пританеона.

— Ха! Я ничего не могу. Если я воспользуюсь своей якобы властью, я попаду либо под домашний арест, либо в Паллиаторий!

— Может быть. Но...

— Что «но»?

— Вы знаете, что недавно были волнения среди жителей? Недовольство.

— Недовольство приходит и уходит.

— Вам не приходило в голову, что за всем этим стоит организация?

— К чему ты ведешь? — заинтересовался Имиш.

— Вы когда-нибудь слышали о Визерерах?

— Естественно. Банда болтунов.

— С виду. Но их организует и ведет практический ум.

— Куда ведет?

— Кто знает? Мне говорили, что их первая цель — офис канцлера.

— Но это смешно. Мне ничего не грозит, по закону срок моего пребывания на посту канцлера — шесть лет.

— А предположим, переход, — сказал Вэйлок, не рискнув произнести слово «смерть».

— Это уже дурной вкус.

— Попробуй рассмотреть гипотезу: что произойдет в этом случае?

— Канцлером станет вице-канцлер Авершам. Так что...

— Совершенно верно, — сказал Вэйлок.

Канцлер посмотрел на него.

— Не хочешь же ты сказать, что Рольф..

— Я ничего не говорю. Я только излагаю факты, из которых ты можешь сделать выводы.

— Почему ты говоришь мне все это?

Вэйлок уселся поудобнее.

— Я сделал ставку на будущее. Я верю в стабильность и хочу ее. Я могу помочь защитить стабильность и при этом повысить слоп.

— А, — с легкой иронией произнес Имиш, — теперь ясно.

— Пропаганда Визереров использует вас как символ роскошной жизни и автоматического слопа.

— Автоматического слопа! — Канцлер горько рассмеялся. — Если бы они знали!

— Прекрасная идея — дать возможность узнать всем! Уничтожить этот символ.

— Как?

— Самая эффективная пропаганда — это телепрограмма, экскурс в историю Пританеона и ваша биография, из которой ясно, что вы по праву занимаете этот пост.

— Но вряд ли кого это заинтересует. Ведь в наше время канцлер — всего лишь пешка.

— Но канцлер становится истинным главой во времена смуты и беспорядка.

— Такого в Кларжесе не может быть. Мы цивилизованный народ.

— Времена меняются. В воздухе носится дух недовольства. Одно из проявлений этого — усиление деятельности Визереров. Телепрограмма, о которой я говорил, перечеркнет основные положения их пропаганды. И если нам удастся существенно поднять ваш престиж, мы оба можем рассчитывать на повышение слопа.

Имиш задумался.

— Я не имею возражений против этого, но...

— Я принесу вам материалы для окончательной редакции.

— Да, это не повредит.

— Значит, я начинаю работать с сегодняшнего дня.

— Я хочу подумать, прежде чем принять окончательное решение.

— Естественно.

— Я уверен, что ты преувеличиваешь серьезность положения. А что касается Рольфа... Я не могу в это поверить.

— Давайте не будем сейчас делать выводов, — согласился Вэйлок. — Но лучше пока не доверяйте ему.

— Хорошо. — Имиш поерзал в кресле. — У тебя уже сложился план передачи?

— Главное, — ответил Вэйдлк, — показать вас человеком старых традиций, очень ответственным, но простым и неприхотливым в жизни.

Имиш хмыкнул.

— Это будет трудно. Все знают, что я люблю хорошо пожить.

— Неплохо было бы, — продолжал задумчиво Вэйлок, — показать ваш гардероб — церемониальные костюмы и прочее...

Имиш был озадачен:

— Я думаю, вряд ли...

— Это будет хорошее вступление к разговору, — сказал Вэйлок. — Дань человеческому любопытству.

— Может, ты и прав, — пожал плечами Имиш.

Вэйлок встал.

— Пожалуй, я прямо сейчас посмотрю ваш гардероб и сделаю кое-какие заметки.

— Как хочешь. Я позову Рольфа.

Вэйлок перехватил его руку, потянувшуюся к звонку.

— Я не хотел бы работать с мистером Авершамом. Вы только скажите, куда идти. Я сам найду.

Имиш засмеялся.

— Это весьма экстравагантно — использовать мой гардероб в качестве контрпропаганды! Впрочем, твое дело... — Он стал подниматься.

— Нет, нет, — запротестовал Вэйлок, — я не хочу нарушать порядок вашей жизни больше чем необходимо. Лучше я схожу один.

Имиш пожал плечами.

— Как хочешь.

Он рассказал Вэйлоку, куда идти.

— Я скоро вернусь, — сказал Вэйлок.

2.

Вэйлок пошел по коридору. У нужной двери он остановился. Никого вокруг не было. Он распахнул дверь и вошел.

Образ жизни Имиша, как он и предполагал, трудно было

назвать аскетическим. Белый мрамор, зеленый малахит, черное и красное дерево, на высоких окнах шелковые шторы...

Вокруг Вэйлока висели пальто, накидки, туники, плащи, пиджаки, брюки, бриджи. Сотни видов разнообразной обуви, церемониальные одежды нескольких десятков цветов, спортивная одежда, охотничья одежда... Маскарадные костюмы... Вэйлок шарил глазами, стараясь отыскать алый пиджак, в котором вчера был канцлер.

Он шел вдоль вешалок, внимательно рассматривая все. И вот во втором ряду он нашел его и снял с вешалки. Но тут же замер. В дверях стоял Авершам. Затем он медленно пошел вперед. Глаза его блестели.

— Я не мог понять интереса к гардеробу канцлера, пока... — Он кивнул на пиджак. — Я понял, что тебе здесь нужно.

— Ты знаешь, для чего я здесь? — спросил Вэйлок.

— Ты держишь пиджак, в котором канцлер ездил в Актуриан. Это единственное, что я понял. Дай его мне.

— Зачем?

— Из любопытства.

Вэйлок отошел в конец комнаты и отвернувшись стал доставать пленки. Он чувствовал их, но не мог ухватить. Сзади послышались шаги Авершама. Он схватил пиджак. Вэйлок рванул пиджак к себе, но Авершам держал крепко. Вэйлок ударил Авершама в лицо, тот пнул его ногой в живот. Вэйлок схватил ногу Авершама, резко вывернул ее. Авершам упал, покатился к окну, вскочил на ноги, но Вэйлок уже был рядом и снова ударил его. Авершам схватился за шелковые занавески, но не удержался, хрипло вскрикнул и упал. Вэйлок в ужасе смотрел на пустой прямоугольник окна. Снизу донесся вопль, а затем послышались странные звенящие звуки.

Вэйлок выглянул из окна и увидел тело Рольфа Авершама. Он упал прямо на металлическую ограду и напоролся на одну из острых пик. Ноги его судорожно дергались, задевая о металлическую решетку. «Вот откуда этот звон», — подумал Вэйлок. Но и звон скоро прекратился.

Вэйлок вернулся к пиджаку, быстро вытащил пленки, повесил пиджак обратно.

Через мгновение он уже ворвался в кабинет Имиша. Канцлер быстро выключил экран, на котором обнаженные мужчины и женщины разыгрывали какую-то непристойную сцену.

— Что случилось?

— Я был прав, — задыхаясь, сказал Вэйлок. — Авер-

шам пришел в гардеробную и напал на меня! Он подслушивал нас!

— Но... но... — Имиш привстал с кресла. — Где же он?

Вэйлок сказал ему.

3.

Канцлер Имиш с трясущимися щеками и кожей цвета прокисшего молока диктовал рапорт Трайенвудскому шефу убийц.

— Его работа всегда изобиловала небрежностью. А затем я обнаружил, что он следит за мной. Я объявил ему, что увольняю его и беру мистера Гэвина Вэйлока на его место. Он ворвался в мой гардероб и напал на меня. К счастью, рядом был Гэвин Вэйлок. В завязавшейся борьбе Авершам выпал из окна. Это случайность, чистая случайность.

Убийца принял рапорт и ушел. Имиш, пошатываясь, прошел в комнату, где ждал Вэйлок.

— Все, — сказал он. — Я надеюсь, что ты прав.

— Это был единственный способ оправдаться. В любом другом случае вас ждал бы громкий скандал.

Имиш покачал головой, все еще ошарашенный тем, что случилось.

— Кстати, — сказал Вэйлок, — когда мне приступить к выполнению своих обязанностей?

Имиш удивленно посмотрел на него.

— Ты действительно хочешь занять место Рольфа?

— Мне не нравится в Актуриане и хочется помогать вам.

— Так слоп не сделаешь, прыгая с места на место.

— Я доволен, — сказал Вэйлок.

Имиш покачал головой.

— Секретарь канцлера — это секретарь ничтожества. А это еще хуже, чем быть ничтожеством.

— Я всегда хотел иметь титул. Как ваш секретарь я становлюсь вице-канцлером. А кроме того, вы же сами сказали убийцам, что взяли меня на службу.

Имиш поджал губы.

— Ну и что? Ты можешь отказаться.

— Я боюсь, это вызовет подозрения. А кроме того, нам нужно подумать о Визерерах.

Имиш уселся в кресло, бросил на Вэйлока обвиняющий взгляд.

— Ужасное событие!

— Я сделаю все, чтобы у вас не было неприятностей.

Долгое время они смотрели друг на друга.

— Пойду, пожалуй, освобожу комнату от пожитков Авершама, — сказал Вэйлок.

Глава шестнадцатая

1.

Прошел месяц. Осень пришла в Кларжес. Листья на деревьях стали красно-желтыми, луга посерели, ветер становился все холоднее.

В Кларжесе отмечался один из больших ежегодных праздников. Весь народ вышел на улицы. На Эстергази-сквер один человек внезапно пришел в неистовство, вскочил на скамейку и произнес гневную речь, указывая в сторону Актуриана и потрясая кулаками. Многие останавливались послушать его, и пылкая речь нашла отклик в их душах. Двое убийц в черной форме остановились рядом, и сумасшедший обратил свою ярость против них. Толпа повернулась к ним, и убийцы пошли прочь. Но они сделали ошибку, удаляясь слишком быстро. Толпа взревела и устремилась за ними. Убийцы прибавили шагу и вскоре побежали. Оратор, истощивший свои силы, упал на землю, закрыв лицо руками.

Толпа, лишенная руководителя, вскоре пришла в себя и рассеялась. Но в течение некоторого времени люди ощущали силу и гнев массы, они действовали как одно целое против существующего порядка. Газета, описывающая это событие, назвала свою заметку так:

ВЕЙРДЫ НА УЛИЦАХ ДНЕМ?

Вэйлок провел этот день в своей квартире на Фариот-вэй, где теперь жил и Винсент Роденейв. Роденейв похудел. Глаза его светились из-под бровей демоническим блеском.

Роденейв работал над пленками. Крупномасштабная карта висела на стене. Она вся была утыкана булавками с алыми головками. Каждая булавка отмечала местонахождение убежищ, где Амаранты хранят свои суррогаты. Вэйлок с большим удовлетворением изучал карту.

Он сказал Роденейву:

— Это самый опасный лист в мире.

— Я понимаю, — ответил Роденейв. Он показал на окно. — На улице все время дежурит убийца. За квартирой следят. А что, если они ворвутся сюда?

Вэйлок нахмурился, сложил карту, сунул ее в карман.

— Продолжай работу с остальными. Если я уеду на неделю...

— Ты можешь уехать? Ты работаешь?

— Я работаю за троих, — улыбнулся Вэйлок. — Авершам

минимизировал свои обязанности. Я хочу сделать себя незаменимым.

— Как?

— Во-первых, укрепив положение самого Имиша. Сам он уже сдался и ждет убийц, будучи Сердом. Теперь он уже надеется стать Вержем. Мы много ездим. Он укрепляет свой общественный статус как может. Он произносит речи, дает интервью прессе, ведет себя как человек, обладающий властью. — И немного погодя Вэйлок произнес задумчиво: — Он еще удивит нас всех.

2.

Вернувшись в Трайенвуд, Вэйлок прошел прямо к канцлеру. Тот спал на диване. Вэйлок опустился в кресло.

Имиш проснулся, сел, сонно моргая.

— А, Гэвин. Ну как праздник в Кларжесе?

Вэйлок задумался.

— Так себе.

— Почему?

— Чувствуется какое-то напряжение. Все возбуждены. Свободный поток растрачивает свою энергию. Но если поток запрудить, энергия его нарастет до угрожающих размеров.

Имиш почесал голову и зевнул.

— Город переполнен, — сказал Вэйлок. — Все вышли на улицу. Никто не знает, почему, но все вышли.

— Может, для моциона, — предположил Имиш. — Подышать воздухом, посмотреть город...

— Нет. Люди возбуждены. Их не интересует город, они ищут только общества друг друга, они собираются в толпы.

— Это звучит так печально...

— Я этого и добиваюсь.

— Чепуха, — сказал Имиш. — Такие люди не создали бы Кларжес.

— Я согласен. Но великие дни приходят и уходят.

— Но... — воскликнул Имиш, — еще никогда в нашем обществе производительность не была такой большой, отходы производства такими маленькими...

— И еще никогда не были так переполнены Паллиатории.

— В тебе сегодня совершенно отсутствует оптимизм.

— Иногда я удивляюсь, почему я борюсь за слоп? Зачем стремиться стать Амарантом в мире, который стремительно падает вниз?

— Сегодня у тебя очень желчное настроение. — Имиш был наполовину встревожен, наполовину смешлив.

— Великий человек, великий канцлер сможет изменить будущее, сможет спасти Кларжес!

Имиш встал, наклонился над столом.

— Ты полон интереснейших идей, — засмеялся он. — Теперь я понимаю, откуда берутся слухи, которые ходят о тебе.

— Обо мне?

— Да. — Имиш смотрел на него сверху вниз. — Я слышал очень любопытную вещь.

— И что именно?

— Говорят, что черная тень тянется за тобой. Куда бы ты ни пошел, везде за тобой идет ужас.

— Кто автор этой чепухи? — фыркнул Вэйлок.

— Генерал-директор убийц Каспар Джарвис.

— Генерал-директор занимается сплетнями, в то время как Вейрды и Визереры нависли, как топор палача над нашей цивилизацией.

Имиш улыбнулся.

— Сейчас, я думаю, ты не так серьезен, как тогда?

Вэйлок использовал Визереров как пугало, чтобы проникнуть в гардероб канцлера, но теперь он уже трезво относился к ним.

Имиш продолжал:

— Вейрды — это неорганизованная масса психопатов, Визереры витают в облаках, они романтики. Единственно опасные преступники укрываются в районе Тысячи Воров.

Вэйлок покачал головой.

— Мы их знаем. Они изолированы. А эти — часть нас. Они здесь, там, везде. Если Визерерам удастся распространить свою главную идею, что Кларжес болен, что Кларжес нужно лечить — число Визереров увеличится намного.

Имиш потер лоб в замешательстве.

— Но именно это ты говорил мне пять минут назад! Ты сам Архивизерер!

— Возможно, — сказал Вэйлок, — но мои предложения не столь революционны.

Имиш был непоколебим.

— Каждый знает, что мы живем в Золотом Веке. Генерал-директор говорил мне...

— Завтра вечером, — сказал Вэйлок, — состоится встреча Визереров. Я возьму вас на эту встречу, и вы увидите все своими глазами.

— Где они встречаются?

— В Карневале. Холл Откровений.

— Этот сумасшедший дом? И ты еще принимаешь их всерьез?

— Сходим и увидим, — засмеялся Вэйлок.

3.

Карневаль, как всегда, был заполнен людьми в ярких костюмах. Вэйлок надел новый костюм ярко-оранжевого цвета, украшенный перьями. На лице его была бронзовая маска, в которой отражались огни факелов, свет фонарей, вспышки фейерверков. Теперь он сам походил на ходячий сноп пламени.

Имиш не отстал от него в оригинальности: на нем был костюм Матаганского воина. От него исходил звон колокольчиков, яркие бляхи отражали свет, голубые и зеленые перья колыхались в такт шагам. Его головной убор представлял собой умопомрачительную коллекцию пластин из разноцветного стекла, приклеенных к серебряному обручу.

Всеобщее возбуждение захватило Имиша и Вэйлока. Они громко смеялись и оживленно разговаривали. Имиш даже высказал желание забыть о деле, которое привело их в Карневаль, но Вэйлок был тверд и проходил мимо различных увеселительных домов. Они прошли под роскошным мостом Шепота с его пагодообразной крышей и колоннами в форме сердец. Теперь перед ними возвышался Холл Откровений. Голубые колонны поддерживали зеленый архитрав, на котором красовалась надпись:

ЧТО ЕСТЬ ИСТИНА?

Копия древней статуи — человек-мыслитель: локоть на колене, подбородок в ладони — стояла возле входа. Вэйлок и Имиш бросили свои флорины в ящик и вошли.

Шум голосов оглушил их. Вдоль стен стояли пустоглазые античные богини, держащие зажженные факелы. Высокие потолки терялись во мраке. Под каждым факелом было возвышение, и на каждом из них стояли мужчины или женщины. Все они излагали свои доктрины с разной степенью горячности, и возле каждого толпились их последователи. У одних больше, у других меньше. На одно из возвышений забрались сразу два человека, и после напрасных попыток перетянуть к себе слушателей, они бросились друг на друга с кулаками.

— Кто поплывет со мной? — кричал с одного из возвышений оратор. — Я строю ковчег и мне нужны деньги. На моем острове, клянусь, будет настоящий рай. Там полно фруктов.

— Это Кизим, примитивист. Он уже десять лет собирает людей для своей колонии, — объяснил Вэйлок.

— А как насчет каннибалов-варваров? — спросил кто-то ехидно. — Нам придется съесть их раньше, чем они съедят нас.

Толпа дружно расхохоталась.

— Мы будем купаться в теплой воде, спать на горячем песке. Это же натуральная жизнь, спокойная, мирная... — Но его уже мало кто слушал. — При чем здесь каннибалы? — надрывался Кизим. — Остров мой, и им придется уйти!

— С сотней черепов в качестве трофеев, — добавил кто-то, и Кизим вконец смешался и исчез.

Имиш и Вэйлок пошли дальше.

— Лига заката солнца, — сказал Вэйлок, указывая на следующих выступающих. — В основном, гларки.

— ...и затем, в конце, о братья и сестры, не отворачивайтесь, потому что я скажу: наступает конец! Мы снова возвращаемся в Лоно Великого Друга, мы будем жить вечно в славе, которая недоступна Амарантам! Но мы должны сейчас верить, должны отречься от земных соблазнов, отдать свои души Великому Другу!

— ...десять тысяч сильных мужчин — вот все, что нам нужно! — кричал с другого возвышения тщедушный мужчина. — Зачем нам потеть и изнурять себя работой в Кларжесе? Я поведу вас, поведу Легион Света! Десять тысяч, закованные в металл, хорошо вооруженные! Мы пройдем через Таппанию, мы освободим Мерсию, Ливернь, Эскобар. И затем мы сами станем Амарантами. Всего только десять тысяч, Легион Света...

На противоположном возвышении стояла хрупкая женщина с бледным лицом. Черные волосы развевались вокруг ее головы. Глаза, большие и дикие, смотрели куда-то в даль, не видимую другим. Она как будто не знала, что ее слушают.

— ...страх и зависть, они с нами, а с кем справедливость? Бессмертие принадлежит одинаково и Амарантам и гларкам: никто не умирает. Как живет Амарант? Он использует суррогаты, он полностью сливается с ними. Как будет жить гларк? Почти так же. Он будет сливаться не со своими суррогатами, а с Человеком. Все люди будущего — его суррогаты. Он будет сливаться с человечеством, он будет жить вечно!

— Кто это? — спросил Имиш.

— Не знаю. Я вижу ее впервые... А вот и Визереры. Идем, послушаем.

Женщина исключительной красоты стояла на возвышении.

— ...сейчас трудно определить тенденцию, если она, конечно, есть. Однако ответ могут дать Паллиаторий. Некоторых пациентов излечивают и выпускают. Эти излеченные возвращаются к работе, к борьбе за фил. А человек, как ве-

ревка — где тонко, там и рвется — ведь в этом месте развивается наибольшее напряжение. И он уже снова в Паллиатории.

Чтобы решить проблему, нужно не укреплять веревку, нужно уменьшить напряжение. Но напряжение не уменьшается, оно растет. Поэтому, как мы согласились на прошлой встрече, нужно готовиться к чему-то. Здесь присутствует Моркас Марр, который даст вам дальнейшую информацию.

Она сошла с помоста. Имиш подтолкнул Вэйлока.

— Я знаю эту женщину. Это Иоланда Бенн! — Он был ошарашен. — Иоланда Бенн! Подумать только!

Моркас Марр уже стоял на возвышении. Невысокий, крепкий человек с суровым лицом. Он говорил ровным голосом, заглядывая в записную книжку.

— По рекомендации комитета мы упрощаем администрирование и оставляем только главных по районам. Здесь у меня список главных, который я оглашу. Естественно, кандидатуры могут быть одобрены не всеми, но мы полагаем, что сейчас не до выборов. Сейчас важно как можно быстрее привести организацию в действие.

Имиш прошептал Вэйлоку на ухо:

— О чем это он, черт побери?

— Слушай!

— Каждый главный, назовем его лидер, организует свой район, назначает свою исполнительную группу, вырабатывает план действий. Сейчас я прочту список лидеров. — Он поднял книжку.

— Координатор Якоб Мил.

В стороне по толпе прошло волнение. Вэйлок повернулся и увидел Мила. Рядом с ним стояла женщина с длинным нервным лицом, впалыми щеками, рыжими волосами — Пледж Каддиган.

Моркас Марр закончил чтение и спросил:

— Вопросы есть?

— Конечно, есть! — прозвучал голос рядом с Вэйлоком, и он с удивлением увидел, что это крикнул канцлер Имиш.

— Я хочу знать, какова цель этой полузаконспирированной организации?

— Мы надеемся защитить человечество и цивилизацию от надвигающегося катаклизма.

— Катаклизма? — Имиш был удивлен.

— Разве можно подобрать более подходящее слово для полной анархии? — Марр снова обратился ко всем. — Еще вопросы?

— Мистер Марр, — сказал Мил, выступив вперед. — Мне кажется, я узнал крупного политического деятеля. — Тон его

был язвительным. — Это канцлер Пританеона Клод Имиш. Может, нам удастся привлечь его в свои ряды?

Имиш поддержал его иронию.

— Я мог бы вступить в вашу организацию, если бы знал, чего вы хотите.

— Ха! — воскликнул Мил. — На этот вопрос никто не может дать ответа. Мы не хотим определять свою цель. И в этом наша сила. Каждый из нас уверен, что основная цель организации совпадает с его личной целью. Мы связаны только общим вопросом: «Куда катится мир? Как его переделать?»

Имиш разозлился.

— Вместо того чтобы болтать о катаклизме и блеять: «Куда, куда?», вы бы лучше спрашивали себя: «Что могу сделать я, чтобы разрешить те проблемы, которые сотрясают Кларжес?»

Наступила тишина, затем раздался взрыв негодования. Вэйлок оставил Имиша и подошел к Пледж Каддиган и Якобу Милу.

— Как ты оказался в столь изысканном обществе? — спросила Пледж.

— Моя дорогая, я сам теперь изысканное общество. — ответил Вэйлок. — Я вице-канцлер.

Якоб Мил нашел эту ситуацию очень занимательной.

— И вы, номинальные главы правительства, почему вы здесь, в такой подозрительной компании, как мы?

— Мы надеемся повысить свой слоп, доказав, что Визереры — это конспиративная подрывная организация.

— Если вам будет нужна помощь, обращайтесь ко мне, — рассмеялся Мил.

Сердитые возгласы прервали их. Этот вечер превзошел все ожидания Вэйлока.

— Послушайте этого осла, — прошептал Мил.

— Если вы не партия преступных синдикалистов, — кричал Имиш, — то почему вы создаете целую организацию?

Десяток голосов ответил ему, но Имиш не слушал.

— Вы можете быть уверенными в одном: я намереваюсь напустить на вас убийц. Я выведу вас на чистую воду!

— Ха! — вскричал Моркас Марр презрительно. — Давай, давай! Кто будет слушать тебя? У самого младшего из нас больше влияния, чем у тебя!

Имиш махнул рукой. Он не мог найти слов и только плюнул. Вэйлок взял его за руку.

— Идем.

Ослепленный гневом, Имиш позволил увести себя. В Помадре, на четвертом этаже знаменитого Кольца Садов, они сели и выпили прохладительного.

Имиш молчал. Он стыдился того, что ему пришлось уйти так позорно. Вэйлок тактично молчал. Оба смотрели на залитый огнями Карневаль. Была полночь, и праздник был в полном разгаре. Даже воздух вздыхал и вибрировал.

Имиш поставил стакан на стол.

— Идем, — проскрипел он. — Пора.

Они шли по эспланаде, в «Аргонавте» выпили ликеру, и Имишу стало нехорошо. Они решили возвращаться домой и пошли по направлению к выходу.

Карневаль был каким-то призрачным, нереальным. Огни цветных фонарей поглощались темной водой реки, сгорбленные мрачные фигуры пробирались в полумраке. Некоторые из них были ревелеры, никому не известные, как клочки бумаги, плывущие в темной воде реки, другие — Берберы, которые, как и Вейрды, находили удовольствие в мрачных преступлениях и насилиях. Группа таких личностей вышла из мрака и направилась к Имишу и Вэйлоку. Они внезапно набросились на канцлера и его помощника.

Имиш сразу рухнул на колени и старался покинуть поле боя на четвереньках. Вэйлок отступил. Тени наступали на него, нанося удары. Один из ударов пришелся по лицу. Вэйлок ответил, но силы были неравны. Вскоре он уже был на земле. Маска свалилась с его лица...

— Это же Вэйлок! — послышался шепот. — Гэвин Вэйлок.

Вэйлок выхватил нож, ударил по чьей-то ноге, послышался крик. Он вскочил на ноги и бросился вперед, нанося удары направо и налево. Берберы побежали, рассеялись во тьме.

Вэйлок вернулся к Имишу, который со стонами старался подняться. Они побрели по эспланаде. Одежда их была в полном беспорядке, волосы растрепаны. Несколько синяков украшали лица.

В конце набережной они взяли кэб и полетели через реку, в Трайенвуд.

4.

Канцлер Имиш был в дурном настроении несколько дней. Вэйлок, как обычно, исполнял свои обязанности.

В одно тусклое утро позднего ноября, когда серая вуаль осеннего дождя заволокла Глэйд Каунти, Имиш вошел в кабинет Вэйлока. Он уселся в кресло. Ребра его все еще болели, синяки не полностью сошли с лица. И психологическая травма была сильна: он похудел, вокруг рта прорезались морщины.

Вэйлок слушал, как Имиш, путаясь в словах, пытается изложить свою идею.

— Как ты знаешь, Гэвин, я анахронизм. Золотой Век не нуждается в сильном лидере. Но... — Он помолчал, задумавшись. — При чрезвычайных обстоятельствах... — Имиш отошел к окну и стал смотреть в серое небо. — Странные вещи творятся в Кларжесе, но никого это не беспокоит. Я намереваюсь заняться этим. Поэтому... — Он повернулся к Вэйлоку. — Позвони генерал-директору убийц Каспару Джарвису, попроси его быть здесь в одиннадцать часов.

— Хорошо, канцлер, — кивнул Вэйлок.

Глава семнадцатая

1.

Вэйлок позвонил на Центральную Станцию в Гарстанге и попросил соединить его с генерал-директором Джарвисом. Это потребовало много времени и усилий. Ему пришлось спорить сначала с оператором, потом — с чиновником Главной Станции... и наконец перед ним на экране возник сам Джарвис — могучий человек, сидящий за столом с бумагами, как собака над костью.

— Какого дьявола вам надо?

Вэйлок объяснил, и Джарвис стал более дружелюбен.

— Значит, канцлер желает видеть меня в одиннадцать часов?

— Да.

— А ты — вице-канцлер Вэйлок?

— Да.

— Интересно. Я надеюсь познакомиться с тобой поближе, вице-канцлер!

— Значит, в одиннадцать, — бесстрастно сказал Вэйлок.

Джарвис появился за десять минут до одиннадцати с двумя помощниками. Он прошел в приемную, остановился возле стола Вэйлока, осмотрел его внимательно и улыбнулся, как заговорщик.

— Вот мы и встретились лицом к лицу.

Вэйлок встал и кивнул.

— Надеюсь, не в последний раз, — продолжал Джарвис. — Где канцлер?

— Я провожу вас к нему.

Вэйлок проводил Джарвиса в кабинет канцлера. Возле дверей Джарвис оставил своих помощников.

В кабинете ждал Имиш. Он сидел в массивном старом кресле. За ним на стене висели портреты его предшественников. Он был полон достоинства. Имиш приветствовал Джарвиса, затем дал знак Вэйлоку оставить их одних.

— Ты нам не нужен, Гэвин. Можешь идти.

Вэйлок с поклоном ушел. Джарвис с развязным дружелюбием сказал:

— Я занятой человек, канцлер. Полагаю, вы хотите мне сказать что-то важное?

Имиш кивнул.

— Думаю, да. С некоторых пор меня стало беспокоить положение в Кларжесе...

Джарвис поднял руки.

— Один момент, сэр. Если Вэйлок имеет отношение к делу, можно позвать его сюда. Потому что он все равно будет подслушивать.

Имиш улыбнулся.

— Может, он и хитрец, но тут нет подслушивающих устройств. Мой кабинет тщательно проверяется.

Джарвис скептически осмотрел комнату.

— Вы не будете возражать, если я сам проверю кабинет?

— Ради Бога.

Джарвис достал какой-то прибор в форме трубки и прошел по комнате, проверяя показания на шкале, прошел во второй раз.

— Странно. Действительно, ничего нет.

Он подошел к двери, открыл ее. Возле двери стояли его люди. Все было спокойно.

Джарвис вернулся в свое кресло.

— Теперь будем говорить.

Вэйлок, стоящий в соседней комнате, приложил ухо к отверстию, которое он предусмотрительно проделал, и улыбнулся.

— В некотором смысле здесь замешан Вэйлок, — послышался голос Имиша. — Из своих собственных соображений он показал мне ту опасность, которую вы не хотите замечать.

— Мое дело — только непосредственная опасность.

Имиш кивнул.

— Наверное, это мое дело. Я говорю о любопытной организации — Визерерах.

Джарвис пренебрежительно махнул рукой.

— В них нет ничего интересного для нас.

— У вас есть агенты в этой организации?

— Нет. Их нет и в Лиге Солнечного Заката, и у Абракадабристов, и в Гильдии Масонов, и в Объединенном Земном Шаре, и у Серебряных Сионистов...

— Я хочу, чтобы вы немедленно занялись Визерерами.

Начался спор. Имиш был неумолим. Наконец Джарвис поднял руки.

— Хорошо. Я сделаю то, что вы просите. Времена неустойчивы, возможно, мы слишком беспечны.

Имиш кивнул, откинулся в кресле. Джарвис наклонился к нему через стол.

— А теперь у меня к вам настоятельная просьба. Бросьте Вэйлока. Избавьтесь от него. Это темная лошадка. Более того, он монстр. Если вы заботитесь о репутации Пританеона, вы уволите его до того, как мы пришлем за ним.

Достоинство Имиша поколебалось.

— Вы имеете в виду случай с моим предыдущим секретарем?

— Нет. — Джарвис внимательно посмотрел на Имиша. Тот отвел взгляд. — Согласно вашему свидетельству, Вэйлок в этом невиновен.

— Нет, — поспешно сказал Имиш, — конечно, нет.

— Я говорю о преступлении, которое совершилось несколько месяцев назад в Карневале, где Вэйлок убил Джакинт Мартин. Мы вошли в контакт с его сообщником, неким Бербером по имени Карлеон. Карлеон может дать показания, достаточные для осуждения.

— Почему вы мне говорите это? — напряженно спросил Имиш.

— Потому что вы можете помочь нам.

— Как?

— Карлеон хочет получить прощение. Он хочет покинуть район Тысячи Воров и вернуться в Кларжес. У вас есть право дать ему прощение.

Имиш мигнул.

— Моя власть чисто номинальна. Вы это прекрасно знаете.

— Тем не менее, она есть. Я сам могу пойти в Колледж Трибунов или в Пританеон и просить амнистии для Карлеона. Но тогда будет огласка, дурацкие вопросы.

— Но этот Карлеон... разве он не виновен так же, как и Вэйлок? Почему нужно простить одного, чтобы наказать другого?

Джарвис молчал. Оказывается, Имиш не так глуп, как он предполагал.

— Это политическое дело, — наконец сказал он. — Вэй-

лок — это специальный случай. Я получил приказ осудить его любым способом.

— Вне всякого сомнения, на этом настаивает Общество Амарантов?

Джарвис кивнул.

— Рассмотрите ситуацию с этой точки зрения. Два преступника — Вэйлок и Карлеон — на свободе. Подарив амнистию Карлеону, мы схватим Вэйлока. Очевидный выигрыш.

— Я понимаю... У вас есть необходимые бумаги?

Джарвис достал из кармана документ.

— Нужно только подписать здесь.

Имиш прочел список преступлений, за которые он прощает Карлеона. Негодование охватило его.

— Это же исчадие ада. И вы хотите простить этого человека, чтобы схватить Вэйлока, святого по сравнению с ним!

Он бросил документ на стол.

Со стоическим терпением Джарвис снова начал объяснять ситуацию:

— Я же говорю, сэр, мы ничего не теряем, простив Карлеону его преступления — он все равно живет свободным в Карневале. Но зато мы получаем Вэйлока... И кроме того, нам не следует забывать об интересах высокопоставленных особ...

Имиш взял перо, нацарапал свою подпись.

— Хорошо. Пусть будет так.

Джарвис взял документ, сложил его, встал.

— Спасибо за помощь, канцлер.

— Я надеюсь, что не буду иметь неприятностей в Пританеоне.

— В этом я могу вас заверить. Они ничего не узнают.

Джарвис вернулся к себе, и тут же ему позвонил Имиш.

— Директор, Вэйлок исчез.

— Как исчез?

— Не знаю. Он ушел, не сказав мне ни слова.

— Хорошо. Благодарю за звонок.

Экран погас. Джарвис глубоко задумался. Затем нажал кнопку и проговорил в микрофон:

— Прощение Карлеона готово. Свяжитесь с ним. Договоритесь о встрече. Чем скорее, тем лучше.

2.

Человек в медной маске быстро шел по открытому тротуару. Возле маленькой стальной двери он остановился, осмотрелся, вошел, быстро сделал три шага и остановился. Он ждал

две секунды, пока сработает ловушка: огненные молнии ударили в пол перед ним и позади него. После этого он пошел вперед.

Он поднялся по ступеням и вошел в комнату, где не было ничего, кроме деревянных скамеек и грубого стола. За столом сидел человек со сморщенным лицом и большими горящими глазами.

— Где Карлеон? — спросил человек в маске.

Человек кивнул на дверь:

— В своем Музее.

Человек в маске быстро подошел к двери, открыл ее и пошел по темному коридору, то прижимаясь к левой стене, то прыгая к правой. В самой темной части коридора он нащупал боковую дверь, открыл ее и оказался в длинной комнате, обставленной с мрачной роскошью. Комната была освещена зеленоватым светом, что еще больше усиливало гнетущее впечатление.

Огромный человек с круглым мертвенно-бледным лицом вопросительно посмотрел на вошедшего:

— В чем дело?

Посетитель снял маску.

— Вэйлок! — Карлеон схватился за пистолет, но оружие Вэйлока было наготове. Безжизненное тело Карлеона рухнуло на пол.

Вэйлок прошел по Музею. Карлеон был некроманом: он собирал экспонаты, показывающие смерть в самых разнообразных видах и формах. Вэйлок с удивлением смотрел на распростертое тело Карлеона. Этот человек собирался стать свободным ценой жизни Вэйлока. Да, Вэйлок недооценил решительность своих противников и их неразборчивость в средствах...

Он вернулся в мрачную приемную. Маленький человек сидел, как и раньше.

— Я убил Карлеона, — сказал Вэйлок.

Человек не выказал ни удивления, ни интереса.

— Карлеон захотел на ту сторону реки. Он договорился с убийцами об амнистии.

Человек посмотрел своими лучистыми глазами через стол на Вэйлока. Тот сказал:

— Мне нужна сотня человек, Рубель. У меня большие планы и мне нужна помощь. Я буду платить по пятьсот флоринов за ночь.

Рубель угрюмо кивнул.

— Опасность есть?

— В какой-то степени.

— Деньги вперед.

— Половину.

— А у тебя они есть?

— Да, Рубель. Грэйвен Варлок, издатель «Кларжес Директшен», был богатым человеком. Ты будешь играть роль нанимателя.

— Когда тебе нужны люди?

— Я скажу тебе за четыре часа до начала. Они должны быть сильные, быстрые, умные, хитрые и точно выполнять приказы.

— Сомневаюсь, чтобы в Карневале набралась сотня таких.

— Тогда бери и женщин. Они тоже подойдут. В некотором отношении даже лучше,

Рубель кивнул.

— Еще одно. Убийцы в основном действуют через тебя, Рубель. Ты их агент.

Рубель улыбнулся змеиной улыбкой, которую Вэйлок проигнорировал.

— Возможно, ты знаешь и других информаторов. Предупреждаю: полная тайна. Никакой утечки информации. Ты отвечаешь за это. Понял?

— Абсолютно.

— Прекрасно. На следующую нашу встречу я принесу деньги.

Зазвонил телефон. Рубель искоса взглянул на Вэйлока и поднял трубку. По телефону говорили на сленге, непонятном для непосвященных.

Рубель повернулся к Вэйлоку.

— Убийцы хотят Карлеона.

— Скажи им, что Карлеон мертв.

3.

Эту новость передали Джарвису. Он действовал решительно:

— Пошлите специальный отряд в Карневаль. Приказ — найти Гэвина Вэйлока и схватить его.

Прошло два часа, и отряд вернулся ни с чем.

— Он ускользнул.

Джарвис сидел в кресле, глядя на черные крыши города.

— Мы найдем его... Жаль, что нельзя использовать телевекцию... Они связывают нам руки!

Он встал и отдал сотню приказов...

Глава восемнадцатая

1.

Общество Амарантов собралось на свой двести двадцать девятый конклав. Каждый член Общества сидел в комнате своего дома перед большой стеной, сделанной из десяти тысяч плиток. На каждой плитке экрана виднелось лицо Амаранта и лампочка, отражающая его мнение по какому-либо вопросу. Если лампочка светилась красным светом, это означало крайнее неодобрение. Оранжевым — неодобрение, желтым — нейтральное отношение, зеленым — одобрение и голубым — полное одобрение.

В центре мозаики было смонтировано устройство, которое обсчитывало все данные, и специальный индикатор отсвечивал мнение большинства, так сказать, обобщенное мнение общества, групповое решение.

Сегодня вечером на конклав собрались девяносто два процента всех его членов.

После официальной церемонии открытия Роланд Зигмонт занял экран оратора.

— Я не буду терять время на вступление. Мы сегодня встретились, чтобы обсудить дело, которое каждый из нас старался не замечать: насильственное уничтожение Амарантов.

Мы игнорировали эту проблему до сих пор из ложного стыда и не считали ее серьезной. Действительно, в противном случае — зачем нужны были бы наши суррогаты?

Сейчас мы должны выступить за свои принципы: посягательство на жизнь есть крайнее зло, и мы должны бороться с любым проявлением этого.

Вы удивляетесь, почему сейчас поднялся этот вопрос. Основная причина — это продолжающаяся серия уничтожений. Последнее — это Анастазия де Фанкур. Ее убийца покончил с собой и пока среди нас не появились ни новая Анастазия, ни новый Абель.

Но главное — это Гэвин Вэйлок, известный нам как Грэйвен Варлок.

Я передаю слово Джакинт Мартин, которая занималась этим делом.

Лицо Джакинт появилось на центральном экране. Глаза ее расширились и сияли странным блеском. Видимо, она была перевозбуждена и напряжена.

— Дело Гэвина Вэйлока — это общая тенденция отноше-

ния к нам, Амарантам. Впрочем, может, я несправедлива к Вэйлоку, потому что человек он уникальный!

Давайте посмотрим преступления, за которые он несет прямую ответственность: Абель Мандевиль и я — Джакинт Мартин. Предположительно: Сэт Каддиган, Рольф Авершам; только вчера Бербер Карлеон. Все это события, известные нам. А сколько неизвестных? Зло идет за Вэйлоком.

Почему? Случайность? Может, Вэйлок — невинное орудие зла? А может, он дошел до такой степени эгоизма, что ему ничего не стоит взять человеческую жизнь для достижения своих целей?

Голос ее зазвенел, слова запрыгали, как дождевые капли с крыши. Она тяжело дышала.

— Я изучила Гэвина Вэйлока. Это не невинное орудие зла! Это монстр! У него мораль хищника, и она дает ему могущество — могущество, направленное против жителей Кларжеса. Это физическая угроза каждому из нас.

Все всполошились.

— Почему? Почему? Почему — неслись крики с каждого экрана.

Джакинт продолжала:

— Вэйлок презирает наши законы. Он нарушает их тогда, когда ему нужно. А успех заразителен. За Вэйлоком могут последовать и другие. Он загрязняет наше общество, как вирус заразы!

Все опять загудели и стали перешептываться.

— Цель Гэвина Вэйлока — стать Амарантом, и он изо всех сил стремится к этому. — Она посмотрела на мозаику из тысяч маленьких взволнованных лиц. — Если мы решим, мы можем проигнорировать законы Кларжеса и дать ему то, что он хочет. Какова ваша воля?

Шум голосов, как звуки прибоя, вырвался из громкоговорителей. Индикаторы засветились всеми цветами радуги, но больше всего было красного и оранжевого. Панель центрального регистра стала розовой.

Джакинт подняла руку.

— Но если мы не сдадимся, я предупреждаю вас, нам придется сражаться с этим человеком. Нам придется не просто подчинить его, этого будет недостаточно, мы должны... — Она наклонилась вперед. — ...мы должны уничтожить его!

С мозаики не донеслось ни звука.

— Некоторые из вас потрясены. Но к этой мысли нужно привыкнуть. Этот человек хищник и должен быть уничтожен.

Она села. Роланд Зигмонт, председатель Общества, снова занял место на центральной панели. Он тихо заговорил:

— Джакинт осветила специальный объект общей проблемы. Без сомнения, Грэйен Варлок умный преступник. Он каким-то образом перехитрил убийц и скрывался семь лет, после чего зарегистрировался в Бруды как свой же реликт с намерением снова пробиться в Амаранты.

— Разве это плохо? — спросил кто-то.

Роланд проигнорировал вопрос.

— Однако...

На экране снова появилась Джакинт. Она обшаривала глазами тысячи людей.

— Кто это спросил?

— Я.

— Кто ты?

— Я, Гэвин Вэйлок. Или Грэйвен Варлок, если вам это больше нравится. Я, вице-канцлер Пританеона. Дай мне слово, председатель.

Лицо Вэйлока появилось на центральной панели. Десять тысяч пар глаз рассматривали волевое лицо.

— Семь лет назад, — начал Вэйлок, — я был передан убийцам за преступление, в котором виновен лишь технически. Благодаря большому везению я сегодня здесь, чтобы выразить протест. Я прошу конклав отменить свой ордер на арест, признать свою ошибку и восстановить меня в членах Общества со всеми правами.

Роланд Зигмонт заговорил. В его голоса чувствовалось волнение.

— Конклав проголосует, принять или не принять твою просьбу.

— Ты монстр, — сказал чей-то голос. — Мы никогда не подчинимся твоему требованию.

Вэйлок сказал голосом, в котором звучала сталь.

— Я прошу голосования.

Контрольная панель стала красной.

— Вы отвергли мою просьбу, — сказал Вэйлок. — Роланд Зигмонт, могу я узнать, почему?

— Я могу только предположить мотивы, которыми руководствовалось Общество, — проговорил Роланд. — Очевидно, мы чувствуем, что твои методы неприменимы, неприемлемы. Ты обвинен в готовности совершить преступление. Нас тревожит твоя агрессивность. Мы не считаем тебя достойным занять место среди Амарантов.

— Но при чем здесь мой характер? Грэйвен Варлок и я уже были признаны Амарантами.

Роланд сослался на слова Джакинт Мартин.

— Ты зарегистрировался в Актуриане как Гэвин Вэйлок. Так?

— Верно. Но это всего лишь...

— Значит, для закона ты и есть Гэвин Вэйлок. Грэйвен исчез. А ты — Гэвин Вэйлок, Бруд.

— Я зарегистрировался как Гэвин Вэйлок, реликт Грэйвена. Однако я точная копия Грэйвена и, следовательно, имею право на все то, на что имел право сам Грэйвен.

Джакинт рассмеялась.

— Пусть на это ответит Роланд. Он специалист в этих делах.

Роланд много говорить не стал.

— Я отвергаю притязания мистера Гэвина Вэйлока. Грэйвен был Амарантом очень мало времени, и его суррогаты не успели развиться.

— Но вы можете, — сказал Вэйлок, — проэкзаменовать меня по всему прошлому Грэйвена. И когда я отвечу на все вопросы, вы сможете признать меня суррогатом Грэйвена, и тогда я буду считаться новым Грэйвеном.

— Я не могу понять этого. Вы можете быть реликтом Грэйвена, но никак не его копией, суррогатом.

Спор затянулся. На центральном экране теперь были они оба. Спор продолжался.

— Но разве это не ваша доктрина относительно суррогатов? — спросил Вэйлок. — Разве вы не считаете каждый суррогат своей копией?

— Нет. Каждый суррогат абсолютно индивидуален до тех пор, пока в него не введут личность прототипа. Только тогда он становится копией. Только тогда он становится Амарантом.

Вэйлок в первый момент не нашелся, что ответить. Он казался на экране смущенным и растерянным.

— Значит, суррогаты абсолютно независимые личности?

— В общем, да.

Вэйлок обратился ко всем:

— Вы все согласны?

На контрольной панели вспыхнул голубой цвет.

— Признавая это, — сказал Вэйлок задумчиво, — вы признаетесь в ужасном преступлении.

Наступила тишина.

Вэйлок продолжал окрепшим голосом:

— Как вы знаете, я выполняю общественные функции. Они минимальны, но реальны. В отсутствие канцлера я, вице-канцлер, обвиняю Общество Амарантов в нарушении одного из основных законов.

— Что за чепуха? — нахмурился Роланд Зигмонт.

— Вы содержите взрослые личности в плену. Моя обя-

занность — прекратить это насилие. Вы должны немедленно освободить личности или понести соответствующее наказание.

Негодующий шепот постепенно перешел в рев. Сквозь него прорвался голос председателя:

— Вы сумасшедший!

Лицо Вэйлока на экране казалось маской из темного камня.

— Вы сами признали, что держите в заключении тех, кто не является вашими копиями. Теперь вам нужно выбирать. Либо суррогаты — независимые личности, либо они копии прото-Амаранта.

Председатель отвел глаза.

— Я буду рад предложить членам Общества ответить на это идиотское заявление. Секстон ван Эк?

— Это обвинение действительно идиотское, — сказал Секстон ван Эк после некоторого колебания. — Более того, оно оскорбительно.

— Джакинт Мартин? — Ответа не было. Ее экран был пуст.

— Грандон Плантагенет?

— Я согласен с Секстоном ван Эком. Это обвинение нужно игнорировать. И вообще, чего он хочет?

— Либо примите меня в Общество Амарантов, либо отпустите свои суррогаты, — сказал Вэйлок.

Наступила тишина, затем раздались слабые смешки.

— Вы же знаете, что мы никогда не выпустим суррогаты в мир. Это идиотизм, — сказал Роланд.

— Значит, вы признаете мое право войти в Общество Амарантов?

Панель стала оранжевой, затем красной.

Вэйлок заметно разозлился.

— Вы забываете о разуме, о здравом смысле.

— Ты не обманешь нас. Мы не пойдем на твои условия, — послышались голоса.

— Я предупреждаю: я не беспомощен. Однажды вы принесли меня в жертву, и я много лет прожил в страданиях.

— Как это мы принесли тебя в жертву? — спросил председатель. — Разве мы виновны в преступлении Грэйвена Варлока?

— Вы осудили его на тягчайшее наказание за проступок, который совершает один из сотни. Абель Мандевиль убил сразу двоих — но он возродится в одном из своих суррогатов.

— Я могу только сказать, — проговорил Роланд, — что Грэйвен должен был быть осторожнее до тех пор, пока не развились его суррогаты.

— Я не отойду в сторону, — страстно вскричал Вэйлок. — Я буду требовать то, что положено мне по праву. Если вы отвергнете меня, я буду столь же безжалостен, как и вы.

Все были сильно удивлены, а Роланд с легкой улыбкой сказал:

— Хорошо. Если хочешь, мы рассмотрим твое дело, но я сомневаюсь...

— Нет. Я использую свою силу сейчас. Так что выбирайте...

— Какую силу? Что ты можешь сделать?

— Я могу освободить ваши суррогаты. — Вэйлок смотрел на них с улыбкой. — Вообще-то я предполагал исход моих переговоров, так что их освобождают прямо сейчас. И освобождение будет продолжаться до тех пор, пока вы не признаете мои права или все суррогаты не будут освобождены.

Амаранты онемели. Ни звука не доносилось с экранов.

Роланд неуверенно засмеялся.

— Ну, теперь все ясно. Этот человек — Гэвин или Грэйвен — понятия не имеет, где они находятся. Он не может выполнить свою угрозу.

Вэйлок поднял лист бумаги.

— Вот суррогаты, которые уже выпущены: Барбара Венбо, 1513 Англеси Плэйс; Альберт Пондиферри, 20153 Скайхэвен; Мэйдел Харди, Клоденс Чендэри, Уиблесайд; Карлотта Мипшин, 32863 Пять Углов.

Раздались крики ужаса. Амаранты начали обсуждать, нужно ли оставаться у экрана или бежать в места хранения суррогатов.

— Покидать конклав бессмысленно, — сказал Вэйлок. — Сегодня будет выпущена только часть суррогатов. Около четырехсот. Работа уже наполовину сделана и будет закончена до вмешательства. Завтра будут выпущены следующие четыреста суррогатов. И каждый следующий день тоже. А теперь — вернете ли вы мне мои права, или я вас всех сделаю несчастными?

Лицо Роланда побледнело.

— Мы не можем нарушить закон Кларжеса.

— Я не прошу нарушать законов. Я Амарант и хочу, чтобы вы просто подтвердили это.

— Нам нужно время.

— Я не могу дать его. Решайте сами сейчас.

— Я не могу говорить за всех.

— Голосуйте.

Роланд услышал телефонный звонок, взял трубку. Когда он положил ее, лицо его было каменным.

— Все верно. Он прав. Суррогаты на свободе! — произнес он.

— Вы должны признать мои права! — заявил Вэйлок.

— Пусть начнется голосование! — крикнул Роланд.

Замелькали огни. Все цвета... Зеленый... Желтый... Оранжевый... И вот установился зелено-голубой цвет.

— Ты выиграл, — слабо сказал Роланд.

— И что теперь?

— Я поздравляю тебя, брат Амарант.

— Вы снимаете с меня все обвинения и преступные намерения?

— Они уже сняты.

Вэйлок испустил глубокий вздох. Он сказал в микрофон:

— Прекратить операцию.

Затем он снова повернулся к экранам.

— Приношу извинения тем, кому причинил неудобства. Могу сказать, что я смогу исправить все, восстановить справедливость.

Раздался хриплый голос Роланда:

— Ты доказал, что можно стать Амарантом при помощи жестокости и наглости. А теперь...

Лязгающий звук прервал Роланда. Десять тысяч пар глаз в ужасе смотрели, как падает обезглавленное тело Вэйлока. А потом появилась Джакинт Мартин. На ее лице играла жуткая улыбка, глаза расширились и сверкали.

— Вы говорили о справедливости — она свершилась. Я уничтожила монстра. Теперь я запачкана кровью Гэвина Вэйлока. Вы никогда больше меня не увидите.

— Подожди! — закричал Роланд. — Где ты?

— В дома Анастазии. Где еще может быть свободный экран для конклава?

— Тогда подожди. Я сейчас буду там.

— Давай быстрее. Все равно ты найдешь только тело обезглавленного монстра.

Джакинт Мартин выбежала на посадочную площадку, где ее ждал Старфлаш. Она вскочила в кабину. Кар взлетел, как ракета, в темное небо.

Кларжес ярким сиянием горел внизу — и на севере, и на юге, и со всех сторон...

Старфлаш сделал вираж и со свистом устремился вниз, к реке Шант.

В каре сидела женщина. Большие глаза ее горели решимостью, лицо превратилось в безжизненную маску. Кларжес, любимый Кларжес окружал ее со всех сторон. А впереди ее ждала черная маслянистость реки, на поверхности которой играли блики оранжевых огней Кларжеса...

Глава девятнадцатая

1.

В городе было на удивление спокойно. Утренние газеты с большой осторожностью сообщили о происшедших событиях, так как издатели не были уверены, какой линии им придерживаться. Люди пошли на работу, почти не понимая, что же предпринял Гэвин Вэйлок.

А среди Амарантов имя Гэвина Вэйлока вызывало целые взрывы страстей — ведь Вэйлок сообщил на конклаве, что четыре сотни убежищ суррогатов были открыты. 1762 суррогата были выпущены.

Амаранты были в шоке. Ведь они теперь стали уязвимыми, как простые смертные. Вечность для них стала делом случая.

Четыреста Амарантов получили сильнейший нервный шок. Они прятались в убежищах, в подвалах, боясь выйти на улицы.

Совет Трибунов собрался на чрезвычайную сессию, но так и не смог найти какое-либо решение.

Канцлер Имиш выступил по радио и заявил, что Вэйлок не имел права использовать свое служебное положение, так как к этому времени он был уволен. И все его действия были незаконными.

Общественность понемногу начала реагировать на все происходящее. Некоторые были возмущены посягательством на старые традиции, другие потихоньку радовались. Вэйлока считали и жертвой и по всей справедливости наказанным преступником. Лишь немногие могли заниматься работой. Многие тысячи людей бросили все и проводили время, обсуждая происшедшие события. Куда это должно было привести? Проходили часы, дни... Кларжес ждал...

2.

Винсент Роденейв также принимал участие в событиях драматической ночи. Наняв кар, он полетел в Суверен Аплэнд, в сорока милях к югу от Кларжеса, и приземлился возле одинокой маленькой виллы. После некоторых усилий он проник на виллу и вошел в центральный холл.

На голубых матрасах там лежали три версии Анастазии де Фанкур — абсолютные копии прото-Анастазии. Глаза их были закрыты. Они находились в трансе — все абсолютные копии друг друга — вплоть до завитков черных волос.

Роденейв с трудом сдерживал свои эмоции. Он наклонился

к ним. Дрожащие руки ласкали обнаженные тела трех Анастазий.

Но вот одна из них проснулась. И тут же проснулись и остальные две.

Они вскрикнули от удивления. В смятении они старались чем-нибудь накрыть себя, чтобы спрятаться от жадного взгляда Роденейва. Хорошо, что их было три: одна уж непременно сгорела бы под таким взглядом.

— Анастазия умерла, — сказал Роденейв. — Кто из вас старшая?

— Я, — сказала одна из них. Перед Роденейвом вместо трех копий вдруг оказалась Анастазия и две ее копии.

— Я Анастазия. — Она повернулась к своим копиям. — Возвращайтесь ко сну. Я выйду в мир.

— Вы все выходите, — сказал Роденейв.

Анастазия в замешательстве посмотрела на него.

— Так нельзя!

— Но так будет, — сказал Роденейв. — С тех пор, как последняя Анастазия посетила вас, она вышла за меня замуж. Так что ты теперь моя жена.

Новая Анастазия и две ее копии с интересом посмотрели на него.

— Это трудно понять, — сказала Анастазия. — Твое лицо нам знакомо. — Как твое имя?

— Винсент Роденейв.

— А, теперь я тебя узнала. Я слышала о тебе. — Она пожала плечами и рассмеялась. — Я делала много странного в жизни. Возможно, я вышла за тебя замуж. Но я не очень уверена в этом.

Она уже полностью вошла в роль Анастазии. В ее теле проснулся талант большого мима.

— Идем, — сказал Роденейв.

— Но мы не можем идти все, — запротестовала Анастазия.

— Вы должны идти все, — сказал Роденейв. — В противном случае я буду вынужден применить силу. — Было заметно, что ему очень хочется сделать это. Все-таки сразу три Анастазии в его объятиях...

Все три попятились, поглядывая на него.

— Это неслыханно. Что случилось с Анастазией?

— Ревнивый любовник убил ее.

— Это, должно быть, Абель.

Роденейв нетерпеливо махнул рукой.

— Нам нужно идти.

— Но тогда же будут три Анастазии? И все одинаковые...

— Одна из вас может быть Анастазией, если ей это нра-

вится. Другая будет моей женой. А третья может делать то, что хочет.

Три Анастазии смотрели на него с недоумением. Наконец старшая заговорила:

— Мы не собираемся идти к тебе. Если была свадьба, то нужно совершить развод. Мы выйдем из нашего убежища, но не больше того.

Роденейв посерел.

— Одна из вас пойдет со мной. Выбирайте, кто именно!

— Не я.

— Не я.

— Не я.

Три голоса прозвучали с одинаковой интонацией.

— Но свадьба! Вы не можете игнорировать ее.

— Можем. И мы так и сделаем. Ты не тот, кто может принести нам удовольствие.

Роденейв заговорил сдавленным голосом:

— Все суррогаты Амарантов должны покинуть свои убежища. Таков приказ.

— Чепуха.

— Чепуха.

— Чепуха.

Роденейв шагнул вперед, поднял руку, и щека одной из Анастазий вспыхнула алой краской. После этого он вышел, уселся в кар и полетел в Кларжес один.

3.

С тех пор как Джакинт Мартин впервые познакомила Роланда Зигмонта с делом Гэвина Вэйлока, он испытывал постоянное ощущение нерешительности и нервозности...

Роланд был очень старый человек, один из представителей первой группы Большого Союза Амарантов. Он был высокого роста, стройный, если не сказать, тощий. Время смягчило его, и он совсем не разделял страстной непримиримости и фанатизма Джакинт. После той апокалиптической ночи, которая принесла столько волнений, первое, что он ощутил, было облегчение: худшее уже позади.

Но в последующие дни ему пришлось заниматься последствиями той ночи. 1762 суррогата вышли в мир, и теперь требовалось решить грандиозную проблему: каков статус этих новых граждан? У каждого из четырехсот Амарантов, чьи убежища были опустошены, имелось теперь четыре или пять абсолютно одинаковых копий, с одинаковым прошлым, одинаковыми надеждами на будущее. Каждый имел право считать себя Амарантом со всеми вытекающими от-

сюда привилегиями. Так что ситуация сложилась кошмарная.

Это положение обсуждалось на сессии Директората, и эта сессия была самой бурной за всю историю Общества. Сессия приняла единственное решение, которое только и можно было принять: все 1762 копии были приняты в Общество Амарантов как отдельные личности.

После этого неминуемо всплыло имя Гэвина Вэйлока. Карл Фергюс — один из тех, кто лишился суррогатов, кричал:

— Недостаточно просто уничтожить этого человека, надо подвергнуть его ужасным мукам в стиле варваров!

Роланд вышел из терпения и резко возразил:

— Ты в истерике. Ты смотришь на все случившееся только со своей колокольни.

— Ты защищаешь монстра? — вспыхнул Карл.

— Я просто констатирую факт, что Вэйлок был вынужден принять крайние меры. Он дрался за то, чтобы вернуться в ряды Амарантов и использовал то, что было у него в руках.

Тревожная тишина установилась в комнате. Вице-председатель Олаф Мэйбоу примирительно сказал:

— Как бы то ни было, все кончилось.

— Не для меня! — взревел Карл Фергюс. — Роланду легко разыгрывать святую простоту: его суррогаты в безопасности. Если бы он не был так нерешителен и медлителен...

Нервы Роланда были напряжены до предела, и это обвинение вывело его из себя. Он вскочил, схватил Карла за отвороты пиджака, прижал его к стене. Карл вырвался, и между ними завязалась борьба. Дерущихся удалось разнять лишь через несколько минут.

На этом и кончилась эта сессия — с нападками, взаимными оскорблениями, едва не переходящими в драки.

Страсти, однако, не утихали, и Роланду Зигмонту приходилось прилагать немало усилий, чтобы сдерживать растущее напряжение среди Амарантов. Он подолгу работал в здании Директората, задерживался там допоздна.

Как-то Роланд сидел в кресле, отдыхая после трудной работы, как вдруг к нему зашел человек, который сел напротив. Роланд поднял голову и в ужасе вскочил.

— Гэвин Вэйлок! — хрипло прошептал он.

Вэйлок встал.

— Если вам так нравится, Гэвин.

— Но... но ты же уничтожен!

Вэйлок пожал плечами.

— Я мало знаю о том, что случилось. Обо всем я прочел лишь в газетах.

— Но...

— Почему вы удивлены? — спросил Вэйлок даже с некоторым раздражением. — Вы забыли, что я — Грэйвен Варлок?

И тут на Роланда снизошло просветление.

— Ты старший из суррогатов Грэйвена?

— Естественно. У Гэвина Вэйлока было семь лет, чтобы обеспечить себя суррогатами.

Роланд плюхнулся в кресло.

— Почему я не подумал об этом раньше? — Он потер виски. — О Боже. Что теперь делать?

Вэйлок удивленно вскинул брови.

— Разве есть сомнения.

Роланд вздохнул.

— Увы, нет. Ты выиграл. Приз твой. Идем. — Он провел его в свой кабинет, открыл сейф, окунул древнее перо в пурпурные чернила и написал: «Грэйвен Варлок». Затем закрыл сейф. — Ну вот ты и в списках. Завтра я выдам тебе бронзовый медальон. Формальности все пройдены. — Он осмотрел Вэйлока с головы до ног. — Я не претендую на дружелюбие по отношению к тебе, ибо я его не чувствую. Но я предлагаю тебе стакан бренди.

— Я выпью с удовольствием.

Двое мужчин сидели в тишине. Роланд откинулся на спинку кресла.

— Ты достиг своей цели, — тяжело сказал он. — Ты Амарант. Жизнь лежит перед тобой. Ты получил сокровище... — Он сделал паузу. — Но как ты получил его? Четыреста Амарантов сейчас должны прятаться по своим убежищам. Им нужно выращивать новые суррогаты. Некоторые могут за это время погибнуть, умереть... и без суррогатов они умрут навсегда. Их жизни на твоей совести.

Вэйлок спокойно выслушал это.

— Всего этого можно было избежать семь лет назад.

— Сейчас это не имеет значения.

— Возможно. Но нужно помнить, что любое повышение слота оплачивается жизнью других. На моей совести будет лежать жизнь двух или трех Амарантов, о которых вы упомянули. Но каждый Амарант узурпирует жизнь двух тысяч человек.

Роланд Зигмонт горько засмеялся.

— Ты считаешь, что не отнимал жизнь у этих двух тысяч? То, что ты стал Амарантом, отзовется и на Вержах, и на тех, кто ниже их. — Он махнул рукой. — Но ты не думай, что, став Амарантом, ты попал в исключительные условия. Все далеко не так.

— Почему?

— Вместе с тобой получили статус Амаранта еще 1762 человека.

— Ну и что? Какие сейчас льготы Амарантам?

Роланд нахмурился.

— Амарант может делать только то, что считает правильным.

Вэйлок встал.

— Я хочу пожелать вам спокойной ночи.

— Спокойной ночи, — ответил Роланд.

Вэйлок пошел на посадочную площадку, где оставил свой кар. Он поднялся высоко в небо. Под ним раскинулся Кларжес. Древний город. Богатый город. Современный город. Город, где было место далеко не для всех.

Что теперь? Пожалуй, нужно отдохнуть и подумать. Самое подходящее место для этого — старый порт. Он рассмеялся. Он — Гэвин Вэйлок. Перед ним распростерлось будущее. Будущее без границ и пределов. Теперь не нужны борьба, напряжение, хитрости, планирование, расчеты, защита... А когда всего этого нет, зачем нужна жизнь?

Вэйлок ощутил разочарование. Он выиграл, приз у него, но какой ценой? Что толку в выигрыше, если человек не может воспользоваться им так, как ему хочется? Амаранты такие же робкие и запуганные, как и гларки.

Вэйлок подумал о «Стар Энтерпрайз», которая сейчас заправляется горючим и готовится к полету. Может, ему стоит совершить путешествие в порт Эльденбург и нанести визит Ренгольду Бибурсону?

Глава двадцатая

1.

Роланд Зигмонт провел еще один сумасшедший день на заседании Совета, но к ужину он сумел успокоиться.

Поужинал он один, благодаря Бога за тишину и спокойствие, окружающие его. Во время ужина он решил просмотреть газеты.

На первой странице «Бродсаст», газеты гларков и Брудов, он прочел:

«Политика «Бродсаст» — это абсолютное равноправие между филами. И сейчас мы крайне встревожены тем, что в мир выпущено 1762 копии Амарантов. Это полноценные копии и, следовательно, они имеют такие же права, как и их прототипы. Однако 1762 новых Амаранта означают умень-

шение каждого фила и всего населения в целом на 17,62 процента.

По нашему мнению, Общество должно зарегистрировать копии Амарантов в Бруды. В противном случае налицо будет несправедливость и использование привилегированного положения в личных целях».

Роланд горько усмехнулся и раскрыл «Кларион» — газету, отражающую мнение людей высших филов. Он прочел следующее:

«Город охвачен возбуждением. Еще бы! 1762 новых Амаранта вышли в свет. Мы согласны, что ситуация необычная. Но как можно восстановить справедливость? Все новые Амаранты выпущены в свет помимо их воли и было бы жестоко возвращать их в начало, в низшие филы.

Давайте воспримем это с легким сердцем и будем надеяться, что такое произошло в первый и последний раз.

А что чувствует народ Кларжеса относительно нового Гэвина Вэйлока? Трудно сказать. Еще никогда пульс нации не бился так прерывисто. Общего мнения по этому поводу нет, да его и не может быть. Ситуация слишком неопределенная. И не на высоте оказался Совет Амарантов во главе с Роландом Зигмонтом».

Далее следовало короткое сообщение:

«Актуриан задерживает выдачу текущих данных в связи с обработкой новой информации».

Весь этот вечер Роланду пришлось присутствовать на дюжине всяких заседаний, на которых ничего не решалось, и только к полуночи он вернулся к себе домой.

Он открыл окно. Ночь была чистая и холодная. Решение было принято. Осталось разработать детали. Он почувствовал облегчение.

Час был поздний. В городе спокойно и тихо. Роланд зевнул и улегся на диван.

Прошла ночь. Луна уже висела за высокими башнями. Наступал рассвет.

Роланд спал. Его разбудил странный звук, и он попытался идентифицировать его. Как будто какой-то гул проникал через открытое окно.

Он встал и подошел к окну. Вся улица была заполнена народом. Люди медленно двигались по направлению к Эстергази-сквер.

Зазвонил телефон. Роланд отошел от окна как во сне. На экране появился Олаф Мэйбоу, вице-председатель Общества.

— Роланд! — крикнул он. — Ты видишь, что творится? Что нам делать?

Роланд потер подбородок.

— Тут на улице люди. Ты это имеешь в виду?

— Люди? Это толпа! Это лавина! — вскричал Олаф.

— Но почему? Какая причина?

— Ты не читал газет?

— Я только что проснулся.

— Посмотри заголовки.

Роланд тронул кнопку проектора, который высвечивал на экране последние новости:

— Великий принцип вечности, — прочитал он.

— Точно.

Роланд молчал.

— Что же нам делать? — спросил Олаф.

Роланд задумался.

— Нужно что-то делать.

— Вот именно.

— Хотя все дело вышло из наших рук.

— Тем не менее что-то делать надо. Мы несем ответственность за все происходящее.

Роланд обрел спокойствие. Он сказал:

— Наша цивилизация потерпела крах. Человеческая раса тоже.

— Сейчас не об этом надо говорить, — резко ответил Олаф. — Кто-то должен сделать заявление. Кто-то должен вынести обвинение.

— Хмм, — пробормотал Роланд. — Значит, должен выступить канцлер.

Олаф фыркнул:

— Клод Имиш? Смешно. Нет, это должны сделать мы.

— Но я не могу выступить против Актуриана. И тем более я не могу послать 1762 Амаранта регистрироваться в Бруды.

Олаф повернулся.

— Слушай их. Слушай, как они ревут!

Роланд услышал рев толпы, рев почти звериный. Он сотрясал все вокруг.

— Ты должен что-то сделать! — вскричал Олаф.

Роланд выпрямился.

— Хорошо. Я выйду к ним. Я посоветую им... потерпеть...

— Они разорвут тебя на куски!

— В таком случае, я не буду говорить с ними. Они покричат и вернутся к своей работе.

— Но работа теперь потеряла свой смысл!

Роланд опустился в кресло.

— Ни ты, ни я, ни кто другой сейчас не могут контролировать ситуацию. Я знаю, на что это похоже. На весенний паводок. Вода поднимается выше всех пределов и ищет выхода.

— Но... что они будут делать?

— Кто знает? Сейчас без оружия выходить опасно.

— Ты говоришь так, будто жители Кларжеса — варвары.

— И мы и варвары — все люди. Мы развивались вместе с ними сотни тысяч лет, и несколько сотен лет наше развитие шло по разным путям.

Оба Амаранта долго смотрели друг на друга, и оба встрепенулись, когда крики толпы стали громче...

2.

События, которые вывели толпы людей на улицы Кларжеса, были, конечно же, вызваны увеличением числа Амарантов на 1762 человека. Но это была только непосредственная причина. Главное крылось в самом развитии общества, которое привело к Индустриальной Революции в конце двадцатого века и к Мальтузианскому Хаосу позже.

Информация, поступившая в Актуриан, была закодирована и обработана. Даже те, кто работал в Актуриане, были поражены эффектом увеличения числа Амарантов. Соотношение людей в каждом филе поддерживалось постоянным, чтобы сохранить соответствующую длительность жизни людей. Эти пропорции были такими: 1:40:200:600:1200.

Появление новых 1762 Амарантов нарушило это соотношение, и продолжительность жизни Брудов сократилась на четыре месяца. В остальных филах произошли соответствующие сокращения. Исходя из этого, убийцы получили приказ навестить тех, у кого линия жизни пересечет терминатор в ближайшие четыре месяца.

В ряде случаев это были люди, предполагавшие в эти четыре месяца перейти в новый фил, а теперь они уже не успевали этого сделать.

В связи с этим возникли первые конфликты. Люди баррикадировались в своих домах, не пуская убийц. Соседи приходили им на помощь, к убийцам прибывала подмога, и в домах разыгрывались настоящие микросражения.

Реакция на эти события была мгновенной. Жители высыпали на улицы. Предприятия опустели. Если у человека можно запросто отнять четыре месяца жизни, то к чему тогда работать?

Некоторых охватила апатия, и они лежали дома, тупо глядя в потолок; другие, напротив, чересчур возбудились и забыли о законах, о правилах приличия. Они кричали, собираясь в громадных толпы на Эстергази-сквер.

Площадь перед Актурианом была забита народом. Время от времени на парапет взбирался какой-нибудь оратор, и его

слова и крики возбуждали толпу еще больше. На Актуриане появился воздушный кар. Человек подошел к краю крыши. Это был Роланд Зигмонт, председатель Общества Амарантов. Он начал говорить через мегафон, и его голос громыхал над Эстергази-сквер.

Толпа мало реагировала на его слова. Но при виде оратора, при звуках его голоса люди напряглись еще больше.

Над толпой пронесся шепот. Сначала шепот, а затем и крики:

— Роланд Зигмонт! Это Роланд Зигмонт, председатель Общества Амарантов!

Крики постепенно перешли в рев, который подхватили все находящиеся на площади. И затем заревел весь Кларжес. Еще никогда земля не слышала такого рева. На крыше стоял Роланд, бледный, поникший. Руки его беспомощно висели вдоль тела. Для всех он был символом того, что случилось.

Он сделал попытку говорить, но его голос потонул в реве толпы, размахивающей кулаками.

Потом люди двинулись вперед, к Актуриану. Под их напором выгнулись двери, затрещали стекла. Из отдела Общественных Отношений вышел Бэзил Тинкоп и стал уговаривать толпу, призывая к спокойствию. Толпа ринулась вперед, и жизнь Бэзила Тинкопа кончилась.

В святилище Кларжеса хлынул народ. Железные прутья разбивали панели управления, руки рвали провода. Отключилась энергия. Запахло дымом. Большой механизм умер, как умирает человек, когда его мозг уничтожен.

Те из жителей, кто уже совершил какое-либо разрушение, спешили убраться с места событий, как бы считая, что выполнили свой ужасный долг. На их место с площади врывались все новые и новые взбесившиеся, доведенные до сумасшествия люди. Они метались с горящими глазами и лихорадочно искали, что еще можно уничтожить здесь.

Одна из групп разрушителей добралась до места, откуда вывешивалась Клетка Стыда. Они привели в действие механизм, и Клетка повисла над площадью. А потом люди перерубили тросы, и она рухнула вниз, в толпу.

Ярость толпы не уменьшилась. Роланд смотрел с крыши и думал, что еще никогда за всю историю человечества такие страсти не сотрясали Кларжес.

Олаф внезапно появился и схватил Роланда за руку.

— Быстрее! Нам нужно бежать! Они уже на крыше!

Они бросились к кару, но было поздно. Их схватили, поволокли к краю, избивая ногами, а затем швырнули вниз.

В Актуриане что-то взорвалось. Пламя и клубы дыма взметнулись вверх. Людям на крыше некуда было отступать,

но они и не собирались бежать. Прыгая и крича как сумасшедшие, они погибали в пламени. В самом здании погибло еще больше людей.

Но толпа на площади не обращала на это внимания. Все слушали дикий голос человека, взобравшегося на парапет. Это был Винсент Роденейв, почти обезумевший. Лицо его горело фанатичным огнем, голос звенел на самых высоких нотах.

— Гэвин Вэйлок! — кричал он. — Вот кто сделал все это! Гэвин Вэйлок!

Ничего не поняв, толпа подхватила крик сумасшедшего:

— Гэвин Вэйлок! Смерть! Смерть! Смерть! СМЕРТЬ!

3.

Пританеон собрался на чрезвычайную сессию. Но явилась только половина членов, да и те были взволнованы и перепуганы. Они понимали, что их общественные обязанности сейчас не имеют никакого смысла.

Бертраму Хелму, первому Маршалу Милиции, было предписано восстановить порядок в городе. Каспар Джарвис должен был помочь ему всеми силами отряда убийц.

— А что с Гэвином Вэйлоком? — спросил чей-то голос.

— Гэвин Вэйлок? — Председатель пожал плечами. — Мы не можем ничего сделать с ним. — И добавил: — И для него тоже.

4.

Гэвина Вэйлока разыскивали по всему Кларжесу. Его квартира была разгромлена, а десятки людей, хоть в чем-то похожие на него, были схвачены и им пришлось пережить немало неприятных минут, пока не выяснялось, что ни один из них не Гэвин Вэйлок.

Откуда-то появился слух: Вэйлока видели в Эльденбурге. Толпы тут же с ревом ринулись туда.

Дом за домом, Эльденбург был обыскан весь.

Поблизости от города был расположен космопорт. Поначалу люди были настроены менее враждебно и озлобленно, чем тогда, когда уничтожали Актуриан. Однако, когда они наткнулись на металлические барьеры, ярость вновь вспыхнула в них. С грозным пением люди атаковали ворота, используя столбы как тараны.

За воротами опустился воздушный кар, и из него вышли шесть человек: Совет Трибунов. Они подошли к воротам, подняв руки, как бы желая успокоить людей.

В центре шел Ги Карскаден, Высший Трибун.

Толпа заколебалась. Удары тарана приостановились.

— Ваше безумие должно прекратиться! — закричал Карскаден. — Что вам нужно?

— Вэйлок! — взревела толпа. — Нам нужен преступник, монстр!

— Разве вы варвары? Вы уничтожаете все и забыли законы государства!

Гневные голоса ответили ему:

— Законов больше нет! — И чей-то пронзительный вопль донесся из задних рядов:

— Государства тоже нет!

Карскаден в отчаянии махнул рукой. Толпа заволновалась, барьер рухнул под напором десятков тысяч тел.

Мужчины и женщины с горящими глазами ринулись вперед. Трибуны медленно отступали, стараясь сдержать толпу:

— Назад! Назад!

Вокруг высокой «Стар Энтерпрайз» Трибуны образовали заслоны, и толпа медленно приближалась к ним.

Карскаден снова попытался образумить их:

— Стойте! — закричал он. — Возвращайтесь домой, возвращайтесь к работе!

Толпа остановилась, гневная, волнующаяся.

— Вэйлок! Монстр Вэйлок! Он сожрал наши жизни!

Карскаден заговорил со всей убедительностью, которую смог выжать из себя:

— Будьте благоразумны. Если Вэйлок совершил преступление, он заплатит!

— Наши жизни! Пусть вернет наши жизни! Смерть ему!

Толпа снова двинулась вперед, и Трибуны были затоптаны ею. Безумные люди уже карабкались по трапу к открытому люку в пятидесяти футах от земли.

В корабле что-то зашевелилось. Из люка на площадку вышел Бибурсон. Он посмотрел на толпу, с сожалением покачал своей большой головой, затем поднял какой-то сосуд и выплеснул его содержимое.

Зеленый газ, клубясь, окутал людей. Все бросились от корабля.

Бибурсон посмотрел на небо, откуда спускался к кораблю воздушный кар, снова посмотрел на толпу, поднял руку в меланхолическом приветствии и снова скрылся в люке.

Толпа занимала все пространство космопорта вплоть до пригородов Эльденбурга.

Из толпы снова раздались отдельные крики, которые затем перешли в общий рев:

— Гэвин Вэйлок! Дайте нам Гэвина Вэйлока! Дайте нам Гэвина Бэйлока!

Толпа снова двинулась вперед, смыкая кольцо вокруг огромного корабля.

Кар сел на площадку, из него вышел человек среднего роста с широким хитрым лицом и шапкой желтых волос. Он заговорил в микрофон. Голос его прогремел над толпой, заставив ее стихнуть.

— Друзья! Многие из вас знают меня. Я Якоб Мил. Я хочу говорить с вами. Я хочу рассказать, что ждет Кларжес в будущем.

Толпа примолкла.

— Друзья, вы все слишком возбуждены. И это понятно. Потому что вы разрушили свое прошлое, и теперь перед вами лежит только будущее. Вы пришли сюда в поисках Гэвина Вэйлока. Но это глупо!

Толпа снова взревела:

— Он в корабле!

Якоб Мил невозмутимо продолжал:

— Кто такой Гэвин Вэйлок? Как можно ненавидеть его? Это значит ненавидеть себя. Ведь он — это мы. Он сделал то, что каждый из вас хотел сделать. Он действовал без сожаления, без страха. И добился успеха, которому мы все жестоко завидуем.

Гэвин Вэйлок совершил противозаконное деяние. Ну что же, разорвите его на куски. Может, это и будет справедливо. Но что будет с вами?

Толпа молчала.

— Вэйлок менее виновен, чем все мы вместе, государство Кларжес. Мы запятнали свою историю человечества, мы испортили человеческую расу. Как? Мы ограничили применение изобретения человеческого гения. Мы тешили себя чудесными видениями жизни, держали в руках ароматный плод, а пользовались только огрызками от него.

Напряжение в ваших душах неумолимо возрастало, и теперь произошел взрыв. Он был неотвратим. Вэйлок оказался лишь катализатором. Он ускорил течение истории, и его за это нужно благодарить.

Толпа молчала.

Якоб Мил сделал шаг вперед, пригладил волосы. Лицо его стало строгим, как бы вырезанным из камня, голос зазвенел:

— Все о Вэйлоке. Он сам по себе не важен. Но ценно то, что он сделал. Он разрушил систему. Мы свободны! Актуриан уничтожен, все записи потеряны, пропали; каждый человек стал таким же, как и все остальные. Все люди равны!

Как мы воспользуемся своей свободой? Мы можем восста-

новить Актуриан, можем распределиться по филам, можем снова запутаться в этих сетях как мухи в паутине. Или мы можем перейти в новую фазу истории — туда, где жизнь принадлежит всем, а не одному из двух тысяч!

Толпа понемногу заражалась энтузиазмом Мила. Послышались возгласы одобрения.

— Как нам это сделать? Мы знаем, что наш мир мал для вечной жизни. Это правда. Теперь мы должны стать пионерами, должны осваивать новые территории. Так было раньше, в далекой древности. Так должно стать сейчас. Именно это условие вечной жизни. Разве этого мало? Если человек сам строит свою жизнь, он заслуживает того, чтобы жить вечно!

Толпа взревела:

— Жизнь! Жизнь! Жизнь!

— Где мы можем найти жизненное пространство? Во-первых, на земле, за границами Кларжеса. Мы можем идти к варварам как завоеватели, а можем идти как пилигримы, миссионеры. А потом, когда земля будет освоена полностью и снова встанет проблема жизненного пространства, где мы сможем найти его?

Мил повернулся к «Стар Энтерпрайз», посмотрел в небо.

— Когда мы уничтожили Актуриан, мы уничтожили барьер между нами и небом. Теперь жизнь, вечная жизнь у каждого в руках. Человек должен двигаться вперед, это природа его мозга. Сегодня человек живет на земле, завтра он полетит к звездам. Вселенная ждет нас!

Толпа молчала. Люди привыкали к новому направлению мыслей, обдумывали все, сказанное Милом. Наконец люди задвигались, заговорили...

— Люди Кларжеса, — снова продолжал Мил. — В ваших руках решение. Вы решаете, нужны ли нам перемены. Какова ваша воля?

Ответ толпы был единодушен.

И только издали донесся одинокий голос — голос Роденейва:

— Но Гэвин Вэйлок! Что с Гэвином Вэйлоком?

— А, Вэйлок, — задумчиво сказал Мил. — Он одновременно и величайший преступник, и величайший герой. Может, нам стоит и наградить и наказать его? — Мил повернулся к «Стар Энтерпрайз». — Вот стоит прекрасный корабль, готовый погрузиться в пучину космоса. Разве может быть более благородная миссия, чем открытие новых миров для человечества? Что может быть страшнее наказания для Гэвина Вэйлока, чем покинуть Землю на «Стар Энтерпрайз»?

Гэвин Вэйлок вышел из люка и встал на площадке рядом

с Милом. Он стоял и смотрел на толпу, которая взревела и двинулась вперед.

Вэйлок поднял руку, и мгновенно стало тихо.

— Я слышал ваше решение обо мне. Я слышал и согласен с ним. Я отправляюсь в космос. Я отправляюсь искать новые миры.

Он поднял руку, поклонился, повернулся и исчез в корабле.

Прошло два часа. Толпа отошла подальше от корабля. Люди заняли места на склонах Эльденбургских холмов.

Завыли предупредительные сирены. Столбы голубого пламени задрожали под «Стар Энтерпрайз»...

Медленно она оторвалась от земли и, постепенно наращивая скорость, стала уходить в вечернее небо.

Голубой огонь превратился в яркую звезду, которая все тускнела, удаляясь, пока не исчезла совсем.

УМИРАЮЩАЯ ЗЕМЛЯ

ТУРЖАН МИИРСКИЙ

Туржан сидел в своей мастерской, вытянув ноги и опираясь локтями на столик. Перед ним стояла клетка; Туржан с раздражением смотрел на нее. Существо в клетке отвечало ему взглядом, значение которого понять было невозможно.

Жалкое существо — с большой головой на маленьком тщедушном тельце, со слабыми слезящимися глазами и отвислым дряблым носом. Слюнявый рот расслабленно кривился, кожа блестела розоватым воском. Несмотря на свое явное несовершенство, это был наиболее успешный продукт чанов Туржана.

Туржан встал, отыскал чашку с кашицей. Длинной ложкой поднес кашицу ко рту существа. Но тварь не приняла пищу, и кашица потекла по ее рахитичной груди.

Туржан поставил чашку, медленно отошел от клетки и вернулся на прежнее место. Целую неделю тварь отказывается есть. Неужели под ее идиотской внешностью скрываются ясное понимание ситуации и воля к самоуничтожению? И тут Туржан увидел: бело-голубые глаза закрылись, большая голова существа повисла и ударилась о пол клетки. Наступила смерть.

Туржан вздохнул и вышел из комнаты, поднялся по извилистой каменной лестнице на крышу своего замка Миир, высоко над рекой Дерной. Солнце висело низко над землей; рубиновые лучи его, тяжелые и густые, как вино, искоса освещали узловатые стволы деревьев древнего леса и ложились на покрытую дерном лесную почву. На лес быстро опускалась мягкая теплая тьма, а Туржан все стоял, размышляя о смерти своего последнего создания.

Он вспомнил многих его предшественников: существо, целиком состоящее из глаз; бескостную тварь с пульсирующей поверхностью обнаженного мозга; прекрасное женское тело, внутренности которого тянулись в питательный раствор, как ищущие корни; существо, вывернутое наизнанку... Туржан мрачно вздохнул. Его методы приводят к неудачам; его синтезу не хватает фундаментальности — главной матрицы, собирающей компоненты в единое целое.

И вот сидя так и глядя на темнеющую землю, он вспомнил ту давнюю ночь, когда рядом с ним был Сейдж.

— В прошедших веках, — говорил Сейдж, глядя на низкую звезду, — колдунам были известны тысячи заклинаний, и волшебники осуществляли при их помощи свою волю. Сегодня, когда Земля умирает, людям осталась лишь какая-нибудь сотня заклинаний, да и те дошли до нас благодаря древним книгам... Но есть некто, по имени Панделум, который помнит все заклинания, все чары, все магические формулы,

все руны, все то древнее волшебство и чародейство, которое когда-либо разрывало и формировало пространство... — И он замолчал, погрузившись в свои мысли.

— А где он — Панделум? — немного погодя спросил Туржан.

— Колдун живет в Эмбелионе, — ответил Сейдж, — но никто не знает, где находится эта местность.

— Как же тогда найти Панделума?

Сейдж еле заметно улыбнулся.

— В случае необходимости можно воспользоваться специальным заклинанием.

Оба помолчали, затем Сейдж снова заговорил, глядя в лес:

— Панделума можно расспросить обо всем, и Панделум ответит — если спрашивающий отслужит ему определенную службу. Только легких заданий у этого колдуна не бывает.

И Сейдж показал Туржану заклинание, которое нашел в древней папке с документами и хранил его до сих пор в тайне от всего мира.

Вспомнив этот разговор, Туржан спустился в свой кабинет, длинный сводчатый зал с каменным полом, покрытым толстым красновато-коричневым ковром. Фолианты, заключавшие колдовство Туржана, лежали на длинном столе или в беспорядке были рассованы по полкам. Здесь были тома, собранные многими колдунами прошлого, неряшливые фолианты, оставленные Сейджем, переплетенные в кожу книги, содержащие сотню мощных заклинаний, большей частью настолько сложных, что Туржан мог держать одновременно в памяти не более четырех.

Туржан отыскал пыльную папку и, перелистывая страницы, нашел указанное Сейджем заклинание — Призыв Неистового Облака. Он смотрел на буквы: в них горела могучая сила, рвавшаяся со страниц, будто стремясь покинуть темное одиночество книги.

Туржан закрыл папку, отправляя заклинание обратно в забвение. Он надел короткий синий плащ, подвесил к поясу меч и прикрепил к запястью амулет с рунами Лаккоделя. Потом выбрал заклинания, которые хотел захватить с собой. Он не знал, какие опасности могут его поджидать, поэтому остановил свое внимание на трех заговорах наиболее общего применения: Великолепном Призматическом Разбрызгивателе, Воровской Мантии Фандаала и на Заговоре Медленного Часа.

Он взобрался на стену своего замка и постоял под высокими звездами, вдыхая воздух древней Земли... Сколько поколений людей вдыхали этот воздух до него? Какие стоны боли пронизывали этот воздух, какие признания, смех, воинственные выкрики, вздохи...

Ночь подходила к концу. В лесу блуждал голубой огонек.

Туржан смотрел на него несколько мгновений, потом распрямился и произнес Призыв Неистового Облака.

Тишина; затем шорох какого-то движения, переходящий в рев сильного ветра. Из ниоткуда выплыло белое облако и прилипло к столбу кипящего черного дыма. И из этого завихрения раздался глубокий низкий голос:

— Инструмент в твоей беспокойной власти; куда ты хочешь отправиться?

— Четыре направления, затем одно, — сказал Туржан. — Я должен быть живым доставлен в Эмбелион.

Облако завертелось, подхватило его и понесло, вращая, вверх и вдаль. Он летел в четырех направлениях, затем в одном, и, наконец, сильный удар выбросил Туржана из облака в далеком Эмбелионе.

Туржан встал, покачиваясь, слегка оглушенный. Постепенно пришел в себя и огляделся.

Он стоял на берегу прозрачного пруда. Под ногами росли синие цветы, а вдали виднелась роща сине-зеленых деревьев. Высоко в тумане шелестела их листва. На Земле ли находился Эмбелион? Деревья были похожи на земные, цветы знакомой формы, воздух такой же, как на Земле... Но чего-то важного не хватало. Возможно, дело в нечеткой линии горизонта, или в воздухе, непостоянном и блестящем, как вода? Самым странным, однако, было покрытое рябью небо, в котором отражались тысячи разноцветных световых столбов, которые свивались в небе в необыкновенные кружева, в драгоценную сеть. Пока Туржан смотрел, над ним пронеслись лучи золотистого, топазового, фиолетового и ярко-зеленого цветов. Теперь он видел, что цветы и деревья лишь отражали краски неба, изменив свой цвет на оранжево-розовый и пурпурный. Потом цветы приобрели оттенок красной меди и через малиновый и темно-бордовый цвета перешли к алому, а деревья стали цвета спокойного моря.

— Неизвестная Земля, — сказал самому себе Туржан. — Нахожусь ли я в прошлом или в будущем? — Он взглянул на горизонт, и ему показалось, что это черный занавес, уходящий высоко во тьму со всех четырех сторон.

Послышался топот копыт; Туржан обернулся и увидел большую черную лошадь, летящую по берегу пруда. На лошади сидела молодая женщина с распущенными черными волосами. На ней были свободные белые брюки до колен и развевающийся желтый плащ. Одной рукой она сжимала узду, другой размахивала мечом.

Туржан осторожно отступил, увидев, что рот женщины гневно сжат, а в глазах ее горит необыкновенная ярость. Женщина натянула поводья, подняв лошадь на дыбы, и набросилась на Туржана, пытаясь ударить его мечом.

Туржан отпрыгнул и извлек собственное оружие. Когда всадница снова напала, он отразил удар и коснулся лезвием ее руки. Показалась кровь. Она удивленно отпрянула, сняла с седла лук и наложила на тетиву стрелу. Туржан прыгнул вперед, увернулся от ее меча, схватил ее за талию и стащил на землю.

Женщина яростно сопротивлялась, и Туржан боролся с ней не самым благородным образом. Наконец, он заломил ей руки за спину и прошипел, переводя дыхание:

— Тише, ведьма, или я потеряю терпение и ударю тебя.

— Поступай, как хочешь, — выдохнула женщина. — Жизнь и смерть — родные сестры.

— Почему ты напала не меня? — спросил Туржан. — Я ничем не оскорбил тебя.

— Ты зло, как и все в этом мире! — Гнев сжал ее горло. — Будь моя власть, я уничтожила бы эту вселенную, погрузила бы ее в полную тьму.

От удивления Туржан ослабил хватку, и пленница чуть не вырвалась. Но он схватил ее снова.

— Скажи, где я могу найти Панделума?

Девушка перестала вырываться, повернула голову и взглянула на Туржана.

— Обыщи весь Эмбелион. Я не стану тебе помогать! — с вызовом сказала она.

Будь она более дружелюбной, подумал Туржан, ее можно было бы счесть очень красивой.

— Где мне найти Панделума? — повторил Туржан.

Женщина молчала, в глазах ее горело безумие. Потом дрожащим голосом она ответила:

— Панделум живет у ручья, в нескольких шагах отсюда.

Туржан освободил ее, предусмотрительно отобрав ее меч и лук.

— Если я верну тебе оружие, ты пойдешь своей дорогой с миром?

Она некоторое время смотрела на него; потом, ни слова не говоря, села на лошадь и скрылась среди деревьев.

Туржан с минуту смотрел, как она исчезает в разноцветных столбах света, потом пошел в указанном направлении. Вскоре он оказался перед длинным каменным домом, стоящим посреди парка. Когда он подошел, дверь открылась. Туржан застыл.

— Входи! — послышался голос. — Входи, Туржан Миирский!

Переступив порог, удивленный Туржан оказался в увешанной коврами комнате. Мебели в ней не было никакой, кроме небольшого дивана. Никто не вышел навстречу. В противоположной стене виднелась закрытая дверь, и Туржан направился было к ней.

— Стой, Туржан, — вновь послышался голос. — Никто не должен смотреть на Панделума. Таков закон.

Туржан, стоя посреди комнаты, обратился к невидимому хозяину.

— Вот мое дело, Панделум, — сказал он. — Уже давно я пытаюсь создать в своих чанах человека. Но каждый раз — неудача за неудачей. Мне не известно средство, которое может создать из всех компонентов единое целое. Тебе должна быть известна это главная матрица, и я пришел к тебе за указаниями.

— Охотно помогу тебе, — сказал Панделум. — Но у этого дела есть и другая сторона. Вселенная организована благодаря симметрии и равновесию; каждый аспект существования имеет свою противоположность. Следовательно, даже в самых обычных наших делах должно соблюдаться равновесие. Я согласен помочь тебе, но и ты, в свою очередь, должен оказать мне равноценную услугу. Когда выполнишь мое небольшое задание, я научу тебя, как изготовить человека.

— В чем же будет заключаться моя услуга? — спросил Туржан.

— В земле Асколайс, недалеко от твоего замка Миир, живет человек. На шее он носит амулет из резного голубого камня. Ты должен принести этот амулет мне.

Туржан ненадолго задумался.

— Хорошо. Сделаю, что смогу. А кто этот человек?

Панделум негромко ответил:

— Принц Кандайв Золотой.

— Э, — уныло протянул Туржан, — ты выбрал для меня не самую прятную задачу... Но я все же постараюсь выполнить твою просьбу.

— Хорошо, — ответил Панделум. — Теперь я должен проинструктировать тебя. Кандайв носит амулет под рубашкой. Когда появляется враг, принц достает его и держит на виду — это могучее оружие. Ни в коем случае не смотри на него, ни прежде, ни после того, как возьмешь, иначе последствия будут для тебя самыми печальными.

— Понял, — сказал Туржан. — А теперь я хотел бы задать вопрос — конечно, если в качестве платы за ответ мне не придется возвращать на небо Луну или выпаривать из океана случайно пролитый туда эликсир.

Панделум громко рассмеялся.

— Спрашивай, — сказал он, — и я отвечу.

Туржан задал вопрос.

— Когда я приближался к твоему жилищу, какая-то женщина в безумной ярости пыталась убить меня. Я не допустил этого, и она ушла в гневе. Кто это женщина и почему она такая?

Голос Панделума стал довольным.

— У меня тоже есть чаны, — сказал он, — в которых я создаю различные формы жизни. Эту девушку — Т'саис — создал я, но отвлекся и допустил в процессе синтеза ошибку. Она вышла из чана со странным извращением в мозгу: все, что мы считаем прекрасным, кажется ей отвратительным и уродливым, а то, что нам кажется уродливым, для нее настолько невыносимо, что ни ты, ни я не способны этого понять. Для нее мир ужасен, а люди злобны и гнусны.

— Так вот каков ответ, — пробормотал Туржан. — Бедняга!

— А теперь, — сказал Панделум, — ты должен отправляться в Кайн; предзнаменования благоприятны... Открой эту дверь, войди и встань на руны, начертанные на полу.

Туржан выполнил указания. Следующая комната оказалась круглой, с высоким куполообразным потолком, через расположенные наверху окна просачивалось многоцветие эмбелионского неба. когда он встал на рисунок рун, Панделум снова заговорил:

— Теперь закрой глаза, потому что я должен войти и коснуться тебя. Закрой плотно, не пытайся подглядывать!

Туржан закрыл глаза. Вскоре он услышал за спиной шаги.

— Вытяни руку, — послышался голос. Туржан послушался и почувствовал в своей руке какой-то твердый предмет. — Когда выполнишь поручение, нажми на этот кристалл, и сразу вернешься ко мне. — Холодная рука легла на его плечо.

— Через мгновение ты уснешь, — сказал Панделум. — И проснешься в городе Кайн.

Руку убрали. Вокруг Туржана все потускнело. Он ждал. Воздух вокруг него наполнился звуками: лязгом, звоном множества маленьких колокольчиков, музыкой, голосами. Туржан нахмурился, сжал губы: странная суматоха для дома Панделума.

Рядом послышался женский голос:

— Взгляни, Сантанил, это человек-сова: мы веселимся, а он жмурит глаза!

Мужчина рассмеялся, потом неожиданно умолк.

— Идем. Этот парень лишился близких, он, может быть, вне себя. Идем.

Туржан осторожно открыл глаза. Ночь в белостенном Кайне, праздничная ночь. Оранжевые фонари плыли в воздухе по воле ветра. С балконов свисали цветочные гирлянды и клетки со светлячками. Улицы были полны подвыпившими людьми в пестрых костюмах самых разнообразных фасонов. Тут были и мелантинский моряк, и воин Валдаранского Зеленого легиона, и какой-то чудак, напяливший старинный шлем. На маленькой площадке украшенная цветами куртизанка с Каучикского побережья танцевала под музыку флей-

ты танец Четырнадцати Шелковых Лап. В тени балкона юная варварка обнимала черного, как лесной дух, человека в кожаной куртке с перевязью. Они были веселы, эти люди умирающей Земли, лихорадочно веселы, потому что близилась бесконечная ночь, которая наступит, как только прощально мигнет и почернеет дряхлое красное солнце этой планеты.

Туржан смешался с толпой. В таверне он подкрепился печеньем с вином, потом направился во дворец Кандайва Золотого.

Дворец возвышался перед ним, все его окна и балконы были освещены — лорды города тоже пировали и веселились. «Если принц Кандайв полон вином и неосторожен, — подумал Туржан, — это сделает мою задачу не слишком трудной. Но меня могут узнать: в Кайне многие меня знают». Поэтому он соткал из заклинания Воровскую Мантию Фандаала и исчез с глаз людей.

Через аркаду он проскользнул в большой салон, где лорды Кайна веселились так же безудержно, как и толпы на улицах. Туржан шел по радуге из шелка, велюра, сатина и с интересом смотрел по сторонам. На террасе толпа зрителей глазела, как в бассейне плещется пара ручных деоданов с кожей, как намасленный агат. Другие бросали дротики в распятое на стене тело молодой ведьмы с Кобальтовых гор. В альковах украшенные цветами девушки дарили любовь сопящим старикам, и повсюду лежали вялые тела одурманенных сонным порошком. Но принца Кандайва нигде не было. Туржан осмотрел дворец комнату за комнатой, пока, наконец, в последней не увидел высокого золотобородого принца, лежавшего на кушетке с зеленоглазой девушкой-ребенком в маске и окрашенными светло-зеленой краской волосами.

Интуиция или колдовство предупредили Кандайва, и, когда Туржан скользнул в комнату сквозь пурпурный занавес, Кандайв вскочил на ноги.

— Иди! — приказал он девушке. — Быстро из комнаты! Где-то поблизости беда, и я должен уничтожить ее магией!

Девушка торопливо выбежала. Кандайв поднес руку к шее и извлек амулет. Но Туржан заслонил рукой глаза.

Кандайв произнес мощное заклинание, прекращавшее в ограниченном пространстве действие любого волшебства. Мантия Туржана перестала действовать, и он стал видимым.

— Туржан Миирский воровски пробрался в мой дворец! — с недоброй усмешкой сказал Кандайв.

— Я принес тебе на своих губах смерть, — заговорил Туржан. — Повернись спиной, Кандайв, или я произнесу заклятие и проткну тебя своим мечом!

Кандайв сделал вид, что повинуется, но неожиданно произнес заклятие, окружившее его Всемогущей Сферой.

— Сейчас я вызову охрану, Туржан, — презрительно захохотал он, — и тебя бросят в бассейн к деоданам.

Кандайв не знал, что лента на запястье Туржана исписана могучими рунами, уничтожающими всякое колодовство. Все еще защищаясь от амулета рукой, Туржан прошел сквозь Сферу. Кандайв от неожиданности прикусил язык.

— Зови охрану, — спокойно сказал ему Туржан. — Она найдет здесь продырявленное тело.

— Твое тело, Туржан! — воскликнул Кандайв и произнес новое заклинание. И тут же со всех сторон в Туржана ударили огненные струи Великолепного Призматического Разбрызгивателя. Кандайв с волчьей усмешкой следил за этим яростным ливнем, но она быстро сменилась гримасой ужаса. На расстоянии дюйма от кожи Туржана стрелы огня превращались в тысячи дымных облачков.

— Повернись спиной, Кандайв, — приказал Туржан. — Твое волшебство бессильно против рун Лаккоделя.

Но Кандайв сделал шаг к скрытой в стене пружине.

— Стой! — воскликнул Туржан. — Еще один шаг, и мой Разбрызгиватель разорвет тебя на тысячи кусков!

Кандайв сразу остановился. В бессильном гневе он повернулся спиной к Туржану, и тот протянул руку и сорвал с шеи принца амулет. Амулет, казалось, пополз по его руке, сквозь пальцы просвечивало что-то голубое. Мозг Туржана затуманился, на мгновение он услышал множество жадных голосов... Потом зрение его прояснилось. Он попятился от принца, засовывая амулет в сумку. Кандайв спросил:

— Могу я теперь обернуться?

— Когда хочешь, — ответил Туржан, закрывая сумку.

Канадайв, видя, что Туржан отвлекся, незаметно подошел к стене и положил руку на пружину.

— Туржан, — сказал он, — ты проиграл. Прежде чем ты произнесешь хотя бы звук, я открою люк в полу, и ты упадешь в глубокий колодец. Спасут ли тебя тогда твои заклинания?

Туржан застыл, не отрывая взгляда от красно-золотого лица Кандайва. Потом глуповато опустил глаза.

— Ах, Кандайв, — в беспокойстве сказал он, — ты перехитрил меня. Если я верну амулет, ты меня отпустишь?

— Брось амулет к моим ногам, — издевательски сказал Кандайв. — И сними с запястья руны Лаккоделя. Тогда я подумаю, проявить ли к тебе милосердие.

— Снять руны? — Туржан заставил себя говорить жалобно.

— Руны или жизнь?

Туржан сунул руку в сумку и схватил кристалл, который дал ему Панделум. Он вытащил кристалл и поднес его к рукояти своего меча.

— Нет, Кандайв, — сказал он. — Я раскрыл твою хитрость. Ты хочешь испугать меня и заставить сдаться. Я отказываю тебе!

Кандайв пожал плечами.

— Тогда умри, — и нажал пружину. Пол разошелся, и Туржан исчез в пропасти. Но когда Кандайв сбежал вниз, чтобы посмотреть на тело Туржана, он ничего не нашел и остаток ночи провел в дурном расположении духа, мрачно размышляя над стаканом вина.

...Туржан вновь оказался в круглой комнате дома Панделума. На его плечи сквозь высокие окна падали многоцветные лучи с неба Эмбелиона — сапфирово-синий, желтый, кроваво-красный. В доме было тихо. Туржан сошел с изображения руны на полу, беспокойно посматривая на дверь: как бы Панделум, не знающий о его появлении, не вошел в комнату.

— Панделум! — позвал он. — Я вернулся!

Ответа не было. В доме сохранялась глубокая тишина. Туржан хотел бы оказаться на открытом воздухе, где не так сильно пахнет колдовством. Он посмотрел на двери: одна вела к выходу, другая — он не знал куда. Дверь справа должна вести к выходу. Он положил руку на затвор, чтобы открыть ее. Но остановился. А если он ошибается и увидит Панделума? Не лучше ли подождать здесь?

Тут он нашел решение. Стоя спиной к двери, он распахнул ее.

— Панделум! — позвал он.

Сзади послышался негромкий прерывистый звук, как будто затрудненное дыхание. Неожиданно испугавшись, Туржан вернулся в круглую комнату и закрыл дверь.

Он решил набраться терпения и сел на пол.

Из соседней комнаты послышался крик.

— Туржан, ты здесь?

Туржан вскочил на ноги.

— Да, я вернулся с амулетом.

— Быстро, — задыхаясь, произнес голос, — зажмурься, повесь амулет себе на шею и войди.

Туржан, подгоняемый нетерпением, звучавшим в голосе, закрыл глаза и повесил амулет себе на грудь. Нащупав дверь, он распахнул ее.

На мгновение воцарилась полная тишина, затем — ужасный вопль, дикий и злобный. Могучие крылья ударили по воздуху, послышался свист и скрежет металла. Среди дикого рева волна холодного воздуха ударила в лицо Туржану. Еще свист — и все затихло.

— Благодарю тебя, — послышался спокойный голос Панделума. — Редко мне приходилось испытывать такое напряжение, а без твоей помощи мне не удалось бы прогнать адское создание.

Рука сняла амулет с шеи Туржана. Через несколько мгновений молчания снова прозвучал отдаленный голос Панделума:

— Можешь открыть глаза.

Туржан послушался. Он находился в магической лаборатории Панделума. Среди прочего оборудования там стояли и чаны, такие же, как и у него.

— Не стану благодарить тебя, — сказал Панделум. — Но чтобы сохранить симметрию, я тоже сослужу тебе службу. Я не только научу тебя правильно работать с чанами, но и покажу многое другое.

Так Туржан стал учеником Панделума. Весь день и большую часть многоцветной эмбелионской ночи работал он под невидимым руководством Панделума. Он познал тайну возвращения молодости, множество древних заговоров и странное абстрактное учение, которое Панделум называл математикой.

— В этом инструменте, — говорил Панделум, — заключена вся Вселенная. Сам по себе он пассивен и не принадлежит к колдовству, но способен разъяснить любую проблему, любую фазу бытия, все тайны времени и пространства. Твои заговоры и руны основаны и закодированы в соответствии с великой мозаикой магии. Мы не можем осознать рисунок этой мозаики; наши знания дидактические, эмпирические и случайные. Великий маг Фандаал глубже других проник в этот рисунок и потому смог сформулировать множество заклинаний, которые носят теперь его имя. Я много веков прилагал усилия, чтобы расшифровать эту мозаику, но пока мне не удалось. Тот, кто расшифрует ее, постигнет и всю магию. Он станет магом, могущество которого непредставимо.

Туржан продолжал свои занятия и постиг много простейших уравнений.

— Я нахожу в них удивительную красоту, — сказал он Панделуму. — Математика не наука, это искусство! Уравнения распадаются на элементы, расположенные в точной симметрии, многосложной, но всегда кристально ясной.

Но большую часть времени Туржан проводил у чанов и под руководством Панделума добился мастерства, которого искал. Чтобы разнообразить свой досуг, он создал девушку экзотической внешности, которую назвал Флориелла. В его память запали волосы девочки, которую он видел ночью у Кандайва, и он дал своему созданию светло-зеленые волосы. Кожа у нее была кремового цвета, а глаза большие зеленые. Туржан испытал большую радость, когда она, влажная и совершенная, вышла из чана. Она быстро обучалась и скоро уже умела разговаривать с Туржаном. Характер у нее был задумчивый и мечтательный, она ни о чем не заботилась, а бродила по лугам или молча сидела у реки. Но Флориелла

была приятной девушкой, и ее мягкие манеры забавляли Туржана.

Но однажды из леса выехала на лошади Т'саис со стальными глазами, срубая мечом головки цветов. Ей на глаза попалось невинное создание Туржана, и Т'саис, восклицая: «Зеленоглазая женщина, твоя внешность ужасает меня, смерть тебе!» — разрубила Флориеллу, словно это был цветок на обочине.

Туржан, услышав топот копыт, вовремя вышел из мастерской и был свидетелем этого убийства. Он побледнел от ярости, и заклинание мучительной пытки готово было сорваться с его губ. Но тут Т'саис увидела и прокляла его, и он понял, как она несчастна, какой сильный дух заставляет ее отрицать свою судьбу и держаться за жизнь. Чувства боролись в его груди, и наконец он позволил Т'саис уехать. Он похоронил Флориеллу на речном берегу и постарался в напряженной работе забыть о ней.

Через несколько дней он поднял голову от стола.

— Панделум, где ты?

— Что тебе нужно, Туржан?

— Ты упоминал, что, когда создавал Т'саис, ошибка извратила ее мозг. Я хочу создать подобную ей, но со здоровым разумом и духом.

— Как хочешь, — равнодушно ответил Панделум и сообщил Туржану параметры, необходимые для эксперимента.

И Туржан создал сестру Т'саис. Он день за днем следил, как возникает в чане то же стройное тело, те же гордые черты.

Когда настало время и в чане села девушка с глазами, горящими радостью жизни, у Туржана перехватило дыхание, и он поспешил помочь ей выйти.

Она стояла перед ним, влажная и нагая, двойник Т'саис. Но если лицо Т'саис было искажено ненавистью, на этом лице царили мир и покой; если глаза Т'саис горели злобой, эти сияли, как звезды воображения.

Туржан стоял, дивясь совершенству своего создания.

— Твое имя будет Т'саин, — сказал он, — и я уже знаю, что ты станешь частью моей жизни.

Он отказался от всего, чтобы учить Т'саин, и она училась с поразительной быстротой.

— Скоро мы вернемся на Землю, — говорил он ей, — в мой дом у большой реки в зеленой стране Асколайс.

— А небо Земли тоже полно цветами? — спрашивала она.

— Нет, — отвечал он. — Небо Земли бездонно голубое, и по нему движется древнее красное солнце. Когда наступает ночь, загораются звезды; их рисунку я тебя научу. Эмбелион прекрасен, но Земля более обширна, и горизонты ее далеко уходят в загадочное. Как только захочет Панделум, мы вернемся на Землю.

Т'саин любила плавать в реке, и Туржан иногда приходил с ней поплескаться или мечтательно побросать камни в воду. Он предупредил ее о Т'саис, и девушка пообещала быть осторожной.

Но однажды, когда Туржан готовился к возвращению, она далеко ушла по лугу, замечая только игру лучей в небе, величавость высоких деревьев, цветы под ногами; она смотрела на мир с тем удивлением, которое свойственно только недавно появившимся из чанов. Она прошла несколько невысоких холмов и через темный лес, в котором нашла холодный ручей, она попила, погуляла по берегу и вскоре увидела какое-то жилище.

Дверь была открыта, и Т'саин заглянула, чтобы узнать, кто здесь живет. Но дом был пуст, а единственной мебелью можно было бы назвать разве что травяной матрац, стол да полку с корзинкой орехов и несколькими предметами из дерева и олова.

Т'саин уже хотела уйти, но тут услышала зловещий топот копыт, приближавшийся, как судьба. Перед ней остановилась черная лошадь. Вспомнив предупреждение Туржана, Т'саин попятилась. Но Т'саис уже спешилась и шла к ней с мечом наготове. Она подняла его для удара, и тут их взгляды встретились. Т'саис в удивлении остановилась.

Такое зрелище способно возбудить любой мозг: прекрасные девушки, совершенно одинаковые, одетые в одинаковые белые брюки, с одинаковыми гдазами и распущенными волосами, с одинаковыми стройными телами. Но на лице одной ненависть к каждому во Вселенной, а у другой на лице написана любовь к миру.

Т'саис обрела дар речи.

— Кто ты, ведьма? У тебя моя внешность, но ты — не я. Или на меня снизошло благословение безумия и затуманило зрелище этого мира?

Т'саин покачала головой.

— Я Т'саин. Ты моя сестра, Т'саис. Поэтому я должна любить тебя, а ты должна любить меня.

— Любить? Я ничего не люблю. Я убью тебя и тем самым сделаю мир лучше, в нем на одно зло станет меньше. — И она опять подняла свой меч.

— Нет! — с болью воскликнула Т'саин. — Почему ты хочешь погубить меня? Что я тебе сделала плохого?

— Ты делаешь плохое самим своим существованием и ты оскорбила меня, насмехаясь над моей отвратительной внешностью.

Т'саин рассмеялась.

— Отвратительной? Нет. Я прекрасна, потому что Туржан говорит так. А значит, прекрасна и ты.

Лицо Т'саис застыло, как мраморное.

— Ты смеешься надо мной?

— Нет. Ты на самом деле прекрасна.

И Т'саис опустила свой меч. Лицо ее стало задумчиво.

— Красота? Что такое красота? Может, я слепа, может, враг исказил мое зрение? Скажи, как понять красоту?

— Не знаю, — ответила Т'саин. — Мне это кажется ясным. Разве игра цветов на небе не прекрасна?

Т'саис в изумлении подняла глаза.

— Вот это резкое свечение? Все эти цвета вызывают во мне отвращение.

— Посмотри, как прекрасны цветы, какие они хрупкие и очаровательные.

— Это паразиты, у них отвратительный запах.

Т'саин изумилась.

— Не знаю, как объяснить красоту. Ты, похоже, ни в чем не видишь радости. Разве тебе ничего не приносит удовлетворения?

— Только убийство и уничтожение. Только они прекрасны.

Т'саин нахмурилась. «Я бы назвала это злым взглядом на мир», — подумала она.

— И ты в это веришь?

— Я убеждена в этом.

Т'саис задумалась.

— Откуда мне знать, как действовать? Я была уверена в своей правоте, а ты говоришь, что я приношу только зло.

Т'саин пожала плечами.

— Я мало жила, и у меня нет мудрости. Но я знаю, что все имеет право на жизнь. Туржан лучше объяснит тебе это.

— А кто такой Туржан? — спросила Т'саис.

— Он очень хороший человек, — ответила Т'саин, — и я люблю его. Скоро мы отправимся на Землю, где небо глубокого синего цвета.

— Земля... А если я отправлюсь с вами на Землю, найду ли я там красоту и любовь?

— Может быть. У тебя есть разум, чтобы понять красоту, и красота, чтобы привлечь любовь.

— Тогда я больше не буду убивать, как бы отвратительно мне ни было. Я попрошу Панделума отправить меня на Землю.

Т'саин сделала шаг вперед, обняла сестру и поцеловала ее.

— Я всегда буду любить тебя, — просто сказала она.

Лицо Т'саис застыло. «Рви, режь, руби», — говорил ее мозг, но в ее теле, в каждой его частице, нарастал поток удовольствия. Она неумело улыбнулась.

— Ну...я тоже люблю тебя, сестра. Больше я не убиваю, я найду и познаю на Земле красоту... или умру...

Т'саис села на лошадь и отправилась на Землю в поисках любви и красоты.

Т'саин стояла в дверях, глядя, как уезжает в многоцветье ее сестра. Сзади послышался крик, и появился Туржан.

— Т'саин! Эта бешеная ведьма обидела тебя? — Он не дождался ответа. — Довольно! Я убью ее заклинанием, чтобы она не могла больше причинить никому боль!

И он собрался уже произнести Заклинание Огня, но Т'саин рукой зажала ему рот.

— Нет, Туржан, не нужно! Она обещала больше не убивать. Она уходит на Землю в поисках всего того, что не может найти в Эмбелионе.

И Туржан, и Т'саин вместе смотрели, как Т'саис растворяется в многоцветье луга.

— Туржан, — сказала Т'саин.

— Что?

— Когда мы будем на Земле, ты найдешь мне черную лошадь, как у Т'саис?

— Найду, — со смехом ответил Туржан, и они пошли к дому Панделума.

ВОЛШЕБНИК МАЗИРИАН

В глубокой задумчивости волшебник Мазириан брел по своему саду. Ветви деревьев, увешанные красивыми, но ядовитыми плодами, склонялись над ним, цветы раболепно опускали головки при его приближении. Тусклые, как агаты, глаза мандрагор в дюйме над землей следили за его обутыми в черное ногами. Таков был сад Мазириана — три террасы, полные странной и удивительной жизнью. Некоторые растения непрерывно меняли расцветку; на других цветы пульсировали, как морские анемоны, пурпурные, зеленые, лиловые, розовые, желтые. Здесь росли деревья с кроной, как парашюты из перьев, деревья с прозрачными стволами, увитыми красными и желтыми лианами, деревья с листвой, как металлическая фольга: каждый лист из другого металла — меди, серебра, синего тантала, бронзы, зеленого иридия. Цветы, подобно воздушным шарам, вздымались вверх над блестящими зелеными листьями; куст, покрытый тысячами цветов-флейт, и каждая флейта негромко играла музыку древней Земли — музыку, напоминавшую о рубиново-красном солнечном свете, о воде, сочащейся сквозь чернозем, о ленивых ветерках. А за рокваловой изгородью деревья дикого леса образовывали загадочную стену. В этот умирающий час земной жизни ни один человек не мог похвастать, что знает все ее лесные долины, прогалины, просеки, поляны, все лощины

и впадины, все уединенные ущелья, руины павильонов, все сады и парки в солнечных пятнах, овраги и холмы, многочисленные ручьи и ручейки, пруды, луга, чащи, заросли и скалистые выступы.

Мазириан шел по саду, и лицо его хмурилось в задумчивости. Шел он медленно, сцепив руки за спиной. Существовало нечто, внушившее ему удивление, сомнение и великое желание, — прекрасная женщина, живущая в лесу. Она, смеясь, приходила к изгороди, всегда настороженная, верхом на черной лошади, с глазами, как золотые кристаллы. Много раз пытался Мазириан захватить ее; всегда лошадь уносила ее от его разнообразных приманок, засад и заклинаний.

Болезненный крик заполнил сад. Мазириан, ускорив шаг, обнаружил крота, который жевал ствол гибрида растения с животным. Мазириан убил нарушителя, и крик сменился порывистым дыханием. Мазириан погладил пушистые листья, и красный рот растения засвистел, выражая этим свою радость.

Потом растение произнесло: «К-к-к-к-к-к-к-к-к». Мазириан наклонился, поднес трупик зверька к красному рту. Послышался сосущий звук, и маленькое тело скользнуло в подземный желудочный пузырь. Растение булькнуло, отрыгнув. Мазириан с удовольствием смотрел на него.

Солнце низко висело в небе, такое тусклое и больное, что видны были звезды. Мазириан почувствовал, что на него смотрят. Это, должно быть, та женщина из леса: именно так она тревожила его и раньше. Он остановился, пытаясь определить, откуда исходит взгляд.

Колдун быстро выкрикнул заклятие обездвиживания. У его ног неподвижно застыло растение-животное, большой зеленый мотылек, прервав полет, заскользил на землю. Волшебник обернулся. Вот она, на краю леса, ближе, чем когда-либо раньше. Она не шевельнулась при его приближении. Глаза Мазириана засверкали. Он приведет ее в свой дом и посадит в тюрьму из зеленого стекла. Он испытает ее мозг огнем, холодом, болью и радостью. Она будет подносить ему вино и делать восемнадцать соблазнительных движений при свете желтых ламп. Может быть, она шпионит за ним; если это так, Мазириан немедленно об этом узнает. Ни одного человека он еще не называл своим другом. Другом ему был только сад.

Вот колдун уже в двадцати шагах от женщины. И тут раздался топот копыт, она развернула свою вороную лошадь и ускакала в лес.

Волшебник в гневе сорвал плащ. У нее была защита — противозаклятие, охранная руна! К тому же она всегда появлялась, когда он не был готов к преследованию. Он всматривался в смутную лесную глубину, видел, как белое тело

скользнуло сквозь столб солнечного света, увидел черную тень лошади — и все исчезло... Может, она ведьма? Приходила она по собственному желанию или, что более вероятно, ее послал неведомый враг? Если это так, то кто же руководит ею? Принц Кандайв Золотой из Кайна, у которого Мазириан выманил тайну возвращения молодости? Или астороло Азван? А может, Туржан? Хотя Туржан вряд ли... Лицо Мазириана просветлело от приятных воспоминаний, и он отбросил эту мысль. Азвана он, по крайней мере, может испытать. Волшебник направился в свою мастерскую, подошел к столу, на котором стоял хрустальный куб, окруженный красно-голубым ореолом. Из ящика извлек бронзовый гонг и серебряный молоток. Ударил по гонгу, и густой сочный звук поплыл по комнате. Он ударял снова и снова. В голубизне хрусталя проступило лицо Азвана, покрытое каплями пота от боли и ужаса.

— Не бей в гонг, Мазириан! — воскликнул Азван. — Пожалей мою жизнь, не бей!

Мазириан остановился, высоко держа руку с молотком.

— Ты шпионишь за мной, Азван? Ты послал женщину, чтобы украсть гонг?

— Не я, хозяин, не я! Я слишком боюсь тебя.

— Ты должен предоставить мне эту женщину, Азван, я настаиваю.

— Невозможно, хозяин: я не знаю, кто она.

Мазириан сделал движение, как будто хотел ударить. Азван испустил такой поток униженных просьб, что Мазириан с отвращением отбросил молоток и убрал гонг на место. Лицо Азвана медленно растаяло, и хрустальный куб снова опустел.

Мазириан погладил подбородок. Очевидно, он должен сам захватить девушку. Позже, когда на лес опустится темная ночь, он поищет в книгах заклинания, которые защитят его на полных опасностей лесных полянах. Это будут заклинания, полные яда и разрушительной силы такой мощности, что любое из них устрашит обычного человека или даже сведет его с ума. Мазириан, благодаря своему долгому опыту, мог хранить в памяти одновременно четыре самых сильных или шесть менее страшных заклинаний.

Он мысленно отложил свой план и направился к длинному чану, купавшемуся в свете зеленых ламп. В прозрачном растворе лежало тело человека, мертвенное в зеленом свете, но физически исключительно сильное и совершенное. Ясное, с холодными жесткими чертами лицо, золотистые волосы.

Мазириан смотрел на это существо, которое сам вырастил из единственной клетки. Его творению не хватало только разума, но колдун не знал, как снабдить разумом этого че-

ловека. Туржан Миирский владел этим знанием, но отказывался разделить с Мазирианом эту свою тайну.

Мазириан рассматривал существо в чане. Совершенное тело — разве в нем не должен жить организованый и гибкий ум? Он узнает это. Он привел в действие приспособление, выпускающее из чана жидкость, и вскоре тело уже лежало на воздухе. Мазириан сделал инъекцию в шейную артерию. Тело дернулось, глаза открылись, мигнули. Мазириан отвел прожектор.

Существо в чане слабо пошевелило руками и ногами, как будто не догадываясь об их назначении. Мазириан внимательно смотрел: возможно, он все же случайно правильно синтезировал мозг.

— Сядь! — приказал Мазириан.

Существо сосредоточило на нем взгляд, мышцы его рефлекторно напряглись, оно хрипло заревело, выпрыгнуло из чана и вцепилось Мазириану в горло. Несмотря на всю силу Мазириана, существо легко удерживало его и трясло, как куклу.

Невзирая на все свое колдовство, Мазириан был беспомощен. Гипнотическое заклинание он истратил, и теперь в его мозгу не было ничего другого. И в любом случае он не мог произнести ни звука: безумец крепко сжимал его горло.

Рука Мазириана упала на свинцовую бутыль, и он ударил существо по голове. Безмозглое создание упало на пол.

Мазириан, еще не совсем разочаровашись, изучал тело у своих ног. Координация движений прекрасная. Он растворил в реторте белый порошок и, приподняв золотую голову, влил жидкость в расслабленный рот. Человек зашевелился, открыл глаза, приподнялся на локте. Безумное выражение покинуло его лицо, но Мазириан напрасно искал в нем след разума. Глаза были пусты, как у ящерицы.

Волшебник раздраженно покачал головой. Он подошел к окну, и его профиль четко отразился в овальном стекле... Опять Туржан? Даже при самых сташных пытках Туржан не выдал своей тайны. Мазириан сухо скривил рот. Может, если добавить к коридору в лабиринет еще один угол...

Солнце опустилось, и сад Мазириана потускнел. Распустились бледные ночные цветы, и серые мотыльки начали перелетать от цветка к цветку. Мазириан раскрыл люк в полу и спустился по каменным ступеням. Вниз, вниз, вниз... Наконец, показался идущий под прямым углом коридор, освещенный вечными желтыми лампами. Слева располагались его грибницы, справа — крепкая дверь из дуба и железа, запертая на три замка. А впереди каменные ступени продолжали спускаться, теряясь во тьме.

Мазириан открыл все три замка, широко распахнув дверь. Комната за нею была пуста, если не считать каменного пьедес-

тала, на котором стоял ящик со стеклянной крышкой. В ящике, по существу квадратном лабиринте, по беговой дорожке с четырьмя углами двигались два маленьких существа, одно преследующее, другое спасающееся. Хищник — маленький дракон с яростными красными глазами и клыкастой пастью. Он, покачиваясь, двигался по коридору на шести расплющенных лапах, размахивая при этом хвостом. Другое существо было вполовину меньше дракона — крошечный человечек с сильным телом, совершенно обнаженный, с медной лентой на голове поверх длинных черных волос. Он двигался чуть быстрее преследователя, который продолжал безжалостную погоню, используя при этом всю свою хитрость, повороты назад, засады за углом, на случай, если человек неосторожно покажется. Но сохранивший постоянную настороженность человек был способен оставаться вне досягаемости клыков. Этим человеком был Туржан, которого Мазириан предательски захватил несколько недель назад, уменьшил в размерах и заключил в эту тюрьму.

Мазириан с удовольствием смотрел, как рептилия метнулась к расслабившемуся на мгновение человеку; тот отпрыгнул, и когти скользнули на расстоянии миллиметра от его кожи. Мазириан подумал, что пора дать обоим пленникам отдохнуть и подкормить их. Он опустил перегородку, разделившую коридор надвое и изолировавшую человека от зверя. Обоим дал мяса и мисочку воды.

Туржан без сил опустился на пол.

— Ага, — сказал Мазириан, — ты устал. Хочешь отдохнуть?

Туржан молчал, закрыв глаза. Все утратило для него смысл. Единственной реальностью оставались серый коридор и бесконечное бегство. Через непостижимые интервалы приходила пища и наступало несколько часов отдыха.

— Вспомни голубое небо, — сказал Мазириан, — ночные звезды, вспомни свой замок Миир на берегу Дерны; подумай о том, как приятно свободно побродить по лугу!

Лицо Туржана дернулось.

— Подумай, ведь ты мог бы растоптать этого дракона!

Туржан поднял голову.

— Я предпочел бы растоптать тебя, Мазириан!

Мазириан безмятежно продолжил:

— Объясни, как ты наделяешь создания своих чанов разумом. Говори, и будешь свободен.

Туржан рассмеялся. В смехе его звучало безумие.

— Сказать тебе? А что потом? Ты тут же сваришь меня в кипящем масле.

Тонкий рот Мазириана раздраженно скривился.

— Жалкий человек, я знаю, как заставить тебя заговорить.

Даже если бы твой рот был набит, залеплен воском и запечатан, ты все равно стал бы говорить. Завтра я возьму из твоей руки нерв и вдоль всей его длины протяну жесткую ткань.

Маленький Туржан, вытянув ноги вдоль коридора, отпил воды и ничего не сказал.

— А сегодня вечером, — с рассчитанной злобностью сказал Мазириан, — я добавлю в лабиринт еще один угол и превращу коридор в пятиугольник.

Туржан помолчал, глядя через стеклянную перегородку на своего врага. Потом медленно отпил еще глоток воды. При пяти углах у него будет меньше возможности увернуться от чудовища.

— Завтра, — сказал Мазириан, — тебе понадобится все твое проворство. — Тут ему в голову пришла еще одна мысль. — Но я избавлю тебя от этого, если ты поможешь мне решить одну проблему.

— В чем затруднение, Мазириан?

— Мое воображение преследует образ женщины, и я поймаю ее. — Глаза Мазириана затуманились. — Во второй половине дня она подъезжает к ограде моего сада на большой черной лошади — ты знаешь ее, Туржан?

— Нет, Мазириан, — Туржан отпил еще воды.

Мазириан продолжал:

— У нее достаточно колдовства, чтобы отвратить Второй Гипнотический Заговор Фелоджуна. А может, у нее есть какая-то защитная руна. Когда я приближаюсь, она убегает в лес.

— И что же? — спросил Туржан, отщипывая мясо, данное Мазирианом.

— Кто это женщина? — спросил Мазириан, глядя поверх своего длинного носа на крошечного пленника.

— Откуда мне знать?

— Я должен захватить ее, — задумчиво сказал Мазириан. — Какие заклинания, какие чары могут мне помочь?

— Освободи меня, Мазириан, и, даю тебе слово Избранного Иерарха Марам-Ора, я доставлю тебе эту девушку.

— Как ты это сделаешь? — подозрительно спросил Мазириан.

— Буду преследовать ее по лесу со своими лучшими Живыми Башмаками и пригоршней заклятий.

— Тебе повезет не больше, чем мне, — возразил Мазириан. — Я освобожу тебя, когда узнаю все о твоем синтезе существ в чанах. Я сам буду преследовать женщину.

Туржан опустил голову, чтобы Мазириан не мог прочесть выражения его глаз.

— А как же я, Мазириан? — спросил пленник спустя какое-то время.

— Тобой я займусь, когда вернусь.

— А если ты не вернешься?

Мазириан погладил подбородок и улыбнулся, обнажив ровные белые зубы.

— Дракон уже давно пожрал бы тебя, если бы не твой проклятый секрет.

Волшебник поднялся по лестнице. Полночь застала его в кабинете, он рылся в переплетенных в кожу фолиантах и в пыльных папках... Некогда магам было известно больше тысячи рун, заговоров, заклинаний и проклятий. Просторы Великого Мотолама: Асколайс, Айд Каучикский, Южный Олмери, земля Падающей Стены на востоке — кишели колдунами всех разновидностей. Их главой был Архинекромант Фандаал. Сотню заклятий Фандаал сформулировал лично, хотя ходили слухи, что, когда он над ними работал, в уши ему нашептывали демоны. Понтецилла Благочестивый, правитель Великого Мотолама, подверг Фандаала пытке и после ужасной ночи мучений убил его, объявив колдовство вне закона. Колдуны Великого Мотолама разбежались, как жуки при свете, их наука рассеялась и была забыта; теперь, в эти смутные времена, когда солнце состарилось, варварство охватило Асколайс, и белый город Кайн наполовину уже лежал в развалинах, теперь лишь немногим более ста заговоров сохранились в памяти людей. Из них Мазириан имел доступ к семидесяти трем и постепенно, при помощи различных уловок и торговли, пытался овладеть и остальными.

Мазириан сделал выбор и с большими усилиями поместил в свой мозг сразу пять заклятий: Вращатель Фандаала, Второй Гипнотический Заговор Фелоджуна, Великолепный Призматический Разбрызгиватель, Чары Неистощимого Питания и Заклятие Всемогущей Сферы. Завершив работу, Мазириан выпил вина и отправился спать.

На следующий день, когда солнце висело низко, Мазириан вышел на прогулку в сад. Ему пришлось ждать недолго. Не успел он освободить от земли корни лунной герани, как негромкий шум и топот подсказали ему, что объект его вожделений рядом.

Она прямо сидела в седле, молодая женщина с великолепной фигурой. Мазириан медленно наклонился, чтобы не спугнуть ее, сунул ноги в Живые Башмаки и закрепил их под коленями.

Он распрямился.

— Эй, девушка, — крикнул он, — ты снова пришла. Почему ты приходишь сюда по вечерам? Тебе нравятся розы? Они ярко-красные, потому что в их лепестках живая кровь. Если ты сегодня не убежишь от меня, я подарю тебе одну.

Мазириан сорвал розу с задрожавшего куста и направился к девушке, борясь со своими Живыми Башмаками. Не успел

он сделать и четырех шагов, как женщина сжала коленями бока лошади и поскакала в лес.

Мазириан полностью оживил свои Башмаки. Они сделали большой прыжок, затем другой, и охота началась.

Так Мазириан вошел в легендарный лес. Повсюду изгибались, поддерживая тяжелое лиственное одеяние, мшистые стволы. В просветах между ветвями лучи солнца бросали алые пятна на дерн. В тени росли цветы с длинными стеблями и хрупкие грибы; в эту эпоху увядания Земли природа стала мягкой и расслабленной.

Мазириан в своих Живых Башмаках с большой скоростью прыгал по лесу, но черная лошадь, бегущая без напряжения, держалась от него на порядочном расстоянии.

Несколько лиг проскакала женщина. Черные волосы летели за ней, как знамя. Она часто оглядывалась через плечо, и Мазириан видел, как во сне, ее лицо. Но вот она склонилась к спине лошади, та поскакала быстрее и скоро скрылась из виду. Мазириан продолжал погоню, ориентируясь по следу на влажной почве.

Жизнь начала уходить из Живых Башмаков: они слишком долго двигались на большой скорости. Огромные прыжки становились короче и тяжелее, но шаг лошади, видный по ее следу, тоже замедлился. Вскоре Мазириан оказался на лугу и увидел щиплющую траву одинокую лошадь. Мазириан застыл. Перед ним открывался весь луг. Туда вел ясный след лошади, но человеческого следа, ведущего с луга, не было. Значит, женщина спешилась где-то позади колдуна, и он не знал, где именно. Волшебник направился к лошади, но та с ржанием ускакала в лес. Мазириан не пытался ее преследовать, он обнаружил, что его Башмаки вяло и расслабленно висят на ногах. Они умерли.

Он отпихнул их в сторону, проклял этот день и свою неудачу. Потрясая плащом, со злобным выражением лица, он двинулся назад по следу.

В этом районе леса часто встречались выступы черных и зеленых базальтовых скал, предвестники утесов над рекой Дерной. На одной из таких скал Мазириан увидел маленького зеленокожего человечка верхом на стрекозе. Он был одет во что-то вроде полупрозрачного кафтана и вооружен копьем, вдвое длиннее его самого.

Мазириан остановился. Твк-человек флегматично смотрел на него.

— Не видел ли ты женщину моей расы, проходившую здесь, твк-человек?

— Я видел такую женщину, — ответил твк-человек после некоторого размышления.

— А где ее можно найти?

— А что я получу за информацию?

— Соль — столько, сколько сможешь унести.

Твк-человек взмахнул своим копьем.

— Соль? Нет. Лайан-Странник дает вождям данданфлоров достаточно соли для всего племени.

Мазириан представил себе службу, за которую разбойник-трубадур платит солью. Твк-люди, быстро летящие на своих стрекозах, видят все, что происходит в лесу.

— Флакон масла из моих теланксисовых цветов.

— Хорошо, — ответил твк-человек. — Покажи мне флакон.

Мазириан показал.

— Она свернула со следа возле разбитого молнией дуба и направилась прямо в речную долину, кратчайшим путем к озеру.

Мазириан положил флакон возле скалы и направился к дубу. Твк-человек посмотрел ему вслед, затем спешился и прикрепил флакон под своей стрекозой, рядом с мотком шерсти, который дала ему женщина, чтобы обмануть волшебника.

Мазириан свернул у дуба и вскоре обнаружил на опавшей листве след. Длинная открытая прогалина лежала перед ним, полого спускаясь к реке. По обе стороны возвышались деревья, и длинные солнечные лучи окрашивали одну сторону в кровь, оставляя другую в глубокой тени. Тень была так глубока, что Мазириан не заметил существа, сидевшего на упавшем дереве. Колдун почувствовал его присутствие, только когда тварь готова была прыгнуть ему на спину.

Мазириан резко повернулся лицом к существу. Это был деоданд, отдаленно похожий на человека, с сильной мускулистой фигурой, мертвенно-черной тусклой кожей и узкими раскосыми глазами.

— Ах, Мазириан, ты бродишь по лесу далеко от дома, — послышался негромкий голос черного существа.

Мазириан знал, что деоданд стремится пожрать его. Он всегда хочет мяса. Как же удалось девушке спастись? Ее след проходил прямо здесь.

— Я ищу, деоданд. Ответь на мой вопрос, и я дам тебе много мяса.

Глаза деоданда сверкнули, он осмотрел тело Мазириана.

— Ты можешь это сделать прямо сейчас, Мазириан. Или с тобой сегодня могучие заклинания?

— Да. Скажи, давно ли проходила здесь девушка? Шла она быстро или медленно, одна или со спутниками? Отвечай, и я дам тебе столько мяса, сколько ты захочешь.

Губы деоданда скривились.

— Слепой волшебник! Она не покинула прогалину. — Он показал, и Мазириан повернулся в ту сторону. Но успел отпрыгнуть, когда деоданд бросился на него. Изо рта Мазириана

полились звуки Заклятия Вращателя Фандаала. Деоданда сбило с ног и подбросило высоко в воздух, где тот повис, вертясь то выше, то ниже, то быстрее, то медленнее, то над вершинами деревьев, то над самой землей. Мазириан с легкой улыбкой следил за ним. Через какое-то время он опустил деоданда и приказал вращению замедлиться.

— Хочешь ли ты умереть сразу или медленно? — спросил Мазириан. — Помоги мне, и я сразу убью тебя. А иначе ты поднимешься высоко, туда, где летают пелгрейны.

Деоданд задыхался от ярости и страха.

— Пусть темный Тиал выколет тебе глаза! Пусть Краан держит твой живой мозг в кислоте! — И он добавил такие проклятия, что Мазириан почувствовал необходимость в противочарах.

— Тогда вверх, — сказал, наконец, Мазириан и взмахнул рукой. Черное тело взлетело высоко над вершинами деревьев и медленно завертелось на фоне красного солнца. Через мгновение пятнистое существо, похожее на летучую мышь, с клювастым рылом, пронеслось рядом и рвануло черную ногу, прежде чем кричащий деоданд смог отпихнуть его. Все новые и новые фигуры замелькали на фоне солнца.

— Опусти меня, Мазириан! — послышался слабый зов. — Я расскажу все, что знаю.

Мазириан опустил пленника к земле.

— Она прошла одна перед самым твоим появлением. Я напал на нее, но она отогнала меня пригоршней тайл-пыли. Она прошла по прогалине в сторону реки. Этот след ведет мимо логова Транга. Я думаю, она погибла. Транг будет высасывать ее, пока она не умрет.

Мазириан потер подбородок.

— Какие заклятия были с ней?

— Не знаю. Ей понадобятся сильные заклятия, чтобы спастись от Транга.

— У тебя есть еще что сказать?

— Ничего.

— Тогда можешь умереть. — И Мазириан проклял существо, заставив его вращаться все быстрее, пока оно не слилось в сплошное вертящееся пятно. Послышался приглушенный вопль, и тело деоданда разорвалось на части. Голова, как пуля, пролетела вниз, руки, ноги, внутренности — во всех направлениях.

Мазириан пошел дальше. В конце прогалины след круто спускался по уступам темно-зеленого серпантина к реке Дерне. Солнце садилось, и тень заполняла долину. Мазириан дошел до реки и направился вниз по течению к далекому сверкающему Санру, Озеру Сновидений.

Тяжелый запах гнили висел в воздухе. Мазириан пошел вперед осторожнее: поблизости находилось логово вампира-

медведя Транга, и в воздухе пахло колдовством — сильным грубым колдовством, которое его собственные, более тонкие заклинания могли и не победить.

До него донесся звук голосов — хриплый рев Транга и женские вопли. Мазириан выглянул из-за скалы, чтобы понять, что там происходит.

Логова Транга распюлагалось в расщелине скалы. Грязная груда травы и шкур служила ему постелью. Он построил грубый загон, в котором находились три женщины, на телах каждой виднелось множество кровоподтеков, а на лицах — ужас. Транг похитил их из племени, живущего на завешанных шелком плотах на мелководье озера. Теперь они смотрели, как вампир пытается справиться еще с одной, только что захваченной женщиной. Грубое круглое человекоподобное лицо Транга было искажено, крепкими пальцами он сорвал с женщины куртку. Но она с удивительным проворством увертывалась от его огромных рук. Глаза Мазириана сузились. Магия, магия!..

Он смотрел, раздумывая, как бы уничтожить Транга, не причинив вреда женщине. Но та увидела колдуна за плечом Транга.

— Смотри! — выдохнула она. — Мазириан пришел, чтобы убить тебя!

Транг обернулся. Он увидел Мазириана и бросился к нему на всех четырех лапах, испуская дикий рев. Мазириан подумал, не бросил ли не него вурдалак какое-то заклятие, потому что мозг волшебника охватил странный паралич. А может, на него так подействовал вид огромной морды Транга, его мощных лап?

Мазириан стряхнул с себя заклятие, если оно было, и произнес собственное. Вся прогалина озарилась огненными стрелами, летящими в Транга со всех направлений. Это был Великолепный Призматический Разбрызгиватель — многоцветные рубящие лучи. Транг умер почти мгновенно, пурпурная кровь хлынула из бесчисленных ран, открывшихся там, где огненный дождь пронзил его тело.

Мазириан не обратил на это внимания. Девушки не было. Мазириан видел, как она бежит вдоль реки к озеру, и пошел за ней, не слушая жалобных криков женщин, запертых в загоне.

Вскоре перед ним открылось озеро, дальний край которого едва виднелся на горизонте. Мазириан спустился на песчаный берег и долго стоял, глядя на темные воды Озера Сновидений. Была уже темная ночь, на небе горели звезды. Вода была холодной и неподвижной, лишенная приливов, как все воды на Земле после ухода с неба Луны.

Где же женщина? Вот она — светлая фигура в тени речного берега. Мазириан встал у воды, высокий и могучий. Легкий ветерок развевал его плащ.

— Эй, девушка, — позвал он. — Это я, Мазириан, я спас тебя от Транга. Подойди ближе, чтобы я мог поговорить с тобой.

— Я слышу тебя и на таком расстоянии, волшебник, — ответила она. — Чем ближе я подойду, тем дальше потом придется убегать.

— А зачем тебе бежать? Иди ко мне, и ты станешь хозяйкой многих тайн, обладательницей большой власти.

Она засмеялась.

— Если бы я хотела этого, Мазириан, разве стала бы я бежать так долго?

— Кто же ты, не желающая постигнуть тайны магии?

— Для тебя, Мазириан, я безымянна, чтобы ты не смог проклясть меня. А теперь я пойду туда, куда ты не сможешь последовать за мной. — Она подбежала к воде, медленно вошла в нее по пояс, нырнула и исчезла.

Мазириан в нерешительности подождал. Неразумно тратить столько заклинаний и тем самым лишать себя сил. Он знал, что может чувствовать спокойная магия, и хотя колдун не враждовал с повелителем озера, другие существа могли бы воспротивиться его проникновению. Однако, когда голова девушки так и не появилась на поверхности, он произнес Заклинание Неистощимого Питания и вошел в холодную воду.

Он глубоко нырнул и, встав на дне озера, не чувствуя под защитой чар никакого неудобства для легких, смотрел на местность вокруг себя. Его окружало зеленоватое свечение. Вода была почти такая же прозрачная, как и воздух. Придонные растения тянулись по течению, вместе с ними двигались озерные цветы, красные, синие и желтые. Вокруг вяло плавали большеглазые рыбы разнообразных форм.

Скальные ступени вели к подводной равнине, на которой росли высокие водоросли, их стройные стволы поддерживали узорную листву и пурпурные плоды. Водоросли терялись в туманной дымке. Потом колдун увидел женщину, белую водяную нимфу. Черные волосы струились за ее спиной, как темное облако. Она полуплыла, полубежала по песчаному дну, изредка оглядываясь через плечо. Мазириан устремился за ней, вспенивая воду плащом.

Возбужденный колдун догонял ее. Он должен наказать непокорную за то, что она завела его так далеко... Стертые каменные ступени в его жилище вели из мастерской вниз, в комнаты, которые по мере спуска становились все обширнее. Мазириан нашел однажды в одной из комнат проржавевшую клетку. Неделя или две в темноте обуздают упрямство гордячки... А когда-то он уменьшил женщину, сделал ее размером с палец и посадил в стеклянную бутылку вместе с двумя большими мухами...

Сквозь зелень проступил разрушенный белый храм. В нем было множество колонн. Некоторые уже упали, другие продолжали поддерживать фронтон. Женщина вошла в большой портик. Может, она пытается сбить его со следа? Белое тело мелькнуло в дальнем конце нефа, сверкнуло над кафедрой и пропало в полукруглом алькове за ней.

Мазириан, как мог быстро, последовал за нею, полуидя, полуплывя в мрачных сумерках. Он всматривался в темноту, где малые колонны поддерживали купол, из которого выпал ключевой камень. Неожиданный страх охватил его, он вдруг все понял, увидев быстрое движение вверху. Со всех сторон на него рушились колонны, и лавина мраморных блоков падала ему на голову. Колдун в панике отпрыгнул...

Волнение прекратилось, белая пыль древней штукатурки расплылась. На фронтоне главного храма женщина стояла на коленях, всматриваясь вниз, чтобы убедиться, что она убила Мазириан.

Но она его не убила. Две колонны по чистой случайности упали по обе стороны от его тела, а легшая сверху плита защитила его от камнепада. Он болезненно повернул голову. Через щель в дрожащем мраморе он увидел рассматривавшую его женщину. Значит, она хотела убить его? Его, Мазириана, прожившего больше лет, чем он сам может припомнить? Тем сильнее будет она ненавидеть и бояться его впоследствии. Он произнес Заклинание Всемогущей Сферы. Силовое поле окружало его тело, расталкивая все окружающее. Когда мраморные руины раздвинулись, колдун убрал сферу, встал на ноги и осмотрелся в поисках женщины. Та была уже почти не видна. В чаще длинных пурпурных водорослей она взбиралась по откосу на берег. Мазириан бросился в преследование.

Т'саин выползла на берег. Волшебник Мазириан по-прежнему шел за ней, его магия разрушила все ее планы. Девушка вспомнила его лицо и вздрогнула.

Усталость и отчаяние замедлили ее шаг. У нее было лишь два заклинания — Чары Неистощимого Питания и заклятие, придающее силу рукам, благодаря ему она удержала Транга и обрушила храм на Мазириана. Оба заклинания теперь истрачены; она беззащитна; но, с другой стороны, и у Мазириана могло больше ничего не остаться.

Может быть, он не знает о траве-вампире? Она побежала по склону и перескочила через полоску бледной, избитой ветром травы. Теперь из озера выбрался и Мазириан, тощая фигура, хорошо заметная на фоне воды.

Девушка отступала, оставляя между собой и преследователем невинную полоску травы. А если и трава не поможет?

Сердце ее дрогнуло при мысли о том, что ей придется тогда сделать.

Мазириан вошел в траву. Чахлые травинки превратились в мускулистые пальцы. Одни обвились вокруг ног колдуна, удерживая его мертвой хваткой, а другие в это время пробирались под одежду, к коже.

И тогда Мазириан истратил свой последний заговор — заклятие обездвиживания. Трава-вампир расслабилась и вяло легла на землю. Т'саин в отчаянии следила за ним. Теперь волшебник был совсем рядом, плащ развевался за его спиной. Неужели у него нет слабостей? Разве его плоть не болит, разве его дыхание не становится прерывистым? Она повернулась и побежала по лугу к роще черных деревьев. Ей стало холодно в глубокой мрачной тени. Прежде чем вся роща проснется, она должна убежать как можно дальше.

Щелчок! Ее хлестнула плеть. Она продолжала бежать. Еще один удар и еще — она упала. Ее ударил еще один тяжелый ремень, и еще один. Шатаясь, девушка поднялась, закрывая руками лицо. Плети свистели в воздухе, последний удар развернул ее. Она увидела Мазириана.

Он боролся. Когда на него обрушились удары, он схватил хлысты и попытался разорвать их. Но они были слишком гибкими и пружинистыми, они вырывались из рук и обрушивали на человека все новые удары. Раздраженные его сопротивлением, деревья сосредоточились на несчастном Мазириане, который боролся с необыкновенной яростью. Т'саин смогла уползти на край рощи и спастись.

Она посмотрела назад, поражаясь жизненной силе Мазириана. Тот шатался под градом ударов, его яростная упрямая фигура смутно виднелась в зарослях. Он ослаб, попытался бежать, упал. Удары сыпались на его голову, плечи, на длинные ноги. Он попытался встать, но снова упал.

Т'саин устало закрыла глаза. Она чувствовала, как кровь сочится из ее исхлестанного тела. Но оставалось еще самое главное. Она встала и, покачиваясь, пошла прочь, еще долго слыша за спиной тупые звуки ударов.

Сад Мазириана прекрасен ночью. Широко раскрылись цветы-звезды, каждая совершенной формы, и мотыльки летали над ними взад и вперед. Фосфоресцирующие водяные лилии, как прекрасные лица, плыли по поверхности пруда, а куст, который Мазириан привез из далекого Олмери на юге, наполнял воздух сладким фруктовым ароматом.

Т'саин, усталая, тяжело дыша, ощупью пробиралась по саду. Некоторые цветы проснулись и с любопытством разглядывали ее. Гибрид животного и растения сонно защебетал, приняв ее

за Мазириана. Слышалась слабая музыка белых цветов-флейт, они пели о древних ночах, когда в небе еще плыла белая луна, а временами года правили бури, тучи и громы.

Т'саин ни на что не обращала внимания. Она вошла в дом Мазириана, отыскала его мастерскую, где горел вечный желтый свет. Неожиданно в чане село золотоволосое создание Мазириана и посмотрело на нее прекрасными пустыми глазами.

Она отыскала в ящике ключи и открыла люк. Здесь ей пришлось подождать, пока не рассеется красный туман перед глазами. У нее начались галлюцинации — Мазириан, высокий и надменный, склоняется, убивая Транга; странно раскрашенные цветы озера; Мазириан, потерявший свое волшебство, борется в плетями деревьев... Из забытья ее вывело существо из чана, оно робко трогало ее волосы.

Девушка пришла в себя и полуспустилась, полуупала вниз по лестнице. Она открыла все три замка на двери и последним усилием распахнула ее, взобралась на пьедестал, где стоял ящик с лабиринтом, в котором продолжали свою отчаянную гонку Туржан и дракон. Девушка разбила стекло, мягко взяла Туржана и поставила на пол.

От прикосновения руны на ее запястье чары развеялись, и Туржан снова стал человеком. Ошеломленный, он смотрел на почти неузнаваемую Т'саин.

Она попыталась улыбнуться ему.

— Туржан... ты свободен...

— А где Мазириан?

— Он мертв, — девушка устало опустилась на каменный пол и затихла. Туржан со странным выражением в глазах осмотрел ее.

— Т'саин, мое дорогое создание, — прошептал он, — более благодарная, чем я. Ты отдала свою единственную жизнь за мою свободу.

Он поднял ее тело.

— Я восстановлю тебя в чане. Ты станешь такой же прекрасной и здоровой, как прежде!..

И он понес ее по каменным ступеням.

Т'САИС

Т'саис выехала из рощи и в нерешительности остановила лошадь. Она сидела, глядя на зеленый луг, уходивший к реке... Затем сжала колени, и лошадь двинулась дальше.

Она ехала в глубокой задумчивости. А над ней небо, покрытое облачной рябью, отбрасывало на землю от горизонта

до горизонта глубокие тени. Лившийся сверху, отраженный и преобразованный свет заливал местность тысячами оттенков. На Т'саис вначале упал зеленый луч, затем ультрамариновый, топазовый, рубиново-красный. Окружающий ландшафт окрашивался соответсвенно.

Т'саис закрыла глаза, чтобы не видеть эти меняющиеся цвета. Они раздражали ее нервы, не давали ясно видеть окружающий мир и намекали на недоступные ее разумению загадки. Как будто вся вселенная была создана специально, чтобы ошеломлять ее своим видом, вызывать в ней ярость. . Бабочка с крыльями, расцвеченными, как драгоценный ковер, пролетела мимо. С огромным усилием девушка сдержалась: Т'саис была страстной натурой и не привыкла к самоограничению. Она взглянула на цветы под ногами лошади — бледные маргаритки, колокольчики, вьюнки и оранжевые золотые шары. Больше она не будет давить их, вырывать с корнем. Ей было высказано предположение, что порок заключен не во вселенной, а в ней самой. Подавив непримиримую враждебность к бабочке, цветам и меняющимся оттенкам света на небе, она поехала дальше по лугу.

Перед ней поднималась роща высоких деревьев, дальше виднелись заросли тростника и блестел ручей, тоже изменявший цвет своих струй в соответствии с цветом неба. Т'саис свернула и вдоль речного берега направилась к длинному низкому дому.

Она спешилась и медленно подошла к двери черного дымчатого дерева, на которой было изображено сардоническое лицо. Она потянула за язык, и внутри зазвучал колокол.

Ответа не было.

— Панделум! — позвала она.

Вскоре послышался приглушенный ответ:

— Входи.

Девушка распахнула дверь и вошла в комнату с высоким потолком, увешанную коврами и лишенную мебели, если не считать небольшого дивана.

— Чего ты хочешь? — донесся из-за стены голос, густой, сочный и бесконечно печальный.

— Панделум, сегодня я узнала, что убийство — это зло, что мои глаза обманывают меня, и там, где я вижу только резкие краски и отвратительные очертания, на самом деле живет красота.

Некоторое время Панделум молчал; затем снова послышался его приглушенный голос, отвечавший на невысказанную мольбу о знании:

— По большей части это правда. Живые существа имеют право на жизнь. Это их единственное подлинно драгоценное

достояние, и отнятие жизни есть злейшее преступление... Что касается остального, то вина не твоя. Красота есть повсюду, все могут видеть ее, все — кроме тебя. Это внушает мне моя печаль, потому что тебя создал я. Я вырастил тебя из первичной клетки; я дал звучание струнам жизни в твоем теле и мозге. И несмотря на все мои старания, я допустил ошибку; когда ты вышла из чана, я обнаружил, что в твоем мозге есть порок: вместо красоты ты видишь безобразие и вместо добра — зло. Подлинное безобразие, подлинное зло ты никогда не видела, потому что на Эмбелионе нет ничего злого и мерзкого... Если бы тебе не повезло и ты встретилась бы с таким, я опасался бы за твой разум.

— Не можешь ли ты изменить меня? — воскликнула Т'саис. — Ты волшебник. Неужели я и впредь должна жить слепой к радости?

Тень вздоха донеслась из-за стены.

— Я действительно волшебник, я знаю все до сих пор созданные заговоры, знаю хитрость рун, заклинаний, волшебных изображений, экзорцизма, талисманов. Я Владыка Математики, лучший после Фандаала, но я ничего не могу сделать с твоим мозгом, не уничтожив твой разум, твою личность, твою душу — потому что я не Бог. Бог может вызвать предметы к существованию, а я опираюсь только на магию, и ее заговоры способны лишь изменять и переделывать пространство.

Надежда растаяла во взгляде Т'саис.

— Я хочу на Землю, — сказала она немного погодя. — Небо на Земле постоянного голубого цвета, и в нем царит красное солнце. Я устала от Эмбелиона, где нет никаких голосов, кроме твоего.

— Земля, — задумчиво сказал Панделум. — Тусклое место, древность которого превосходит всякое знание. Когда-то это был мир высоких облачных гор, ярких рек, а солнце его было белым сверкающим шаром. Века дожди и ветры избили и сгладили гранит, а солнце теперь слабое и красное. Тонули и вставали вновь континенты. Миллионы городов вздымали свои башни, потом распадались в пыль. Теперь на месте прежних людей живут несколько тысяч странных созданий. На Земле гнездится зло — зло, отцеженное временем... Земля умирает, она в сумерках... — Колдун замолчал.

Т'саис с сомнением ответила:

— Но я слышала, что Земля прекрасна, а я хочу постигнуть красоту, даже если ради этого придется умереть.

— Но как ты узнаешь красоту, увидев ее?

— Все люди знают красоту... Разве я не человек?

— Конечно, ты — человек.

— Тогда я найду красоту, а может быть, даже и... — Т'саис запнулась перед следующим словом, настолько чуждо оно

было ее разуму, но в то же время полно беспокойных возможностей.

Панделум молчал. Наконец, промолвил:

— Ты отправишься, куда хочешь. Я помогу тебе, чем смогу. Я дам тебе руны, которые спасут тебя от злой магии. Я дам жизнь твоему мечу; и я дам тебе следующий совет: берегись мужчин, которые грабят красоту, чтобы насытить свою похоть. Не допускай близости ни к кому... Я дам тебе мешочек драгоценностей, это большое богатство на Земле. С ними ты сможешь многого достичь. Но — опять-таки — никому их не показывай, потому что для некоторых людей убийство дешевле медной монеты.

Наступило тяжелое молчание, и в воздухе перестало ощущаться присутствие Панделума.

— Панделум, — негромко позвала Т'саис. Ответа не было.

Спустя какое-то время Панделум вернулся, она ощутила вновь его присутствие.

— Через мгновение, — сказал он, — ты можешь войти в соседнюю комнату.

Т'саис ждала, затем, по его разрешению, вошла в следующую комнату.

— На скамье слева, — послышался голос Панделума, — ты найдешь амулет и маленький мешочек с драгоценностями. Надень амулет на правое запястье: он обращает любое направленное на тебя заклинание против того, кто его произнес. Это очень мощная руна, береги ее.

Т'саис повиновалась и спрятала мешочек в сумку.

— Положи на скамью свой меч, встань на руну, что начертана на полу, и крепко зажмурь глаза. Я должен войти в комнату. Предупреждаю: не смотри на меня — последствия будут ужасны.

Т'саис сняла меч, встала на металлическую руну, закрыла глаза. Она услышала легкие шаги, звон металла, потом — высокий резкий крик.

— Теперь твой меч жив, — странно громко прозвучал голос Панделума, который теперь находился рядом. — Он будет убивать твоих врагов сознательно. Протяни руку и возьми его.

Т'саис вложила в ножны свой тонкий клинок, теплый и дрожащий.

— Где на Земле хочешь ты оказаться? — спросил Панделум. — В местности, населенной людьми, или в великой разрушенной пустыне?

— В Асколайсе, — ответила Т'саис, — потому что тот, кто говорил мне о красоте, произнес только это название.

— Как хочешь, — сказал Панделум. — А теперь слушай! Если захочешь вернуться в Эмбелион...

— Нет! — быстро ответила Т'саис. — Лучше умереть.

— Подумай хорошенько.

Т'саис промолчала.

— Сейчас я коснусь тебя. У тебя на мгновение закружится голова — а затем ты откроешь глаза уже на Земле. Сейчас там почти ночь, а во тьме скрываются ужасные существа. Поэтому побыстрее отыщи убежище.

Охваченная возбуждением, Т'саис почувствовала прикосновение Панделума, ощутила дрожь, легкое затмение сознания, быстрый полет... Незнакомая почва под ногами, незнакомый воздух со странным запахом. Она открыла глаза.

Местность незнакомая и новая для нее. Темно-голубое небо, распухшее древнее солнце. Она стояла на лугу, окруженном высокими мрачными деревьями. Эти деревья не были похожи на спокойных гигантов Эмбелиона: нахмуренные, с густой листвой. Под ними лежали загадочные тени. Все окружающее: почва, деревья, скала, торчащая на лугу, — все было выработано временем, сглажено, выровнено, смягчено. Свет солнца придавал каждому предмету на Земле, скалам деревьям, неподвижной траве и цветам одинаковый оттенок древности, старинных воспоминаний.

В ста шагах поднимались покрытые мхом руины давно обрушившегося замка. Его камни почернели от лишайников, дыма и возраста; сквозь обломки пробивалась трава — все это представляло собой странную и дикую картину в косых лучах солнца.

Т'саис медленно приблизилась. Некоторые стены еще стояли, сложенные из выветрившегося камня, с давно исчезнувшей известью. Она удивленно обошла большую разрушенную статую, почти погрузившуюся в землю; на мгновение задумалась над письменами, высеченными на камне. Широко открытыми глазами смотрела она на то, что осталось от лица, — жестокие глаза, насмешливый рот, отбитый нос. Т'саис содрогнулась. Здесь ей искать нечего; она повернулась, собираясь уходить.

Смех, высокий, радостный, послышался на поляне. Т'саис, помня предупреждение Панделума, ждала в укрытии. Какое-то движение среди деревьев; в солнечном свете показались мужчина и женщина; потом — весело посвистывающий молодой человек. В руке он держал меч, которым время от времени подталкивал первых двоих. Т'саис разглядела, что эти двое были связаны.

Трое остановились перед руинами, невдалеке от Т'саис, и та могла рассмотреть их. Связанный мужчина с худам лицом, неровной рыжей бородой и мечущимся взглядом; в глазах его виднелось отчаяние. Женщина полная, невысокого роста. Пленившим их был Лайан-Странник. Его каштановые волосы разбросаны, черты лица подвижны и приятны. Ка-

сивые карие глаза изучали местность. На нем были красные кожаные башмаки с загнутыми вверх острыми носками, красно-зеленый костюм, такой же плащ и остроконечная шляпа с багровым пером.

Т'саис смотрела, не понимая, что происходит. Все трое были ей одинаково отвратительны, казались грязными снаружи и изнутри. Лайан, может быть, чуть менее подл и низок — он все-таки проворнее и элегантнее.

Пленник негромко застонал, женщина заскулила.

Лайан весело взмахнул шляпой и исчез среди руин. Не далее чем в двадцати футах от Т'саис он скользнул за древнюю каменную плиту, вернулся с огнивом и трутом, разжег костер. Из сумки он извлек кусок мяса, поджарил на костре и с аппетитом съел, облизывая пальцы.

Не было сказано ни слова. Наконец, Лайан встал, потянулся и взглянул на небо. Солнце уходило за темную стену деревьев, поляну уже заполнили синеватые тени.

— К делу! — воскликнул Лайан. Голос его звучал резко и ясно, как призыв флейты.

Он снова нырнул в свое укрытие под плитой и принес оттуда четыре крепких прута. Один из них он положил на бедра мужчины, второй поперек, через промежность, так что при небольшом усилии мог сжимать бедра и поясницу. Он испытал свое приспособление и рассмеялся, когда мужчина закричал от боли. Такое же приспособление он приладил и на женщине.

Т'саис смотрела в растерянности. Очевидно, молодой человек собирался причинить своим пленникам боль. Неужели таковы обычаи Земли? Но как она может их судить, она, не отличающая добра от зла?

— Лайан! Лайан! — воскликнул мужчина. — Пощади мою жену! Она ничего не знает! Пощади ее и забери все, чем я владею! Я буду тебе служить всю жизнь!

— Хо! — рассмеялся Лайан, и перо на его шляпе задрожало. — Спасибо, спасибо за предложение, но Лайану не нужны ни ваш хворост, ни ваша репа. Лайан любит шелк и золото, любит блеск кинжалов и стоны любви, издаваемые девушками. Поэтому благодарю тебя — но я ищу брата твоей жены, и когда твоя жена закричит и завизжит, ты расскажешь мне, где он скрывается.

Для Т'саис сцена начинала приобретать смысл. Двое пленников скрывали сведения, нужные молодому человеку; поэтому тот будет причинять им боль, пока они не расскажут все, что ему нужно. Хитро придумано, вряд ли она до этого додумалась бы сама.

— А теперь, — продолжал Лайан, — я должен вас заверить, что ложь плохо совмещается с правдой. Видите ли, когда человека подвергают пытке, он слишком занят, чтобы что-то

выдумывать, поэтому и говорит правду. — Он выхватил из огня головешку, закрепил ее между связанными лодыжками мужчины и прыгнул к женщине, чтобы начать пытку.

— Я ничего не знаю, Лайан! — завопил мужчина. — Я ничего не знаю, ничего...

Лайан разочарованно отошел. Женщина потеряла сознание. Лайан снял с мужчины головешку и раздраженно швырнул ее обратно в костер.

— Что за напасть! — сказал он, но вскоре хорошее настроение вернулось к нему. — А, ладно, у нас много времени. — И погладил свой заостренный подбородок. — Может быть, ты и говоришь правду, — рассуждал он вслух. — Может быть, сведения даст твоя добрая жена? — Он привел женщину в себя несколькими пощечинами. Пленница тупо смотрела на него, лицо ее было искажено и почернело от сажи.

— Будьте внимательны! — сказал Лайан. — Я начинаю вторую серию вопросов. Я рассуждаю, думаю, теоретизирую. Я думаю: если муж не знает, куда бежал тот, кого я ищу, может, знает жена?

Женщина приоткрыла рот.

— Он мой брат... пожалуйста...

— Ага! Итак, ты знаешь! — торжествующе воскликнул Лайан и прошелся взад-вперед возле костра. — Ты знаешь. Мы возобновляем испытание. Теперь будь внимательна. При помощи этого приспособления я превращаю ноги твоего мужа в желе, а его позвоночник будет торчать сквозь живот — если ты не заговоришь, конечно!

И он начал.

— Ничего не говори... — выдохнул мужчина и потерял сознание от боли.

Женщина проклинала, вопила, умоляла. И наконец, не выдержала.

— Я скажу, я все скажу! — закричала она. — Диллар уехал в Эфред!

Лайан ослабил свои усилия.

— Эфред. Так. Значит, он в стране Падающей Стены. — Он поджал губы. — Возможно, это правда. Но я не верю. Ты должна сказать это еще раз под действием извлекателя правды. — Он взял из костра пылающее полено, прижал к лодыжкам женщины — и снова занялся мужчиной. Женщина молчала.

— Говори, женщина! — тяжело дыша, рявкнул Лайан. — Я весь вспотел от работы. — Она молчала. Глаза ее, широко раскрытые, стеклянно смотрели в небо.

— Она умерла! — закричал муж. — Умерла! Моя жена умерла! Лайан, ты дьявол, ты сама подлость! Проклинаю тебя! Тиалом! Крааном! — голос его дрожал в истерике.

Т'саис была обеспокоена. Женщина умерла. Разве убийство не злое дело? Так сказал Панделум. Если женщина хорошая, как говорит этот бородатый человек, значит, Лайан — зло. Конечно, все существа из плоти изначально грязны. Но все же отнимать жизнь у живого — большое зло.

Не зная страха, она вышла из укрытия и подошла к костру. Лайан поднял голову и вскочил. Но увидел всего лишь незнакомую девушку поразительной красоты. Он принялся весело напевать и приплясывать.

— Добро пожаловать! Добро пожаловать! — Он с отвращением взглянул на лежащие на земле тела. — Как неприятно обращать на них внимания. — Он одернул плащ, нежно поглядывая на Т'саис блестящими карими глазами, и с напыщенным видом, как петух, направился к ней.

— Ты прекрасна, моя дорогая... а я... я настоящий мужчина — ты увидишь.

Т'саис положила руку на рукоять меча, и тот сам по себе выскочил из ножен. Лайан отшатнулся, встревоженный видом лезвия и блеском глаз девушки.

— Что это значит? Ну, ну, — раздраженно сказал он. — Убери свою сталь. Она слишком остра. Я добрый человек, но не выношу угроз.

Т'саис стояла над распростертыми телами. Мужчина лихорадочно ощупывал ее взглядом. Женщина продолжала мертво смотреть в темное небо.

Лайан прыгнул вперед, пытаясь схватить девушку, пока та отвлеклась. Меч сам собой метнулся вперед, пронзив в полете проворное тело.

Лайан-Странник опустился на колени, кашляя кровью. Т'саис вытащила меч, вытерла о его зеленый плащ и с трудом убрала в ножны. Мечу хотелось бить, пронзать, убивать.

Лайан лежал без сознания. Т'саис, испытывая тошноту, отвернулась. Послышался слабый голос:

— Развяжи меня...

Т'саис подумала, потом разрезала путы. Мужчина захромал к своей жене, погладил ее, развязал веревки, позвал ее. Ответа не было. Он в безумии выпрямился и завыл в ночь. Подняв обвисшее тело на руки, он побежал в темноту, хромая, падая, выкрикивая проклятия.

Т'саис вздрогнула, перевела взгляд с лежавшего Лайана на темный лес. Медленно, много раз оглядываясь, она покинула руины. Истекающее кровью тело Лайана осталось возле угасающего костра.

Блеск костра покас, затерялся в темноте. Т'саис ощупью пробиралась между деревьями. В Эмбелионе никогда не бывает ночи, только светящиеся сумерки. Т'саис продолжала

идти по лесу, подавленная, угнетенная и не подозревающая о существах, которых может встретить, — о деодандах, пелегрейнах, рыщущих эрбах и демонах, о гидрах, которые выпрыгивают из почвы и впиваются в жертву.

Т'саис, невредимая, продолжала идти и вскоре вышла на опушку леса. Местность поднималась, деревья становились тоньше, и Т'саис, наконец, оказалась на безграничном темном пространстве. Это была пустошь Модавна Мур — древний тракт, на котором отпечатались следы множества ног и пролитой крови. Во время знаменитой бойни Голикан-Завоеватель согнал сюда население двух больших городов: Г'Васана и Баутику, сжал людей в круг в три мили шириной и постепенно со всех сторон теснил все больше, все больше, своей дьявольской кавалерией испугал людей, заставил их со всех сторон стремиться к центру, пока не получилось огромное колеблющееся возвышение в полтысячи футов вышиной, пирамида кричащей плоти. Говорят, Голикан десять минут наслаждался зрелищем этого памятника, потом повернулся и направился в Лайденур, землю, из которой явился.

Призраки древнего населения давно растворились и побледнели, и Модавна Мур казался менее зловещим, чем лес. Как уродливые кляксы, повсюду были разбросаны кусты. Линия скалистых утесов резко вырисовывалась на горизонте на фоне вечерней зари. Т'саис шла вперед, радуясь открытому небу над головой. Через несколько минут она набрела на древнюю дорогу из каменных плит, растрескавшихся и разбитых, ограниченную канавой, в которой росли светящиеся цветы в форме звезд. С болот подул ветер и освежил ее разгоряченное лицо. Она осторожно двигалась по дороге. Никакого убежища не было видно, а ветер становился все холоднее.

Топот бегущих ног, несколько неясных фигур — и Т'саис забилась в чьих-то крепких руках. Она пыталась выхватить меч, но руки ее были зажаты.

Кто-то высек огонь, зажег факел, чтобы осмотреть добычу. Т'саис увидела трех бородатых, покрытых шрамами разбойников с болот. На них были серые одежды, все в болотной грязи.

— Да ведь это девушка! — насмешливо воскликнул один из них.

— Сейчас поищу у нее серебро, — сказал другой, и его руки бесстыдно зашарили по телу Т'саис. Он нащупал мешочек с драгоценностями и поднес их на ладони к огню. — Смотрите! Королевское богатство!

— Или колдовское! — возразил третий. В неожиданном страхе разбойники ослабили хватку. Но девушка по-прежнему не могла дотянуться до меча.

— Кто ты, женщина в ночи? — спросил один из них с неко-

торым уважением. — Ты ведьма? Не зря ведь у тебя такие драгоценности, и ты одна ночью идешь по Модавна Муру.

У Т'саис не было хитрости, ни опыта, чтобы красиво солгать.

— Я не ведьма! Отпустите меня, вонючие животные!

— Не ведьма? Тогда что же ты за женщина? Откуда ты?

— Я — Т'саис из Эмбелиона! — гневно воскликнула она. — Меня создал Панделум, и я ищу на Земле любви и красоты. Уберите руки, мне нужно идти дальше!

Первый бродяга захохотал:

— Хо! Хо! Ищешь любви и красоты? Ну, кое-что ты уже нашла, девушка, — конечно, мы не красавцы: Такман покрыт коростой, у Лазарда не хватает зубов и ушей, но у нас скопилось много неистраченной любви, верно, парни? Мы дадим тебе столько любви, сколько захочешь! Эй, парни!

И они потащили кричащую Т'саис по болоту к каменной хижине.

Когда вошли, один разжег огонь, остальные двое тем временем отобрали у Т'саис меч и швырнули его в угол. Большим железным ключом заперли дверь и освободили Т'саис. Она прыгнула к своему оружию, но грубый толчок отправил ее на грязный пол.

— Успокойся, кошка! — выдохнул Такман. — Ты будешь довольна. — И они возобновили свои насмешки: — Конечно, мы не красавцы, но дадим тебе столько любви, сколько захочешь.

Т'саис скорчилась в углу.

— Я не знаю, что такое любовь, — сказала она. — Но я не хочу вашей!

— Как можно? — насмехались они. — Неужели ты девственница?.. — Т'саис с горящими глазами слушала, как они расписывают свое грязное представление о любви.

Т'саис выскочила из своего угла в ярости, пинаясь, кусаясь, колотя кулаками болотных людей. Когда ее, в синяках и царапинах, снова швырнули в угол, мужчины вытащили большую фляжку с медом, чтобы подкрепиться перед удовольствием.

Потом они бросили жребий, кому первому доставить удовольствие девушке. Жребий был брошен, и началась ссора: проигравшие утверждали, что выигравший мошенничал. Раздались гневные выкрики, и под взглядами Т'саис, находившейся в таком ужасе, какого не выдержать обыкновенному мозгу, бродяги начали драться, как лоси в период гона. Т'саис поползла к своему мечу, и как только дотронулась до него, тот прыгнул в воздух, как птица, и бросился в бой, таща за собой Т'саис. Трое хрипло закричали, сверкнула сталь — вперед, назад, быстрее глаза. Крики, стоны — и на земляном полу уже лежали три трупа с разинутыми ртами. Т'саис отыскала ключ, открыла дверь и без памяти побежала в ночь.

Она бежала по темному болоту, не замечая дороги, упала

в канаву, выползла на холодную грязную обочину и опустилась на колени... И это Земля! Она вспомнила Эмбелион, где самыми злыми созданиями были цветы и бабочки. Какую они вызывали в ней ненависть!

Эмбелион утрачен, отвергнут. И Т'саис заплакала.

Ее насторожило шуршание в вереске. Испуганная, она подняла голову, прислушалась. Что за новая напасть? Снова зловещие звуки, осторожные шаги. Она в ужасе всматривалась в тьму.

Из темноты появилась темная фигура, осторожно крадущаяся вдоль канавы. При свете светляков она увидела, что это деоданд, вышедший из леса, безволосое человекоподобное существо с угольно-черной кожей и прекрасным лицом, которое портили два клыка, длинных и острых, торчащих над нижней губой. Деоданд был одет в кожаные доспехи, и его раскосые глаза голодно устремились на Т'саис. С возбужденным криком он прыгнул на девушку.

Т'саис вырвалась, упала; вскочила на ноги. С криком побежала она по болоту, не обращая внимания на царапины и ушибы. Деоданд с дикими воплями бежал следом.

Они бежали по болоту, по лугу, по лесистым холмам, по кустаринкам и через ручьи. Девушка бежала, широко раскрыв глаза и почти ничего не видя вокруг, преследователь продолжал испускать жалобные стоны.

Впереди показался свет в чьем-то окне. Т'саис с рыданиями взбежала на крыльца. Дверь милосердно подалась. Т'саис упала внутрь, захлопнув дверь и задвинув засов. Деоданд всем своим весом ударился в дверь.

Дверь оказалась крепкой, окна — маленькими и забранными решетками. Она в безопасности. Т'саис опустилась на колени — дыхание разрывало ей горло — и немедленно потеряла сознание.

Хозяин дома встал из своего глубокого кресла у огня, высокий широкоплечий мужчина, движущийся с необычной медлительностью. Возможно, он был молод, но судить об этом было затруднительно, так как его лицо и голову закрывал черный капюшон. В разрезах капюшона виднелись спокойные голубые глаза.

Человек постоял над Т'саис, которая, как кукла, лежала на красном кирпичном полу. Наклонился, поднял ее и перенес на широкую удобную скамью у огня. Снял с нее сандалии, возбужденно дрожащий меч, грязный плащ. Принес мазь и смазал царапины и кровоподтеки на ее теле. Потом завернул ее в мягкое фланелевое одеяло, подсунул под голову подушку и, убедившись, что ей удобно лежать, снова сел у огня.

Все это сквозь забранные решетки окна видел деоданд. Он постучал в дверь.

— Кто там? — спросил человек в черном капюшоне, поворачиваясь.

— Мне нужна та, что вошла. Я жажду ее плоти, — произнес деоданд мягким голосом.

Человек в капюшоне резко ответил:

— Уходи, или я сожгу тебя заклинанием. Уходи и никогда не возвращайся!

— Ухожу, — ответил деоданд, который очень боялся магии, и растворился в ночи.

А человек отвернулся от окна и стал смотреть на огонь.

Т'саис почувствовала во рту теплую ароматную жидкость и открыла глаза. Рядом с ней на коленях стоял высокий человек в черном капюшоне. Одной рукой он поддерживал ее за плечи и голову, другой — подносил серебряную ложку ко рту.

Т'саис отпрянула.

— Тише, — сказал человек. — Тебе нечего бояться.

Медленно, недоверчиво она расслабилась и лежала неподвижно.

В окна струились солнечные лучи, в доме было тепло. Стены покрыты панелями из золотистого дерева, вдоль потолка деревянная резьба, раскрашенная красным, синим и коричневым. Человек принес еще похлебки, достал из ящика хлеб и поставил перед ней. После недолгого колебания Т'саис поела.

Неожиданно на нее нахлынули воспоминания; она задрожала и испуганно оглянулась. Человек заметил ее напряженное лицо. Он наклонился и положил руку ей на голову. Т'саис лежала спокойно, как загипнотизированная.

— Ты здесь в безопасности, — сказал человек. — Ничего не бойся.

Сонливость навалилась на Т'саис. Веки ее отяжелели. Она уснула.

Когда она проснулась, дом был пуст. Темно-бордовые солнечные лучи лились из окон. Девушка потянулась и, заложив руки за голову, лежала, размышляя. Человек в черном капюшоне, кто он? Злой ли он? Все остальное на Земле недоступно ее разуму. Но незнакомец не сделал ей ничего плохого... Она увидела на полу свою одежду. Встала со скамьи и оделась. Подошла к двери и отворила ее. Перед ней к далекому горизонту тянулась болотистая равнина. Слева выдавался скалистый утес красного камня, покрытый темными тенями. Справа чернел край леса.

Прекрасно ли это? Т'саис задумалась. Ее пораженный мозг видел только унылость в линии болот, в резких изломах утеса и монолитности леса — ужас.

И это красота? В недоумении она повернула голову, сощурилась. Услышала шаги, вздрогнула, напряглась с широко

открытыми глазами, ожидая чего угодно. Но это был человек в черном капюшоне, и Т'саис прислонилась к дверной раме.

Он остановился около нее.

— Есть хочешь?

Она на мгновение задумалась.

— Да.

— Сейчас поедим.

Он вошел в дом, разжег огонь и поджарил мясо. Т'саис неуверенно стояла поблизости. До сих пор она всегда сама готовила себе пищу.

Вскоре вкусно запахло пищей, и они сели за стол есть.

— Расскажи мне о себе, — немного погодя сказал незнакомец. И Т'саис, которая так и не научилась не быть простодушной, поведала ему свою историю в следующих словах.

— Я Т'саис. Я пришла на Землю из Эмбелиона, где меня создал волшебник Панделум.

— Эмбелион? А где это? И кто такой Панделум?

— Где Эмбелион? — удивленно повторила она. — Не знаю. Это место, которое не на Земле. Не очень большое, и свет с неба многоцветный. В Эмбелионе живет Панделум. Он величайший из живущих волшебников — так он сам мне говорил.

— Ага, — сказал человек. — Возможно, я понимаю...

— Панделум создал меня, — продолжала Т'саис, — но при сотворении была допущена ошибка. — Т'саис посмотрела в огонь. — Я вижу мир только как место отчаяния и ужаса, все звуки кажутся мне резкими, все живые существа — в разной степени отвратительными и внутренне грязными. В начале своей жизни я думала только о том, чтобы уничтожать, разрушать, топтать. Я не знала ничего, кроме ненависти. Потом я встретила сестру-близнеца, которая во всем подобна мне, но лишена моего порока. Она рассказала мне о любви, о красоте и счастье.

Серьезные голубые глаза незнакомца изучали ее.

— И ты нашла то, что искала?

— Пока, — рассеянно ответила Т'саис, — я встретила только такое зло, которое не встречала даже в кошмарах. — Неторопливо она рассказала ему о своих приключениях.

— Бедняжка, — сказал он, продолжая рассматривать ее.

— Я думаю, мне нужно убить себя, — продолжала Т'саис все тем же рассеянным тоном, — то, что я ищу, навсегда потеряно. — И человек, наблюдая, увидел, как солнечные лучи превратили ее кожу в медь, заметил ее распущенные черные волосы, большие задумчивые глаза.

— Нет! — резко сказал он. Т'саис удивленно посмотрела на него. — Ведь жизнь принадлежит только живущему, и он может сам распоряжаться ею. — Неужели ты ничего не нашла на Земле, — спросил он, — что тебе тяжело было бы оставить?

Т'саис сморщила лоб.

— Не могу ничего припомнить — кроме этого мирного дома.

Человек рассмеялся.

— Пусть он будет твоим, пока ты этого хочешь, а я постараюсь показать тебе, что в мире есть и хорошее, хотя, по прааде говоря, — голос его изменился, — сам я в этом не уверен.

— Скажи мне, как тебя зовут? И почему ты носишь этот капюшон?

— Как меня зовут? Этарр, — слегка охрипшим голосом ответил он. — Достаточно этого имени. А маску я ношу из-за самой злобной женщины Асколайса — да что Асколайса — Олмери, Каучика — всего мира. Она сделала мое лицо таким, что я сам не переношу его вида.

Он успокоился и сухо усмехнулся.

— Сердиться нет смысла.

— Она жива, это женщина?

— Да, жива и, несомненно, все еще приносит зло каждому встречному. — Он сидел, глядя в огонь. — Когда-то я об этом ничего не знал. Она была молода, прекрасна, украшена тысячью ароматов и шаловливой игривостью. Я жил на берегу океана — в белой вилле среди тополей. Над заливом Тенеброза выступает в океан мыс Печальных Воспоминаний, и когда солнце окрашивает небо в красный цвет, а горы в черный, мыс, кажется, спит на воде, как древний земной бог... Всю свою жизнь я провел здесь и был довольным в эти дни, когда Земля описывает последние витки вокруг умирающего Солнца.

Однажды утром я оторвался от своих звездных карт и увидел идущую через портал Джаванну. Она была прекрасна и стройна, как ты. Волосы — удивительного рыжего цвета, и пряди их падали ей на плечи. Она была прекрасна и — в своем белом платье — чиста и невинна.

Я полюбил ее, и она говорила, что любит меня. И дала мне полоску черного металла, чтобы я носил ее. В своей слепоте я надел полоску на запястье, не зная, что на мне злая руна. Прошли недели величайшей радости. Но вскоре я узнал темные побуждения Джаванны, которые не могла подавить никакая любовь. Однажды ночью я застал ее в объятиях обнаженного черного демона, и это зрелище чуть не свело меня с ума.

Я стоял в дверях ошеломленный. Она меня на заметила, и я медленно ушел. Утром она прибежала на террасу, смеющаяся и счастливая, как ребенок. «Уходи, — сказал я ей. — Ты безгранично зла». Она произнесла заклинание, и руна на моей руке поработила меня. Мозг оставался моим, но тело с той минуты принадлежало только ей и должно было ей повиноваться.

Она заставила меня рассказывать все, что я видел, насме-

халась и наслаждалась. Она подвергла меня унижениям, созвала сотни мерзких существ из Калу, из Фаувуна, из Джелдреда, чтобы издеваться надо мной и осквернять мое тело. Заставила меня смотреть, как сама она играет с этими существами, а когда я указал на самое отвратительное существо, она при помощи магии дала мне его лицо, и это лицо стало моим.

— Может ли такая женщина существовать? — удивилась Т'саис.

— Сам удивляюсь. — Серьезные голубые глаза внимательно изучали ее. — ...Наконец, однажды ночью, когда демоны таскали меня по утесам за холмами, острый край камня случайно разрезал полоску с руной на моей руке. Я освободился, произнес заклинание, которое отправило этих существ далеко в небо, вернулся на виллу и встретил рыжеволосую Джаванну в большом зале, и глаза у нее были холодными и невинными. Я извлек нож, чтобы ударить ее в горло, но она сказала: «Подожди! Если ты убьешь меня, ты вечно будешь носить демонское обличье, потому что только я знаю, как его с тебя снять». И она беспечно убежала из виллы, а я, неспособный переносить вид этого места, ушел жить на болота. Теперь я всюду ищу ее, чтобы вернуть себе свое лицо.

— А где она сейчас? — спросила Т'саис, чьи беды казались ей ничтожными рядом с несчастьем Этарра.

— Я знаю, где она будет завтра ночью — ночью Черного Шабаша. С детства Земли ночь посвящена злым силам.

— И ты отправишься на шабаш?

— Не как участник — хотя, по правде говоря, — печально сказал Этарр, — без капюшона я сошел бы за одно из страшилищ, и на меня там никто не обратил бы внимания.

Т'саис задрожала и прижалась к стене. Этарр увидел этот жест и вздохнул.

Т'саис пришла в голову другая мысль.

— После всего, что ты испытал, ты все еще можешь находить в этом мире прекрасное?

— Конечно, — ответил Этарр. — Посмотри, как широко и привольно расстилаются эти болота, как прекрасен их цвет. Посмотри, как великолепно возвышаются утесы — хребет нашего мира. А ты, — он посмотрел ей в лицо, — ты прекраснее всего в этом мире.

— Прекраснее Джаванны? — спросила Т'саис и удивленно посмотрела на засмеявшегося Этарра.

— Прекраснее Джаванны, — заверил он ее.

А Т'саис продолжала размышлять.

— Ты хочешь отомстить Джаванне?

— Нет, — ответил Этарр, глядя на болота. — Что такое месть? Меня она не интересует. Скоро, когда солнце погаснет,

люди увидят вечную ночь и умрут, а Земля понесет свои руины, свои горы, стершиеся до корней, в бесконечную тьму. К чему месть?

Скоро они вышли из дома и пошли по болотам. Этарр старался показать ей красоту — медленную реку Скаум, текущую среди зеленых тростников, облака, греющиеся на тусклом солнце над утесами, птицу, парящую на широких крыльях, широкие туманные просторы Модавна Мура. Т'саис напрягалась, стараясь увидеть в этом красоту, и ей, как всегда, это не удавалось. Но она научилась сдерживать дикий гнев, который вызывал в ней окружающий мир, ее желание убивать уменьшилось, а лицо стало менее напряженным.

Так бродили они, погруженные каждый в свои мысли, наблюдали печальное великолепие заката и видели, как на небе расцветают безмолвные белые звезды.

— Разве звезды не прекрасны? — шептал Этарр из-под своего черного капюшона.

А Т'саис, находившая в солнечном закате только тоску и видевшая в звездах лишь бессмысленный узор маленьких искорок, ничего не могла ему ответить.

— Двух более несчастных людей нет на свете, — вздыхала она.

Этарр ничего не отвечал. Они шли молча. Неожиданно он схватил ее за руку и потянул в заросли утесника. Три большие тени, хлопая крыльями, пронеслись по небу.

— Пелгрейны!

Твари пролетели над самой головой — химеры с крыльями, скрипящими, как ржавые оконные петли. Т'саис мельком увидела жесткое кожистое тело, большой клюв в форме топора, жестокие глаза на сморщенной морде. Она прижалась к Этарру. Пелгрейны скрылись в лесу.

Этарр хрипло рассмеялся.

— Тебя испугал вид пелгрейнов. Но моя внешность заставила бы самих пелгрейнов бежать.

На следующее утро он опять повел ее в лес, и она нашла деревья, напомнившие ей Эмбелион. Они рано вернулись домой, и Этарр занялся своими книгами.

— Я не волшебник, — с сожалением сказал он ей. — Я знаю лишь несколько простейших заклинаний. Но иногда я использую магию, и она поможет мне спастись от опасности сегодня ночью.

— Сегодня ночью? — рассеянно переспросила Т'саис.

— Сегодня ночь Черного Шабаша, и я должен отыскать Джаванну.

— Я пойду с тобой, — сказала Т'саис. — Хочу увидеть Черный Шабаш и Джаванну.

Этарр уверял, что вид и звуки шабаша ужаснут ее и при-

ведут в смятение ее мозг. Но Т'саис настаивала, и в конце концов Этарр согласился взять ее с собой, когда через два часа после захода солнца он направился в сторону утесов.

Через заросли вереска, через скальные выступы отыскивал Этарр путь во тьме, и стройная тень Т'саис следовала за ним. Крутой откос лежал у них на пути. Через черную щель они вышли на длинную каменную лестницу, вырубленную в скалах в незапамятные времена; по этой лестнице они поднялись на верх утеса, и Модавна Мур осталась лежать внизу черным океаном.

Этарр жестом призвал Т'саис к тишине. Они бесшумно прокрались между двумя скалами, рассматривая собравшихся внизу.

Они стояли над амфитеатром, освещенным двумя большими кострами. В центре возвышался каменный помост. У костров вокруг помоста раскачивались два десятка фигур, одетых в серые монашеские рясы. Лица их скрывали капюшоны.

Т'саис стало холодно. Она взглянула на Этарра.

— Даже в этом есть красота, — прошептал он. — Дикая и причудливая, но способная околдовать мозг. — Т'саис со смутным пониманием снова посмотрела вниз.

Все больше и больше одетых в рясы фигур раскачивалось у костров; Т'саис не видела, откуда они появляются. Очевидно, праздник только что начался, и участники его располагались, готовясь к таинству. Они скакали, перемешивались, сплетались и расплетались. Вскоре послышалось приглушенное пение.

Раскачивание и жестикуляция становились все более яростными, фигуры в рясах все теснее толпились у помоста. И вдруг одна из них выпрыгнула на помост и скинула рясу — ведьма средних лет с приземистым нагим телом и широким лицом. Глаза ее сверкали в экстазе, крупные черты лица непрерыно двигались в идиотском возбуждении. Рот открыт, язык свешивается, жесткие черные волосы, подобные кусту утесника, ниспадают по обе стороны головы, когда она трясет ею. В свете костров ведьма танцует сладострастный похотливый танец, лукаво поглядывая на собравшихся. Пение прыгающих взметнулось диким хором, над головами появились темные фигуры и заскользили вниз со злобной уверенностью.

Все в толпе начали сбрасывать рясы, и обнажилось множество мужчин и женщин, старых и молодых: огненно-рыжие ведьмы с Кобальтовых гор, лесные колдуны Асколайса, седобородые волшебники из Заброшенных земель, сопровождаемые маленькими дьяволицами-суккубами. Одетый в великолепные шелка принц Датул Омает из Кансапара — Города Павших Колонн с берега Мелантинского залива. Чешуйчатое существо с глазами на стебельках — человекоящер из пустынь Южного Олмери. А

эти никогда не расстающиеся девушки — сапониды, почти исчезнувшая раса из тундр севера. Стройные темноглазые некрофаги из земли Падающей Стены. Ведьма с мечтательным взором и голубыми волосами — она живет на мысе Печальных Воспоминаний и ночами ждет на берегу тех, кто выходит из моря.

Обнаженная ведьма с отвисшими грудями танцевала, а собравшиеся, все более возбуждаясь, вздымали руки, изгибались, жестами изображая все зло и все извращения, какие только могли себе вобразить.

Бесновались все, кроме одной спокойной фигуры, по-прежнему одетой в рясу и с удивительной грацией медленно двигавшейся через вакханалию. Вот она вышла на помост, ряса соскользнула с нее, и Т'саис увидела Джаванну в полупрозрачном облегающем платье, собранном в талии, свежую и целомудренную, как соленые морские брызги. Сверкающие рыжие волосы водопадом спускались на плечи, их завитки парили над грудями. Большие серые глаза ведьмы были скромны, земляничный рот полураскрыт. Она молча смотрела на толпу. Все кричали, теснились друг к другу, и Джаванна с обдуманной дразнящей неторопливостью начала двигаться.

Джаванна танцевала. Она поднимала и опускала руки, извивалась всем телом... Джаванна танцевала, и лицо ее светилось безрассудной страстью. Сверху опустилась туманная тень, прекрасное и зловещее создание соединилось с Джаванной в фантастическом объятии. Толпа кричала, прыгала, каталась, сплеталась и расплеталась.

Со скалы смотрела Т'саис, мозг ее напряженно работал. Но — странный парадокс — зрелище и звуки очаровали ее, проникли в глубину души, сквозь порок ее мозга, разбудив темные струны, спящие в каждом человеке. Этарр смотрел на нее, его глаза горели голубым огнем, а она смотрела на него, раздираемая противоречивыми чувствами. Он моргнул и отвернулся; Т'саис снова засмотрелась на оргию внизу — наркотический сон, дикое торжество плоти при свете костров. Шабаш окружала пространственная дымка, аура, свитая из многочисленных пороков. Демоны слетали вниз, как птицы, и присоединялись к общему безумию. Т'саис видела их отвратительные лица, и ее мозг пылал, пока она не почувствовала, что вот-вот закричит и умрет, — злобные глаза, разбухшие щеки, дергающиеся тела, черные лица с крючковатыми носами, дерганье, прыганье, ползание порождений демонских земель. У одного нос — трижды сложенный белый червь, рот — разлагающаяся язва, муравьиные челюсти и черный уродливый лоб; в целом существо вызывало тошноту и ужас. Этарр указал не него Т'саис.

— Вот это, — сказал он приглушенным голосом, — двойник того лица, что под моим капюшоном.

И Т'саис, глядя на черный покров Этарра, отшатнулась.

Он горько рассмеялся... Через мгновение Т'саис коснулась его руки.

— Этарр...

Он повернулся к ней.

— Да.

— Мой мозг болен. Я ненавижу все вокруг, не могу контролировать свои страхи. Но все, кроме мозга, — кровь, тело, душа — это все во мне любит тебя, даже такого, каков ты под маской.

Этарр смотрел на нее с неистовым напряжением.

— Как можешь ты любить то, что ненавидишь?

— Я ненавижу тебя той же ненавистью, что и весь мир. Я люблю тебя, и эти чувства не вызывают во мне противоречия.

Этарр отвернулся.

— Мы странная пара.

Суматоха, стонущее соитие плоти и псевдоплоти затихли. На помосте появился рослый человек в высокой конической черной шапке. Он, запрокинув голову, начал выкрикивать в небо заклятия, чертя руками в воздухе руны. И высоко над ним начала формироваться гигантская призрачная фигура, громадная, выше самых больших деревьев, выше неба. Постепенно она становилась все отчетливее, зеленые волны тумана сходились и расходились, и вскоре ее очертания стали ясно видны — колеблющаяся фигура женщины, прекрасной, строгой и величественной. Фигура стала устойчивее, засветилась неземным зеленоватым свечением. У нее были золотистые волосы, убранные в старинную прическу, одежда тоже была из глубокой древности.

Волшебник, вызывавший ее, возбужденно завопил, стал выкрикивать ядовитые насмешки, разносившиеся над утесами.

— Она жива! — прошептала Т'саис. — Она движется. Кто это?

— Этодея, богиня милосердия, из того времени, когда солнце было еще желтым.

Волшебник вскинул руки, и огненная пурпурная стрела пронеслась по небу и ударила в туманную зеленоватую фигуру. Спокойное лицо исказилось от боли. Наблюдающие за представлением демоны, ведьмы и некрофаги радостно завопили. Колдун на помосте снова поднял руки, и пурпурные огненные стрелы обрушились на плененную богиню. Ужасно было слышать вопли и крики у костров.

И тут послышался прозрачный ясный звук охотничьего рога, прорезавший бешеную сумятицу. Веселье мгновенно стихло.

Звук, музыкальный, четкий, прозвучал вновь. Он был совершенно чужд происходящему. М вот на утесы, как при-

бой, налетела группа людей, одетых в зеленое и движущихся с фантастической решимостью.

— Валдаран! — закричал волшебник на помосте, а зеленая фигура Этодеи заколебалась и исчезла.

Паника охватила амфитеатр. Послышались хриплые крики, тела смешивались, демоны облаком неясных теней вздымались вверх. Несколько колдунов, сохранивших самообладание, бросали в наступавших горсти пламени, заклятия уничтожения и неподвижности, но тех окружала мощная противомагия, и нападавшие невредимыми ворвались в амфитеатр. Их мечи вздымались и падали, рубили, кололи, резали без удержу и милосердия.

— Зеленый легион Валдарана Справедливого, — прошептал Этарр. — Посмотри, вот он сам. — И он указал на черную фигуру на вершине одного из утесов, с жестоким удовлетворением следящую за происходящим.

Демоны не спаслись. Когда они начали подниматься в ночное небо, на них из темноты набросились большие птицы, выпущенные людьми в зеленом. Птицы несли трубы, из которых извергалось ослепительное пламя, и демоны, которых оно касалось, издавая ужасные крики, падали на землю и взрывались облаками черной пыли.

Несколько колдунов спаслись среди утесов, они спрятались в тени. Т'саис и Этарр слышали под собой их тяжелое дыхание. Наверх отчаянно карабкалась та, кого искал Этарр, — Джаванна. Ее рыжие волосы вились по ветру. Этарр прыгнул, схватил ее и сжал сильными руками.

— Пошли, — бросил он Т'саис и, таща извивающуюся Джаванну, заторопился сквозь мрак.

Наконец, они оказались внизу на болотах. Шум битвы стих в отдалении. Этарр поставил женщину на ноги и отнял ладонь от ее рта. Ведьма впервые увидела того, кто ее поймал. Лицо ее стало спокойнее, на нем появилась легкая улыбка. Джаванна пригладила свои длинные рыжие волосы, разбросав локоны по плечам и все время разглядывая Этарра. Подошла Т'саис. Джаванна бросила на нее оценивающий взгляд и рассмеялась.

— Итак, Этарр, ты не сохранил мне верность: у тебя новая любовница.

— Тебе нет дела до нее, — ответил Этарр.

— Отошли девку, — сказала Джаванна, — и я снова полюблю тебя. Помнишь, как мы впервые поцеловались под тополями, на террасе твоей виллы?

Этарр коротко, резко рассмеялся.

— Мне нужно от тебя только одно — мое лицо.

А Джаванна насмехалась:

— Твое лицо? А чем тебе не нравится то, которое есть?

Оно тебе больше подходит; в любом случае твое прежнее лицо погибло.

— Погибло? Как это?

— Тот, у которого оно было, сгорел сегодня в огне Зеленого легиона.

Этарр оглянулся на утесы.

— Так что теперь твоя внешность превратилась в пыль, в черный пепел, — продолжала Джаванна.

Этарр в слепом гневе ударил ее по прекрасному бесстыдному лицу. Джаванна быстро шагнула назад.

— Осторожнее, Этарр, или я использую против тебя магию, и твое тело станет тогда соответствовать лицу.

Этарр взял себя в руки и отступил, глаза его горели.

— У меня тоже есть магия, но даже без ее помощи, одним кулаком, я заставлю тебя замолчать при первых же звуках твоего заклятия.

— Посмотрим, — воскликнула Джаванна, отбегая. — Мое заклятие удивительно короткое. — Этарр прыгнул, а она произнесла заклятие. И Этарр на середине прыжка остановился, руки его безжизненно повисли, он стал безвольным существом, всю его волю отобрала магия.

Но Джаванна стояла точно в такой же позе, ее серые глаза тупо смотрели вперед. Только Т'саис оставалась свободной — потому что на ней была руна Панделума, которая обращала магию против того, кто применил ее.

Удивленная девушка стояла в темной ночи, а рядом с ней стояли, как во сне, две фигуры. Т'саис подбежала к Этарру, потянула за руку. Тот тупо смотрел на нее.

— Этарр! Что с тобой? — И Этарр, воля которого была парализована и который должен был отвечать на вопросы и исполнять приказания, ответил ей:

— Ведьма произнесла заклятие, лишившее меня воли. Без приказа я не могу ни двигаться, ни говорить.

— Что же мне делать? Как спасти тебя? — спросила встревоженная девушка. И хотя Этарр лишился воли, мыслить он не разучился. Но он мог дать ей только информацию, ничего больше.

— Ты должна приказать мне действовать так, чтобы победить ведьму.

— Но как я узнаю, что делать?

— Спрашивай меня, и я отвечу.

— Но разве не лучше приказать тебе действовать так, будто ты свободен?

— Да.

— Тогда так и поступай: действуй, как стал бы действовать в таких обстоятельствах Этарр.

Так во тьме ночи было уничтожено заклятие Джаванны. Этарр пришел в себя и действовал, как нормальный человек. Он приблизился к неподвижной Джаванне.

— Ты боишься меня, ведьма?

— Да, — ответила Джаванна, — теперь я боюсь тебя.

— Правда ли, что лицо, которое ты украла у меня, превратилось в пепел?

— Твое лицо стало пеплом вместе со взорвавшимся демоном.

Голубые глаза спокойно смотрели на нее сквозь прорези в капюшоне.

— Как мне вернуть его?

— Нужна сильная магия, нужно проникнуть далеко в прошлое; твое лицо теперь в далеком прошлом. Нужна магия сильнее моей, сильнее той, которой обладают вобшебники и демоны нынешней Земли. Я знаю только двоих, которые на это способны. Первого зовут Панделум, он живет в многоцветном мире...

— Эмбелион, — прошептала Т'саис.

— ...но заклинание, переносящее в этот мир, забыто. Однако есть и другой, не волшебник. Он не знает магии. Чтобы вернуть себе лицо, ты должен отыскать одного из них, — Джаванна замолкла, ответив на вопрос Этарра.

— А кто этот второй? — спросил Этарр.

— Я не знаю, как его зовут. Далеко в прошлом, за пределами нашей памяти, так гласит легенда, раса справедливых людей жила к востоку от Мауренронских гор, за землей Падающей Стены, у берегов большого моря. Они построили город со шпилями и низкими стеклянными куполами и жили там в спокойствии. У них не было бога, и вскоре они ощутили необходимость хоть в ком-нибудь, кому можно было бы поклоняться. Она построили роскошный храм из золота, стекла и гранита, обширный, как река Скаум, там, где она течет по долине Резных Надгробий, и такой же длинный, и выше деревьев севера. И весь народ этих честных людей собрался в храме и стал молиться, и воля этих людей, как гласит легенда, создала бога. У него были их качества — это был бог совершенной справедливости.

Прошли века. Город исчез, его шпили и башни превратились в груды обломков, народ рассеялся. Но бог остался, навсегда привязанный к месту, где ему поклонялись. Сила этого бога превосходит любую магию. Каждому, кто обращается к нему, бог дарует справедливость. И — пусть боится зло — бог не проявляет ни капли милосердия. Поэтому мало кто решается предстать перед этим богом.

— Мы отправимся к этому богу, — с мрачным удовлетворением сказал Этарр. — Отправимся втроем, и втроем будем просить у него справедливости.

Они вернулись по болотам в дом Этарра, и тот поискал в

книгах заклинания, чтобы перенестись в древний город. Тщетно: в его распоряжении такой магии не оказалось. Он обратился к Джаванне:

— Ты знаешь магию, которая перенесет нас к этому древнему богу?

— Да.

— Что это за магия?

— Я призову крылатых существ с Железных гор, и они отнесут нас.

Этарр пристально взглянул в лицо Джаванны.

— А какую награду они требуют?

— Они убивают тех, кого переносят.

— Ага, ведьма, — воскликнул Этарр, — даже лишенная воли, вынужденная правдиво отвечать на вопросы, ты пытаешься повредить нам. — Он возвышался над прекрасным рыжеволосым злом. — Как нам невредимыми добраться до этого бога?

— Нужно заклясть этих крылатых существ.

— Вызывай их, — приказал Этарр, — и наложи на них заклятье, свяжи их всей властью, которую дает тебе магия.

Джаванна призвала тварей; те опустились, хлопая большими кожистыми крыльями. Ведьма наложила на них заклятье безопасности, и они завыли и затопали в разочаровании.

Все трое сели верхом, и чудища быстро понесли их по небу, в котором уже чувствовалось дыхание утра.

На восток, все время на восток. Наступил рассвет, медленно взошло тусклое красное солнце. Внизу проплыл темный Мауренронский хребет: позади осталась туманная земля Падающей Стены. К югу раскинулись пустыни Олмери и дно древнего моря, заросшее джунглями; к северу — дикие леса.

Они летели весь день — над пустынными пространствами, над сухими утесами, миновали еще один большой горный хребет и к заходу солнца медленно опустились в местности, похожей на парк.

Перед ними сверкало море. Крылатые существа опустились на широком песчаном пляже, и Джаванна связала их заклятием неподвижности до их возвращения.

Ни на берегу, ни в парке не видно было ни следа древнего города. Лишь в полумиле от берега из воды выступало несколько разбитых колонн.

— Море наступает, — пробормотал Этарр. — Город затоплен.

Он вошел в воду. Море оказалось мелким и спокойным. Т'саис и Джаванна последовали за ним. Войдя в воду по пояс, окруженные подступающими сумерками, они дошли до разбитых колонн древнего храма.

Чье-то присутствие ощущалось в этом месте, бесстраст-

ное, сверхъестественное, обладающее безграничной волей и властью.

Этарр встал в центре старого храма.

— Бог прошлого! — воскликнул он. — Я не знаю, как к тебе обратиться, иначе я назвал бы тебя по имени. Мы трое пришли к тебе из далекой земли в поисках справедливости. Если ты слышишь нас и воздашь нам по справедливости, то дай знак!

Низкий звучный голос раскатился в воздухе:

— Слышу и каждому воздам по справедливости.

И все увидели золотую шестирукую фигуру с круглым спокойным лицом, неподвижно восседающую в нефе огромного храма.

— Меня обманом лишили лица, — сказал Этарр. — Если ты считаешь меня достойным, верни мне мое лицо.

Бог протянул свои шесть рук.

— Я осмотрел твой мозг. Справедливость восстановлена. Можешь снять капюшон. — Этарр медленно снял маску. Провел рукой по лицу. Лицо было его собственным.

Т'саис оцепенело смотрела на него.

— Этарр! — воскликнула она. — Мой мозг изменился! Я вижу — я вижу мир таким, какой он есть. Прекрасным!

— Каждому заслуженное, справедливость восстановлена, — произнес звучный голос.

Они услышали стон. Повернулись и взглянули на Джаванну. Куда делось ее прекрасное лицо, земляничный рот, чистая кожа?

Нос ее превратился в сложенного втрое извивающегося червя, рот — в разлагающуюся язву. Муравьиные челюсти отвисли, лоб почернел и сморщился. Единственное, что осталось от прежней Джаванны, — ее лежащие на плечах рыжие волосы.

— Каждый приходящий получает по справедливости, — сказал голос, и видение храма поблекло. Трое стояли по пояс в холодной воде, и море играло, а сломанные колонны высоко вздымались в небо.

Они медленно вернулись к крылатым существам.

Этарр обернулся к Джаванне.

— Уходи, — приказал он. — Лети в свое логово. Когда завтра солнце опять сядет, ты освободишься от заклятия. Но больше никогда не беспокой нас: магия предупредит меня, и я тебя уничтожу.

Джаванна молча оседлала существо и взмыла в ночное небо.

Этарр повернулся к Т'саис и взял ее за руку. Он смотрел на ее лицо, смотрел в глаза, в которых светилась такая радость, что они казались горящими. Он наклонился и поцеловал ее в лоб. Потом вместе, рука об руку, они направились к своим крылатым существам и полетели назад, в Асколайс.

ЛАЙАН-СТРАННИК

Лайан-Странник шел густым лесом, легкой скользящей походкой проходил по тенистым полянам. Он насвистывал, напевал — он явно находился в отличном настроении. Вокруг пальца он вертел браслет из обработанной бронзы, украшенный какими-то угловатыми древними буквами.

По счастливой случайности нашел он эту вещь, зацепившуюся за корень древнего тиса. Подобрав браслет, он увидел надпись на его внутренне стороне — грубые мощные символы, несомненно, какая-то могучая древняя руна... Лучше отнести браслет к волшебнику и испытать на колдовство.

Лайан сухо сморщился — дала о себе знать не совсем зажившая рана в боку. К этому есть препятствия. Иногда кажется, что все живые существа сговорились раздражать его. Только сегодня утром тот торговец пряностями — какой шум он поднял, умирая! Как неосторожно забрызгал кровью красные, с загнутыми носками, туфли Лайана! «И все-таки, — подумал Лайан, — каждая неприятность приносит и компенсацию». Копая могилу, он нашел этот браслет.

Настроение Лайана снова улучшилось, он весело запел и пошел вприпрыжку. Красное перо на его зеленой шляпе раскачивалось и, казалось, подмигивало... И все же — Лайан на мгновение остановился — он ничуть не приблизился к разгадке тайны магии, если кольцо обладало такой магией.

Эксперимент — вот нужное слово!

Он остановился там, где рубиновые солнечные лучи падали на землю без преграды со стороны тяжелой листвы, осмотрел кольцо, провел по буквам надписи ногтем. Внимательно всмотрелся. Какая-то пленка, мерцание? Он держал находку на расстоянии вытянутой руки. «Пожалуй, для браслета — великовато. По-видимому, диадема». Он снял шляпу, надел на голову кольцо, закатил глаза... Странно. Обруч соскользнул ему на уши. Сполз на глаза. Тьма. Лайан лихорадочно стащил его с головы. Бронзовый обруч диаметром с руку. Странно.

Он попробовал снова. Обруч скользнул по голове, по плечам. Голова оказалась в темном необычном пространстве. Глядя вниз, он увидел, что обычный свет прекращался там, куда сполз обруч.

Медленно вниз... Теперь оно окружало его лодыжки — в неожиданном страхе Лайан сорвал кольцо со своего тела и появился, мигая, в бордово-красном свете леса.

Он заметил в листве сине-голубое и зелено-белое сверкание. Твк-человек верхом на стрекозе, свет отражается в крыльях насекомого.

Лайан резко позвал:

— Эй, ты!

Твк-человек опустил свою верховую стрекозу на ветку.

— Что тебе нужно, Лайан?

— Смотри и запоминай, что увидишь. — Лайан надел на голову обруч, опустил до ног, снова поднял. Посмотрел на твк-человека, который жевал травинку. — Что ты видел?

— Я видел, как Лайан исчез из виду, остались только его красные туфли. Все остальное растаяло в воздухе.

— Ха! — воскликнул Лайан. — Подумать только! Ты видел что-нибудь подобное?

Твк-человек беззаботно спросил:

— У тебя есть соль? Мне нужна соль.

— А какие новости ты мне принес?

— Три эрба убили Флореджина-Снотворца и взорвали все его шары. Воздух над его домом долго был многоцветным от летящих обрывков.

— Грамм.

— Принц Кандайв Зо[illegible]той построил баржу из резного дерева и теперь плывет по реке Скаум на Регату.

— Два грамма.

— Золотая ведьма, по имени Лит, поселилась на лугу Тамбер. Она тихая и очень красивая.

— Три грамма.

— Хватит, — сказал твк-человек и наклонился, глядя, как Лайан взвешивает соль на крохотных весах. Он уложил соль в маленькие корзины и подвесил их по обе стороны ребристой груди насекомого, затем поднял стрекозу в воздух и исчез в листве деревьев.

Лайан опять надел бронзовый обруч и на этот раз переступил через него и вышел в окружающую его тьму. Что за удивительное укрытие! Отверстие, вход в которое можно спрятать в самом укрытии! Опустил кольцо вниз, поднял его над плечами, снял и оказался опять в лесу с маленьким бронзовым браслетом на руке.

«Хо! А теперь на луг Тамбер взглянуть на золотую ведьму!»

Дом ее — простой шалаш из тростника, купол с двумя круглыми окнами и низкой дверью. Он увидел Лит в пруду, когда она стояла по колено в воде и ловила лягушек себе на ужин. Белая юбка высоко подвернута; девушка была неподвижна, и темная вода кругами расходилась от ее стройных колен.

Она была прекраснее, чем Лайан мог себе представить, как будто один из лопнувших шаров Флореджина взорвался здесь над водой. Светло-кремовая кожа, тронутая золотом; волосы — еще более чистое, влажное золото. Глаза похожи

на глаза самого Лайана — большие, золотые, широко расставленные и слегка раскосые.

Лайан остановился на берегу. Ведьма испуганно вздрогнула, ее спелый рот полураскрылся.

— Смотри, золотая ведьма, здесь Лайан. Он пришел на Тамбер, чтобы приветствовать тебя; он предлагает тебе свою дружбу, свою любовь...

Лит наклонилась, зачерпнула пригоршню грязи и бросила ему в лицо.

Выкрикивая яростные проклятия, Лайан вытер глаза, но дверь ее дома уже была закрыта. Лайан пошел к двери и постучал кулаком.

— Открой и покажи ведьмино лицо, иначе я сожгу твой дом.

Дверь открылась, девушка выглянула с улыбкой.

— Что еще?

Лайан вошел в дом и бросился к ней, но двадцать острых лезвий взметнулись в воздухе, двадцать стрел уперлись в его грудь. Он остановился, с поднятыми бровями, с дергающимся ртом.

— Назад, сталь, — сказала Лит, и лезвия исчезли. — Я легко могла бы отобрать у тебя жизнь. Если бы захотела.

Лайан нахмурился и как бы в раздумье потер подбородок.

— Понимаешь, — сказал он серьезно, — как ты безрассудна. Лайана боятся те, кого боится сам страх, и любят те, кого любит любовь. А ты, — он осмотрел ее золотое тело, — ты спела, как сладкий фрукт. Ты нетерпелива, ты сверкаешь и дрожишь от любви. Ты нравишься Лайану, и он даст тебе много тепла.

— Нет, нет, — с легкой улыбкой ответила Лит. — Ты слишком торопишься.

Лайан удивленно взглянул на нее.

— Неужели?

— Я Лит, — сказала она. — Ты видишь, какова я. Я волную, я бурлю, я тревожу. Но я смогу полюбить только того, кто окажет мне услугу. Он должен быть храбрым, быстрым и хитроумным.

— Так это обо мне, — сказал Лайан и пожевал губу. — Послушай, давай...

Она попятилась.

— Нет, нет! Ты забыл. Ты не послужил мне, не заслужил мою любовь!

— Вздор! — бушевал Лайан. — Посмотри на меня. Заметь мою совершенную грацию, красоту моей фигуры и лица, мои большие глаза, золотые, как у тебя, мою замечательную красоту и силу... Это ты должна мне служить. Так оно и будет. — Он опустился на низкий диван. — Женщина, дай мне вина.

Она покачала головой.

— В моем маленьком шалаше меня нельзя заставить. Может быть, снаружи, на лугу Тамбер — но не здесь, среди двадцати этих стальных лезвий, отвечающих на мой призыв. Здесь ты должен повиноваться мне... Поэтому выбирай. Либо вставай и уходи, чтобы никогда не возвращаться, либо согласись выполнить одно мое маленькое поручение. Тогда получишь меня и весь мой пыл.

Лайан сидел прямо и неподвижно. Странное существо эта золотая ведьма. Но заслуживает некоторых усилий, и он заставит ее заплатить за дерзость.

— Хорошо, — сказал он вежливо. — Чего ты хочешь? Драгоценностей? Я удушу тебя жемчугами, ослеплю бриллиантами. У меня есть два изумруда размером с твой кулак, это зеленые океаны, взгляд тонет в них и остается внутри навсегда, блуждая меж вертикальных зеленых призм...

— Нет, не драгоценности...

— Значит, враг. Так просто. Лайан убьет ради тебя хоть десять человек. Два шага вперед, удар, и все. — Он сделал выпад. — И душа, стеная, летит вверх, как пузырек в кувшине меда.

— Нет. Мне не нужны убийства.

Он, нахмурившись, снова сел.

— Что же тогда?

Ведьма отошла к задней стене и потянула уголок занавески. Та отодвинулась, открыв золотой ковер, на котором была изображена ограниченная двумя крутыми горами широкая долина, по которой мимо тихой деревни в рощу протекала спокойная река. Река золотая, золотые горы, золотые деревья — золото разнообразных оттенков, богатое, вычурное. Все это создает впечатление многоцветного ландшафта. Но ковер был грубо разрезан пополам.

Лайан был очарован.

— Великолепно, великолепно...

Лит сказала:

— Здесь изображена волшебная долина Аривенты. Вторая половина ковра у меня украдена, и ее возвращение — та услуга, которой я у тебя прошу.

— Где же вторая половина? — спросил Лайан. — И кто этот презренный вор?

Теперь она внимательно смотрела на него.

— Ты когда-нибудь слышал о Чане? О Чане Неминуемом?

Лайан задумался.

— Нет.

— Он и украл половину моего ковра. Повесил в мраморном зале, который находится среди руин севернее Кайна.

— Ха! — пробормотал Лайан.

— Зал расположен возле Дворца Шепотов и обозначен наклонной колонной и черным медальоном с изображением феникса и двуглавой ящерицы.

— Иду, — сказал Лайан. Он встал. — Один день до Кайна, один на то, чтобы украсть, еще один на возвращение. Три дня.

Лит проводила его до двери.

— Берегись Чана Неминуемого, — прошептала она.

И Лайан, насвистывая, отправился в путь. Красное перо развевалось не его шляпе. Лит смотрела вслед, потом повернулась и приблизилась к ковру.

— Золотая Аривента, — прошептала она, — мое сердце плачет и болит от стремления к тебе.

Река Дерна стремительнее и уже, чем Скаум, ее родной брат на юге. И там, где Скаум течет по широкой долине, пурпурной от цветов, усеянной белыми и серыми пятнами разрушенных замков, Дерна прорубает узкий каньон, над которым нависают лесистые утесы.

Древняя каменная дорога когда-то проходила по берегу Дерны, но теперь ее поверхность была усеяна большими трещинами, так что Лайан, направлявшийся в Кайн, вынужден был часто покидать дорогу и идти в обход через заросли колючих кустарников и трубчатой травы, шелестевшей на ветру.

Красное солнце, двигающееся по небу неторопливо, как старик ковыляет к смертному одру, висело низко над горизонтом, когда Лайан, взобравшись на Рубец Порфириона, взглянул сверху на белостенный Кайн и голубой залив Санреаль за ним.

Прямо под ним находилась торговая площадь, путаница лавок, где продавались фрукты, куски бледного мяса, моллюски с илистых берегов, тусклые флаконы вина. Спокойные жители Кайна двигались среди лавок, покупая продукты и унося их в свои каменные жилища.

За торговой площадью, как сломанные зубы, возвышались ряды обрушившихся колонн — подпорки арены, которую двести лет назад построил над землей безумный король Шин, еще дальше — в роще лавровых деревьев — виднелся блестящий купол дворца, откуда Кандайв Золотой правил Кайном и всей той частью Асколайса, которая видна с Рубца Порфириона.

Дерна, теперь уже не поток чистой воды, растекалась в паутину каналов и подземных труб и в конце концов сквозь гниющие гавани просачивалась в залив Санреаль.

«Постель на ночь, — подумал Лайан, — а утром — за дело».

Он прыжками спустился по зигзагообразным ступеням и оказался на торговой площади. Сейчас он был серьезным и сосредоточенным. Лайан-Странник хорошо известен в Кайне, и многие здесь хотели бы причинить ему вред.

Он осторожно прошел в тени Паннонской стены по узкой мощеной улице, между старыми деревянными домами, густо-коричневыми в свете заходящего солнца, и ступил на маленькую площадь, на которую выходил высокий каменный фасад «Гостиницы Волшебников».

Хозяин гостиницы, маленький толстый человечек с печальными глазами, с маленьким толстым носом, похожим по форме на его тело, выгребал угли из очага. Он выпрямился и заторопился за прилавок своей маленькой прихожей.

Лайан сказал:

— Хорошо проветренная комната и ужин: грибы, вино, устрицы.

Хозяин поклонился:

— Слушаюсь, сэр... а чем вы будете платить?

Лайан швырнул ему кожаный мешочек, отобранный только сегодня утром у покойника. Почувствовав аромат, хозяин от удовольствия зажмурился.

— Почки у кустов списа, привезенные из далекой земли, — сказал Лайан.

— Великолепно, великолепно... Ваша комната, сэр, и ваш ужин — немедленно.

Пока Лайан ел, появились остальные постояльцы гостиницы. Они сели с вином у огня, и начался общий разговор, который в основном касался магии прошлого и когда-то живших великих волшебников.

— ...Великий Фандаал знал забытую теперь науку, — сказал старик с выкрашенными оранжевой краской волосами. — Он привязывал к ногам ласточек белые и черные струны и посылал их в разные стороны. И там, где они свивали свою магическую ткань, вырастали большие деревья, усеянные цветами, фруктами, орехами или пузырями с редкими напитками. Говорят, так он создал Великий Лес на берегах озера Санры.

— Ха, — сказал угрюмый человек в коричневой с черным одежде, — такое и я могу. — Он извлек несколько струн, согнул их, связал, произнес негромкое слово, и струны превратились в языки красного и желтого пламени, которое плясало, сворачивалось, металось взад и вперед по столу, пока мрачный человек не погасил его жестом.

— А я могу вот что, — сказал человек в черном капюшоне с серебряными кругами. Он достал маленький поднос, положил его на стол и бросил на него горсть пепла из очага. Потом достал свисток и извлек из него ясный звук. Над подносом взлетели сверкающие мотыльки, блестя красным, синим, голубым, желтым. Они взлетели на фут и взорвались яркими цветами — каждый образовал звезду. Взрывы сопровождались звуками — самыми ясными, чистыми звуками в мире.

Мотыльков стало меньше, волшебник выдул другую ноту, и взвились в сверкании мотыльки. Еще раз — и еще один рой мотыльков. Наконец, он убрал свисток, вытер поднос, убрал его под плащ и снова замолк.

В состязание вступили другие колдуны, и воздух над столом заполнился видениями, задрожал от заклинаний. Один показал девять цветков невыразимой красоты; другой образовал на лбу хозяина рот, который, к большому неудовольствию маленького толстяка, начал поносить толпу, да еще его же голосом. Еще один показал зеленую бутылку, в которой гримасничал чертенок; еще один — шар из чистого хрусталя, который по команде волшебника катался взад и вперед; владелец утверждал, что это — серьга знаменитого мастера Санкаферрина.

Лайан внимательно следил за всем этим, сожалея, что мир полон жестокосердных людей, но волшебник с хрустальным шаром остался равнодушным, и даже когда Лайан вытащил двенадцать пакетов с редкими пряностями, отказался расстаться со своей игрушкой.

Лайан упрашивал:

— Я хочу только доставить удовольствие ведьме Лит.

— Доставь ей удовольствие пряностями.

Лайан негодующе сказал:

— Действительно, у нее только одно желание — кусок ковра, который я должен украсть у Чана Неминуемого.

И переводил взгляд от одного к другому гостю, внезапно замолкшим.

— Что за неожиданная трезвость? Эй, хозяин, еще вина!

Владелец серьги сказал:

— Даже если бы пол по колено был покрыт вином, лучшим красным вином Танвилката, свинцовая печать этого имени все висела бы в воздухе.

— Ха! — рассмеялся Лайан. — Пусть только вкус этого вина коснется твоих губ, и пары его все сотрут из памяти.

— Взгляните на его глаза, — послышался шепот. — Они большие и золотые.

— И хорошо видят к тому же, — говорил Лайан. — А эти ноги — быстро бегают... летят, как звездный свет по волнам. А эти руки — быстро ударяют сталью. А моя магия даст мне убежище вне пределов всякого знания. — Он глотнул вина из кувшина. — Смотрите. Вот магия древности. — Он надел на голову бронзовый обруч, прошел сквозь него, внес его в темноту. Когда ему показалось, что прошло достаточно времени, он вышел из кольца.

Огонь горел, хозяин суетился за стойкой. Вино Лайана стояло на столе. Но не было ни следа волшебников.

Лайан удивленно осмотрелся.

— А где же мои друзья-волшебники?

Хозяин повернул голову.

— Разошлись по своим комнатам. Имя, которое ты произнес, тяжелым грузом легло на их души.

И Лайан допил свое вино в хмуром молчании.

На следующее утро он покинул гостиницу и по окольной дороге направился в Старый Город — дикую серую мешанину обрушившихся столбов, выветренных блоков песчаника, упавших фронтонов с высеченными надписями, террас, заросших ржавым мхом. Ящерицы, змеи, насекомые ползали по руинам; больше ничего живого не было видно.

Пробираясь среди развалин, он чуть не споткнулся о труп — тело юноши, который смотрел в небо пустыми глазницами.

Лайан ощутил чье-то присутствие. Он отпрыгнул, наполовину обнажив рапиру. На него смотрел согбенный старик. Он заговорил слабым дрожащим голосом:

— Что тебе нужно в Старом Городе?

Лайан убрал рапиру.

— Я ищу Дворец Шепотов. Может, покажешь?

Старик испустил хриплый звук из глубины горла.

— Еще один? Еще? Когда это кончится?.. — Он указал на труп. — Этот пришел вчера. Он тоже искал Дворец Шепотов. Хотел обокрасть Чана Неминуемого. Видишь, каков он теперь? — Старик повернулся. — Идем со мной. — И он исчез за грудой обломков.

Лайан последовал за ним. Старик стоял возле другого трупа с пустыми окровавленными глазницами.

— Этот пришел четыре дня назад. Он встретился с Чаном Неминуемым... А вот здесь, за аркой — великий воин в доспехах из перегородчатой эмали. И здесь... и здесь... — Он показывал, показывал. — И здесь, и здесь, как раздавленные мухи.

Он устремил на Лайана взгляд своих водянистых голубых глаз.

— Вернись, молодой человек, вернись, иначе твое тело в зеленом плаще сгниет здесь на камнях.

Лайан вытащил рапиру и взмахнул ею.

— Я Лайан-Странник. Пусть лучше боятся те, кто меня оскорбит. Где Дворец Шепотов?

Старик стоял, как обветрившаяся статуя, и Лайан ушел.

«А что, если старик — подручный Чана, — спросил себя Лайан, — и как раз сейчас идет к нему с предупреждением?.. Лучше принять меры предосторожности». Он прыгнул на высокий обломок колонны и, пригнувшись, побежал назад, туда, где оставил старика.

Вот и старик, что-то бормочет, опираясь на палку. Лайан

бросил кусок гранита размером со свою голову. Удар, вскрик — и Лайан отправился своей дорогой.

Он прошел мимо разбитого обелиска и оказался во Дворце Шепотов. Прямо против него был длинный широкий зал, обозначенный наклонной колонной, на которой выделялся черный медальон — знак феникса и двуглавой ящерицы.

Лайан укрылся в тени стены и стоял, высматривая, как волк, малейшее движение.

Все вокруг было неподвижно. Солнечный свет придавал руинам пугающее великолепие. Во все стороны, насколько хватало глаз, тянулись разбитые камни. Пустыня, усеянная тысячами развалин, откуда ушел дух человека, и камни стали принадлежностью природы.

Солнце двигалось по темно-синему небу. Лайан покинул свой наблюдательный пункт и обошел зал. Он никого не встретил.

Он подошел к зданию с тыла и прижал ухо к камню. Все мертво, ни малейшей дрожи. Щель в стене. Лайан заглянул внутрь. В конце зала висит золотой ковер. Зал совершенно пуст. Лайан огляделся по сторонам. Ничего не видно. Он продолжал обходить зал.

Подошел еще к одному такому пролому. Заглянул внутрь. Висит золотой ковер. И больше ничего, ни звука, ни движения.

Лайан продолжал обходить зал, заглядывая в приделы. Мертво, как пыль.

Теперь ему стала видна комната. Пустая, обнаженная, если не считать ковра.

Он вошел, ступая широкими мягкими шагами. Остановился посередине. Со всех сторон, кроме задней стены, лился свет. не менее дюжины отверстий, через которые можно убежать, и — ни звука, кроме тупого биения его собственного сердца.

Он сделал два шага вперед. Теперь ковер находился почти рядом.

Он ступил вперед и быстро сорвал ковер со стены.

За ним стоял Чан Неминуемый.

Лайан закричал. Он неуклюже повернулся на парализованных ногах, словно они были из свинца. Но ноги, как во сне, отказывались повиноваться ему.

Чан соскочил со стены и приблизился. На его плечах висела черная накидка, к шелку которой были пришиты многочисленные глазные яблоки.

Лайан побежал со всех ног. Он прыгал, он парил. Его башмаки едва касались земли. Из зала, через площадь, в неразбериху разбитых статуй и упавших колонн. А за ним, как собака, бежал Чан.

Лайан пробежал вдоль большой стены и прыгнул в разбитый фонтан. За ним — Чан.

Лайан устремился в узкий проход, взобрался на груду мусора, на крышу, оттуда во двор. За ним — Чан.

Лайан пронесся по широкой улице, на которой росло несколько чахлых старых кипарисов, слыша за собой Чана. Он вбежал под арку, вытащил свой бронзовый обруч, надел на голову, опустил к ногам, переступил через него. Убежище. Он один в темном волшебном пространстве, исчезнув ото всех земных взглядов, от всего земного знания. Молчание, мертвое пространство...

Он почувствовал близкое движение, выдох. Рядом послышалось:

— Я Чан Неминуемый.

Лит сидела под лампой на своей кровати и плела коврик из лягушачьих шкур. Дверь закрыта, окна забраны ставнями. Снаружи в темноте лежал луг Тамбер.

Царапанье в дверь, скрип испытываемого на прочность замка. Лит застыла, глядя на дверь.

Из-за двери раздался голос:

— Сегодня, Лит, для тебя две длинные яркие нити. Две, потому что глаза были такие большие, такие золотые...

Лит сидела неподвижно. Она ждала час; потом, прижавшись к двери, прислушалась. Никого. Поблизости заквакала лягушка.

Она раскрыла дверь, нашла нити и снова заперлась. Подбежала к золотому ковру и приладила на место спутанный моток.

Она смотрела на золотую долину, больная от стремления в Аривенту, слезы скрывали от нее мирную реку, тихий золотой лес.

— Ковер все шире... Однажды он будет закончен, и я вернусь домой...

ЮЛАН ДОР

Принц Кандайв Золотой серьезно сказал своему племяннику Юлану Дору:

— Договоримся, что новые знания станут нашим общим достоянием.

Юлан Дор, стройный молодой человек, с бледной кожей, черными волосами, глазами и бровями, печально улыбнулся.

— Но ведь это я поплыву в забытые воды, я буду отбиваться веслом от морских демонов...

Кандайв откинулся в кресле и коснулся носа набалдашником трости из резного нефрита.

— А я сделал это путешествие возможным. Более того, я

сам искусный колдун; новые знания лишь увеличат мое искусство. А ты, даже не начинающий, узнаешь такое, что поместит тебя среди волшебников Асколайса. Это много выше твоего нынешнего незначительного положения. Если посмотреть с этой точки зрения, я приобретаю мелочь, ты — очень многое.

Юлан Дор скорчил гримасу.

— Верно, хотя я не согласен с твоей оценкой. Я знаю Заклятие Холода Фандаала, я признанный фехтовальщик, мое положение среди восьми делафазиан...

— Тьфу! — насмешливо произнес Кандайв. — Безвкусные манеры мелких людишек, впустую тратящих свои жизни. Жеманные убийства, извращенный разврат, а в это время истекают последние часы Земли, и никто из вас ни на милю не удалялся от Кайна.

Юлан Дор сдержал язык, вспомнив, что принц Кандайв Золотой также не чуждается удовольствий вина, постели и стола и что самое дальнее его путешествие из крытого куполом дворца — к резной барже на реке Скаум.

Кандайв, умиротворенный молчанием Юлана Дора, достал ящичек слоновой кости.

— Ну, так вот. Если мы договорились, я сообщу тебе необходимые сведения.

Юлан Дор кивнул.

— Договорились.

Кандайв сказал:

— Направишься к забытому городу Ампридатвиру. — Он искоса наблюдал за Юланом Дором. Тот сохранял спокойное равнодушное выражение.

— Я никогда не видел его, — продолжал Кандайв. — Порина Девятый называет его последним из олекнитских городов, расположенных на острове в Северном Мелантине. — Он раскрыл шкатулку. — Этот рассказ я нашел в груде древних свитков — свидетельство поэта, бежавшего из Ампридатвира после смерти Рогола Домедонфорса, их последнего великого правителя, волшебника, обладавшего огромной властью, который сорок три раза упоминается в энциклопедии...

Кандайв вытащил растрескавшийся пергаментный свиток и, раскрыв его, прочитал:

— «Ампридатвир гибнет. Мой народ забыл учение силы и дисциплины и погрузился в суеверия и схоластику. Идут бесконечные споры: бог Паншу представляет верховный разум, а Газдал — предел разврата, или наоборот: Газдал — добродетельное божество, а Паншу — само зло.

Этот вопрос решается при помощи огня и стали. Я остав-

ляю Ампридатвир упадку и отправляюсь в спокойную долину Мел-Палусас, где и проведу последние дни своей жизни.

Я еще застал старый Ампридатвир; я помню его башни, сверкающие по ночам удивительным блеском, испускающие лучи, которые затмевали само солнце. Тогда Ампридатвир был прекрасен — и сердце мое болит, когда я думаю об этом древнем городе. Семирский виноград спускался тысячами свисающих гирлянд, голубая вода текла в трех выложенных камнем каналах. Металлические машины мчались по улицам, металлические экипажи заполняли воздух густо, как пчелы возле улья, — чудо из чудес, мы заставили плененный огонь преодолевать могучее тяготение Земли... Но избыток меда пресыщает язык; избыток вина разрушает мозг; избыток легкости лишает человека сил. Свет, тепло, вода, пища были доступны всем и добывались с минимумом усилий. И вот жители Ампридатвира, освобожденные от утомительного труда, предались фантазиям, извращениям и оккультизму.

Сколько я себя помню, городом правил Рогол Домедонфорс. Он знал все древние предания, все тайны огня и света, тяготения и антитяготения, он постиг суперфизику, метатизм, колопсис. Несмотря на глубину своих знаний, как правитель, он был непрактичен и не замечал упадка духа в Ампридатвире. Слабость и вялость, которые замечал, он приписывал отсутствию образования. В последние годы своей жизни он работал над созданием огромной машины, которая должна была вообще освободить человека от работы и тем самым дать ему возможность заниматься только размышлениями и науками.

И вот, в то время, как Рогол Домедонфорс занимался этой работой, город охватила религиозная истерия.

Соперничающие секты Паншу и Газдала существовали давно, но в их споре участвовали только жрецы. И вдруг эти культы стали повсеместно распространенными; население разделилось на поклонников этих двух божеств. Жрецы, давние ревнивые соперники, восхитились своей новой властью и призвали своих последователей к фанатичному рвению. Начались трения, разгорелись споры, поднялись мятежи, насилие. И в один из этих злых дней камень, пущенный чьей-то рукой, ударил Рогола Домедонфорса в висок, и тот упал с балкона.

Раненый, искалеченный, но сопротивляющийся смерти, Рогол Домедонфорс успел завершить свое детище и упокоился на смертном одре. Он отдал один-единственный приказ своей машине, и когда на следующее утро Ампридатвир проснулся, жители его обнаружили, что нет ни энергии, ни света; пищевые фабрики не работают, каналы опустели.

В ужасе они бросились к Рогolу Домедонфорсу, который сказал перед смертью:

— Я долго не замечал ваш упадок; теперь я вас презираю — вы принесли мне смерть.

— Но город умирает! Народ гибнет! — воскликнули они.

— Вы должны спасаться сами, — сказал им Рогол Домедонфорс. — Вы отвергли древнюю мудрость, вы были слишком ленивы, чтобы учиться, вы искали удовлетворения в религии, вместо того чтобы мужественно противостоять реальности. Я решил подвергнуть вас жестокому испытанию, которое, как я надеюсь, будет для вас целительным.

Он призвал соперничающих жрецов Паншу и Газдала и протянул каждому по дощечке из прозрачного металла.

— По одной эти дощечки бесполезны; если их сложить вместе, можно прочесть заключенное в них послание. Тот, кто его прочтет, получит доступ к древним знаниям и будет владеть силами, которые я собирался использовать сам. Теперь идите.

Жрецы, глядя друг на друга, ушли, созвали своих приверженцев, и началась большая война.

Тело Рогола Домедонфорса так и не было найдено; некоторые утверждают, что его скелет все еще лежит в подземных коридорах под городом. Дощечки поместили в соперничающих храмах. По ночам начались убийства, а днем голодные умирали на улицах. Многие бежали на континент, а теперь и я следую за ними, оставляя Ампридатвир, последний дом моего народа. Я построю деревянную хижину на склоне горы Лью и проживу оставшиеся мне дни в долине Мел-Палусас.»

Кандайв свернул свиток и положил его обратно в шкатулку.

— Твоя задача, — сказал он Юлану Дору, — отправиться в Ампридатвир и отыскать магию Рогола Домедонфорса.

Юлан Дор задумчиво ответил:

— Это было давно... Тысячи лет назад.

— Верно, — согласился Кандайв. — Но с тех пор историки не упоминали имени Рогола Домедонфорса, и я считаю, что его мудрость все еще хранится под древним Ампридатвиром.

Три недели Юлан Дор плыл по спокойному океану.

Солнце вставало на горизонте, багровое, как кровь, и плыло по небу; вода была неподвижной, если не считать небольшой ряби от ветерка и пенного следа за кормой. Солнце садилось, бросало последний печальный взгляд на мир; наступали сумерки и ночь. Древние звезды усеивали небо, и след за кормой корабля Юлана Дора сверкал мертвенно-бледно. Юлан Дор смотрел на поверхность океана и чувствовал себя очень одиноко.

Три недели плыл на северо-запад по Мелантинскому заливу Юлан Дор, пока однажды утром не увидел справа темные очертания берега, а слева остров, терявшийся в дымке.

Недалеко от его корабля медленно плыла неуклюжая баржа под квадратным парусом из плетеного тростника.

Юлан Дор пригляделся и различил на ее палубе двух мужчин в грубых зеленых комбинезонах; они ловили рыбу. У них были овсяно-желтые волосы и голубые глаза, а на лицах — ошеломленное выражение.

Юлан Дор опустил свой парус и перекинул трап на баржу. Ни один из рыбаков не заговорил с ним.

Юлан Дор сказал:

— Похоже, вид человека вам незнаком.

Старший начал заунывный распев — Юлан Дор понял, что это заклинание против демонов и злых духов, и рассмеялся.

— Почему ты меня поносишь? Я такой же человек, как и ты.

Младший сказал не береговом диалекте:

— Мы считаем, что ты демон. Во-первых, в нашем народе нет черноволосых и черноглазых. Во-вторых, учение Паншу отрицает существование в нашем мире других людей. Поэтому ты не можешь быть человеком, ты демон.

Старший, прикрывшись рукой, сказал младшему:

— Попридержи язык; не говори ни слова. Он проклянет твой голос...

— Вы ошибаетесь, уверяю вас, — вежливо ответил Юлан Дор. — Вы сами когда-нибудь видели демонов?

— Нет, кроме гаунов, никого!

— Я похож на гауна?

— Совсем не похож, — признал старший.

Его младший товарищ указал на темно-красный плащ и зеленые брюки Юлана Дора:

— Он, очевидно, разбойник; смотри, какого цвета его одежда.

— Нет, я не разбойник и не демон. Я всего лишь человек...

— Кроме зеленых, людей нет — так говорит Паншу.

Юлан Дор откинул голову назад и рассмеялся.

— Земля на самом деле велика и полна развалин, но на ней еще много людей... Скажите, найду ли я на этом острове город Ампридатвир?

Младший кивнул.

— И вы там живете?

Снова младший подтвердил.

Несколько растерянно Юлан Дор сказал:

— Я считал, что Ампридатвир — покинутые руины, забытые, пустынные.

Младший подозрительно спросил:

— А что ты ищешь в Ампридатвире?

Юлан Дор подумал: «Надо упомянуть дощечки и посмотреть на их реакцию. Можно узнать, известно ли им о существовании дощечек, как к ним относятся», — и сказал:

— Я плыву уже три недели, чтобы найти Ампридатвир и изучить две легендарные дощечки.

— Ага! — сказал старший. — Дощечки! Он все-таки разбойник! Я теперь это понимаю. Посмотри на его зеленые брюки. Разбойник из зеленых...

Юлан Дор, ожидавший в результате этого открытия враждебного отношения, был удивлен тем, что выражение лиц двоих стало более приятным, как будто они, наконец, решили беспокоивший их парадокс. Хорошо, подумал он, если они так считают, пусть так и будет.

Младший хотел полной ясности.

— Мы правы, ты темный человек? Ты носишь красное, как разбойник за зеленых?

Юлан Дор осторожно ответил:

— Мои планы еще окончательно не сложились.

— Но ты носишь красное! Это цвет разбойников!

Странный образ мыслей, подумал Юлан Дор. Как будто скала преградила путь их мысли, и ее течение разбивалось в брызги. Он сказал:

— Там, откуда я пришел, люди носят любые цвета, какие захотят.

Старший серьезно сказал:

— Но ты выбрал зеленый, значит, ты разбойник за зеленых.

Юлан Дор пожал плечами, чувствуя, что их умственный блок непреодолим.

— Как хочешь... А кто еще здесь есть?

— Никого, других нет, — ответил старший. — Мы зеленые из Ампридатвира.

— Но тогда... кого же грабят ваши разбойники?

Младший беспокойно задвигался и потянул леску.

— Они грабят разрушенный храм демона Газдала в поисках утраченной дощечки Рогола Домедонфорса.

— В таком случае, — сказал Юлан Дор, — я сойду за разбойника.

— Разбойника за зеленых? — старик искоса взглянул на него.

— Довольно, довольно, — сказал другой. — Солнце миновало зенит. Нам пора домой.

— Да, да, — поддержал старший. — Солнце садится.

Младший взглянул на Юлана Дора.

— Если ты собираешься на разбой, тебе лучше пойти с нами.

Корабль Юлана Дора прикрепили к барже, он спустил свой парус, и оба судна направились к берегу.

Прекрасно пересекать солнечные послеполуденные воды, а когда они обогнули восточный мыс, показался Ампридатвир.

Линия низких зданий выходила на гавань, а за ними возвышались башни; Юлан Дор даже не думал, что такие могут существовать: металлические шпили возносились в небо в центральной части острова, блестя в заходящем солнце. Такие города были легендой прошлого, сновидениями из того времени, когда Земля была молода.

Юлан Дор задумчиво посмотрел на баржу, на грубые зеленые одежды рыбаков. Они крестьяне? Не станет ли он предметом насмешек, прибыв таким образом в великолепный город? Он беспокойно повернулся к острову, закусив губу. Если верить Кандайву, Ампридатвир должен быть полон обрушившихся колонн и мусора, как Старый Город за Кайном...

Солнце уже уходило за горизонт, и Юлан Дор увидел обрушившиеся башни, разбитые дома: все-таки Кандайв прав, город заброшен. Странно, но развалины добавляли Ампридатвиру благородства, величия забытого памятника.

Ветер стих, лодки продвигались совсем медленно. Рыбаки беспокоились, пытаясь уловить парусом слабые порывы ветра, закрепляя опоры. Но еще до того, как они оказались за волноломом, на город опустились пурпурные сумерки, и башни превратились в огромные черные монолиты.

Почти в полной темноте они привязали лодки к столбам среди других барж; одни из них были зеленые, другие серые.

Юлан Дор спрыгнул на берег.

— Подожди, — сказал младший рыбак, глядя на его красный плащ. — Неразумно одеваться так, даже ночью. — Он порылся в рундуке и вытащил зеленый плащ, рваный, грязный и пахнущий рыбой. — Надень и спрячь под капюшоном свои черные волосы...

Юлан Дор повиновался, скрыв гримасу отвращения. Он спросил:

— Где я могу поужинать и переночевать? В Ампридатвире есть гостиница?

Младший рыбак без энтузиазма ответил:

— Можешь провести ночь в моем жилище.

Рыбаки, подняв на плечи дневной улов, сошли на берег и беспокойно оглядели груды обломков.

— Вы чего-то боитесь, — заметил Юлан Дор.

— Да, — согласился младший, — по ночам по улицам бродят гауны.

— А кто это такие?

— Демоны.

— Существует много разновидностей демонов, — легко сказал Юлан Дор. — А эти какие?

— Они похожи на страшных людей. У них большие длинные руки, которые хватают и рвут...

— Хо! — сказал Юлан Дор, положив руку на рукоять меча. — А почему вы позволяете им здесь бродить?

— Мы не можем повредить им. Они сильны и свирепы, но, к счастью, не очень проворны. Если повезет и если будешь осторожен...

Юлан Дор теперь осматривал развалины так же настороженно, как и рыбаки. Эти люди знакомы с местными опасностями; он будет слушаться их совета, пока сам не разберется в обстановке. Они миновали первые груды развалин, вошли в каньон, с обеих сторон ограниченный высокими стенами домов.

«Город лежит под покровом смерти, — думал Юлан Дор. — Где миллионы жителей древнего Ампридатвира? Мертвая пыль, их плоть и кровь смешались с водой океана, с прахом всех остальных мужчин и женщин, когда-то живших на Земле.»

Юлан Дор и двое рыбаков двинулись по узкой улице — крошечные фигурки, идущие по городу из сновидений. Принц Кандайв Золотой говорил правду: Ампридатвир — сама древность. Окна пусты и черны, бетон раскрошился, балконы причудливо перекосились, террасы покрыты пылью. Улицы заполнил мусор — куски разбитых колонн, ржавый и погнутый металл.

Но Ампридатвир по-прежнему жил странной жизнью, жил там, где строители использовали не знающие износа материалы и вечную энергию. По обе стороны улицы, как потоки воды, двигались темные блестящие полоски — медленнее по краям, быстрее в центре.

Рыбаки привычно ступили на первую полоску, и Юлан Дор неохотно проследовал за ними до самой быстрой центральной полосы.

— Я вижу, дороги в Ампридатвире текут, как реки. — сказал он.

— Это не магия, — коротко сказал младший рыбак. — Так всегда было в Ампридатвире.

Через регулярные интервалы на улице стояли каменные павильоны примерно десяти футов в высоту, которые, казалось, скрывали лестницы, уходящие под землю.

— Что там внизу? — спросил Юлан Дор.

Рыбаки пожали плечами.

— Двери плотно закрыты. Ни один человек не проходил

через них. Легенды говорят, что там последнее творение Рогола Домедонфорса.

Юлан Дор перестал расспрашивать, заметив растущее беспокойство рыбаков. Заразившись их опасениями, он держал руку на рукояти меча.

— Никто не живет в этой части Ампридатвира, — хриплым шепотом сказал старший рыбак. — Она древнее всякого воображения и населена духами.

Башни расступились, и улица выплеснулась на центральную площадь. Скользящая полоска остановилась, как ручей, впадающий в пруд. Здесь Юлан Дор впервые увидел искусственный свет — яркий шар свисал с изогнутой опоры. В его свете Юлан Дор увидел молодого человека в сером, торопливо идущего по площади... Вдруг рыбаки испуганно охнули, присели. К ним прыгнуло бледное, как труп, существо. Руки его, узловатые и длинные, свисали до колен; грязная шерсть покрывала ноги. С заостренного белого черепа смотрели большие глаза; два клыка нависли над вялогубым ртом. Существо прыгнуло на несчастного в серой одежде и схватило его; затем, повернувшись, бросило на Юлана Дора и рыбаков торжествующий злобный взгляд. И тут Юлан Дор увидел, что жертвой была женщина...

Он выхватил меч.

— Нет, нет! — прошептал старший рыбак. — Гаун уйдет!

— Но он схватил женщину! Мы можем спасти ее!

— Гаун никого не схватил! — старик сжал его плечо.

— Ты что, ослеп? — воскликнул Юлан Дор.

— В Ампридатвире нет никого, кроме зеленых, — сказал младший. — Оставайся с нами.

Юлан Дор колебался. Значит, женщина в сером — призрак? Но почему же рыбаки так и не скажут?

Гаун с пренебрежительной легкостью двинулся в сторону темной арки, ведущей в боковой переулок.

Юлан Дор побежал через белую площадь древнего Ампридатвира.

Чудовище повернуло к нему голову и протянуло узловатую руку длиной в рост человека, кончавшуюся пальцами, покрытыми белой шерстью. Юлан Дор нанес страшный удар мечом — рука гауна повисла на полоске кожи.

Прыгнув в сторону, чтобы избежать брызг крови, Юлан Дор увернулся от второй руки. Еще один сильный удар — и вторая рука повисла. Он подскочил ближе и, погрузив свое лезвие в глаз чудовища, ударил по черепу.

Существо умерло, корчась на площади в предсмертных муках.

Юлан Дор, борясь с тошнотой, посмотрел вниз, на жен-

щину с широко раскрытыми глазами. Та неуверенно вставала на ноги. Он протянул руку, чтобы помочь, и заметил, что она стройна и молода, со светлыми волосами, свисающими до плеч. «У нее приятное, хорошенькое личико, — подумал Юлан Дор. — Простодушное, ясноглазое, невинное».

Она, казалось, не видит его, стоит, полуотвернувшись, кутаясь в свой серый плащ. Юлан Дор начал опасаться, что шок повредил ее рассудок. Он придвинулся ближе и всмотрелся в ее лицо.

— Что с тобой? Зверь ранил тебя?

На лице ее появилось удивленное выражение, почти такое, будто Юлан Дор — еще один гаун. Взгляд скользнул по его зеленому плащу, быстро перешел на лицо, на черные волосы.

— Кто... кто ты? — прошептала она.

— Чужестранец, — ответил Юлан Дор, очень удивленный обычаями Ампридатвира. Он поискал взглядом: рыбаков не было видно.

— Чужестранец? — переспросила девушка. — Но Трактат Газдала учит нас, что гауны уничтожили всех людей на Земле, кроме серых в Ампридатвире.

— Газдал так же ошибается, как Паншу, — заметил Юлан Дор. — На Земле живет множество людей.

— Приходится верить, — сказала девушка. — Ты говоришь, ты существуешь — это ясно.

Юлан Дор заметил, что она старается не смотреть на его зеленый плащ. Плащ вонял рыбой; без дальнейших колебаний Юлан Дор снял его и отбросил в сторону.

Она увидела его красую одежду.

— Разбойник...

— Нет, нет, нет! — воскликнул Юлан Дор. — По правде говоря, меня уже утомили эти разговоры о цветах. Я Юлан Дор из Кайна, племянник принца Кандайва Золотого, и мне нужно отыскать дощечки Рогола Домедонфорса.

Девушка улыбнулась.

— Этим и занимаются разбойники, поэтому они одеваются в красное, и руки всех людей обращаются против них, потому что когда они в красном, никто не знает, за серых они или...

— Или что?

Девушка смутилась, как будто этот аспект вопроса не приходил ей в голову.

— Или за этих призраков... демонов... В Ампридатвире случаются странные вещи.

— Несомненно, — согласился Юлан Дор. Он осматривал площадь. — Если хочешь, я провожу тебя до твоего дома; может, там найдется угол, где я смог бы переночевать.

Она ответила:

— Я обязана тебе жизнью и поэтому помогу. Но я не смею вести тебя в свой дом. — Взгляд ее скользнул сверху вниз по телу Юлана Дора, дошел до зеленых брюк и тут же взлетел к его лицу. — Там будут смятение и бесконечные объяснения...

Юлан Дор спросил:

— Значит, у тебя есть сожитель?

Она быстро взглянула на него — странное кокетство, странный флирт в тени древнего Ампридатвира: девушка в грубом сером плаще, голова слегка наклонена в сторону, желтые волосы падают на плечи — и Юлан Дор, элегантный, с орлиным профилем, полностью контролирующий свое лицо и сознание.

— Нет, — ответила она. — До сих пор не было. — Легкий шум встревожил ее; она повернулась, испуганно взглянув на площадь.

— Тут могут быть еще гауны. Я отведу тебя в безопасное место, а завтра мы поговорим...

Через арочный вход она привела его в одну из башен, на верхний этаж.

— Здесь ты в безопасности до утра. Утром, если подождешь, я принесу тебе еды...

— Подожду.

Ее взгляд со странным выражением вновь устремился к его красному плащу, едва коснулся зеленых брюк.

— И я принесу тебе плащ... — И ушла.

Юлан Дор видел, как она спустилась по лестнице, вышла из башни, исчезла.

Он сел на пол, покрытый мягким эластичным материалом, теплым на ощупь... «Странный город,» — подумал Юлан Дор. — Странные люди, действующие по непонятным побуждениям. Может, они на самом деле призраки?»

Он много раз просыпался этой ночью и окончательно очнулся, когда под арку начал проникать слабый розовый рассвет.

Встал, потер глаза и после недолгого колебания спустился на первый этаж башни и вышел на улицу. Ребенок в сером комбинезоне увидел его красный плащ, перевел взгляд на зеленые брюки, в ужасе закричал и побежал через площадь.

Юлан Дор с проклятием вернулся в тень. С враждебным отношением местных жителей он бы справился. Но этот беспричинный страх делал его беспомощным.

У входа появилась уже знакомая ему девушка. Она всматривалась в тень; лицо — напряженное, обеспокоенное. Юлан Дор вышел, она улыбнулась ему.

— Я принесла тебе завтрак, — сказала она, — и приличную одежду.

Она положила перед ним хлеб и копченую рыбу, из глиняного кувшина налила в чашку травяной чай.

За едой они напряженно наблюдали друг за другом. В ее поведении чувствовалось напряжение. Похоже, что она не считала себя вполне в безопасности.

— Как тебя зовут? — спросила она.

— Я Юлан Дор. А тебя?

— Элаи.

— Элаи... и все?

— А зачем мне больше? Разве этого недостаточно?

— Достаточно.

Она сидела перед ним, скрестив ноги.

— Расскажи мне о земле, из которой ты пришел.

Юлан Дор ответил:

— Асколайс теперь большей частью зарос лесом, куда мало кто отваживается ходить. Я живу в Кайне, очень старом городе, таком же старом, как Ампридатвир. Но у нас нет таких башен и движущихся дорог. Мы живем в древних мраморных дворцах, даже самые бедные ремесленники. Некоторые прекрасные дворцы разрушаются, потому что в них уже некому жить.

— А каков ваш цвет? — спросила она напряженным голосом.

Юлан Дор нетерпеливо ответил:

— Вздор. Мы носим любые цвета. Никто об этом не думает... Почему тебя вообще беспокоят цвета? Например, почему ты носишь серое, а не зеленое?

Она отвернулась от него, беспокойно сжав кулаки.

— Зеленое? Это цвет демона Паншу. Никто в Ампридатвире не носит зеленое.

— Некоторые, несомненно, носят зеленое, — возразил Юлан Дор. — Вчера я встретил двух рыбаков. Они были одеты в зеленую одежду.

Она покачала головой, печально улыбнулась.

— Ты ошибаешься.

Юлан Дор замолчал. Спустя какое-то время он сказал:

— Утром меня увидел ребенок и с криком убежал.

— Из-за твоего красного плаща, — ответила Элаи. — Когда мужчина хочет добиться почестей, он надевает красный плащ и отправляется по городу в древний заброшенный храм Паншу в поисках утраченной половины дощечек Рогола Домедонфорса. Легенды говорят, что когда серые найдут эту утраченную дощечку, они снова станут могучим народом.

— Если храм покинут, — сухо спросил Юлан Дор, — почему до сих пор никто не принес дощечку?

Она пожала плечами.

— Мы верим, что его охраняют призраки... Во всяком случае, иногда приходят люди в красном, которые пытаются ограбить храм Газдала. Таких убивают. Человек в красном — всеобщий враг, и все начинают воевать против него.

Юлан Дор встал и завернулся в серый плащ, который принесла ему девушка.

— Что ты собираешься делать? — спросила она, быстро вставая.

— Хочу взглянуть на таблички Рогола Домедонфорса и в храме Газдала, и в храме Паншу.

Она покачала головой.

— Это невозможно. Вход в храм Газдала запрещен всем, кроме почтенных жрецов, а храм Паншу охраняется призраками.

Юлан Дор улыбнулся.

— Если покажешь мне, где размещаются эти храмы...

Она сказала:

— Я пойду с тобой. Но не снимай плащ, иначе для нас обоих это кончится плохо.

Они вышли на солнечный свет. Площадь была усеяна медленно передвигавшимися группами мужчин и женщин. Одни из них были одеты в зеленое, другие — в серое. Юлан Дор заметил, что эти группы никогда не пересекались. Зеленые останавливались у маленьких, окрашенных в зеленую краску лотков, покупали рыбу, кожу, фрукты, мясо, посуду, корзины. Серые покупали то же самое в лавочках серого цвета. Он увидел две группы детей, одни в зеленом, другие в сером; они играли в десяти футах друг от друга, но не обменивались даже взглядами. Тряпичный мяч откатился от группы серых детей к группе зеленых. Мальчик в сером подбежал, поднял мяч из-под ног мальчика в зеленом, и ни тот, ни другой не заметили друг друга.

— Странно, — пробормотал Юлан Дор. — Странно.

— Что странно? — спросила Элаи. — Не вижу ничего странного...

— Посмотри на этот столб. Видишь рядом с ним мужчину в зеленом плаще.

Она удивленно посмотрела на него.

— Там нет никакого мужчины.

— Там стоит мужчина.

Она засмеялась.

— Ты шутишь... или ты можешь видеть призраки?

Признавая поражение, Юлан Дор покачал головой.

— Вы все жертвы какой-то мощной магии.

Она повела его к одной из движущихся дорог. Когда их

несло по городу, он заметил корпус из блестящего металла в форме лодки, на четырех колесах, накрытый полупрозрачным верхом.

— Что это?

— Волшебная машина. Когда нажмешь нужный рычаг, древнее колдовство несет ее с большой скоростью. Смелые молодые люди ездят в них по улицам... Посмотри туда. — Она указала на другой корпус, лежащий в бассейне сухого фонтана. — Еще одно древнее чудо — экипаж, способный летать по воздуху. Их много разбросано по всему городу — на башнях, на высоких террасах, а некоторые, как этот, упали на улицы.

— И никто в них не летает? — с любопытством спросил Юлан Дор.

— Все боятся.

Юлан Дор подумал, как хорошо было бы завладеть таким чудом, и сошел с движущейся дороги.

— Куда ты? — беспокойно спросила Элаи, следуя за ним.

— Хочу осмотреть одну из воздушных машин.

— Осторожнее! Говорят, они опасны...

Юлан Дор всмотрелся в прозрачный верх, увидел мягкое сиденье, множество рычажков с надписями, сделанными знакомыми буквами, и большой шар с насечкой на металлической стержне.

Он сказал девушке:

— Очевидно, это приборы, руководящие механизмом... Как в такую машину входят?

Она неуверенно ответила:

— Кажется, эта кнопка открывает крышку.

Она нажала кнопку, колпак скользнул назад, выпустив застоявшийся воздух.

— Сейчас я буду экспериментировать, — сказал Юлан Дор. Он засунул руку внутрь и повернул один рычажок. Ничего не произошло.

— Осторожнее, Юлан Дор, — выдохнула девушка. — Берегись магии!

Юлан Дор нажал кнопку. Машина задрожала. Он повернул другой рычажок. Лодка издала воющий звук, дернулась. Ее верх двинулся на место. Юлан Дор выдернул руку. Верх опустился на место, зажав полу его плаща. Лодка снова дернулась и неожиданно сдвинулась с места, потащив за собой и Юлана Дора.

Элаи закричала, ухватив его за лодыжки. С проклятиями Юлан Дор, выскользнув из плаща, смотрел, как воздушная лодка резко повернулась, ударилась о стену башни и со звоном упала на камень мостовой.

— В следующий раз... — начал Юлан Дор.

Он почувствовал странное напряжение в воздухе. Обернулся. Элаи смотрела на него, зажав рукой рот, будто сдерживала крик.

Он осмотрелся. Люди, и серые, и зеленые, исчезли с улицы. Их окружала пустота.

— Элаи, — спросил Юлан Дор, — почему ты так не меня смотришь?

— Красное при свете дня... и цвет Паншу на твоих ногах... Это наша смерть, наша смерть!

— Ни в коем случае, — бодро ответил Юлан Дор. — Пока со мной мой меч...

Камень, прилетевший будто ниоткуда, ударился в землю у его ног. Он посмотрел направо, налево в поисках нападавших, ноздри его раздулись от гнева. Но напрасно. Двери и окна домов были пусты.

Другой камень, размером с кулак, ударил его в спину. Он повернулся и увидел только обветшавшие фасады древнего Ампридатвира, пустые улицы, блестящие движущиеся полоски.

Камень, просвистев в шести дюймах от головы Элаи, ударил его в бедро.

Юлан Дор признал свое поражение. Нельзя отражать камни мечом.

— Нам лучше уйти... — И увернулся от большого камня, который разбил бы его череп.

— Назад, на полоски, — сказала девушка тусклым, безжизненным голосом. — Попробуем укрыться на другой стороне площади. — Камень ударил ее в щеку. Элаи, вскрикнув от боли, опустилась на колени.

Юлан Дор зарычал, как зверь, в поисках жертвы для убийства. Но вокруг не видно было никого живого, хотя камни продолжали падать.

Он наклонился, поднял Элаи и побежал на быструю центральную полоску.

Каменный дождь вскоре прекратился. Девушка открыла глаза, моргнула и снова закрыла их.

— Все кружится, — прошептала она. — Я сошла с ума. Я почти решилась...

Юлану Дору показалось, что он узнает башню, в которой провел ночь. Он сошел с полоски и приблизился к входу. Он ошибся: прозрачная дверь преградила ему путь. Пока он стоял в нерешительности, дверь прямо перед ним растаяла, образовав проход. Юлан Дор удивленно хмыкнул: «Еще одно древнее волшебство...»

Волшебство оказалось безвредным. Проход за ним сжался, соединился и снова стал прозрачной перегородкой.

Внутри был зал, пустой и холодный, хотя стены и были украшены разноцветными металлами и великолепной эмалью. Одну стену занимало панно — мужчины и женщины в воздушных одеждах ухаживают за цветами в ярком солнечном саду.

«Прекрасно, — подумал Юлан Дор. — Но это не место для отражения нападения». По обе стороны зала открывались гулкие пустые коридоры, впереди — небольшая комнатка с блестящим полом, который, казалось, излучает свет. Он вошел туда — и поднялся в воздух, поплыл легче пушинки. Элаи у него на руках ничего не весила. Он невольно испустил хриплый крик и безуспешно попытался опуститься на пол.

Он плыл в воздухе, как лист, гонимый ветром. Юлан Дор приготовился к болезненному падению, когда волшебство кончится. Но этажи пролетели мимо. «Удивительное колдовство, — мрачно подумал Юлан Дор, — лишить человека опоры. Оно прекратится, и мы упадем с такой высоты. Не спастись».

— Протяни руку, — слабым голосом произнесла Элаи, — возьмись за поручни.

Он ухватился за перила, полет замедлился, и, не веря своей безопасности, Юлан Дор вышел на этаж. Перед ним открылось несколько помещений. Груды обломков и пыли — все, что осталось от мебели.

Он опустил Элаи на мягкий пол; девушка поднесла руку к лицу и слабо улыбнулась.

— Больно.

Юлан Дор смотрел на нее со странным ощущением бессилия.

Элаи сказала:

— Не знаю, куда теперь идти. У меня больше нет дома. Мы умрем с голоду, потому что никто не даст нам пищи.

Юлан Дор горько рассмеялся.

— Пока в зеленых лавках не видят человека в сером, у нас никогда не будет недостатка в пище... Но есть более важные вещи — дощечки Рогола Домедонфорса. Похоже, они недоступны.

Она серьезно ответила:

— Тебя убьют. Человек в красном должен сражаться со всеми — ты видел это сегодня. Даже если ты и доберешься до храма Паншу, там множество ловушек, отравленные стрелы и призраки на страже.

— Призраки? Ерунда. Это люди точно такие же, как вы, серые. Только они одеты в зеленую одежду... Я слышал о таких вещах, о мозговых блоках...

Она оскорбленно сказала:

— Ни один серый их не видит. Может, у тебя галлюцинации.

— Может быть, — с сухой улыбкой согласился Юлан Дор. Некоторое время они сидели в пыльной тишине старой башни. Потом Юлан Дор, хлопнув себя по коленям, нахмурился. Бездеятельность — предвестник поражения. — Подумаем, как пробраться в храм Паншу.

— Тебя убьют, — просто повторила она.

Юлан Дор, настроение которого улучшилось, ответил:

— Нужно смотреть на мир оптимистичнее... Где найти другую воздушную лодку?

— Ты сошел с ума.

Юлан Дор встал.

— Где ее искать?

Она покачала головой.

— Ты решил умереть и волен выбрать себе смерть. — Она тоже встала. — Мы поднимемся в колодце без веса на самый верхний этаж башни.

Без всяких колебаний ступила она в пустоту, и Юлан Дор неохотно последовал за ней. Они поплыли на головокружительную высоту. На самом верхнем этаже они остановились, вышли на террасу, открытую ветрам. Они стояли выше, чем на вершине горы, и улицы Ампридатвира превратились в тонкие серые ниточки внизу. Гавань казалась бассейном, а море в серой дымке уходило за горизонт.

Три воздушные лодки стояли на террасе; они ярко блестели, стекло их было прозрачно, а эмалевые покрытия сияли, будто лодки только что опустились.

Подойдя к ближайшей, Юлан Дор нажал кнопку, убиравшую верх, и прозрачный купол с негромким лязгом скользнул назад.

Внутренность оказалась такой же, как и у первой лодки, — длинное мягкое сиденье, шар, укрепленный на стержне, множество переключателей. Ткань сиденья затрещала, когда Юлан Дор потрогал ее, а воздух внутри кабины был затхлым. Он вошел в лодку, и Элаи последовала за ним.

— Я пойду с тобой: гибель в падении быстрее голодной смерти и менее болезненна...

— Надеюсь, мы не упадем и не умрем с голоду, — ответил Юлан Дор. Он осторожно касался переключателей, готовый при малейшей опасности вернуть их в прежнее положение.

Купол над их головами закрылся, реле, ожидавшие тысячи лет, ожили, эксцентрики зашевелились, рукоятки заняли нужное положение. Воздушная лодка дернулась и поднялась в темно-синее небо. Юлан Дор разобрался, как поворачивать лодку, как поднимать и опускать ее нос. Его охватила чис-

тейшая радость полета в воздухе. Все оказалось легче, чем можно было себе представить. Легче, чем идти пешком. Он по очереди проверил все ручки и переключатели, узнал, как повисать в воздухе, как опускаться, тормозить. Нашел ручку управления скоростью, передвинул ее, и за стенами лодки засвистел ветер. Они улетели далеко в море, и остров превратился в синюю туманную полоску на горизонте. Ниже, выше, над самыми верхушками волн и сквозь багровые клочья облаков.

Элаи сидела, неподвижная, расслабленная, возбужденная, и пела. Теперь она казалась ближе к Юлану Дору, чем к Ампридатвиру; прервалась какая-то тонкая нить.

— Давай полетим дальше, — сказала она. — Все дальше и дальше, по всему миру, над лесами...

Юлан Дор искоса взглянул на нее. Она прекрасна — чище, красивее, сильнее женщин, которых он знал в Кайне. Он с сожалением ответил:

— Тогда-то мы уж точно умрем с голоду — никто из нас не выживет в дикой местности. И мне нужно отыскать дощечки...

Она вздохнула.

— Хорошо. Нас убьют, но какая разница? Вся Земля умирает...

Наступил вечер, и они повернули к Ампридатвиру.

— Вон там, — махнула рукой Элаи, — храм Газдала, а здесь — храм Паншу.

Юлан Дор завис в лодке над храмом Паншу.

— А где выход?

— За аркой. Там множество опасностей.

— Но мы ведь полетим, — напомнил ей Юлан Дор.

Он опустил лодку до десяти футов над поверхностью и скользнул под арку.

Держа курс на слабый свет впереди, Юлан Дор провел лодку по темному проходу, потом еще через одну арку, и они оказались в нефе храма.

Возвышение, на котором хранилась дощечка, напоминало крепость, огражденную стенами. Первое препятствие — широкий ров, заполненный стеклянистой водой. Затем канава с жидкостью цвета серы, а за ней на открытой площадке — пятеро стражников. Юлан Дор, укрываясь в тени под потолком, незаметно провел лодку и повис над самым возвышением.

— Приготовься, — сказал он и опустил лодку. Блестящая дощечка оказалась в пределах досягаемости. Он убрал прозрачный колпак, Элаи протянула руку и схватила дощечку. Пятеро стражников, испустив гневный рев, бросились вперед.

— Назад! — закричал Юлан Дор, мечом отразив брошенное копье. Элаи села с дощечкой в руках. Юлан Дор захлопнул верх. Стражники прыгнули на лодку, хватая ее за гладкий металл, колотя по нему кулаками. Корабль поднялся в воздух, один за другим стражники отцеплялись и с криками падали на пол.

Лодка пролетела под аркой, по длинному проходу, через выход и в темное небо. Позади слышались крики, трубил тревожно рог.

Юлан Дор осмотрел добычу — овальную полоску прозрачного материала с какими-то бессмысленными черточками.

— Мы выиграли! — восторженно воскликнула Элаи. — Ты повелитель Ампридатвира!

— Ровно наполовину! — усмехнулся Юлан Дор. — Вторая дощечка в храме Газдала.

— Но... Это безумие. Ты ведь уже...

— Добывать только одну дощечку — бессмысленно. Две — или ни одной!

Возражения девушки стихли, только когда они повисли перед входом в храм Газдала.

Когда лодка входила под арку, она задела за нить, которая уронила с покатого настила груду камней. Некоторые из камней ударились о корпус лодки и отскочили. Юлан Дор выругался. Теперь охранники будут настороже.

Он двигался под самым потолком, прячась во тьме. Вскоре появились два стражника с факелами — пришли проверить, чем вызван шум. Они прошли прямо под лодкой, и Юлан Дор заторопился вперед, через арку и в неф. Как и в храме Паншу, дощечка блестела посреди крепости.

Стражники были настороже, они нервно посматривали в сторону входа.

— Теперь смелее! — сказал Юлан Дор и провел лодку вдоль стен, над ямами, рвом с кипящей жидкостью, посадил рядом с возвышением, откинул верх и, выскочив, схватил дощечку под крики бегущих с копьями стражников. Передний метнул копье; Юлан Дор отразил его и бросил дощечку в лодку.

Но враги уже были рядом; его проткнут, если он попытается забраться в лодку. Он, прыгнув вперед, отбил копье. В обратном движении разрубил плечо одному из стражников, схватил за древко копье третьего и подтащил его в пределы досягаемости своего меча. Стражник упал с криками о помощи. Юлан Дор прыгнул в лодку, стражник — за ним. Юлан Дор встретил его острием меча. Хлынула кровь, и стражник упал. Юлан Дор щелкнул переключателем: лодка высоко поднялась и направилась к выходу.

Вскоре тревожный рог храма Газдала добавил свой звук к панике, охватившей весь город.

Лодка медленно двигалась по небу.

— Смотри! — сказала Элаи, схватив его за руку. На улицах при свете факелов толпились мужчины и женщины — серые и зеленые, поднятые тревожным ревом рогов.

Элаи закричала:

— Юлан Дор! Я вижу! Вижу! Там люди в зеленом! Оказывается, они существуют... Неужели они были всегда...

— Мозговой блок разрушен, — сказал Юлан Дор, — и не только у тебя. Те, внизу, тоже увидели друг друга...

Впервые в жизни серые и зеленые смотрели друг на друга. Лица их дергались в испуге. В свете факелов Юлан Дор видел, как они с отвращением отшатываются друг от друга, слышал беспорядочные крики:

— Демон!.. Демон!.. Серый призрак!.. Злой зеленый демон!

Тысячи одержимых глядели друг на друга, кричали в ненависти и страхе. «Они все сошли с ума, — подумал Юлан Дор, — у всех поврежден мозг...»

Как по какому-то сигналу, началась схватка. От криков ненависти кровь Юлана Дора заледенела. Элаи с плачем отвернулась. Ужасное происходила внизу — с мужчинами, с женщинами, с детьми: неважно, кто был жертвой, если он в одежде другого цвета.

На дальнем краю толпы послышался более громкий, ревущий звук — появилось несколько волочащих ноги гаунов. Они возвышались над серыми и зелеными, хватали, рвали, и безумная ненависть уступила место страху. Зеленые и серые разделились и побежали по домам, а улицы остались во власти гаунов.

Юлан Дор оторвал взгляд от толпы и схватился за голову.

— И это все я наделал?.. Это все из-за меня?..

— Рано или поздно это должно было случиться, — тупо сказала Элаи. — Если только Земля не умерла бы раньше...

Юлан Дор поднял дощечки.

— Вот то, что я искал, — дощечки Рогола Домедонфорса. Они провели меня за тысячи лиг через Мелантин. Теперь они у меня в руках, эти бесполезные куски стекла...

Лодка поднялась высоко в небо, и Ампридатвир превратился в груду бледных кристаллов в звездном свете. Юлан Дор сложил дощечки. Черточки на них слились, стали буквами, и Юлан Дор прочел то, что было написано древним волшебником:

«Неверные дети, Рогол Домедонфорс умирает
и остается навечно в Ампридатвире, который
любил и которому служил.
Когда разум и добрая воля восстановят
порядок в городе или когда кровь и сталь
научат сдерживать жестокость и страсти,
погубив всех, кроме самых сильных, — тогда
будут прочитаны эти таблички.
И тому, кто их читает, я говорю:
отправляйся в башню Судьбы с желтым куполом,
поднимись на верхний этаж, покажи красное
левому глазу Рогола Домедонфорса, желтое
правому глазу, затем синее обоим глазам;
сделай это, говорю я, и раздели власть
с Роголом Домедонфорсом».

Юлан Дор спросил:

— Где башня Судьбы?

Элаи покачала головой.

— Есть башня Родейла, Красная башня, башня Кричащих Призраков, башня Птиц, башня Гаунов — но я не знаю башни Судьбы.

— Но у какой башни желтый купол?

— Не знаю.

— Утром поищем.

— Утром, — повторила она, сонно прислонившись к нему.

Когда встало старое красное солнце, они полетели над городом и увидели, что жители Ампридатвира все еще заняты убийствами.

Схватки и убийства были не такими яростными, как накануне. Это были сознательные убийства. Группы мужчин прятались в засадах или врывались в дома, истребляя женщин и детей.

Юлан Дор пробормотал:

— Скоро в Ампридатвире не останется никого, к кому смог бы Рогол Домедонфорс применить свою власть. — Он повернулся к Элаи. — У тебя нет отца или матери, за судьбу которых ты боишься?

Она покачала головой.

— Всю жизнь я жила с тупым тираном-дядей.

Юлан Дор повернулся. Он увидел желтый купол. Вот она, башня Судьбы.

— Туда, — сказал он, поворачивая нос лодки.

Приземлившись на одном из верхних этажей, они прошли по пыльным коридорам, прыгнули в антигравитационный лифт и поднялись на самый верх. Здесь была маленькая комната, украшенная яркими фресками с изображением двора древнего Ампридатвира. Мужчины и женщины в разноцвет-

ных шелковых одеяниях беседовали и пировали, а на центральной фреске — преклонялись перед правителем с тяжелым взглядом блестящих глаз и белой бородой. Он был одет в пурпурно-черную одежду и сидел на резном стуле.

— Рогол Домедонфорс! — прошептала Элаи, и оба они затаили дыхание. Они чувствовали, как их дыхание шевелит неподвижный воздух, а нарисованные глаза заглядывают им глубоко в мозг...

Юлан Дор задумчиво сказал:

— Красное — левому глазу, желтое — правому, затем синее — обоим. Ну, что ж... вот синие черепицы, а на мне красный плащ.

Они нашли синие и желтые плитки, и Юлан Дор отрезал от своего плаща полоску.

Красное к левому глазу, желтое к правому. Затем синее к обоим. Щелчок, скрежет, гудение, как от сотни пчел.

Стена открылась, обнажив лестничный пролет. Юлан Дор вошел и, чувствуя за собой дыхание Элаи, поднялся по ступеням.

Они оказались непосредственно под куполом в потоках дневного света. В центре на возвышении стоял сверкающий черный цилиндр, похожий на стеклянный.

Гудение перешло в резкий вой. Цилиндр задрожал, осел, стал полупрозрачным. В центре его стала видна бесформенная белая масса — мозг?

Цилиндр ожил.

Он отрастил псевдоподии, которые повисли в воздухе. Юлан Дор и Элаи смотрели, застыв, прижавшись друг к другу. Одно черное щупальце выросло на конце глаз, другое образовало рот. Глаз внимательно осмотрел их.

Рот весело произнес:

— Приветствую, приветствую вас через время. Наконец-то вы пришли разбудить старого Рогола Домедонфорса от его снов. Я спал долго и крепко... кажется мне, что слишком долго. Сколько же я спал? Двадцать лет? Пятьдесят? Сейчас посмотрим.

Глаз повернулся к трубке на стене, на четверть заполненной серым порошком.

Голос удивленно воскликнул:

— Энергия почти вся рассеялась! Сколько же я спал? Период полураспада 1200 лет — значит, больше пяти тысяч лет! — Глаз снова повернулся к Юлан Дору и Элаи. — Кто же вы? Где мои враждующие подданные, приверженцы Паншу и Газдала? Перебили друг друга давным-давно?

— Нет, — со слабой улыбкой ответил Юлан Дор. — Они все еще сражаются на улицах.

Щупальце с глазом вытянулось к окну и посмотрело сверху на город. Желеобразный мозг задрожал, засветился оранжевым светом. Снова послышался голос, теперь в нем звучала резкая хрипота. По коже Юлана Дора поползли мурашки, он почувствовал, как Элаи лихорадочно сжала его руку.

— Пять тысяч лет! — воскликнул голос. — Пять тысяч лет, а эти несчастные все еще враждуют! Время не научило их мудрости? Тогда следует использовать более сильные средства. Рогол Домедонфорс научит их мудрости. Смотрите!

Снизу послышался громовой звук, сотни мощных ударов. Юлан Дор и Элаи заторопились к окну и посмотрели вниз. Потрясающее зрелище увидели они на улицах.

Десятифутовые павильоны, ведущие в подземелья города, распахнулись. Из каждого выползло по большому щупальцу из черного прозрачного желе, похожего на вещество движущихся дорог.

Щупальца поднялись в воздух и выпустили сотни отростков, которые начали преследовать бегущих в панике жителей Ампридатвира. Щупальца хватали людей, срывали с них одежду, серую и зеленую, проносили по воздуху и швыряли на центральную площадь Ампридатвира совершенно обнаженными, и ни один человек не мог отличить серых от зеленых.

— У Рогола Домендонфорса теперь большие сильные руки, — воскликнул громовой голос, — крепкие, как сталь, вездесущие, как воздух.

Голос доносился отовсюду и ниоткуда.

— Я, Рогол Домедонфорс, последний правитель Ампридатвира. До какого же состояния вы пали! Жители лачуг, пожиратели грязи! Смотрите — я мгновенно восстановлю все разрушенное за пять тысяч лет!

Щупальца отрастили тысячи дополнительных приспособлений — жесткие роговые резаки, жерла, изрыгавшие голубое пламя, огромные черпаки, и на каждом из них вырос на стебельке глаз. Они метались по городу, и везде, где что-то обрушилось или виднелись другие следы времени, щупальца копали, резали, жгли, плавили, доставляли новые материалы. После них оставались новые сверкающие поверхности.

Многорукие щупальца собирали обломки веков; нагруженные, они проносились высоко в воздухе чудовищной катапультой, выбрасывавшей мусор далеко в море. И везде, где была серая или зеленая краска, щупальца меняли их на новые яркие цвета.

По всем улицам катилась многоликая волна, устремлялась в каждую башню, в каждый дом, на каждую площадь и в каждый парк — уничтожая, разбирая, строя, чиня, восстанавливая. Рогол Домедонфорс схватил Ампридатвир и завладел им, как дерево хватает корнями землю.

И через несколько мгновений прежние развалины заменил новый Ампридатвир, сверкающий, блестящий город, гордый, неустрашимый, бросающий вызов красному солнцу.

Юлан Дор и Элаи, ошеломленные, чуть не теряющие сознание, следили за обновлением. Неужели все это возможно? Неужели можно уничтожить город и в мгновение ока построить на его месте новый?

Руки из черного желе метнулись по холмам острова, нырнули в пещеры, в которых лежали сонные переваривающие пищу гауны, схватили их, вытащили на воздух и подвесили над съежившимся Ампридатвиром — сотню гаунов на ста щупальцах, словно ужасные плоды страшного дерева.

— Смотрите! — прогремел голос хвастливо и дико. — Вот кого вы боялись! Смотрите, как обойдется с ними Рогол Домедонфорс!

Щупальца мелькнули, и дергающиеся, извивающиеся гауны пролетели над городом и упали в море.

— Он сумасшедший, — прошептал Юлан Дор Элаи, — долгий сон повредил его мозг.

— Смотрите на новый Ампридатвир! — гремел могучий голос. — Вы видите его в первый и последний раз. Теперь вы умрете! Вы оказались недостойны прошлого — недостойны поклоняться новому богу Рогол у Домедонфорсу. Эти двое, рядом со мной, будут основателями новой расы...

Юлан Дор смотрел встревоженно. Что? Им предстоит остаться одним в пустом Ампридатвире под контролем безумного сверхсущества?

— Нет!

Одним движением он выхватил меч и, погрузив его в цилиндр с желе, пронзил мозг, рассек его стальным лезвием.

Ужаснейший звук, никогда прежде не слышанный на Земле, потряс воздух. Мужчины и женщины сходили с ума на площадях.

Щупальца Рогола Домедонфорса по всему городу забились в лихорадочной агонии, как дергает лапками раненое насекомое. Великолепные башни рушились, крики жителей прорезали грохот катастрофы.

Юлан Дор и Элаи побежали на террасу, где оставили воздушную лодку. За ними слышался хриплый шепот:

— Я... еще... не мертв. Если... вас двоих мои мечты... разбиты, то я... убью... и вас двоих...

Они прыгнули в лодку. Юлан Дор поднял ее в воздух. Невероятным усилием одно из щупалец, прекратив хаотические движения, метнулось, чтобы перехватить их. Юлан Дор увернулся, бросил лодку в небо. Щупальце устремилось за ними.

Юлан Дор до предела отвел рычаг скорости, ветер запел и засвистел вокруг машины. А вслед за ней летела дрожащая

рука умирающего бога, стараясь раздавить мошку, причинившую ему такую боль.

— Быстрее! Быстрее! — молил Юлан Дор машину.

— Выше, — прошептала девушка, — выше — быстрее...

Юлан Дор поднял нос лодки круто вверх, но черное щупальце следовало за ней — черная радуга, подножие которой — в далеком уже Ампридатвире.

Но тут Рогол Домедонфорс умер. Щупальце превратилось в облако дыма и медленно рассеялось над морем.

Юлан Дор продолжал лететь на полной скорости, пока остров не превратился в дымку и не исчез в море. Только тут он замедлил скорость, перевел дыхание и позволил себе расслабиться.

Элаи неожиданно упала ему на плечо и истерически разрыдалась.

— Тише, девочка, тише, — успокаивал ее Юлан Дор. — Мы спасены; мы навсегда покидаем этот проклятый город.

Она успокоилась и скоро спросила:

— Куда же мы теперь полетим?

Юлан Дор расчетливо и с некоторым сомнением осмотрел летающую машину.

— Кандайв не получит накакой магии. Но у меня будет что рассказать ему. Может быть, он останется доволен... И, конечно, он захочет летающую лодку. Но мы еще посмотрим, еще посмотрим...

Девушка прошептала:

— А нельзя ли нам просто лететь на восток? Все лететь, лететь и лететь, пока не найдем место, где встает солнце, и хороший луг, и фруктовые деревья возле него?

Юлан Дор посмотрел на юг и подумал о Кайне с его тихими ночами и окрашенными в цвет вина днями, о просторном дворце, в котором он живет, о лежанке, с которой он будет смотреть на воды залива Санреаль, на старые оливковые деревья, на суматоху праздничных дней...

И сказал:

— Элаи, тебе понравится Кайн!

ГВИЛ ИЗ СФЕРЫ

Рождение маленького Гвила, очень непохожего на своих родителей и других жителей селения, было причиной постоянной досады для его отца. Внешне совершенно нормального ребенка все время мучила странная жажда необычного. Говорили, что его кто-то заколдовал еще во чреве матери. Часто при самом незначительном волнении мальчик как-

то странно хохотал, и это очень развлекало окружающих. Когда Гвилу исполнилось четыре года, он начал задавать странные вопросы:

— Почему у квадрата больше сторон, чем у треугольника?

— Почему мы ходим в темноте и не спотыкаемся постоянно?

— Растут ли в океане цветы?

— Почему, когда ночью идет дождь, звезды не шипят?

На все это отец сердито отвечал:

— Таковы законы философии, и квадраты с треугольниками им подчиняются! — Или: — Мы находим путь на ощупь. — Или: — Я над этим не задумывался. Что там на дне, известно только Хранителю! — Или: — Не знаю, ведь звезды выше даже самых высоких облаков!

Когда Гвил подрос, он стал очень вспыльчив, быстро раздражался, но, многого не понимая, продолжал задавать свои вопросы:

— Почему человек умирает, когда его убивают?

— Куда исчезает красота?

— Сколько будут жить на Земле люди?

— Что находится выше неба?

Отец сердился, но пытался ответить и на это.

— Смерть — следствие жизни, — говорил он. — Жизнь человека походит на воздушный шар. Шар летит, а жизнь течет, похожая на цветной причудливый сон.

— Красота часто коварна, она обманывает зрение. Но когда нет любви, глаза смотрят и не видят красоты.

— Некоторые люди считают, что они приходят на этот свет, чтобы есть, а потом умереть; другие живут в своих делах.

— Только Хранитель может ответить на все вопросы.

Гвил размышлял, пытаясь постичь многое, пока не понял тайный смысл явлений. Шла молва, что при родах ему повредили голову и сейчас он пытается восстановить свой рассудок.

Гвил часто бродил по травянистым холмам Сферы. Ему хотелось ближе узнать то, что его окружает.

Отцу окончательно надоели его расспросы, он больше не хотел их слушать, оттовариваясь тем, что рассказал все, что знал.

Гвил к этому времени повзрослел и всматривался в жизнь широко распахнутыми глазами. Но в уголках его рта, казалось, притаился какой-то страх.

Видя, что отец сердится, юноша попросил:

— Разреши задать еще один вопрос — последний!

— Задавай, — ответил отец, — но только один, не больше.

— Ты часто ссылаешься на Хранителя. Кто он? Где я смогу его найти, чтобы удовлетворить свое любопытство?

Отец посмотрел на сына, как на сумасшедшего, и спокойно сказал:

— Хранитель стережет Музей Человека, который находится в древней земле Падающей Стены. Правда, я не совсем уверен, что Хранитель и Музей Человека все еще существуют. Многие считают, что Хранитель знает все на свете, он, несомненно, колдун и может дать ответы на вопросы о жизни и смерти.

— Я найду Хранителя и Музей, чтобы тоже научиться понимать суть всех явлений, — сказал Гвил.

Отец тихо проговорил:

— Я подарю тебе моего любимого белого коня; мой волшебный плащ, чтобы укрываться от злых сил; мой светящийся кинжал, чтобы освещать путь, и главное — мое благословение, которое будет хранить тебя в нелегком пути.

На языке Гвила вертелось много новых вопросов, главный из которых: откуда у отца волшебные вещи, но... Он только поблагодарил его за чудесные вещи и благословение.

Гвил оседлал коня, наточил кинжал, последний раз посмотрел на свой старый дом в Сфере и отправился на север, горя страстным желанием познать мир.

На старой барже он поплыл по реке Скаум, мечтая о богатстве знаний Хранителя, как вдруг из реки за бортом баржи вынырнул зловещий черный человек с сучковатой дубиной. Юноша начал отбиваться и не без труда столкнул его обратно в воду.

Впереди возник гористый северный берег. Показались темные пирамидальные тополя и какие-то белые колонны. Баржа причалила к берегу. Гвил увидел селение с кривыми улочками. На одной из улочек он встретил одноглазого весельчака, который повел его к прорицателю. Одинокое жилище колдуна было исписано кабалистическими знаками. Сам прорицатель оказался худым стариком с бронзовой кожей, красноватыми глазами и длинной седой бородой.

— Могу ли я тебя кое о чем спросить? — отважно начал Гвил.

— Я отвечаю на некоторые вопросы, — ответил тот, — двадцатикратно я буду отвечать трехстишиями на твоем языке; десять раз я отвечу наклоном головы; расскажу пять притч, которые как хочешь, так и понимай; а один раз я заговорю с тобой на незнакомом языке.

— Во-первых, я хочу знать, много ли ты знаешь?

— Я знаю все, — гордо заявил прорицатель, — секреты красного и черного, тайны добра и зла, чары великого Мотылька, язык рыб и птиц.

— Где ж ты всему этому научился?

Старик усмехнулся:

— Когда из дальних странствий я вернулся в свое жилище, то решил углубиться в себя, хотя понимал, что таким образом постичь мир невозможно.

— Зачем тебе держать все, что ты знаешь, про себя? — рискнул спросить Гвил. — Почему ты скрываешься в четырех стенах и ведешь такое существование?

Прорицатель рассвирепел, но сказал:

— Продолжай! Я уже потратил впустую пятьдесят гран мудрости — у тебя никогда не было в кошельке столько меди. Если тебе нужны какие-то особенные знания, — весело хихикнул он, — то ищи Хранителя. — С этими словами он скрылся в хижине.

Гвил нашел пристанище на ночь, а утром отправился дальше на север. По ночам он защищал себя и коня волшебным плащом. Плащ верно укрывал их от злых сил, острых когтей, согревал в холодные ночи. Под ним они спокойно отдыхали, не боясь ни злых духов, ни зловещей темноты.

Гвил упорно ехал вперед.

Багровое солнце грело все слабее, дни и ночи становились все холоднее.

Но вот на горизонте показались скалы. Лес стал ниже и реже. Среди деревьев преобладали даобады с массивными стволами и тяжелыми сучьями. Их стволы, блестящие, будто отполированные, были красновато-коричневого цвета. Темные листья, окутывающие дерево, делали крону похожей на огромный шар.

На одной из лесных полян Гвил увидел деревушку из торфяных лачуг. Из жилищ вышли странные кричащие люди и окружили Гвила, с любопытством разглядывая его.

Гвила они заинтересовали не меньше, но он молчал, пока к нему не подошел предводитель — здоровенный косматый мужик в меховой шапке и плаще. От мужика так противно пахло, что Гвил отодвинулся.

— Куда направляешься? — спросил атаман.

— Мне нужно попасть в Музей Человека, — ответил Гвил, — не укажешь ли дорогу?

Атаман кивнул на север, где виднелись горы.

— Осконское ущелье — наиболее короткий и удобный путь, хотя там нет никаких дорог. Когда выедешь из ущелья, то попадешь в неизвестную страну. Впрочем... туда все равно невозможно добраться.

Эта новость не смутила Гвила.

— Откуда ты знаешь, что дорога через Осконское ущелье ведет к Музею?

Атаман пожал плечами.

— Так говаривали наши предки.

Гвил резко повернулся к коню, который стал беспокойно всхрапывать. Ему бросилась в глаза изгородь, за которой копошились несколько человек, очень неуклюжих, восьми-девяти футов ростом. Их тела были обнажены, грязные желтые волосы спутаны, водянистые голубые глаза странно блестели, а восковые лица были грубы и тупы. Гвил увидел, как один из них начал жадно и шумно лакать какое-то мутное пойло.

Юноша поинтересовался:

— Что это за люди?

Атамана удивила наивность Гвила.

— Это же наши оусты, — и он жестом указал на коня Гвила, — никогда не видел странного оуста, как у тебя. Наши более покорны и менее злы. И притом у них очень вкусное мясо. — Подойдя ближе к коню Гвила, атаман стал внимательно разглядывать седло и попону, расшитую красными и желтыми цветами. Мне бы хотелось подарить такое моим оустам.

Гвил вежливо объснил, почему он вынужден отказать, на что атаман обидчиво пожал плечами.

Загудел рожок.

— Хочешь есть? Еда готова, — оглянувшись, предложил атаман Гвилу.

Бросив взгляд на загон для оустов, Гвил ответил:

— Я не голоден. Мне надо спешить. Благодарю, но вынужден отказаться.

Он вскочил на коня и отправился в путь. Проезжая под огромным даобадом, Гвил бросил последний взгляд на селение. Возле лачуг царило необычайное оживление.

Вспомнив, как жадно атаман рассматривал седло и попону, Гвил заторопился и, подгоняя коня, скоро добрался до опушки леса. Начиналась саванна. Под копытами коня хрустела сухая трава. Гвил оглядел равнину. Солнце, старое и багровое, как перезревший гранат, садилось на юго-западе, тусклый свет его слабо освещал долину. Видневшиеся в дымке горы выглядели как-то неестественно.

Гвил снова посмотрел на солнце. Еще час, и наступит темная ночь. Он оглянулся назад, почувствовав смутную тревогу, и увидел четырех оустов, тащивших на плечах людей. Человекокони быстро приближались к нему. Неожиданно хлынул дождь, и конь во всю прыть понесся к Осконскому ущелью. Оусты с седоками остались далеко позади.

Когда солнце село, впереди показался еще один лес, более мрачный.

Вот они уже в лесу, над ними склонились его темные деревья. Гвила то и дело задевали узловатые сучья.

Надо было во что бы то ни стало избежать встречи с оустами и их седоками. Гвил три раза менял направление. Наконец, остановившись, он прислушался. Слез с коня, поставил его в лощинку под деревьями и замаскировал ветками. Вскоре четверо на оустах проехали мимо. Они были раздражены. Звуки их шагов медленно таяли, пока совсем не затихли.

Конь зашевелился и зашуршал листьями. Воздух был насыщен влагой. Гвила начало знобить.

Темнота густела. Юноша решил, что лучше поскорей убраться подальше от проклятой деревни. Скорее прочь...

Он вывел коня и стал прислушиваться. Издалека доносились хриплые крики. Гвил повернул в противоположную сторону и предоставил коню полную свободу в выборе дороги.

Сучковатые ветки, сплетаясь над Гвилом, еле пропускали гаснущий багряный свет. В воздухе неприятно пахло плесенью. Конь ступал очень осторожно, а седок, напрягаясь всем телом, чутко вслушивался в тишину. Глаза Гвила уже плохо различали предметы, но он ощущал всей кожей, что где-то совсем рядом притаилась смерть. Обливаясь холодным потом, боясь лишний раз пошевелиться, Гвил все же соскользнул со скакуна, достал волшебный плащ, укрылся сам и закрыл коня. Юноше было страшно. Кругом таилась опасность.

Тусклый красный свет утра сочился сквозь ветви. Гвил вылез из-под плаща. Позавтракал сухими фруктами, накормил коня овсом из торбы. И они продолжили свой путь к горам.

Лес кончился, и перед ними открылась горная страна. Гвил рассматривал скальный кряж. Алел восток. Темно-зеленая гряда тянулась с запада от Мелантина к востоку, к земле Падающей Стены.

Где же Осконское ущелье? Юноша тщетно всматривался вдаль.

По-прежнему моросил дождь. Склоны были покаты, утесы щерились, как гнилые зубы. Гвил повернул коня и поехал вверх по склону.

Ночь он провел в седле. Древний путь через Осконское ущелье привел его в северную тундру. Они с конем мерзли под холодным свинцовым небом, мокли под дождем.

Приподнявшись в седле, Гвил начал рассматривать место, где они сейчас находились. Вдалеке высились утесы. Кругом была бесплодная земля. Монотонность пейзажа лишь изредка разнообразили сухие кусты.

Гвил погнал коня. В ушах свистел ветер. Горы вдали походили на неведомых исполинских животных. Конь остано-

вился. Стало тихо. Гвил огляделся. В отблесках вечерней зари слабо вырисовывались крыши домов незнакомого города.

Конь зафыркал и начал спускаться по каменистому откосу.

— Странный город, — произнес Гвил, который за время своего путешествия привык разговаривать с конем, — ничего не видно, никого не слышно, не пахнет дымом... Кажется, это покинутые жителями древние развалины...

Он подумал, стоит ли рассматривать улицы. Иногда казалось, что руины населены духами. Но улицы могут вывести его в тундру.

Гвил спустился вниз, въехал в город. Копыта коня звонко цокали по булыжникам. Здания были каменные и известняковые. Неразрушенные дома встречались очень редко. Немногие оставшиеся целыми двери стучали, болтаясь на петлях. В стенах темнели большие дыры, но сам камень мало пострадал от времени. Перед негостеприимными домами росли цветы. Гвил отметил, что за ними никто не ухаживает.

Внезапно юноша почувствовал запах дыма.

— Э-эй! — крикнул он.

Но никто не выглянул из дверей, окна не зажглись. Гвил медленно поехал дальше. Улица повернула к большому дому, в окнах которого блестел свет.

Это было высокое здание с четырмя окнами без стекол, над которыми сохранилась бронзовая филигрань. Каждое окно украшал маленький балкончик. Сияла мраморная балюстрада перед террасой, портал равнодушно взирал на окружающих. Слышалась тихая музыка.

Но Гвила заинтересовало нечто иное. Он соскочил с коня и поклонился девушке, которая задумчиво сидела в конце балюстрады. Несмотря на холод, на ней было только бледно-желтое платьице, а на плечах легкая косынка. Личико печально и задумчиво.

Когда Гвил поздоровался, девушка кивнула ему и, улыбнувшись, поправила упавшие на глаза волосы.

— Скверная ночка для путешествий!

— Да, но не очень приятная и для мечтаний при луне, — откликнулся Гвил.

Она снова улыбнулась:

— Мне не холодно. Я сижу и думаю... И слушаю музыку.

— Что это за место? — поинтересовался Гвил, оглядывая улицу, но еще больше любуясь девушкой. — Кроме тебя, здесь еще кто-нибудь есть?

— Это Карчезл. Он покинут людьми десять веков назад. Только мы со старым дядюшкой нашли здесь пристанище, скрываясь от сапонидов из тундры.

Гвил подумал, что девушка очаровательна.

— Тебе холодно? — спросила она. — У нас тебе будет хорошо. О, я так рада тебе! — И она встала.

— Спасибо, но сначала надо позаботиться о коне.

— Его можно поставить вон в том сарае.

Гвил посмотрел, куда она указала, и увидел маленький домик с открытой дверью. Он расседлал коня и поставил его отдыхать.

После Гвил стал прислушиваться к музыке, на которую до этого почти не обращал внимания. Плавные, таинственные звуки висели в воздухе.

— Очень странно, — пробормотал он, поглаживая коня. — Дядя играет, девушка одна ночью... Впрочем, что-то я стал чересчур подозрительным. Девушка чудная, и нет никакой опасности. Если они просто беженцы и любят музыку... К тому же они гостеприимны. — И, достав из седельной сумки свою флейту, Гвил вернулся к девушке.

— Как тебя зовут? — спросила она. — А то я не знаю, как тебя представить дяде.

— Я Гвил из Сферы, которая находится за рекой Скаум в Асколайсе. А твое имя?

Она засмеялась, открывая входную дверь. Мягкий желтый свет упал на булыжную мостовую.

— У меня нет имени. Зачем оно, ведь кроме нас с дядей здесь никого нет.

Гвил удивился, все было очень загадочно, но он постарался скрыть свое удивление.

Может, она считает его колдуном и боится порчи?

Когда они вошли в дом, звуки флейты стали громче.

— Я буду называть тебя Амис, если можно, — сказал Гвил. — Так называется южный цветок, золотистый и прелестный, похожий на тебя.

Она кивнула:

— Пожалуйста, если хочешь.

Они вошли в комнату, украшенную гобеленами, большую и теплую. У одной из стен ярко горел камин, невдалеке от него стоял накрытый стол. В кресле сидел старик, взлохмаченный и неопрятный. Его спутанные седые волосы падали в беспорядке на спину, всклокоченная грязно-желтая борода выглядела не лучше. На ногах старика были потрескавшиеся сандалии. Как ни странно, он продолжал играть на флейте, не замечая вошедших. Гвилу показалось, что девушка движется в такт музыке.

— Дядюшка Людовик! — весело крикнула она. — Я привела гостя, сэра Гвила из Сферы.

Гвил остановил взгляд на старике и поразился. Его глаза,

невзирая на возраст, лихорадочно и молодо блестели и очень умно смотрели. Гвилу даже показалось, что они как-то странно смеются, и это немного обескуражило его. Но морщины на лице старика говорили о перенесенных страданиях.

— Дядя — великий музыкант, в этот час он всегда занимается музыкой. Он придерживается такого режима уже много лет...

Гвил вежливо поклонился.

Амис направилась к столу.

— Угощайся, Гвил, я налью тебе вина. А потом, может, ты тоже поиграешь нам на флейте.

— С радостью. Я неплохо музицирую, — откликнулся юноша и увидел, что лицо старика просветлело, а уголки рта задрожали.

Гвил ел, Амис подливала ему вина. Наконец, комната поплыла у него перед глазами.

Дядя Людовик продолжал играть свою мелодию, нежную и журчащую, которая убаюкивала юношу. Сквозь дрему тот еще видел, как Амис танцует.

«Странно, — подумал Гвил, — эти люди живут в одиночестве, но они добры и прекрасно образованны.»

Гвил очнулся, закончил есть и встал из-за стола. Людовик все еще что-то наигрывал, мелодия походила на пение птиц на восходе солнца. Амис танцевала, подвигаясь все ближе к Гвилу. Он чувствовал тонкий аромат духов и совсем близко видел ее золотые волосы. Ее лицо дышало счастьем.

Людовик почему-то смотрел на нее сердито, не говоря ни слова.

— Ну, а сейчас, может, поиграешь ты? Ты такой молодой и сильный, — сказала Амис, увидев, что Гвил раскрыл глаза. — Я знаю, что ты не откажешься сыграть для дяди, он будет очень доволен и скоро уйдет спать, а мы посидим и поговорим.

— С удовольствием! Я поиграю, — проговорил Гвил, с трудом шевеля окаменевшими губами. — Это все из-за вашего вина... Пусть моя музыка расскажет вам о Сфере.

Случайно взглянув на старика, Гвил был удивлен странным выражением его лица. Замечательно, что человек так любит музыку.

— Ну же, играй! — попросила Амис, подталкивая его к Людовику и флейте.

— Я лучше подожду, пока дядя закончит. Боюсь оказаться невежливым, — возразил Гвил.

— Нет, чем быстрее ты покажешь, что хочешь играть, тем скорее он закончит. Просто возьми флейту. Он плохо слышит, — сказала девушка.

— Ну, что же, — согласился Гвил, — но я лучше возьму свою флейту. — И он достал ее.

В чем дело? Гвил увидел, что с девушкой и стариком произошло что-то странное.

Глаза Амис сверкнули, а дядя обрадовался, но на его лице застыло выражение какой-то безнадежной покорности.

Гвил отвернулся, смутившись.

— Тебе не хочется играть? — На мгновение наступила тишина. Амис в этот момент была особенно привлекательна. — Но я уверена, что своей игрой ты обрадуешь дядю. Ему кажется, что игра другого на его инструменте будет необычайно красива.

Людовик кивнул, и его старые глаза опять как-то странно сверкнули.

У него был действительно чудесный инструмент, сделанный из светлого металла и инкрустированный золотом.

Дядя жадно держался за него.

— Возьми флейту, — сказала Амис, — он плохо соображает.

Людовик отрицательно затряс головой, и Гвил с участием посмотрел на него, на его запачканную бороду, трясущуюся голову.

— Я сыграю на своей флейте, мне не хочется огорчать дядю. Слушайте! — И Гвил поднес флейту к губам. — Это мелодия Кайна, называется «Песня у моря».

Он заиграл. Музыка была прекрасна.

Людовик следил за ним, зевая. Амис слушала, полузакрыв глаза и покачивая в такт рукой.

— Тебе понравилось? — спросил Гвил, закончив играть.

— Очень! Можешь ты эту мелодию сыграть на дядиной флейте? У его флейты звуки более легкие и мягкие.

— Нет, — заупрямился Гвил. — Я играю только на своем инструменте. — И он снова стал играть. Это был танец радости — быстрый, вихревой.

Людовик играл то же, но классически точно. Амис самозабвенно танцевала свой собственный танец.

Гвил заиграл бешеную тарантеллу.

Амис кружилась все быстрее и быстрее, ее руки плавно взлетали, волосы красиво рассыпались по плечам.

Звуки флейты Людовика то взмывали вверх, то падали вниз, инструмент серебристо звучал, сплетаясь звуками с мелодией Гвила. Мелодии украшали друг друга.

Людовик зажмурил глаза и больше не видел танцующей девушки.

Неожиданно он изменил темп на чересчур быстрый. Гвил поддержал его своей флейтой. Они выводили невообразимые рулады, высокие, быстрые и ясные.

Глаза старика закатились, пот струился по лицу. Его флейта восторженно вторила, заставляя содрогаться воздух.

Амис танцевала. Она была очень красива в своей нистовой пляске.

Эта музыка могла поднять даже мертвого. Играя, Гвил вдруг заметил, что у Амис начался припадок, на губах выступила пена. Дядя, прихрамывая, подошел к ней, и случилось что-то ужасное и непонятное. Старик начал играть Песню Смерти.

Гвил из Сферы резко повернулся и выбежал из комнаты с широко открытыми от ужаса глазами.

Людовик, ничего не замечая, продолжал свою жуткую игру. Каждая нота его песни будто острым ножом резала девушку.

Гвил выбежал, и холодный воздух отрезвил его. Шел дождь со снегом. Юноша вбежал в сарай, белый конь повернул к нему голову.

Набросив седло, он взнуздал коня и поскакал прочь из этого старого города. Булыжник звенел под копытами. Прочь от Песни Смерти! Гвил мчался галопом. Немного погодя он оглянулся. И был изумлен и обескуражен. Позади расстилалась ровная каменистая равнина. Но где же город? На его месте видны были только осыпающиеся руины... Кругом царила мертвая тишина, прерываемая шорохом осыпающихся камней. Гвил отвел взгляд и поехал своей дорогой. На север.

Утесы, к которым вела тропа, были сложены из серого гранита, сплошь покрытого алым и черным лишайником и голубой плесенью.

Копыта коня звонко цокали по камням. Этот звук убаюкивал Гвила — он очень устал после бессонной, сумасшедшей ночи. Дрема уносила его в неведомую страну, и Гвил старался стряхнуть с себя оцепенение. Но усталость восторжествовала, и он свалился с седла. Встрепенувшись, Гвил решил отдохнуть.

Утес поднимался высоко в небо. Солнце было в зените. Тропа петляла. Вверху голубело небо. Гвил размышлял. Кругом не было ни души. Чтобы добраться до подножия горы, ему надо пересечь сотни миль прерии. Надо быть начеку.

Он ехал по земле, заросшей травой и цветами. Впереди появилась пустынная возвышенность с группой темных деревьев. У ее подножия блестело озеро, на другой стороне которого виднелись серо-белые руины, плохо различимые в тумане.

Не Музей ли это Человека?

Дул холодный ветер. Все больше смеркалось. Прерия окутывалась темнотой.

Гвил остановил коня, решив переночевать. Потерять тропу во мраке грозило массой неприятностей.

Вдруг раздался какой-то очень печальный звук. Гвил замер, всматриваясь в небо.

Вздох? Стон? Плач?

Звук приблизился, теперь он очень походил на шелест одежд.

Гвил съежился в седле. Из темноты выступил кто-то в белых одеждах, глаза его темнели, подобно пустым глазницам черепа.

Существо издало печальный вопль и исчезло... Гвил услышал только шум ветра. От испуга он упал на землю, а вскочив, укутал себя и коня волшебным плащом. Очутившись в темноте и тепле, Гвил согрелся и заснул.

Как прошла ночь, Гвил и не заметил. Проснувшись, он сразу отправился в путь. Тропа вела его узкой лентой по белому песку, между кустами серого дрока.

Она кончилась возле поросшей деревьями возвышенности. Гвилу хотелось увидеть сквозь листву крыши и дымок над ними. Он огляделся: справа и слева были поля, заливные луга и яблоневые сады. Должны же быть люди! Тут он увидел ограду из камней и черных бревен. На камнях были высечены четыре перчатки, указывающие на центральную колонну. На бревенчатых перилах были вырезаны спирали. За оградой зияла воронка, выкопанная или, может быть, выжженная каким-то ужасным орудием.

Гвил присмотрелся и вдруг увидел трех человек, спешащих к нему.

Конь занервничал. Незнакомцы приблизились, оглядели оценивающе Гвила и взяли под уздцы коня. Это были высокие, прекрасно сложенные люди, одетые в плотно облегающие костюмы из черной кожи, их шапки походили на мятые каштаны, поля закрывали уши. У всех — продолговатые лица, кожа цвета слоновой кости, золотистые глаза и блестящие волосы.

Главный из них выступил вперед. Его лицо было непроницаемо.

— Привет тебе, чужеземец!

— Здравствуйте, — осторожно сказал Гвил, — вы из Сапониса?

— Да, наш народ живет в Сапонисе. — Предводитель с любопытством оглядел Гвила. — Судя по твоему виду, ты с юга?

— Я Гвил из Сферы, что на реке Скаум в Асколайсе.

— Долог же был твой путь! — заметил сапонид. — Опасное путешествие. У тебя, должно быть, накопилась уйма впечатлений.

— Путь кажется короче, когда ясно видишь цель, — ответил Гвил.

Сапонид вежливо предположил:

— Ты пересек Фер Аквилу?

— Конечно, проходил через какие-то камни. — Гвил посмотрел на молчавших людей. — Только вчера я был в ущелье, где встретил привидение, но думаю, оно мной не заинтересовалось.

Его слова вызвали неожиданно бурную реакцию у сапонидов. Лица у всех троих вытянулись, губы сжались. Предводитель попытался разрядить обстановку, но тоже посмотрел на небо с плохо скрываемым страхом.

— Привидение? В белых одеждах? Растаяло в воздухе?

— Ну да. Вы о нем слышали?

Снова наступила тишина.

— Пожалуй, да, — проговорил сапонид. — А ты продолжай, продолжай!

— Немного уже осталось. Я укрылся и уснул. А утром спустился на равнину.

— Больше тебя никто не беспокоил? Не видел ли ты Кильбао Ходячего Змея, который спускается с неба, предвещая беду?

— Никого я больше не видел: ни змей, ни других гадов; меня защищало благословение отца.

— Очень интересно...

— Но, — прервал Гвил, — раз я здесь, не скажете ли вы мне, что это у вас за привидение и что ему надо?

— Этого я не знаю, — осторожно ответил сапонид. — О привидении лучше помалкивать, чтобы не навлечь на себя беду.

— Хорошо, — сказал Гвил, — вы больше ничего не скажете... — и умолк.

Он решил, что до того, как попасть в Музей Человека, неплохо бы понаблюдать за сапонидами и, если надо, помочь им.

— Ну, так что? — поинтересовался сапонид.

Гвил посмотрел на пустырь за оградой из бревен и камней.

— Кто все это выжег?

Сапонид кинул взгляд туда же и пожал плечами.

— Это очень древнее место. Смерть поселилась там, злой дух, который все уничтожает. Впрочем, хватит об этом. Ты, наверное, хотел бы отдохнуть. Мы тебя проводим. — Они двинулись по тропинке в город. Гвил, ни слова не говоря, поехал за ними. Приблизившись к холму, заросшему деревьями и кустами, тропа перешла в широкую дорогу. Справа раскинулось озеро, на берегах которого рос багряный камыш.

За его зарослями был виден причал из черных брусьев, рядом на воде покачивались лодки. Причал был построен в виде серпа и высоко поднимался над водой.

Поднялись в город. Богато украшенные резьбой трехэтажные бревенчатые дома золотисто-коричневого цвета казались построенными на века. Гвил с любопытством разглядывал резные узоры: спирали, цветы, листья, ящериц и всякую всячину. Наличники окон также были украшены орнаментом: листьями, животными, звездами. Было ясно, что эти дома принадлежат богатым людям. Узкая улочка поднималась все выше и выше. Дома утопали в пышной листве деревьев. Сапониды шли впереди, тихо переговариваясь. Они выглядели элегантно, чего Гвил никак уж не ожидал увидеть на севере.

Внезапно все остановились. Главный обернулся и сказал:

— Подожди меня здесь, я должен предупредить Воеводу, чтобы тот приготовился к встрече.

Гвилу и в голову не пришло, что это подвох. Он кивнул головой. Сапонид ушел, а Гвил задумался. Он думал о гостеприимном городе, высоко поднявшемся над холодной равниной.

Подошла стайка девушек и стала рассматривать юношу, пересмеиваясь. На них были красивые полосатые шерстяные платья. Они понравились Гвилу, гибкие, стройные и очень кокетливые.

Вернулся сапонид:

— Ну что же, сэр Гвил, пойдем дальше?

Но у Гвила возникло какое-то странное предчувствие, и он сказал:

— Благодаря отцовскому благословению я проделал этот путь, и я готов отправиться по любой дороге, которая приведет меня к цели.

Сапонид сделал вид, что не понял.

— Конечно, ты отправишься, куда хочешь. Но разреши проводить тебя к Воеводе, которому очень хочется увидеть путешественника с юга.

Гвил поклонился, и они пошли дальше, а через сотню шагов очутились на плантации, где росли кусты с маленькими листиками в виле сердечек. Листья были красные, зеленые, черные.

Сапонид повернулся к Гвилу:

— Я должен предупредить тебя, чужеземец. Это одно из наших священных мест, и обычай требует строго наказать любого, кто наступит на эти листья.

— Я учту. Постараюсь не нарушать ваших законов.

Они очутились в густых зарослях. Откуда-то с ужасающими криками выпрыгнули страшилища с горящими глаза-

ми. Конь Гвила шарахнулся в сторону и наступил на священные листья.

Откуда ни возьмись, налетели сапониды, схватили коня под уздцы и стащили с седла Гвила.

— Стойте! — закричал он. — Что все это значит? Объясните мне!

Но его проводник укоризненно покачал головой:

— Ведь я только что объяснил тебе все!

— Но чудовища напугали коня! — пытался возражать Гвил. — Я не вижу в этом особого греха. Оставьте нас в покое, и мы отправимся дальше.

— Боюсь, что за осквернение священного места тебя ждет наказание. Протесты не помогут. Впереди суровое испытание.

Существа, которых вы напугали, — безвредные домашние животные. Ты сам ехал верхом на животном, которое дернулось, хотя ты его и удерживал. Даже если ты извинишься, то все равно будешь виноват в преступной неосторожности.

Твои действия непредсказуемы, и нам придется заново освятить осквернённую землю. Ты говоришь о случайности и сейчас, когда не сидишь на своем скакуне, а ведешь его под уздцы.

Итак, сэр Гвил, я вынужден признать твою вину и охарактеризовать ее, как дерзость и неуважение.

Я, как сенешаль и сержант-распорядитель Литэна, вынужден арестовать любого правонарушителя. Пока не исправишься, мы подержим тебя в тюрьме.

— Вы что, издеваетесь? — взорвался Гвил. — Так жестоко обращаетесь с путником...

— Ничего не могу поделать, — ответил сенешаль. — Мы гуманны: наши обычаи завещаны предками. Мы чтим прошлое больше, чем настоящее. Таковы наши законы!

Гвил внезапно успокоился.

— И какое же наказание ждет меня?

Сенешаль заявил:

— Выучить наизусть три заповеди арестанта. Мне кажется, что это немного. Но за тобой будут следить!

Гвила поместили в темный, но хорошо проветриваемый подвал. Каменный пол был сухим, на потолке и стенах не было видно насекомых. Гвил остался в одиночестве и чувствовал себя очень неуютно. Светящийся кинжал у него отобрали.

Мысль юноши лихорадочно работала. Он лежал на камышовой подстилке, обдумывая ситуацию, и незаметно уснул.

Прошел еще один день. Пленнику исправно приносили еду и питье. Наконец, его посетил сенешаль.

— Ты родился под счастливой звездой, — сказал сапонид. — Мы не нашли в твоем проступке злого умысла, а только невнимательность. Наказание могло быть очень суровым. Приказ предписывает три вида кары: первая — отрезать на ногах пальцы и вшить перец в кожу на шее; вторая — три часа бить преступника, а потом предать анафеме за осквернение святыни; третья — спустить виновного на дно в свинцовых башмаках и заставить найти утерянную Книгу Келлса. — Сенешаль благодушно смотрел на Гвила.

— Что же будет со мной? — сухо осведомился тот.

Сапонид пошевелил кончиками пальцев.

— Есть указ Воеводы. Ты должен поклясться, что никогда больше не будешь осквернять наши святыни и нарушать обычаи.

— Клянусь, — сказал Гвил и замолчал.

— И еще, — продолжал сенешаль с легкой усмешкой, — ты должен узнать, почему наши девушки никак не могут определить первую красавицу.

— Ужасно трудно, — пробормотал пленник, — не слишком ли велико наказание?

Сапонид принял глубокомысленный вид;

— Многие пытались решить этот вопрос... Каждый горожанин предлагает выбрать девушку из своей семьи: дочь, сестру, племянницу. Но вопрос должен решить незаинтересованный человек. Тебя же никто не сможет обвинить в предвзятости и ты вполне можешь нам помочь в выборе первой красавицы.

Гвил поверил в искренность сапонида, но его удивило, почему именно он должен выбирать красавицу.

— Что же будет, когда я все исполню? — поинтересовался Гвил.

Но сенешаль уже вышел, оставив дверь открытой.

Гвил, проведший в темнице несколько дней, был огорчен, что его костюм оставляет желать лучшего после стольких приключений. Он умылся, причесался. Когда он вышел, то с грустью подумал, что выглядит достаточно неприглядно. Они с сенешалем поднялись на вершину холма. Обернувшись, Гвил сказал:

— Вы обещаете показать дорогу.

Сапонид пожал плечами:

— Верно, но пока тебя освободили лишь временно, и ты должен нам помочь в выборе девушки. Всему свое время.

С холма Гвил увидел, что по озеру плывут три полукруглые лодки, нос и корма которых опущены в воду. Юношу это заинтересовало.

— Почему у вас лодки такой странной формы?

Сенешаль удивленно посмотрел на него:

— Разве у вас на юге не растут такие стручки?

— Нет.

— А у нас растут на лозах-великанах, как видишь, они имеют форму ятагана. Когда стручки созревают, мы их срезаем, очищаем, делая внутренний разрез, соединяем концы и сдавливаем, пока стручок не раскроется. Потом вставляем внутрь распорки, сушим, полируем, украшаем стручок резьбой, покрываем лаком — и корпус лодки готов.

Площадка, на которую они поднялись, была окружена высокими домами из черного дерева. Это было место, где проводятся собрания и праздники горожан.

Сами жители города, столпившиеся здесь, казались подавленными каким-то горем и безразлично взирали на происходящее.

Сотня девушек печально стояла в центре. Гвилу все это зрелище казалось забавным.

Девушки были пестро одеты, их волосы, казалось, были умышленно растрепаны, а лица выглядели грязными и мрачными.

Гвил повернулся к своему проводнику:

— Этим девушкам, похоже, совсем не нравится стоять здесь?

Сенешаль криво усмехнулся:

— Скромность не позволяет им выделяться. Она всегда была характерной чертой сапонидок.

Но в душу Гвила прокралось сомнение.

— Что это за процедура? Я многого у вас не понимаю, и мне не хочется никого обидеть.

Сенешаль невозмутимо заявил:

— Здесь не может быть никаких обид. Мы обычно проводим этот конкурс как можно быстрее и проще. Ты пройдешь перед строем и укажешь на ту, которая тебе больше всех понравится.

Гвил, наконец, понял, что от него требуется, и почувствовал себя дураком: идиотское наказание за нарушение нелепой традиции. Он решил побыстрее справиться с этим делом и направился к девушкам. Те смотрели на него с ненавистью и беспокойством. Его задача была не из простых, многие из девушек были миловидны, несмотря на выпачканные лица и гримасы.

— Встаньте в ряд, — попросил он, — так мне будет легче выбирать.

Насупившись, девушки подчинились.

Гвил начал осмотр. Сначала он решил отсеять сгорблен-

ных, чахлых, толстых, с оспинами на лицах. Группа сократилась на четверть. Затем он сказал как можно мягче: — Никогда не видел столько очаровательных девушек сразу. Любая из вас может победить. Мне выпала трудная задача. Я должен быть объективен и, не сомневайтесь, я постараюсь выбрать самую прелестную из вас.

Пройдя еще раз вдоль шеренги, он попросил уйти несколько девушек, которые ему чем-то не понравились.

Потом оглядел оставшихся и остался доволен — все были красивы. Из них он попросил еще кое-кого выйти. Перед ним были самые привлекательные.

Они зло смотрели на Гвила, когда тот, шагая вдоль поредевшей шеренги, заставлял ту или иную поворачиваться.

Но вот выбор сделан. Девушки заметили это; напряжение и беспокойство их возросли.

Гвил в последний раз прошел перед ними. Нет, он не ошибся в выборе. Все девушки были очень миловидны, с лучистыми глазами, лицами, похожими на цветы, гибкие, как тростник, с шелковистыми волосами. Несмотря на все ухищрения, они не смогли обезобразить себя.

Та, которую выбрал Гвил, была более спокойна, чем другие, и очаровательна. У нее было маленькое личико, огромные задумчивые глаза и прекрасные черные волосы с трогательной челкой. Ее нежная кожа цвета слоновой кости была прозрачна. Стан гибок и грациозен. «Настоящая королева красоты», — подумал Гвил и взял ее за руку.

Глаза девушки расширились от ужаса.

Гвил потянул ее, упирающуюся, вперед, к Воеводе, сидевшему в кресле.

— Я выбрал эту, так как нахожу ее самой красивой.

Над площадкой повисла мертвая тишина.

Из груди сенешаля вырвался хриплый печальный стон.

Он, покачиваясь, вышел вперед с поникшей головой и дрожа всем телом.

— Гвил из Сферы, ты отомстил за мою хитрость. Это — моя любимая дочь Шири. Теперь она должна умереть...

Гвил с недоумением смотрел то на сенешаля, то на Шири.

Девушка была безучастна и глядела куда-то вдаль.

Гвил, заикаясь, проговорил:

— Ничего не понимаю! Я выбрал твою дочь, как самую очаровательную девушку.

— Ты выбрал справедливо, Гвил из Сферы, — с горечью сказал сенешаль.

— Ну, тогда скажи, что я еще должен сделать, чтобы вы меня отпустили? — спросил Гвил.

Ему ответили:

— В трех милях на север лежат развалины, которые мы называем Музеем Человека... — голос сенешаля прервался.

— Ну, ну, я слушаю! — торопил Гвил.

— Ты должежн проводить мою дочь в Музей. На воротах увидишь медный гонг, стукнешь и скажешь: «Мы из Сапониса».

Гвил нахмурился:

— Кто это «мы»?

— Это будет искуплением твоей вины, — прогремел сенешаль.

Гвил огляделся. Он стоял в центре площади, окруженный мрачными сапонидами.

— Когда я должен отправиться? — сухо спросил юноша.

Сенешаль жестко ответил:

— Сейчас Шири переоденется в желтое платье. Через час вернется, и вы отправитесь в Музей Человека.

— А дальше?

— Что будет потом, добро или зло, я не ведаю. До вас туда ходили 13 000 человек, и никто не вернулся.

Спускаясь с вершины холма по тропе, усыпанной листьями, рассерженный Гвил чувствовал дрожь во всем теле.

Нарушение этих дурацких обычаев повлекло за собой жертвоприношение.

Сенешаль подтолкнул его:

— Вперед!

Жертвоприношение... Гвил содрогнулся от ужаса. Его колотило, ему хотелось то смеяться, то плакать. Страх сжимал его сердце, ведь ему придется идти в Музей Человека не одному.

Позади оставались высокие деревья и украшенные резьбой дома.

Наконец, все спустились в тундру.

Внизу стояли восемь женщин в белых хламидах, с церемониальными коронами из соломы на головах. Они окружали желтую шелковую палатку.

Сенешаль подозвал Гвила к ритуальной матроне. Та откинула полог палатки. Оттуда медленно вышла Шири. В ее темных глазах был ужас. Казалось, что материя, как обручами, стягивает ее тело. У платья был высокий воротник, подпирающий подбородок. Руки красавицы были обнажены, на спину спускался капюшон. Девушка походила на маленького пойманного зверька. Она смотрела на отца и Гвила, как на чужих.

Ритуальная матрона мягко обняла ее за талию и подтолкнула вперед.

Шири робко сделала несколько шагов. Сенешаль подвел Гвила. Мальчик и девочка подошли к ним с чашами, протянув их Гвилу и Шири. Девушка равнодушно взяла свою; Гвил тоже, подозрительно рассматривая ее.

— Что это за зелье?

— Напиток, — ответил сапонид. — Выпей, дорога покажется короче, страх покинет тебя, и ты смелее перейдешь болото у Музея.

— Нет уж, — заявил Гвил, — я не стану пить, моя голова должна быть ясной при встрече с Хранителем. Не хочу выглядеть глупо, не хочу качаться и спотыкаться! — И он вернул чашу мальчику.

Шири все еще смотрела на свое зелье. Гвил посоветовал:

— Не пей тоже, и мы доберемся до Музея, не утратив достоинства.

Нерешительно она протянула девочке чашу.

Сенешаль помрачнел, но промолчал.

Старик, одетый в черное, вынес атласную подушку, на которой лежал кнут с резной ручкой.

Взяв кнут, сенешаль легонько ударил Гвила и Шири по спине.

— А сейчас уходите из Сапониса! У вас больше нет дома. Ищите помощь в Музее Человека. Я приказываю не оборачиваться. Забудьте прошлое, не думайте о будущем в Северных Садах. Сейчас вы освободились от всего плохого, что связывало вас с Сапонисом и сапонидами. Я прошу вас! Уходите! Уходите!

Шири закусила губу, слезы текли по ее щекам, но она не издала ни звука. С высоко поднятой головой она пошла в тундру. Гвил быстро следовал за ней.

Они не оглядывались, лишь прислушивались к звукам за спиной. И вот вышли на пустынную равнину. Безграничная мрачная тундра заполнила все пространство и тянулась к горизонту, серовато-коричневая, но живая. На горизонте белели руины Музея Человека. Двое шли туда молча, по едва заметной тропе.

Гвил попытался заговорить:

— Почему мы молчим?

— Говори, — ответила Шири.

— Почему мы должны выполнить эту непонятную церемонию?

— Так было всегда. Разве этого недостаточно?

— Для тебя — может быть, — проворчал Гвил. — Но мне она ни к чему. Меня сжигает страстное желание все узнать, все прочувствовать. Всем овладеть в совершенстве — моя мечта.

Ширн взглянула на него с изумлением:

— Все у вас на юге так любознательны?

— Нет, не все, — ответил Гвил, — не многие тянутся к знаниям. Большинство просто ищут еду, чтобы жить. Но я не такой.

— Зачем нужно что-то искать и исследовать? Земля охлаждается, человечество доживает последние годы. Так стоит ли отказываться от музыки, пиров, от любви?

— Конечно, — промолвил Гвил. — Полное согласие и любовь царят у вас в Сапонисе! Молва окрестила меня ненормальным, якобы злой дух поселился во мне. Может быть, но я одержим знаниями.

Ширн сочувственно посмотрела на него:

— Скажи, может, я смогу облегчить твою тоску.

Гвил окинул взглядом ее милое личико, ее чудные волосы и огромные глаза, похожие на сапфиры.

— Я счастлив, что встретил тебя, и буду рад твоей помощи.

— Говори, говори, — повторила Ширн, — Музей Человека уже близок.

— Почему нас прогнали с молчаливого согласия всех горожан?

— Прямой причиной было то привидение, которое ты встретил на дороге. Когда оно появляется, то мы в Сапонисе знаем, что к Музею Человека надо отправить самых красивых юношу и девушку. Откуда взялся этот обычай, я не знаю. Так будет продолжаться, пока светит солнце, а потом Землю окутает мгла; дождь, снег и ветер обрушатся на Сапонис.

— Но какова наша роль? Кто нас встретит? Что нас ожидает?

— Больше мне ничего не известно.

Гвил задумчиво предположил:

— Вероятность приятной встречи мала. Ты сомневаешься в доброте сапонидов, в доброте вообще всех существ, живущих на Земле; но я случайный путник, и мне по душе красивая молодежь твоего города.

Ширн улыбнулась:

— Ты не исключение.

Гвил мрачно заметил:

— Мне трудно судить, ведь я для вас посторонний человек.

— Это так, — согласилась девушка.

Гвил посмотрел вперед:

— Давай не пойдем к Музею Человека, чтобы не испытывать судьбу! Уйдем в горы, а потом на юг, в Асколайс! Мне, вероятно, никогда не утолить своей жажды к познанию мира.

Девушка покачала головой:

— Ты считаешь, что можно перехитрить судьбу? Глаза сотен воинов следят за нами и будут следить, пока мы не войдем в Музей Человека. Если мы этого не сделаем, с нас сдерут кожу или запрут в ящик со скорпионами. Таково традиционное наказание.

Гвил содрогнулся.

— Ну, что ж... Мне всегда хотелось попасть в Музей Человека. Для этого я отправился в путь из Сферы. Я найду Хранителя и удовлетворю свою страсть к познанию.

— С тобой отцовское благословение, — сказала Шири. — И твое заветное желание может исполниться.

Гвил не нашелся, что сказать, и дальше они шли молча.

Вдруг он остановился:

— Шири! Как ты думаешь, они не разлучат нас?

— Не знаю...

— Шири!

— Да?

— Мы встретились под счастливой звездой...

Девушка молчала. Они шли. Гвил смотрел вперед, на приближающийся Музей Человека. Внезапно Шири схватила его за руку.

— Гвил, я боюсь.

Он опустил голову, рассматривая землю.

— Посмотри, что это в лишайниках? Кажется, тропинка...

Шири засомневалась.

— Здесь прошло много ног, — Гвил едва сдерживал радость. — Было бы замечательно, если бы нам повезло! Мы должны быть очень осторожны. Ни на шаг не отходи от меня. Твоя красота будет хорошей защитой, и, может быть, мы останемся живы.

Шири печально ответила:

— Давай не будем обманываться, Гвил.

Они пошли дальше. Тропа стала четче, и его радость возросла. И чем ближе они подходили к Музею, тем шире становилась тропа.

И вот развалины Музея предстали перед ними. Если сокровищница знаний здесь, то должен же быть какой-нибудь знак. Под ногами скрипел белый известняк, крошащийся, поросший сорняками.

По краям строения высились полуразрушенные монолиты разной высоты. Когда-то они поддерживали огромную крышу, которой больше не было, и стены тосковали о далеком прошлом.

Площадка, на которой они остановились, была ограничена разрушенными колоннами, она продувалась всеми ветрами, освещенная холодным красным солнцем. С мраморных развалин выдувалась пыль веков.

Те, кто строил Музей, тоже давно превратились в пыль и были забыты.

— Подумать только, — тихо проговорил Гвил. — Сколько мудрости хранят эти развалины. Но неужели Хранитель не сберег ее, и мудрость всех времен смешалась с землей?

Шири понимающе кивнула.

— Я все думаю, — продолжал Гвил, — что же будет дальше. Что нас ждет?

— Гвил, — прошептала девушка, — я очень боюсь. Наверное, они нас разлучат, будут пытать и убьют. Меня всю трясет, когда я об этом думаю...

Во рту Гвила было горячо и сухо. Оглянувшись, он сказал:

— Пока я жив и мои руки сильны, нам ничего не угрожает.

Шири тяжело вздохнула:

— Гвил, Гвил, зачем ты выбрал меня?

— А потому, что ты похожа на бабочку, — ответил он, — и опьяняешь, как сладкий нектар. Ты мне очень нравишься, а я никак не думал, что закончится так печально.

Дрожащим голосом Шири еше слышно проговорила:

— Я должна быть смелой, ведь если бы выбор пал на другую девушку, ей бы грозила беда... А вот и дверь.

Вход вел в ближайший монолит, дверь была из черного металла.

Они подошли к ней, и Гвил легонько постучал в маленький гонг.

Петли заскрипели, дверь раскрылась, и на них пахнуло холодом подземелья. В черном проеме невозможно было ничего различить.

— Кто здесь? — крикнул Гвил.

Тихий, дрожащий, как бы плачущий голос отозвался:

— Идите вперед. Вас ждут.

Гвил напряженно вгляделся в темноту, пытаясь хоть что-нибудь разглядеть.

— Дайте свет, нам ничего на видно.

Еле слышно прошелестело в ответ:

— Свет не нужен. Ваш путь согласован с мастером.

— Ну уж нет, — заявил Гвил, — мы хотим видеть лицо нашего хозяина. Ведь мы пришли по его приглашению, значит, мы его гости, и нам нужен свет, чтобы войти в подземелье. Мы пришли за знаниями — значит, мы почетные гости.

— Ах, знания, знания... — прошелестело в воздухе. — Что станется с вами, если вы слишком много будете знать о разных странных вещах? О, вы утонете в потоке знаний.

Гвил прервал этот стонущий глас:

— Ты не Хранитель? Сотни миль я прошел, чтобы поговорить с ним, расспросить его кое о чем.

— Нет, я даже не хочу слышать это имя, он очень коварен.

— Кто же ты?

— Я никто и ничто. Я нечто абстрактное, тайна страха, испарения ужасов, голос умерших.

— Ты говоришь, как человек.

— А почему бы и нет? Мой голос может раздаваться в самых светлых и в самых темных закоулках человеческой души.

— Ты не сделаешь нам ничего плохого? — тихо спросил Гвил.

— Нет, нет, вы должны войти в темноту и отдохнуть.

— Мы войдем, если будет свет.

— В Музее Человека света не бывает.

— В таком случае, — заявил Гвил, вынув свой светящийся кинжал, — я изменю процедуру встречи. Здесь будет свет!

Разлился яркий свет, дух издал зловещий вопль и, став мерцающей лентой, растворился. В воздухе витало лишь несколько светящихся пылинок. Дух исчез.

Шири, боясь шевельнутся, стояла, как загипнотизированная.

— Зачем ты так? — спросила она, тяжело дыша.

— Право, я сам не знаю, — ответил Гвил. — Я не хочу унижаться ни перед кем. Я верю в свою судьбу и не боюсь.

Он стал поворачивать кинжал в разные стороны, и они рассмотрели дверь, вырезанную в скале. Впереди была темнота.

Ступив за порог, Гвил встал на колени и прислушался.

Кругом было тихо. Шири стояла позади Гвила, широко раскрыв испуганные глаза. Гвил, взглянув на нее, почувствовал, как у него сжалось сердце от жалости: маленькое, нежное, беззащитное существо стояло за ним.

Опустив кинжал, он увидел лестницу, ведущую вниз, в темноту.

Свет играл их тенями.

— Ты боишься? — прошептала Шири.

Гвил повернулся к ней:

— Мы пришли в Музей Человека, и нельзя допустить, чтобы мешала всякая нечисть. Ты представляешь свой народ, я — свой... Надо быть готовым к встрече с врагом. Если мы решили назло всему пойти вперед, мы будем двигаться обдуманно. Я предлагаю идти смело вниз по лестнице, может, там мы найдем Хранителя?

— Но зачем его искать?

— Привидение уж чересчур настроено против него.

— Ну что ж, пойдем, — решилась Шири. — Я готова.

— Мы идем навстречу приключениям! — торжественно

сказал Гвил. — Не нужно бояться, и привидения будут исчезать с нашего пути, а с ними — и ужас подземелья. Вперед!

Они стали спускаться. Лестница извивалась, то расширялась, то сужалась. Молодые люди, осторожно ступая, медленно следовали по ней. Их черные тени причудливо изгибались на стенах.

Спуск закончился. Гвил и Шири очутились в помещении, похожем на верхнее. Перед ними была еще одна дверь, на стенах висели латунные тарелки с непонятными письменами.

Гвил толкнул дверь, в лицо ударил поток, холодного воздуха. Вскоре сквозняк ослабел и, наконец, иссяк. Тогда Гвил рапахнул дверь шире.

— Эй, послушайте!

Откуда-то издалека доносился прерывистый треск. Звук был такой, что у Гвила встали дыбом волосы. Он сжал потной рукой лодошку Шири. Тускло мерцал кинжал. Гвил и Шири вошли в проем. Все тот же неприятный звук эхом отдавался в большом зале, в котором они теперь стояли. Гвил посветил на дверь. Та были из какого-то упругого черного материала. Стены — из полированного камня.

Осветив дальнюю стену, молодые люди увидели громоздкий ящик с медными выступами, а рядом — поднос с битым стеклом, на подносе была выгравирована замысловатая эмблема.

Потом они разглядели и другие такие же ящики, тяжелые и мрачные, стоявшие на одинаковом расстоянии друг от друга.

Пробираясь дальше, путники заметили, что неприятный звук начал отдаляться. Они шли гуськом, в темноте, на ощупь. Стена закруглялась, за поворотом была дверь.

Гвил заколебался. Пойти в этом направлении — значило приблизиться к месту, откуда шел треск. В затруднении он обратился к Шири, но та только пожала плечами:

— Не все ли ровно, куда идти? Раньше или позже, но привидения нападут на нас.

— Нет, пока у меня есть светящийся кинжал, они не посмеют расправиться с нами, — возразил Гвил. — Мы найдем Хранителя, может быть, он находится именно за этой дверью.

Он нажал плечом на дверь, та легко отворилась. Заглянув за нее, Гвил вскрикнул от удивления: в глаза ему хлынул золотистый свет. Юноша шире раскрыл дверь, Шири крепко вцепилась в его руку.

— Это Музей! — восхищенно воскликнул Гвил. — Кажется, здесь нам ничто не угрожает... Тот, кто живет среди такой красоты, должен быть добрым...

Свет лился из невидимого источника и, казалось, был соткан из мельчайших частиц, которые добавляли юноше и девушке силы.

На полу лежал огромный ковер, переливающийся всеми цветами радуги. Стены, отделанные драгоценными сортами дерева, были украшены резьбой и покрыты эмалью. На них висели гобелены, на которых были вытканы сценки из быта давно ушедших цивилизаций.

Все это радовало и вселяло надежду.

Еще молодые люди обратили внимание на зеленые мерцающие диски, по которым пробегали красные и черные точки — оживали прекрасные цветы, рождались сверкающие созвездия.

Здесь были собраны самые поразительные сокровища, когда-либо созданные человечеством.

Дверь бесшумно закрылась за ними. Каждой клеточкой своего существа Гвил и Шири чувствовали, как перед ними проходит вся история Земли.

— Хранитель где-то близко, — прошептал Гвил. — Надо попытаться осторожно пройти в галерею.

Напротив них было две двери, в одной из них торчал ключ. Гвил тихо постучал, но ответа не дождался.

— Слишком таинственно. Может, не стоит рисковать? — Шири крепко держалась за его руку.

Но они все же вошли в галерею.

— Какое величие в этих сокровищах, оставленных предками, — прошептал Гвил. — Какие мастера исчезли во тьме веков! Какую чудесную память о себе оставили они... Сейчас ничего подобного уже не делают.

Шири смотрела на него, как на чудо. Ее глаза были прекрасны, и в душе Гвила рождалась любовь. Девушка почувствовала, что он дрожит, и шепнула:

— Гвил, я твоя и всегда буду с тобой...

Галерея завернула за угол. И опять в темноте возник тот противный звук. Казалось, он идет из дугообразного дверного проема.

Гвил решительно зашагал к этой двери. Шири последовала за ним. Они заглянули в комнату.

Огромная, нечеловеческих размеров голова смотрела на них от стены. Подбородок ее лежал на полу, волосы были небрежно закинуты назад.

Гвил отшатнулся. После увиденной красоты его поразило это гротескное уродство. Лицо было грубым и безобразным. Кожа отливала каким-то металлическим блеском, глаза зло сверкали из-под зеленоватых складчатых век.

Гвил обернулся к Шири:

— Не кажется ли тебе, что здесь, в Музее, слишком много необычного?

Глаза Шири были полны ужаса. Холодный пот струился по лицу. Дрожащими руками она схватила Гвила за плечо и потащила к выходу.

— Гвил! — кричала она. — Пойдем скорее отсюда! — Ее голос дрожал. — Скорее пойдем!

Юноша удивился:

— Что ты кричишь?

— Здесь так страшно!

— Но это же только картина, написанная человеком с больным воображением.

— Она живая!

— Да нет же.

— Живая, — пролепетала Шири чуть слышно. — Сначала она посмотрела на меня, потом на тебя и зашевелилась. Тогда я потащила тебя.

Гвил нежно взял девушку за руку и недоверчиво заглянул за дверь.

— Ой... — выдохнул он.

Лицо изменилось, его оцепенение исчезло. Глаза смотрели на Гвила осмысленно. Губы кривились, изо рта вырывалось шипение. Вдруг рот раскрылся, явив огромный серый язык, на котором копошились щупальца, покрытые слизью. Один из таких мерзких отростков выстрелил и жадно схватил Гвила за ногу.

Гвил отпрыгнул, щупальце отпустило его. У Гвила от страха заболел живот, он выбежал в галерею. Щупальце потянулось к Шири, застывшей в углу.

Глаза чудовищной головы блестели, вялый язык раздувался, выпуская все новые и новые побеги.

Шири попыталась убежать, но споткнулась, глаза ее закатились, на губах выступила пена.

Ужасно закричав, Гвил выбежал вперед и рубанул кинжалом по щупальцу, но, звякнув, кинжал отскочил, как от металла. Гвил зубами вцепился в склизкую плоть и притянул щупальце к своему колену.

По лицу монстра пробежала дрожь, щупальца свернулись. Гвил схватил Шири, и они выбежали вон, оглядываясь через плечо, полные ужаса и отвращения. Рот головы закрылся, на морде появилась гримаса разочарования.

Потом Гвил увидел, что из ноздри вырвался столб белого дыма, завихряясь, он превратился в длинную фигуру в белой мантии.

У существа было вытянутое лицо с пустыми глазницами. Морщась от света и хныча, привидение, извиваясь, потекло в галерею, медленно и нерешительно.

Гвил остолбенел. Его мозг лихорадочно работал, пытаясь

понять, чего еще можно ожидать. Может, стукнуть привидение кинжалом, и оно рассеется?

— Держи! Держи! Держи! — раздался обиженный голос. — Держи! Держи! Мои чары и заклинания... недобрый день для Торсингала... Но твой дух вылетит из тела... Так говорю я! Иди, пока разрешаю... не злоупотребляй моим терпением. Таков приказ Ликурга из Торсингала. Убирайся!

Привидение заколебалось и... остановилось в нерешительности, устремив пустые глазницы на старика, который, хромая, вошел в галерею.

Еще мгновение, и привидение шмыгнуло обратно в ноздрю храпящего чудища. Голова зашлепала губами и зевнула, выпустив изо рта что-то похожее и непохожее на бледное пламя, которое накрыло старика. Из жезла, закрепленного над дверью, метнулся искрящийся диск и разрезал языки пламени — оно исчезло в пасти монстра, но ему на смену вытекло что-то черное, превратилось в вихрь и поглотило искры.

Наступила мертвая тишина.

Первым нарушил ее старик:

— О, исчадие ада, ты хотело навредить мне, но мой верный жезл разрушил твое колдовство. Скоро ты превратишься в ничто. Почему бы тебе не убраться в Джелдред?

Огромный рот чудища открылся, похожий на серую пещеру, глаза гневно засверкали. Голова истошно закричала. Такого жуткого вопля Гвил никогда не слышал. Из жезла вылетела серебряная стрела, она с огромной скоростью ударила монстра. Раздался взрыв, лицо исказилось от боли, нос растекся бесформенной серой массой. Голова извивалоась, как морская звезда, все больше увеличиваясь.

Старик произнес:

— Вы видели, как был повержен мой враг. И не помешали старому Керлину исполнить свой долг. Вы чистосердечны, но равнодушны к добру и злу. Впрочем, хватит, жезл!

Голова вздохнула, ее веки поползли вверх. Керлин — Хранитель — пронзительно расхохотался и повернулся к молодым людям, которые стояли в дверном проеме, прижавшись друг к другу.

— Что это значит? Почему вы стоите? Ведь часы учебы закончились. — Старик погрозил пальцем. — Музей не место для бездельников. Идите домой в Торсингал, в следующий раз будете проворнее и не станете нарушать установленный порядок... — Он замолчал, бросив гневный взгляд через плечо. — День закончился скверно; Ночной Хранитель Ключа опаздывает... Конечно, я подожду этого лентяя, но сообщу Ликургу... Пожалуй, пойду к себе, отдохну, здесь не место

старику. Не задерживайте меня, уходите! — И, жестом показав Гвилу и Шири на дверь, он пошел сам.

Гвил обратился к уходившему:

— Мой господин, мне очень нужно поговорить с вами!

Старик остановился и посмотрел на юношу.

— Ну, что еще? Разве день не кончен? Вы нарушаете порядок, а этого никак нельзя допустить. Приходите ко мне завтра, и я выслушаю вас. А сейчас уходите.

Гвил опешил.

— Господин Хранитель, — легонько прикоснулась к нему Шири, — мы рады вас не беспокоить, но нам некуда идти.

Керлин равнодушно посмотрел на нее:

— Некуда идти? Что за чушь? Идите домой или в пубесцентарий, или в темпль, или в гостиницу. Ведь Музей не таверна.

— Мой господин! — отчаянно крикнул Гвил. — Выслушайте меня. Мы здесь по воле случая.

— В чем дело?

— Чье-то зло околдовало вас. Вам не кажется?

— Все может быть, — задумчиво проронил Хранитель.

— Нет Торсингала! Здесь вокруг нет жилья, просто пустое место. Ваш город давно исчез!

Хранитель ласково улыбнулся:

— Очень жаль... Печальный случай. Беда с молодежью. Все куда-то торопятся, — и укоризненно покачал головой. — Ах, да. Мне ясно, что нужно сделать. Вы должны хорошенько отдохнуть. Простая гуманность вынуждает помочь людям. В любом случае Ночной Хранитель Ключа не развеет моей скуки. — Старик кивнул. — Пойдемте! Не заставляйте меня ждать.

Гвил и Шири нерешительно пошли за ним.

Керлин открыл одну из дверей и вошел, ворча под нос что-то неразборчивое. Молодые люди — следом.

Комната была кубической формы. На стенах были какие-то золоченые шишки. В центре помещения стояло зачехленное кресло, а в стороне высокий сундук с резными кольцами.

— Вот — кресло Знаний, — пояснил Керлин. — Оно регулирует Образец Ясности, настраивается само. Я смог бы исправить ваши чувства, но из гуманистических соображений не стану этого делать.

— Господин Хранитель, кресло Знаний может подействовать и на меня? — встревоженно спросил Гвил.

— В твоей голове все перепутано, и контакт будет чрезвычайно затруднен. Ученые, изучающие нервную систему человека, с помощью кресла могут судить о способностях

наблюдаемого. Ведь для того, чтобы исправить, надо сначала хорошенько понять.

— Если я сяду в кресло, — спросил Гвил, — что вы будете делать?

— Включу контакт. Это тебя ошеломит. Через тридцать секунд загорится лампочка, которая оповестит об окончании воздействия. Проделав обратные манипуляции, я восстановлю твои силы.

Гвил переглянулся с Шири:

— Ты что-нибудь понимаешь?

— Да, Гвил, — прошептала девушка.

— Хорошо, покажите, как мне сесть, — обратился Гвил к Хранителю.

— Сядь и расслабься. Я прикрою козырьком твои глаза, чтобы не отвлекалось внимание.

Наклонившись над креслом, Гвил стал рассматривать прибор.

— Ничего не понимаю...

Хранитель от нетерпения подпрыгнул:

— Для этого нужен особый дар, — и сел в кресло сам.

— Как пользоваться козырьком?

— В этом-то все и дело, — Керлин закрыл лицо пластиной, расслабился и вздохнул.

Шири огромными глазами смотрела на Гвила.

— Он умер?

— Кажется, нет.

Их глаза не отрывались от обмякшего тела. Шли секунды.

Издалека послышались звон и торжествующие крики. Гвил бросился к двери. В галерею втекали и вбегали привидения. За ними Гвил увидел и огромную голову. Ее глаза сверкали. На нелепом подобии ушей болтались красные сережки.

Стена треснула и развалилась. Огромное щупальце схватило Шири за руку. Девушка закричала от ужаса. Гвил побледнел и задрожал, хлопнув дверью по ближайшему привидению. То просочилось в дверь, медленно, клочками тумана.

«Только Керлин может управлять волшебным жезлом, — сердце готово было выпрыгнуть, — только он...»

Гвил бросился к спящему Хранителю:

«Проснись, пожалуйста, проснись!! — умолял он мысленно старого волшебника.

Керлин открыл глаза. Он смотрел на Гвила. Сзади толпились привидения. Бесформенные белые фигуры колебались, пустые глазницы горели угрозой.

Керлин продолжал сидеть. Одно из привидений дрогнуло. Руки, похожие на крылья, держали какие-то грязные комья.

Призрак швырнул свою ношу на пол, комья взорвались, превратившись в черный порошок. Облако пыли обволокло комнату, на глазах порождая мириады гудящих насекомых, которые, в свою очередь, формировали в воздухе тела мерзких существ с обезьяньими головами.

Хранитель зашевелился.

— Жезл... — прохрипел он и протянул руку.

Привидение ухватилось за жезл. Но из жезла брызнул красный свет. Привидение отшатнулось от роя частиц, превратившихся в алых скорпионов. Началась свирепая битва.

Отовсюду неслись крики и визг. Часть обезьяноголовых существ сразу же погибла, остальные убежали.

Другое привидение потянулось к жезлу. Но из того вновь вырвался яркий свет, и привидение исчезло.

— Керлин! — закричал Гвил. — Демон в галерее!

Хранитель, не мешкая, кинулся к двери.

— Жезл! — кричал он. — Выполняй приказ!

Демон за дверью пробурчал:

— Нет, старик еще силен, мне не удастся с ним справиться. Придется убраться. — И, заслонив на мгновение дверной проем своей мерзкой мордой, разозленный, он отправился восвояси.

— Жезл! — повторил Керлин. — Будь внимателен!

Жезл выскользнул у него из рук.

Керлин обратился к молодой паре:

— О многом бы мне хотелось поведать вам, но мой час пришел, я умираю. Скоро Музей осиротеет. Пока не поздно, я должен еще кое-что сказать... — Хранитель с трудом подошел к двери и защелкнул замок.

Гвил и Шири, пытаясь понять, о чем он говорит, тихо стояли у стены.

— Подойдите, — нетерпеливо позвал их Керлин. — Силы покидают меня.

Гвил и Шири подошли. Все, что интересовало Гвила раньше, отошло, стало казаться неинтересным.

Керлин оглядел их с легкой усмешкой.

— Перестаньте бояться и торопитесь. Мне осталось совсем мало времени, сердце бьется все слабее, не дышится.

Старик с трудом поднял руку и поманил молодых людей за собой вглубь комнаты. Там Керлин упал в кресло. Поглядывая на дверь, Гвил и Шири сели на пол у его ног.

Керлин усмехнулся:

— Не бойтесь белых фантомов! Они заперты в галерее под охраной жезла. Только когда меня не станет, жезл перестанет мне повиноваться. Вы должны знать, что энергию моего мозга

поддерживают могущество Музея, который вечен. Я лишь сижу и управляю.

— Но кто же такой Демон? Как он проникает сквозь стены?

От вопроса Гвила Керлин помрачнел.

— Это — Блидак, Правитель злых сил Джелдреда. Он проделал дыру в наш мир, сидит и ждет моей смерти. Когда я не смогу сдерживать его с помощью моего жезла, он вырвется на волю и принесет много вреда людям.

— Почему же нельзя прогнать его и заделать проделанную им дыру?

Хранитель только покачал головой:

— Я не могу контролировать могущество дикой стихии в мире злых духов, суть этого мира мне неизвестна. Демон окружен оболочкой его мира, и в ней он в безопасности. Но погодите, хватит о Блидаке, расскажите мне о себе. Зачем вы здесь? И что нового в Торсингале?

Гвил, запинаясь, проговорил:

— Торсингал исчез. Вокруг Музея лишь тундра, да чуть поодаль — старый город Сапонис. Я пришел с юга, чтобы поговорить с вами и поучиться у вас. Шири из Сапониса, она жертва древнего обычая, который требует посылать самых красивых девушек в Музей Человека на растерзание Блидаку.

— Нет, — вздохнул Керлин. — Это я вызывал из города молодежь, чтобы Блидак не скучал...

Шири недоуменно пожала плечами:

— Но зачем? Зачем ему люди?

Керлин мрачно буркнул:

— Молодость — игрушка для него. Он забавлялся, удовлетворяя свои чудовищные инстинкты, отвлекался от стычек со мной, отодвигая этим мою смерть. Он посылает привидения, чтобы требовать молодых и красивых людей.

— Вот, значит, что ожидало меня... — прошептала Шири.

— Я не понимаю, — сказал Гвил. — У меня не укладывается в голове. Все это так несуразно. Блидак — ничто, но походит на человека. Он и его привидения, крылатые, с горящими глазницами, выплеснутся на Землю, и наступят ее последние дни?

— Зло и мерзость окутают человечество, жестокость и содом, скотские прихоти, немыслимые извращения будут разрастаться подобно злокачественной опухоли. Блидак покажет, на что он способен. Вы увидите, как он превратит все, что еще осталось на планете, в прах, испытывая от этого громадное удовольствие. Но хватит о Блидаке. Мне тяжело,

я умираю! — И Керлин откинулся на спинку кресла. — Все плывет перед глазами. Трудно дышать. Моим костям нужен отдых. Я жил наукой, своей фанатичной преданностью ей и не замечал, как бежит время. Пролетели годы, столетия и эпохи — они летели, как искры. Но, похоже, даже вечность не бывает достаточно долгой...

Шири, побледнев, оттолкнулась от старика:

— Что же случится, когда вас не будет? Что тогда? Блидак...

— Разве в Музее Человека нет сведений, как расправиться с Демоном? — прервал ее на полуслове Гвил.

— Блидака нужно уничтожить, — сказал Керлин, — тогда мне станет легче умирать, я буду спокоен за судьбу Музея. — Он облизнул губы. — В древних рукописях написано, что надо разрушить вещество Демона, его природу, — и он поглядел на Гвила.

— Но как? — спросил юноша. — Блидак никогда не допустит этого.

— Нужно уловить подходящий момент. Вам пригодятся кое-какие инструменты...

— Привидения — часть субстанции Блидака?

— Конечно.

— Можно ли их использовать в своих целях?

— Я думаю, что это можно сделать с помощью света. Надо попытаться. — Керлин приподнял голову. — Жезл! Впусти одно из привидений!

Спустя секунду послышалось тихое царапанье в дверь и тихое повизгивание.

— Открой, — попросил всхлипывающий и дрожащий голос. — Открой и выпусти юных существ к Блидаку. Они помогут развеять его тоску.

Керлин с трудом поднялся.

Голос из-за двери продолжал:

— Я пленник сверкающих бриллиантов.

— Сейчас откроем, — сказал Гвил, — уничтожив привидение, сможем расправиться и с Блидаком.

— Попробуйте, — согласился Керлин.

— Почему нет света? — спросила Шири. — Лучи могут развеять привидение.

— Но этого мало, Блидак не столь уязвим и может спастись в своей дьявольской дыре.

Керлин задумался и немного погодя показал на дверь:

— Мы выйдем и попытаемся расчленить привидение на части, чтобя узнать, что оно из себя представляет. Гвил из Сферы, ты должен помочь мне, я очень слаб.

Старик оперся на руку Гвила. Шири шла за ними. Они

вышли в галерею. Там рыдало привидение, заключенное в световую пентаграмму.

Не обращая внимания на прозрачные слезы, Керлин приблизился к призраку. Он и его спутники были окружены светом, отпугивающим привидения.

— Откройте ворота! — хрипло приказал Хранитель. — Ворота в Хранилище Знаний.

Шири, шагнув вперед, толкнула дверь и проскользнула за нее. Она вглядывалась в темноту огромного зала, пятно света из галереи уменьшилось и, наконец, исчезло.

— Кричите, зовите Люмена, — попросил Керлин.

— Люмен! — закричал Гвил. — Люмен, сюда!

В огромном зале словно рассвело, стало видно, как колышутся пилястры. Это изумило молодых людей.

На равных расстояниях друг от друга здесь стояли знакомые черные сундуки с медными шишечками. И над каждым из сундуков в свою очередь висело по пять рядов таких же сундуков. Они покачивались в воздухе, ни к чему не прикрепленные.

— Что это? — удивленно спросил Гвил.

— Мой бедный мозг хранит только сотую часть тех знаний, что заключены здесь, — отозвался Керлин. — Вот величайшее хранилище знаний ушедшего человечества. Здесь собраны все факты истории, легенды и сказания миллионов городов с начала их существования до гибели, здесь записаны этапы развития человечества. Годами я работал в этом зале, но смог лишь поверхностно охватить панораму различных отраслей знаний.

— Нет ли здесь указаний, как уничтожить Блидака? — спросила Шири.

— Конечно, есть, мы должны их только разыскать, вычленить из общей массы. Будем искать по разделам: «Страна Демонов», «Умерщвление зла», «Толкование и уничтожение зла», «История Гранвилумдов» (в ней могут быть разъяснения, как прогнать Демона), «История Гипероднетса», «Лечение галлюцинаций» и «Сотворение привидений». Посмотрим Творческий дневник новостей с разделом о нашествии демонов, припомним процедурные советы времен Риска. Все это и еще кое-что.

— Этого нам не постичь за целую жизнь! — воскликнула девушка.

— Но у нас нет каталога Знаний, значит — предельно сложно отыскать что-то конкретное. — Керлин задумался, а потом воскликнул: — Вперед! Вперед к познанию сути!

Трое пошли в глубину хранилища, словно тараканы в лабиринте, оставив за собой световую пентаграмму с воющим привидением внутри.

Наконец, вошли в комнату, где воздух был напоен странным запахом. И снова Керлин велел Гвил позвать Люмена. Не дождавшись ответа, они свернули в запутанную паутину коридоров. Гвил на задавал вопросов, хотя от любопытства у него даже заболела голова.

— Посмотрите, — кивнул он в темноту.

К ним плыло с измученным видом привидение в белых одеждах. Лицо привидения становилось все яснее, участки «кожи» под пустыми глазницами приобретали шероховатость и неровность! Лицо покрывалось нарывами и распухало от света.

— Смотрите! — кричала Шири. — Оно колышется и словно бы распадается на нити.

Гвил резко повернулся к Керлину. Тот поднял палец, велев молчать, и подвел всех к странного вида машине.

— Постойте-ка. Мне пришла хорошая мысль использовать ротор средней скорости для наматывания познавательных нитей. Посмотрите: вот я подхожу к привидению, выдергиваю нитку и прикрепляю. Нить наматывается на катушку ротора, и мы начинаем вращать ручку...

Шири засомневалась:

— А привидение не обратит внимание на ваши манипуляции?

— Ничего не заметит, — успокоил Хранитель. — Оно сейчас слишком занято собой. Я сейчас выпущу его из пентаграммы.

Привидение выбралось наружу, дрожа от смертоносного света.

— Иди! — крикнул Керлин. — Уходи отсюда!

Привидение попятилось.

Керлин сказал Гвилу:

— Ступай следом и посмотри, что будет, когда Блидак вдохнет привидение в себя.

Гвил тихонько пошел за привидением, он видел, как оно исчезло в темной ноздре Демона. Потом вернулся в хранилище. Керлин ждал его у ротора.

— Привидение соединилось с Блидаком.

— Сейчас, — отозвался старик, — мы заставим ротор крутиться. Бобина закружится, а мы поглядим.

Ротор быстро вращался, бобина длиной с руку Гвила стала сматывать нити призрачной плоти привидения. Первая нитка была синяя, потом пошли нити светлее, а в конце нить стала цвета молока и слоновой кости.

Ротор вертелся с огромной скоростью. Нити, невидимые Блидаку, накручивались на бобину.

Ротор крутился. Бобины толстели, напоминая теперь тол-

стые шелковистые цилиндры. Хранитель остановил ротор, Гвил вставил новую бобину, и сматывание Блидака продолжалось.

Три бобины, четыре, пять... Гвил издали наблюдал за чудищем. Гигантская голова была неподвижна, ее рот открыт, в волнении она издавала резкий треск.

Восьмая бобина: Блидак открыл глаза и в замешательстве начал вращать ими, обшаривая взглядом комнату.

Двенадцатая бобина: на его щеке появилось бесцветное пятно, Блидак задрожал.

Двадцатая бобина: бесцветное пятно разрослось на все лицо, губы обвисли. Монстр раздраженно шипел.

Тридцатая бобина: голова Блидака стала разлагаться, запахла, приобретя цвет вороненой стали.

Пятидесятая бобина: голова опала, лоб съежился, покрылся морщинами, глаза потухли.

Шестидесятая бобина: Блидака больше не было.

Исчез Блидак, исчезла дыра в Джелдред — страну демонов.

Шестьдесят первая бобина лежала на полу тонкая и чистая. Она так и не понадобилась.

Керлин прислонился к стене.

— Все кончено. Можно умереть. Я хорошо охранял Музей. Мы победили Блидака. Теперь пришло ваше время. Музей Человека остается на вас.

— Зачем его охранять? Все равно скоро наступит конец, — сказала Шири. — Земля угасает, как и вы... Для чего теперь нужна наука?

— Сейчас она нужна даже больше, чем прежде, — задыхаясь, проговорил Керлин. — Посмотрите: в небе светят звезды. Они прекрасны. Реки текут в благословенные края. Но лишь наука придает смысл всей этой красоте. А я ухожу, умираю...

— Подожди, — закричал Гвил. — Умоляю тебя.

— Чего ждать? — прошептал Хранитель стынущими губами. — Я ухожу с миром, не зови меня обратно.

— Что нужно достать из развалин?

— Ключ индекса моей жизни... — и Керлин умер.

Гвил и Шири поднялись наверх и стояли у входа на древних каменных плитах.

Была ночь.

Под ногами слабо поблескивал мрамор. Разрушенные колонны тянулись к звездам.

Из тундры сквозь ветви деревьев пробивался желтый свет из Сапониса. Высоко в небе сверкали звезды.

Гвил обратился к Шири:

— Там Сапонис — твой дом. Ты хочешь вернуться к отцу?

Девушка отрицательно покачала головой:

— Мы вместе прошли сложный путь, а в Сапонисе меня никто не ждет.

Гвил оглянулся на развалины, потом поднял голову.

— Мир наш. Он зовет нас. Что ждет впереди?

Они вместе смотрели на звезды.

Что их ждет?..

ГЛАЗА ЧУЖОГО МИРА

Глава 1
ЧУЖОЙ МИР

На высоком берегу реки Кзан на месте древних руин Никоню, Смеющийся Маг, выстроил дворец по своему вкусу: эксцентричное здание с прекрасным фронтоном, балконами, воздушными переходами, куполами и тремя спиральными башнями зеленого стекла, через которые красный солнечный свет проникал, причудливо отражаясь, самыми странными сочетаниями красок.

Позади дворца находилась долина, а за долиной виднелись невысокие холмы, уходящие к самому горизонту, как песчаные дюны. Вершины холмов, освещенные солнечными лучами, отбрасывали странные черные тени в виде крестов, в других же отношениях это были самые обычные холмы, ничем не примечательные. Кзан, берущая свое начало в Старом лесу, к востоку от Элмери протекала внизу, а потом в трех лигах к западу соединялась со Скаумом. Там стояла Азиномея — город настолько древний, что никто не помнил, когда его построили, известный сейчас только своей ярмаркой, которая привлекала народ со всех окрестностей. На Азиномейской ярмарке Кугель открыл лоток с торговлей талисманами.

Кугель обладал многими способностями, но склонен был всегда сохранять осторожность и вести себя достаточно гибко. У него были длинные ноги, сильные руки, ловкие пальцы, хорошо подвешенный язык. Его волосы были черны, как самый черный из всех черных мехов, и мех этот спускался далеко на его лоб, изгибаясь над надбровными дугами. Быстрые глаза, длинный любопытный нос и чувственный рот — все это придавало его худощавому с выступающими скулами лицу выражение живости, чистосердечности и привлекательности.

Он побывал во многих переделках и, соответственно, набрался всякого опыта, мог и участвовать храбро в драке, и украсть при случае. Став владельцем старинного свинцового гроба — предварительно удалив его содержимое — он быстро наделал из него свинцовых амулетов. Поставив на них определенные печати и нарисовав руны, он предложил их для продажи на Азиномейской ярмарке.

К несчастью для Кугеля, не более чем в двадцати шагах от его лотка Фианостер поставил большую лавку с предметами куда более разнообразными и полезными. Поэтому когда Кугель останавливал прохожего, чтобы объяснить ему все выгоды покупки амулета, тот просто вынимал один из предметов, купленных в лавке Фианостера, и уходил восвояси.

На третий день ярмарки Кугель продал всего лишь четыре талисмана по ценам, которые едва ли превышали цену самого свинца, в то время как Фианостер бойко торговал и у него не было отбоя от клиентов. Не в силах выдержать такой конкуренции, Кугель свернул свой собственный лоток и направился к тому месту, где торговал Фианостер, чтобы получше изучить конструкцию его лавки и запоры на дверях.

— Входи, мой друг, входи. Как идет торговля?

— Да особенно хвастаться нечем, — сказал Кугель. — Я одновременно удивлен и разочарован, потому что, как правило, мои талисманы приносят большую пользу.

— Я могу рассеять твое удивление, — сказал Фианостер. — Твой лоток находится на месте старого захоронения и таким образом впитал в себя несчастливые эманации. Но мне показалось, что ты интересовался тем, как соединены деревянные доски моей лавки. Думаю, что изнутри тебе это будет лучше видно, но сначала только позволь мне укоротить цепь эрба, который охраняет мою лавку по ночам.

— В этом нет нужды, — сказал Кугель. — Мой интерес был чисто академическим.

— Что же касается разочарования, которое ты испытываешь, — продолжал Фианостер, — то и оно скоро пройдет. Посмотри на эти полки, Ты можешь заметить, что у меня почти не осталось товаров.

Кугель уже давно это заметил.

— Какое это может иметь ко мне отношение?

Фианостер указал рукой за дверь лавки на человека, одетого во все черное. Он был маленького роста с желтой кожей и лысой, как яйцо, головой. Глаза его напоминали сучки на доске, рот был широк и извивался в вечной усмешке.

— Перед тобой стоит Никоню, Смеющийся Маг, — сказал Фианостер. — Через некоторое время он зайдет в мою лавку и попытается купить вот эту книгу в красной коже — записную книжку Дизарксы Майора, который был учеником Великого Фандзала. Моя цена на нее выше, чем он готов заплатить, но он терпеливый человек и будет торговаться по крайней мере три часа. В течение этого времени дом его будет стоять никем не охраняемый. В этом доме собрана огромная коллекция тауматургических артефактов, инструментов, приборов, так же как и древностей, талисманов и книг: Я с удовольствием покупаю такие предметы. Следует ли мне продолжать?

— Все это очень хорошо, — сказал Кугель, — но неужели Никоню оставляет свой дом без охраны и там нет хотя бы дворецкого?

Фианостер широко развел руки в стороны.

— Почему бы и нет? Кто осмелится обокрасть Никоню, Смеющегося Мага?

— Именно эта мысль и беспокоит меня, — ответил Кугель. — Я человек изобретательный, но не сумасшедший.

— Можно приобрести огромное богатство, — отчеканил Фианостер. — Драгоценные камни, миниатюры, древности, которым нет цены, а также волшебные мази, притирания и эликсиры. Но помни: я ничего не требую, ничего не советую. Если тебя поймают, то ты только слышал, как я восхищался богатством Никоню, Смеющегося Мага! Но вот он идет. Быстро повернись ко мне спиной, чтобы он не увидел твоего лица. Три часа он будет здесь — это я могу гарантировать!

Никоню вошел в лавку, и Кугель наклонился, рассматривая небольшую бутылку, в которой был заключен заспиртованный гомункулус.

— Приветствую тебя, Никоню! — воскликнул Фианостер. Почему ты задержался? Я отказался от очень выгодного предложения продажи некоей красной книжки, и все только из-за тебя! А теперь, обрати внимание на эту шкатулку! Она была обнаружена в склепе неподалеку от развалин Каркорда. Она все еще запечатана, и кто знает, какие чудеса могут в ней находиться? Я прошу за нее совсем скромную цену — двенадцать тысяч терций.

— Интересно, — пробормотал Никоню. — Надпись... постой-ка... гммм. Да, это не подделка. В шкатулке находятся кальцинированные рыбьи кости, которые использовались в эпоху Гранд Мотхолам в качестве противозачаточного средства. Возможно, как редкость, она и стоит десять-двенадцать тысяч терций. У меня в коллекции есть шкатулки старше этой на тысячи и десятки тысяч лет, еще из века Сверкания.

Кугель пробрался к двери и вышел на улицу, где принялся ходить взад и вперед, обдумывая предложение, которое с такой осторожностью сделал ему Фианостер. На первый взгляд все казалось вполне разумным: вот — в лавке Никоню, а вот — его пустой дом, набитый всячески ими сокровищами. Ну уж, конечно, простое ознакомление с подступами к этому дому не могло принести особого вреда. Кугель пошел на восток по берегу Кзана.

Спиральные башни зеленого стекла поднимались на фоне темно-голубого неба, и алое солнце играло в них. Кугель остановился, осторожно осмотрел местность. Кзан беззвучно тек мимо. Неподалеку, полуприкрытая черными тополями, стояла деревушка — дюжина каменных избушек, в которых жили лодочники и рыбаки, люди, привыкшие заниматься своими собственными делами.

Кугель внимательно осмотрел дорогу к дому — извилистую тропинку, выложенную темно-коричневым кафелем. В конце

концов он решил, что чем откровеннее он будет идти к дому, тем меньше ему придется объясняться, если вдруг это почему-либо потребуется. Он начал подниматься по склону холма, и дом Никоню высился над ним. Дойдя до двора, Кугель остановился, чтобы осмотреться и изучить обстановку. За рекой далеко расстилались холмы и казалось, им не будет конца.

В доме было тихо.

Он осторожно подошел к окну и уставился в зал, обитый бледно-серой тканью, в котором не было ничего, кроме табурета, где под стеклянным колпаком лежал мертвый грызун. Кугель обошел дом, заглядывая в каждое окно и обследуя его, пока не добрался до большого зала этого старого замка. Он ловко забрался по стене, используя выступы грубой каменной кладки, встал на один из причудливых парапетов и через секунду уже проник в дом.

Он оказался в спальной комнате. На помосте шесть деревянных морд, поддерживающих кушетку, повернулись в его сторону. Двумя быстрыми крадущимися шагами Кугель прошел арку, которая вела в другую комнату. Здесь были зеленые стены и черная с розовым мебель. Он вышел из комнаты на балкон, который шел вокруг главного зала, свет струился сквозь разноцветные окна высоко в стенах. Внизу находились чемоданы, сундуки, полки и стеллажи, на которых стояли самые разнообразные предметы — знаменитая коллекция Никоню.

Кугель застыл на месте, напрягшись, как хищная птица перед тем, как броситься на добычу, но полная тишина успокоила его: это была тишина пустого дома. Тем не менее, находясь во владениях Никоню, Смеющегося Мага, ему следовало соблюдать осторожность.

По витой лестнице Кугель спустился вниз в большой зал. Он остановился в восхищении, в душе преклоняясь перед Никоню за то, что тот собрал такие сокровища. Но время у него было ограничено, ему надо было сделать свое дело и уйти отсюда как можно скорее. Кугель быстро вытащил мешок и пробежался по всему залу, ловко выбирая предметы, которые весили мало, а стоили дорого: небольшой кувшин с оленьими рогами, из которых исходили облака дивных газов, если нажать на разные ответвления, костяной рог, из которого доносились голоса далекого прошлого, небольшую сцену, на которой разодетые чертенята готовились выполнить комическую пантомиму, предмет, похожий на гроздь хрустального винограда, в каждой ягоде которой виднелся один из миров демонов, трубку, из которой вываливались засахаренные фрукты с необычайным запахом, старинное кольцо с рунами, черный камень, окруженный девятью камешками неопределенного цвета. Он проходил мимо сотен кувшинов с порош-

ками и жидкостями, которые были закрыты пробками в форме деревянных голов. Потом Кугель подошел к полкам, уставленным книгами в полный лист, в пол и четверть листа. Он отбирал книги с большей тщательностью, предпочитая тома, переплетенные в пурпурный бархат — характерный цвет Фандзала. Таким же образом он выбрал книги гравюр и древние карты, от потревоженной кожи исходил затхлый запах.

Кружным путем он прошел в зал-прихожую, мимо сундука, набитого множеством металлических коробок, запечатанных, проржавевших, с металлическими печатями глубокой древности. Кугель выбрал три коробки наудачу — они были очень тяжелы. Он прошел мимо нескольких огромных механизмов, назначение которых с удовольствием бы исследовал, но поджимало время и лучше всего ему было немедленно отправиться в обратный путь, в Азиномею, в лавку Фианостера...

Кугель нахмурился. Во многих отношениях это казалось ему непрактичным. Вряд ли Фианостер захочет заплатить полную стоимость за его товар, или, если быть точным, за товар Никоню. Было бы совсем не лишним закопать часть предметов в каком-нибудь укромном месте.

Перед Кугелем находился альков, которого он раньше не заметил. Мягкий свет, как вода, струился по хрустальному оконному стеклу, которое отделяло альков от зала. В нише стоял очень сложный предмет, притягивающий взгляд. Насколько Кугель мог различить, это была миниатюрная карусель, на которой кружились прекрасные куклы, выглядевшие как живые. Это был явно предмет большой ценности, и Кугель остался очень доволен, найдя в хрустальном окне отверстие.

Он прошел сквозь это отверстие — небольшую дверь — но в двух футах перед ним еще одно хрустальное окно загородило ему дорогу, очевидно, обозначая путь, которым можно было пройти к магической игрушке. Кугель продолжал уверенно идти вперед, но был остановлен другим окном, которого не заметил, пока не наткнулся на него. Тогда он пошел обратно и к полному своему удовлетворению увидел несомненно правильный вход всего лишь в двух футах сзади. Но эта новая дорога, повернув несколько раз почти под прямым углом, вновь привела его к следующему хрустальному окну без входа. Кугель решил плюнуть на карусель и просто уйти из замка. Он повернулся и тут же остановился в недоумении. Он пришел слева... или справа?

Кугель все еще искал выход, когда домой вернулся Никонью.

Остановившись у алькова, Никонью посмотрел на Кугеля с ироническим изумлением.

— Что такое? Неужели у нас посетитель? А я был настоль-

ко невежлив, что заставил себя ждать! Но как я вижу, ты нашел чем заняться до моего прихода, так что я уже не буду чувствовать таких угрызений совести, что задержался.

Никоню позволил себе усмехнуться. Затем он сделал вид, что только сейчас заметил сумку Кугеля.

— А что это такое? Ты что-то принес мне? Великолепно! Я всегда рад пополнить свою коллекцию, чтобы с годами не отставать от жизни. Правда, мне, к сожалению, приходится беречь ее пуще глаза. Ты даже представить себе не можешь, сколько негодяев хотели бы ограбить меня! Этот купец, например, в жалкой лавчонке — просто поразительно, сколько он затрачивает усилий в этом направлении! Я терплю его, потому что до сих пор он не пытался проникнуть в мой дом сам. Но пойдем же, проходи в этот зал, и мы обследуем содержимое твоей сумки.

Кугель с изяществом поклонился.

— С превеликим удовольствием. Как ты совершенно правильно предположил, я действительно с нетерпением дожидался твоего прихода. Если я правильно помню, выход вот здесь...

Он шагнул вперед, но опять наткнулся на хрустальную дверь. Тогда он сделал изумленный жест рукой.

— Кажется, я свернул не в ту сторону.

— По-видимому да, — сказал Никоню. — Посмотри наверх, и ты увидишь на потолке декоративный рисунок. Если ты будешь все время сворачивать направо следуя его изгибам, то очень скоро окажешься в зале.

— Ну конечно!

И Кугель с бодростью принялся было шагать в указанном направлении.

— Минуточку! — окликнул его Никоню. — Ты забыл свою сумку!

Неохотно Кугель вернулся назад, забрал сумку и отправился в путь, вскоре он выбрался в зал.

Никоню сделал изящное движение рукой.

— Если тебя не затруднит пройти сюда, я буду рад осмотреть твои товары.

Кугель посмотрел вдоль коридора, ведущего к выходу из дома.

— Это будет слишком большим злоупотреблением твоим терпением. Мои безделушки не заслуживают твоего внимания. С твоего разрешения я предпочел бы удалиться.

— Ну, что ты, что ты, как можно! — с сердечной теплотой в голосе заявил Никоню. — У меня бывает так мало посетителей, и причем большинство из них — негодяи и воры. О, так жестоко мне приходится поступать с ними, ты даже представить себе не можешь! Тем приятнее встретиться с честным

человеком. Я настаиваю, чтобы ты, по меньшей мере, слегка освежился в моем доме. Поставь свою сумку на пол.

Кугель осторожно поставил сумку.

— Недавно морская ведьма из Белого Альстора научила меня одному трюку. Мне кажется, тебя это заинтересует. Для этого мне понадобится несколько элей крепкой веревки.

— Ты возбуждаешь мое любопытство!

Никоню вытянул руку, ящик комода выдвинулся сам собой, и свернутая веревка влетела в его руку. Потирая лицо, как бы для того, чтобы скрыть улыбку, Никоню протянул веревку Кугелю, который развернул ее с большой тщательностью.

— Мне потребуется твоя помощь, — сказал Никоню. — Совсем небольшая — просто вытяни руку и ногу.

— Ну, конечно.

Никоню протянул вперед руку, вытянув палец. Веревка тут же обернулась вокруг ног и рук Кугеля, так что он не в состоянии был и пошевелиться. Никоню улыбнулся так широко, что его мягкий большой череп чуть было не раскололся надвое.

— О, как это удивительно! По ошибке я пригласил освежиться вора! Для твоего собственного удобства не пытайся освободиться, потому что веревка, под названием Пленитель Воров, свита из осиных жил. Ну, а теперь, давай обследуем содержимое твоей сумки.

Он заглянул в мешок Кугеля и издал гневный крик.

— Ты разорил мою коллекцию! Я вижу здесь несколько самых ценных моих сокровищ!

Кугель скорчил постную мину.

— Естественно! Но я не вор. Фианостер послал меня сюда, чтобы я принес ему кое-какие вещи, а следовательно...

Никоню поднял вверх руку.

— Оскорбление слишком серьезно для такого легкомысленного оправдания. Я уже высказал тебе свое отношение к искателям легкой наживы и ворам, и сейчас я должен отомстить тебе соответствующим образом, если, конечно, ты не предложишь мне возмещения, которое могло бы меня заинтересовать.

— Да уж конечно, такое возмещение должно существовать, — промямлил Кугель. — Однако эта веревка очень больно впивается мне в кожу, поэтому я не могу поразмыслить по этому поводу как следует.

— Неважно. Я решил применить заклинание Безнадежного Отчаяния, которое заключает субъекта в небольшое пространство, находящееся на глубине сорок пять миль под поверхностью земли.

Кугель растерянно заморгал.

— Но ведь при этих условиях вряд ли мне удастся каким-нибудь способом возместить тебе ущерб.

— Тоже верно, — рассудительно произнес Никоню. — Я вот сейчас сижу и думаю, может быть, все же есть какое-нибудь мелкое поручение, которое ты мог бы для меня исполнить?

— Можешь считать, что негодяй уже мертв! — радостно объявил Кугель. — А теперь сними с меня эту ужасную веревку.

— Да нет, я имел в виду вовсе не убийство, — сказал Никоню. — Пойдем!

Веревка ослабла, позволяя Кугелю мелкими прыжками последовать за Никоню в боковую комнатку, увешанную красивыми гобеленами и шпалерами. Из ящика стола Никоню вытащил небольшую шкатулку и положил ее на парящий в воздухе стеклянный лист. Он открыл шкатулку и сделал знак Кугелю, который, приблизившись, увидел в шкатулке два углубления, выложенные красным мехом, в одном из нио покоилось небольшое полушарие из туманного фиолетового стекла.

— Как человек ученый и много путешествующий, — предположил Никоню, — ты без всякого сомнения знаешь, что это такое. Нет? Ты, конечно, слышал о войнах в Кутце в Восемнадцатом веке? Нет?

Никоню с удивлением пожал плечами, явно издевательски.

— Во время этих страшных событий демон Унда-Храда — в Альманахе Трампа он числится под Зеленым номером 16-04 — решил помочь своим покровителям и для этого вызвал определенные силы из вселенной Ла-Эр. Для того, чтобы они могли за всем наблюдать, их снабдили приспособлениями, такими же, как то, которое ты сейчас видишь перед собой. Когда события повернулись не так, как нужно, демон тут же отбыл обратно в Ла-Эр. Полушария были смешаны и рассеяны по Кутцу. Одним из них, как ты видишь, я обладаю. Ты должен достать для меня второе, и тогда я сквозь пальцы посмотрю на то, что ты забрался в мой дом.

Кугель задумался.

— Насколько я понял твои речи, у меня есть выбор: либо отправиться в мир демонов Ла-Эр, либо подвергнуться заклинанию Безнадежного Отчаяния. Честно говоря, я не знаю, что для меня будет лучше.

Смех Никоню опять чуть было не расколол пополам его желтую голову, похожую на мягкий пузырь.

— Возможно, путешествие в Ла-Эр окажется необязательным. Ты можешь достать для меня желаемое в месте, которое когда-то называлось Кутц.

— Должен — значит должен, — проворчал Кугель, ужасно недовольный и расстроенный тем, как кончается для него этот день. — Но кто охраняет это фиолетовое полушарие? Каковы его функции? Как я туда отправлюсь и вернусь об-

ратно? Какое необходимо мне оружие, талисманы или магические предметы, чтобы с успехом выполнить это твое поручение?

— Все узнаешь в свое время, — сказал Никоню. — Сначала я должен позаботиться о том, чтобы, оказавшись на свободе, ты служил мне преданно, рьяно и целеустремленно.

— Будь уверен, — заявил Кугель. — На мое честное слово ты вполне можешь положиться.

— Великолепно! — громко вскрикнул Никоню. — Теперь у меня сразу стало легко на сердце и на душе! Значит то, что я собираюсь сейчас предпринять, совершенно необязательно!

Он вышел из комнаты и через мгновение вернулся с закрытой стеклянной чашей, в которой сидело маленькое белое существо, состоявшее из когтей, шипов, колючек и жал, и злобно свистело.

— Это, — сказал Никоню, — мой друг Фрикс со звезды Акарнар, который куда мудрее, чем кажется с первого взгляда. Фрикс ужасно раздражен тем, что его разлучили с товарищем, с которым он делил ванну в моем кабинете. Он поможет тебе быть твердым в выполнении твоих обязанностей.

Никоню подошел ближе и быстрым уверенным движением сунул существо в живот Кугелю. Оно проникло под его пупок, зацепившись и свернувшись вокруг печени.

Никоню отошел назад, смеясь тем самым заливистым смехом, из-за которого и получил свое прозвище. Глаза Кугеля чуть не вылезли из орбит. Рот его непроизвольно открылся, как бы перед душераздирающим криком, но он сдержался неимоверным усилием воли, сжал челюсти и плотно закрыл глаза.

Веревка развязалась. Кугель стоял дрожа, каждый мускул его был в диком напряжении.

Смех Никоню перешел в усмешку.

— Ты говорил о магических приспособлениях. А как насчет твоих талисманов, которые ты объявлял такими всемогущими в своей лавке в Азиномее? Разве они не могут делать врагов беспомощными, растворять железо, привлекать девственниц, давать бессмертие?

— На эти талисманы нельзя положиться во всех случаях жизни, — сказал Кугель. — Мне потребуются более действенные, такие, которые помогли бы мне успешно выполнить этакое сложное поручение.

— Но у тебя они есть, — ответил Никоню, — в твоей шпаге, в твоей хитрости, в быстроте твоих ног. Однако ты вызвал во мне участие, и я помогу тебе. — Он повесил на шею Кугелю небольшую квадратную дощечку. — Теперь ты можешь не бояться умереть с голода. Прикосновение этого предмета сделает съедобным дерево, кожу, траву, даже одежду. Он также

зазвенит в присутствии яда. Итак, теперь уже больше нет причин задерживаться. Пойдем, нам пора. Веревка? Где там веревка?

Веревка послушно обернулась вокруг шеи Кугеля, и ему ничего не оставалось делать, как послушно последовать за Никоню.

Они вышли прямо на крышу древнего замка. Темнота давно уже спустилась на землю. Вверху и внизу, по всей долине реки Кзан, сверкали слабые огоньки, в то время как сам Кзан казался неправильной формы широкой полосой, темнее темноты.

Никоню указал на клетку.

— Это будет твоим транспортным средством. Входи.

Кугель заколебался.

— Я предпочел бы сначала хорошо пообедать и отдохнуть, чтобы отправиться в путь завтра утром со свежими силами.

— Что? — заговорил Никоню голосом, напоминающим звук трубы. — Ты осмеливаешься стоять передо мной и высказывать свои пожелания? Ты, который воровским образом проник в мой дом, распотрошил всю мою коллекцию и оставил все в таком беспорядке? Ты что, не понимаешь, как тебе повезло? Или ты все же предпочитаешь заклинание Безнадежного Отчаянья?

— Нет, нет! — нервно запротестовал Кугель. — Я просто думал о пользе дела!

— Тогда — в клетку!

Кугель в отчаяньи обвел глазами крышу замка, затем медленно направился к клетке и вошел внутрь.

— Надеюсь, ты не страдаешь внезапными приступами амнезии или выпадением памяти? — сказал Никоню. — Но даже если это и так, и ты пренебрежешь своей основной обязанностью, которой является твой долг достать мне фиолетовый касп, Фрикс всегда будет под рукой, чтобы напомнить тебе об этом.

— Раз уж я все равно вынужден отправиться в это путешествие, и скорее всего вряд ли вернусь, — сказал Кугель, — мне бы очень хотелось на прощание высказать все, что я думаю о тебе и о твоем характере. Во-первых...

Но Никоню поднял руку.

— Я не собираюсь тебя слушать. Ругань раздражает меня, а к похвалам я отношусь достаточно скептически. А засим — до свидания!

Он отступил назад, уставился в темноту, затем стал выкрикивать заклинание, известное как Перенос Тасбрудаль Лагенетик. Откуда-то с неба послышался гром и яростный вопль.

Никоню отступил еще на несколько шагов, выкрикивая слова на древнем языке, и клетка со скрючившимся внутри нее Кугелем рывком поднялась и понеслась по воздуху.

Холодный ветер бил Кугеля прямо в лицо. Сверху до него доносилось хлопанье и шум огромных крыльев и отдаленный плач, похожий на причитания. Клетка раскачивалась взад и вперед. Внизу было темно, хоть глаза выколи. По расположению звезд Кугель догадался, что они летят на север, и через некоторое время он скорее почувствовал, чем увидел, что внизу высятся Мауренронгские горы и что они пролетают сейчас над той дикой местностью, которая носит название земли Падающей Стены. Один или два раза Кугель видел огни одиноких замков, а однажды заметил огромный костер. Некоторое время крылатый спрайт летел рядом с клеткой, с любопытством заглядывая внутрь. Казалось, он был очень удивлен поведением Кугеля, и когда Кугель попытался расспросить его о том, над какими землями они пролетали, спрайт просто стал издавать радостные крики. Потом он, видимо, расчувствовался и попытался прильнуть к клетке, но у Кугеля было слишком плохое настроение, и он отпихнул спрайта. Тот скатился вниз, скользя по ветру с завистливым криком.

Восток заалел, подобно цвету крови, а потом появилось солнце, дрожащее, как старик от холода. Вся земля была окутана туманом. Кугелю с трудом удалось рассмотреть, что они летели над черными горами и мрачными пропастями. Потом туман рассеялся, и Кугель увидел внизу свинцовое море. Несколько раз он попытался посмотреть наверх, но крыша клетки скрывала от его глаз демона, позволяя видеть только концы перепончатых крыльев.

В конце концов демон долетел до северного берега океана. Стрелой спустившись на берег, он испустил мстительный крик и бросил клетку с высоты пятнадцати футов.

Кугель с трудом выбрался из сломанной клетки. Осматривая свои синяки, он громко выругался вслед улетающему демону, затем прошел по зыбкому песку пляжа и выбрался по пологому склону на берег. К северу простирались пустынные болота и вдали виднелись низкие холмы, к востоку и западу не было видно ничего, кроме океана и неприятного берега. Кугель повернулся на юг и потряс кулаком. Как-нибудь, когда-нибудь, чем-нибудь он отомстит Смеющемуся Магу! В этом он поклялся себе.

В нескольких сотнях ярдов к западу виднелись останки древней стены. Кугель решил было обследовать ее, но не успел пройти и трех шагов, как Фрикс впился своими когтями в его печень. Кугель, глаза которого закатились от боли, поменял направление и пошел вдоль берега к востоку.

Через некоторое время он проголодался и вспомнил об амулете, который дал ему Никоню. Он подобрал выброшенный на берег кусок дерева и потер его дощечкой, надеясь, что

сейчас он собственными глазами увидит, как тот превращается в засахаренные фрукты или жареную индейку. Но кусок плавника просто стал мягким, как сыр, сохраняя запах морского дерева. Кугель съел его, глотая целыми кусками, не разжевывая, чтобы не чувствовать омерзительного вкуса. Еще один счет, который он предъявит Никоню! О, как заплатит ему за все Смеющийся Маг!

Алый шар солнца скользил по южному небу. Приближалась ночь, и наконец Кугель добрался до места, где обитали люди: небольшой грубой деревеньки, расположенной на берегу речки. Избушки были похожи на птичьи гнезда, сделанные из глины и палок, и пахло в них грязью и отбросами. Среди них ходили люди, такие же неопрятные и неприятные, как и их жилища. С квадратными приземистыми фигурами, толстые, с желтыми жесткими волосами в колтунах, с плоскими невыразительными лицами. Единственное, к чему Кугель проявил живой и вполне объяснимый интерес, заключалось в их глазах: кажущиеся слепыми фиолетовые полушария, в точности такие же, как и то, которое требовалось Никоню.

Кугель осторожно подошел к деревне, но ее жители не обратили на него никакого внимания. Если полушарие, хранившееся у Никоню, было таким же, как и глаза этих людей, тогда выполнение поручения могло оказаться чем-то реальным, и добыча этого фиолетового каспа становилось только делом техники.

Кугель остановился, наблюдая за жителями деревни, и понял, что его очень многое удивляет в них. Во-первых, их поведение: они вели себя не так, как должны были вести грязные лунатики, которых в них можно было признать с первого взгляда, а с достоинством и высокомерностью, абсолютно необъяснимой. Кугель смотрел в удивлении: может быть это было племя сумасшедших? В любом случае они явно не были опасны, поэтому он пошел по главной улице, осторожно обходя некоторых людей, которые принимали наиболее высокомерные позы, непонятно перед кем и для чего.

Один из деревенских жителей соизволил обратить на него внимание и заговорил с ним хриплым, гортанным голосом:

— Ну, сирра, чего ты хочешь? Зачем ты шныряешь по окрестностям нашего города Смолода?

— Я — путешественник, — сказал Кугель. — Я прошу только, чтобы мне показали гостиницу, где я мог бы найти приют на ночь и пищу.

Человек указал рукой на полуразрушенную избушку.

— У нас нет гостиниц. Путешественники и искатели приключений нам неизвестны. Тем не менее ты можешь разделить с нами наши богатства. Вон там стоит дом, в котором ты можешь

расположиться с удобствами. А поесть ты сможешь сколько угодно. Только зайди на наш склад вон там и выбери все, что пожелаешь. Запасы в Смолоде неограниченны, и мы не жадны.

— Я благодарю тебя от всего сердца, — сказал Кугель и наверняка продолжил бы свою речь, если бы человек не ушел прочь.

Кугель заглянул в избушку, и после долгих трудов очистил ее от хлама, освободив себе место, чтобы можно было поспать. Солнце уже закатывалось за горизонт, и Кугель отправился в помещение, на которое ему указали как на склад. Как Кугель и предполагал, деревенский житель явно преувеличивал, описывая огромные запасы продуктов. По одну сторону избушки лежала гора копченой рыбы, по другую — ящик с чечевицей, смешанной с различными семенами и крупами. Кугель взял часть того и другого в свою избушку и поужинал в самом мрачном настроении.

Солнце село. Кугель вышел, чтобы посмотреть, чем по вечерам развлекаются деревенские жители, но улицы были пустынны. В некоторых избушках горел свет, и, глядя сквозь трещины в их стенах, Кугель мог разглядеть людей, поедающих копченую рыбу или мирно беседующих. Он вернулся в свою избушку, разжег небольшой огонь, чтобы не замерзнуть и улегся спать.

На следующий день Кугель возобновил свое наблюдение за жителями деревни Смолод. Никто из них, как он заметил, не шел работать, да и полей поблизости не было. Это открытие вызвало у Кугеля явное неудовольствие. Для того, чтобы добыть один фиолетовый глаз, он готов был даже на убийство, но для этого ему безусловно необходимо было застать человека один на один и подальше от деревни.

Он сделал несколько попыток завести с деревенскими жителями беседу, но они смотрели на него так, что Кугель постепенно чуть ли не стал чувствовать свое ничтожество, как будто они были всемогущими аристократами, а он — грязным плебеем!

Днем он отправился на юг и примерно через милю набрел еще на одну деревню. Люди в ней были очень похожи на жителей Смолода, но глаза у них были самые обыкновенные. К тому же они работали: Кугель наблюдал, как они пашут свои поля и ловят рыбу.

Он подошел к двум рыбакам, возвращавшимся домой, неся улов на плечах. Они остановились, глядя на Кугеля без особой дружелюбности. Кугель представился им как путешественник и стал расспрашивать о землях к востоку, но рыбаки ничего не могли рассказать ему, кроме того, что земли там пустынные, неисследованные и опасные.

— Я — временный гость в деревне Смолод, — сказал Кугель. — Мне кажется, что люди там приятные, но немного для меня странные. Например, почему у них такие глаза?

Почему они не работают? Почему они ведут себя с такой аристократической уверенностью и высокомерием?

— Их глаза — это волшебные каспы, — ответил старший из рыбаков хриплым голосом. — Они позволяют видеть Чужой Мир, так почему бы их владельцам не вести себя, как лордам? Я тоже буду вести себя так, когда умрет Рэдкут Бомин, потому что я наследую его глаза.

— Вот как! — удивленно воскликнул Кугель. — Разве эти волшебные каспы можно вынимать и передавать другому по желанию их владельца?

— Можно, но кто захочет поменять Чужой Мир на все это? — Рыбак обвел рукой унылый пустынный пейзаж. — Я долго ждал и наконец-то подошла моя очередь испытать все прелести Чужого Мира. А потом уже ничего не надо, и даже смерть не так страшна и может прийти только от естественной причины.

— О, как интересно! — заметил Кугель. — А как я могу стать тем человеком, которому дадут пару волшебных каспов?

— Работай как и все остальные в Гродзе, запишись в список на очередь, потом снабжай лордов Смолода пищей. Тридцать один год шил я за них одежды, собирал чечевицу, ловил сетями рыбу и коптил ее на медленном огне, и сейчас имя Бубача Анга стоит первым в этом списке, и тебе надлежит поступить так же.

— Тридцать один год, — задумчиво пробормотал Кугель. — В принципе нельзя назвать этот срок нереальным.

И Фрикс беспокойно зашевелился, причиняя печени Кугеля ощутимое беспокойство.

Рыбаки продолжили свой путь к деревне Гродз, Кугель воротился в Смолод. Здесь он отыскал человека, с которым говорил, когда только что вошел в деревню.

— Милорд, — сказал Кугель, — как ты уже знаешь, я путешественник из далеких земель, привлеченный сюда великолепием города Смолода.

— Весьма похвальное стремление, — хрипло ответил человек. — Наше великолепие не может не вдохновлять путешественников.

— Не скажешь ли ты мне тогда, что такое эти волшебные каспы?

Старик повернул свои фиолетовые полушария на Кугеля, как будто увидел его в первый раз. Он заговорил угрюмым голосом:

— Обычно мы не любим разговаривать на эту тему, но раз уж этот вопрос был затронут, то большого вреда от его обсуждения не будет. В далекие-далекие времена демон Андерхерд протянул свои щупальца, чтобы осмотреть Землю, и на конце каждого из этих щупалец был волшебный касп. Симбилис

Шестнадцатый ранил чудовище, которое вернулось обратно в свой мир, а каспы разлетелись. Четыреста двенадцать каспов было собрано и принесено в Смолод, такой же прекрасный тогда, каким он кажется мне сейчас. Да, я понимаю, что живу лишь иллюзией, но ведь и ты точно в таком же положении, и кто может сказать, чье видение мира достоверно?

— Я при этом не смотрю сквозь волшебные каспы, — сказал Кугель.

— Верно. — Старик пожал плечами. — Но на это я предпочитаю не обращать внимания. Я смутно припоминаю, что живу в развалившейся хижине и питаюсь самой грубой пищей, но реальностью для меня является то, что я живу в роскошном дворце и обедаю самыми отборными деликатесами с самой изящной посуды, среди принцев и принцесс, которые являются моими подданными. Это можно объяснить следующим образом: демон Андерхерд смотрел из своего мира на этот, мы смотрим отсюда в Чужой Мир, который является квинтэссенцией человеческих надежд, чаяний и мечтаний. Мы, населяющие этот мир, — как мы можем не считать себя великолепными лордами? Вот так мы и живем.

— О, как это меня вдохновляет! — воскликнул Кугель. — Как могу я достать для себя пару этих волшебных каспов?

— Есть два способа. Андерхерд потерял четыреста четырнадцать каспов, у нас же всего четыреста двенадцать. Два так никогда и не были найдены, и вероятнее всего лежат на океанском дне. Тебе никто не будет мешать в их поисках, и если ты их найдешь, они будут твоими. Второй путь — это стать жителем Гродза и помогать во всем лордам Смолода, ожидая, пока один из нас умрет, что случается не слишком часто.

— Насколько я понимаю, сейчас пришла пора лорда Рэдкута Бомина.

— Да, вот он.

И человек указал на старца с большим животом, с обвислыми губами и беззубым ртом, сидящего посреди отбросов у своей избушки.

— Ты видишь, как он отдыхает, наслаждаясь прекрасными садами своего дворца. Лорд Рэдкут надорвался, пресытившись похотью, потому что наши принцессы — самые прекрасные создания, которых только может представить человеческое воображение, так же как и я — самый благородный из всех принцев. Но лорд Рэдкут слишком сильно предавался своим страстям, что приблизило его смертный час. Это урок всем нам.

— Возможно, мне удастся заключить какой-нибудь взаимовыгодный для всех договор с тем, чтобы получить его каспы? — осторожно спросил Кугель.

— Боюсь, что нет. Ты должен отправиться в Гродз и ра-

ботать, как и все остальные. Как работал и я в своем прежнем существовании, которое сейчас кажется мне таким далеким и туманным... Только подумать, что я так долго страдал! Но ты еще молод: тридцать, сорок или пятьдесят лет не могут показаться тебе слишком долгим ожиданием.

Кугель положил руку на живот, чтобы успокоить разбушевавшегося Фрикса.

— За такое продолжительное время даже солнце может погаснуть. Взгляни!

Он указал на черную точку, которая на мгновенье сверкнула на поверхности солнца, оставив чуть заметный, тут же исчезнувший след.

— Оно и сейчас уже неспокойно!

— Ты слишком впечатлителен, — заметил старик. — Для нас, лордов Смолода, солнце омывает нашу землю самыми яркими разноцветными лучами.

— В настоящий момент это, может быть, и так, — сказал Кугель. — Но когда солнце станет темным, что тогда? Будете ли вы наслаждаться точно так же мраком и холодом?

Но старик больше не обращал на него внимания. Рэдкут Бомин свалился на бок прямо в грязь и явно был мертв.

Нерешительно поигрывая своим ножом, Кугель подошел поближе к трупу, чтобы рассмотреть его. Один-два точных разреза — дело нескольких мгновений — и он выполнит возложенное на него поручение. Он сделал еще шаг вперед, но нерешительность, которую он испытал в самом начале, задержала его, и нужный момент был упущен. Деревенские жители — лорды Смолода — уже приблизились, оттесняя Кугеля в сторону. Рэдкута Бомина подняли с земли и самым торжественным образом понесли в его зловонную избушку.

Кугель с вожделением уставился на дверь, перебирая в уме множество способов достигнуть своей цели.

— Пусть принесут лампы! — хрипло произнес старик. — Пусть будут возданы почести лорду Рэдкуту на его усыпанном драгоценностями ложе! Пусть золотые колокола звонят со всех башен, пусть принцессы наденут траурные одежды, пусть черные вуали скроют их прекрасные лица, которыми так любовался наш лорд Рэдкут! А сейчас мы должны воздать ему последние почести. Кто будет дежурить у тела усопшего?

Кугель сделал шаг вперед.

— Я почту это за великую честь для себя!

Старик покачал головой.

— Это привилегия только для тех, кто ему равен. Лорд Мафлаг, лорд Глюс, может быть, вы окажете ему эту честь?

Двое деревенских жителей подошли к деревянной скамье, на которой лежал лорд Рэдкут Бомин.

— Теперь же, — объявил старик, — должны состояться похороны, и волшебные каспы перейдут к Бубачу Ангу, самому заслуженному эсквайру Гродза. И опять же, кто отправится уведомить эсквайра?

— И вновь, — сказал Кугель, — я предлагаю свои услуги, чтобы хоть немного отплатить за то гостеприимство, которым я так наслаждался в Смолоде.

— Хорошо сказано! — опять протянул старик. — Итак, поспешай в Гродз и вернись к нам с эсквайром, который своей верой и ревностным исполнением долга заслужил повышение.

Кугель поклонился и через пустынные заросли побежал к Гродзу. Приблизившись к первым полям, он стал двигаться с осторожностью, перебегая от куста к кусту, и наконец нашел то, что искал — одинокого крестьянина, рыхлящего землю мотыгой.

Кугель бесшумно приблизился к нему и ударил сзади тяжелым суком. Он снял с крестьянина всю одежду, кожаную шляпу, чулки и башмаки, а потом под корень срезал его желтую бороду. Забрав абсолютно все и оставив крестьянина оглушенным и голым в грязи, он быстро побежал обратно к Смолоду. В укромном месте он быстро напялил на себя украденную одежду. Сосредоточенно он осмотрел отрезанную бороду, и в конце концов, связывая клочки жестких волос друг с другом, сделал себе довольно приличную фальшивую бороду. Оставшиеся волосы он запихал под широкополую кожаную шляпу так, чтобы они были видны.

Солнце уже село, вишневая темнота окутала землю. Кугель вернулся в Смолод. Масляные лампы горели перед избушкой Рэдкута Бомина, где выли и стонали толстые и грязные деревенские женщины.

Кугель осторожно пошел вперед, думая, как он должен себя вести, чтобы ни в ком не вызвать удивления и подозрения. Что касается его маскировки, то она либо окажется эффективной, либо нет. До какой степени фиолетовые каспы изменяют восприятие, было непонятно, и он мог проверить это лишь практически.

Кугель смело подошел к двери в избушку. Стараясь говорить голосом как можно более хриплым и гортанным, он сказал:

— Я здесь, о прекрасные принцы Смолода, эсквайр Бубач Анг из Гродза, который в течение тридцати одного года заполнял погреба Смолода самыми изысканными деликатесами. Сейчас я предстал перед вами, ожидая награды и производства в дворяне.

— На что ты имеешь полное право, — сказал ему старейшина. — Но ты, кажется, отличаешься от того Бубача Анга, который так долго служил принцам Смолода.

— Я очень изменился, потому что опечален известием о

смерти принца Рэдкута Бомина, а также очень волнуюсь в ожидании той судьбы, которая ожидает меня.

— Это ясно и понятно. Тогда подойди ближе и приготовься к ритуальным обрядам.

— Но я готов прямо сейчас, — сказал Кугель. — Если ты просто дашь мне волшебные каспы, я спокойно отойду в сторону и прилажу их.

Старейшина упрямо покачал головой.

— Это противоречит нашим обычаям. Во-первых, ты должен раздеться догола и стоять обнаженным в прихожей этого величественного дворца, и прекраснейшие из прекрасных разотрут твое тело ароматическими эссенциями. Затем будет прочтено заклинание Эддит Бран Мура. А затем...

— Уважаемый, — объяснил Кугель, — сделай мне одно только послабление. Прежде, чем начнется обряд, дай мне волшебные каспы, чтобы я полностью мог оценить всю важность этого ритуала.

Старейшина задумался.

— Твоя просьба необычна, но разумна. Принесите каспы!

Наступило томительное ожидание, в течение которого Кугель стоял сначала на одной ноге, потом на другой. Минуты тянулись, как часы, от чужой грязной одежды и фальшивой бороды чесалось и зудело тело. А на окраине деревни он увидел группу людей, приближающихся со стороны Гродза. Один из них почти наверняка был Бубач Анг, а у другого, казалось, была сбрита борода.

Появился старейшина, у которого в каждой руке было по фиолетовому каспу.

— Выйди вперед!

Кугель громко ответил:

— Я здесь, сэр!

— Сейчас я смажу твой правый глаз зельем, с помощью которого приживается волшебный касп.

Из собравшийся вокруг толпы раздался голос Бубача Анга:

— Подождите! Что здесь происходит?

Кугель повернулся, угрожающе наставив на него палец.

— Что за собака осмеливается прерывать торжественный обряд? Уберите его. Вон отсюда!

— Вот именно, — надменно произнес старейшина. — Своими дурными манерами ты оскорбляешь наш ритуал.

На мгновение опешив, Бубач Анг отпрянул.

— Ввиду того, что нас прервали, — сказал Кугель, — я хочу предложить просто забрать волшебные каспы до тех пор, пока этих негодяев не призовут к порядку.

— Нет, — ответил старейшина, — такое нарушение наших обрядов невозможно.

Он вытряс несколько жирных капель на правое веко Кугеля. Но теперь уже закричал крестьянин с отрезанной бородой:

— Моя шляпа! Моя блуза! Моя борода! Неужели на свете нет справедливости?

— Молчание! — зашипели в толпе. — Это торжественный момент!

Кугель громко провозгласил:

— Так возложи на мой глаз волшебный касп, лорд! Не будем обращать внимания на этих наглецов.

— Это меня ты называешь наглецом? — проревел Бубач Анг. — Теперь я узнал тебя, негодяй! Задержите церемонию!

Старейшина раздраженно сказал:

— Теперь я возлагаю на тебя правый касп! Ты должен временно держать глаз закрытым, чтобы не было диссонанса, который вызовет сильное напряжение мозга и, возможно, даже кровоизлияние. А теперь — левый глаз.

Он сделал шаг вперед, собираясь помазать мазью левое веко, но Бубача Анга и крестьянина без бороды невозможно было больше удерживать:

— Прекратите церемонию! Вы одариваете самозванца! Это я — Бубач Анг, достойный эсквайр! А тот, кто стоит перед вами, — просто мошенник!

Старейшина с удивлением внимательно оглядел Бубача Анга с головы до ног.

— По правде говоря, ты напоминаешь того крестьянина, который в течение тридцати одного года снабжал Смолод продовольствием. Но если Бубач Анг — ты, то кто тогда этот человек?

Безбородый крестьянин пролез вперед.

— Этот бессовестный негодяй украл мою одежду и мою бороду.

— Он преступник, негодяй, бандит...

— Тише! — грозно произнес старейшина. — Вы выбрали неподходящие слова. Помните, что сейчас он был произведен в принцы Смолода!

— Но не полностью! — вскричал Бубач Анг. — Он получил один из моих глаз. Я требую второй себе!

— Неловкая ситуация, — пробормотал старейшина. Он обратился к Кугелю: — Хоть раньше ты и был негодяем и головорезом, но сейчас ты принц и человек ответственный. Каково твое мнение?

— Я предлагаю временно удалить отсюда этих негодяев. Потом...

Бубач Анг и безбородый крестьянин, издавая крики ярости, бросились вперед. Кугель отпрыгнул в сторону, но не смог удержать закрытым своего правого глаза. Веко распахнулось, и мозг воспринял картину настолько удивительную и пре-

красную, что дыхание его прервалось, а сердце замерло от восторга. Но левый глаз продолжал показывать реальную картину Смолода. Диссонанс был настолько велик, что он не выдержал: свалился на землю, ударившись о стену избушки. Бубач Анг бросился к нему, высоко над головой занеся мотыгу, но теперь между ними встал старейшина.

— Ты что, совсем сошел с ума? Этот человек — принц Смолода!

— Это человек, которого я убью, потому что у него мой глаз! Неужели я трудился в течение тридцати одного года ради какого-то пройдохи?

— Успокойся, Бубач Анг, если это действительно твое имя, и помни, что это дело еще не окончательно ясно для нас. Возможно и была допущена ошибка — несомненно, просто ошибка, потому что этот человек сейчас принц Смолода, который всегда олицетворяет собой честность и справедливость.

— Он не был им, когда получал касп, — возразил Бубач Анг, — а именно тогда и было совершено жульничество.

— Я не собираюсь утомлять себя казуистическими спорами, — ответил старейшина. — В любом случае твое имя находится первым в списке, и в следующий раз, когда произойдет несчастный случай...

— Лет через десять-двенадцать? — вскричал Бубач Анг. — Должен ли я опять работать и получить свою награду, когда погаснет солнце? Нет, нет, этого не должно быть!

Тогда заговорил безбородый крестьянин.

— Возьми другой касп, — предложил он. — Таким образом, ты приобретешь, по крайней мере, половину того, что принадлежит тебе по праву, и помешаешь этому жулику лишить тебя всего сразу.

Бубач Анг согласно кивнул головой.

— Я согласен начать с одним каспом, потом я убью этого бандита и заберу второй — вот все и решится!

— Ну-ну! — высокомерно произнес старейшина. — Вряд ли стоит говорить таким тоном, когда высказываешься о принце Смолода!

— Ха! — фыркнул Бубач Анг. — Вспомни, кто одевает вас, кормит и поит? Мы — жители Гродза, не собираемся работать впустую!

— Хорошо, — сказал старейшина. — Я отвергаю твое оскорбительное заявление, твой тон и твои манеры, но я не могу не признать, что в какой-то степени логика на твоей стороне. Вот левый касп Рэдкута Бомина. Я произнесу заклинание, смажу тебе веко и прилажу его на место. Если ты потрудишься подойти поближе, открыть левый глаз,... Нет, вот так...

Как и Кугель, Бубач Анг посмотрел сразу двумя глазами и

попятился, как бы оглушенный. Но быстро приложив руку к левому глазу, он пришел в себя и стал приближаться к Кугелю.

— Сейчас ты должен понять всю бесплодность своей хитрости. Отдай мне касп и иди своей дорогой, потому что теперь тебе никогда не удастся завладеть обоими.

— Для меня это не имеет значения, — сказал Кугель. — Спасибо моему другу Фриксу за то, что мне вполне достаточно и одного.

Бубач Анг заскрежетал зубами.

— Ты что, считаешь, что сможешь обмануть меня еще раз? Жизнь твоя приближается к концу, и за этим просмотрю не я один, а весь Гродз!

— Но не в Смолоде! — предупредил его старейшина. — Среди принцев не должно быть распрей — я провозглашаю дружбу! Вы, поделившие каспы Рэдкута Бомина, должны также вместе пользоваться его дворцом, его одеждами, драгоценностями и прислугой, живя надеждой на то, что один из вас умрет, и тогда выживший получит все. Таково мое мнение, больше говорить не о чем.

— Смерть этого подлеца очень близка, ему не на что надеяться, — пробормотал Бубач Анг. — То мгновение, когда он покинет пределы Смолода, будет для него последним! Жители Гродза будут наблюдать за ним хоть сотню лет, если это окажется необходимым!

Фрикс заерзал, услышав подобные новости, и Кугель поморщился от боли. Успокаивающим тоном он обратился к Бубачу Ангу:

— Мы с тобой можем пойти на компромисс: тебе достанется абсолютно все, что принадлежало Рэдкуту Бомину — его дворцы, драгоценности, любовницы. Я же удовлетворюсь лишь волшебным каспом.

Но Бубач Анг не желал ничего слушать.

— Если ты дорожишь своей жизнью, немедленно отдай свой касп мне!

— Это невозможно, — сказал Кугель.

Бубач Анг отвернулся и заговорил с безбородым крестьянином, который выслушал его, кивнул головой и ушел. Бубач Анг свирепо посмотрел на Кугеля, потом подошел к избушке Рэдкута Бомина и уселся на куче мусора перед входом. Тут он стал экспериментировать со своим левым каспом, осторожно закрывая правый глаз и открывая левый, чтобы полюбоваться на чудеса Чужого Мира. Кугель решил воспользоваться этим и попытался улизнуть, пока Бубач Анг занят собой и своими видениями. Он осторожно направился к краю деревни. Бубач Анг, казалось, не обратил на это ни малейшего внимания.

— «Ха! — подумал Кугель. — Значит, все так просто!»

Еще два-три шага, и он окажется в полной темноте, где его невозможно будет отыскать.

Весело он сделал один из этих шагов своими длинными ногами. Легкий звук — возглас, шорох, шуршание одежды — заставили его резко отпрянуть в сторону, и в ту же секунду лезвие мотыги просвистело в воздухе точно в том месте, где только что была его голова. В слабом свете, от масляных ламп Смолода, рассеивающем сумрак, Кугель увидел безбородое мстительное лицо крестьянина. Позади он услышал тяжелые шаги спешащего на помощь Бубача Анга, который наклонил свою тяжелую голову, как бык перед нападением. Кугель вновь увернулся и быстро побежал обратно в самый центр Смолода.

Медленно, явно разочарованный в своих самых радужных ожиданиях, Бубач Анг вернулся и уселся подле избушки.

— Тебе никогда не удастся убежать, — сказал он Кугелю. — Лучше отдай мне касп и сохрани свою жизнь.

— Еще чего! — уверенно ответил Кугель. — Лучше сам подумай о здоровье — как бы тебе неожиданно не помереть!

Из избушки старейшины донесся голос:

— Прекратите вашу ругань! Я занят с капризной и экзотической принцессой и не желаю, чтобы меня отвлекали!

Кугель, вспомнив висящую жирную кожу, толстые кривые ноги, спутанные грязные волосы в колтунах и зловонный запах, который был характерен для всех женщин Смолода, лишь задумался над волшебной силой каспов. Бубач Анг вновь проверял, как видит его левый глаз. Кугель поудобнее устроился на скамейке и попытался посмотреть своим правым глазом, сперва как следует закрыв левый.

На нем была рубашка из тончайших серебряных чешуек, облегающие алые брюки, темно-голубой плащ. Он сидел на мраморной скамье перед рядом спиральных мраморных колонн, увитых темной листвой и белыми цветами. По обеим сторонам от него в ночное небо вздымались дворцы Смолода, один за другим, и мягкий свет лился из их окон и арок. Небо было мягкого темно-голубого цвета и на нем сверкали крупные звезды. Между дворцами располагались сады с кипарисами, миртом, жасмином, пальмами, в воздухе был разлит сладкий запах цветов и веяло свежестью ручья. Откуда-то слабо доносилась музыка: шепот многих струн, вздох мелодии. Кугель глубоко вздохнул и поднялся на ноги. Он сделал несколько шагов вперед по террасе. Дворцы и сады точно сдвинулись. На слабо освещенной лужайке три девушки в белых шелковых платьях оглядывались на Кугеля.

Кугель невольно сделал шаг вперед, затем, вспомнив об угрозе со стороны Бубача Анга, остановился, чтобы проверить, где тот сейчас находится. За лужайкой возвышался семиэтаж-

ный дворец, на каждом этаже которого была терраса с садом, с виноградными лозами и цветами, спускавшимися прямо по стенам. В окно Кугель мельком увидел богатую мебель, прекрасные бронзовые и серебряные канделябры, заметил, как мягко и плавно движутся служанки. В павильоне перед дворцом стоял человек с ястребиными чертами лица, с коротко подстриженной золотистой бородкой, одетый в желтые и черные одежды с золотыми эполетами. Одной ногой он стоял на небольшом каменном возвышении, положив обе руки на колено и глядя на Кугеля с явной неприязнью. Кугель задумался: мог ли это быть Бубач Анг с его свиным рылом? Неужели этот семиэтажный дворец — жалкая лачуга Рэдкута Бомина?

Медленно Кугель перешел лужайку и подошел к павильону, освещенному канделябрами. Столы ломились от мясной пищи, соусов, приправ и гарниров, какие только можно было себе представить, и желудок Кугеля, в котором не было ничего, кроме плавника и копченой рыбы, настоятельно потребовал, чтобы он подошел к этим столам. Кугель переходил от стола к столу, пробуя понемногу от каждого блюда, и нашел, что все они высшего качества.

«Может быть, я и продолжаю поглощать копченую рыбу и чечевицу, — сказал сам себе Кугель, — но многое можно сказать о пользе того волшебства, с помощью которого они стали настолько изысканными деликатесами. Да, провести остатки дней своих в Смолоде не так уж плохо».

Фрикс как будто прочитал эту мысль, потому что он немедленно впился в печень Кугеля всеми своими когтями и жалами, и тот с горечью вспомнил о Никоню, Смеющемся Маге, и еще раз повторил свои клятвы мести.

Когда боль утихла, Кугель пошел туда, где сады заканчивались, уступая место парку. Он посмотрел через плечо и увидел, что человек с ястребиными чертами лица в желтом и черном идет вслед за ним, причем с явно враждебными намерениями. В темноте парка Кугель заметил какое-то движение, и ему показалось, что он видит нескольких вооруженных воинов.

Кугель вернулся на лужайку, и Бубач Анг вновь пошел вслед за ним и остановился перед дворцом Рэдкута Бомина, мрачно глядя на Кугеля.

— Совершенно очевидно, — громко сказал Кугель для Фрикса, — что мне не удастся покинуть Смолод сегодня ночью. Естественно, мне не терпится доставить касп Никоню, но если меня убьют, ни касп, ни восхитительный Фрикс никогда уже не вернутся в Элмери.

Фрикс больше не дергался.

«А теперь, — подумал Кугель, — где же провести ночь?»

Семиэтажный дворец Рэдкута Бомина явно представлял

собой надежное и удобное убежище и для него, и для Бубача Анга. На самом же деле, однако, оба они будут находиться в тесной маленькой комнатке с одной единственной подстилкой из сырого тростника вместо постели. Задумчиво, с сожалением, Кугель закрыл свой правый глаз и открыл левый.

Смолод был таким же, как и прежде. Уродливый Бубач Анг скорчился у двери в избушку Рэдкута Бомина. Кугель сделал шаг вперед и ловко поддал носком сапога под ребра Бубачу Ангу. От удивления и шока оба глаза Бубача Анга открылись, и соперничающие между собой видения вызвали паралич в его мозгу. В темноте взревел безбородый крестьянин и понесся вперед, высоко подняв над головой мотыгу, так что Кугель с сожалением отказался от своего плана спокойно перерезать горло Бубачу Ангу. Вместо этого он быстро скользнул в избушку и запер за собой дверь.

Потом он опять закрыл свой левый глаз и открыл правый. Он стоял в великолепном зале-прихожей дворца Рэдкута Бомина, дверь которого была заперта перекрещивающимися железными балками. Снаружи дворца золотоволосый принц с холодным высокомерьем и достоинством поднимался с земли. Подняв руку в благородном негодовании, Бубач Анг перекинул свой плащ через плечо и удалился, чтобы присоединиться к своим воинам.

Кугель стал ходить по дворцу, с удовольствием осматривая его. Если бы не беспокойный Фрикс, не было бы никаких причин торопиться с тем, чтобы начать полное опасностей путешествие обратно, в долину Кзана.

Кугель выбрал для себя роскошную спальню с окнами на юг, сменил свою богатую одежду на шелковую ночную пижаму, уселся на кровать с бледно-голубыми шелковыми простынями, лег и в ту же секунду уснул.

Наутро он с трудом начал соображать, какой же глаз следует открыть. Кугель подумал, что неплохо бы завести повязку, чтобы закрывать ею глаз, которым не надо пользоваться в настоящий момент.

При дневном освещении дворцы Смолода выглядели еще роскошнее, чем ночью, и сейчас вся площадь была запружена принцами и принцессами неслыханной красоты.

Кугель оделся в красивые черные одежды, оживив их зеленой шляпой и сандалиями того же цвета. Он спустился по витой лестнице в зал-прихожую, отпер дверь и вышел на площадь.

Бубача Анга нигде не было видно. Другие жители Смолода приветствовали его с вежливостью, а принцессы с явной теплотой, откровенно показывая, что он им нравится. Кугель отвечал также вежливо, но не заигрывая — даже волшебные

каспы не могли заставить его позабыть жирные туши со спутанными волосами, которыми являлись на самом деле все женщины Смолода.

Он позавтракал изумительными блюдами, затем вернулся на площадь, чтобы обдумать план своих дальнейших действий. Быстрый осмотр парка показал ему, что воины Гродза были начеку. Так что в настоящий момент побег был невозможен.

Аристократы Смолода занялись своими делами. Некоторые из них отправились на прогулку по прекрасным зеленым лугам, другие поехали кататься на лодках по прекрасной реке к северу. Старейшина — принц умудренный и величавый — сидел на скамье из оникса и был погружен в раздумья.

Кугель приблизился к нему. Старейшина поднялся со скамейки и отсалютовал Кугелю со сдержанной сердечностью.

— Мои раздумья нелегки, — объявил он. — Несмотря на то, что законы были соблюдены, и учитывая, что ты совершенно незнаком с нашими обычаями, я все же чувствую, что была совершена определенная несправедливость, и я не знаю, как исправить ее.

— Мне кажется, — сказал Кугель, — что эсквайр Бубач Анг, хоть он несомненно и достойный человек, нарушает дисциплину и тем самым подрывает уважение к Смолоду. По моему мнению, ему пошло бы на пользу, если бы он еще несколько лет провел в Гродзе.

— В том, что ты говоришь, что-то есть, — ответил старейшина. — Небольшие самопожертвования иногда бывают необходимы для благосостояния всех. Я, например, определенно чувствую, что если бы такой вопрос возник, ты с радостью отдал бы свой касп и согласился бы начать жизнь в Гродзе. В конце концов, что такое несколько лет? Они пролетят мимо, как бабочки.

Кугель сделал рукой неопределенный жест.

— Или можно было бы назначить жеребьевку, по которой все, кто смотрит на мир через два каспа, будут участвовать в обязательном порядке, и проигравший отдаст свой касп Бубачу Ангу. Лично я готов удовлетвориться только одним.

Старейшина нахмурился.

— Как сказать... это едва ли возможно. А тем временем ты должен принять участие в наших развлечениях. Если мне позволено будет сказать, ты оказался фигурой очень представительной, и многие из наших принцесс смотрели на тебя затуманенным взором. Вот, например, прекрасная Удела Наршаг, или Золокса, Лепесток Розы, кроме того — обаятельная Ильвия Ласмаль. Ты не должен стесняться: здесь, в Смолоде, мы привыкли развлекаться как умеем.

— Прелесть этих леди ускользнула от моего внимания, — сказал Кугель. — К сожалению, я связан клятвой целомудрия.

— Несчастный! — воскликнул Старейшина. — С принцессами Смолода никто не может сравниться! И заметь — вот еще одна ищет твоего внимания.

— Ну что ты, это тебя она хочет, — сказал Кугель.

И старейшина тут же отправился к молодой женщине, о которой шла речь. Она выехала на площадь в великолепной, похожей на лодку коляске, шагающей на шести лебединых ногах. Принцесса полулежала на розовых подушках и была настолько прекрасна, что Кугель сильно пожалел о своей хорошей памяти, рисовавшей ему колтуны в волосах, прыщи, обвисшие губы, потные щеки и морщины женщин Смолода. О такой принцессе, как эта, действительно можно было только мечтать: изящная, гибкая, с пышными формами, кремовой кожей, крохотным носиком, огромными глазами с поволокой, нежным чувственным ртом. Выражение ее лица заинтриговало Кугеля, потому что оно было более сложным, чем у многих других принцесс — задумчивое, но волевое, страстное, но недовольное.

На площадь вышел Бубач Анг, одетый в воинские доспехи и при шпаге. Старейшина подошел к нему, и между ними завязался разговор. К раздражению Кугеля, он увидел, что принцесса в шагающей лодке делает ему знак подойти к ней.

Он сделал несколько шагов вперед.

— Да, принцесса! Вы звали меня, или я ошибся?

Принцесса кивнула головой.

— Я размышляю над твоим присутствием в этих северных землях.

Голос у нее был мягким и нежным, как музыка. Кугель неохотно ответил:

— Я нахожусь здесь только для того, чтобы выполнить поручение, и недолго пробуду в Смолоде, потому что мне надо продолжить свой путь к востоку и к югу.

— Вон оно что! — сказала принцесса. — Так что же это за поручение?

— Если быть честным, я попал сюда под угрозой наказания волшебника. Уж, конечно, не по собственному желанию.

Принцесса мягко рассмеялась.

— Я вижу так мало путешественников. Мне нравятся новые лица и я люблю разговаривать с новыми людьми. Возможно, ты не откажешься проследовать вместе со мной в мой дворец, где мы сможем поговорить с тобой о волшебстве и о тех странных событиях, которые происходят сейчас на нашей умирающей земле?

Кугель коротко поклонился.

— Я благодарю тебя за твою доброту и твое предложение. Но ты должна найти себе кого-нибудь другого. Пусть это не вызывает у тебя удивления, но я связан клятвой целомудрия. Это касается не только тебя, но и Уделы Наршаг, которая стоит вон там, и Золоксы, и Ильвии Ласмаль.

Принцесса подняла брови и откинулась на подушки. Она слабо улыбнулась.

— Вот как? Понятно. Какой же ты суровый и непреклонный мужчина, если отказываешь в своем обществе многим прекрасным женщинам.

— Это так, и это должно быть так.

Кугель отвернулся и оказался лицом к лицу со старейшиной, который подошел со следующим за ним по пятам Бубачом Ангом.

— Печальные обстоятельства, — объяснил старейшина обеспокоенным голосом. — Бубач Анг говорит от имени всех жителей Гродза. Он заявляет, что нам не будет оказано никаких услуг до тех пор, пока не будет восстановлена справедливость, то есть пока ты не отдашь касп Бубачу Ангу, а сам не будешь выдан комитету деревни, который ожидает тебя в парке.

Кугель заставил себя рассмеяться.

— Что за странный взгляд на вещи! Ты, конечно, заверил их, что лучше мы, принцы Смолода, будем есть траву и уничтожим наши каспы, чем согласимся на такие унизительные условия?

— Боюсь, что я согласился, — ответил старейшина. — Остальные жители Смолода предпочитают более гибкий план действий, чем тот, который предлагаешь ты.

Слова эти достаточно ясно выражали желание говорившего, и Фрикс начал в отчаянии шевелиться. Чтобы как можно лучше оценить обстановку, Кугель переместил повязку с левого глаза на правый.

Толпа жителей деревни Гродз, вооруженная серпами и дубинками, ожидала на расстоянии примерно ярдов пятидесяти. Видимо, это и был тот самый комитет, о котором говорил Бубач Анг. По одну сторону от него находились избушки Смолода, по другую принцесса...

И Кугель с изумлением уставился на нее.

Лодка была такой же, как и раньше, шагающей на шести птичьих ногах, на ней, сидела на розовых подушках принцесса — если это возможно, еще более красивая, чем раньше. Но на лице ее уже не было легкой улыбки — оно было холодным и непроницаемым.

Кугель глубоко вдохнул и пустился бежать во весь дух.

Бубач Анг крикнул ему, чтобы он немедленно остановился, но Кугель, естественно, не обратил на этот крик никакого внимания. Он бежал по пустынной земле, а комитет в полном составе несся за ним.

Кугель радостно засмеялся. У него были длинные ноги и великолепно развитые легкие — крестьяне были мускулистыми коротышками. Он легко мог пробежать две мили, когда они только одну.

К его ужасу две ноги шагающей лодки отделились и прыгнули за ним. Кугель побежал так, как никогда в жизни. Но все было напрасно. Ноги быстро промчались мимо него, по одной с каждой стороны. Потом они развернулись и заставили его остановиться.

Кугель угрюмо пошел назад, а ноги бдительно следовали за ним. Прежде чем они опять подошли к окрестностям Смолода он сунул руку под повязку и оторвал от века волшебный касп. Когда комитет накинулся на него всем скопом, он вытянул его вперед и сжал в пальцах.

— Если вы немедленно не остановитесь, я раздавлю этот касп на мелкие кусочки!

— Стойте, стойте! — закричал Бубач Анг. — Этого не должно быть! Отдай мне мой касп и уходи на все четыре стороны. Никто тебя не тронет!

— Еще ничего не решено, — напомнил Кугель. — Старейшина еще не присудил его ни тебе, ни мне.

Девушка поднялась со своих подушек в лодке.

— Тогда судить буду я. — Меня зовут Дерва Кориме из дома Домбера. Дайте мне это фиолетовое стекло, что бы это такое ни было.

— Ну, конечно, — сказал Кугель. — Возьми касп у Бубача Анга.

— Никогда! — воскликнул эсквайр из Гродза.

— Что такое? Оба вы имеете по каспу, и оба хотите иметь два? Что это такие за драгоценности? Вы носите их вместо глаз? Дайте их мне!

Кугель вытащил шпагу из ножен.

— Я предпочитаю бежать, но если меня вынуждают, я могу и драться.

— Я не могу бежать, — ответил Бубач Анг. — Я предпочитаю драться.

Он вынул касп из своего собственного глаза.

— А теперь, негодяй, приготовься к смерти!

— Одну минуточку! — сказала Дерва Кориме.

От одной из ног лодки вытянулись тонкие руки и охватили кисти и Кугеля и Бубача Анга. Каспы упали на землю. Касп Бубача Анга ударился о камень и разбился на мелкие кусочки.

Он взвыл от негодования и прыгнул на Кугеля, которые отступил перед этой неожиданной и яростной атакой.

Бубач Анг был полным невеждой в фехтовании: он рубил и колол, как будто разделывал какую-то большую рыбу. Но ярость его атак была такова, что Кугель защищался с трудом. В добавление к ярости Бубач Анга Фрикс высказывал свое явное неудовлетворение потерей каспа и вел себя явно не по-джентльменски.

Дерва Кориме потеряла всякий интерес к этому делу. Лодка зашагала по пустынной местности, двигаясь все быстрее и быстрее. Кугель сделал выпад, отскочил назад, сделал еще один выпад, повернулся и побежал что есть силы во второй раз, а люди Смолода и Гродза посылали ему вслед тучи проклятий.

Лодка-коляска быстро шагала вперед. Задыхаясь от боли в легких, Кугель в конце концов догнал ее, в немыслимом прыжке уцепился за борт, подтянулся и забрался внутрь.

Все было так, как он и ожидал. Дерва Кориме посмотрела сквозь касп и сейчас лежала в обмороке, откинувшись на подушки. Фиолетовый касп лежал на ее коленях.

Кугель схватил его, потом посмотрел на прекрасное тонкое лицо, раздумывая, не следует ли ему осмелиться на большее. Фрикс явно считал, что нет. Дерва Кориме начала уже вздыхать и слабо ворочать головой.

Кугель спрыгнул с лодки и успел как раз во-время. Заметила ли она его? Он подбежал к зарослям кустарника, росшим у пруда, и прыгнул в воду. Он видел, как лодка остановилась, а Дерва Кориме поднялась на ноги. Она ощупала свое платье и розовые подушки в поисках каспа, затем стала оглядывать окрестности. Но кроваво-красный свет заходящего солнца бил ей в глаза, когда она посмотрела в сторону Кугеля, и поэтому она так и не увидела ничего, кроме тростника и отражения солнца в воде.

Рассерженная, в негодовании, как никогда раньше, она повелительным жестом вновь заставила лодку двигаться. Лодка пошла сначала медленно, затем все быстрее, потом повернула к югу.

Кугель вышел из воды, осмотрел волшебный касп, сунул его в свой кошелек на поясе, затем повернулся и посмотрел в сторону Смолода. Он тоже пошел на юг, затем остановился. Вынув касп из кошелька, он закрыл правый глаз и прижал касп к левому. Повсюду возвышались дворцы, террасы над террасами, башни над башнями с прекрасными висячими садами... Кугель мог бы смотреть так долго, но Фрикс стал беспокоиться.

Кугель положил касп обратно в кошелек и вновь зашагал на юг, отправляясь в долгое путешествие обратно в Элмери.

Глава 2
СИЛЬ

Заход солнца над северными пустынными землями был зрелищем довольно печальным — как будто из трупа какого-то животного медленно вытекают остатки крови, и сумерки застали Кугеля в солончаках, через которые он с трудом пробирался. Темно-красный свет заходящего солнца обманул его, и, начав свое путешествие по низинам, он постепенно почувствовал под ногами сырость, потом мягкую податливость, а сейчас его со всех сторон окружали грязь, болотная трава, несколько ив и солончаковые лужи, в которых отражалось свинцово-пурпурное небо.

К востоку виднелись низкие холмы, и Кугель повернул к ним, перепрыгивая с кочки на кочку, как можно осторожнее проходя по покрытой коркою грязи. Временами он поскальзывался, и тогда падал лицом вниз в грязь и гниющие водоросли, и в эти минуты его угрозы и клятвы мести Никоню, Смеющемуся Магу, достигали апогея.

Наступили сумерки, когда, чуть не падая, он добрался до склона большого холма, где оказался в положении еще худшем, чем было на болоте. Обитающие там бандиты — полулюди — заметили его приближение и сейчас же кинулись за ним в погоню. Кугель почувствовал их ужасный запах еще до того, как услышал их шаги, и, позабыв об усталости, кинулся вперед со всех ног, бандиты неотступно следовали за ним по склону холма.

Перед ним в темнеющем небе возвышалась полуразрушенная башня. Перепрыгивая через обвалившиеся камни и вытащив шпагу, Кугель вбежал в отверстие, которое когда-то было дверью. Внутри башни царила полная тишина и стоял запах пыли и сырого камня. Кугель опустился на колени и осторожно выглянул наружу. Он увидел на фоне неба три гротескные фигуры, остановившиеся у самого края развалин.

«Странно, — подумал Кугель, — хоть меня это вполне устраивает, но их поведение — дурной знак. Эти существа явно боятся башни».

Последние отсветы сумерек погасли, и по различным признакам Кугель определил, что в башне живет приведение. Ближе к полуночи появился дух, весь в белых одеждах, с серебряной полосой в руках, с которой на серебряных цепочках свисало двадцать лунных камней. Он близко подплыл к Кугелю, не сводя с него своих пустых глазниц, посмотрев в которые, человек мог забыть обо всем на свете. Кугель при-

жался к стене так, что захрустели кости. Он стоял, не в состоянии пошевелиться.

Дух заговорил:

— Покинь этот форт. Пока камень соединен с камнем, я должен оставаться здесь, даже если солнце погаснет и земля остынет.

— С радостью бы, — выдавил из себя Кугель, — но я не могу, потому что снаружи засели бандиты, которые желают убить меня.

— Позади этого зала есть проход. Используй свою хитрость и силу, потом выполни мои повеления.

— Да, я уничтожу этот форт, — лихорадочно ответил Кугель. — Но скажи мне, что заставило тебя остаться в столь неприглядном месте и ждать так долго, как ты говоришь?

— Обстоятельства этого позабыты, а я остаюсь. Выполни то, что я тебе сказал, или я прокляну тебя и обреку на вечную тоску!

Кугель проснулся в темноте, дрожа от холода и сырости. Дух исчез. Как долго он спал? Он выглянул сквозь дверь и увидел, что восточный горизонт светлеет.

После долгого ожидания появилось солнце, послав свой пламенеющий красный луч сквозь входное отверстие и высветлив весь зал. В дальнем его конце Кугель заметил каменную лестницу, идущую вниз, к проходу, пройдя, которым он минут через пять оказался на поверхности. Из своего укрытия он тщательно осмотрелся и увидел трех бандитов, залегших в разных пунктах, причем каждый из них был укрыт за поваленным стволом тополя.

Кугель вынул из ножен шпагу и осторожно двинулся вперед. Добравшись до первой распростертой на земле фигуры, он проткнул шпагой мускулистую шею. Существо дернулось, раскинуло руки, стало царапать ногтями по земле и умерло.

Кугель вытащил из трупа клинок и вытер его о толстую кожу получеловека. Еще более осторожно приблизился он со спины ко второму бандиту, но тот отчаянно вскрикнул перед смертью. Третий бандит тут же явился, чтобы узнать в чем дело.

Выпрыгнув из своего укрытия, Кугель проткнул его своей шпагой. Бандит завизжал, выхватил кинжал и кинулся на Кугеля, который быстро отступил назад и кинул в него камень, удар которого свалил бандита. Он остался лежать на земле, и лицо его было искажено гримасой ненависти.

Кугель осторожно приблизился к нему.

— Так как ты все равно скоро умрешь, скажи мне все, что знаешь о сокровище, спрятанном в этой башне.

— Я не знаю ни о каком сокровище, — ответил бандит. —

И даже если бы такое и существовало, ты был бы последним человеком, узнавшим о нем, потому что ты убил меня.

— Это не моя вина, — сказал Кугель, — вы преследовали меня, а не я вас. Зачем вам это понадобилось?

— Чтобы есть, чтобы жить, хотя жизнь и смерть одинаково бесплодны. Я презираю и то, и другое.

Кугель задумался.

— В таком случае ты тем более не должен быть в обиде на меня за то, что скоро умрешь, и вопрос о спрятанных сокровищах опять становится первостепенным. Возможно, ты все же передумаешь и расскажешь мне все, что знаешь?

— Я все сказал. Но я покажу тебе мое единственное сокровище.

Существо пошарило в кошельке и вытащило оттуда белый камешек.

— Это камень из черепа монстра — гру, и сейчас он весь дрожит от переполняющей его энергии. Я использую эту энергию, чтобы проклясть тебя и обречь на немедленную смерть от раковой опухоли.

Кугель торопливо убил бандита, затем тяжело вздохнул. Эта ночь принесла ему одни неприятности.

— Никоню, если только я выживу, о, как я посчитаюсь с тобой!

Кугель вернулся, чтобы обследовать форт. Некоторые из камней падали при одном только его прикосновении, чтобы расшатать другие, требовались немалые усилия. Он может теперь просто умереть, не успев выполнить поручения. Каким было проклятье этого бандита?

«Немедленная смерть от раковой опухоли!»

Какая бесчеловечность!

Проклятье духа было не менее ужасным. Как же это? «Вечная тоска!»

Кугель потер подбородок и кивнул головой. Возвысив свой голос, он произнес:

— Господин дух, я так и не выполнил твоего повеления, но сейчас я убил бандитов и отправляюсь в путь. Прощай, и пусть тысячелетия пройдут для тебя побыстрее!

Из глубины форта донесся стон, и Кугель почувствовал присутствие чуждой таинственной силы.

— Тогда я проклинаю тебя моим проклятием! — послышался шепот в мозгу Кугеля.

Кугель быстро пошел к юго-востоку.

— Великолепно, все идет как надо. «Вечная тоска» — точная противоположность «немедленной смерти» и мне остается лишь одна раковая опухоль, которую я и так уже имею в лице

Фрикса. С этими дурацкими проклятиями всегда приходится как-то выкручиваться, иначе не поздоровится.

Он продолжал идти вперед по безлюдной земле, пока форт не скрылся из виду, и в результате опять вышел к морю. Остановившись на берегу, он осмотрел пляж и увидел темную полосу на востоке и такую же на западе. Кугель спустился к морю и пошел на восток. Серое, холодное море гнало волны на гладкий, без единого следа песок.

Впереди Кугель заметил темное пятно, которое при ближайшем рассмотрении оказалось стариком, стоящим на коленях и просеивающим через сито песок.

Кугель остановился, чтобы понаблюдать. Старец отвесил ему полный достоинства поклон и продолжил свою работу. В конце концов Кугеля разобрало такое любопытство, что он решил заговорить:

— Что ты ищешь с такой тщательностью?

Старик отложил решето в сторону и потер руки.

— Где-то на этом пляже лежит амулет, потерянный отцом моего дедушки. В течение всей своей жизни он просеивал песок, надеясь найти то, что потерял. Его сын — мой дедушка, а затем мой отец и я сам, последний в роду, делали то же самое. Мы просеяли песок всего пляжа от самого Силя, но до Бенбадж Сталла осталось еще целых шесть лиг.

— Эти названия мне незнакомы, — сказал Кугель. — Что это за место — Бенбадж Сталл?

Старец указал на черную полоску к западу.

— Древний порт, в котором ты сейчас найдешь лишь обломки лодок, старый причал и несколько избушек. А когда-то барки и корабли из Бенбадж Сталла бороздили моря, доходя до Фельгунто и Мелла.

— И опять же я впервые слышу эти названия, — сказал Кугель. — А что находится за Бенбадж Сталлом?

— Северные земли. Солнце в тех местах низко висит над болотами и трясинами. Там никто не живет, кроме нескольких самых закоренелых преступников.

Кугель повернулся к востоку и указал рукой в ту сторону.

— А что это за место — Силь?

— Все это государство называется Силь, и мой предок из дома Домбера лишился его и всего, что имел. Исчезло все великолепие, остался лишь древний дворец и деревня. Позади него земли становятся страшными и опасными, покрытыми густыми лесами, — вот как изменилось наше государство.

Старец покачал головой и продолжал просеивать песок сквозь свое решето. Кугель стоял, некоторое время наблюдая за ним и бездумно разбрасывая носком сапога песок. Неожиданно он увидел, как под его ногой блеснуло что-то металли-

ческое. Наклонившись, он подобрал браслет из черного металла, сверкающего пурпурным светом. По окружности браслета располагались тридцать алмазов, каждый из которых был окружен надписью.

— Ха! — воскликнул Кугель, показывая браслет. — Смотри, какая забавная вещица — настоящее сокровище!

Старец отложил в сторону решето, медленно поднялся с колен, потом встал на ноги. Он кинулся вперед, и его глаза округлились и остановились. Он протянул руку.

— Ты нашел амулет моих предков! Дай мне его!

Кугель отступил на шаг назад.

— Ну, ну, старик, ты делаешь мне какое-то совершенно неразумное предложение!

— Нет, нет! Этот амулет мой! Это очень несправедливо, что ты отнимаешь его у меня. Неужели ты хочешь погубить дело всей моей жизни и трех жизней до меня?

— А почему бы тебе не обрадоваться, что амулет уже найден? — с деланным негодованием ответил Кугель. — Теперь тебе больше не надо будет так тяжело трудиться и искать его. Лучше объясни мне, в чем заключается его сила. От него исходит волшебство. Каким образом он может принести пользу своему владельцу?

— Его владелец — это я! — простонал старец. — Я умоляю тебя, будь благороден!

— Ты ставишь меня в неловкое положение, — сказал Кугель. — Я вообще слишком мало чем владею, но я никак не могу считать, что это происходит из-за отсутствия во мне благородства. Скажи, если бы этот амулет нашел ты, ты отдал бы его мне?

— Нет, потому что он мой!

— Вот тут-то мы с тобой и расходимся в мнениях. Ты должен понять, если сможешь, что такое утверждение неверно. Твое зрение говорит тебе, что амулет находится в моих руках, в моем распоряжении, а, следовательно, является моей собственностью. Поэтому я высоко оценю, если ты проинформируешь меня о его возможностях и научишь им пользоваться.

Старец вскинул руки в воздух и ударил по решету с такой силой, что оно порвалось и, пролетев по воздуху до самого моря, упало в волны. Прибой подхватил его и стал уносить, и старец сделал непроизвольное движение, чтобы кинуться за ним, но затем снова воздел руки и побежал по берегу, как слепой.

Кугель с большим неодобрением покачал головой и, повернувшись, продолжил свой путь на восток.

Тут же ему пришлось вступить в конфликт с Фриксом,

который был убежден, что самое лучшее — отправиться в Элмери через порт Бенбадж Сталл, то есть идти на запад. Кугель в отчаянии прижал руки к животу.

— У нас всего один возможный путь! По землям, которые лежат к югу и востоку! Что с того, что через океан дорога гораздо короче? Поблизости нет ни лодки, ни корабля, а проплыть такое огромное расстояние просто невозможно!

Фрикс вцепился ему в печень всеми своими когтями еще несколько раз, но в конце концов успокоился, позволив Кугелю идти на восток.

Позади, на берегу, сидел старец, невидящими глазами уставившись в море.

Кугель продолжал идти по пляжу, очень довольный собой и событиями сегодняшнего дня. Он внимательно осмотрел амулет: от него исходила сильная энергия волшебства, да к тому же он был очень красив. Руны, начертанные с большим искусством и тонкостью, он, к сожалению, расшифровать не мог. Осторожно надев браслет на кисть, он случайно нажал на один из алмазов. Откуда-то донесся далекий стон, в котором звучало самое глубокое отчаянье.

Кугель остановился, как вкопанный, и оглядел пляж со всех сторон. Серое море, скучный берег, пляж и песок. Бенбадж Сталл все еще темной полосой выделялся на западе, Силь на востоке, над головой висело серое небо. Он был один. Откуда же донесся тогда этот ужасный стон?

Осторожно Кугель опять дотронулся до алмаза и опять услышал все тот же стон.

В недоумении Кугель дотронулся до другого алмаза, и на этот раз появился целый поток стонов, но уже издаваемого кем-то другим. Кугель был в удивлении. Кто мог на этом пустынном берегу вести себя подобным образом? Каждый алмаз, который он нажимал по очереди, выдавал ему целый концерт криков и стонов — всю гамму отчаяния и боли. Кугель критически осмотрел амулет во всех сторон. Кроме рыданий, стонов и криков, Кугель так больше ничего и не смог выжать из браслета, а потому скоро отказался от своих экспериментов.

Солнце достигло зенита. Кугель утолил голод морскими водорослями, которые он сделал съедобными с помощью дощечки, предоставленной ему Никоню специально для этой цели. Пока он ел, ему показалось, что он слышит далекие голоса и чуть слышный смех, но все это было настолько неразличимо, что вполне могло быть шумом прибоя. Из океана выдавалась скала, и, тщательно прислушавшись, Кугель все же установил, что голоса исходили именно оттуда. Они были чистыми и ясными, как голоса детей, и звучали с невинной веселостью.

Он осторожно приблизился к скале. Возле нее, там, где бился прибой и пенилась темная вода, стояли четыре большие раковины. Сейчас они были открыты, и оттуда высовывались головы на обнаженных плечах и руки. Это были круглые головы с бледными лицами, мягкими щеками, серо-голубыми глазами и клочками светлых волос. Пальцы этих созданий были опущены в воду, и из капель они пряли нити, из которых потом ткали прекрасную мягкую ткань. Тень Кугеля упала на воду, и в одно мгновение создания захлопнули створки своих раковин и скрылись внутри.

— Как так? — весело воскликнул Кугель. — Вы что, всегда закрываетесь при виде незнакомого лица? Вы что, такие пугливые? Или просто неприветливые?

Раковины оставались закрытыми. Темная вода струилась по их поверхностям.

Кугель подошел на шаг поближе, приподнялся на носки и склонил голову набок.

— А может быть, вы слишком гордые? И поэтому удалились презрительно? Или у вас просто плохие манеры?

Ответа не было. Кугель, оставаясь на том же месте, начал насвистывать, вспоминая мелодию, которую он слышал на Азиномейской ярмарке.

В конце концов раковина в самом дальнем конце скалы чуть приоткрылась, и в щелку на него уставились глаза. Кугель просвистел еще пару куплетов, затем заговорил опять:

— Раскрывайте свои раковины! Здесь вас ожидает путник, которому необходимо расспросить о дороге в Силь и о других важных вещах!

Еще одна раковина приоткрылась, еще одна пара глаз уставилась на него сквозь щелку.

— А возможно, вы просто невежи! — фыркнул Кугель. — Возможно, вы ничего не знаете, кроме цвета рыб и того, что вода мокрая.

Самая дальняя раковина открылась, и оттуда выглянуло важное личико.

— И совсем мы не невежи!

— И не пугливые, и не неприветливые, и не гордые! — крикнул второй обитатель раковины.

— И у нас совсем не плохие манеры, — добавил третий.

Кугель кивнул.

— Все это очень хорошо. Но почему вы так быстро закрыли свои раковины при моем приближении?

— Такова наша природа, — сказал первый обитатель раковины. — Многие морские животные были бы счастливы застать нас врасплох, поэтому куда лучше сначала скрыться, а узнать в чем дело — можно и потом.

Теперь были приоткрыты все четыре раковины, но не так, как это было до появления Кугеля.

— Ну хорошо, — сказал он. — Так что вы можете сообщить мне о Силе? Приветливо ли встречают там путников или отправляют восвояси? Можно ли там найти гостиницу или мне придется ночевать в канаве?

— Ничего мы об этом не знаем, — сказал первый обитатель раковины.

Теперь она открылась полностью, и показались его белые руки и плечи.

— Люди Силя, если можно верить слухам, углублены в себя и очень подозрительны, даже по отношению к той, кто ими управляет — девушке из древнего дома Домбера.

— А вот идет старый Слай, — сказал другой. — Что-то сегодня он рано возвращается в свою хижину.

Третий рассмеялся:

— Слай стар, и он никогда не найдет своего амулета, а поэтому дом Домбера будет править Силем пока не погаснет солнце.

— Что все это значит? — с деланным удивлением спросил Кугель. — О каком амулете вы говорите?

— Столько, сколько мы себя помним, — сказал один из обитателей раковины, — старый Слай просеивает песок, а его отец занимался тем же всю свою жизнь, так же как и все поколения Слаев до него. Они ищут металлический браслет, с помощью которого надеются вернуть себе свои древние привилегии.

— Какая удивительная легенда! — с энтузиазмом сказал Кугель. — А в чем же заключается могущество этого амулета и как им пользоваться?

— Возможно, это сообщит тебе сам Слай, — с сомнением ответил один из них.

— Да нет, слишком уж он суровый и придирчивый, — заявил другой. — Посмотрите только, как нетерпеливо просеивает он свой песок без всякого результата!

— Неужели об этом амулете ничего не известно? — взволнованно спросил Кугель. — Никаких морских сплетен? Никакой древней записи на камне или раковине?

Создания весело рассмеялись.

— Ты спрашиваешь с такой тревогой, как будто ты сам Слай! Нам об этом ничего не известно.

Скрыв свое разочарование, Кугель принялся расспрашивать их дальше, но обитатели раковин были совсем как дети и не могли заострять внимание на одном и том же вопросе долгое время. Кугель стал слушать, как они обсуждают между собой океанские течения, запах жемчуга, место обитания од-

ного все время ускользающего морского зверя, которого они заметили несколько дней тому назад. Через несколько минут Кугель опять попробовал перевести разговор на Слая и его амулет, но вновь обитатели раковин отвечали туманно, в чисто детской манере, не придавая беседе большого значения. Казалось, они совсем позабыли о Кугеле и, опустив пальцы в воду, вновь стали ткать из капель тонкие ткани. Они долго бранили за наглость ракушки и медузы и много говорили о чайнике, который лежал на морском дне неподалеку от берега.

Наконец Кугель устал от их разговоров и поднялся на ноги, и тогда обитатели раковин снова обратили на него внимание.

— Неужели ты уже должен уходить? Так скоро? А мы только собирались спросить тебя, почему ты здесь появился: путешественники так редко заходят на Большой Песчаный берег, а ты кажешься человеком, который пришел издалека.

— Это верно, — сказал Кугель, — и я должен отправляться еще дальше. Посмотрите на солнце — оно уже склоняется к западу, а сегодня ночью я хотел бы переночевать в Силе.

Один из обитателей раковин поднял вверх руки, протягивая прекрасное полотно, которое он соткал из морской воды.

— Это покрывало мы предлагаем тебе в дар. Ты кажешься нам глубоко чувствующим и чувствительным человеком, а поэтому тебе необходима защита от дождя и холода.

Он бросил покрывало Кугелю. Тот осмотрел его, поражаясь необычайной тонкости выделки и стеклянному блеску.

— Я благодарю вас от всей души, — сказал Кугель. — Я не ожидал встретить такой щедрости.

Он завернулся в покрывало, но оно сразу же превратилось в воду, и Кугель промок до нитки.

Четверо обитателей раковин злорадно закричали, громко смеясь, а когда Кугель гневно шагнул вперед, створки раковин тут же захлопнулись.

Кугель ударил ногой по раковине существа, которое швырнуло ему покрывало, и только отбил себе ногу, что еще больше увеличило его ярость. Он схватил тяжелый камень и изо всех сил опустил его на панцирь, который разбился на кусочки. Вытащив из обломков раковины визжащее существо, Кугель швырнул его на берег пляжа, где оно лежало, уставившись на него, с головой и маленькими ручками, соединенными с внутренностями.

Слабым голосом существо спросило:

— Почему ты так поступил со мной? За шутку ты отобрал у меня жизнь, а другой я не имею.

— А, следовательно, тебе больше не удастся шутить по-

добным образом, — заявил Кугель. — Посмотри, ты промочил меня до самых костей.

— Это был всего лишь небольшой розыгрыш, который не имел бы для тебя никаких особых последствий.

Голос обитателя раковины становился все глуше и глуше.

— Мы, жители скал, не очень искушены в волшебстве, но я обладаю силой проклятия и проклинаю тебя: пусть не исполнится твое самое горячее желание, каким бы оно ни было, и пусть это произойдет в течение сегодняшнего дня, пока не наступит ночь.

— Еще одно проклятие? — Кугель с неудовольствием покачал головой. — От двух проклятий за сегодняшний день я умудрился избавиться, а теперь на меня свалилось еще одно?

— Этого проклятия тебе не избежать, — прошептал обитатель раковины. — Это последнее действие в моей жизни.

— Злоба — это очень нехорошее чувство, — поучительно сказал Кугель. — Я сомневаюсь в силе твоего проклятия, но все же я посоветовал бы тебе взять его обратно и тем самым очистить воздух от дурных эмоций, а заодно вернуть и мое хорошее к тебе расположение.

Но обитатель раковины не произнес больше ни одного слова. Через некоторое время он постепенно превратился в белую слизь, которую всосал в себя песок.

Кугель уселся на песок, обдумывая, как ему лучше всего избавиться от проклятия погибшего существа.

— С этими дурацкими проклятиями всегда приходится как-то выкручиваться, — сказал Кугель во второй раз за сегодняшний день. — Ведь недаром меня называют Кугель-Разумник?

Но никакой определенный план так и не пришел ему в голову, и он отправился в путь по пляжу, пытаясь обдумать этот вопрос со всех сторон.

Темная полоска на востоке стала видна довольно отчетливо. Кугель уже мог различить высокие темные деревья, сквозь которые изредка виднелись белые здания.

Вновь показался Слай, который бегал по берегу взад и вперед, как будто лишился рассудка. Он подбежал к Кугелю и упал на колени.

— Амулет! Умоляю тебя! Он принадлежит дому Слая, он налагает на нас обязанность править Силем! Дай его мне, и я выполню самое твое горячее желание.

Кугель остановился как вкопанный. Вот так парадокс! Если он отдаст амулет, Слай явно предаст его, или, по-меньшей мере, не сможет выполнить его желание — если считать, что проклятие сбудется. С другой стороны, если он не отдаст амулета, его желание все равно не сбудется — опять же если

учесть проклятие — но амулет все еще останется в его распоряжении.

Слай ошибочно принял его колебания за то, что Кугель начал смягчаться.

— Я сделаю тебя первым дворянином государства! — вскричал он лихорадочным голосом. — У тебя будет корабль из слоновой кости, и двести девушек будут исполнять малейшие твои желания, твоих врагов мы сотрем в порошок — только отдай мне амулет!

— Неужели этот амулет обладает таким могуществом? — поинтересовался Кугель. — И с его помощью можно добиться действительно многого?

— Да! Да! — вскричал Слай. — Если только правильно читать руны.

— Так как же их прочесть? — спросил Кугель.

Слай посмотрел на него с обидой.

— Этого я не могу тебе сказать: я должен получить амулет!

Кугель сделал рукой презрительное движение.

— Ты отказываешься удовлетворить мое любопытство, в свою очередь я отказываю тебе в твоих наглых требованиях.

Слай повернулся, глядя на темную полоску на востоке, где белые стены зданий проглядывали сквозь деревья.

— Я все понял. Ты сам собираешься править Силем!

«Это было бы совсем не так плохо», — подумал Кугель, и Фрикс, уловив его мысль, запротестовал, впившись изо всех сил в его печень. С сожалением Кугель отказался от своего плана, тем не менее он сообразил, что для него это было бы средством сделать недействительным проклятие обитателя раковины.

— Если мое самое горячее желание не может быть исполнено, — сказал он сам себе, — я должен поставить перед собой совершенно определенную цель и стремиться к ней изо всех сил, по крайней мере, весь сегодняшний день. А, следовательно, я больше всего на свете желаю управлять Силем, и это сейчас самое горячее мое желание.

Затем, чтобы успокоить мстительного Фрикса, он сказал вслух:

— Я собираюсь использовать этот амулет, чтобы добиться очень важных для себя целей, среди которых может находиться и управление Силем. Я убежден, что владеющий амулетом имеет на это право.

Слай громко и иронически расхохотался:

— Сперва ты должен убедить в этом Дерву Кариме. Она из дома Домбера, мрачного и злонамеренного. С виду она всего лишь юная девушка, но ее так же можно назвать бес-

печной, как и лесного зверя гру. Бойся Дерву! Она прикажет бросить и тебя, и амулет на морское дно.

— Если ты до такой степени боишься, что это может произойти, — важно заявил Кугель, — то научи меня, в чем сила амулета, и тогда я смогу предотвратить несчастье.

Но Слай упрямо покачал головой.

— Жестокость Дервы Кориме известна, зачем менять ее на прихоти чужеземного бродяги?

За свои речи Слай получил хороший пинок, так что попятился и чуть не сел на песок. Затем Кугель продолжил свой путь вдоль берега. Солнце низко нависло над морем, и он убыстрил свой шаг, торопясь найти место для ночлега до наступления темноты.

Наконец песчаный берег кончился. Деревья высоко поднимались над землей. Балюстрада, окружающая сады, блестела сквозь листву, чуть ниже на юге стояла ротонда со множеством колонн.

— «Да уж чего-чего, а великолепия здесь хватает», — подумал Кугель, снова с интересом осматривая амулет. Его временное самое горячее желание — стать правителем Силя — как-то неожиданно перестало быть временным. И Кугель задумался: не выбрать ли ему какое-нибудь другое самое горячее желание — например, научиться понимать язык животных или стать непревзойденным акробатом... С большим сожалением Кугель отказался от этого плана. Да и в любом случае было еще не понятно, действенно ли проклятие обитателя раковины или все это — ерунда.

Тропинка вывела его наверх мимо обычного кустарника и красивых цветов: акации, гелистропа, черной айвы, гортензии, кустов белой сирени, жасмина. Пляж стал лентой, уходящей в золотой туман заката, и Бенбадж Сталл больше не был виден. Тропинка стала ровной, по обеим ее сторонам росли лавровые деревья, и закончилась она овальным, покрытом травой полем, на котором в далекие времена проводили парады и смотры.

На левой его стороне высилась каменная стена с большой церемониальной доской, на которой находился очень древний геральдический знак. Ворота были распахнуты настежь, и выложенная мрамором дорога шла на милю до самого дворца — прекрасно отделанного здания со множеством этажей и зеленой бронзовой крышей. По фасаду дворца шла терраса — дорога соединялась с ней широкими ступенями. Солнце зашло, темнота быстро опускалась с неба. Не зная, где ему можно искать приюта на ночь, Кугель направился прямо к дворцу.

В свое время дорога из мрамора была без всяких сомнений

изящна и прекрасна, но давно уже начала ветшать, и лишь сумерки придавали ей прежнюю красоту, хотя и слегка меланхолическую. Справа и слева росли сады, за которыми явно уже давно никто не ухаживал. Мраморные урны, увитые нефритовыми гирляндами, стояли вдоль всей дороги, а ближе к центру находилось несколько постаментов, чуть выше человеческого роста. На каждом из этих постаментов стоял бюст с рунной надписью внизу — такими же рунами, как и те, что были на амулете. Постаменты располагались примерно в пяти шагах друг от друга и тянулись до самой террасы дворца. Первые бюсты были довольно сильно стерты дождями и ветром, но чем дальше, тем отчетливее были видны черты лиц. Постамент за постаментом, бюст за бюстом — каждое лицо недолго смотрело на Кугеля и тут же сменялось другим по мере того, как он приближался к дворцу. На последнем постаменте, неясно видимом в сгущающихся сумерках, стоял бюст молодой женщины. Кугель остановился, как вкопанный: это была та самая девушка из шагающей лодки, с которой он повстречался в северных землях — Дерва Кориме из дома Домбера, правительница Силя.

Вспомнив все, что произошло, Кугель остановился перед массивным порталом. Он расстался с Дервой Кориме отнюдь не дружески, поэтому вполне можно было ожидать, что она затаила на него обиду. С другой стороны, во время их первой встречи она приглашала его во дворец, разговаривая с ним очень тепло. Возможно, она забыла о своей обиде и помнила только те первые минуты их встречи. Кугель, тоже вспомнив ее изумительную красоту, с возбуждением подумал о возможности предстоящей встречи.

Но что если она все же затаила в глубине своей души обиду? Тогда на нее должен будет произвести соответствующее впечатление амулет, если только, конечно, она не попросит, чтобы Кугель продемонстрировал те волшебные силы, которые в нем заключены. Если бы он только знал, как прочитать руны, все было бы проще простого. Но так как от Слая он ничего не добился, ему следовало выяснить все каким-нибудь другим способом, а где еще это сделать, как не во дворце?

Он остановился перед широкими ступеньками, ведущими на террасу. Мрамор весь растрескался, балюстрада вокруг поросла мхом — этого сумерки не могли скрыть. Дворец, казалось, был в лучшем состоянии. Очень высокая арка входа поднималась над террасой, поддерживаемая изящными колоннами с резным узором, который Кугель достаточно ясно смог рассмотреть в темноте. По другую сторону арки виднелись высокие дуги окон, в которых горел тусклый свет, и большой портал.

Кугель начал подниматься по ступенькам, и новые сомнения стали обуревать его. Что, если Дерва Кориме только посмеется над его претензиями и откроет его блеф, сказав, чтобы он обрушил на ее голову самые страшные бедствия с помощью своего амулета? Что тогда? Стонов и криков будет недостаточно.

Он пересек террасу на внезапно ослабевших ногах, теряя остатки своего оптимизма, и остановился перед аркой: возможно, все-таки ему лучше было бы попробовать поискать себе убежище в каком-нибудь другом месте. Но оглянувшись через плечо, он увидел среди статуй высокую фигуру.

Кугель тут же перестал думать о каком-нибудь другом месте для ночлега и быстро направился к высоким дверям: если он попросит ночлега как простой путник, не привлекая ничьего внимания, может быть, ему удастся избежать встречи с Дервой Кориме. Воровские осторожные шаги послышались на ступеньках позади него. Схватившись за дверной молоток, Кугель принялся стучать. Было слышно, как звуки разносятся внутри дворца.

Прошла минута, и Кугелю показалось, что позади он опять слышит какие-то звуки. Он опять постучал, и опять стук его разнесся по всему дворцу. В двери открылся глазок, и в нем показался чей-то глаз, внимательно рассматривавший Кугеля. Глаз пропал, и вместо него появился рот.

— Чего ты хочешь?

Рот пропал, и вместо него появилось ухо.

— Я — странник. Я хотел бы получить приют на ночь, и, если можно, то поскорее, потому что меня преследует какое-то страшное создание.

Вновь появился глаз, который внимательно осмотрел всю террасу, затем опять стал смотреть на Кугеля.

— А где твои верительные грамоты, где рекомендации?

— У меня их нет, — сказал Кугель. Он оглянулся через плечо. — Я предпочел бы обсудить все это поподробнее внутри дворца, потому что это существо уже начинает подниматься по ступенькам террасы.

Глазок закрылся наглухо. Кугель уставился на запертую дверь. Он изо всех сил вновь принялся стучать молотком, не забывая все время оглядываться в темноту назад.

Со стоном, со скрипом дверь открылась. Крепыш небольшого роста в пурпурной ливрее сделал ему знак рукой:

— Входи, но поскорее!

Кугель быстро скользнул в дверь, которую привратник тут же захлопнул наглухо, затворив на три железных засова. Не успел он затворить последний, как на дверь налегли, и она заскрипела.

Привратник ударил по двери кулаком.

— Опять я его надул! — с удовлетворением произнес он. — Если бы я не был так быстр, это существо накинулось бы на тебя, к моему неудовольствию, да и к твоему тоже. Теперь это мое главное развлечение — лишать его добычи.

— Вот как, — ответил Кугель, тяжело дыша. — Что же это такое за существо?

Привратник рассеял его неведение в этом вопросе:

— Ничего точно не известно. Оно появилось совсем недавно и бродит по ночам среди статуй. Ведет оно себя как самый настоящий вампир, да еще с неестественной жадностью. Несколько слуг замка нашли бы что сказать по этому поводу, но они все мертвы после того, что он с ними сделал. Теперь, чтобы отомстить, я мучаю это существо, как могу, вызывая у него раздражение.

Привратник отступил на шаг и оглядел Кугеля с ног до головы.

— А кто такой ты сам? Твое поведение, посадка головы, разрез глаз говорит о том, что ты человек осторожный и осмотрительный. Я надеюсь, что ты таким и окажешься, когда сообщишь мне, чего ты желаешь.

— В настоящий момент, — сказал Кугель, — мои желания очень просты: небольшой угол, постель и немного еды на ужин. Если ты сможешь предоставить мне все это, то я отплачу тебе благодарностью — я помогу тебе, и мы вместе придумаем самые лучшие планы, как издеваться над этим чудовищем.

Привратник поклонился.

— Все, в чем ты нуждаешься, может быть тебе предоставлено. Так как ты прибыл издалека, наша правительница захочет поговорить с тобой, и думаю, что ты сможешь получить при этом куда больше, чем просил с самого начала.

Кугель торопливо отмел в сторону это предложение:

— Я — человек простой, одежда моя испачкана, сам я давно не принимал ванны, да и собеседник из меня никудышный. Лучше не беспокоить из-за меня правительницу Силя.

— Все, что возможно, мы исправим, — ответил ему привратник. — Следуй за мной.

Он провел Кугеля по коридорам, освещенным свечами, и указал ему на ряд комнат.

— Вот здесь ты можешь помыться, а я пока почищу твою одежду и приготовлю свежее белье.

Кугель неохотно снял свою одежду. Он выкупался, пригладил волосы, сбрил бороду и натер тело едким маслом. Привратник принес ему чистое белье, и Кугель, значительно освежившись, оделся без единого слова. Натягивая свою курт-

ку, он решил рискнуть и дотронулся до одного из алмазов на амулете. Откуда-то из-под пола донесся глубокий и злобный стон.

Привратник в ужасе подскочил, и взгляд его упал на амулет. С открытым от изумления ртом он смотрел на браслет, потом подобострастно поклонился.

— Высокочтимый сэр, если бы я только сразу распознал, кто вы такой, я провел бы вас в правительственные апартаменты и принес бы самую лучшую одежду.

— Я не жалуюсь, — сказал Кугель, — несмотря на то, что полотенца были несколько жестковаты.

С многозначительным выражением лица он постучал по алмазу на своей кисти, и от ответного стона колени привратника застучали одно об другое.

— Я молю, чтобы мои намерения были правильно поняты, — дрожащим голосом произнес он.

— Ни слова больше, — ответил Кугель. — Честно говоря, в этом и заключалась моя мысль: посетить дворец инкогнито, так сказать, чтобы посмотреть, как здесь идут дела.

— Это вполне понятно, — согласился привратник. — Несомненно, вы захотите уволить и Саркама, дворецкого, и Бильбаба, помощника повара, когда узнаете обо всех их проделках. Что же касается меня, то, может быть, когда Ваше Величество восстановит Силь в его былом великолепии, то во дворце найдется какое-нибудь скромное местечко для Кодо, самого преданного и верного из всех слуг.

Кугель изящно изогнул руку.

— Если это произойдет — а это самое горячее мое желание — я о тебе не забуду. В настоящий момент я хочу просто спокойно отдохнуть в этой комнате. Ты можешь принести мне сюда хорошую закуску и разные вина.

Кодо поклонился.

— Как пожелает Ваше Величество!

Он вышел.

Кугель с удовольствием расположился на самом удобном диване и вновь принялся тщательно изучать амулет, который так быстро превратил Кодо в самого преданного слугу. Руны, как и прежде, он, естественно, прочитать не смог. При нажатии на алмазы не происходило ничего, кроме стонов и криков, которые, хотя и были впечатляющими, мало чем могли помочь в практическом отношении. Кугель предпринимал самые разнообразные попытки, пытался вертеть алмазы в разные стороны, вспоминая то немногое, что он знал из волшебства, но все было безуспешно.

Кодо вернулся в комнату, но без закусок, заказанных Кугелем.

— Ваше Величество! — почтительно заявил он. — Мне выпала честь передать Вам приглашение Дервы Кориме, пока еще повелительницы Силя, участвовать в ее вечернем банкете.

— Как это возможно? — требовательным голосом сказал Кугель. — Она не могла знать о моем присутствии здесь. Насколько я помню. Я отдал тебе особый приказ по этому поводу.

Кодо поклонился еще ниже.

— Естественно, я повиновался Вашему приказу. Мудрость Дервы Кориме превосходит мое жалкое понимание. Каким-то образом она узнала о Вашем присутствии, и поэтому передала со мной приглашение, которое Вы только что слышали.

— Ну хорошо, — угрюмо заявил Кугель. — Будь так добр и покажи мне дорогу. Ты упомянул в разговоре с ней о моем амулете?

— Дерва Кориме и так знает все, — почтительно ответил Кодо. — Сюда, Ваше Величество!

Он провел Кугеля старинными коридорами до высокой узкой арки входа в большой зал. По обе стороны стояли ряды людей, которые скорее всего были почетной охраной — в медных доспехах, в шлемах слоновой кости с агатами. Всего их было сорок, но только в шести кольчугах были живые люди, остальные просто стояли на подставках. Свет люстр со свечами давал причудливые тени. На полу лежал богатый ковер с зелеными концентрическими кругами на черном фоне.

Дерва Кориме сидела за круглым столом, настолько огромном, что сама казалась маленькой девочкой, изящной и неописуемо красивой. Кугель приблизился с уверенным видом, остановился и коротко поклонился.

Дерва Кориме, явно узнав его, посмотрела довольно угрюмо, задержав свой взгляд на амулете. Потом она глубоко вздохнула.

— К кому я имею честь обращаться?

— Мое имя не имеет значения, — сказал Кугель. — Можешь называть меня просто Возвышенный.

Дерва Кориме безразлично пожала плечами.

— Как хочешь. Мне кажется, я вспоминаю твое лицо. Ты напоминаешь мне одного бродягу, которого совсем недавно я приказала казнить.

— Я и есть тот самый бродяга, — сказал Кугель. — Не могу сказать, что твое поведение не оставило обиды в моей душе, сейчас я явился за объяснениями.

И Кугель дотронулся до алмаза, вызвав такой отчаянный стон, что зазвенел хрусталь на столе.

Дерва Кориме моргнула, но заговорила все с той же неприязнью:

— Как оказалось, мой действия были неверно истолкованы. Просто я не смогла догадаться о твоем высоком положении и решила, что ты самый настоящий мошенник и бродяга, каким ты и выглядел.

Кугель сделал шаг вперед, взял ее рукой за маленький подбородок и вздернул личико кверху.

— И тем не менее ты пригласила меня посетить этот дворец. Это ты помнишь, надеюсь?

Дерва Кориме неохотно кивнула головой.

— Ну вот, — сказал Кугель, — я здесь.

Дерва Кориме улыбнулась и на какое-то время стала симпатичной.

— Да, вот ты и здесь, и кем бы ты ни был — рыцарем, мошенником или кем угодно — на твоей руке амулет, с помощью которого дом Слая управлял здесь в течение двухсот поколений. Ты тоже из этого дома?

— Со временем ты все обо мне узнаешь, — ответил Кугель. — Я добрый человек, хотя и не всегда уравновешенный, и если бы не определенное существо по имени Фрикс... Как бы там ни было, сейчас я зверски голоден, и я хочу пригласить тебя на банкет, который заказал верному Кодо. Будь добра, подвинься чуть в сторону, чтобы и я мог сесть за стол.

Дерва Кориме заколебалась, и рука Кугеля тут же поползла к амулету, в результате чего девушка быстро подвинулась, и Кугель уселся на место, которое она только что занимала. Он постучал по столу, подзывая к себе Кодо.

— Я здесь, Возвышенный!

— Принеси нам закуски — самое лучшее, что ты только сможешь найти во дворце!

Кодо поклонился, куда-то скрылся, и через некоторое время в зал потянулись слуги с подносами и бутылками, и стол, куда более изысканный, чем мог рассчитывать Кугель, был накрыт очень быстро.

Кугель незаметно снял с шеи дощечку, которую дал ему Никоню, Смеющийся Маг, вспомнив, что она не только превращала несъедобные продукты в съедобные, но и предупреждала о наличии яда в пищи.

Первые несколько перемен были великолепны, и Кугель поглощал их, утоляя голод. Старые вина Силя ничуть не уступали пище, и Кугель пил, не стесняясь, из кубков черного хрусталя в серебряной с костью оправе.

Дерва Кориме едва пробовала каждое блюдо и изредка делала глоток вина, все время задумчиво наблюдая за Кугелем. Принесли следующую перемену, и тут девушка наклонилась вперед.

— Ты действительно собираешься управлять всем Силем?

— Таково мое самое горячее желание! — с воодушевлением заявил Кугель.

Дерва Кориме близко придвинулась к нему.

— Не возьмешь ли ты меня тогда в супруги? Скажи — да, ты будешь более чем доволен!

— Посмотрим, посмотрим, — благодушно ответил Кугель. — Сегодня — это сегодня, а завтра — это завтра. Много чего может перемениться за это время.

Дерва Кориме, слабо улыбнувшись, сказала Кодо:

— Принеси наши самые старые вина. Мы выпьем за здоровье нового правителя Силя!

Кодо поклонился и принес тусклую бутыль, пыльную и в паутине, которую он открыл с большой торжественностью а затем разлил вино в хрустальные бокалы.

Кугель поднял вверх кубок, и в эту минуту дощечка предостерегающе зазвенела. Кугель резко поставил бокал на стол и стал смотреть, как Дерва Кориме подносит свой к губам совершенно спокойно, намереваясь отпить глоток. Он протянул руку, забрал у нее бокал и поднес к нему дощечку. Вновь она зазвенела. Яд в обоих кубках? Странно. Хотя, возможно, она до этого приняла противоядие.

— Знакомство мое с достопочтеннейшим Кодо было очень недолгим, — сказал Кугель, — но я, тем не менее, назначаю его сейчас мажордомом всего дворца!

— Возвышенный! — пробормотал Кодо. — Это великая честь для меня!

— Тогда выпей этого старого вина, чтобы торжественно отметить твое новое назначение!

Кодо низко поклонился.

— С огромным удовольствием, Возвышенный!

Дерва Кориме безучастно смотрела на него. Кодо выпил, поставил кубок на стол, нахмурился, тело его конвульсивно задергалось, и он одновременно испуганно и удивленно посмотрел на Кугеля, а затем упал на ковер, закричал, дернулся еще несколько раз и умер.

Нахмурившись, Кугель смотрел на Дерву Кориме. Она казалась такой же изумленной, как и Кодо. Потом она повернулась и посмотрела на Кугеля.

— Зачем ты отравил Кодо?

— Это твоих рук дело, — сказал Кугель. — Разве не ты приказала отравить вино?

— Нет.

— Ты должна отвечать: «Нет, Возвышенный».

— Нет, Возвышенный.

— Если это была не ты, то тогда кто?

— Я сама теперь теряюсь в догадках. Возможно, яд предназначался для меня.

— Или для нас обоих.

Кугель сделал знак одному из слуг:

— Уберите труп.

Слуга сделал в свою очередь знак своим помощникам, которые подошли и унесли труп несчастного мажордома.

Кугель взял хрустальные кубки и долго смотрел на налитую в них янтарную жидкость, но не высказал своих мыслей вслух. Дерва Кориме откинулась на спинку кресла и выжидающе наблюдала за ним.

— Я удивлена, — заговорила она в конце концов. — Ты — человек, в котором даже мой богатый опыт не может помочь мне разобраться. Я никак не могу решить, какого цвета твоя душа.

Кугель был восхищен таким неожиданным поворотом разговора.

— Значит, ты видишь души в цвете?

— Да, именно так. Этот подарок вместе с шагающей лодкой сделала мне одна волшебница в тот день, когда я родилась. Сейчас она уже умерла, и я осталась совсем одна, без друга, который мог бы любить меня. И поэтому я управляла Силем без особой радости. И вот здесь появился ты, с душой, сверкающей всевозможными красками, не похожий ни на одного из людей, которых я когда-либо видела.

Кугель удержался от упоминания о Фриксе, нетерпение которого, смешавшись с настроением Кугеля, без всякого сомнения давало ту неожиданную картину, которую наблюдала Дерва Кориме.

— На это есть особая причина, — сказал он, — но в свое время моя душа будет сверкать самым чистым цветом!

— Я постараюсь запомнить это, Возвышенный.

Кугель нахмурился. В словах Дервы Кориме, в повороте ее головы он видел едва скрываемое презрение, которое находил невыносимым. Тем не менее он надеялся исправить это после того, как научится пользоваться амулетом — что было для него делом первостепенной важности. Кугель откинулся назад на подушки и проговорил таким тоном, как будто предался размышлениям:

— Повсюду сейчас, когда наша Земля умирает, происходят самые загадочные случаи. Недавно, в доме Никоню, Смеющегося Мага, я видел огромный том, в котором собраны все заклинания магии и все способы творить волшебство. Возможно, в твоей библиотеке найдется нечто похожее?

— Очень может быть, — ответила Дерва Кориме. — Четырнадцатый Гарт Хакст дома Слая очень увлекался волшеб-

ными заклинаниями и рунными писаниями и составил целый том по этому поводу.

Кугель захлопал в ладоши.

— Я хочу незамедлительно видеть эту важную работу!

Дерва Кориме удивленно посмотрела на него.

— Значит, ты такой страстный библиофил? Жаль, потому что Восьмой Рубель Зафф приказал именно эту книгу зарыть глубоко в землю на мысе Горизонт.

Кугель скорчил недовольную мину.

— И нет никаких схожих работ?

— Почему же нет, конечно, есть, — сказала Дерва Кориме. — Библиотека занимает все северное крыло здания. Но разве завтрашний день не подходит для твоих исследований?

И, сладко потянувшись, она приняла сначала одно положение, потом другое, не менее соблазнительное.

— Да, ты права, торопиться некуда. А сейчас...

Его речь была прервана появлением женщины среднего возраста, явно одной из служанок, которая в этот момент вбежала в зал. Она истерически кричала, и несколько слуг бросились к ней, чтобы поддержать ее. Между рыданиями она все же рассказала, в чем было дело — вурдалак только что совершил нечто ужасное с ее дочерью.

Дерва Кориме грациозно указала на Кугеля:

— Вот новый правитель Силя, он могущественный волшебник и вне всякого сомнения прикажет, чтобы вурдалак был уничтожен. Ведь правда, Возвышенный?

Кугель задумчиво потер подбородок. Вот уж, действительно, дилемма. Женщина и все слуги упали перед ним на колени.

— Возвышенный, если ты волшебник, то примени свою силу немедленно, чтобы уничтожить вампира!

Кугель поморщился и, повернув голову, встретил задумчивый взгляд Дервы Кориме. Тогда он вскочил на ноги.

— Зачем мне волшебство, когда я еще владею своей шпагой? Я разрублю это существо на мелкие кусочки!

Он сделал знак шести воинам в медных доспехах.

— Пойдемте! Принесите факелы, фонари. Мы отправимся, чтобы уничтожить вампира!

Охранники повиновались без особого энтузиазма. Кугель провел их к большой входной двери.

— Когда я распахну дверь, выбегайте вперед с фонарями, чтобы осветить все и чтобы это злое существо было видно, как на ладони! Держите наготове шпаги, чтобы, когда я нанесу свой удар вурдалаку, каждый из вас тоже мог бы нанести ему удар.

Стражники, каждый с факелом и шпагой наготове, встали

перед порталом. Кугель выдвинул железные запоры и распахнул одну из створок двери.

— Вперед! Светите, чтобы вурдалак в последний раз увидел свет перед своей кончиной!

Стражники отчаянно бросились вперед, а Кугель пошел вслед за ними, размахивая шпагой. Потом стражники в нерешительности остановились у самого края террасы перед ступеньками и стали боязливо глядеть на мраморную дорогу. С той стороны донесся ужасающий вопль.

Кугель посмотрел через плечо и увидел, что Дерва Кориме внимательно наблюдает за ним.

— Вперед! — вскричал он. — Окружайте этого несчастного, час которого пробил!

Стражники стали осторожно спускаться по ступенькам с Кугелем, маршрующим, однако, сзади.

— Руби его! — взывал он. — Пусть слава достанется каждому поровну! Человека, который не нанесет удара этой погани, я накажу своим волшебством!

Мигающие огоньки мерцали между постаментами, смешиваясь с темнотой ночи.

— Вперед! — кричал Кугель. — Где это проклятое создание? Почему оно не появляется, чтобы получить давно заслуженный урок?

Кугель зорко вглядывался в колеблющиеся тени, надеясь, что его крики предупредили вампира об опасности, и он успел смыться.

Сбоку послышался слабый стон. Повернувшись, Кугель увидел высокую белую фигуру, стоящую тихо и спокойно. Стражники вскрикнули, как один, и непроизвольно помчались вверх по лестнице.

— Убей чудовище с помощью волшебства, Возвышенный! — крикнул на бегу один из слуг. — Самые простые методы иногда бывают самыми лучшими!

Вурдалак двинулся вперед. Кугель попятился. Вурдалак быстро шагнул — Кугель отпрыгнул за постамент. Вурдалак выбросил вперед руку — Кугель рубанул шпагой по воздуху и отпрыгнул за следующий постамент, затем резво побежал по ступенькам террасы.

Дверь уже практически была заперта, и Кугелю с трудом удалось протиснуться сквозь узкое отверстие. Он быстро затворил дверь и задвинул железные засовы. Всем своим весом вурдалак ударил в дверь, и она протестующе заскрипела.

Кугель повернулся и встретился со сверлящим взглядом Дервы Кориме.

— Что случилось? — спросила она. — Почему ты не убил это чудовище?

— Стражники убежали и унесли с собой факелы, — ответил Кугель. — Так что я не видел, ни куда колоть, ни кого рубить.

— Странно, — задумчиво протянула Дерва Кориме. — По-моему, там было достаточно светло для такого простого дела. А почему ты в таком случае не воспользовался могуществом амулета, чтобы разорвать вурдалака на мелкие кусочки?

— Такая простая и быстрая смерть не подходит для него, — с важностью ответил Кугель. — Я должен поразмыслить на досуге и решить, как лучше отплатить ему за все его преступления.

— Ах, вот как! — сказала Дерва Кориме.

Кугель пошел обратно в большой зал.

— Продолжим банкет! Пусть вино льется рекой! Каждый должен выпить за нового правителя Силя!

Дерва Кориме произнесла шелковым голосом:

— Продемонстрируй нам хоть какое-нибудь волшебство амулета, чтобы удовлетворить наше любопытство!

— Ну, конечно же!

И Кугель стал дотрагиваться до алмазов, вызвав целую гамму криков, стонов, а иногда и визгов.

— А больше ты ничего не можешь? — спросила Дерва Кориме, улыбаясь своей мягкой улыбкой капризного дитяти.

— Если я захочу, то все смогу. Но достаточно. Будем пить все вместе!

Дерва Кориме сделала знак сержанту стражников:

— Возьми шпагу, отруби этому дураку руку и принеси мне амулет.

— С удовольствием, госпожа!

Сержант вышел вперед, обнажив свою шпагу.

— Стой! — заорал Кугель. — Еще один шаг, и я своим волшебством поверну все кости твоего тела в другую сторону!

Сержант посмотрел на Дерву Кориме, которая громко рассмеялась.

— Делай, что тебе приказано! Бойся *моего* наказания, ты хорошо знаешь, каким оно может быть!

Сержант поморщился и вновь пошел вперед. Один из слуг подбежал к Кугелю, и под капюшоном тот увидел сморщенное лицо старого Слая.

— Я спасу тебя. Покажи мне амулет!

Кугель позволил быстрым старческим пальцам пробежаться по алмазам. Слай нажал на один из них и что-то выкрикнул голосом настолько резким и пронзительным, что смысл его слов было невозможно уловить.

Весь воздух внезапно задрожал и заколебался, и огромная черная фигура появилась в конце зала.

— Кто мучает меня? — простонала эта фигура. — Кто даст мне освобождение?

— Я! — вскричал Слай. — Пройди по залу и убей в нем всех, кроме меня!

— Нет! — вскричал Кугель. — Это я владелец амулета! Это мне ты должен подчинятся! Убей всех, кроме меня!

Дерва Кориме вцепилась в руку Кугеля, пытаясь рассмотреть амулет.

— Он никого не послушается, пока ты не назовешь его по имени. Мы все пропали!

— А как его имя? — вскричал Кугель. — Просвети меня!

— Нет, подожди! — объявил демону Слай. — Я решил...

Кугель ударил его и отпрыгнул за стол. Демон медленно приближался, задержавшись на мгновение лишь для того, чтобы стрести стражников и швырнуть их об стены. Дерва Кориме подбежала к Кугелю.

— Дай мне взглянуть на амулет! Неужели ты вообще ничего не знаешь? Я прикажу ему!

— Ничего не выйдет! — сказал Кугель. — Зря что ли меня называют Кугель-Разумник? Покажи мне, на какой алмаз надо нажать и назови имя!

Дерва Кориме наклонила голову, прочитала руну и попыталась было нажать на алмаз, но Кугель отбил в сторону ее руку.

— Какое надо произнести имя? Или мы все умрем!

— Вызови Вэнилла. Нажми здесь и вызови Вэнилла!

Кугель нажал на алмаз.

— Вэнилл! Немедленно прекрати это безобразие!

Но черный демон не обратил на эти слова ровным счетом никакого внимания. Вместо этого раздался второй стон, сильнее первого, и в зале появился еще один демон.

— Так значит первый демон был не Вэнилл! — в ужасе вскричала Дерва Кориме. — Покажи мне амулет еще раз!

Но времени на это не оставалось — еще несколько секунд, и черный демон растерзает их.

— Вэнилл! — взвыл Кугель. — Уничтожь это чудовище!

Вэнилл был невысок и широк, зеленого цвета, с глазами, как два красных фонаря. Он кинулся на первого демона, и ужасный рев их оглушил всех, смотреть на схватку демонов было невозможно. Казалось, стены дрожали от бушующих в зале сил. Огромный стол был просто раздавлен ногой одного из демонов. Дерва Кориме отлетела в угол. Кугель на четвереньках подполз к ней, и увидел, что она лежит без сознания.

Кугель поднес к ее лицу руку с амулетом.

— Читай руны! Читай имена, которые я буду называть по очереди! Быстро, нам надо спастись!

Но Дерва Кориме лишь тихо застонала в ответ. Позади них черный демон уселся верхом на Вэнилла, методически отрывал куски его тела и отбрасывал их в сторону, в то время как Вэнилл выл и кричал, поворачивая свою страшную голову в разные стороны, рыча и лязгая зубами, пытаясь тоже нанести черному демону удары своими длинными зелеными руками.

Черный демон погрузил свои руки куда-то глубоко в тело Вэнилла и, видимо, задел какую-то центральную жилу, потому что Вэнилл в ту же секунду превратился в сверкающую зеленую слизь, которая, сияя, сверкая и дрожа, растеклась по каменному полу.

Слай склонился над Кугелем:

— Ты хочешь жить? Отдай мне амулет, и я сохраню тебе жизнь. Промедли хоть мгновение, и ты — труп!

Кугель снял браслет, но никак не мог решиться на то, чтобы расстаться с ним. С внезапной прозорливостью он заметил:

— Я могу отдать амулет демону.

Слай уставился на него.

— И тогда все мы умрем. Для меня это не имеет значения. Отдавай! Я презираю тебя. Но если ты хочешь остаться жить — амулет!

Кугель посмотрел вниз на Дерву Кориме.

— А что будет с ней?

— Я выгоню вас вдвоем. Давай амулет — демон уже здесь!

Черный демон нависал над ними — и Кугель торопливо протянул амулет Слаю, который в ту же секунду издал какой-то резкий крик и нажал на алмаз. Демон завыл, повернулся и исчез.

Слай сделал шаг назад, победно усмехаясь.

— А сейчас убирайтесь оба — и ты, и девушка. Я сдержу слово, которое дал тебе, но не более. Можете оставить себе свои жалкие жизни — и убирайтесь!

— Выполни только одно мое желание! — взмолился Кугель. — Перенеси нас в Элмери, в долину Кзана, где я смогу избавиться от раковой опухоли по имени Фрикс!

— Нет, — ответил Слай. — Я отказываю тебе в исполнении твоего горячего желания. Уходи немедленно!

Кугель помог Дерве Кориме подняться на ноги. Все еще полуоглушенная она уставилась на разгром в зале. Кугель повернулся к Слаю.

— На мраморной дороге все еще стоит и ждет добычи вурдалак.

Слай кивнул.

— Это вполне может быть. Завтра я займусь его уничто-

жением. Сегодня же ночью я вызову искусников иного мира, чтобы они починили зал и восстановили былое величие Силя. Ступайте! Неужели вы думаете, что меня хоть сколько-нибудь заботит, удастся ли вам избежать клыков вурдалака?

Лицо его исказилось от ярости, и рука грозно потянулась к алмазному амулету.

— Уходите немедленно!

Везде было тихо. Кугель повел Дерву Кориме вниз по ступенькам и в сторону, в разросшийся старый сад. Здесь он остановился и прислушался. Из дворца доносились самые разнообразные звуки: стук и скрип, хриплые крики и вой. В окнах было видно, как сверкали в зале разноцветные огни. Внизу, в самом центре мраморной дороги, показалась высокая белая фигура, переходящая от одного постамента к другому. Она тоже остановилась, вслушиваясь в звуки, доносящиеся из дворца, с удивлением глядя на разноцветные огни. Пока вурдалак был поглощен этим зрелищем, Кугель осторожно увел Дерву Кориме поглубже в самую гущу деревьев, а оттуда — дальше в ночь.

Глава 3
МАГНАЦКИЕ ГОРЫ

Вскоре после восхода солнца Кугель и Дерва Кориме вышли из укрытия на склоне холма, где они провели неспокойную ночь. Воздух был холоден, и солнце, напоминающее туманный шар цвета красного вина, тоже не согревало. Кугель стал хлопать руками и бегать взад и вперед, чтобы согреться, а Дерва Кориме стояла, вся сжавшись, у поваленного дерева.

В конце концов Кугелю надоела ее неподвижность, которая стала вызывать в нем определенное раздражение.

— Собери веток и хвороста! — резко сказал он ей. — Я разожгу костер, и мы согреемся и позавтракаем.

Без возражений наследная принцесса Силя пошла собирать хворост. Кугель повернулся, пытаясь рассмотреть сквозь окружающий туман, что находится на востоке. Он исторгал при этом из глубин своей души проклятия Никоню, Смеющемуся Магу, который был повинен в том, что он оказался в этих безлюдных северных землях.

Дерва Кориме вернулась с охапкой сухих веток, и Кугель одобрительно кивнул головой. Некоторое время после их изгнания из Силя она вела себя с нескрываемым высокомерием,

которое Кугель терпел, спокойно улыбаясь про себя. Первая же их ночная остановка была настолько богата событиями, что после нее Дерва Кориме изменила, по крайней мере, внешне, свое поведение. Лицо ее, нежное и чистое, осталось таким же меланхоличным, но все ее высокомерие улетучилось (так молоко становится сыром, перекисая) уступив место новому пониманию окружающей их реальности.

Огонь весело трещал в сучьях. Они позавтракали корнями и кислыми черными ягодами, и Кугель все время расспрашивал ее о землях к востоку и к югу. Дерва Кориме мало чего могла сообщить ему, а то, что она знала, не особенно радовало.

— Говорят, этот лес тянется бесконечно. Я слышала, что его называют по-разному: Большой Эрм, Лес Востока, Лиг Фиг. К югу отсюда высятся Магнацкие горы — их даже можно видеть — но говорят, что они просто ужасны.

— Это в каком смысле? — требовательно спросил Кугель. — Знание нам необходимо — мы должны перейти эти горы, чтобы попасть в Элмери.

Дерва Кориме покачала головой.

— Я слышала только всякие слухи, намеки, на которые не обращала особого внимания, так как я никогда не думала, что мне придется оказаться в этом ужасном месте.

— Я тоже не думал этого, — проворчал Кугель. — Если бы не Никоню, я не был бы сейчас здесь.

Искорка интереса зажглась на безжизненном лице Дервы Кориме.

— Кто этот Никоню?

— Отвратительный волшебник из Элмери. У него не голова, а жидкий студень, а на лице вечная идиотская улыбка. Все, что он делает — отвратительно, а характер у него — как у несносного евнуха.

Рот Дервы Кориме растянулся в холодной улыбке.

— И ты, конечно, чем-нибудь вызвал неудовольствие этого волшебника?

— Ха! Это была такая мелочь! И из-за нее он отправил меня на север с невыполнимым поручением. Но недаром меня называют Кугелем-Разумником. Это поручение выполнено, и сейчас я возвращаюсь в Элмери.

— Скажи, Элмери — это красивое место?

— Да уж не сравнить с этими безлюдными лесами. Конечно, и там есть свои недостатки. Слишком много волшебников, и справедливости — никакой, за что я и пострадал.

— Расскажи мне поподробнее об Элмери. Есть ли там города? Живут ли там другие люди, кроме мошенников и волшебников?

Кугель нахмурился.

— Есть и города — печальная тень былого величия. Например, Азиномея, где Кзан сливается со Скаумом, или Каджин в Асколе и другие поселения на берегу напротив Кучека, где живут люди очень искушенные и хитрые.

Дерва Кориме задумчиво кивнула головой.

— Я согласна отправиться в Элмери. В твоем обществе, к которому я скоро надеюсь привыкнуть.

Кугель искоса посмотрел на нее, недовольный тем смыслом, который она вложила в эти слова, но прежде, чем он успел уточнить, что, собственно, она хотела этим сказать, Дерва Кориме спросила:

— А какие земли лежат между нами и Элмери?

— Трудно проходимые, дикие и опасные, населенные бормотунами, эрбами и духами, а еще вурдалаками, вампирами и гру. Если мы останемся в живых после такого путешествия, это действительно будет самое настоящее чудо.

Дерва Кориме с вожделением посмотрела обратно на Силь, затем пожала плечами и погрузилась в молчание.

Их жалкий завтрак подошел к концу. Кугель откинулся назад и оперся о ствол дерева, наслаждаясь теплом костра, но Фрикс не позволил ему такой роскоши, и Кугель, перекосившись от боли, живо вскочил на ноги.

— Вставай, мы должны отправляться в путь. Исполнение поручения Никоню не терпит отлагательств.

Они пошли вниз по склону холма по дороге, которая, видимо, была проложена в древние времена. Пейзаж изменился. Поросшая кустарником пустошь сменилась сырой низиной, потом они подошли к лесу. Кугель с недоверием посмотрел на мрачные тени, отбрасываемые стволами и ветвями деревьев.

— Мы должны двигаться осторожно и надеяться, что не потревожим какое-нибудь чудовище. Я буду смотреть вперед, а ты назад, чтобы быть уверенными в том, что никто нас не преследует и не накинется на нас неожиданно.

— Мы заблудимся.

— Солнце сейчас на юге — это для нас лучший проводник.

Дерва Кориме еще раз пожала плечами, и они вошли в тень леса. Деревья высились над их головами, и солнечные лучи, с трудом пробиваясь сквозь густую листву, еще больше подчеркивали ощущение полумрака. Дойдя до небольшого ручейка, они пошли вдоль его берега и через некоторое время дошли до истоков широкой большой реки.

На берегу реки, неподалеку от привязанного плота, сидели четыре человека в лохмотьях. Кугель критически осмотрел Дерву Кориме и сорвал пуговицы из драгоценных камней с ее платья.

— Скорее всего — это бандиты, и мы не должны провоцировать их на преступление, хотя они и кажутся жалкими на вид.

— Еще лучше, если мы обойдем их стороной, — сказала Дерва Кориме. — Они не более, чем звери.

Кугель пожал плечами.

— Нам нужен их плот и проводник через этот лес. Говорить придется в приказном тоне. Если мы будем просить и мяться, они решат, что у них есть выбор и станут неуправляемыми.

Он решительно пошел вперед, и волей-неволей Дерва Кориме вынуждена была пойти за ним.

Бродяги не стали выглядеть лучше при ближайшем рассмотрении. У них были длинные спутанные волосы, кривые лица с глазами, как у пчел, и ртами, из которых торчали гнилые желтые зубы. В общих чертах, вид у них был достаточно безобидный, и они наблюдали за приближением Кугеля и Дервы Кориме скорее с опаской, чем с враждебностью. Один из них, по крайней мере так казалось, был женщиной, хотя догадаться об этом по одежде, лицу и манерам поведения можно было лишь с большим трудом. Кугель отсалютовал им, как аристократ салютует своим подданным, и они в удивлении заморгали.

— Что вы за люди? — спросил Кугель.

— Мы называем себя базьякос, — ответил самый старый из них. — Это одновременно и название нашего племени, и нашей семьи. По привычке мы не делаем различия между этими понятиями.

— Вы — обитатели леса, знакомые со всеми его дорогами?

— Это хорошо и верно сказано, — согласился базьякос, — хотя наше знание невелико и относится только к этой части леса. Не забывай, что это — Великий Эрм, который тянется лига за лигой и никогда не кончается.

— Это неважно, — заявил Кугель. — Нам требуется лишь переправиться через реку, а там выйти на удобную и безопасную дорогу к южным землям.

Человек посовещался о чем-то со своей семьей, и все они отрицательно покачали головами.

— Такой дороги нет: на пути стоят Магнацкие горы.

— Ах вот как? — сказал Кугель.

— Если я переправлю вас через реку, — продолжал старый предводитель, — можно считать, что вы уже погибли, потому что эти места населяет множество бормотунов и гру. Твоя шпага против них бесполезна, а волшебство, которым ты располагаешь, очень мало и незначительно — это я знаю, потому что мы, базьякос, нюхом чувствуем волшебство, как бормотуны — мясо.

— В таком случае, как же нам достичь цели нашего путешествия? — вновь требовательно спросил Кугель.

Базьякос почти не обратил внимания на этот вопрос. Но второй человек, несколько моложе первого, посмотрел на Дерву Кориме, внезапно, видимо, о чем-то задумавшись, потому что тут же перевел взгляд на реку и опять посмотрел на девушку, как бы размышляя. Однако это усилие, очевидно, вконец вымотало его, и, так ничего и не придумав, он покачал головой, но не произнес ни слова.

Кугель, внимательно наблюдавший за ним, спросил:

— Что тебя смущает?

— Вопрос не очень сложный, — ответил базьякос. — Мы вообще мало разговариваем и думаем, и поэтому любая мысль трудна для нас. Я просто задумался, чем ты можешь заплатить нам за то, что мы проведем тебя через лес.

Кугель сердечно улыбнулся.

— Великолепный вопрос! Но я владею лишь тем, что вы видите: самая обычная одежда, шляпа и шпага — и все это мне необходимо. Хотя, честно говоря, я знаю одно волшебное заклинание, с помощью которого можно сотворить несколько пуговиц из драгоценных камней.

— Это нам не подходит. В склепе неподалеку отсюда сокровища навалены горой выше моей головы.

Кугель задумчиво потер свою щеку.

— Щедрость базьякос известна повсюду. Может быть, вы проведете нас мимо этого склепа?

Базьякос безразлично махнул рукой.

— Если ты этого пожелаешь, но этот склеп примыкает к пещере огромной самки гру, у которой как раз сейчас период жора.

— Мы пойдем прямо на юг, — торопливо ответил Кугель. — Вставай же, мы отправляемся немедленно!

Базьякос остались сидеть все в тех же неудобных позах.

— Так тебе нечего предложить нам в уплату?

— Только свою благодарность, а это не так уж мало.

— А твоя женщина? Она, правда, немного уродлива, но не неприятна. Так как ты все равно должен умереть в Магнацких горах, то зачем понапрасну губить женщину?

— Верно. — Кугель повернулся и посмотрел на Дерву Кориме. — Возможно, нам удастся договориться.

— Что? — в ярости крикнула она. — Ты осмеливаешься предложить такое? Скорее я утоплюсь в реке!

Кугель отвел ее в сторону.

— Недаром меня называют Кугелем-Разумником! — прошипел он ей прямо в ухо. — Поверь мне, неужели мне не удастся перехитрить этого полуидиота?

Дерва Кориме оглядела его с большим недоверием, потом

отвернулась, и горькие слезы бессильного гнева потекли по ее щекам.

Кугель обратился к базьякос:

— Твое предложение я считаю достаточно мудрым, так что пошли скорее.

— Женщина может остаться здесь, — сказал базьякос, поднимаясь на ноги. — Мы пойдем по заколдованным тропинкам, и нам следует вести себя предельно осторожно.

Дерва Кориме решительно шагнула к реке.

— Нет! — торопливо вскричал Кугель. — Она — очень сентиментальная женщина и хочет видеть, как я доберусь до Магнацких гор, даже если очевидно, что я там погибну.

Базьякос пожал плечами.

— Мне все равно.

Он подождал, пока они заберутся на плот, отвязал веревку и принялся грести через реку. Даже не грести, а отталкиваться шестом, потому что река оказалась мелкой, и длинное весло ни разу не погружалось в нее до конца. Кугелю показалось, что с тем же успехом они могли просто перейти через реку, рискуя вымокнуть не более чем по пояс.

Как бы угадав, о чем он думает, базьякос посмотрел на него и сказал:

— Река кишит прозрачными рептилиями, и когда человек, не знающий этого входит в воду, они немедленно нападают на него.

— Вот как? — сказал Кугель, с сомнением глядя в реку.

— Да. А теперь я должен предупредить тебя о тропинке. Пока ты будешь идти по ней, тебе встретится много соблазнов, но если ты дорожишь своей жизнью, не сворачивай с нее в сторону и иди точно за мной.

Плот доплыл до противоположного берега. Базьякос вышел и привязал его к дереву.

— А теперь следуй за мной.

Он уверенно пошел между деревьями. Дерва Кориме двинулась следом за ним, а Кугель замыкал шествие. Тропинка была настолько незаметна, что Кугель с трудом различал ее, но базьякос ни разу не остановился. Солнце, низко висящее над деревьями, было видно лишь изредка, и Кугель ни разу не смог точно определить, в каком направлении они идут. Так они и продолжали продвигаться вперед в полном одиночестве и тишине, так как не слышно было даже пения птиц.

Солнце, пройдя зенит, начало клониться к западу, а тропинка оставалась все такой же незаметной. Наконец Кугель не выдержал и крикнул идущему впереди базьякос:

— Ты уверен, что мы идем правильно? Мне кажется, что мы все время отклоняемся то влево, то вправо.

Базьякос остановился, чтобы объяснить.

— Мы, обитатели леса, народ простой и неискушенный, но у нас есть одна особенность. — Тут он с важностью постучал себя по расплющенному носу. — Мы нюхом чувствуем присутствие волшебства. Тропинка, по которой мы идем, была проложена в такие древние времена, что сейчас о них уже никто не помнит, и направление ее могут определить только такие, как мы.

— Очень может быть, — неохотно согласился Кугель, — но мне все-таки кажется, что мы ходим кругами, и где те ужасные чудовища и опасности, о которых ты нам говорил? Правда, я видел мельком одного волка, но нигде нет и запаха бормотунов.

Базьякос в недоумении покачал головой.

— Совершенно необъяснимо, но они куда-то ушли отсюда. Уж, конечно, ты не возражаешь против этого? Давайте лучше продолжим наш путь, пока они не вернулись.

И он вновь пошел вперед, следуя по тропинке, которую кроме него никто не мог даже различить.

Солнце опустилось уже довольно низко. Лес немного поредел, злые лучи свободно проникали сквозь деревья, освещая перевитые корни и золотя опавшую листву. Затем базьякос вышел на поляну, остановился и триумфально воздел обе руки вверх.

— Мы успешно достигли цели нашего путешествия!

— Как так? — возмутился Кугель. — Мы все еще в самой гуще леса.

Базьякос указал рукой вперед.

— Видишь вот эти четыре ясных и хорошо протоптанных тропинки?

— Похоже на то, — неохотно согласился Кугель.

— Одна из них ведет в южные земли. Остальные углубляются далеко в лес, петляя и перепутываясь.

Дерва Кориме, раздвинув ветви, заглянула в просвет и неожиданно резко воскликнула:

— Но ведь в пятидесяти шагах отсюда река и наш плот!

Кугель, нахмурившись, посмотрел на базьякоса:

— Что все это значит?

Базьякос торжественно кивнул головой:

— Но эти пятьдесят шагов не защищены волшебными чарами. Я никогда не осмелился бы взять на себя такую ответственность и провести вас прямым путем. А сейчас...

Он подошел к Дерве Кориме, взял ее за руку, потом повернулся к Кугелю.

— Ты можешь пересечь полянку, и после этого я скажу тебе, какую дорогу тебе следует выбрать, чтобы попасть в горы.

И он занялся тем, что стал обвязывать шнур вокруг кисти Дервы Кориме. Она стала лихорадочно сопротивляться, но в результате добилась лишь того, что получила оплеуху и выслушала ругань в свой адрес.

— Это для того, чтобы предотвратить неожиданный побег, — сказал базьякос Кугелю, слегка подмигивая ему. — Я не слишком быстро бегаю, и когда хочу женщину, мне вовсе не улыбается бежать за ней то туда, то сюда. Но разве ты не торопишься? Солнце заходит, а после темноты появляются мелкие лейкеморфы.

— Конечно, конечно, но какая же дорога из четырех ведет в нужном направлении? — как можно более сердечным тоном спросил Кугель.

— Перейди полянку, и тогда я скажу тебе. Конечно, если ты не веришь в мою честность, то можешь выбирать сам. Но помни, я очень сильно утомился и славно поработал, чтобы получить уродливую, слабую и анемичную женщину. Так что сейчас мы квиты.

Кугель с сомнением посмотрел через полянку, затем перевел свой взгляд на Дерву Кориме, которая с неприязнью и волнением наблюдала за ним.

Тогда Кугель весело заговорил:

— Ну что ж, видимо, все только к лучшему. Магнацкие горы чрезвычайно опасны. А с этим негодяем ты, по-крайней мере, будешь в безопасности.

— Нет! — завизжала она. — Освободи меня от этой веревки! Он мошенник, тебя просто надули! Кугель-Разумник? Кугель-дурак!

— Такой язык просто вульгарен, — важно заметил Кугель. — Базьякос и я заключили договор, а договор — это, можно сказать, святая вещь, к которой нельзя относиться легкомысленно.

— Убей этого негодяя! — вскричала Дерва Кориме. — Возьми в руки шпагу! Опушка леса не может быть далеко отсюда!

— Неверная дорога может привести в самую гущу Большого Эрма, — возразил Кугель. — Он поднял руку в прощальном салюте. — Уверяю тебя, что куда лучше быть в объятиях этого неотесанного грубияна, чем в объятиях смерти в Магнацких горах!

Базьякос ухмыльнулся, словно соглашаясь с этим заключением, и дернул за веревку. Кугель поспешно пошел через полянку, а непечатные выражения, которыми называла его Дерва Кориме, все время продолжали звучать в его ушах, пока ее, наконец, не заставили замолчать. Каким образом, Кугель не стал выяснять.

Базьякос крикнул ему вслед:

— По счастливой случайности, ты как раз остановился на нужной дороге! Следуй по ней, никуда не сворачивай, и через некоторое время ты выйдешь к обитаемым местам!

Кугель помахал ему на прощание рукой и пошел вперед. Вслед ему донесся истерический визг Дервы Кориме, крикнувшей во весь голос:

— И он еще называет себя Кугель-Разумник! Что за глупая шутка!

Кугель продолжал быстро идти по дороге, но теперь он уже был встревожен.

— Эта женщина, должно быть, самая настоящая маньячка! — сказал он сам себе. — Она не может ясно мыслить: что еще я мог сделать как для своей, так и для ее выгоды? Я поступил рационально и разумно — настаивать на обратном просто немыслимо!

Не прошел он и ста шагов от полянки, как лес кончился. Кугель остановился как вкопанный. Всего лишь сто шагов? Он поджал губы. Но по какому-то странному совпадению три остальные тропинки выходили из леса неподалеку от той, на которой он стоял.

— Интересно, — сказал Кугель. — Меня почти что подмывает вернуться, найти этого базьякоса и получить от него объяснение...

Он задумчиво положил руку на эфес шпаги и даже сделал несколько шагов по направлению к лесу. Но солнце уже садилось, и глубокие тени легли между толстыми стволами деревьев. Пока Кугель колебался, Фрикс пустил в ход свои когти и жала, и Кугель начисто отбросил мысль о возвращении обратно в лес.

Дорога шла вперед по большому полю, а впереди возвышались горы, ярко вырисовывающиеся на фоне неба. Кугель довольно быстрым шагом направился вперед, вспоминая темную тень оставшегося позади леса. Он был все еще в расстроенных чувствах. Время от времени при какой-нибудь особенно неприятной для него мысли он сильно хлопал себя по бедру. Ну что за глупости! Базьякос был неповоротливым и тупым созданием — как мог он надеяться перехитрить Кугеля? Это было просто невозможно! Что же касается Дервы Кориме, несомненно, она скоро смирится со своей новой жизнью...

Когда солнце уже село за Магнацкие горы, он дошел до скромного поселения, в котором была таверна. Это было крепкое здание, сложенное из камней и бревен, с круглыми окнами. Кугель остановился у дверей, думая о средствах, которыми располагал. Потом он вспомнил о пуговицах из драгоцен-

ностей, сорванных с платья Дервы Кориме, и поздравил себя с такой предусмотрительностью.

Он толкнул дверь и оказался в большой комнате, освещенной висевшими под потолком бронзовыми лампами. Хозяин находился за невысокой стойкой и разливал грог и пунш трем мужчинам, которые были, видимо, его постоянными клиентами. Все они повернулись, когда в комнату вошел Кугель.

Хозяин достаточно вежливо заговорил с ним:

— Приветствую тебя, путник! Чего желаешь?

— Сначала — стакан вина, потом ужин и приют на ночь, а затем сведения о дороге на юг, если вы можете мне их предоставить.

Хозяин поставил перед ним кружку вина.

— Ужин и ночлег я тебе обеспечу. Что же касается дороги на юг, то она ведет в государство Магнац, и по-моему этих сведений для тебя вполне достаточно.

— Неужели Магнац такое ужасное государство?

Хозяин покачал головой.

— Люди, которые уходили на юг, никогда не возвращались. И ни один человек на моей памяти не проходил здесь с юга. Я могу сообщить тебе только эти сведения.

Трое мужчин, которые сидели и что-то пили, согласно закивали головами в подтверждение этих слов. Двое из них были, скорее всего, местными крестьянами, в то время как третий красовался в высоких черных сапогах, по которым можно было узнать профессионального охотника за ведьмами. Первый крестьянин сделал знак хозяину:

— Налей этому несчастному чашу вина за мой счет.

Кугель принял эту чашу со смешанными чувствами.

— Я пью с благодарностью, хотя и должен возразить против использования слова «несчастный», несчастен не я, а путешествие, которое мне предстоит совершить.

— Понимай, как хочешь, — безразлично ответил ему крестьянин, — хотя в эти грустные времена кого можно не назвать несчастным?

И оба крестьянина тут же стали спорить о починке каменного забора, разделяющего их земли.

— Работа тяжелая, но зато какие преимущества! — объявил один из них.

— Согласен, — утвердительно кивнул головой другой, — но мне всегда не везет, и я не удивлюсь, если мы закончим работу как раз к тому времени, когда солнце погаснет, и тогда она окажется проделанной впустую.

Первый крестьянин вскинул вверх руки, явно не собираясь так быстро уступать в споре.

— Это риск, на который мы должны пойти. Заметь: я пью вино, хотя я могу не дожить до того момента, когда напьюсь пьяным. Разве меня это останавливает? Нет! Я не думаю о будущем, я пью сейчас и напиваюсь, коли это позволяют обстоятельства.

Хозяин рассердился и ударил кулаком по стойке.

— Ты такой же хитрый, как и те базьякос, которые, как я слышал, остановились лагерем неподалеку отсюда. Может быть, наш путешественник встретил их по дороге?

И он вопросительно взглянул на Кугеля, который неохотно кивнул головой.

— Я встретил одну такую группу, но они скорее показались мне глупыми, чем хитрыми. Простите, что я еще раз говорю о дороге на юг, но неужели никто не может ничего сказать мне о ней?

Охотник за ведьмами вмешался в их разговор и резко ответил:

— Я могу добавить: избегай ее всеми силами. Сначала на твоем пути встретятся деоданды, которые с удовольствием полакомятся твоим мясом. Потом начинается государство Магнац, перед которым деоданды покажутся тебе ангелами спасения, если верна хотя бы десятая часть того, что о нем говорят.

— Это неутешительные известия, — сказал Кугель. — А нет ли какой-нибудь другой дороги в южные земли?

— Ну, конечно же, есть, — сказал охотник за ведьмами, — и я очень рекомендую тебе воспользоваться именно ею. Возвращайся на север вдоль дороги до Большого Эрма и продолжай идти на восток через лес, который будет становиться все гуще и непроходимее. Незачем говорить, что тебе потребуются крепкая рука и быстрые ноги, чтобы избежать вампиров, гру, бормотунов и лейкеморфов. Дойдя до самого дальнего уголка леса, ты должен будешь свернуть на юг, к Дарадской долине, где, если верить слухам, армия василисков осаждает древний город Мар. Если тебе удастся пробраться незамеченным, то ты окажешься в Большой Центральной степи, которая находится за Маром, где нет ни воды, ни пропитания и где охотится пильгрейн. Когда ты пересечешь степь, поверни на запад, и тогда перед тобой окажутся труднопроходимые отравленные болота. За этими болотами лежит земля, о которой я, к сожалению, ничего не знаю, кроме ее названия: Земля Злобных Воспоминаний. Когда ты пройдешь ее, окажешься к югу от Магнацких гор, и они будут находиться уже не перед тобой, а позади тебя.

Кугель ненадолго задумался.

— Маршрут, который ты описал, может быть значительно

безопаснее и не такой страшный, как прямой путь на юг, но он кажется мне слишком длинным. Поэтому я лучше рискну просто пересечь Магнацкие горы.

Первый крестьянин посмотрел на него с большим уважением.

— Ты, наверное, знаменитый волшебник и знаешь очень сильные заклинания, — произнес он.

Улыбнувшись, Кугель отрицательно покачал головой.

— Я — Кугель-Разумник, не более и не менее. А теперь — вина!

В конце концов хозяин принес бефстроганов и земляных крабов с гарниром из чечевицы и кислых ягод.

После ужина два крестьянина выпили по последней чаше вина и ушли, а Кугель, хозяин и охотник за ведьмами уселись перед огнем и провели вечер за интересной беседой. Охотник за ведьмами поднялся первым, чтобы отправиться в отведенное ему помещение. Перед тем, как уйти, он подошел к Кугелю и откровенно заявил ему:

— Я обратил внимание на твой плащ, вещь такого высокого качества редко можно увидеть в этих краях. Так как ты все равно погибнешь, почему бы тебе не отдать свой плащ мне, так как я сильно нуждаюсь в нем?

Кугель вежливо отклонил это предложение и тоже отправился в свою комнату.

Ночью он был разбужен каким-то скребущим звуком у изголовья своей постели. Вскочив на ноги, он схватил за шиворот какого-то невысокого человечка. Вытащив его поближе к свету, Кугель увидел, что это всего-навсего мальчишка-посудомойщик, который так и не выпустил сапог Кугеля, в который вцепился что было сил.

— Это еще что за безобразие! — вскричал Кугель, как следует встряхнув вора. — Говори! Как ты осмелился на такой нехороший поступок?

Посудомойщик стал умолять Кугеля отпустить его.

— Какая разница? — жалобно пропищал он. — Обреченному человеку ведь не нужна такая элегантная обувь!

— Это уж позволь судить мне, — сказал Кугель. — Ты что, хочешь, чтобы я босиком отправился на смерть, которая ожидает меня в Магнацких горах? Убирайся вон!

И он швырнул несчастного парня так, что тот кубарем прокатился по всей комнате.

Наутро, за завтраком, он рассказал об этом случае хозяину, который не высказал ни особого интереса, ни особого удивления. Когда пришло время расплачиваться, Кугель кинул на прилавок одну из пуговиц.

— Назначь сам, если сможешь, справедливую цену за эту

вещь, высчитай, сколько тебе полагается, а сдачу можешь отдать мне золотыми монетами.

Хозяин оглядел пуговицу, поджал губы и склонил голову на бок.

— Стоимость этой безделушки равна тому, что ты мне должен по счету. Никакой сдачи тебе не будет.

— Что? — возмутился Кугель. — Чистейшей воды аквамарин, который окружен четырьмя изумрудами? За одну-две чаши плохого вина, свинину и сон, который нарушил этот негодяй, твой посудомойщик? Это что, таверна или разбойничий притон?

Хозяин пожал плечами.

— Должен признаться, что счет тебе предъявили чуть больше обычного, но деньги в кармане труша уже никому не принесут пользы.

В конце концов Кугелю удалось вытянуть у хозяина несколько золотых монет и пакет с сыром, хлебом и вином. Хозяин подошел к двери и указал рукой на юг.

— Это единственная дорога, ведущая в южном направлении, — сказал он. — Магнацкие горы находятся прямо перед тобой. Прощай!

Не без дурных предчувствий Кугель отправился по дороге на юг. Некоторое время он проходил мимо полей местных крестьян, затем, когда с обеих сторон дороги появились невысокие холмы, дорога превратилась сначала в тропинку, а потом в едва заметную тропку, извивающуюся вдоль пересохшего русла реки, по берегам которой рос самый разнообразный кустарник. Наверху холма, параллельно тропинке, высилась дубовая роща, и Кугель, решив, что так он будет менее заметен, поднялся наверх и пошел под прикрытием зеленых ветвей.

Воздух был чист, небо сияло темно-голубым цветом. Солнце было уже почти в зените, и Кугель решил перекусить той пищей, которую он получил от хозяина таверны и сейчас нес в своей дорожной сумке. Он уселся, но в это мгновение заметил, как неподалеку метнулась какая-то черная тень. Кровь застыла у него в жилах. Неизвестное чудовище явно собиралось напасть на него сзади.

Кугель сделал вид, что он ничего не заметил, и через некоторое время краешком глаза увидел, что тень вновь шевельнулось: деоданд, выше и тяжелее, чем Кугель, черный как ночь, если не считать его сверкающих белых глаз, белых зубов и белых когтей, в кожаной набедренной повязке и зеленой бархатной рубахе мелькнул среди деревьев.

Кугель стал раздумывать, как ему лучше всего поступить. Лицом к лицу, грудь в грудь — деоданд разорвет его на куски.

С помощью шпаги Кугель мог, конечно, чудовище и этим удержать его на приличном расстоянии и даже ранить его, но только до тех пор, пока жажда крови не пересилит в нем страх боли. Тогда он кинется на Кугеля, не обращая внимания на раны. Возможно, Кугелю удалось бы убежать от чудовища, но только после долгой и утомительной погони...

Тень деоданда опять мелькнула сзади, теперь уже шагах в двадцати от того места, где сидел Кугель — примерно посередине холма. Как только он опять скрылся из виду, Кугель быстро вскочил и подбежал к самому краю холма. Здесь он поднял тяжелый камень и, когда деоданд появился вновь, пробираясь снизу, изо всех сил опустил камень на спину чудовища. Деоданд мгновенно упал и лежал, дергая руками и ногами, в то время как Кугель спрыгнул вниз, готовясь нанести ему шпагой смертельный удар.

Деоданд облокотился о скалу, чуть приподнявшись, и в ужасе завизжал при виде обнаженной шпаги Кугеля.

— Придержи свою руку! — крикнул он. — Ты ничего не выиграешь от моей смерти!

— Кроме удовольствия убить того, кто хотел сожрать меня.

— Пустое удовольствие!

— Почти все удовольствия таковы, — сказал Кугель. — Но пока ты еще жив, можешь сообщить мне информацию о Магнацких горах?

— Вот они перед тобой — обычные горы из древнего черного камня.

— А кто такой Магнац?

— Я не знаком с подобным существом.

— Что? Люди с севера дрожат при одном упоминании его имени!

Деоданд чуть приподнялся на руках и выпрямился.

— Ну и что с того? Я слышал это имя, но считаю его не более, чем старой легендой.

— Почему же в таком случае путешественники отправляются на юг, но никто не приходит с юга?

— С какой стати кому-то идти на север? Что там интересного? А те, что идут на юг, представляют собой неплохое пропитание для меня и мне подобных.

И деоданд выпрямился еще больше.

Кугель подобрал большой камень, поднял его над головой и еще раз опустил на спину черного чудовища, которое упало, вновь задрыгав руками и ногами. Кугель подобрал еще один камень.

— Подожди! — вскричал деоданд слабым голосом, — Пощади меня, и я помогу тебе сохранить жизнь.

— Как это? — спросил Кугель.

— Ты идешь на юг. Другие мои товарищи живут в пещерах вдоль всего твоего пути. Как надеешься ты не попасть им в руки, если я не проведу тебя тропами, которые они почти никогда не посещают?

— Ты можешь это сделать?

— Если ты согласишься сохранить мне жизнь.

— Превосходно. Но я должен подстраховаться; когда тебя обуяет жажда крови, ты можешь забыть о нашем соглашении.

— Ты сделал меня калекой, какие гарантии нужны тебе еще? — вскричал деоданд.

Тем не менее Кугель крепко связал ему руки и смастерил петлю, которую накинул на мускулистую черную шею.

Таким образом они и отправились в путь: деоданд, хромая и ковыляя впереди, указывал Кугелю кружной путь, обходящий определенные пещеры, и сам Кугель с веревкой в руках шел сзади.

В конце концов они вышли на небольшую песчаную равнину, находящуюся высоко над тем местом, откуда Кугель начинал свой путь. Тут деоданд объявил, что эта местность безопасна, потому что его товарищи никогда здесь не охотятся.

— А что располагается дальше? — спросил Кугель.

— Я этого не знаю. Сам я никогда не заходил дальше этого места. А теперь освободи меня и иди своей дорогой, а я вернусь к себе.

Кугель покачал головой.

— Совсем скоро наступит ночь. Что помешает тебе следовать за мной и напасть еще раз? Нет, лучше я тебя убью.

Деоданд печально рассмеялся.

— Трое других моих товарищей следуют за мной. Они не подходили до сих пор только потому, что я не подавал им знака. Убей меня, и ты не увидишь завтрашнего утра.

— В таком случае, мы отправимся дальше вместе, — сказал Кугель.

— Как желаешь.

Кугель продолжал идти вперед, а деоданд на сей раз плелся, хромая, сзади. Оглянувшись, Кугель увидел черные силуэты, двигавшиеся за ними в тени. Деоданд многозначительно ухмыльнулся.

— Лучше тебе остановиться сразу же. Зачем ждать темноты? Смерть не так ужасна, когда светит солнце.

Кугель ничего не ответил, но продолжал идти вперед, все убыстряя шаг. Песчаное плато кончилось, уступив место высокогорной долине, где дул пронзительный ледяной ветер. Лиственницы, баобабы и кедры росли по обеим ее сторонам,

а среди высокой травы и кустарника протекал ручеек. Деоданд начал выказывать признаки беспокойства, дергая за веревку и явно преувеличенно хромая. Кугель никак не мог понять причины такого поведения: казалось, здесь нечего было опасаться, кроме самих деодандов. Но он рассердился.

— Почему ты идешь так медленно? Я надеюсь найти в горах до наступления темноты жилье. Твои рывки и хромота задерживают меня.

— Тебе следовало подумать об этом прежде, когда ты покалечил меня камнем, — сказал деоданд. — В конце концов, я сопровождаю тебя отнюдь не добровольно.

Кугель оглянулся. Три деоданда, раньше прятавшиеся в скалах, подошли совсем близко и следовали за ними уже в открытую.

— Неужели ты не можешь обуздать мерзкий аппетит своих товарищей? — спросил Кугель, многозначительно кладя руку на эфес шпаги.

— Я не могу обуздать даже свой собственный аппетит, — ответил деоданд. — Только сломанная нога и рука не дают мне возможности броситься на тебя и вцепиться в твое горло.

— Ты хочешь жить? — спросил Кугель, не снимая руки со шпаги.

— Конечно, хотя я не в такой степени цепляюсь за жизнь, как настоящие люди.

— Если ты ценишь свою жизнь хотя бы чуть-чуть, прикажи своим товарищам повернуть назад и прекратить погоню.

— Это будет бессмысленно. И в любом случае, что для тебя жизнь? Смотри, перед тобой Магнацкие горы!

— Ха! — пробормотал Кугель. — Разве не ты говорил мне, что все слухи об этой местности — самые обычные сказки?

— Совершенно справедливо, но я ничего не говорил тебе о том, почему эти сказки возникли и до сих пор не забыты.

Пока они разговаривали, в воздухе раздался тихий свист, похожий на вздох, и, оглянувшись назад, Кугель увидел, что все три деоданда упали, проткнутые стрелами. Из-за ближайшего большого камня вышли четверо молодых людей в коричневых охотничьих костюмах. У всех были хорошие статные фигуры, темные волосы, приятные лица, и держались они с непринужденностью.

Первый из них обратился к Кугелю:

— Как это получилось, что ты пришел с необитаемого севера? И почему ты идешь с этим ужасным ночным чудовищем?

— Никакой загадки нет, и я могу ответить на оба ваших

вопроса, — ответил Кугель. — Во-первых, север вполне обитаем, несколько сотен людей там все еще живут. Что же касается этого черного гибрида демона и людоеда, я нанял его, чтобы он безопасно провел меня через горы, но я не удовлетворен его услугами.

— Я выполнил все, что ты от меня требовал, — объявил деоданд. — А теперь отпусти меня согласно нашему уговору.

— Как хочешь, — ответил Кугель.

Он скинул петлю с шеи чудовища, и деоданд заковылял прочь, изредка поглядывая через плечо и свирепо сверкая глазами. Кугель дал знак предводителю охотников, тот что-то сказал своим товарищам — они подняли луки, и деоданд упал, пронзенный четырьмя стрелами.

Кугель одобрительно кивнул головой.

— Кто вы такие? И кто такой Магнац, о котором все говорят со страхом, предупреждая, что из-за него нельзя перейти эти горы?

Охотники рассмеялись.

— Обычная легенда. Одно время ужасное чудовище по имени Магнац действительно существовало. Чтобы соблюсти обычаи, мы, жители деревни Буль, все еще назначаем одного из наших односельчан служить в качестве Часового. Но все это только традиция, старая, как мир, и которую мы не желаем нарушать.

— Странно, — сказал Кугель, — что традиция сохраняет свою силу.

Охотник равнодушно пожал плечами.

— Приближается ночь — время возвращаться. Если хочешь, можешь присоединиться к нам, а в Буле найдется таверна, где ты сможешь найти ночлег.

— Я с большой радостью присоединюсь к вашей компании.

Охотники повернулись и пошли вперед. По дороге Кугель расспросил их о том, как найти кратчайший путь через горы на юг, но они мало что могли сказать об этом.

— Деревня Буль расположена на берегу озера Буль, которое невозможно переплыть из-за его водоворотов и омутов, и лишь некоторые из нас исследовали дороги на юг. Говорят, что места там совершенно бесплодны и что чем дальше, тем пустыннее становятся земли, переходя в негостеприимную серую пустошь.

— Может быть, Магнац и бродит за озером в горах? — спросил Кугель, стараясь говорить как можно вежливее.

— В наших легендах об этом нет ни слова, — ответил старейшина охотников.

Примерно через час быстрой ходьбы они дошли до Буля, деревни, которая несказанно удивила Кугеля. Все здания бы-

ли добротны, построены из камня и бревен, улицы вымощены, по бокам их тянулись специальные канавы для отвода воды, была здесь и базарная площадь, амбары, зал приемов, зернохранилище, несколько таверн, довольно много шикарных коттеджей. Когда охотники шли по главной улице, кто-то выкрикнул им вслед:

— Важные новости! Часовой погиб!

— Вот как? — спросил старший из охотников. — Кто временно замещает его?

— Конечно, Лафель, сын гетмана, кто же еще?

— Действительно, кто же еще? — заметили охотники и пошли дальше.

— Значит, пост Часового у вас так важен? — спросил Кугель.

Старший из охотников пожал плечами.

— Лучше всего сказать, что это у нас церемониальная синекура. Временный Часовой, вне всякого сомнения, будет избран завтра. Но обрати внимание на дверь в зал приемов!

И он указал на коренастого, широкоплечего человека в коричневом меховом плаще и черной шапочке.

— Это — Гулам Вискод, сам гетман. Хо, Вискод! Мы привели с собой путешественника с севера!

Гулам Вискод приблизился и доброжелательно промолвил.

— Приветствую тебя! Путники редко заходят к нам. Все, что мы можем предложить — к твоим услугам!

— Я очень благодарен вам, — сказал Кугель. — Я никак не ожидал найти такое процветающее селение в Магнацких горах, от ужасов которых трясется весь мир.

Гетман усмехнулся.

— Недоразумения существуют повсюду. И в наших обычаях есть много нелепого и архаического, как, например, обычай назначать Часового, который обязан следить за появлением Магната. Но пойдем, вот лучшая наша таверна: После того, как ты отдохнешь с дороги, мы поужинаем.

Кугеля отвели в прекрасную комнату, и через некоторое время, освежившийся он присоединился к Гуламу Вискоду в столовой. Перед ними был поставлен прекрасный ужин и бутыль вина.

После ужина гетман повел Кугеля на прогулку, показывая ему свою деревню и прекрасный вид на озеро внизу.

Ночь казалась какой-то особенной: повсюду горели огни, а жители Буля ходили по улицам небольшими группами, останавливались, чтобы посовещаться. Кугель естественно, поинтересовался причиной такого оживления.

— Неужели все это из-за того, что умер Часовой?

— Да, именно поэтому, — ответил гетман. — Мы очень серьезно относимся ко всем нашим традициям, и в выборах нового Часового должны принять участие все жители Буля. Но обрати внимание: вот здесь находится общественное хранилище, где собрана вся наша казна. Не хочешь заглянуть внутрь?

— Я рад доставить тебе такое удовольствие, — ответил Кугель. — Если ты хочешь осмотреть общественное золото, то я буду рад и сочту за честь присоединиться к тебе.

Гетман распахнул дверь.

— Здесь у нас золота лишь маленькая толика! В этих ларях — драгоценные камни, в мешках — античные монеты. В этих сундуках — лучшие шелка и шитая золотом дамасская ткань. По эту сторону стоят лари с редчайшими специями и еще более редкими винами, которым просто нет цены. Но я не должен так расхваливать наши богатства тебе, человеку многоопытному, который, несомненно, видел в своей жизни настоящие сокровища.

Кугель стал настаивать, что ценность казны Буля вовсе не стоит преуменьшать. Поблагодарив его за любезность, гетман поклонился, и они прошли к площадке перед озером, которое сейчас казалось большим черным пространством под мерцающими ночными звездами.

Гетман указал на купол, который венчал изящную колонну высотой в пятьсот футов.

— Можешь ли ты догадаться, что это за сооружение?

— Скорее всего, это наблюдательный пункт Часового, — ответил Кугель.

— Верно! Ты человек умный. Жаль, что ты так торопишься и не можешь задержаться в Буле.

Кугель, задумавшись о своем пустом бумажнике и вспоминая хранилище Буля, сделал неопределенное движение рукой.

— Мне, конечно, нелегко это говорить, но я поиздержался в дороге и все равно буду вынужден искать какую-нибудь работу. Интересно, смог бы я занять пост Часового, который, насколько я могу судить, считается важным в вашей деревне?

— Это так, — сказал Гетман. — Сегодня ночью, например, караулит мой собственный сын. Тем не менее я не вижу причин, по которым твоя кандидатура не могла бы быть выдвинута. Правда, обязанностей у тебя почти не будет, как я уже говорил — этот пост практически синекура.

Тут Кугель обратил внимание не то, что Фрикс заворочался у него в печени.

— А что имеет Часовой за свою работу?

— Очень многое. И кроме всего, он пользуется еще огром-

ным уважением жителей Буля, так как, хоть чисто формально, но он охраняет нас всех от опасности.

— А все-таки, что именно?

Гетман остановился, задумавшись, потом начал загибать пальцы.

— Во-первых, в его распоряжение предоставляется удобная башня с оптическими приспособлениями, с помощью которых самые далекие предметы становятся близкими, жаровней, чтобы он никогда не замерзал, и хитроумный коммуникационной системой. Его пища и питье — самого высокого качества и предоставляются ему бесплатно, когда он этого захочет. Далее, как правило, ему навечно присуждается титул Хранителя Общественной казны и, чтобы упростить дело, он наделен властью распоряжаться всем общественным достоянием Буля к выгоде жителей деревни. Затем, он может выбрать себе ту девушку, которая покажется ему наиболее привлекательной. И наконец, ему присуждается титул барона, и его должны приветствовать со всем уважением и почитанием.

— Вот как, понятно, — сказал Кугель. — О такой должности, конечно, следует подумать. А какие обязанности вменяются Часовому?

— Об этом говорит само название должности. Часовой должен стоять на часах и наблюдать. Это один из самых старых обычаев. Вряд ли эту обязанность можно назвать тяжелой, но здесь не должно быть никаких послаблений, потому что иначе это будет самый настоящий фарс, а мы — народ серьезный, даже когда речь заходит о наших странных традициях.

Кугель понимающе кивнул головой.

— Условия вполне разумные: часовой наблюдает — ничего не может быть проще. Но кто такой Магнац, с какой стороны надо ждать его появления и как его можно узнать?

— Эти вопросы несущественны, — сказал гетман, — так как этого существа в принципе просто не существует, если мне будет позволен этот каламбур.

Кугель поглядел на башню, на озеро, потом на хранилище.

— В таком случае я хочу заявить, что выставляю свою кандидатуру на пост Часового, если все условия действительно таковы, как ты мне их описал.

Фрикс в ту же секунду вонзил все свои жала, колючки и когти в печень Кугеля. Кугель согнулся пополам, схватившись за живот, потом выпрямился и, извинившись перед пораженным гетманом, отошел в сторону.

— Терпение! — обратился он к Фриксу. — Что за темперамент! Неужели ты совсем не разбираешься в жизни? Мой

кошелек пуст, а впереди еще много лиг пути. Чтобы быстрее завершить путешествие, мне надо отдохнуть и пополнить свой кошелек. Я хочу поработать здесь ровно столько времени, сколько понадобится, чтобы выполнить оба этих условия, а потом поспешу изо всех сил в Элмери!

Явно неохотно Фрикс прекратил демонстрацию своей силы, а Кугель вернулся туда, где его ждал гетман.

— Все остается по-старому, — сказал Кугель. — Я тут посоветовался сам с собой и решил, что вполне могу взять на себя этот труд.

Гетман кивнул головой.

— Я рад это слышать. Скоро ты убедишься, что все, о чем я тебе говорил — верно. Я, со своей стороны, тоже все обдумал и теперь со спокойной совестью могу заявить, что ни один человек во всей нашей деревне не подходит лучше тебя для столь высокой должности, а следовательно, я, гетман Буля, говоря от имени всей общественности, которая не может решить иначе, провозглашаю тебя Часовым!

Церемониальным жестом гетман достал откуда-то золотой воротник, который надел Кугелю на шею.

Они вернулись в таверну, и пока они шли, люди Буля, замечая золотой воротник, задавали гетману вопросы.

— Да, — неизменно отвечал он. — Этот благородный человек продемонстрировал свои способности, и я провозгласил его Часовым Буля!

Слыша эту новость, жители Буля становились очень сердечными и взволнованно поздравляли Кугеля, как будто он всю жизнь был дорог их сердцу.

Все собрались в таверне. На столы были поставлены вино и мясо со специями, появились волынщики, зазвучала веселая музыка и начались танцы и веселье.

В течение вечера Кугель высмотрел себе девушку изумительной красоты, танцующую с молодым человеком, который был среди тех охотников, которых Кугель повстречал в горах. Кугель толкнул гетмана локтем и указал ему на девушку.

— Ах да, прелестная Марлинка! Она танцует с парнем, за которого собирается выйти замуж.

— Может быть, планам ее суждено измениться? — многозначительно сказал ему Кугель.

Гетман хитро подмигнул ему.

— Ты находишь ее привлекательной?

— Вот именно. А так как это привилегия Часового, я хочу немедленно объявить эту девушку моей избранницей и невестой. Пусть немедля исполнят все церемонии!

— Так быстро? — удивился гетман. — Ах, ну да ладно, горячая молодая кровь не терпит промедлений.

Он сделал девушке знак, и она весело протанцевала к столу. Кугель поднялся и поклонился. Гетман заговорил:

— Марлинка, Часовой всего Буля находит тебя желанной и поэтому хочет выбрать тебя своей суженой.

Сначала Марлинка казалась удивленной, потом заинтересованной. Она бросила на Кугеля кокетливый взгляд и сделала реверанс.

— Часовой оказывает мне большую честь.

— Более того, — продолжал гетман, — он требует, чтобы свадебные церемонии были исполнены прямо сейчас.

Марлинка с сомнением посмотрела на Кугеля, потом через плечо на молодого человека, с которым все время танцевала.

— Хорошо, — сказала она, — как ты пожелаешь.

Церемонии тут же были исполнены, и Кугель оказался рядом с Марлинкой, которая при ближайшем рассмотрении показалась ему еще более восхитительной девушкой с прекрасными манерами и очаровательной фигуркой и личиком.

— Пойдем! — прошептал он. — Давай удерем отсюда на некоторое время и торжественно скрепим наш свадебный союз.

— Не так быстро, — прошептала Марлинка. — Мне нужно время, чтобы приготовиться. Сейчас я слишком возбуждена!

Она высвободилась и убежала прочь.

Пир и веселье продолжались, и к своему глубочайшему неудовольствию Кугель увидел, что Марлинка опять пляшет с тем молодым человеком, невестой которого она была до сих пор. Пока он смотрел на них, девушка обняла парня явно с любовью. Кугель пошел вперед, прервал танец и отвел свою молодую жену в сторону.

— То, что ты делаешь, вряд ли можно назвать приличным. Вспомни, что не прошло и часа, как мы поженились!

Марлинка, одновременно удивленная и непонимающая, рассмеялась, потом нахмурилась, потом опять засмеялась и пообещала, что будет вести себя осмотрительнее. Кугель попытался увести ее к себе в комнату, но она опять сказала, что сейчас ей это неудобно.

Кугель глубоко и огорченно вздохнул, но утешился, вспомнив о других своих привилегиях: например, о свободном управлении казной. Он наклонился к гетману.

— Раз уж теперь я стал Хранителем Общественной казны, я считаю своей прямой обязанностью осмотреть то, что мне доверено охранять. Будьте добры передать мне ключи, я пойду и осмотрю все, что там есть.

— Ну, конечно, — ответил гетман. — Более того, я сам буду сопровождать тебя, чтобы помочь, чем смогу.

Они прошли к хранилищу. Гетман открыл дверь и зажег масляную лампу, высоко подняв ее над головой и светя Кугелю. Кугель вошел внутрь и стал осматривать сокровища.

— Я вижу, что все здесь в порядке и, возможно, разумно будет подождать, пока в голове у меня не прояснится, прежде чем проводить опись этих сокровищ. Но тем временем...

Кугель подошел к ларю с драгоценными камнями, выбрал несколько самых крупных и принялся запихивать их себе в пояс.

— Минуточку! — сказал гетман. — Зачем ты причиняешь себе такие неудобства? Скоро тебе дадут богатые одежды, приличествующие твоему рангу. Драгоценности никуда не убегут из нашей сокровищницы — зачем же таскать их с собой? Во-первых, это неудобно, а во-вторых, их можно просто потерять.

— В том, что ты говоришь, что-то есть, — заметил Кугель, — но я хочу заказать дом особой конструкции с видом на озеро, а на это мне понадобятся деньги.

— Со временем, со временем. Ведь все-равно строительные работы не начнутся, пока ты не осмотришь окрестности и не выберешь себе подходящего места.

— Верно, — согласился Кугель. — Я вижу, что впереди меня ждет много дел. А теперь — обратно в таверну! Моя молодая жена слишком стыдлива, и сейчас я больше не желаю терпеть дальнейших задержек!

Но когда они вернулись в таверну, Марлинки нигде не было видно.

— Несомненно, она пошла, чтобы нарядиться в соблазнительные одежды, — предположил гетман. — Имей терпение!

Кугель с неудовольствием поджал губы и еще больше насупился, когда увидел, что молодой человек, с которым Марлинка танцевала весь вечер, тоже исчез.

Веселье не затихало, было произнесено много тостов и выпито много вина, после чего захметевшего Кугеля отнесли в его комнату.

Рано утром гетман постучал в дверь и вошел, услышав приглашение Кугеля.

— А сейчас мы должны посетить башню, — сказал гетман. — Мой собственный сын охранял Буль всю прошлую ночь, так как по нашей традиции необходимо неусыпное постоянное наблюдение.

С трудом Кугель оделся и последовал за гетманом на улицу, на прохладный утренний воздух. Они прошли к наблюдательной башне, и Кугель был поражен ее высотой и гениальной простотой конструкции: изящный ствол поднимался на высоту в пятьсот футов и поддерживал купол.

Забраться наверх можно было только по веревочной лестнице. Первым на нее ступил гетман, а следом Кугель, причем лестница раскачивалась в разные стороны, так что у Кугеля закружилась голова.

Они невредимыми добрались до купола и утомленный сын гетмана тут же спустился вниз. Караульное помещение было обставлено куда с меньшей роскошью, чем предполагал Кугель, скорее обстановку можно было назвать скромной. Он не преминул указать на это гетману, который ответил, что любой недостаток будет тут же устранен.

— Просто скажи, что требуется, и это будет исполнено!

— Что ж, в таком случае мне нужен хороший ковер для пола — желательно зеленых и золотых тонов. Мне требуется более удобная кровать, и, конечно, более широкая, чем эта жалкая кушетка, которую я вижу у стены, потому что моя жена Марлинка большую часть времени будет проводить здесь. Мне нужен столик с отделениями для драгоценных камней и сами камни, а также ларец для засахаренных фруктов, который можно поставить вот сюда, и туалетный столик с ароматическими эссенциями — вот сюда. А вот здесь мне хотелось бы поставить табурет с приспособлением для охлаждения вина.

Гетман с готовностью согласился на все.

— Все будет, как ты хочешь. Но сейчас мы должны обсудить твои обязанности, которые настолько просты, что не потребуют от тебя никаких усилий: ты должен следить за Магнацем.

— Это я понимаю, но в голову мне приходит та же мысль, что и прежде: для того, чтобы я мог как можно тщательнее выполнить порученное мне дело, я должен знать, за кем или чем я должен следить. Может быть, Магнац пройдет себе спокойно по площадке, а я даже не буду знать, что это было он. На что он хоть похож?

Гетман покачал головой.

— Я не могу этого сказать, его описания затерялись в веках. В легенде только говорится, что волшебник хитростью одолел Магнаца и заточил его, удалив отсюда.

Гетман подошел к наблюдательному посту.

— Обрати внимание: здесь находится оптическое приспособление. Работая по очень простому принципу, оно выделяет и приближает то, на что ты его направляешь. Время от времени ты можешь позволить себе осмотреть земли, лежащие окрест. Вон там находится гора Темус, а ниже ее озеро Буль, по которому никто не может плавать из-за его водоворотов и омутов. В том направлении находится Налгарский перевал, который ведет на восток в земли Мерси. С большим трудом

ты можешь разглядеть знаменитый памятник, поставленный Юзпехом Великим, который повел восемь армий против Магната. Магнат воздвиг другой памятник — видишь ту огромную скалу к северу? — чтобы полностью закрыть искалеченные трупы солдат этих восьми армий. Вон там проход через горы, который тоже пробил Магнат, чтобы холодный воздух мог попадать сюда и циркулировать здесь. За озером находятся гигантские руины — остатки роскошного дворца Магната.

Кугель осмотрел через оптическое стекло все, о чем ему говорили.

— Видимо, этот Магнат был существом могущественным, — заметил он.

— Так утверждают наши легенды. И теперь последнее. Если Магнат появится — смешно об этом даже и подумать, конечно, но все же — ты должен потянуть за эту палку, которая соединена с большим колоколом. Наши законы категорически запрещают звонить в колокол в любом ином случае, кроме как при виде Магната. Наказание за такой проступок необычайно сурово — по правде говоря, последний наш Часовой не оправдал нашего доверия, он зазвонил в колокол просто так. Нечего и говорить, что он был осужден и сурово наказан. После того, как его расчленили с помощью ударов тяжелыми цепями, останки его были брошены в омут озера.

— Что за болван! — заметил Кугель. — Зачем ему понадобилось рисковать своим постом, богатством и хорошей жизнью ради подобного развлечения?

— Все мы считаем точно так же, — согласился гетман.

Кугель нахмурился.

— Я удивлен его поведением. Он что, был молод и легкомысленен, что поддался такому капризу?

— Даже и этого нельзя сказать в его оправдание. Это был мудрец восьмидесяти лет, который три четверти своей жизни провел с нами как Часовой Буля.

— Тогда его поведение кажется еще более невероятным, — недоуменно заметил Кугель.

— Все жители Буля думают так же.

Гетман коротко потер руки.

— Ну, насколько я понял, мы обсудили все важные детали. Сейчас я удалюсь и оставлю тебя наслаждаться исполнением твоих новых обязанностей.

— Минуточку, — сказал Кугель. — Я настаиваю на определенных изменениях и улучшениях: ковер, стол, подушки, кушетка.

— Ну конечно, — сказал гетман.

Он высунул голову наружу и стал отдавать команды лю-

дям внизу. Немедленного ответа не последовало, и гетман в отчаянии взмахнул руками.

— Да что ж это такое! — воскликнул он. — Нет, видимо, придется самому за всем проследить.

И он начал спускаться вниз по веревочной лестнице. Кугель крикнул ему вслед:

— Будь добр, пришли сюда мою жену Марлинку, мне надо обсудить с ней кое-какие важные дела!

— Я немедленно отправляюсь на ее поиски, — отозвался гетман, оглядываясь через плечо.

Несколько минут спустя раздался скрип деревянного блока: веревочную лестницу опустили вниз на канате, к которому она была прикреплена. Поглядев вниз, Кугель увидел, что ему собираются поднимать подушки. Тяжелая веревка, к которой была привязана лестница, прошла через блок, и появилась тоненькая веревка — совсем как шнур — и именно на этом шнуре были подняты подушки. Кугель посмотрел на них с неодобрением: они были старые и пыльные и вовсе не того качества, о котором он говорил. Нет, видимо, ему придется все же настоять, чтобы его снабдили приличными вещами! Хотя, возможно, гетман прислал эти подушки с самыми добрыми намерениями, чтобы ему было чем пользоваться, пока не будут подобраны новые, более роскошные. Кугель кивнул головой: скорее всего именно так и было.

Он оглядел окрестности. Магнаца нигде не было видно. Он несколько раз взмахнул руками, прошелся взад и вперед, и пошел смотреть на площадь, где он ожидал увидеть рабочих, занятых выполнением его заказа. Но ничего такого не было: люди шли по площади как ни в чем ни бывало, явно по своим собственным делам. Кугель пожал плечами и еще раз отправился осматривать окрестности. Как и раньше, Магнаца нигде не было видно.

Вновь он поглядел вниз на площадь, нахмурился и скривился: неужели это его молодая жена Марлинка шла мимо с молодым человеком? Он посмотрел сквозь оптическое приспособление на изящную фигурку — это действительно была его Марлинка, а молодой человек, который держал ее за локоть с такой наглой интимностью, был тем самым охотником, невестой которого она была раньше. Кугель в ярости ударил себя по щеке. Так не могло продолжаться дальше! Когда Марлинка придет к нему, он выскажет ей все, что думает по этому поводу.

Солнце достигло зенита. Вдруг задрожал шнур. Посмотрев вниз, Кугель увидел, что ему поднимают корзину с пищей, и потер руки от удовольствия.

Но в корзине, когда он заглянул в нее, оказалось только

полбуханки хлеба, кусок жесткого мяса и бутыль плохого вина. Кугель в недоумении уставился на эту жалкую пищу и решил на несколько минут спуститься вниз, чтобы восстановить справедливость и показать наглецам, что его не проведешь. Он откашлялся и крикнул вниз, чтобы ему подали лестницу. Казалось, никто не слышал его. Он крикнул громче. Один или два жителя посмотрели наверх с нескрываемым любопытством, и продолжили, как ни в чем не бывало, свой путь.

Кугель сердито дернул за шнур и вытащил его через блок, но на его конце не оказалось ни толстой веревки, ни веревочной лестницы. На конце тонкого шнура была петля, а сам он мог выдержать разве что вес корзинки с пищей.

Кугель задумчиво уселся на подушки и принялся обдумывать свое положение. Затем, направив оптическое приспособление на площадь, он стал искать гетмана, единственного человека, к которому он мог обратиться за объяснениями.

Ближе к вечеру Кугелю посчастливилось увидеть, как открылась дверь таверны, и гетман неуверенным шагом вышел оттуда, явно прилично нагрузившись вином. Кугель изо всех сил крикнул ему вниз. Гетман остановился, огляделся вокруг, недоуменно покачал головой и направился дальше через площадь.

Солнце золотило своими лучами озеро Буль, черными кругами казались его водовороты и омуты. Прибыл ужин Кугеля: горшок вареных овощей и миска свинины. Он посмотрел на пищу почти без всякого интереса, затем опять подошел к краю купола.

— Поднимите мне лестницу! — крикнул он. — Наступает ночь! А когда нет света, нет смысла наблюдать за Магнацем или за кем-то другим!

Как и прежде, никто не обратил на его слова ни малейшего внимания. Внезапно Фрикс, как бы почуя, что что-то не так, несколько раз рванул Кугеля за печень.

Кугель провел очень плохую ночь. Когда жители Буля навеселе выходили поздно вечером из таверны, Кугель обращался к ним, прося обратить на него внимание, кричал, что о нем совсем позабыли, но как и раньше никто, по-видимому, даже не слышал его.

Над горами появилось солнце. Завтрак Кугелю подали довольно приличный, но, конечно, его и сравнить нельзя было с роскошными деликатесами, о которых говорил ему Гулам Вискод, лживый гетман Буля. В ярости Кугель принялся кричать приказы людям, стоявшим внизу, но никто не обратил на него ни малейшего внимания.

Он на несколько секунд задержал дыхание, потом выдо-

хнул воздух и расслабился: видимо, ему самому надо выкручиваться, как только он может. Ну и что с того, в конце концов? Разве просто так называли его Кугель-Разумник? И он стал придумывать, как можно спуститься с башни.

Шнур, на котором поднимали ему еду, был слишком тонок. Если сложить его вдвойне, а потом еще раз вдвойне, он выдержит вес Кугеля, но тогда и расстояние до земли увеличится соответственно в четыре раза. Его одежда и кожаный плащ, если разорвать их на полосы, могут опустить его еще футов на двадцать, но и тогда он будет болтаться в воздухе. Если бы у него были необходимые инструменты, он смог бы вырезать в колонне, на которой стоял купол, нечто вроде лестницы, но опереться там было бы просто не на что. Да, будь у него инструменты и время, он смог бы не только вырезать лестницу, но и запросто по частям подрезать колонну сверху, пока сам купол не оказался бы на земле!

Да, все это были глупости. Воздушные замки. В отчаянии Кугель откинулся на подушки. Теперь все ему стало ясно. Его надули. Сколько времени предыдущий Часовой оставался на своем посту? Шестьдесят лет? Невеселая перспектива!

Фрикс, видимо, был того же мнения, потому что он с бешенством вцепился в печень Кугеля когтями и уколол несколькими шипами сразу, что отнюдь не улучшило настроения бедняги.

Так проходили дни и ночи. Кугель то и дело погружался в мрачные думы, с ненавистью размышляя о жителях Буля. Иногда у него возникало непреодолимое желание зазвонить в большой колокол, как это сделал его предшественник, но вспомнив о наказании за такой поступок, он сдерживался.

Со временем Кугель назубок выучил каждый уголок большой деревни, озера и его окрестностей. По утрам озеро накрывал тяжелый туман, его развеивал бриз, начинающий дуть через два часа. Водовороты издавали чавкающие и стонущие звуки, и рыбаки Буля не осмеливались отплывать от берега дальше, чем на корпус лодки. Скоро Кугель научился распознавать деревенских жителей и узнал привычки каждого из них. Марлинка, его молодая жена-предательница, часто ходила по площади, но едва ли в ее головке мелькала мысль посмотреть наверх. Кугель хорошо знал коттедж, в котором она жила, и постоянно наблюдал за ней. Если она и путалась с молодым охотником, ее ловкость и умение запутывать следы были просто замечательны, и черные подозрения Кугеля ни разу не подтвердились.

Пища, которую ему подавали, была все того же дурного качества, а иногда ее забывали подавать вовсе.

Фрикс все время мстительно напоминал о себе, и Кугель

начинал бегать по комнате купола, хватаясь руками за живот от боли. Однажды вечером, вскоре после захода солнца, измученный поведением Фрикса, Кугель внезапно остановился, как вкопанный. Спуститься с башни было проще пареной репы! Почему он не сделал этого раньше? Вот уж действительно, Кугель-Разумник!

Он разорвал на полосы абсолютно все свою одежду и связал веревку примерно двадцати футов в длину. Теперь ему надо было дождаться, когда в деревне все улягутся — то есть подождать еще примерно час или два.

Фрикс опять впился в его печень, и Кугель, не выдержав, вскричал:

— Ну подожди ты, скорпион, сегодня ночью мы убежим отсюда! Ты ведешь себя просто неприлично!

Фрикс нехотя прекратил демонстрацию своей силы, и Кугель подошел к оптическому устройству, чтобы еще раз осмотреть площадь. Ночь была холодной и туманной — идеальная погода для реализации его плана, и люди Буля рано отправились спать.

Кугель осторожно втянул в купол шнур, на котором ему поднимали пищу, сложил его в два раза, еще в два, потом еще в два. Теперь толщина шнура была вполне достаточна, чтобы выдержать вес тела Кугеля. Он сделал широкую петлю на одном конце шнура, а второй накрепко привязал к блоку. Последний раз взглянув на горизонт, он осторожно выбрался из купола. Опустившись по шнуру до самого конца, он уселся поудобнее в широкую петлю, раскачиваясь примерно в четырестах футах над площадью. К одному концу своей двадцатифутовой веревки он привязал для тяжести ботинок, и после нескольких попыток умудрился закинуть ее так, что она завернулась за колонну, после чего он подтянулся к колонне вплотную. С бесконечной осторожностью он выбрался из петли шнура, предварительно завязав петлю на своей веревке вокруг колонны, а затем, используя веревку в качестве тормоза, медленно опустился на землю. Он тут же отошел подальше в тень, одевая на ходу ботинки. Как раз в это время настежь распахнулась дверь таверны и оттуда вывалился Гулам Вискод, совершенно пьяный. Ухмыляясь, Кугель последовал за гетманом, который, еле держась на ногах, свернул в боковую улицу.

Одного удара по затылку было достаточно, чтобы гетман свалился, как подкошенный. В ту же секунду Кугель обшарил его с головы до ног и ловко достал ключи. Осторожно подойдя к общественному хранилищу, он открыл дверь, скользнул внутрь и набил мешок драгоценностями, монетами, флаконами дорогих эссенций, старинными вещами и всем прочим.

Вернувшись на улицу, Кугель отнес мешок к причалу у озера, где спрятал его под рыбачьей сетью. После этого он отправился к коттеджу своей молодой жены Марлинки. Прокравшись вдоль стены, он дошел до открытого окна ее комнаты и быстро скользнул внутрь.

Она проснулась от того, что его руки сжали ее горло. Когда она попыталась закричать, он сильнее сжал пальцы, и крик замер в ее груди.

— Это я, — прошипел он, — Кугель, твой муж! Вставай и иди за мной. Первый звук, который ты издашь, будет последним!

В ужасе девушка повиновалась. По приказу Кугеля она накинула на плечи плащ и надела на ноги сандалии.

— Куда мы идем? — прошептала она дрожащим голосом.

— Неважно. Сюда, через окно. И помни — ни звука!

Стоя снаружи в темноте, Марлинка бросила полный ужаса взгляд в сторону наблюдательной башни.

— А кто стоит на часах? Кто охраняет Буль от Магнаца?

— Никто, — ответил Кугель. — Башня пуста!

Колени у Марлинки подогнулись, и она упала на землю.

— Вставай! — сказал Кугель. — Живо! Мы должны спешить.

— Но никто не наблюдает! Это лишает силы заклинание, которое волшебник наложил на Магнаца, поклявшегося вернуться в деревню, когда ее перестанут охранять!

Кугель рывком поднял девушку на ноги.

— Меня это не касается, и я не чувствую себя ответственным за это. Разве не стал жертвой вашего обмана? Где моя роскошная мебель и подушки? Где прекрасная пища? И моя жена, где ты была?

Девушка закрыла лицо руками и заплакала, а Кугель повел ее по направлению к причалу. Он подтянул к берегу рыбачью лодку, кинул туда мешок с награбленным добром и велел девушке войти в нее.

Отвязав лодку, он взялся за весла и принялся грести. Марлинка была в ужасе.

— Мы погибнем в водоворотах! Ты сошел с ума!

— Отнюдь! Я тщательно изучил их расположение и точно знаю размер каждого.

Кугель осторожно продолжал грести через озеро, считая каждый свой гребок и глядя на звезды.

— Двести гребков к востоку... сто гребков к северу, двести гребков к востоку... пятьдесят гребков к югу...

Так Кугель и греб, а справа и слева все время слышались чавкающие, свистящие звуки, издаваемые водой, закручивающейся в водовороты.

— Вот теперь достаточно, — сказал он. — Мы в безопасности, и нам многое надо обсудить с тобой вдвоем.

Девушка сжалась у борта лодки. Кугель осторожно сделал несколько шагов и приблизился к ней.

— Вот и я, твой муж! Неужели тебе не радостно, что мы наконец-то одни? Правда, моя комната в гостинице была намного удобнее, но сойдет и лодка.

— Нет! — вскричала она. — Не трогай меня! Эта свадебная церемония не имела никакого значения — всего лишь трюк, чтобы обмануть тебя и уговорить стать Часовым.

— Лет на шестьдесят, не правда ли, пока я на самом деле не сойду с ума, и не зазвоню в колокол? Когда я предамся такому отчаянию, что мне будет все равно, что со мною сделают?

— Но это не моих рук дело! Я виновата только в невинной шутке. Но что станет с Булем? Никто на наблюдает, и заклинание потеряло силу!

— Тем хуже для бессовестных жителей Буля! Они потеряли свои сокровища, свою самую прекрасную девушку, и когда наступит день, Магнац придет к ним.

Марлинка испуганно вскрикнула, но крик ее утонул в густом тумане.

— Никогда не произноси этого проклятого имени!

— А почему? Я буду кричать его так, чтобы оно разнеслось по всему озеру и еще дальше! Я сообщу Магнацу, что заклинание больше не действует, и он может прийти и отомстить!

— Нет, нет, не надо!

— Тогда ты должна вести себя со мной так, как я ожидаю от тебя.

Плача, девушка повиновалась ему. Наконец красный свет зари проник сквозь туман. Кугель поднялся в лодке, но ориентиры на земле еще не были видны, скрытые густым туманом.

Прошел еще один час, и взошло солнце.

Жители Буля, уже, должно быть, обнаружили, что их Часовой исчез, а вместе с ним и часть их сокровищ. Кугель усмехнулся, а ветер в это время начал потихоньку разгонять туман, открывая те ориентиры на земле, которые он наметил себе, наблюдая с купола. Он пошел на нос лодки, и дернул за веревку якоря, но, к его раздражению, якорь крепко зацепился за что-то.

Он принялся тянуть веревку в разные стороны, напрягая все силы, и, наконец, она немного поддалась. Кугель дернул, снизу стали подниматься многочисленные пузыри.

— Водоворот! — вскричала Марлинка в ужасе.

— Нет здесь никакого водоворота, — пыхтя ответил Кугель и дернул еще раз.

Казалось, веревка ослабла, и Кугель принялся вытягивать ее наверх. Поглядев через борт лодки, он неожиданно увидел перед собой огромное белое лицо. Якорь застрял в ноздре неведомого существа. Пока Кугель ошарашенно смотрел, веки существа дрогнули и глаза открылись.

Кугель выкинул веревку вместе с якорем, кинулся к веслам и изо всех сил принялся грести к южному берегу.

Рука величиной с дом высунулась из воды, хватая воздух. Марлинка громко завизжала. Воды озера заволновались, огромная волна кинула лодку к берегу, как щепку, и посередине озера Буль возник Магнац.

В деревне послышался звук предупреждающего колокола — неумолчный его гул.

Магнац встал на колени — вода и грязь потоками стекали с его огромного тела. Якорь, проткнувший ему ноздрю, все еще продолжал висеть на том же месте, и из раны лилась какая-то черная жидкость. Он поднял огромную руку и игриво ударил ею по лодке. Целое море пены окутало разбитую лодку, разорванный мешок, Марлинку и Кугеля, оказавшихся в воде.

Кугель колотил руками и ногами, пытаясь выплыть, и в результате все-таки вырвался на поверхность. Магнац поднялся на ноги и смотрел на Буль.

Кугель поплыл к южному берегу и с трудом выбрался на землю. Марлинки нигде не было видно, она утонула. Магнац медленно шел через озеро к деревне.

Кугель не стал ждать. Он повернулся и со всех ног бросился в горы.

Глава 4
ВОЛШЕБНИК ФАРЕЗМ

Горы остались позади: темные пропасти, трещины, каменные каньоны, в которых долго не смолкало эхо — все это сейчас высилось темной массой на севере. Некоторое время Кугель шел среди невысоких холмов, цветом и структурой напоминающих старое дерево, на них росло много черно-голубых деревьев, затем он вышел на едва заметную тропинку, которая сильно петляла, но вела на юг. В конце концов он оказался на огромной равнине. Примерно в полумиле справа от него высились горные хребты, немедленно привлекшие к себе его внимание и вызвавшие в нем какое-то странное нереальное и тоскливое чувство. Он удивленно уставился на

них. У него было такое ощущение, что когда-то в прошлом он знал эти горы, но когда, как — память его не давала ответа.

Он собрался было отдохнуть на небольшой каменной площадке, покрытой мягким мхом, но нетерпеливому Фриксу это не понравилось, и он поспешил вцепился Кугелю в печень. Застонав от усталости и боли, Кугель тут же вскочил на ноги, тряся кулаком в том направлении, где, как он предполагал, находился Элмери.

— Никоню! Никоню! Если я отплачу тебе хоть за одну десятую того, что мне пришлось перенести, весь мир ужаснется моей жестокости!

Кугель пошел вперед по тропинке, тянущейся вдоль гор, которые как будто уже когда-то видел. Далеко внизу расстилалась долина заполняя три четверти горизонта тем же цветом, что и покрытая мхом скала, на которой Кугель намеревался было отдохнуть, с черными пятнами лесов и прожилками серо-зеленого, фиолетового и темно-коричневого. Свинцовый блеск двух больших рек исчезал в туманном горизонте.

Короткий отдых Кугеля не облегчил его страданий — сильно болели ноги, он хромал, а болтающаяся сумка натерла ему бедро. Еще больше неприятностей доставлял голод, терзавший желудок. Еще одна подлость Никоню! Правда, Смеющийся Маг снабдил его амулетом, который превращал такие несъедобные субстанции, как трава, дерево, рог, волосы и тому подобное, в питательную пасту. Но к несчастью — в этом и заключался черный юмор Мага — эта паста напоминала по вкусу и запаху исходный продукт. Во время своего путешествия через горы Кугель не пробовал ничего, кроме мха, дубовых гнилых веток, перегнивших листьев, травы, а однажды, когда вокруг вообще ничего не было, и определенных отходов, которые обнаружил в пещере бородатого фавна. Ел Кугель машинально, его высокая худая фигура стала совсем тощей, щеки ввалились и скулы торчали, черные брови, которые когда-то так гордо изгибались, свалялись и обвисли. О, много за что придется держать ответ Никоню! И Кугель продолжал идти вперед, обдумывая, как он отомстит Смеющемуся Магу, если только когда-нибудь попадет обратно в Элмери.

Тропинка свернула вниз на широкое каменное плато, где ветер и время изваяли сотни гротескных фигур. Осматриваясь вокруг, Кугель уловил нечто похожее на закономерность в расположении каменных фигур и остановился, задумчиво потирая свой подбородок. Эта закономерность была настолько едва уловимой, что Кугель никак не мог решить, не плод ли это его воображения. Подойдя поближе, он увидел, что ка-

меные фигуры еще более сложны и причудливы, чем ему показалось вначале: нечеткие линии, шпили, неровные башенки, диски, седловины, искаженные сферы, иглы, треугольники, — исключительная по своей сложности резьба по камню — возможность которой даже трудно, если не невозможно, было себе представить. Кугель недоуменно нахмурился, не понимая, кому понадобилось создавать столь сложные формы и зачем.

Он продолжал идти вперед, и через некоторое время услышал голоса и лязганье инструментов. Он остановился, осторожно прислушался, потом опять двинулся вперед и вскоре подошел к группе в пятьдесят человек, самого разнообразного роста — от трех дюймов до двенадцати футов. Кугель шел мимо них весь напрягшись, но, едва взглянув в его сторону, рабочие тут же перестали обращать на него внимание, продолжая выбивать, вырезать, скрести и полировать камень своими инструментами.

Несколько минут Кугель молча наблюдал за ними, затем подошел к мастеру, который стоял в стороне у каменного столика и изучал планы, проверяя качество проведенной работы с помощью хитроумного оптического приспособления.

Казалось, он замечал все сразу, давая инструкции, отдавая приказания, говоря, как исправить какую-то ошибку, показывая, каким инструментом что надо сделать. Чтобы пояснять свои замечания, он пользовался удивительным указательным пальцем, который вытягивался вперед на тридцать футов, чтобы отметить определенную секцию скалы, набросать быструю диаграмму, а затем так же быстро втягивался обратно.

Мастер отошел на несколько шагов назад, по всей видимости временно удовлетворенный проделанной работой, и Кугель подошел к нему поближе.

— Что это за сложная работа, которую вы проделываете, и в чем ее смысл?

— Работа самая обычная, — ответил мастер, в голосе которого чувствовалась огромная преданность своему делу. — Из обычной скалы мы высекаем фигуры по велению волшебника Фарезма... Эй! Эй!

Этот крик был обращен к человеку, ростом фута на три выше Кугеля, который бил по камню заостренным инструментом.

— Ты слишком самоуверен! — Указательный палец вылетел вперед. — Будь очень осторожен в этом соединении, разве ты не видишь, как легко тут колется камень? Произведи здесь удар шестой интенсивности по вертикали, используя полужесткий захват. В этом месте — удар четвертой интен-

сивности крестообразно, а затем возьми резец и удали стружку в четверть силы!

Когда все опять принялись за работу согласно его инструкциям, он стал изучать лежащие перед ним планы, качая головой и с неудовольствием хмурясь.

— Слишком медленно! Эти ваятели работают так медленно, как будто их отравили, и проявляют просто животную тупость! Только вчера Дэдио Фессадил, вон тот с зеленым платком, использовал девятнадцатигорный замороженный прут, чтобы выточить пот маленького перевернутого карэфуля.

Кугель даже поперхнулся, в изумлении качая головой, потому что никогда в жизни не слышал еще такой белиберды. Потом он спросил:

— Так зачем же вы делаете столь сложные предметы и так тщательно обрабатываете эти скалы?

— Этого я сказать не могу, — ответил мастер. — Работа продолжается уже триста восемнадцать лет, но за это время Фарезм не объяснил нам зачем. Но все должно быть абсолютно точным, потому что он осматривает сделанное нами каждый день и мгновенно замечает любые самые маленькие ошибки.

Тут он отвернулся, чтобы проконсультировать человека, ростом по колено Кугелю, который высказывал свою неуверенность по поводу выполнения какого-то вольюта.

Мастер быстро разрешил проблему, а потом снова повернулся к Кугелю, на сей раз откровенно оглядывая его с ног до головы.

— Ты кажешься мне одновременно и умным, и ловким, не хочешь ли ты тоже наняться к нам? У нас не хватает нескольких рабочих категорий полу-эль, или, если ты предпочитаешь более почетное название, мы можем тебе дать работу помощника Разбивателя камней шестнадцати элей. Твое положение, правда, будет в обоих случаях одинаковым, и ты сможешь быстро продвигаться вперед. Как ты видишь, у меня самого четыре эля. Я добился положения Разбивателя камней за один год, Изготовителя форм за три, помощника Шада за десять, и сейчас работаю Главным Шадом вот уже в течение девятнадцати лет. Категория моего предшественника была всего два эля, зато Главный Шад до него был человеком десяти элей.

Он продолжал перечислять все, что дает эта работа: питание, свой дом, наркотики по выбору, возможность пользования нимфарием, оплату, которая вначале была десять терций в день, и различные другие преимущества, включая услуги, который Фарезм оказывал им как волшебник.

— Кроме того, у Фарезма есть университет, где каждый

может пополнить свои знания. Сам я записан на несколько курсов: Определение насекомых, Геральдика королей Старого Гомаза, Пение в унисон, Практическая каталепсия и Ортодоксальная доктрина. Нигде ты не найдешь господина более мудрого, чем Фарезм Волшебник.

Кугель сдержал улыбку, видя энтузиазм Главного Шада. Тем не менее в желудке у него урчало от голода и он не стал отказываться от предложения сразу.

— До сих пор мне как-то не приходилось задумываться о подобной карьере, — сказал он. — Ты рассказал мне о таких ее преимуществах, каких я даже и представить себе не мог.

— Верно, об этом мало кто знает.

— Но тем не менее я не могу немедленно ответить тебе — да или нет. Это очень важное решение, и я чувствую, что мне надо его всесторонне обдумать.

Главный Шад, соглашаясь, понимающе закивал головой.

— Мы поощряем осторожность в наших ваятелях, ведь каждый удар должен достичь желаемого эффекта. Чтобы поправить неточность даже шириной в ноготь, надо удалять весь каменный блок, ставить на его место новый, и тогда вся работа начинается сначала. И пока не будут достигнуты нужные результаты, нам не позволят пользоваться нимфарием. А, следовательно, мы не желаем, чтобы всякие там бездельники или люди импульсивные присоединялись к нашей группе.

Фрикс, внезапно сообразив, что Кугель намеревается задержаться здесь, самым свирепым образом выразил все, что думает по этому поводу. Схватившись обеими руками за живот, Кугель отбежал в сторону и, пока Главный Шад с удивлением смотрел на него, горячо стал спорить с Фриксом.

— Как могу я продолжить свой путь без пищи?

Вместо ответа Фрикс впился в него своими колючками.

— Невозможно! — воскликнул Кугель. — Амулет Никоню удовлетворяет потребность в пище теоретически, но мой желудок больше не в состоянии переваривать мох. Не забудь, если я свалюсь замертво, то ты никогда больше не увидишь своего товарища у Никоню!

Фрикс проникся справедливостью этого высказывания и неохотно успокоился. Кугель вернулся к каменному столу. Мастер, Главный Шад, нашел какой-то очередной недочет в сложнейшем каменном узоре. В конце концов Кугелю удалось привлечь его внимание.

— Пока я обдумываю твое предложение насчет работы, которая хотя и имеет множество преимуществ, но занимает слишком много времени, мне необходима будет постель, где я мог бы отдохнуть. Мне также хочется испытать, верно ли все, что ты говоришь, возможно, в течение двух-трех дней.

— Твоя осторожность мне нравится, — заявил Главный Шад. — Сейчас люди кидаются на любое предложение не задумываясь о последствиях. Во времена моей молодости было не так — мы были люди серьезные и осторожные. Я предоставлю тебе возможность попасть в наш лагерь, где ты можешь испытать все, о чем я тебе говорил. Ты увидишь, что Фарезм строг, но справедлив, и только тот, кто бьет по скале, не думая ни о чем, может пожаловаться на него. Но смотри! Вот идет сам Волшебник Фарезм, совершая свой ежедневный обход!

По тропинке шел человек с гордой осанкой, одетый в сверкающий белый плащ. Его походка была бесподобной, желтые волосы похожи на вечернюю зорьку, глаза обращены вверх, как бы в единении с каким-то сверхъестественным существом. Руки его были сложены на груди, и шел он, не переставляя ног. Рабочие, как один, скинули с голов шапочки и низко поклонились, поздоровавшись нараспев, на что Фарезм ответил легким поклоном. Увидев Кугеля, он остановился, быстро осмотрел все, что было сделано за день, затем не спеша направился к каменному столику.

— Все более или менее точно, — сказал он Главному Шаду. — Насколько я вижу, полировка внутренней стороны Эпи-проекции 56-16 недостаточно гладкая, и я различаю бороздку на втором зубчике девятнадцатого шпиля. Ни одна из этих ошибок не кажется мне особо важной, и поэтому я не настаиваю на дисциплинарных взысканиях.

— Недоделки будут устранены, а небрежные ваятели наказаны — это по меньшей мере! — воскликнул Главный Шад в страстном порыве. — А теперь я хочу представить человека, который, возможно, примет участие в нашей работе. Он говорит, что не имеет опыта и просит время, чтобы подумать, прежде чем присоединиться к нашей группе. Если он решится, я хочу назначить его на обычный период времени Сборщиком гравия, прежде чем ему можно будет доверить заточку инструментов и предварительные раскопки.

— Да, это будет согласно нашим правилам. Однако... — Фарезм без всякого усилия заскользил вперед, взял левую руку Кугеля и быстро осмотрел его ногти. — Я вижу противоречия четырех сортов.

Тут выражение его лица стало сосредоточенным.

— Тем не менее мне ясно, что тебе лучше заниматься чем-то иным, а не ваянием камня. Я советую искать в другом месте более подходящую для тебя работу.

— Великолепно сказано! — воскликнул Главный Шад. — Волшебник Фарезм демонстрирует никогда не изменяющий ему альтруизм! Чтобы, не дай Бог, мне не ошибиться, я со-

ответственно снимаю свое предложение об устройстве на работу! Так как теперь уже нет повода для того, чтобы полежать на постели или проверить справедливость моих слов относительно того, что имеет здесь рабочий, ты можешь не тратить времени идти своей дорогой.

Кугель скорчил кислую мину.

— Такой недолгий осмотр может дать ошибочные результаты.

Главный Шад вытянул свой палец на тридцать футов в небо в яростном негодовании, но Фарезм лишь бесстрастно кивнул головой.

— Это абсолютно справедливо, и я с радостью осмотрю тебя как следует, хотя процесс этот требует от шести до восьми часов.

— Так долго? — в изумлении спросил Кугель.

— Это самое меньшее. Сначала тебя следует погрузить с головой во внутренности только что убитых сов, затем выкупать в теплой ванне, содержащей разные тайные органические вещества. Мне придется, конечно, отрезать мизинец твоей левой ноги и значительно расширить твой нос, чтобы туда смогла проникнуть пчела-исследовательница, которая сможет изучить каналы, ведущие внутрь твоей сенсорной системы. Но давай проследуем ко мне, чтобы начать этот процесс не теряя времени.

Кугель дернул себя за подбородок. В конце концов, поразмыслив, он сказал:

— Я — осторожный человек и должен подумать, имеет ли мне смысл устраивать такой осмотр, а, следовательно, мне потребуется несколько дней спокойной обстановки, чтобы я мог решиться на что-то. Твой лагерь и примыкающий к нему нимфарий кажутся мне вполне подходящими для этой цели, так что...

Фарезм снисходительно покачал головой:

— Осторожность, как и всякую другую добродетель, не следует доводить до крайности. Осмотр должен начаться немедленно.

Кугель попытался было спорить дальше, но Фарезм был непреклонен и вскоре просто поплыл обратно по тропинке.

Огорченный Кугель отошел в сторону, обдумывая сначала одну возможность, потом другую. Но ничего путного в голову ему не приходило. Солнце приближалось к зениту, и рабочие начали переговариваться друг с другом по поводу того, чем их сегодня будут кормить. Наконец Главный Шад подал знак, все отложили свои инструменты в сторону и собрались вокруг тележки, на которой стояла пища.

Кугель довольно громко намекнул, что, если его пригла-

сят, он не откажется разделить с ними трапезу, но Главный Шад ничего не хотел слушать.

— Во всем, что делает Фарезм, должен царить полный порядок. Нечего и думать о том, что пища, предназначенная для пятидесяти трех человек, будет съедена пятьюдесятью четырьмя.

Кугель не нашелся, что сказать в ответ, и сидел в молчании, пока рабочие-ваятели поглощали мясные пироги, сыр и соленую рыбу.

Никто не обращал на него ни малейшего внимания, кроме одного рабочего категории в четверть эля, чья щедрость значительно превышала его положение в этой группе и который предложил Кугелю отведать часть того, что ему дали. Кугель ответил, что он вовсе не голоден, и встав на ноги, принялся ходить среди камней в надежде, что кто-нибудь оставил там свой завтрак.

Он смотрел в самых разных местах, но, видимо, рабочие съели все до крошки. Все с тем же бурчанием в животе и пустым желудком Кугель добрался до центра постройки, где на каменном диске, сделанном ваятелями, он увидел какое-то необычное распростертое существо, похожее на желатиновый шар, в котором переливались и фосфорисцировали какие-то частицы и из тела которого выходили какие-то прозрачные трубки или щупальца. Кугель наклонился, чтобы обследовать это существо, которое пульсировало, точно подчиняясь медленному внутреннему ритму. Интересно — какое уникальное создание!

Он ткнул пальцем, и в месте контакта возникли яркие маленькие искорки. Еще интереснее!

Вынув из своей одежды булавку, Кугель осторожно ткнул ею в щупальце, из которого вырвался яркий сноп света, в то время как в самом шаре заплясали золотые искорки.

Заинтригованный более, чем когда-либо, Кугель пододвинулся поближе и принялся экспериментировать, тыкая пальцем и коля булавкой то там, то здесь, наблюдая за вспыхивающими искорками и огоньками с большим изумлением.

Новая мысль пришла в голову Кугелю. Это существо напоминало ему какого-то морского зверя и по внешнему виду, и по своему поведению. Может, это был какой-то моллюск без раковины? И, что было куда более важно, было ли это существо съедобным?

Кугель взял свой амулет и приложил его по очереди сначала к центральному шару, потом к каждому из щупалец. Он не услышал никакого звяканья — существом этим нельзя было отравиться. Тогда он вытащил нож и попробовал отрезать одно из щупалец, у него ничего не получилось: оно ока-

залось тугим, как резина. Неподалеку стояла жаровня, в которой не гас огонь, так как она служила для нагрева инструментов перед их последующей заточкой. Он поднял существо за два щупальца, поднес его к жаровне и пристроил над огнем.

Кугель тщательно поджарил существо, и когда решил, что оно готово, попытался его съесть. После нескольких неудачных попыток откусить хоть кусочек, он просто запихал существо целиком себе в рот и проглотил его. Вкуса он никакого не ощутил, но, по крайней мере, желудок его перестал бурчать так бешено, как раньше.

Ваятели возвращались к своей работе. Бросив на мастера многозначительный взгляд, Кугель отправился по тропинке в дальнейший путь.

Неподалеку находился дом волшебника Фарезма: низкое длинное здание из расплавленного камня, окруженное восемью странной формы куполами из меди, слюды и ярко-голубого стекла. Сам Фарезм лениво сидел перед своим домом, оглядывая долину со спокойной и задумчивой величавостью. При виде Кугеля он приветливо поднял руку.

— Я желаю тебе приятного путешествия и успехов во всех твоих будущих начинаниях!

— Я, естественно, очень ценю твое участие, — с некоторой горечью ответил Кугель. — Однако ты мог бы сделать для меня куда больше, просто разрешив разделить с рабочими их дневную трапезу.

Величавое спокойствие Фарезма не изменило ему и на этот раз.

— Это было бы актом ошибочного альтруизма. Слишком большая щедрость развращает просящего и притупляет его способности.

Кугель с горечью рассмеялся:

— Я — человек железных принципов, и я не жалуюсь, хотя, не имея ничего лучшего, я был вынужден проглотить не разжевывая огромное прозрачное существо, которое я нашел в самой середине твоей постройки.

Фарезм повернулся к нему, и на лице волшебника внезапно появилось сосредоточенное выражение.

— Ты говоришь — большое прозрачное существо?

— Может быть, моллюск — кто знает? Оно не напоминало мне ни одно из существ, которые я когда-либо видел, а вкус его, даже после того, как я самым тщательным образом поджарил его на жаровне, был неразличим.

Фарезм проплыл семь футов по воздуху для того, чтобы пристально посмотреть на Кугеля. Он заговорил низким хриплым голосом:

— Опиши мне это существо как можно подробнее!

Удивляясь неожиданной строгости Фарезма, Кугель повиновался.

— Оно было примерно такого размера. — Тут он сделал в воздухе движение руками. — Оно было из желатина и прозрачное, с бесчисленными золотыми искорками, перемещающимися внутри. Эти искорки все время мигали и пульсировали, когда существо раздражалось. Щупальца росли из самых разных мест, и скорее казалось, что они не выходили из существа наружу, а наоборот, входили в него снаружи. Ни разрезать, ни разжевать его было невозможно, так что пришлось проглотить его целиком.

Фарезм схватился за голову, дергая себя за желтые пряди волос. Он воздел глаза к небу и трагически закричал:

— Ах! В течение пятисот лет я мечтал привлечь к себе это существо, отчаиваясь, сомневаясь, мечтая по ночам, и все-таки не оставляя надежды, что мои расчеты окажутся верными, а мой талисман — действенным. Затем, когда оно, наконец, появилось, ты накидываешься на него только с одной целью набить свое ненасытное брюхо!

Кугель, немного испуганный гневом Фарезма, начал уверять его в том, что не имел никаких дурных намерений. Фарезм не желал ничего слушать. Он указал на то, что Кугель нарушил границы чужих владений, а, следовательно, вообще не имеет права говорить о своей невиновности.

— Твое существование уже является оскорблением, не говоря уж о том, что зачем-то ты сообщил мне это неприятное известие. Милосердие заставило меня не убивать тебя на месте, что сейчас я почитаю за свою величайшую ошибку.

— В таком случае, — оскорбленно ответил Кугель, — я немедленно уйду, чтобы не досаждать тебе своим присутствием. Я желаю тебе всего самого хорошего, и чтобы день твой закончился удачей, а засим — до свидания!

— Не спеши, — сказал Фарезм самым ледяным тоном, который Кугелю приходилось когда-либо слышать. — Закон точности был нарушен, свершенная несправедливость требует принятия контрмер, чтобы сохранить Закон Эквиравновесия. Я могу объяснить тебе весь ужас твоего поступка следующим образом: если бы в эту секунду я разорвал твое тело на самые мельчайшие кусочки, то я компенсировал бы только одну десятимиллионную часть того преступления, которое ты совершил. Следовательно, требуется нечто куда более серьезное.

Кугель ответил в полной растерянности:

— Я вполне понимаю, что был совершен проступок, который имеет большое значение, но не забывай, что мое участие в этом деле не было преднамеренным. Я категорически

заявляю, во-первых, об абсолютной своей невиновности, во-вторых, о полном отсутствии каких-либо преступных замыслов, в-третьих, приношу свои самые глубокие извинения. А сейчас, так как передо мной еще очень дальняя дорога, я...

Фарезм презрительно взмахнул рукой.

— Ты не понимаешь всей глубины несчастья и горя, которое ты мне причинил. Я объясню, чтобы ты не удивлялся тому суровому наказанию, которое тебя ожидает. Как я уже пытался объяснить тебе, прибытие этого существа было результатом колоссальных трудов. Я определил его природу, изучив сорок две тысячи томов, каждый из которых был написан на своем тайном языке. Это отняло у меня сто лет. Следующие сто лет я провел, разрабатывая схему, которая смогла бы привлечь его, и сделал все необходимые приготовления. Потом я собрал ваятелей, и вот уже триста лет они выполняют конструкцию по моей схеме. Так же, как и субсуммы, вариации и интерконгеляции создают суперапулляцию всех площадей с интервалами в кристорроидных аурелях, в результате возбуждая потенциацию проубетального пхута. Сегодня произошла конкатенация: существо, как ты его называешь, перволировало, и в своей идиотской жадности ты его сожрал.

Кугель, совершенно обалдевший, смог лишь промямлить, что идиотская жадность, о которой говорил разгневанным голосом волшебник, была всего-навсего обычным голодом.

— Да и в конце концов, что такого необыкновенного было в этом существе? Таких же уродов можно отыскать в сетях любого рыбака.

Фарезм вытянулся во весь рост, глядя на Кугеля сверкающими от гнева глазами.

— Существо, — сказал он, скрипя зубами, — это *суама*. Центральный шар — это весь космос нашей Вселенной. Трубки — ответвления в различные эпохи, и какие ужасные последствия возникли в результате твоих тыканий и уколов, жарения и жевания — невозможно даже себе представить!

— А как насчет пищеварения? — вкрадчиво спросил Кугель. — Сохранят ли свою первоначальную сущность различные компоненты пространства, времени и существования после того, как пройдут по моему желудочному тракту?

— Чушь! Неумение правильно мыслить! Достаточно сказать, что ты нанес колоссальный вред и вызвал перенапряжение пространственно-онтологической ткани. А, следовательно, от тебя безоговорочно требуется, чтобы ты восстановил равновесие.

Кугель поднял вверх обе руки.

— А может такое случиться, что все это ошибка? Может

быть, существо было всего лишь какой-нибудь псевдо-суммой? Или, может быть, окажется возможным еще раз вызвать его?

— Первые два твоих предположения не выдерживают критики. Что же касается последнего, то должен признаться, в голове моей уже зародилось несколько отчаянных планов.

Фарезм сделал знак рукой, и Кугель почувствовал, что ноги его приросли к земле.

— Я должен немедленно отправиться к себе и выяснить значение этих ужасных событий во всей полноте. Когда все будет готово, я вернусь.

— А к этому времени я совсем ослабею от голода, — с сожалением заявил Кугель. — Если бы с самого начала у меня был кусок хлеба с сыром, то не произошли бы все эти страшные события, о которых ты мне здесь говорил.

— Молчать! — прогремел Фарезм. — Не забывай, что ты еще будешь наказан, и это верх наглости требовать что-то у человека, которому и так требуются все силы, чтобы хотя бы внешне оставаться спокойным!

— Разреши мне сказать только одно, — ответил Кугель. — Если ты вернешься и увидишь, что я уже умер от голода, тебе придется потратить много времени на то, чтобы придумать мне какое бы то ни было наказание.

— Возвращение человеку жизненных сил — не такая уж сложная задача, — ответил Фарезм. — В твое наказание вполне могут войти смерти от самых разнообразных причин.

Он пошел по направлению к одной из башен, потом повернулся и нетерпеливо махнул рукой:

— Пойдем! Мне легче накормить тебя, чем возвращаться за тобой на дорогу.

Кугель почувствовал, что ноги его освободились, и последовал за Фарезмом сквозь широкую арку входа. В большой комнате с резными серыми стенами, освещенной трехрожковой люстрой, Кугель накинулся на пищу, которая появилась по знаку Фарезма. В это время сам Фарезм скрылся в своем кабинете. Шло время, Кугель становился все беспокойнее и уже три раза подходил к арке двери. Каждый раз его останавливали: сначала вурдалак, взявшийся невесть откуда и так же неожиданно исчезнувший, потом сильнейшая энергетическая вспышка, и наконец целая стая зловеще жужжащих ос с непомерно длинными жалами.

Расстроенный Кугель подошел к скамейке и уселся на нее, положив свои длинные руки на колени и подперев ими подбородок.

Через некоторое время появился Фарезм. Белый плащ его был сильно помят, красивые желтые волосы спутаны. Кугель медленно поднялся на ноги.

— Я выяснил, где сейчас находится *сумма*, — сказал Фарезм голосом, который звучал как удары большого колокола. — В недоумении высвободившись из твоего желудка, она отправилась на миллион лет в прошлое.

Кугель торжественно качнул головой.

— Позволь мне выразить тебе самые глубокие соболезнования и прими мой следующий совет: никогда не отчаивайся! Возможно, существо решит пройти этим путем еще раз.

— Прекрати свою болтовню! *Сумма* должна быть спасена. Пойдем!

Кугель неохотно последовал за Фарезмом в небольшую комнатку, обитую белым шелком, с потолком из голубого и оранжевого стекла. Фарезм указал на черный диск, находящийся в центре комнатки.

— Встань сюда!

Кугель угрюмо повиновался.

— В определенном смысле я чувствую, что...

— Молчать!

Фарезм сделал шаг вперед.

— Посмотри на этот предмет.

Он вытянул в руке шар из слоновой кости размером в два кулака, но с очень искусной резьбой.

— Вот здесь ты видишь схему, по которой ведутся работы. Она выражает символическое значение *ничто*, с которым *сумма* не может не соединиться согласно Второму Закону Криптороидальных Бесконечностей Кратинджа, о котором ты, может быть, слышал.

— Но не в подробностях, — сказал Кугель. — Скажи, а что ты намериваешься сделать?

Рот Фарезма исказила холодная усмешка.

— Я собираюсь применить одно из самых сложных заклинаний когда-либо существовавших на свете: заклинание, настолько жестокое, тонкое и ко-активное, что Фандзал, Старший Волшебник Гранд Мотхлама, запретил его использование. Если мне удастся контролировать те силы, которые возникнут при использовании этого заклинания, ты будешь отброшен на миллион лет в прошлое. Там ты и останешься, пока не исполнишь своей миссии, а затем можешь вернуться.

Кугель быстро сошел с черного диска.

— Я вовсе не тот человек, который годился бы для такой миссии, какой бы важной она ни была. Я настойчиво прошу тебя использовать кого-нибудь другого!

Фарезм не обратил на него никакого внимания.

— Миссия твоя заключается в том, чтобы соединить этот символ с *суммой*.

Он сделал движение рукой и вынул из воздуха маленький комок каких-то переплетенных волокон.

— Чтобы облегчить тебе задачу, я даю тебе этот инструмент, который соотносит любые звуки с возможным их значением.

Он сунул волокна Кугелю в ухо, где они немедленно удобно разместились.

— Теперь, — сказал Фарезм, — тебе надо послушать любой неизвестный тебе язык не более трех минут, и ты уже сможешь свободно разговаривать на нем. А вот тебе еще один предмет, чтобы было больше шансов на успех: это кольцо. Обрати внимание на его драгоценный камень: если ты приблизишься на лигу к СУММЕ, мигающие огоньки камня будут направлять тебя по верному пути. Тебе все ясно?

Кугель нехотя кивнул головой.

— Я хочу задать только один вопрос. Допустим, в твои вычисления вкралась ошибка, и эта СУММА вернулась всего лишь на девятьсот тысяч лет в прошлое: что тогда? Должен ли я прожить всю свою жизнь в этой варварской эпохе?

Фарезм недовольно нахмурился.

— Такая ситуация говорила бы об ошибке в десять процентов. Моя система расчета редко допускает отклонение более чем в один процент.

Кугель начал было высчитывать, сколько это будет, но Фарезм уже сделал рукой знак, указывающий ему на черный диск.

— Назад! И не смей больше двигаться оттуда, иначе тебе придется горько об этом пожалеть!

Взмокший от пота, с дрожащими коленями, на ватных ногах Кугель вернулся на место.

Фарезм отступил в дальний конец комнаты и встал там на моток золотой проволоки, которая мгновенно по спирали стала опутывать все его тело. Из стола он вынул четыре черных диска, которыми принялся жонглировать с такой фантастической быстротой, что они сливались в глазах Кугеля. Потом Фарезм швырнул диски в сторону, и они сначала повисли в воздухе, а потом начали медленно приближаться к Кугелю.

Фарезм взял белую трубку, плотно прижал ее к губам и произнес заклинание. Трубка вспухла и превратилась в огромный шар. Фарезм заткнул тот конец, который держал у губ, и, громовым голосом прокричав заклинание, швырнул шар в приближающиеся к Кугелю диски. И тогда произошел взрыв.

Кугель был окружен, схвачен, его дергало во всех направ-

лениях сразу и с одинаковой силой — наконец, его с силой швырнуло в неизвестном направлении. Кугель потерял сознание.

Кугель очнулся от оранжево-золотого солнечного света, такого яркого, какого никогда не видел раньше. Он лежал на спине, глядя в теплое голубое небо, куда более нежное и светлое, чем небо цвета индиго его далекой родины.

Он пошевелил руками и ногами и, убедившись, что все в порядке, сначала уселся, а затем медленно поднялся на ноги, моргая от непривычно яркого света.

Топография местности почти не изменилась. Горы к северу были выше и казались более крутыми. Кугель не смог найти ту дорогу, по которой он пришел (или, если быть точным, ту дорогу, по которой ему предстояло прийти). Каменное плато, на котором осуществлялся проект Фарезма, было покрыто лесом невысоких деревьев, на которых висели гроздья красных ягод. Долина была такой же, как и прежде, хотя реки текли несколько в другом направлении и на различном расстоянии были видны три города. Ветерок, дующий с долины, приносил какой-то странный запах прелой земли, воздух казался хрупким и прозрачным, и Кугелю почудилось, что в нем чувствуется что-то тоскливое, ему даже показалось, что он слышит музыку — простую незатейливую мелодию, но такую печальную, что слезы наворачивались на глаза. Он огляделся, пытаясь понять, откуда звучит эта музыка, но она пропала в ту же секунду, так же быстро, как и появилась, и вновь зазвучала только тогда, когда он опять перестал прислушиваться.

В первый раз Кугель поглядел на скалы, которые возвышались на западе, и то самое чувство, что когда-то он уже был там, возникло в нем с новой силой, даже сильнее, чем прежде. Кугель удивленно поскреб подбородок. Сейчас он видел эти горы на миллион лет раньше, чем в последней раз, а, следовательно, он должен был сейчас видеть их впервые. Но и теперь ему казалось, что он видит их во второй раз, потому что он прекрасно помнил, как располагались эти горы. С другой стороны, логика времени неизменна, а следовательно, то, что он видел теперь, должно было предшествовать тому, что он видел в свое время. «Парадокс, — подумал Кугель, — самая настоящая загадка!» Что именно могло вызвать в нем такое острое чувство узнавания при виде этих гор в обоих случаях?

Так как все равно выгоды в этих размышлениях никакой не было, Кугель решил выбросить все из головы и совсем было начал поворачиваться в другую сторону, когда какое-то движение привлекло его внимание.

Он вновь посмотрел в направлении гор, и на этот раз в воздухе внезапно громко зазвучала та самая музыка, которую он слышал раньше, музыка грустная, печальная, выражающая безысходное отчаяние. Кугель удивленно застыл на месте. Большое крылатое существо в белых одеждах летело вдоль склона горы.

Крылья были большие, покрытые серой перепонкой, стянутые черными хитиновыми полосами. Кугель в недоумении смотрел, как существо влетело в пещеру, находящуюся почти на самой вершине горы.

Потом зазвучал гонг — причем Кугелю удалось определить, откуда именно. Звон долго держался в воздухе, и когда затих, опять зазвучала едва слышная музыка. Высоко над долиной летело еще одно из крылатых существ, неся в лапах какого-то человека, возраст и пол которого Кугелю не удалось определить. Оно повисло над горой и выронило свою ношу. Кугелю показалось, что он слышит слабый крик, и музыка опять стала печальной, торжественной, сонной.

Тело, казалось, медленно падало с большой высоты и наконец ударилось о землю у самого подножия горы. Крылатое существо, после того как бросило тело вниз, слетело на высокий выступ, где сложило крылья и встало, как человек, глядя на долину.

Кугель весь сжался и спрятался за большим камнем. Заметили ли его? Он не был уверен. Он глубоко вздохнул. Этот печальный золотой мир прошлого пришелся ему не по душе, чем скорее ему удастся уйти отсюда, тем лучше. Он посмотрел на кольцо, которое дал ему Фарезм, но камень был тускл, как стекло, и в нем не было никаких огоньков, которые могли бы привести его к *сумме*. Все было так, как Кугель опасался. Фарезм ошибся в своих расчетах, и теперь Кугелю уже никогда не удастся вернуться в свое время.

Звук хлопающих крыльев заставил его посмотреть в небо. Он сжался как можно больше, стараясь как можно лучше спрятаться за камнем. Печальная музыка зазвучала громче, когда при свете заходящего солнца еще одно крылатое существо повисло над горой и сбросило вниз свою жертву. Затем, громко хлопая крыльями, оно опустилось на выступ скалы и скрылось в пещере.

Кугель поднялся на ноги и, пригибаясь, побежал по тропинке сквозь сгущающиеся сумерки.

Постепенно тропинка привела его к большой группе растущих деревьев, и тут Кугель остановился, чтобы перевести дух, после чего продолжал идти вперед уже медленнее. Теперь он шел уже по возделанной земле и скоро увидел перед собой избушку. Кугель совсем было решил остановиться здесь

на ночь, но ему показалось, что кто-то наблюдает за ним из-за приоткрытой двери, и он прошел мимо, не останавливаясь.

Тропинка вела в сторону от гор, вниз, и как раз перед тем, как сумерки сменились ночью, Кугель набрел на деревню, стоящую на берегу пруда.

Он приблизился к ней с осторожностью, но ободрился, увидев, в какой чистоте и порядке она содержится. В парке рядом с прудом стоял павильон, вероятно, предназначенный для танцев, музыки и представлений. Парк окружали маленькие узкие дома с высокими фронтонами, на которых были украшения в виде декоративных фестонов. Напротив пруда находилось большое нарядное здание с причудливо украшенными стенами. Три высоких фронтона служили этому зданию крышей, центральный конек поддерживал красивую резную панель, в то время как на остальных коньках горел ряд маленьких сферических голубых лампочек. Перед домом, на открытом пространстве, защищенном навесом, стояли скамейки и столы, и все это было освещено красными и зелеными лампочками. Здесь сидели и отдыхали люди, втягивая в себя какой-то дым, наслаждаясь вином, в то время как юноши и девушки исполняли эксцентричный танец, дрыгая ногами и руками под музыку волынок и концертино.

Успокоенный этой мирной сценой, Кугель приблизился. С таким типом внешности, как у этих деревенских жителей, ему еще не приходилось сталкиваться: это были не особо представительные люди с большими головами и длинными беспокойными руками. Кожа у них была глубокого оранжевого цвета, их глаза и зубы были черными, так же как и волосы, причем у мужчин они были заплетены прядями, в каждой из которых сверкали голубые шарики, а у женщин точно такие же пряди наматывались вокруг белых колец и палочек, образовывая какие-то совершенно немыслимые и сложные прически. У людей были тяжелые лица с большими челюстями и широкими скулами, большие чуть роскосые глаза были приподняты в уголках, придавая лицам печальное выражение. Носы у них были длинными, а уши большими, и все время двигались, придавая лицам определенную живость. На мужчинах были надеты пышные широкие шальвары, коричневые куртки. Их головные уборы состояли из широкого черного диска, черного цилиндра, еще одного диска меньшего размера, все это скреплялось сзади золоченым полукругом. На женщинах были черные брюки, коричневые жакеты, в самом низу живота у них прикреплялся эмалированный диск, а на каждой ягодице был небольшой хвост из зеленых и красных перьев — возможно, это обозначало замужем данная женщина или нет.

Кугель вышел на свет лампочек, и мгновенно всякие разговоры прекратились. Носы замерли в неподвижности, глаза смотрели, не отрываясь, уши двигались, словно выражая сильнейшее любопытство. Кугель улыбнулся налево и направо, помахал руками, как бы приветствуя всех сразу, и уселся за пустой столик.

За отдельными столиками раздались изумленные восклицания, слишком тихие для того, чтобы достичь слуха Кугеля. В конце концов один из пожилых людей поднялся и, приблизившись к столику Кугеля, произнес какую-то фразу, которая прозвучала для Кугеля как полнейшая абракадабра, потому что приспособление Фарезма еще не успело собрать достаточно информации о здешнем языке.

Кугель вежливо улыбнулся и широко развел руками — показывая универсальным жестом свою полную беспомощность. Пожилой человек заговорил опять, тоном куда более резким, и опять Кугель дал понять, что он совершенно не имеет представления, о чем идет речь. Уши пожилого человека выразили его недовольство сердитым подергиванием, и он отвернулся. Кугель дал знак хозяину, указывая жестом на хлеб и вино, стоявшие на ближайшем столике, и выразил желание — жестами — чтобы и ему принесли то же самое.

Хозяин произнес фразу, которую, несмотря на то, что она оставалась для него пока что все той же абракадаброй, Кугель прекрасно понял. Он вытащил золотую монету, и удовлетворенный хозяин пошел выполнять его заказ.

Беседа за ближайшими столиками возобновилась, и вскоре Кугель стал что-то понимать. Поев и выпив вина, он поднялся на ноги и подошел к столику, за которым сидел пожилой человек, который пытался заговорить с ним.

— Разрешите мне присоединиться к вам?

— Естественно, если ты этого желаешь. Садись.

Пожилой человек указал ему рукой на скамью.

— Из твоего поведения я решил, что ты не только нем и глух, но еще и страдаешь идиотизмом. Теперь мне, по крайней мере, ясно, что ты слышишь и можешь разговаривать.

— Я также могу поручиться за то, что я человек нормальный, — сказал Кугель. — Как путешественник из очень далеких стран, абсолютно незнакомый с вашими обычаями, я решил, что лучше мне сначала молча и спокойно понаблюдать за всеми, чем с самого начала совершить какую-нибудь ошибку и нарушить ваши законы.

— Довольно оригинально, хотя и необычно, — заметил пожилой человек. — Тем не менее твое поведение не слишком отличается от ортодоксального. Могу я поинтересоваться, что привело тебя в Фарван?

Кугель посмотрел на свое кольцо: камень был тусклым и безжизненным. *Сумма* явно находилась в каком-нибудь другом месте.

— Моя родная страна, к сожалению, малокультурна, вот я и путешествую, чтобы посмотреть на обычаи и нравы более цивилизованных народов.

— Вот оно что!

Пожилой человек, казалось, некоторое время обдумывал это признание, потом одобрительно кивнул головой.

— Такую одежду и такое лицо, как у тебя, мне не приходилось видеть. Где же находится твоя родная страна?

— Она расположена в районах настолько отдаленных, — сказал Кугель, — что никогда до настоящей минуты я не знал о земле с названием Фарван.

От изумления уши пожилого человек прижались к черепу.

— Что? Фарван великолепный — и неизвестен? Великие города Импергос, Таруве, Раверджаанид — ты о них не слышал? А что же блестящий Семберо? Уж, конечно, слава Семберо достигла твоих ушей? Они изгнали звездных пиратов, они подняли из моря Землю Платформ, великолепие дворца Надары не поддается никакому описанию!

Кугель печально покачал головой.

— Даже слухи обо всем этом великолепии до меня не доходили.

Нос пожилого человека надменно дернулся, он счел Кугеля мошенником или жуликом, или просто человеком, который решил поиздеваться над ним.

— Все так, как я говорю, — коротко сказал он.

— Да нет, я не сомневаюсь в справедливости твоих слов, — ответил Кугель. — Наоборот, я честно признаюсь в своем невежестве. Но прошу тебя, расскажи мне как можно больше, потому что, может быть, я вынужден буду надолго задержаться здесь. Например, кто такие эти крылатые существа, которые живут на горе?

Пожилой человек указал на небо.

— Если бы ты обладал зрением титвита, ты мог бы разглядеть черную луну, которая вращается вокруг Земли и которую нельзя увидеть кроме тех случаев, когда она отбрасывает свою тень, заслоняя солнце. Крылатые существа — жители темного мира и их природа полностью так и остается неизвестной. Они служат Великому Богу Елисею следующим образом: когда мужчине или женщине приходит время умирать, крылатые существа узнают об этом по отчаянному сигналу, который посылает им дух умирающего. Тогда они спускаются, берут этого несчастного и относят его в свои пещеры, которые на самом деле являются волшебным входом в благословенную страну Виссом.

Кугель откинулся на спинку скамьи, высоко подняв вверх свои черные брови.

— Вот оно что! Понятно, — сказал он тоном, который пожилой человек нашел недостаточно искренним.

— Не может быть никакого сомнения в том, что факты именно таковы, как я тебе сказал. Ортодоксальные понятия выходят из этой аксиомы, и две системы поддерживают одна другую, а отсюда каждая из них подтверждена вдвойне.

Кугель, который слышал достаточно абракадабры от Фарезма, нахмурился, делая вид, что ему все понятно, и, стараясь ответить в тон, задал интересующий его вопрос:

— Несомненно, все именно так, как ты говоришь, но скажи: эти крылатые существа всегда правильно выбирают свою жертву?

Пожилой человек раздраженно постучал по столу.

— Доктрина безошибочна, потому что те, кого забирают крылатые существа, никогда не выживают, даже если с виду и кажется, что они пышат здоровьем. Естественно, что падение со скалы ведет к смерти, но в этом и заключается милость бога Елисея, который дает человеку возможность умереть быстро, а не от долгой мучительной болезни, как, например, от рака. Такая система очень выгодна. Крылатые существа выбирают только смертников, которых затем скидывают со скалы в благословенную землю Виссом. Нередко еретики утверждают обратное и оспаривают это утверждение — но я надеюсь, что ты разделяешь ортодоксальный образ мышления?

— Всем сердцем, — заверил его Кугель. — Твоя вера и знания просто покорили меня.

И он с жадностью выпил свой бокал вина. Он не успел еще поставить его на место, как в воздухе раздалась тихая музыка: бесконечно нежная и бесконечно грустная. Все сидящие мгновенно замолчали — хотя Кугель и не был уверен, что он слышал эту музыку на самом деле.

Пожилой человек чуть наклонился вперед и тоже отпил несколько глотков из своего бокала. Только тогда он посмотрел наверх.

— Крылатые существа пролетают над нами даже сейчас.

Кугель задумчиво потер подбородок.

— А как можно защититься от этих крылатых существ?

Вопрос был явно неуместен: пожилой человек уставился на него, сверкая глазами, при этом уши его сильно выдвинулись вперед.

— Если человек должен умереть, то крылатое существо появится, если же нет, то ему нечего бояться.

Кугель несколько раз решительно кивнул головой.

— Ты с абсолютной ясностью разрешил все мои сомнения. Завтра, так как ты и я — оба мы находимся в расцвете своих сил — пойдем прогуляемся вдоль холма, мимо той горы.

— Нет, — сказал пожилой человек, — и по следующей причине: атмосфера на такой высоте очень разряжена и можно вдохнуть какой-нибудь неизвестный газ, способный причинить вред здоровью.

— Я прекрасно тебя понял, — сказал Кугель. — Может быть, мы оставим эту тему разговора? Потому что сегодня мы живы и к тому же до некоторой степени скрыты виноградными лозами, украшающими эту площадку. Давай лучше есть, пить и смотреть, как веселится молодежь. Они танцуют с большой живостью.

Пожилой человек осушил свой бокал и поднялся на ноги.

— Ты можешь поступать как тебе будет угодно, что же касается меня, то наступил час, когда я должен предаться Ритуальному Унижению, так как это действие — неотъемлемая часть нашей веры.

— Я обязательно буду исполнять нечто подобное время от времени, — сказал Кугель. — А сейчас от души пожелаю тебе насладиться этим ритуалом.

Пожилой человек ушел, и Кугель был предоставлен самому себе. Спустя некоторое время молодые люди, которых влекло любопытство, подсели к нему за столик, и Кугель вновь объяснил свое присутствие здесь, хотя уже не так упирал на варварскую сущность его родной страны, потому что к группе присоединилось несколько девушек, и Кугель был возбужден экзотическим цветом их кожи и живостью их натур. Было выпито много вина, и Кугеля уговорили протанцевать местный эксцентричный танец, что он и исполнил, не подорвав своего авторитета и не ударив лицом в грязь.

Это позволило ему несколько ближе познакомиться с одной особо живой девушкой, которая сообщила ему, что ее зовут Займл Браз. По окончании танца она обняла его рукой за талию, проводила до столика и уселась к нему на колени. Такая фамильярность не вызвала ни малейшего неудовольствия у остальных молодых людей, и Кугель осмелел еще больше.

— Я еще не заказал себе комнату на ночь. Возможно, мне следует сделать это сейчас, пока еще не слишком поздно.

Девушка сделала знак хозяину гостиницы.

— Возможно, ты оставил комнату этому человеку со странным лицом?

— Конечно, я только жду, когда он посмотрит ее и одобрит мой выбор.

Он провел Кугеля в прекрасную комнату здесь же, на

первом этаже, в которой были кровать, ковер на полу, настольная лампа и комод. На одной из стен висел гобелен, вытканный в черных и пурпурных тонах, другой изображал очень уродливого ребенка, который, казалось, попал в ловушку или просто был заключен в стеклянный шар. Комната устроила Кугеля, он сказал об этом хозяину и вернулся на террасу, где весельчаки уже начали потихоньку расходиться.

Девушка Займл Браз еще оставалась за столиком и приветствовала возвращение Кугеля с такой теплотой, что он растерял остатки осторожности. Осушив еще один бокал вина, он наклонился и прошептал ей на ухо:

— Может быть, я слишком скор на руку, может быть, я только тешу свое тщеславие, может быть, я нарушаю обычаи вашей деревни, но скажи мне: есть какая-нибудь причина, по которой мы не сможем пойти с тобой вдвоем ко мне в комнату и там немного поразвлечься?

— Такой причины нет, — сказала девушка. — Я не замужем, а до этого времени могу вести себя так, как пожелаю, потому что таков наш обычай.

— Интересно, — сказал Кугель. — Как тебе удобнее: пойти сначала или придти уже потом, после меня?

— Мы пойдем вместе, в скрытности нет нужды.

Они вместе прошли в комнату и исполнили там несколько эротических упражнений, после чего Кугель свалился как подкошенный и уснул, потому что день ему выдался достаточно тяжелый.

Ночью он проснулся и увидел, что Займл Браз покинула его комнату — факт, которому он в сонном состоянии не придал особого значения, потому что тут же заснул еще крепче.

Его разбудил стук резко распахнутой двери. Он сел на своей кровати и увидел, что солнце еще не взошло и целая депутация во главе со вчерашним пожилым человеком смотрит на него с ужасом и отвращением.

Пожилой человек указал дрожащим пальцем сквозь полумрак:

— Ересь, вне всякого сомнения! — заявили в один голос остальные.

— Что еще можно было ожидать от чужестранца? — презрительно спросил пожилой человек.

— Смотрите! Даже сейчас он отказывается сделать священный знак!

— Я не знаю никакого священного знака! — вскричал Кугель. — Я не знаю никаких ваших ритуалов! Это не ересь, это просто невежество!

— Я не могу в это поверить, — ответил пожилой чело-

век. — Только прошлой ночью я описал тебе суть ортодоксальной веры. Я сразу понял, что ты еретик, а сейчас этот факт уже никто не сможет оспаривать. Посмотрите!

Тут он опять обратился к депутатам:

— Он спит, не покрывая головы, и без священной слюны на подбородке. Девушка Займл Браз доложила, что ни разу за время их любовных утех этот грубиян не упомянул имени Елисея, не воззвал к нему за одобрением!

— Печальное положение, — произнес чей-то меланхолический голос. — Ересь существует только из-за гноения Полушария Корректирования.

— Это неизлечимое и смертельное заболевание, — заметил еще один, не менее меланхолично.

— Верно! Увы, ах, как это верно! — вздохнул тот, кто стоял у самой двери. — Несчастный человек!

— Пойдем! — сказал ему пожилой человек. — Мы должны немедленно покончить с этим.

— Не беспокой себя понапрасну, — сказал Кугель. — Позволь мне одеться, я уйду из вашей деревни и никогда больше не вернусь в нее.

— Чтобы распространять свою отвратительную ересь в другом месте? Ни в коем случае!

И тут Кугеля схватили и голым поволокли из комнаты. Его провели через весь парк к павильону в самом центре. Несколько человек воздвигли нечто вроде клетки из деревянных столбов на платформе в павильоне, и в эту клетку швырнули Кугеля.

— Что вы делаете? — вскричал он. — Я никоим образом не желаю ни в чем участвовать!

На него никто не обратил ни малейшего внимания, и он стоял, глядя сквозь щели этой клетки на то, как деревенские жители запустили в воздух большой шар из зеленой бумаги, надутый горячим воздухом, внизу которого горели три лампочки.

Стала разгораться заря. Жители деревни после того, как все было устроено по их желанию, отошли в конец парка. Кугель попытался было выбраться из своей импровизированной клетки без верха, но столбы были настолько гладкими, что взобраться по ним наверх не представлялось возможным, так же, как и протиснуться сквозь промежутки между ними.

Небо посветлело. Высоко наверху горели три зеленых лампочки. Кугель, продрогший от утренней прохлады, покрывшийся мурашками, ходил взад и вперед, насколько ему позволяла ширина клетки.

Он остановился как вкопанный, когда издалека до него донеслась знакомая печальная музыка. Она становилась все

громче и громче, и, казалось, сейчас звучала уже не в ушах, а в воздухе. Высоко в небе появилось крылатое существо — его белые одежды развевались и хлопали на ветру. Оно устремилось вниз, и колени у Кугеля подкосились, а сердце застучало.

Крылатое существо нависло над клеткой, опустилось, накинуло на Кугеля свои белые одежды и попыталось поднять его в воздух. Но Кугель изо всех сил уцепился за столб, и существо махало крыльями впустую. Дерево скрипело, стонало, трещало. Кугель освободился от душившей его белой материи и дернул столб с силой, как придает только отчаяние. Раздался треск, и дерево сломалось. Схватив обломок обеими руками, Кугель снизу вверх нанес им удар крылатому существу. Острая палка проткнула белую материю, и существо задело Кугеля своим крылом. Кугель схватился за одну из хитиновых полосок и с силой закрутил ее, так что раздался треск, и крыло безжизненно повисло. Крылатое существо в страхе совершило огромный прыжок, после которого и оно само, и Кугель вылетели из павильона, и существо, ковыляя, побежало по деревне, волоча за собой сломанное крыло.

Кугель бежал сзади, колотя его дубинкой, которую успел подобрать по дороге. Он мельком увидел деревенских жителей, в полном ужасе наблюдавших за этой картиной, их мокрые рты были широко раскрыты, и они, должно быть, громко кричали, однако Кугель этого не слышал. Крылатое существо запрыгало быстрее по тропинке, ведущей к горе, а Кугель бежал сзади, нанося удары изо всех сил. Золотое солнце поднялось над далекими горами. Крылатое существо неожиданно повернулось к Кугелю лицом, и Кугель почувствовал его горящий взгляд, хотя само лицо, если такое, конечно, имелось, было скрыто полностью капюшоном. Задыхаясь, Кугель отошел на шаг назад, и только сейчас ему в голову пришло, что пока он стоит так, практически беззащитный, другие крылатые существа могут напасть на него сверху. Поэтому он громко прокричал ругательство в сторону существа, а потом повернул в деревню.

Все разбежались. Деревня была пуста, ни одного человека. Кугель громко рассмеялся. Он пошел обратно в гостиницу, оделся и пристегнул к поясу свою шпагу. Потом он прошел за стойку бара и, заглянув в ящик прилавка, нашел там пригоршню монет, которые тут же положил в свой объемистый кошелек, где уже лежал костяной шар. Потом он вышел из гостиницы, считая за лучшее уйти, пока никто не появился, чтобы задержать его.

Какое-то мигание привлекло его внимание, и он увидел, что кольцо на пальце неожиданно засверкало потоком искр, и все они указывали на тропинку, ведущую к горам.

Кугель устало покачал головой, потом опять посмотрел

на пляшущие огоньки. Совершенно очевидно они направляли его обратно той дорогой, которой он пришел. Вычисления Фарезма, в конце концов, оказались точными. Лучше ему действовать поувереннее, а то как бы *сумма* не решила переместиться еще куда-нибудь.

Он задержался только для того, чтобы подыскать себе топор и торопливо отправился по тропинке, следуя в направлении, указуемом сверкающими огоньками кольца.

Неподалеку от того места, где оставалось крылатое существо, Кугель опять наткнулся на него, теперь уже сидящего на камне у дороги, глубоко натянув капюшон на голову. Кугель подобрал камень, и что было силы кинул в него. Существо внезапно превратилось в пыль, оставив после себя только кучу белой одежды.

Кугель продолжал идти по дороге, стараясь держаться как можно ближе к естественным укрытиям, встречавшимся ему по пути. Но это не помогло. Появились крылатые существа и, хлопая крыльями, стали пикировать на него. Кугель отмахивался топором, стараясь попасть по крыльям, и тогда существа взлетали высоко вверх, кружа над его головой.

Кугель продолжал сверяться с кольцом и поднимался все выше, а крылатые существа продолжали летать над ним. Кольцо буквально взорвалось множеством огней: вот она, *сумма*, спокойно лежит на камне!

Кугель сдержал радостный крик, который буквально рвался из глубины его души. Он вытащил шар из слоновой кости *ничто*, подбежал вперед и приложил его к желатиновому моллюску.

Как предсказал Фарезм, соединение было мгновенным. Кугель почувствовал, как заклинание, приковывающее его к этому времени, начинает терять свою силу.

Поднялся ветер, и послышался шум огромных крыльев. Кугель был сбит на землю. Белая одежда упала на него и, держа одной рукой *ничто* он не смог свободно взмахнуть топором, который сразу же был выбит у него из руки. Он отпустил *ничто*, схватил камень, ударил им, высвободился и прыгнул к топору. Крылатое существо схватило *ничто*, с которым была соединена *сумма*, и понеслось прочь, к пещере высоко в горах.

Какие-то силы играли с Кугелем, бросая его сразу по всем направлениям. В ушах его зазвучал рев, перед глазами запрыгали фиолетовые огни, и Кугель упал — через миллион лет — в будущее.

Когда он пришел в себя в обитой голубым шелком комнате, на губах своих он почувствовал вкус ароматного ликера. Фарезм, склонившийся над ним, потрепал его по щеке и влил еще немного напитка ему в рот.

— Проснись! Где *сумма*? Как тебе удалось вернуться?

Кугель оттолкнул его в сторону и уселся на диване.

— *Сумма*! — взревел Фарезм. — Где она? Где мой талисман?

— Сейчас все объясню, — сказал Кугель, еле ворочая языком. — Она была уже у меня в руках, но ее вырвало крылатое существо, слуга Великого Бога Елисея.

— Расскажи же, расскажи!

Кугель рассказал, что случилось. Пока он говорил, лицо Фарезма становилось все печальнее и печальнее, плечи волшебника обвисли. Наконец он вывел Кугеля наружу в тусклый красный свет заканчивающегося дня. Вместе они внимательно осмотрели безжизненные и пустынные горы, которые сейчас возвышались над ними.

— В какую пещеру полетело это существо? — спросил Фарезм. — Укажи, если можешь!

Кугель указал рукой.

— По-моему, вон в ту, но, может быть, мне это только кажется. Все произошло так неожиданно, и к тому же эти хлопающие крылья и белые одежды...

— Оставайся здесь!

Фарезм зашел в свой кабинет, но скоро возвратился.

— Я дам тебе свет, — сказал он, протягивая Кугелю холодное белое пламя на тонкой серебряной палочке. — А теперь приготовься.

К ногам Кугеля он бросил шарик, который взорвался, превратившись в вихрь, и ошеломленный Кугель оказался на той обвалившейся каменной площадке, на которую он указал Фарезму. Рядом виднелось темное отверстие входа в пещеру. Кугель осветил его. Он увидел пыльный каменный коридор, примерно в три шага шириной, и более высокий, чем он мог достать рукой. Коридор этот вел глубоко в гору, чуть отклоняясь в сторону. Казалось, здесь не было никакой жизни.

Держа огонек прямо перед собой, Кугель двинулся вперед, а сердце его колотилось как бешеное в страхе перед тем, чего он и сам не мог определить. Он остановился, как вкопанный. Музыка? Воспоминание о музыке? Он прислушался и ничего не услышал, но когда он опять попытался продолжить свой путь, ноги его подкосились от страха.

Он высоко поднял пламя над головой и уставился вперед, в тесный коридор. Куда он вел? Что ожидало в конце пути? Пыльная пещера? Страна демонов? Благословенная земля Виссом?

Кугель вновь медленно тронулся в путь, каждую секунду ожидая, что что-то произойдет. Вскоре он наткнулся на иссохший коричневый шар: талисман, который он унес собой в

прошлое. *Сумма* давным давно отделилась от него и исчезла в неизвестном направлении.

Кугель осторожно поднял этот предмет, который стал исключительно хрупок за миллион лет, и вернулся на каменную площадку. Вихрь по знаку Фарезма вновь перенес Кугеля на землю.

Боясь гнева волшебника, Кугель молча протянул ему иссохший талисман.

Фарезм взял его и держал между большим и указательным пальцами руки.

— И это все?

— Больше там ничего не было.

Фарезм выпустил талисман из рук. Он упал, ударился о землю и мгновенно рассыпался в пыль. Фарезм посмотрел на Кугеля, глубоко вздохнул, затем повернулся и с жестом непередаваемого отчаяния отправился к себе.

Кугель облегченно вздохнул и пошел по дороге мимо рабочих, взволнованно толпившихся в ожидании приказаний. Они угрюмо смотрели на Кугеля, а ваятель двух-элевой категории кинул в него камнем.

Вскоре он прошел мимо места, где стояла деревня, в которой он чуть было не погиб миллион лет назад. Теперь здесь росли только старые деревья с корявыми стволами. Пруд давно исчез, и земля была сухой и твердой.

Внизу, в долине, было много руин, но ни одни из них не находились на месте древних городов Импергос, Таруве и Раверджаанид, о которых сейчас не осталось даже воспоминаний.

Кугель шел на юг. Позади него возвышались горы, которые очень скоро скрылись из вида.

Глава 5
ПИЛИГРИМЫ

1. В гостинице

Большую часть дня Кугель шел по пустынной местности, где не росло ничего, кроме сорной травы, затем, всего лишь за несколько минут до захода солнца, он дошел до широкой медленной реки, вдоль которой шла дорога. Справа от него, в полумиле, стояло высокое каменное здание, очевидно — гостиница. Это зрелище вызвало у Кугеля большую радость, потому что он ничего не ел весь день, а предыдущую

ночь провел на дереве. Десятью минутами позже он уже толкал обитую железом тяжелую дверь и входил в здание.

Он оказался в вестибюле. По обеим сторонам от него находились высокие окна с разноцветными стеклами, сквозь которые заходящее солнце посылало тысячи отражений. Из общей комнаты доносились веселый шум голосов, стук тарелок и стаканов, запах старого дерева, скрип кожи, бульканье жидкости. Кугель вошел в комнату и увидел группу мужчин, собравшихся у огня. Они пили пиво и обменивались дорожными впечатлениями.

За стойкой стоял хозяин — коренастый человек, ростом всего по плечо Кугелю, с большой лысой головой и черной бородой длиной в целый фут. У него были выпуклые глаза с тяжелыми веками. Выражение его лица было таким же безмятежным и спокойным, как течение большой реки. На просьбу Кугеля предоставить ему на ночь комнату, он с сомнением почесал себе нос.

— Моя гостиница и так уже переполнена пилигримами, направляющимися в Эрзе Дамат. Те, кого ты уже видишь на скамьях, не составляют и половины людей, которых мне надо устроить на ночь. Я могу расстелить тебе матрац в зале, если тебя это устроит, но большего я сделать не могу.

Кугель разочарованно вздохнул.

— Это меня совсем даже не устроит. Мне очень нужна отдельная комната с хорошим диваном, окном на реку и тяжелым ковром на полу, чтобы заглушить песни и выкрики из общей комнаты.

— Боюсь, что ты будешь разочарован, — без всякого выражения в голосе сказал хозяин. — В нашей гостинице всего одна комната, подходящая под твое описание, и она уже занята человеком с желтой бородой — видишь, вот он сидит — по имени Лодермульч, который тоже путешествует в Эрзе Дамат.

— Возможно, в виду чрезвычайной необходимости, тебе удастся уговорить его уступить мне эту комнату и занять матрац на полу вместо меня, — предложил Кугель.

— Сомневаюсь, что он способен на такое самопожертвование, — ответил хозяин гостиницы. — Но почему ты не спросишь его сам? Честно говоря, мне вовсе не хочется ввязываться в это дело.

Кугель, посмотрев не жесткое лицо Лодермульча, его мускулистые руки и слегка презрительный вид, с которым он слушал разговоры пилигримов, был склонен присоединиться к хозяину гостиницы в оценке его характера и не стал настаивать на своей просьбе.

— Похоже, что мне придется заночевать на матраце. А

теперь насчет ужина: мне нужна дичь, соответствующим образом начиненная, поджаренная и с гарниром и какие-нибудь холодные закуски, которыми располагает твоя кухня.

— Моя кухня перегружена, и тебе придется есть чечевицу вместе с пилигримами, — сказал хозяин. — Единственная находящаяся в гостинице дичь опять-таки была заказана Лодермульчем на вечерний ужин.

Кугель раздраженно пожал плечами.

— Неважно. Я смою дорожную пыль с лица, а затем выпью кубок вина.

— В задних комнатах гостиницы есть вода, обычно используемая для этой цели. Притирания, масло и горячее полотенце я обычно подаю за дополнительную плату.

— Вода меня вполне устроит.

Кугель прошел в задние комнаты, где обнаружил ванну. Как следует помывшись, он огляделся вокруг и увидел на небольшом расстоянии от гостиницы амбар, сколоченный из бревен. Он подошел к строению, открыл дверь и заглянул внутрь, затем, глубоко задумавшись, вернулся в общую комнату гостиницы.

Хозяин подал ему кувшин отвратительного вина, которое Кугель взял с собой на скамейку, на которой уселся поудобнее.

У Лодермульча спросили его мнение о так называемых Возвеличенных Евангелистах, которые отказывались ставить свои ноги на землю и передвигались всюду с помощью канатов и проволоки. Резким голосом он стал объяснять все недостатки этой доктрины.

— Они считают, что возраст Земли двадцать девять веков вместо принятых двадцати трех. Они принимают за постулат, что на каждый квадратный эль почвы приходится четверть миллиона умерших и их пыль образовала верхнюю корку земли, ходить по которой кощунственно. С определенной точки зрения это имеет какой-то смысл, но посудите сами: пыль от одного трупа, разбросанная по поверхности в четверть эля, оставляет слой в одну тридцать третью дюйма глубины. Следовательно, общее количество трупов должно составлять корку пыли примерно толщиной в одну милю по всей поверхности земли, а это уже абсолютно ложно.

Член этой секты, который не имел возможности пользоваться обычными для себя веревками и был обут в церемониальные сапоги, возбужденно воскликнул:

— Ты говоришь, ничего не понимая, и у тебя нет логики! Как можешь ты заявлять такие вещи столь категорично?

Лодермульч поднял свои мохнатые брови в явном неудовольствии.

— Неужели я действительно должен объяснять такие вещи? Разве скала, стоящая на океанском берегу высотой в одну милю всегда определяет границу между сушей и морем? Нет. Всюду существует неравенство. Суша переходит в воду, очень часто можно видеть пляжи с чистейшим белым песком. И нигде не заметен тот серо-белый нарост, от существования которого зависит доктрина вашего учения.

— Беспочвенная болтовня! — прокричал Возвеличенный.

— Что такое? — угрожающе произнес Лодермульч, расправляя свою мускулистую грудь. — Я не привык к таким насмешкам!

— Это не насмешка, а холодное и точное определение твоего догматизма! Мы утверждаем, что часть пыли была смыта в океан, часть висит во взвешенном состоянии в воздухе, часть проникла в пропасти и подземные пещеры, а некую часть впитали в себя деревья, трава и определенные насекомые, так что чуть меньше, чем пол-мили древней пыли покрывает землю, ходить по которой — святотатство. Почему же горы, о которых ты говоришь, видимы не всюду? Из-за влаги, которую выдыхали и вдыхали бесчисленные поколения людей! И то же самое повысило уровень воды в океане, так что многие скалы и пропасти покрыты водой. Вот здесь и лежит ошибка в твоих рассуждениях!

— Ха! — пробормотал Лодермульч, отворачиваясь. — Все-равно в твоих рассуждениях тоже где-то скрывается ошибка.

— Ничего подобного! — ответил Евангелист с тем жаром, который сразу выдавал в нем представителя этой секты. — И поэтому из уважения к мертвым мы ходим лишь по веревкам и канатам, и только отправляясь в путешествие, мы одеваем нашу священную обувь.

Во время этой беседы Кугель вышел из комнаты. После окончания речи Евангелиста, юноша с круглым как луна лицом, одетый в ливрею официанта гостиницы, приблизился к спорящим.

— Это вы, достойный Лодермульч? — спросил он.

Лодермульч повернулся на своем стуле.

— Он — это я.

— Я должен передать вам сообщение от человека, который принес некоторую денежную сумму для вас. Он ожидает вас в небольшом амбаре позади гостиницы.

Лодермульч недоуменно нахмурился.

— Ты уверен, что эта особа говорила именно о Лодермульче, провосте города Барлинг?

— Конечно, сэр, ваше имя было особо упомянуто.

— А кто передал это послание?

— Это был человек высокого роста в плаще с большим капюшоном, закрывающим почти все лицо, который назвал себя одним из ваших друзей.

— Вот как, — задумчиво произнес Лодермульч. — Может быть, Тайзог? Или скорее всего Креднин... Но почему он не пошел прямо ко мне? Несомненно, тому была важная причина.

Он начал подниматься со стула, распрямляясь во весь рост.

— Надо пойти посмотреть.

Он вышел из комнаты, обогнул гостиницу и уставился на амбар, еле освещенный тусклым светом.

— Эй, кто там? — громко крикнул он. — Тайзог? Креднин? Выходите!

Ответа не последовало. Лодермульч подошел к амбару, заглядывая внутрь. Как только он перешагнул порог, Кугель подошел сзади, захлопнул дверь и запер ее на все имеющиеся засовы и запоры.

Не обращая внимания на приглушенный стук и сердитые крики, Кугель вернулся в гостиницу и пошел на поиски хозяина.

— Произошло небольшое изменение в расписании. Лодермульча срочно отозвали. Теперь ему не потребуется ни его комната, ни жареная дичь, и по своей душевной доброте он просто передал, чтобы все это получил я.

Хозяин гостиницы дернул себя за бороду, подошел к дверям и посмотрел на дорогу. Потом он медленно вернулся в комнату.

— Поразительно! Он заплатил и за комнату, и за ужин, и ничего не сказал мне о том, чтобы я вернул ему деньги.

— Мы с ним решили этот вопрос друг с другом к нашей обоюдной выгоде. А чтобы компенсировать тебе лишний труд, я заплачу дополнительно три терции.

Хозяин пожал плечами и принял деньги.

— Мне это безразлично. Пойдем, я провожу тебя в твою комнату.

Кугель осмотрел комнату и остался вполне доволен. Через некоторое время подали ужин. Жареная дичь была великолепна, так же как и закуски, которые заказал Лодермульч и которые хозяин прислал к ужину.

Прежде чем улечься на ночь, Кугель вышел из гостиницы и подошел к амбару. Удостоверившись, что запоры на месте, а хриплые крики Лодермульча вряд ли кто-нибудь может услышать, он сильно и резко постучал в дверь.

— Тихо, Лодермульч! — сказал он хриплым голосом. — Это я, хозяин гостиницы! Не вой так громко, ты мешаешь спать моим постояльцам.

Не дожидаясь ответа, Кугель вернулся в общую комнату, где завел разговор с предводителем отряда пилигримов. Им был человек по имени Гарстанг, худой и изможденный, с восковой кожей, хрупким черепом, впалыми глазами и длинным носом, таким тонким, что он, казалось, просвечивал. Обратившись к нему, как к человеку опытному и образованному, Кугель стал расспрашивать о маршруте до Элмери, но Гарстанг почему-то считал, что эта страна — просто сказки и выдумки.

— Элмери — существует, я лично могу это подтвердить.

— Значит, твое знание является более глубоким, чем мое, — ответил Гарстанг. — Эта река называется Аск, земля по ту ее сторону — Судун, по другую — Лельяс. К югу находится Эрзе Дамат, и ты поступишь мудро, если туда отправишься, а к западу оттуда находятся Серебряная пустыня и Сомганское море, и там ты можешь расспросить о своем Элмери снова.

— Я сделаю так, как ты предлагаешь, — сказал Кугель.

— Мы, истинные гильфигиты, все направляемся в Эрзе Дамат, чтобы совершить Блестящий Обряд у Черного Обелиска, — сказал Гарстанг. — Так как дорога наша проходит через пустынные земли, мы объединились вместе, чтобы сражаться против бормотунов и головотяпов, если они нападут на нас по дороге. Если ты хочешь присоединиться к нам и примешь наши правила, то ты можешь это сделать.

— Какие правила ты имеешь в виду? — сказал Кугель.

— Просто повиноваться командам старшего, которым, к слову, являюсь я сам, и нести свою долю расходов.

— Я согласен не раздумывая, — сказал Кугель.

— Великолепно! Мы выступаем завтра на заре.

Гарстанг указал ему еще на некоторых членов группы, общее число которой достигало пятидесяти семи человек.

— Вот — Вита, локутор нашей маленькой группы, а вот сидит Касмир, теоретик. Человек с железными зубами — это Арло, а вон тот, в голубой шляпе и с серебряным поясом, Войкод, волшебник, причем отнюдь не из слабых. В этой комнате не хватает человека достойного, хотя и агностика — Лодермульча, так же как и истинно верующего Субкула. Возможно, они ушли куда-нибудь, чтобы поговорить о вере. Те двое, что играют в кости — Парсо и Сакав. Вот Хант, а это Грэй.

Гарстанг назвал по имени несколько других членов группы, рассказывая об их обязанностях и положении.

Наконец Кугель, сославшись на усталость, отправился к себе в комнату. Он с наслаждением растянулся на диване и в ту же секунду заснул.

После полуночи он был разбужен. Лодермульч, сделав подкоп под стену амбара, вернул себе свободу и тут же отправился в гостиницу. Первым делом он попытался попасть в комнату, которую Кугель предусмотрительно как следует запер.

— Кто там? — крикнул Кугель.

— Открой! Это я, Лодермульч! Эта комната, в которой я желаю спать!

— Еще чего! — заявил Кугель. — Я заплатил колоссальную сумму денег, чтобы получить эту постель, и даже вынужден был подождать, пока хозяин не выкинет из нее предыдущего жильца. Уходи-ка поскорее, я сильно подозреваю, что ты пьян. Если тебе хочется выпить еще, разбуди лучше официанта!

Лодермульч убрался прочь. Кугель снова улегся.

Через несколько минут он услышал шум драки и крик хозяина гостиницы, которого Лодермульч схватил за бороду. Очевидно Лодермульча выкинули из гостиницы объединенными усилиями хозяина, его жены, официанта, посудомойщика и другой прислуги, после чего признательный Кугель снова погрузился в сон.

До рассвета пилигримы вместе с Кугелем встали и сели завтракать. У хозяина гостиницы было несколько мрачное настроение, и на лице его были видны синяки, но он не задал Кугелю никаких вопросов, а Кугель, в свою очередь, не начал разговора первым.

После завтрака пилигримы собрались на дороге, где к ним присоединился Лодермульч, который провел ночь, бродя взад и вперед по дороге. Гарстанг пересчитал людей, потом засвистел в свой свисток. Пилигримы двинулись вперед, перешли мост и пошли по южному берегу Аска по направлению к Эрзе Дамат.

2. Плот на реке

Три дня пилигримы шли по берегу Аска, засыпая по ночам за оградой, создаваемой волшебником Войкодом из палочек слоновой кости. Это была необходимая предосторожность, потому что за этими палочками, еле видимыми в слабом свете костра, так и кишели создания, мечтающие присоединиться к их компании — деоданды мягко умоляли их об этом, бормотуны то вставали на задние ноги, то опускались на все четыре, чувствуя себя неуютно и так, и этак. Один головотяп попытался перепрыгнуть через ограду, в другой раз три гру вплотную подошли к палочкам, рыча, пытаясь ударить в невидимую преграду, созданную заклинаниями, грудью, в то

время как испуганные пилигримы наблюдали за ними изнутри круга.

Кугель подошел близко к забору из палочек и сунул в просвет горящую ветку, после чего снаружи донесся крик ярости и боли. Но зато огромная серая рука чуть не схватила Кугеля за высунутую кисть, и ему пришлось отпрыгнуть назад. Ограда выдержала все атаки, и в конце концов чудовища рассорились друг с другом и ушли восвояси.

К вечеру третьего дня пилигримы подошли к тому месту, где Аск сливался с большой медленной рекой, которую Гарстанг назвал Скамандер. Неподалеку рос лес из высоких бальзамовых деревьев, сосен и дубов. С помощью местных дровосеков несколько деревьев было спилено, ветви обрублены, стволы перенесены к берегу, где был сколочен прочный плот. Когда все пилигримы забрались на него, плот шестом столкнули на середину реки, где его подхватило течение, спокойно и легко неся его вниз.

В течение пяти дней двигался плот по широкому Скамандеру, иногда берега были почти не видны, иногда плот приближался к тростникам, которые росли у берега. Так как им нечего было делать, пилигримы пускались в длинные рассуждения и устраивали диспуты, а разница их мнений почти по каждому предмету спора была удивительной. Очень часто разговоры заходили о метафизике и о тонкостях гильфигитского учения.

Субкул, самый преданный верующий из всех пилигримов, объяснял свое кредо в деталях. В основном он проповедывал ортодоксальную гильфигитскую философию, по которой Эс Зам, восьмиголовое божество, после сотворения космоса отрубило себе большой палец ноги, который затем стал Гильфигом, в то время как капли крови стали впоследствии восемью расами, населяющими землю. Горемонд, скептик, нападал на эту доктрину.

— А кто сотворил этого твоего гипотетического «творца»? Другой «творец»? Куда проще увидеть результат: гаснущее солнце и умирающую землю!

На что Субкул начинал взволнованным голосом цитировать бесконечные гильфигитские тексты.

Один из пилигримов по имени Блунер упрямо проповедывал свою собственную философию. Он считал, что солнце — это клетка тела всемогущего бога, который создал космос в процессе, аналогичном росту мха на скале.

Субкул считал этот тезис слишком сложным.

— Если солнце это клетка, то что же такое тогда земля?

— Клеточный паразит, питающийся от нее, — отвечал Блунер. — Такие примеры известны повсюду и тут не следует удивляться.

— А почему же тогда солнце гаснет? Кто его атакует? — спросил Вита печальным голосом.

Блунер начал детально объяснять свое кредо, но вскоре был прерван Праликусом, высоким худым человеком с пронзительным взглядом зеленых глаз:

— Послушайте меня, я все знаю, моя доктрина самая простая. Возможно огромное количество возможных обстоятельств, но еще большее количество невозможных. Наш космос — это возможное обстоятельство: он существует. Почему? Время бесконечно, а это означает, что каждое возможное обстоятельство должно реализоваться. Так как мы находимся в данном конкретном возможном обстоятельстве и не знаем никакого другого, мы считаем себя единственными. То есть, каждая вселенная, которая является возможной рано или поздно, будет существовать не один раз, а много.

— Я проповедываю аналогичную доктрину, хотя и с точки зрения преданного гильфигита, — заявил Касмир-теоретик. — Моя философия предполагает смену творцов, каждый из которых абсолютен. Перефразируя ученого Праликуса, если божество возможно, оно должно существовать! Только невозможное божество существовать не может. Восьмиголовый Эс Зам, который отрубил себе Священный Большой палец, возможен, а, следовательно, и существует, что и написано в гильфигитских писаниях!

Субкул заморгал глазами, открыл рот, как бы намереваясь заговорить, потом опять закрыл его. Скептик Горемонд отвернулся и стал смотреть на воду. Гарстанг, сидевший в сторонке, задумчиво улыбнулся.

— А ты, Кугель-Разумник, почему ты сейчас молчишь? Во что ты веришь?

— Я несколько растерян, — признался Кугель. — В свое время я наслушался самых разных точек зрения, каждая из которых звучала достаточно авторитетно: от священников в Храме Теологов до заколдованной птицы, которая доставала бумажки с предсказаниями из ящика и голодающего анахорета, который выпил бутылку розового эликсира, которую я в шутку предложил ему. Все эти точки зрения противоречили друг другу, но тем не менее были очень поучительны. Таким образом мое понимание мира несколько многозначно.

— Интересно, — сказал Гарстанг. — Лодермульч, а ты?

— Ха! — протянул Лодермульч. — Видишь эту прореху в моей одежде? Я не могу объяснить, как она там появилась! Тем более я удивлен существованием Вселенной!

Заговорили и остальные. Войкод, волшебник, определил известный космос как тень пространства, которым управляют духи, находящиеся в зависимости от существования пси-

энергии человека. Благочестивый Субкул объявил, что эта картина не годится, так как она противоречит гильфигитским писаниям.

Споры продолжались до бесконечности.

Кугелю и еще нескольким пилигримам, включая Лодермульча, это наскучило, и они отошли в сторону, решив сыграть в азартную игру в кости, карты и фишки. Ставки, сначала нормальные, начали расти. Сперва все время выигрывал Лодермульч, зато потом он стал проигрывать еще более крупные суммы, в то время как Кугель выигрывал ставку за ставкой. В конце концов Лодермульч бросил кости на стол и, схватив Кугеля за локоть, потряс его, причем из манжетов Кугеля выпало несколько дополнительных кубиков.

— Ну? — проревел Лодермульч. — Что это такое? Я решил играть честно, и вот что вышло! Немедленно верни мне мои деньги!

— Как ты можешь так говорить? — уверенно ответил Кугель. — Где это ты увидел нечестную игру? Да, у меня есть свои кости, ну и что с этого? Что, мне надо прежде чем начать игру с тобой, выкинуть мою собственность в реку? Ты подрываешь мою репутацию!

— Это мне безразлично, — ответил Лодермульч. — Я просто желаю, чтобы ты вернул мне мои деньги!

— Невозможно, — сказал Кугель. — Ты очень много кричал, но все это бездоказательно.

— Доказательства? — взревел Лодермульч. — Нужны ли еще какие-нибудь доказательства? Посмотри на свои кости, абсолютно новые, с одинаковыми номерами на трех сторонах и почти не падающие на другие стороны, настолько они тяжелы по краям!

— Это для меня просто сувениры, — объяснил Кугель.

Он указал рукой на Войкода, волшебника, который наблюдал за ними.

— Вот человек с острым глазом и живым умом. Спроси у него сам, было ли заметно хоть какое-нибудь жульничество?

— Ничего не было заметно, — утвердительно сказал Войкод. — По моему мнению, Лодермульч поторопился со своими обвинениями.

Гарстанг подошел к ним и услышал этот последний ответ. Он заговорил голосом одновременно и успокаивающим, и властным:

— Доверие необходимо среди таких людей, как мы, благочестивые гильфигиты. Не должно быть и мысли о какомнибудь злонамеренном поступке или обмане! Конечно же, Лодермульч, ты ошибся в нашем друге Кугеле!

Лодермульч хрипло рассмеялся.

— Если такое поведение характерно для благочестивых, то мне крупно повезло, что я не попал в компанию обычных людей!

После чего он отошел в дальний конец плота, откуда бросал на Кугеля злобные и угрожающие взгляды.

Гарстанг озабоченно покачал головой.

— Боюсь, Лодермульч обиделся. Возможно, Кугель, в своем благородном и душевном порыве ты захочешь вернуть его золото...

Кугель твердо отказался.

— Это дело принципа. Лодермульч покусился на самое ценное из всего, чем я владею — то есть на мою честь.

— Твои чувства мне понятны, — сказал Гарстанг, — Лодермульч повел себя бестактно. И все-таки ради дружбы — нет? Ну что ж, я не могу с тобой спорить. Гммм, эээ... гммм...

Качая головой, он отошел в сторону.

Кугель собрал свой выигрыш вместе с костями, которые Лодермульч вытряс из его рукава.

— Неприятный инцидент, — сказал он Войкоду. — Скучный человек этот Лодермульч! Он оскорбил всех — из-за него прекратили игру!

— Это, возможно, потому, что ты выиграл все их деньги, — предположил Войкод.

Кугель посмотрел на выигранные им золотые монеты с удивленным видом.

— Я никогда не думал, что выиграл так много! Какие они тяжелые! Возможно, ты не откажешься принять часть этой суммы, чтобы избавить меня от хлопот таскать такие тяжести?

Войкод наклонил голову, и часть выигрыша перешла в его руки.

Вскоре после этого, когда плот спокойно плыл по реке, солнце тревожно вспыхнуло и потемнело. Пурпурная пленка образовалась на его поверхности, затем растворилась. Несколько пилигримов в тревоге бегали по плоту взад и вперед, крича:

— Солнце гаснет! Приготовьтесь к холоду!

Однако Гарстанг поднял руки успокаивающим жестом вверх:

— Успокойтесь! Опасность миновала, солнце такое же, как и прежде!

— Думайте! — рьяно настаивал Субкул, говоря убедительно: — Разве допустил бы Гильфиг такой катаклизм, когда мы плывем, чтобы молиться у Черного Обелиска?

Все сразу успокоились, хотя каждый из них по-своему истолковал это событие. Вита, локутор, провел аналогию с

затуманиванием зрения, которое проходит, если несколько раз моргнуть.

Войкод объявил:

— Если все кончится хорошо, в Эрзе Дамат я посвящу следующие четыре года своей жизни составлению плана, как сделать так, чтобы солнце не погасло.

Лодермульч оскорбительно заявил, сказав, что ему все равно, станет ли солнце черным и будут ли пилигримы продолжать свой путь в полной темноте, чтобы произносить свои блестящие речи.

Но солнце продолжало светить так же, как и раньше. Плот плыл по большой реке Скамандер, берега которой сейчас были низки и полностью лишены растительности, так что казались далекими темными линиями. Прошел день и, казалось, солнце село в саму реку, отражаясь в воде ярким красным сиянием, которое постепенно стало тусклым, и наступила ночь.

В обступившей темноте был разожжен костер, вокруг которого собрались пилигримы, чтобы поужинать. Было очень много споров по поводу тревожного мигания солнца и не меньшее количество философских бесед.

Субкул возложил ответственность за жизнь, смерть, будущее и прошлое на Гильфига. Однако Хант объявил, что он чувствовал бы себя значительно спокойнее, если бы Гильфиг проникся большей ответственностью и уделял бы больше внимания делам мира. На некоторое время спор накалился. Субкул обвинил Ханта в поверхностном понимании, в то время как Хант так и сыпал такими словечкам, как «легковерие» и «слепое повиновение». Гарстанг вмешался в их спор, умиротворяюще заявив, что все факты еще неизвестны и что Блестящий Обряд у Черного Обелиска может прояснить обстановку.

На следующее утро впереди показалась большая плотина: линия огромных камней, препятствующая продвижению по реке.

Только в одном месте был возможен проход, но там висела тяжелая цепь. Пилигримы направили плот к этому проходу и, очутившись рядом с ним, бросили камень, служивший им якорем.

Из ближайшей избушки появился странный человек, тощий, с длинными волосами, в залатанных старых черных одеждах и железным посохом в руке. Он зашел за камни плотины, угрожающе глядя вниз на людей, сгрудившихся на плоту.

— Уходите прочь! Прочь! — закричал он. — Водяной путь находится под моим контролем! И я никого не пропускаю здесь!

Гарстанг вышел вперед.

— Я прошу твоего снисхождения! Мы — группа пилигримов, желающих совершить Блестящий Обряд в Эрзе Дамат. Это необходимо! Мы верим, что в своей щедрости ты ничего не возьмешь с нас.

Фанатик громко и хрипло рассмеялся и взмахнул своим железным посохом.

— Мне невозможно не заплатить! Я требую в качестве платы жизнь самого злого человека из вашей компании — если только один из вас не сможет удовлетворительно для меня продемонстрировать свою добродетель!

Расставив ноги, в черной рясе, хлопающей на ветру, он стоял, уставившись на плот.

Пилигримы стали неловко переминаться с ноги на ногу и искоса посматривать друг на друга. Многие тихо заговорили между собой, и эти разговоры постепенно перешли во всеобщее обсуждение сторон характеров присутствующих, сопровождавшееся упоминаниями о своих собственных достоинствах. Первым раздался громкий голос Касмира:

— Я не могу быть самым злым в этой компании! Жизнь моя была честной и простой, и даже во время азартных игр я не пользовался преимуществами, которые мне часто предоставляли!

— Я еще более добродетелен, — послышался другой голос, — и питаюсь одними сухими корнями из страха, что могу отнять у кого-нибудь жизнь!

— А я еще добродетельнее, — раздался еще один голос, — потому что я питаюсь остатками этих самых корней и еще грызу кору упавших деревьев в страхе отнять даже растительную жизнь.

— И мой желудок отказывается принимать живую растительную пищу, — заявил следующий, — но я придерживаюсь тех же возвышенных мотивов, и только падаль попадает в мой рот.

— Однажды, — послышался еще голос, — я переплыл огненное озеро из конца в конец только для того, чтобы уведомить одну старую женщину, что несчастье, которого она боялась, не должно произойти.

— Жизнь моя, — заявил Кугель, — это цепь беспрерывных унижений, но я непреклонен в своем стремлении бороться за справедливость, хотя очень часто расплачиваюсь за свои добрые поступки.

Войкод тоже не остался в долгу:

— Я волшебник, это правда, но свое искусство я посвятил людям, их счастью и благу.

Теперь пришла очередь Гарстанга:

— Моя добродетель многосторонняя, потому что я извлек ее из знаний, накопленных в веках. Как могу я быть недобродетельным? Я не подвержен обычным людским страстям.

В конце концов высказались все, кроме Лодермульча, который с презрительной усмешкой на лице стоял в стороне. Войкод указал на него пальцем.

— Говори, Лодермульч! Докажи свою добродетель, или мы сочтем тебя самым злым, и ты потеряешь свою жизнь!

Лодермульч засмеялся. Он отвернулся и сильно подпрыгнул, опустившись на один из больших камней плотины. Там он выхватил шпагу и с угрозой повернулся к фанатику.

— Все мы одинаковы злы, и ты ничем не лучше нас, если ставишь такое условие. Опусти цепь или приготовься познакомиться поближе с моей шпагой!

Фанатик высоко воздел вверх руки.

— Мое условие выполнено: ты, Лодермульч, продемонстрировал свою добродетель! Плот может следовать дальше. И вдобавок, так как ты обнажил свою шпагу в защиту чести, я сейчас подарю тебе мазь, которая, если ты смажешь ею свой клинок, придаст ему свойство перерезывать сталь или скалу, как масло. А теперь продолжайте свой путь, и пусть каждый из вас получит то, что хочет, после Блестящего Обряда!

Лодермульч принял мазь и возвратился на плот. Цепь была опущена, и плот проскользнул мимо плотины.

Гарстанг подошел к Лодермульчу и ровным голосом высказал ему свое одобрение. Но тут же добавил в предостережение:

— В данном случае импульсивный и недисциплинированный твой поступок привел к всеобщему благу. Но если подобные же обстоятельства возникнут когда-нибудь в будущем, будет хорошо, если предварительно ты посоветуешься с другими людьми, достойными и мудрыми, например, со мной, Касмиром, Войкодом или Субкулом.

Лодермульч презрительно фыркнул.

— Как тебе будет угодно, лишь бы эта задержка не причинила мне никаких личных неудобств.

И Гарстангу пришлось удовлетвориться этим ответом.

Остальные пилигримы посмотрели на Лодермульча с явным неодобрением и отошли от него подальше, так что Лодермульч остался сидеть один на носу плота.

Наступил полдень, потом день, заход солнца, вечер и ночь. Когда пришло утро, Лодермульч куда-то исчез.

Все были удивлены. Гарстанг принялся расспрашивать каждого по отдельности и всех вместе, но никто не мог пролить свет на эту тайну, да никто особенно и не переживал по этому поводу.

Как ни странно, отсутствие не пользовавшегося популярностью Лодермульча не восстановило первоначального веселья дружеских отношений пилигримов. После этого случая каждый из них стал вдвойне молчаливей и сидел, бросая осторожные взгляды налево и направо. Заявление Гарстанга, что до Эрзе Дамата остался всего один день пути, не вызвало ни в ком энтузиазма.

3. Эрзе Дамат

В последнюю ночь на плоту к ним вернулось нечто вроде старого взаимопонимания. Вита, локутор, пел на разные голоса, а Кугель исполнил танец вприсядку, типичный для ловцов крабов в Кучеке, где он провел свою юность. Войкод, в свою очередь, исполнил несколько простых превращений, а затем показал всем маленькое серебряное колечко. Он сделал знак Ханту:

— Дотронься до него своим языком, потом приложи ко лбу, а затем посмотри сквозь него.

— Я вижу процессию! — воскликнул Хант. — Мужчины и женщины — сотни, тысячи — проходят мимо. Там идут моя мать и мой отец, и мои бабушка с дедушкой... Но кто все остальные?

— Твои предки, — объявил Войкод. — Каждый в характерном для его времени костюме, до самой первой клетки, от которой все мы произошли.

Он забрал кольцо и, сунув руку в кошелек, вытащил оттуда тусклый зелено-голубой камень.

— Теперь смотри, я кидаю этот драгоценный камень в Скамандер!

И он выкинул его через борт. Камень сверкнул в воздухе и исчез в воде.

— А сейчас я просто протяну вперед ладонь, и камень вернется!

И действительно, все наблюдавшие увидели, как что-то сверкнуло в свете костра, и на руку Войкода упал драгоценный камень.

— С такой драгоценностью человек никогда не будет нищим. Правда, он не очень много стоит, но его можно продавать до бесконечности... Что еще вам показать? Вот небольшой амулет. Он имеет чисто эротическое назначение и возбуждает сильнейшее желание в той особе, на которую направлено его действие. Надо быть очень осторожным в его использовании... А вот еще один амулет в форме бараньей головы, сделанный по приказу императора Далмасмуса Нежного, чтобы он не огорчил никого из десяти тысяч наложниц... Что еще могу я

вам показать? Вот мой посох, который мгновенно прикрепляет один предмет к другому. Я всегда держу его в футляре, чтобы случайно не прикрепить брюки к пуговице или кошелек к пальцу. Этот посох очень мне полезен. Что же еще? Давайте посмотрим... А, вот он где! Рог, обладающий очень интересными возможностями. Если засунуть его в рот трупа, то умерший может произнести последние двадцать слов. Если же засунуть его в ухо, то можно передать умершему любую информацию, которую ты не успел ему предать... А здесь что? Да, конечно: небольшое устройство, которое доставило мне много удовольствий!

И Войкод показал куклу, которая продекламировала стихи, спела какую-то не очень приличную песенку и станцевала танец с Кугелем, который стоял впереди, внимательно наблюдая за всем.

Наконец Войкод устал от представления, и один за другим пилигримы отправились на покой.

Кугель никак не мог заснуть. Он лежал на спине, сложив руки над головой, глядя на звезды и думая о неожиданно интересной коллекции Войкода, о его разнообразных волшебных инструментах и приспособлениях.

Убедившись, что все заснули, он поднялся на ноги и осмотрел спящую фигуру Войкода. Кошель был надежно закрыт и засунут под руку волшебника, хотя Кугель, собственно говоря, ничего другого и не ожидал.

Подойдя к небольшому шалашу, где хранились общественные запасы питания, он взял немного свиного сала, которое затем перемешал с мукой, чтобы сделать белую мазь. Из толстой бумаги он склеил небольшую коробочку, в которую положил эту мазь. Затем он вернулся на место и заснул.

На следующее утро он сделал все возможное, чтобы Войкод, как бы случайно, увидел, как он намазывает свою шпагу этой мазью.

В ту же секунду Войкод в ужасе воскликнул:

— Этого не может быть! Я поражен! Увы, бедный Лодермульч!

Кугель сделал ему знак, призывающий к молчанию.

— Что ты орешь? — пробормотал он. — Я просто натираю свою шпагу, предохраняя ее от ржавчины.

Войкод упрямо покачал головой.

— Все ясно? Ради своей выгоды ты убил Лодермульча. У меня нет другого выхода, как сообщить об этом Пленителям Воров, когда мы прибудем в Эрзе Дамат.

Кугель умоляюще замахал руками.

— Не надо так спешить! Говорю тебе, ты ошибаешься. Я невиновен!

Войкод, высокий статный человек с темными кругами под глазами, длинным подбородком и высоким покатым лбом, поднял вверх одну руку.

— Я никогда не выносил убийств. В данном случае должен быть соблюден принцип равновесия, и совершено соответствующее контрдействие. И уж как минимум — сделавший такое зло не должен выгадать от него!

— Ты имеешь в виду меня? — деликатно спросил Кугель.

— Вот именно, — сказал Войкод. — Этого требует справедливость.

— Ты — тяжелый человек! — огорченно воскликнул Кугель. — У меня нет другого выхода, как подчиниться твоему суду.

Войкод протянул руку:

— Тогда давай сюда мазь, и так как ты совершенно очевидно раскаиваешься в своем поступке, я больше ничего и никому не скажу!

Кугель задумчиво поджал губы.

— Ладно, пусть будет по-твоему. Я уже смазал свою шпагу. Так что я отдам тебе остаток мази в обмен на твой эротический амулет, а также на несколько других, более мелких вещиц.

— Правильно ли я расслышал? — разбушевался Войкод. — Твоя наглость превосходит все, что я встречал! То, что ты требуешь, не имеет цены!

Кугель пожал плечами.

— Ну, моя мазь самая обычная, так что значит не о чем и говорить.

После долгих споров Кугель обменял свою мазь на трубку, которая освещала пространство в пятьдесят шагов, и рукопись, в которой перечислялось восемнадцать фаз Лагенетического Цикла. Этим ему пришлось удовлетвориться.

Вскоре впереди показались руины Эрзе Дамата, находящиеся на западном берегу: древние виллы давно уже превратились в развалины и утопали среди разросшихся садов.

Пилигримы взялись за шесты, чтобы направить плот к берегу. Вдали показалась вершина Черного Обелиска, при виде которой все испустили радостный крик. Плот спокойно скользил по Скамандеру и в конце концов пристал к берегу у одного из развалившихся причалов.

Пилигримы высадились на берег и сгрудились вокруг Гарстанга, который обратился к ним с речью:

— С огромным удовлетворением я могу сообщить вам, что отныне я слагаю с себя ответственность. Наше путешествие окончилось. Смотрите! Вот святой город, где Гильфиг произнес Гностическую Догму! Где он победил Казу и отринул

ведьму Энкеикс! Может быть, на эту самую землю ступали его священные ноги!

Тут Гарстанг драматическим жестом указал на землю, и пилигримы, поглядев вниз, стали неловко переступать с ноги на ногу.

— Как бы там ни было, мы здесь, и каждый из нас должен испытывать облегчение. Путь наш был тяжел и опасен. Пятьдесят девять человек вышли из долины Фолгуса и отправились в путь. Бамин и Рэндол были сожраны гру на поле Сагма, на мосту через Аск к нам присоединился Кугель, на Скамандере мы потеряли Лодермульча. Теперь нас осталось пятьдесят семь человек, верных товарищей, испытанных, и печально нам расставаться после совместного путешествия, которое мы запомним на всю жизнь! Через два дня начнется Блестящий Обряд. Мы успели вовремя. Те, кто не потерял все свои сбережения в азартных играх, — тут Гарстанг бросил косой взгляд в сторону Кугеля, — могут найти удобные гостиницы и расположиться в хороших комнатах. Не имеющие же денег тоже должны постараться устроиться как можно лучше. Сейчас наше путешествие подошло к концу. Итак, мы расстаемся, и каждый из нас дальше идет своей дорогой, хотя все мы обязательно встретимся через два дня у Черного Обелиска. А до этого времени — до свидания!

Пилигримы начали расходиться в разные стороны. Одни пошли по берегу Скамандера по направлению к ближайшей гостинице, другие свернули в сторону и направились в сам город.

Кугель подошел к Войкоду.

— Я совершенно незнаком с этой страной, как ты знаешь. Может быть ты сможешь порекомендовать мне хорошую и недорогую гостиницу?

— Конечно, — ответил Войкод. — Я как раз сейчас отправляюсь именно в такую гостиницу. «Старая Дастрийская» находится на месте бывшего императорского дворца. Если ничего не изменилось, то роскошная комната и прекрасная еда стоят там относительно недорого.

Кугель полностью одобрил этот проект, и они вдвоем отправились по улицам Эрзе Дамат, мимо деревянных избушек через большой пустырь, где вообще не было никакого жилья и где оканчивались все улицы. Потом они попали в относительно богатые районы с большими каменными зданиями, многими из которых все еще пользовались и которые утопали в зеленых садах. Люди Эрзе Дамат были достаточно приятны и красивы, хотя и несколько плотнее сложены, чем жители Элмери. Мужчины были одеты только в черное: обтягивающие брюки и куртки с черными помпонами, женщины оде-

вались в прекрасные наряды желтого, красного, оранжевого и синего цветов, а туфельки их сверкали черными пряжками. Редко когда можно было увидеть зеленое или голубое платье, так как считалось, что эти цвета приносят несчастье, а пурпурный цвет означал смерть.

Женщины украшали свои прически длинными перьями, в то время как у мужчин на головах были черные диски с дыркой посредине, через которую были видны волосы. В большой моде, видимо, был бальзам из смолы, и повсюду, куда бы ни пошел Кугель, он натыкался на этот запах.

Вообще, судя по первому впечатлению, народ Эрзе Дамат был не менее цивилизован, чем люди Кучека, и куда более подвижен, чем безжизненные жители Азиномеи.

Впереди появилась гостиница, находящаяся недалеко от самого Черного Обелиска. К неудовольствию Кугеля и Войкода все места там были заняты, и привратник даже отказался впустить их.

— Блестящий Обряд привлек сюда очень много верующих, — объяснил он. — Вам повезет, если вообще удастся найти, где устроиться на ночь.

Так оно и оказалось: Войкод и Кугель ходили от гостиницы к гостинице, и в каждой из них получали отказ.

В конце концов, на западной окраине города, где начиналась Серебряная Пустыня, их согласились принять в большой таверне с сомнительной репутацией, которая называлась «У Зеленой Лампы».

— Еще десять минут назад я не смог бы принять вас, — сказал хозяин, — но Пленители Воров забрали двух людей, остановившихся здесь, назвав их жуликами и мошенниками.

— Надеюсь, это не вошло у них в привычку по отношению ко всей твоей клиентуре? — осведомился Войкод.

— Кто знает? — ответил хозяин. — Мое дело — подавать еду и питье и предоставлять помещение, не более того. Воры и разбойники должны есть, пить и спать точно так же, как верующие и волшебники. Много разных людей проходит через мои двери, и в конце концов что я могу знать даже о вас?

Наступили сумерки, и без дальнейших споров Кугель и Войкод остановились в таверне «У Зеленой Лампы». Помывшись и чуть отдохнув с дороги, они отправились в общую комнату, чтобы поужинать. Это был довольно просторный зал с почерневшим от времени потолком и полом, покрытым темно-коричневым кафелем. Различные деревянные колонны, к каждой их которых была прикреплена лампа, были разбросаны по залу. Таверну посещала самая разнообразная публика, как впрочем хозяин их и предупреждал, в разной одежде и с разной внешностью. Жители пустыни, гибкие, как

змеи, в кожаных комбинезонах, сидели по одну сторону, по другую сидели четыре молчаливых человека с белыми лицами и шейными шелковыми красными платками. За столом сзади сидела группа гуляк в коричневых брюках, черных куртках и кожаных беретах, у каждого из которых с мочки уха на золотой цепочке свисал круглый драгоценный камень.

Кугель и Войкод съели довольно приличный, хоть и грубо сервированный, ужин, а потом откинулись на своих скамьях, потягивая вино и обсуждая, как им провести вечер.

Войкод решил заняться повторением криков страсти и молитвенных поз, необходимых для Блестящего Обряда. Кугель, вследствие этого, тут же попросил его одолжить на время эротический талисман.

— Женщины Эрзе Дамата мне нравятся, а с помощью твоего талисмана я получу возможность гораздо лучше оценить их достоинства.

— Никак не могу, — сказал Войкод, судорожно прижимая кошелек к себе. — Мы волшебники, просто не имеем права одалживать вещи подобного рода.

Кугель скорчил недовольную физиономию. Войкод был человеком на словах даже слишком благородным, что никак не вязалось ни с его поведением, ни с его нездоровой внешностью.

Войкод до последней капли вина осушил кубок, что раздражило Кугеля еще больше, и поднялся на ноги.

— А теперь я пойду в отведенную мне комнату.

Когда он повернулся, чтобы идти, гуляка, шедший нетвердыми шагами через комнату, случайно толкнул его.

Войкод выругался по этому поводу, и гуляка опешил:

— Как осмеливаешься ты обзывать меня такими словами? Бери шпагу и защищайся, или я отрежу тебе нос!

И задавала выхватил из ножен свою шпагу.

— Как пожелаешь, — сказал Войкод. — Только подожди минуточку, пока я возьму свою шпагу.

Подмигнув Кугелю, он быстро натер шпагу мазью, затем повернулся к противнику.

— Приготовься к смерти, мой милый.

И он кинулся вперед.

Гуляка, заметивший приготовления Войкода и понимая, что столкнулся с волшебством, опешил от ужаса. Изящным движением Войкод проткнул его насквозь и вытер шпагу о его шляпку.

Товарищи убитого за столиком вскочили на ноги, но замерли, когда Войкод уверенно повернулся к ним.

— Поосторожнее, мои молодые петушки! Посмотрите на своего приятеля! Он умер от моей волшебной шпаги, сделан-

ной из материала, который режет камень и сталь как масло. Смотрите!

И Войкод что было силы ударил по колонне. Шпага, ударившись о железную скобу, сломалась сразу же, разлетевшись на несколько обломков. Войкод стоял потрясенный, а гуляки медленно двинулись вперед.

— Что же твоя волшебная шпага? Наши шаги — обычные, стальные, но они больно кусаются!

И через какое-то мгновение Войкод пал мертвым.

Теперь уже гуляки повернулись к Кугелю:

— А ты кто такой? Желаешь ли ты разделить судьбу своего товарища?

— Ни в коем случае! — ответил Кугель. — Этот человек был мой слуга, который носил мой кошелек. Сам я — волшебник, вот посмотрите на эту трубку. Я освещу голубым светом любого человека, который будет угрожать мне!

Гуляки пожали плечами и отвернулись. Кугель завладел кошельком Войкода, потом сделал знак хозяину гостиницы.

— Будь так добр, убери эти трупы. Потом принеси еще один кувшин вина со специями.

— А как насчет долга твоего товарища? — осведомился хозяин напряженным голосом.

— Не бойся, я заплачу сполна.

Трупы вынесли на улицу, на задний двор гостиницы. Кугель допил последний кувшин вина, затем отправился в свою комнату, где разложил содержимое кошелька Войкода на столе. Деньги он переложил в свой кошелек, талисманы, амулеты и прочие приспособления перекочевали к нему в сумку, тщательно упакованные, фальшивую мазь он выбросил. Довольный проделанной за день работой, он улегся на диван и вскоре заснул.

Весь следующий день Кугель ходил по городу. Он поднялся на самый высокий из восьми холмов. Пейзаж, увиденный им, был одновременно и холоден, и величественен. Справа и слева катила свои волны великая река Скамандер. Улицы города разделяли кварталы руин, пустых домов, деревянных избушек бедняков и дворцов богачей. Эрзе Дамат был самым богатым городом, который видел Кугель, куда богаче Элмери или Аскола, хотя большая часть его теперь лежала в развалинах.

Вернувшись в центр города, Кугель довольно быстро разыскал лавку профессионального географа и, заплатив требуемое, попросил указать самый безопасный и удобный путь в Элмери.

Мудрец не стал торопиться с ответом. Он вышел в соседнюю комнату и вернулся, неся с собой справочники и карты. После долгого их изучения он повернулся к Кугелю.

— Вот тебе мой совет, Иди против течения Скамандера на север, к Аску. Потом иди по берегу Аска, пока не дойдешь до моста с шестью сваями. Там поверни на восток, перейди Магнацкие горы, после чего ты попадешь в лес, известный под названием Большой Эрм. Иди на запад по этому лесу и ты придешь на берег Северного моря. Там ты должен будешь собрать плот и вверить себя морским течениям и ветрам. Если случайно тебе удастся добраться до земли Падающей Стены, то путешествие на юг к Элмери оттуда будет сравнительно легким.

Кугель нетерпеливо махнул рукой.

— В общих чертах это именно тот маршрут, которым я пришел сюда. Неужели нет никакого другого пути?

— Конечно, есть. Человек неразумный может рискнуть отправиться через Серебряную Пустыню, выйдя в результате к Сомганскому морю, переправившись через которое, он окажется перед огромными пустынными землями, граничащими с восточным Элмери.

— Что ж, это мне более подходит. А как мне пересечь Серебряную Пустыню? Там ходят караваны?

— С какой целью? На той ее стороне нет никого, с кем можно было бы торговать — только бандиты, которые предпочитают получать все даром. Чтобы не бояться их нападения, необходим отряд минимум человек в сорок.

Кугель вышел из лавки. В ближайшей таверне он выпил бутылку вина и стал думать над тем, где ему найти сорок человек, чтобы пересечь с ними пустыню. Пилигримов, естественно, было пятьдесят шесть... нет, теперь уже пятьдесят пять после смерти Войкода. Да, такой отряд прекрасно послужил бы для его целей.

Кугель заказал себе еще бутылку вина и продолжал размышлять дальше.

В конце концов он расплатился и, выйдя на улицу, отправился к Черному Обелиску. Называть его «обелиском», возможно, было преувеличением — это был всего лишь огромный кусок черной скалы, возвышающийся футов на сто над городом. У его подножья стояло пять статуй, каждая из которых смотрела в определенном направлении, каждая изображала адепта какой-то определенной веры. Гильфиг смотрел на юг, четыре его руки держали различные символы, ноги стояли на каменных шеях верующих, пребывающих в экстазе, большие пальцы его ног были сильно удлинены и загибались кверху, видимо, для того, чтобы придать ему особую красоту и привлекательность.

Кугель обратился за информацией к оказавшемуся рядом прислужнику.

— Кто здесь у вас Главный Архиерей и где его можно найти?

— Этой особой является Преклятвенный Халм, — сказал служащий и указал на роскошный дом, стоящий рядом. — Его святилище находится в этом здании, украшенном драгоценными камнями.

Кугель пошел к указанному ему дому и, после долгих выяснений, был отведен к Преклятвенному Халму, человеку средних лет, коренастому и круглолицему. Кугель сделал знак младшему священнику, который с такой неохотой привел его сюда.

— Иди, мое послание для ушей одного Преклятвенного.

Преклятвенный махнул рукой, и младший священник удалился. Кугель подошел поближе к Халму.

— Я могу разговаривать, не боясь, что нас подслушают?

— Можешь не бояться.

— Во-первых, — сказал Кугель, — знай, что я — могущественный волшебник. Вот смотри: трубка, из которой вырывается голубой свет! А вот — список восемнадцати фаз Лагенетического Цикла! А вот инструмент — рог, который позволяет говорить мертвым, а при надобности может послужить средством, передающим последнее сообщение умершему. У меня есть еще много таких волшебных вещей.

— Очень интересно, — пробормотал Преклятвенный.

— Во-вторых, я хочу сказать тебе следующее: одно время я служил священником в Храме Теологов в далекой земле, где я узнал, что каждая из священных статуй и прочих предметов были сконструированы таким образом, что священник, если это было ему необходимо, мог совершать деяния, которые потом приписывались этому божеству.

— Что же в этом особенного? — с важностью заявил Преклятвенный. — Божество, контролирующее каждый аспект существования, иногда заставляет священников совершать подобные действия.

Кугель перешел к своему предложению.

— Поэтому я предположил, что фигуры статуй, изваянных у подножия Обелиска, тоже обладают этим свойством.

Преклятвенный улыбнулся.

— О какой именно статуе ты говоришь?

— Меня интересует статуя Гильфига.

Глаза Преклятвенного затуманились, казалось, он задумался.

Кугель указал рукой на разложенные волшебные инструменты.

— В ответ за услугу, которую я прошу оказать мне, я передам часть этих предметов в казну твоей общины.

— Что это за услуга?

Кугель подробно объяснил, что ему надо, и Преклятвенный задумчиво кивнул головой.

— Прошу тебя, продемонстрируй еще раз твои волшебные предметы.

Кугель повиновался.

— Это все, чем ты располагаешь?

С большой неохотой Кугель вытащил эротический талисман и объяснил его действие. Преклятвенный кивнул головой, на этот раз с живостью.

— Мне кажется, нам удастся договориться с тобой. Все будет так, как желает божественный Гильфиг.

— Значит, договорились?

— Договорились.

На следующее утро группа из пятидесяти пяти пилигримов пришла молиться к Черному Обелиску. Они простерлись ниц перед образом Гильфига и приготовились совершить свои обряды.

Внезапно глаза статуи полыхнули огнем, и рот ее приоткрылся.

— Пилигримы! — прозвучал суровый и властный голос. — Идите туда, куда я укажу вам! Вы должны отправиться через Серебряную пустыню на берег Сомганского моря! Там вы найдете мое святилище — в котором будете молиться! Идите! Через Серебряную пустыню, как можно скорее!

Голос затих.

Гарстанг произнес дрожащим голосом:

— Мы слышали, о Гильфиг! Мы повинуемся!

В этот момент вперед выскочил Кугель.

— Я тоже был свидетелем этого чуда! Я отправляюсь в путешествие вместе с вами! Пойдемте скорее, время не ждет!

— Не торопись, — ответил ему Гарстанг. — Мы не можем отправиться в путь, как дервиши. Необходимо взять с собой продовольственные запасы, так же как и вьючных животных. А для этого необходимы деньги. Кто внесет золото в общую казну?

— Я даю двести терций!

— А я — шестьдесят терций, все мое состояние!

— Я, потерявший девяносто терций, играя с Кугелем, обладаю только сорока, которые вношу с радостью!

И так говорил каждый, и даже Кугель внес в общий фонд шестьдесят шесть терций.

— Прекрасно! — сказал Гарстанг. — Тогда завтра я попытаюсь обо всем договориться, и на следующий день, если все будет благополучно, мы выйдем из Эрзе Дамат через старые Западные ворота!

4. Серебряная пустыня и Сомганское море

На утро Гарстанг с помощью Кугеля и Касмира отправился на поиски всего необходимого. Нужное им заведение, которое занималось снабжением путешественников, находилось где-то на пустынных бульварах старого города. Это здание окружала стена из кирпича и камня, скрепленных глиной, и из-за нее доносились самые разнообразные звуки: крики, плач, вой, рычание, визг и рев. В воздухе стоял сильный запах пота и навоза.

Пройдя сквозь ворота, наши путешественники вошли в контору, из которой открывался вид во двор, где в бесчисленных клетках и загонах содержалось такое количество самых разнообразных животных, что Кугель был поражен.

К ним подошел управляющий — высокий мужчина с желтой кожей, весь в шрамах, без носа и одного уха. На нем был серый кожаный плащ с поясом на талии и коническая черная шляпа с хлопающими полями.

Гарстанг объяснил, зачем они пришли.

— Мы — пилигримы, которые должны отправиться в путешествие через Серебряную пустыню, и хотим нанять вьючных животных. Нас больше пятидесяти человек, и путешествие наше продлится по двадцать дней в каждом направлении и еще пять дней нам нужны на наши обряды и молитвы. Пусть эта информация поможет тебе правильно снарядить нас. Естественно, мы хотим нанять самых выносливых, самых неприхотливых и незлобных животных.

— Все это очень хорошо, — ответил ему управляющий, — но я сдаю животных в наем по той же цене, что и продаю их, так что уж вам лучше и выгоднее будет просто купить их у меня и стать их владельцами.

— А цена? — спросил Касмир.

— Это зависит от вашего выбора. Каждое животное имеет свою цену.

Гарстанг, который внимательно осматривал двор, недоуменно покачал головой.

— Должен признаться, я в растерянности, — сказал он. — Каждое из этих животных отличается от других, и, по-моему, ни одно из них не подходит под обычную категорию.

Управляющий вынужден был признать, что так оно и есть.

— Если вам это интересно, я могу все объяснить. Это очень занимательная история и поможет вам управляться с теми животными, которых вы выберете.

— Значит, выслушав тебя, мы выгадаем вдвойне, — вежливо ответил Гарстанг, хотя Кугель все время нетерпеливо жестикулировал.

Управляющий подошел к полке и снял с нее переплетенный в кожу том.

— В далеком прошлом Сумасшедший король Катт приказал создать зверинец, равного которому не было никогда раньше, для своего личного развлечения и для того, чтобы возвыситься в глазах других королей. Его волшебник, Фоллиненс, сотворил целую группу зверей и монстров, каждый из которых был уникален, соединяя самые разнообразные виды — и вот перед вами результат.

— Зверинец существует уже столько времени? — в удивлении спросил Гарстанг.

— Конечно нет. Ничто из того, что было создано по велению Сумасшедшего короля Катта, не осталось, кроме как в легенде и в книге волшебника Фоллиненса. — Тут он постучал пальцем по толстому тому. — В ней содержится его блестящая систематология. Например...

Он открыл том.

— Вот тут... гмм... Вот, например, пояснение, несколько более доступное, чем другие, касающееся анализа полулюдей, всего лишь коротенькие заметки:

«Головотяп — гибрид человека, гаргойла, уорла и прыгающего насекомого.

Деоданд — оборотень, василиск, человек.

Бормотун — медведь, человек, ящерица, демон.

Гру — человек, очкастая летучая мышь, необычный гун.

Лейкоморф — неизвестен.

Василь — фелинодер, человек, возможно, оса.»

Касмир в удивлении хлопнул в ладоши:

— Неужели Фоллиненс сам создал этих чудовищ на горе и ужас человеку?

— Да не может этого быть, — сказал Гарстанг. — Скорее эти записи напоминают мне раздумья ученого. Дважды он признается в незнании.

— Таково и мое мнение об этих заметках, — сказал управляющий, — хотя в некоторых других местах он говорит с куда большей уверенностью.

— Тогда какое отношение те звери, которых мы сейчас видим, имеют к его зверинцу? — спросил Касмир.

Управляющий пожал плечами.

— Еще одна из причуд Сумасшедшего короля. Он выпустил всех зверей на волю, и те, ко всеобщему неудовольствию, разбежались по всей земле. Создания, обладающие способностью убивать электричеством, очень сильно расплодились, и сейчас они занимают всю Ропаронскую долину и Бланвальский лес.

— Все это прекрасно, но что же будет с нами? — вмешался

Кугель. — Нам нужны вьючные животные, крепкие, выносливые и терпеливые, а не уроды и чудовища, какими бы уникальными они ни были.

— Некоторые звери из моей коллекции могут выполнять эту работу, — с достоинством сказал управляющий. — Правда, они очень дорого стоят. С другой стороны, всего лишь за один терций вы можете приобрести длинношеее, большебрюхое, удивительно прожорливое животное.

— Цена очень привлекательна, — с сожалением произнес Гарстанг. — К несчастью, нам нужны животные, которые могли бы нести на себе запасы воды и пищи через Серебряную пустыню.

— В таком случае, сейчас посмотрим, что у нас тут имеется.

Управляющий принялся изучать свои списки.

— Высокий зверь на двух ногах, возможно, не такой свирепый, каким кажется с первого взгляда...

В конце концов были отобраны звери, общим числом пятнадцать, и после долгих торгов установлена цена за них.

Управляющий подвел зверей к воротам. Гарстанг, Кугель и Касмир приняли их и отвели все пятнадцать непохожих друг на друга существ в укромное место к Западным воротам, проведя по улицам Эрзе Дамата. Кугеля оставили присматривать за животными, а Гарстанг и Касмир отправились в лавки закупать продовольствие и прочие предметы первой необходимости.

К ночи все приготовления были закончены, и на следующее утро, когда первый одинокий луч света упал на Черный Обелиск, пилигримы отправились в путь. Звери несли мешки с провизией и бурдюки с водой, на всех пилигримах были новые ботинки и широкополые шляпы.

Гарстангу не удалось нанять проводника, но он купил у географа карту, хотя на ней не было ничего, кроме небольшого кружка, обозначенного, как Эрзе Дамат, и большого круга, изображающего Сомганское море.

Кугелю поручили вести в поводу одно животное с двенадцатью ногами, двадцати футов в длину, с маленькой, детской головкой, глупым ухмыляющимся ртом и краснобурым мехом, покрывающим все тело. Кугелю это поручение пришлось не по душе, потому что зверь все время тяжело дышал в его затылок и несколько раз подходил так близко, что почти наступал ему на пятки.

Из пятидесяти семи пилигримов, которые сошли с плота на берег, только сорок девять отправились молиться святому на берега Сонганского моря, и почти сразу же число их уменьшилось до сорока восьми. Некто Токарий, сойдя с дороги по

естественной нужде, был ужален гигантским скорпионом и огромными прыжками помчался на север, хрипло крича, пока не скрылся из виду.

Больше неприятностей не произошло. Земля была сухой, с редкой растительностью. К югу виднелась гряда низких холмов, и Кугелю показалось, что он различает какие-то фигуры, неподвижно стоящие на вершинах.

К заходу солнца караван остановился на привал, и Кугель, вспомнив о бандитах, которые, по слухам, жили в этой местности, уговорил Гарстанга выставить двух часовых — Липпельта и Мирс-Масена.

На утро часовые исчезли бесследно, и пилигримы были встревожены и угнетены этим обстоятельством. Они стояли, сбившись нервной кучкой, глядя во всех направлениях сразу. При неярком свете зари невысокое солнце освещало голую равнину. К югу виднелось несколько холмов, и только их вершины были достаточно освещены. Повсюду земля была плоской.

В конце концов караван отправился в путь, и теперь их было уже сорок шесть. Кугелю, как и раньше, вручили многоногое животное, которое на сей раз развлекалось тем, что игриво бодало его между лопатками.

День прошел без приключений, Мили, которые им предстояло пройти, были пройдены. Впереди шел Гарстанг, опираясь на свой посох, за ним Вита и Касмир и еще несколько пилигримов. За ними следовали вьючные животные — все разные: одни — приземистые и мускулистые, другие высокие, хрупкие, с фигурами, напоминающими человеческие, у одного, голова была сплюснута, как раковина рака-отшельника. Еще один зверь ковылял на шести негнущихся ногах, другой был похож на оседланную лошадь, но почему-то — крылатую.

За вьючными животными ковыляли остальные пилигримы, причем Блунер шел позади всех, тем самым подчеркивая свой характер — он был очень обидчив и мстителен.

Когда они остановились вечером на ночлег и разбили лагерь, Кугель окружил его палочками из слоновой кости, которыми раньше пользовался Войкод, и собрал всех людей поближе друг к другу.

На следующий день пилигримы пересекли невысокий горный кряж, и тут им пришлось выдержать нападение бандитов, но оно было очень коротким и скорее походило на разведку боем, чем на настоящее нападение. Никто не пострадал, кроме Ханта, которого ранили в пятку.

Но куда более серьезное событие произошло двумя часами позже. Когда они проходили под склоном горы, сверху со-

рвался и упал булыжник, который убил вьючного зверя, а также Андла Евангелиста и Горемонда Скептика. Этой же ночью Хант тоже умер: видимо, его рана была нанесена отравленным оружием.

С хмурыми лицами пилигримы отправились в дальнейший путь, и почти сразу же из засады на них напали бандиты. К счастью, пилигримы были настороже, и бандиты отступили, понеся большие потери человек в пятнадцать-двадцать, в то время как среди пилигримов погибли только Грэй и Магастейн.

Теперь в их рядах начался разлад и разговоры, и многие поглядывали в сторону Эрзе Дамата. Гарстанг попытался ободрить упавших духом:

— Мы — гильфигиты! Гильфиг говорил с нами! На берегах Сомганского моря мы найдем его святилище! Гильфиг всемогущий и всезнающий, все, кто служит ему, сразу же попадают в райский Гамамер! Пилигримы! Вперед! На запад!

Воспрянув духом, люди вновь двинулись вперед, и день прошел без приключений. Зато ночью нескольким вьючным стреноженным животным удалось освободиться, и они убежали из лагеря. Гарстанг был вынужден урезать всем пайки пищи и воды.

На седьмой день путешествия Тильфокс наелся ядовитых ягод и умер в страшных муках, после чего его брат, локутор Вита, принялся бегать по всему лагерю среди вьючных животных, понося Гильфига кощунственными словами и вспарывая бурдюки с водой ножом. Кугель вынужден был убить его.

Двумя днями позже измученная группа людей вышла к небольшому ручейку. Несмотря на все предостережения Гарстанга, Саянове и Арло бросились на землю и принялись пить воду большими жадными глотками. Почти сразу же они схватились за животы и стали кататься по земле и хрипеть, губы их приняли оттенок песка. Очень скоро они умерли.

Через неделю пятнадцать человек и четверо вьючных животных вышли на вершину холма и увидели спокойные воды Сомганского моря.

Кугель выжил, так же как и Гарстанг, Касмир и Субкул. Перед ними находилась болотистая местность, по которой протекал ручеек. Кугель поднес к воде амулет, который дал ему Никоню, и объявил, что ее безопасно пить. Они с наслаждением напились, поели водорослей, которые Кугель сделал съедобными, хотя и отвратительными на вкус, с помощью все того же амулета, и заснули.

Разбудило Кугеля тревожное предчувствие, и он мгновенно вскочил на ноги, услышав при этом зловещее шуршание в камышах.

Он разбудил своих товарищей, и они схватились за оружие, но кто бы там не шевелился, он, видимо, испугался их неожиданного пробуждения, и все опять стало тихо и спокойно.

Был вечер. Пилигримы вышли на пустынный берег, чтобы разобраться, что к чему. Они посмотрели на север и на юг, но никакого святилища, статуи или иного изображения Гильфига не было видно.

Разгорелась крупная ссора, и Гарстангу лишь с большим трудом удалось всех успокоить.

Затем Малч, который тем временем успел уйти куда-то далеко по берегу, вернулся крайне возбужденный и закричал:

— Деревня!

Они отправились вперед с надеждой, забыв об усталости, но когда приблизились, то перед ними предстало жалкое зрелище. Вся деревня состояла из нескольких тростниковых избушек, населенных людьми-ящерицами, которые обнажили зубы и стали бить по земле жилистыми голубыми хвостами, заметив пришельцев. Пилигримы пошли по берегу дальше и уселись на камни, глядя на волны Сомганского моря.

Гарстанг, усталый и измученный своей ролью руководителя экспедиции, заговорил первым. Он попытался придать своему голосу веселую уверенность.

— Мы дошли сюда, мы восторжествовали над ужасной Серебряной пустыней! Теперь нам осталось только найти какое-нибудь изображение Гильфига и совершить наши обряды. Затем мы сможем вернуться в Эрзе Дамат, а блестящее будущее нам обеспечено!

— Все это очень хорошо, — ворчал Малч. — Но где нам искать это изображение? И справа, и слева — одинаковый пустынный берег.

— Мы должны верить в то, что нас будет направлять Гильфиг! — заявил Субкул.

Он нацарапал стрелку на куске дерева, а затем дотронулся до нее священной лентой. Потом громко воззвал:

— О Гильфиг! Направь нас!

И бросил кусочек дерева высоко в воздух. Когда он упал, стрелка указывала на юг.

— Мы должны двигаться на юг! — вскричал Гарстанг. — На юг к святому изображению!

Но Малч и несколько других пилигримов, казалось, вовсе не были воодушевлены таким указанием.

— Неужели ты не видишь, что мы измучены практически до смерти? По моему, мнению Гильфигу следовало бы направлять нас, а не покидать, оставляя в нерешительности.

— Гильфиг только что направил наши стопы! — возму-

тился Субкул. — Разве ты не заметил, куда указывала стрела?

Малч сардонически хмыкнул и сказал своим сорванным и охрипшим голосом:

— Любая палка, брошенная вверх, должна упасть, и она с тем же успехом могла указать на север, как и на юг.

Субкул в ужасе отпрянул назад.

— Ты кощунствуешь!

— Ничего подобного, просто я не уверен, что Гильфиг слышал твое заклинание или, возможно, ты не дал ему времени подумать как следует. Брось свою палку сто раз, и если каждый раз стрелка будет указывать на юг, я в ту же секунду поспешу в этом направлении.

— Очень хорошо, — сказал Субкул. Он опять воззвал к Гильфигу и бросил деревянную дощечку высоко в воздух, но когда она упала на землю, стрелка на сей раз показывала на север.

Малч промолчал. Субкул заморгал глазами, затем покраснел.

— У Гильфига нет времени на дурацкие игры. Он направил нас один раз, и счел этого вполне достаточным.

— Я не убежден, — сказал Малч.

— И я.

— И я.

Гарстанг умиротворяюще воздел вверх руки.

— Мы пришли в далекие земли, мы путешествовали вместе, пили и ели вместе, спали вместе, вместе боролись и страдали, так давайте же сейчас не будем ссориться друг с другом!

Малч только пожал плечами.

— Мы не пойдем на юг вслепую, — сказал он.

— Что же тогда ты предлагаешь? Пойти на север? Или вернуться в Эрзе Дамат?

— В Эрзе Дамат? Без припасов, с четырьмя вьючными животными? Ха!

— Тогда пойдем на юг в поисках облика Гильфига.

Малч еще раз упрямо пожал плечами, что только разозлило Субкула.

— Пусть будет так! Кто пойдет на юг, становитесь по эту сторону. Те, кто остается с Малчем, — по эту!

Гарстанг, Кугель и Касмир присоединились к Субкулу, все остальные остались с Малчем — группа из одиннадцати человек. Они сейчас стали перешептываться друг с другом, в то время как четыре пилигрима внимательно наблюдали за ними.

Одиннадцать человек поднялись на ноги.

— Прощайте!

— Куда вы идете? — спросил их Гарстанг.

— Неважно. Идите и ищите святилище, если вы считаете, что должны это делать, а мы займемся своими делами.

Коротко попрощавшись, они направились к деревне людей-ящериц, где впоследствии убили всех самцов, сточили самкам зубы, одели их в тростниковые наряды и объявили себя повелителями деревни.

Тем временем Гарстанг, Субкул, Касмир и Кугель шли на юг по берегу моря. К ночи они разбили лагерь и поужинали моллюсками и крабами. Наутро они увидели, что вьючные звери сбежали.

— Такова воля Гильфига, — сказал Субкул. — Теперь нам остается только найти его изображение и умереть!

— Будь отважен! — пробормотал Гарстанг. — Не надо предаваться отчаянию!

— Что еще нам остается? Увидим ли мы опять когда-нибудь долину Фолгуса?

— Кто знает? Сначала нам надо совершить обряды перед изображением Гильфига.

Они продолжали свой путь, не останавливаясь, весь следующий день. К ночи они почувствовали слишком сильную усталость для того, чтобы разбить лагерь, и просто повалились на прибрежный песок.

Море расстилалось перед ними, круглое и плоское как стол, такое спокойное, что заходящее солнце просто отражалось в нем без обычной солнечной дорожки. Устрицы и крабы вновь послужили пилигримам скудным ужином, после чего все устало расположились на песке и уснули.

Примерно через час-другой после полуночи Кугель был разбужен звуками музыки. Взглянув на море, он увидел, что на воде возник призрачный город.

Изящные башни поднимались высоко в небо, освещенные блуждающими огоньками белого света, которые медленно плыли вверх и вниз.

По улицам и бульварам города ходили толпы веселящихся людей в белых сверкающих одеждах. Они дули в изящные рожки, извлекая из них нежные звуки. Барка, вся заваленная шелковыми подушками, проплыла мимо, развернув свой огромный шелковый парус. Фонари, горевшие на ее корме и носу, освещали царящее на палубе веселье: многие пели и играли на флейтах, остальные пили вино из хрустальных бокалов.

Кугель уставился в ночь, и сердце его защемило от тоски, какой он никогда не знал раньше. К своему удивлению, он обнаружил, что стоит на берегу моря у самой воды, и что Субкул, Гарстанг и Касмир стоят рядом с ним.

Каждый посмотрел один на другого, но ни один не произнес ни слова. Каждый из них в полном молчании вернулся на берег и улегся на прежнее место, и вскоре все опять спали.

Весь следующий день они очень мало разговаривали и даже старались избегать друг друга, так как каждый из них хотел остаться наедине со своими мыслями. Время от времени то один, то другой поглядывали в южном направлении, но никому не хотелось уходить и никто не заговаривал о том, что пора отправляться в путь.

Прошел день, и пилигримы отдыхали, как бы в полузабытьи. Зашло солнце, наступила ночь, но никто из них не ложился спать.

В середине ночи призрачный город появился снова, и сегодня там царило еще большее веселье. Фейерверки удивительной формы расцветали в небе: кружева, сети, звездные взрывы, красные, зеленые, голубые и серебряные. По улицам гуляли девушки изумительной красоты, одетые в скромные платья, играли музыканты в роскошных красных и оранжевых одеяниях и высоких треуголках. Часами длилось это веселье на воде, и Кугель зашел в воду по колено, любуясь праздником, пока город не начал постепенно таять и исчезать. Тогда он отвернулся и пошел на берег к своему месту, а остальные последовали за ним.

На следующий день все очень ослабели от голода и жажды. Хриплым надорванным голосом Кугель пробормотал, что они должны идти дальше. Гарстанг кивнул и сипло ответил:

— К святилищу Гильфига!

Субкул кивнул головой. Щеки его когда-то полного лица ввалились, затянутые пленкой глаза были затуманены.

— Да, — прошептал он. — Мы отдохнули, теперь мы должны продолжать свой путь.

Касмир безразлично кивнул головой.

— К святилищу!

Но ни один из них не тронулся с места.

Кугель прошел немного по берегу и уселся, дожидаясь ночи. Поглядев направо, он увидел человеческий скелет, отдыхающий в положении, очень похожем на то, какое сейчас приняло его живое тело. Задрожав, Кугель отвернулся в другую сторону и там, слева, увидел второй скелет, на этот раз иссушенный ветрами и непогодой, а за ним — еще один, тот был просто грудой костей.

Кугель поднялся на ноги и, спотыкаясь, побежал к пилигримам.

— Быстро! — выкрикнул он. — Пока у нас еще остались силы! На юг! Иначе мы погибнем, как те, чьи кости гниют здесь рядом!

— Да, да, — пробормотал Гарстанг. — К святилищу Гильфига!

И он с трудом поднялся на ноги.

— Пойдемте, — позвал он других. — Мы отправляемся на юг!

Субкул выпрямился, но Касмир после безнадежной попытки упал обратно на песок.

— Я останусь здесь, — сказал он. — Когда вы придете к святилищу, помолитесь за меня Гильфигу и объясните ему, что чары покорили меня.

Гарстанг хотел остаться и уговорить его одуматься, но Кугель указал ему на заходящее солнце.

— Если мы дождемся темноты, мы погибли! Завтра у нас вообще не останется сил!

Субкул взял Гарстанга за руку.

— Мы должны уйти отсюда до наступления темноты.

Гарстанг в последний раз с мольбой в голосе обратился к Касмиру:

— Мой друг и товарищ, соберись с силами! Мы пришли с тобой вместе из далекой долины Фолгуса, плыли на плоту по Скамандеру и пересекли Серебряную пустыню. Неужели же мы должны расстаться до того, как вместе отыщем священное изображение?

— Скорее пойдем к изображению! — прохрипел Кугель.

Но Касмир только отвернулся от них. Кугель и Субкул увели Гарстанга под руки, и слезы текли по его морщинистым щекам. Долгое время шли они на юг, отворачиваясь от моря.

Старое солнце село, озарив небо последними закатными лучами. Края облаков засверкали желтым на странном бронзово-коричневом небе. Опять появился город, и никогда не казался он более величественным, с его шпилями, которые золотил закатный свет. По улицам шли юноши и девушки с цветами в волосах. Иногда они останавливались, чтобы посмотреть на людей, упрямо шедших по пляжу. Закатные краски погасли, вновь в городе зажглись белые огни и по воде к ним донеслась музыка.

Долгое время слышали ее пилигримы и видели город, который начал таять лишь к самому концу ночи. Спокойные воды моря лежали перед ними на западе, и лишь несколько огоньков еще играли в них.

Примерно в это время три пилигрима наткнулись на ручеек с водой, по берегам которого росли ягоды и дикие сливы. Здесь они сделали привал и провели остаток ночи.

Наутро Кугелю удалось поймать рыбу и несколько крабов. Почувствовал прилив сил, они продолжали идти на юг, все время глядя по сторонам в поисках святилища, которое даже

Кугель ожидал увидеть каждую секунду, настолько сильна была вера Гарстанга и Субкула.

Но проходил день за днем, и именно самый твердый в вере Субкул первым начал приходить в отчаяние, рассуждая об искренности приказания Гильфига и начиная высказывать сомнения даже по поводу его добродетелей.

Чего они добились этим убийственным путешествием? Сомневается ли Гильфиг в их преданности? Ведь и так они доказали свою веру, присутствуя на Блестящем Обряде, так зачем же он послал их так далеко?

— Пути Гильфига неисповедимы, — сказал Гарстанг. — Раз уж мы зашли так далеко, нам надо все идти и идти, пока мы не достигнем своей цели!

Внезапно Субкул остановился и посмотрел назад, туда, откуда они пришли.

— Вот мое предложение. В этом самом месте давайте воздвигнем каменный алтарь, который будет для нас святилищем Гильфига, а затем совершим обряд. Выполнив то, что он от нас требовал, мы повернем обратно на север, в деревню, где живут сейчас наши товарищи. И там, если нам повезет, мы поймаем наших вьючных животных, пополним запасы продовольствия и отправимся через пустыню, чтобы, может быть, опять когда-нибудь увидеть Эрзе Дамат.

Гарстанг заколебался.

— В этом много разумного. И все же...

— Лодка! — вскричал Кугель.

Он указал на море, где примерно в полумиле от берега плыла рыбачья лодка с квадратным парусом, прикрепленным к длинной деревянной мачте. Она плыла к мысу примерно в миле к югу от того места, где стояли пилигримы, и внимательно посмотрев в том направлении, Кугель увидел деревню.

— Великолепно! — объявил Гарстанг. — Эти люди тоже могут быть последователями Гильфига, а в их деревне, вполне возможно, есть его святилище. Пойдемте скорее!

Субкул пошел неохотно.

— Неужели знание священных текстов могло проникнуть так далеко?

— Самое главное — это осторожность, — сказал Кугель. — Мы должны быть настороже.

И он повел их верхом, по лесу из тамариска, чтобы заглянуть в деревню со стороны суши.

Избушки в ней были сделаны из грубо отесанного камня, а люди, в них жившие, казались очень свирепыми на вид. Черные волосы прядями свисали на их серые, цвета глины, лица, черная густая щетина росла на плечах как эполеты.

Изо ртов как женщин, так и мужчин, торчали клыки, и разговаривали они какими — то воющими криками.

Кугель, Гарстанг и Субкул отступили назад в лес, двигаясь как можно осторожнее, и, спрятавшись среди деревьев, принялись негромко совещаться друг с другом.

Сначала Гарстанг заговорил убитым голосом, находя, что больше надеяться не на что.

— Я устал, как физически, так и духовно. Возможно, вот здесь я и умру.

Субкул посмотрел на север.

— Я вернусь и рискну перейти Серебряную пустыню. Если все будет хорошо, я опять увижу Эрзе Дамат и, может быть, долину Фолгуса.

Гарстанг повернулся к Кугелю.

— А что будешь делать ты, раз изображения Гильфига не удалось найти?

Кугель указал на пристань, где стояло несколько рыбачьих лодок.

— Мне надо попасть в Элмери, который находится за Сомганским морем. Наверное, я сяду в лодку и отправлюсь на запад.

— Тогда я пожелаю тебе доброго пути, — сказал Субкул. — Гарстанг, ты пойдешь со мной?

Гарстанг покачал головой.

— Это слишком далеко. И, конечно, я не перенесу еще одного путешествия по пустыне. Я отправляюсь через море с Кугелем и принесу слово Гильфига людям Элмери.

— Тогда прощай и ты, — сказал Субкул.

Потом он быстро отвернулся, стараясь, чтобы товарищи не увидели выражения его лица, и пошел на север.

Кугель и Гарстанг смотрели, как постепенно удаляется его фигура, становясь все меньше и меньше, затем они повернулись и еще раз осмотрели причал. Гарстанг разглядывал рыбачьи лодки с сомнением.

— Эти баркасы кажутся мне достаточно надежными, но ведь ты просто собираешься украсть один из них, а этот грех особо тяжело карается Гильфигом.

— В чем же тут трудность? — сказал Кугель. — Я просто положу золотые монеты на причал, честно заплатив за баркас.

Гарстанг опять с сомнением покачал головой.

— А где ты собираешься взять припасы продовольствия и свежую воду?

— Добыв себе баркас, мы сначала отправимся вдоль берега, пока нам не удастся напасть на ручеек и запастись достаточным запасом продовольствия, и только потом поплывем на запад.

На это Гарстанг согласился, и два пилигрима принялись осматривать лодки, сравнивая одну с другой. В конце концов они остановились на крепком баркасе, примерно двенадцати футов длиной с крепкой мачтой и небольшой кабиной на палубе.

Вечером они прокрались на причал. Все было спокойно, рыбаки вернулись в деревню. Гарстанг забрался на баркас и доложил, что тот в прекрасном состоянии и готов к отплытию. Кугель принялся отвязывать веревку, но с конца причала донесся яростный крик и примерно дюжина волосатых деревенских жителей кинулась к лодке.

— Мы погибли! — вскричал Кугель. — Беги скорее или, если можешь, плыви!

— Невозможно! — ответил Гарстанг. — Если это и есть моя смерть, я встречу ее со всем достоинством, на которое еще способен!

И с этими словами он выбрался на причал.

Через некоторое время они были окружены толпой деревенских жителей, привлеченных шумом. Один из них, старейшина деревни, обратился к ним строгим голосом:

— Что вы делаете здесь, на нашем причале? Собираетесь украсть лодку?

— Причина очень проста, — ответил Кугель. — Мы хотим переплыть море.

— Что? — взревел старейшина. — Как это возможно? В этом баркасе нет запасов пищи и воды, и он плохо снаряжен для такого путешествия. Почему вы не пришли к нам и не сказали, в чем нуждаетесь?

Кугель заморгал глазами и посмотрел на Гарстанга. Тот пожал плечами.

— Я буду честен. Ваша внешность внушила нам такие опасения, что мы не решились этого сделать.

Эти слова вызвали в толпе изумление и веселье. Старейшина заговорил:

— Все мы очень удивлены. Объясни свои слова, если тебе не трудно.

— Хорошо, — сказал Кугель. — Могу я говорить совсем откровенно?

— Ну, конечно же!

— Некоторые детали вашей внешности кажутся нам страшными и варварскими: ваши торчащие клыки, черная грива, которая окружает ваши лица, ваша крикливая речь — это в основном.

Деревенские жители изумленно рассмеялись, как бы не веря словам Кугеля.

— Что за ерунда! — вскричали они. — Наши зубы длин-

ны, чтобы мы могли разрывать ими жесткую рыбу, которая является для нас основным продуктом питания. Мы специально носим наши волосы таким образом, чтобы предохранить себя от насекомых, а так как все мы очень плохо слышим, поэтому и кричим. А в основном мы люди добрые и спокойные.

— Вот именно, — подтвердил старейшина, — и чтобы доказать это, мы завтра же снарядим свою лучшую лодку и отправим вас в ней с наилучшими пожеланиями. А сегодня будет пир в вашу честь!

— Вот деревня истинной святости, — заявил Гарстанг. — Вы, случайно, не поклоняетесь Гильфигу?

— Нет, мы приносим жертвы богу-рыбе Лоб, который ничуть не хуже остальных богов. Но пойдемте в деревню, чтобы приготовиться к пиру.

Они поднялись по ступенькам, высеченным в горе, и добрались до площади, освещенной дюжиной пылающих факелов.

Старейшина указал на избушку, выглядевшую приличнее остальных.

— Вот здесь вы проведете ночь, отдыхая, а я буду спать в другом месте.

Гарстанг опять сказал о благородстве рыбаков, старейшина наклонил голову.

— Мы пытаемся достичь духовного единения. Мы символизируем этот идеал в основном блюде нашего церемониального пира.

Он повернулся, хлопнув в ладоши.

— Приготовиться!

Огромный котел был повешен на треножнике, рядом лежали деревянная доска и острый нож. Каждый житель, проходя мимо доски, отрезал кусок от своего пальца и бросал его в котел.

Старейшина объяснил:

— Этим простым обрядом, к которому вы, естественно, должны присоединиться, мы демонстрируем нашу общность и нашу зависимость друг от друга. Пойдемте, встанем в очередь.

У Кугеля и Гарстанга не осталось другого выхода, как отрезать по пальцу и бросить в общий котел.

Пир затянулся далеко за полночь. А утром жители деревни сделали все, как они обещали. Очень прочный и устойчивый баркас был загружен провизией и водой, включая и продукты, оставшиеся от ночного пира.

Жители деревни собрались на причале. Кугель и Гарстанг выразили свою признательность, затем Кугель поднял парус, а Гарстанг поднял якорь. Ветер наполнил парус, и лодка за-

скользила по водам Сомганского моря. Постепенно берег стал лишь далекой линией на горизонте, и двое путешественников очутились в полном одиночестве, и только свинцовый блеск волн окружал их со всех сторон.

Наступила ночь, и все осталось по-прежнему: вода внизу, небо наверху и тишина повсюду. День тянулся долго и казался нереальным как сон, и меланхоличному великолепию заката предшествовало появлению тумана цвета разбавленного вина.

Поднялся ветерок, и всю ночь они плыли на восток. Но к утру ветер стих, и Кугель с Гарстангом уснули, в то время как паруса лениво хлопали над их головами.

Все это повторилось восемь раз. На утро девятого дня впереди показалась низкая береговая линия. И к вечеру нос их лодки уткнулся в белый песок широкого морского берега.

— Значит, это и есть Элмери? — спросил Гарстанг.

— Хочется верить, — сказал Кугель. — Но какая его часть, я не знаю. Азиномея может находиться к северу, западу или югу. Если лес, который виднеется вон там, находится в восточном Элмери, то лучше нам обойти его как можно дальше стороной, потому что у него нехорошая репутация.

Гарстанг указал на берег.

— Обрати внимание: еще одна деревня. Если люди здесь такие же, как и по ту сторону моря, то они помогут нам продолжить путь. Пойдем, попросим у них все, что нам нужно.

Кугель отступил на несколько шагов назад.

— Думаю, сначала неплохо бы все разведать.

— Для чего? — спросил Гарстанг. — В прошлый раз мы только все неверно истолковали и оказались в дурацком положении.

Они зашагали по пляжу, по направлению к деревне. Приблизившись, они разглядели людей, идущих по центральной площади: прекрасных мужчин с золотыми волосами, которые переговаривались друг с другом голосами, звучавшими сладкой музыкой.

Гарстанг с радостью направился к ним, ожидая, что его встретят еще более радушно, чем на том берегу, но деревенские жители при виде пилигримов тут же накинули на них сети.

— Зачем вы это делаете? — обратился к ним Гарстанг. — Мы здесь посторонние и никому не хотим причинить зла!

— Вот именно, вы здесь посторонние! — заговорил самый высокий из золотоволосых жителей деревни. — Мы поклоняемся ненасытному богу, известному под именем Дангота. Все посторонние — еретики, и поэтому их скармливают священным обезьянам.

С этими словами они потащили путешественников прямо по земле, усеянной острыми камнями, в то время как прекрасные дети их весело смеялись и плясали рядом.

Кугелю удалось вытащить трубку, полученную им у Войкода, и он осветил деревенских жителей голубым светом. В испуге они попадали на землю, и Кугелю удалось высвободиться из сетей. Выхватив шпагу, он кинулся, чтобы освободить Гарстанга, но жители деревни уже пришли в себя.

Еще раз Кугель использовал свою трубку, и они отскочили в страшном испуге.

— Иди, Кугель, — заговорил Гарстанг. — Я старый человек, и мне немного осталось жить. Беги, спасайся, я желаю тебе от всей души самого хорошего.

— Я так и поступил бы, — задумчиво ответил Кугель. — Но эти люди разбудили во мне благородные стремления, так что выбирайся из сети, мы отступаем вместе.

Еще раз он вызвал панику голубым светом. Гарстанг тем временем освободился, и они побежали по берегу моря.

Деревенские жители бросились за ними, кидая в них гарпунами. Один из первых же брошенных гарпунов проткнул Гарстангу спину. Он упал, не издав ни одного звука.

Кугель повернулся и направил в их сторону трубку, но заклинание больше не действовало, и появился всего лишь слабый лучик света. Деревенские жители вновь подняли гарпуны. Кугель выругался, прокричал проклятие, увернулся, кинулся в сторону, и гарпуны вонзились в песок рядом с ним.

Погрозив им кулаком, он повернулся и убежал в лес.

Глава 6
ПЕЩЕРА В ЛЕСУ

Кугель шел сквозь Старый лес шаг за шагом, часто останавливаясь, чтобы прислушаться, не хрустнула ли где-нибудь ветка, не слышатся ли крадущиеся шаги или чье-нибудь дыхание. Его осторожность хотя и не позволяла идти быстро, не была лишней: слишком многие существа входили в этот лес с совершено иной целью, нежели он. Однажды в страшных сумерках ему удалось заметить двух деодандов и убежать от них. Еще раз он остановился на самом краю опушки, на которой размышлял невесть о чем лейкеморф, после чего Кугель стал вести себя еще более осторожно, скользя от дерева к дереву, вглядываясь и вслушиваясь. Пробегая открытые пространства как можно скорее и как можно бесшумнее,

он вел себя так, как будто от соприкосновения с землей у него болели ноги.

Ближе к вечеру он вышел на небольшую полянку, окруженную черными мандуарами, высокими и чванливыми, как монахи в капюшонах. Несколько красных лучей солнца, попадавших на полянку, освещали искривленное дерево, к которому был приколот лист пергамента.

Стоя в тени деревьев, Кугель долгое время изучал полянку, затем сделал шаг вперед и взял кусок пергамента в руки. Округлыми буквами на нем было написано:

МУДРЕЦ ЗАРАЙДЕС ДЕЛАЕТ ВАМ ЩЕДРОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ! ТОТ, КТО НАЙДЕТ ЭТО ПОСЛАНИЕ, МОЖЕТ ПОТРЕБОВАТЬ И ПОЛУЧИТЬ ОДИН ЧАС КОНСУЛЬТАЦИИ ПО ЛЮБОМУ ВОПРОСУ БЕСПЛАТНО! В БЛИЖАЙШЕМ ХОЛМЕ — ВХОД В ПЕЩЕРУ. МУДРЕЦА МОЖНО НАЙТИ В НЕЙ.

Кугель с удивлением посмотрел на пергамент. У него возник вопрос: с какой стати Зарайдес делится своими знаниями и советами с такой щедростью? Закон Равновесия должен выполняться в любом случае. Если Зарайдес дает советы — не говоря, конечно, об абсолютном альтруизме — он должен ожидать чего-то взамен: если не денег, то знаний о каких-то далеких событиях. А, может быть, он рассчитывает на вежливое внимание со стороны людей, которым он помимо совета будет высказывать свои философские взгляды или что-нибудь в этом роде?

Кугель еще раз перечитал послание и отнесся к нему еще более скептически. Он выкинул бы кусочек пергамента, если бы не срочная необходимость в информации, в особенности о самой безопасной дороге к дому Никоню, а также о способе сделать Смеющегося Мага беспомощным.

Кугель огляделся вокруг в поисках холма, о котором говорилось в пергаменте. В самом конце лужайки земля постепенно поднималась вверх, и, подняв глаза, Кугель увидел искривленные ветви и скрученные листья растущих наверху баобабов.

С максимальной осторожностью Кугель продолжал пробираться через лес и в конце концов остановился у неожиданно возникшей перед ним серой скалы, окруженной деревьями и виноградными лозами — несомненно, это был тот самый склон, о котором говорилось в объявлении.

Кугель стоял, потирая подбородок. Он прислушался: все было спокойно, тихо и безмятежно. Стараясь держаться в тени, он пошел вокруг холма и в конце концов очутился у пещеры, вход в которую был высотой в рост среднего человека и шириной примерно в размах его рук.

Наверху висел плакат, написанный кривыми буквами:

ВХОДИ: МЫ ПРИВЕТСТВУЕМ КАЖДОГО.

Кугель посмотрел в одну сторону, потом в другую. Ни шума, ни движения не было слышно в лесу. Он сделал несколько осторожных шагов вперед, заглянул вглубь пещеры, но не увидел ничего, кроме темноты.

Кугель отошел назад. Несмотря на всю доброжелательность плаката он вовсе не собирался, очертя голову, бежать туда, и поэтому, укрывшись за ближайшими растениями, внимательно наблюдал за входом в течение пятнадцати минут.

Прошло еще пятнадцать минут. Кугель поменял положение, и сейчас, справа от себя, увидел приближающегося человека, который двигался с не меньшей осторожностью, чем он сам. Новоприбывший был среднего роста, одет в грубые крестьянские одежды: серые брюки, ржавого цвета блузу, коричневую шляпу набекрень, украшенную пером.

У него было круглое лицо, несколько грубоватое, с коротким носом, маленькими глубоко посаженными глазами, тяжелым подбородком и огромной бородавкой на щеке. В руке он крепко держал пергамент, такой же, какой нашел Кугель.

Кугель поднялся на ноги. Новоприбывший в ту же секунду остановился, затем пошел вперед.

— Ты Зарайдес? Если так, то знай, что я — Фабели, травник. Я ищу заросли дикого лука-порея. Кроме того, дочь моя стонет и мечется и...

Кугель поднял вверх руку:

— Ты ошибся. Зарайдес находится в своей пещере.

Глаза Фабели подозрительно сузились.

— Кто же ты в таком случае?

— Я Кугель. Как и тебе, мне нужен совет.

Фабель понимающе кивнул головой.

— Ты уже проконсультировался с Зарайдесом? Он действительно все знает и ему можно доверять? Требует ли он плату за свои советы? Или все, о чем сказано в объявлении, — сущая правда?

— Ты можешь не сомневаться, — сказал Кугель. — Все именно так и есть. Зарайдес, который, по-видимому, знает все науки, делится своими знаниями просто так. Все мои затруднения разрешены.

Фабели искоса поглядел на него.

— Почему тогда ты ждешь у самой пещеры?

— Я тоже травник, и я придумываю новые вопросы, а в особенности меня интересует, почему на близлежащей поляне растет так много дикого лука-порея.

— Вот как! — воскликнул Фабели, возбужденно щелкая

пальцами. — Продумывай свои вопросы тщательно, а я пока зайду внутрь и спрошу о болезни моей дочери.

— Как хочешь, — сказал Кугель. — Но если ты собираешься задержаться там надолго, то учти, что я быстро составляю свои вопросы.

Фабели высокомерно взмахнул рукой.

— Но как бы ты не спешил, я успею зайти в пещеру и выйти из нее, потому что я все люблю делать быстро, чем скорее — тем лучше.

Кугель поклонился.

— В таком случае проходи.

— Я буду краток.

И Фабели нырнул в пещеру.

— Зарайдес! — выкрикнул он. — Где мудрец Зарайдес? Я — Фабели, и я желаю задать тебе вопросы, Зарайдес! Будь так добр, покажись!

Голос его стал приглушенным. Кугель, напряженно вслушиваясь, услышал звук открывшейся и закрывшейся двери, затем наступила тишина.

Задумавшись, он остался терпеливо ждать.

Прошли минуты... затем час. Красное солнце стало скользить по небу вниз и скрылось за холмом.

Кугель начал нервно ерзать на месте. Куда делся Фабели? Он прислушался: опять звук открывшейся и закрывшейся двери? Да, а вот и Фабели — значит все было в порядке!

Фабели выглянул из пещеры.

— Где Кугель-травник?

Он говорил резким хриплым голосом.

— Зарайдес не желает сесть за банкетный стол и отказывается говорить о луке-порее, разве что только в общих чертах, до тех пор, пока ты не зайдешь к нему.

— Банкет? — с интересом спросил Кугель. — Неужели Зарайдес настолько гостеприимен?

— Конечно, а разве ты сам не заметил увешанный гобеленами зал, хрустальные кубки, серебряные блюда?

Фабели говорил каким-то мрачным тоном, очень удивившим Кугеля.

— Но пойдем, я тороплюсь и мне некогда ждать. Если ты уже отобедал где-нибудь, то я проинформирую Зарайдеса об этом.

— Ну что ты, — с важностью проговорил Кугель. — Я сгорю от стыда, если обижу Зарайдеса своим отказом. Указывай мне путь, я следую за тобой.

— Тогда пойдем!

Фабели повернулся, и Кугель последовал за ним в пещеру где ему в нос ударил ужасающий запах. Он остановился.

— По-моему, тут немного пахнет, и запах мне неприятен.

— Я обратил на это внимание, — ответил Фабели. — Но когда мы войдем в дверь, запах сразу же исчезнет!

— Очень хочу на это надеяться, — сварливо сказал Кугель. — Иначе у меня пропадет аппетит. Но где...

Но не успел он закончить фразу, как на него накинулись какие-то маленькие быстрые создания с липкой кожей и тем самым зловонным запахом, который он уловил, едва войдя в пещеру.

Повсюду звенели высокие пронзительные голоса, с его пояса сорвали шпагу и кошелек и втолкнули в узкую нору. Он оказался в землянке с низким потолком, и в мелькающем желтом свете увидел своих похитителей. Это были существа в половину его роста, с острыми личиками, с ушами на макушке. Они ходили чуть прихрамывая, колени их, казалось, были развернуты в другую сторону, не как у нормальных людей, а их ноги в сандалиях казались очень мягкими и подвижными.

Кугель с изумлением огляделся вокруг. Рядом скрючился Фабели, глядя на него одновременно с ненавистью и злобным удовлетворением. Только сейчас Кугель увидел, что на шее Фабели был металлический ошейник, от которого шла тонкая железная цепочка. В дальнем конце землянки сидел старый человек с длинными белыми волосами, на котором был такой же ошейник и цепь. Кугель все еще продолжал оглядываться вокруг, а крысолюди уже надели ошейник на его собственную шею.

— Эй, постойте! — в негодовании вскричал Кугель. — Что все это значит? Такое обращение недопустимо!

Крысолюди оттолкнули его и убежали по своим делам. Кугель увидел длинные омерзительные хвосты, торчащие чуть не из-под поясницы и свисавшиее до земли.

— Это бесчеловечно! — разбушевался Кугель. — Я отомщу!

— Ха! — сказал Фабели. — Не раздражай меня своими жалобами. В любом случае ты первый заманил меня в эту пещеру из-за своей бесчеловечности.

— Да? Я позабочусь, чтобы ты получил по заслугам! Разве у тебя были причины поступать так со мной?

— Все очень просто: крысолюди отнюдь не такие дураки! Тот, кто завлечет двух других людей в пещеру, получит свободу. Тебя я уже завлек — теперь мне остается еще один, и я стану свободен. Разве это не верно, Зарайдес?

— Только в самых общих чертах, — ответил старик. — Ты не можешь приписать этого человека на свой счет: если бы была соблюдена справедливость, свободу получил бы я — ведь это мои пергаменты привели вас в эту пещеру?

— К пещере, но не в нее! — объявил Фабели. — Это очень тонко, и здесь следует тщательно разобраться! Крысолюди все обдумали, и потому тебя не освободили!

— В таком случае, — сказал Кугель, — я требую, чтобы ты сам был записан на мой счет, так как это я послал тебя в пещеру, чтобы узнать, что в ней происходит.

Фабели покачал головой.

— Тебе придется обсуждать это с крысолюдьми.

Он нахмурился и заморгал своими маленькими глазками.

— А почему бы мне не сказать, что я — тот самый второй человек, который сам себя заманил в пещеру? Да, об этом стоит поразмышлять.

— Неверно, неверно! — раздался пронзительный голос из-за решетки. — Мы считаем только тех особей, которые заманены к нам пленником после своего пленения. Фабели нельзя записать ни на чей счет. Ему, однако, приписывается один человек, а именно тот, кто назвался Кугелем. На счету Зарайдеса нет никого.

Кугель попробовал ошейник, подергав за него.

— А что будет, если нам не удастся заманить сюда никого?

— У вас есть месяц времени, не более. Если за этот месяц вам ничего не удастся сделать, вы будете сожраны.

Фабели заговорил трезвым рассудительным голосом:

— Мне кажется, что я уже почти что свободен. Совсем неподалеку меня ожидает дочь. Она возгорелась страстью к лукупорею, и совсем забросила домашнее хозяйство. Это будет только справедливо, если я стану свободен благодаря ей.

И Фабели кивнул головой с глубоким удовлетворением.

— Мне очень интересно понаблюдать за твоими методами, — заметил Кугель. — Скажи, где именно ее можно найти и как позвать?

Выражение на лице Фабели стало одновременно и подозрительным и злобным.

— Я ничего тебе не скажу! Если ты собираешься заманивать сюда людей, то изобретай свои методы!

Зарайдес указал рукой на стол, на котором лежали листы пергамента.

— Я привязываю свои объявления к крылатым семенам, которые затем разносятся ветром по лесу. Но этот метод не слишком хорош, так как мне приходится выпускать семена из отверстия пещеры, и поэтому их далеко не уносит. Боюсь, что мне осталось жить всего пять дней. О, если бы только у меня были мои тома, мои рукописи, мои книги и записные книжки! Какие заклинания! Я бы уничтожил эту пещеру, я бы наделал из этих чудовищ факелов зеленого пламени! Я бы наказал Фабели за то, что он оказался хитрее меня... Гм...

Каким бы заклятием я бы заклял его? Вращением? Мучительным Чесанием Люгвиллера?

— Заклинание Безнадежного Отчаяния имеет свои преимущества, — подсказал Кугель.

Зарайдес кивнул головой.

— Это совсем неплохая идея... Но все это пустые мечты: книги моих заклинаний отняты у меня и спрятаны в потайном месте.

Фабели фыркнул и отвернулся. Из-за каминной решетки донеслось замечание, сделанное пронзительным голосом:

— Сожаления и извинения не прибавят к вашему счету ровно ничего. Посмотрите лучше на Фабели! Он уже заманил одного и сейчас размышляет, как добыть второго. Вот таких молодцов и в плен брать приятно!

— Это я взял его в плен, — заявил Кугель. — Неужели и здесь нет справедливости? Это я послал его в пещеру, и его следует записать на мой счет!

Зарайдес протестующе закричал:

— Ни в коем случае! Кугель искажает существо дела! Если уж говорить о справедливости, то и Кугеля, и Фабели следует записать на мой счет.

— Все будет, как я сказал, — объявил пронзительный голос.

Зарайдес вскинул вверх руки и пошел писать пергаменты, лихорадочно чиркая пером. Фабели скорчился на стуле и о чем-то задумался. Кугель, проползая мимо, ударил по ножке стула, и Фабели шлепнулся на пол. Он поднялся и прыгнул на Кугеля, который бросил в него стулом.

— К порядку! — провозгласил резкий тонкий голос. — К порядку, или вы будете наказаны!

— Кугель выбил из-под меня стул, и я растянулся на полу, — пожаловался Фабели. — Почему его не наказывают?

— Чистейшая случайность, — заверил Кугель. — По-моему раздражительного Фабели следует держать отдельно по крайней мере в течение двух или трех недель.

Фабели начал было что-то кричать, брызгая слюной, но резкий голос из-за решетки приказал всем замолчать.

Через некоторое время им принесли пищу: недожаренную грубую свинину с неприятным запахом. После еды их заставили переползти в куда более тесную нору на нижнем уровне, где их приковали к стене. Кугель заснул тревожным сном, но был разбужен, когда через отверстие позвали Фабели.

— Твоя записка была доставлена, и ее прочитали с большим вниманием.

— Прекрасные вести! — раздался голос Фабели. — Завтра я буду уже гулять по лесу свободным человеком!

— Молчать! — прохрипел Зарайдес из темноты. — Неужели я должен писать пергаменты для твоей выгоды, да при том еще лежать по ночам и не спать из-за твоего отвратительного воя?

— Ха, ха! — ликовал Фабели. — Послушайте только этого глупого волшебника!

— Увы! Где хоть одна моя книга! — застонал Зарайдес. — Тогда ты запел бы совсем другую песню!

— А в какой именно части пещеры можно найти твои книги? — осторожно спросил Кугель.

— Об этом ты должен спросить этих зловонных грызунов. Они схватили меня неожиданно.

Фабели поднял голову и пожаловался.

— Вы что, собираетесь обмениваться воспоминаниями всю ночь? Я хочу спать.

Взбешенный Зарайдес принялся ругать Фабели с таким жаром, что крысолюди вбежали в нору и вытащили его оттуда, оставив Фабели и Кугеля наедине.

На следующее утро Фабели съел свою свинину очень быстро.

— А сейчас, — крикнул он в каминную решетку, — снимите с меня этот ошейник, чтобы я мог отправиться и привести второго пленника, так как Кугель является первым!

— Безобразие, — пробормотал Кугель.

Крысолюди, не обращая внимания на протесты Фабели, еще туже затянули ошейник вокруг его шеи, закрепили цепочку и выволокли его, ползущего на руках и коленях, после чего Кугель остался один.

Он попытался сесть прямо, но уперся в потолок пещерки, и опять рухнул на локти.

— Черт бы побрал этих крыс! Надо мне как-то удрать от них. К сожалению, у меня нет родственников, как у Фабели, и неизвестно, удастся ли найти книги Зарайдеса. Однако, вполне возможно, что другие люди могут оказаться рядом с пещерой по тем же причинам, что и мы с Фабели.

Он повернулся к каминной решетке, из-за которой сверкали глаза их надсмотрщика.

— Для того, чтобы заполучить для вас двух пленников, я желаю сидеть у входа в пещеру!

— Это разрешается, — объявил надсмотрщик. — Естественно, наблюдение будет усилено.

— Наблюдение — это вполне понятно, — согласился Кугель. — Однако мне требуется, чтобы ошейник и цепь сняли с моей шеи. Увидев их, даже самые глупые не захотят зайти внутрь пещеры.

— В том, что ты говоришь, что-то есть, — признался над-

смотрщик. — Но если мы все с тебя снимем, что помешает тебе улизнуть?

Кугель выдавил из себя оскорбленный смешок:

— Неужели я похож на человека, который может обмануть чье — то доверие? К тому же зачем мне уходить, если я с легкостью могу заманивать сюда человека за человеком и записывать их на свой счет?

— Мы сделаем определенные приготовления.

Мгновением позже несколько крысолюдей вбежали в пещеру. Ошейник с цепью был снят с шеи Кугеля, затем крысолюди схватили его за правую ногу, продели серебряную булавку сквозь лодыжку и прикрепили к ней все ту же цепь, причем Кугель от возмущения не нашел, что сказать, и молча наблюдал за всей процедурой.

— Теперь цепь больше не видна и не вызывает подозрений, — заявил один из крысолюдей. — Можешь спокойно стоять перед пещерой и привлекать прохожих, если тебе это больше нравится.

Все еще продолжая стонать от боли в ноге, Кугель выполз в более высокую часть пещеры, где с цепью вокруг шеи сидел Фабели, ожидая прибытия своей дочери.

— Куда ты идешь? — подозрительно спросил он.

— Я собираюсь ходить перед пещерой, чтобы привлекать прохожих и заманивать их.

Фабели раздраженно фыркнул.

Кугель вышел и остановился неподалеку от пещеры. Он осмотрелся и звонко крикнул:

— Есть тут кто-нибудь поблизости?

Не получив ответа, он принялся шагать взад и вперед, позвякивая на ходу металлической цепью.

Вскоре он заметил, как между деревьями мелькнуло желто-зеленое платье, и появилась дочь Фабели, неся в руках корзину и топор. При виде Кугеля она остановилась и нерешительно приблизилась к нему.

— Я ищу Фабели, который попросил принести ему кое-какие необходимые предметы.

— Я возьму их, — сказал Кугель, протягивая руку за топором, но крысолюди были настороже и быстро втянули его обратно в пещеру.

— Она должна положить топор на вот тот камень, подальше от пещеры — прошипел в ухо Кугелю один из них. — Выйди и скажи ей об этом.

Прихрамывая, Кугель опять вышел из пещеры. Девушка с удивлением смотрела на него.

— Зачем это ты так странно прыгнул спиной назад?

— Я тебе расскажу, — сказал Кугель, — потому что это

очень странная история, но сначала ты должна положить топор и корзинку вон на тот камень, туда скоро подойдет Фабели.

Из пещеры донесся слабый протест, который быстро был заглушен.

— Что это был за звук? — спросила девушка.

— Сделай с топором то, что я тебе сказал, и я все тебе открою.

Удивленная девушка взяла топор и корзину и отнесла их к указанному камню, затем вернулась.

— Ну, так где же Фабели?

— Фабели мертв, — сказал Кугель. — Телом его временно завладел злой дух, ни в коем случае не обращай на него внимания — вот тебе мой совет и предупреждение.

При этом Фабели издал тяжелый стон и крикнул из пещеры:

— Он лжет, он лжет! Приди сюда в пещеру!

Кугель поднял руку ладонью вверх.

— Ни в коем случае! Будь осторожна!

В удивлении и ужасе девушка уставилась на пещеру, из которой выбрался наружу Фабели, пытаясь как можно убедительнее жестикулировать. Девушка отпрянула.

— Иди, иди сюда! — звал Фабели. — Войди в пещеру!

Девушка отрицательно покачала головой, и Фабели в ярости попытался вырваться. Крысолюди торопливо втащили его обратно, но, очутившись в пещере, Фабели принялся бороться с такой яростью и отчаянием, что крысолюди вынуждены были убить его и затащить труп в нору.

Кугель внимательно прислушался, потом повернулся к девушке и кивнул головой.

— Вот сейчас все в порядке. Фабели оставил у меня кое-какие ценности, и если ты пройдешь со мной в пещеру, я отдам их тебе.

Девушка в изумлении покачала головой.

— У Фабели никогда не было никаких ценностей!

— Да ты только посмотри на них!

И Кугель вежливо пропустил ее к входу в пещеру.

Она сделала шаг вперед, заглянула внутрь, и в ту же секунду крысолюди схватили ее и втащили внутрь.

— Это очко в мою пользу! — крикнул Кугель в пещеру. — Не забудьте отметить это событие в своих записях!

— Мы отметим, — раздался голос из пещеры. — Еще один человек, и ты можешь быть свободным.

Весь остаток дня Кугель бродил перед пещерой, пристально всматриваясь в просветы между деревьями, но так никого больше не увидел.

Перед заходом солнца его втащили обратно в пещеру и провели в ту самую нору с низким потолком, где он провел предыдущую ночь. В ней уже находилась дочь Фабели. Голая, в синяках, она посмотрела на него отсутствующими глазами. Кугель попытался заговорить с ней, но она, казалось, лишилась дара речи.

Была подана вечерняя свинина. Поедая ее, Кугель оценивающе осматривал девушку. Она была очень привлекательна даже грязная, испуганная и в синяках. Кугель подполз к ней поближе, но запах крысолюдей был настолько силен, что погасил его вожделение, и он вернулся на свое место.

Ночью в норе раздался какой-то звук: царапанье, скрип, скрежет. Кугель, сонно моргая, приподнялся на локте и увидел, как целый квадрат пола внезапно приподнялся, а на теле девушки заиграл какой-то желтый свет.

Кугель закричал, услышав его крик, в нору вбежали крысолюди с трезубцами, но было слишком поздно — девушку украли.

Крысолюди были крайне рассержены. Они подняли камень, ругаясь на чем свет стоит, и заглянули в отверстие пола. Некоторые кинулись в это отверстие с явным желанием отомстить. Один из крысолюдей нервно объяснил Кугелю, в чем дело:

— Внизу под нами живут другие существа, они обманывают нас, как только могут. Но когда-нибудь мы отомстим, наше терпение не безгранично! Сегодня ночью тебе придется спать в другом месте, чтобы они не повторили своего нападения.

Он отпустил на мгновение цепь Кугеля, но в ту же секунду его позвали те, кто заделывал дыру в полу.

Кугель тихо двинулся к выходу, и пока все крысолюди были заняты, он выскользнул в проход. Подобрав цепь, он пополз в том направлении, которое, по его мнению, вело к выходу наверх, но очутившись перед боковым ответвлением, растерялся. Туннель уходил вниз и становился все более узким, стискивая плечи Кугеля. Потом проход значительно уменьшился в высоту, так что Кугель был вынужден ползти, извиваясь всем телом, чтобы протолкнуться хоть немного вперед.

Его отсутствие было замечено: сзади доносились яростные крики. Крысолюди принялись метаться в разных направлениях, стараясь выяснить, куда он скрылся.

Туннель резко сворачивал в сторону, Кугель просто не мог так изогнуться. Извиваясь и дергаясь, он принял новое положение, и теперь уже вовсе не мог двигаться. Он выдохнул, сжался, как мог и стал протискиваться в другой проход. Глаза

его чуть было не выскочили из орбит, когда он рванулся, но в результате он попал в более широкий коридор. В нише, возле которой он очутился, висела лампа, и он взял ее с собой.

Его заметили неожиданно появившиеся кричащие и вопящие крысолюди. Кугель кинулся в боковой проход, который заканчивался комнатой-складом.

Первое, что он увидел, войдя туда, были его шпага и кошелек.

Крысолюди, потрясая трезубцами, вбежали в комнату. Но теперь у Кугеля была в руках шпага, и он быстро заставил их отступить в коридор. Там они остались, бегая взад и вперед и крича угрозы по его адресу. Изредка кто-нибудь из них врывался в комнату, оскалив зубы и потрясая трезубцем, но после того, как Кугель убил одного или двух, они отступили и принялись совещаться тихими голосами.

Кугель воспользовался этим, чтобы придвинуть несколько сундуков потяжелее к входу, таким образом давая себе временную передышку.

Крысолюди бросились в атаку, суетясь и толкаясь. Кугель сунул шпагу между сундуками и с удовольствием прислушался к воплю отчаяния, раздавшемуся из-за баррикады.

Один из них заговорил:

— Кугель, выходи! Мы — добрые создания и не помним зла. Ты уже записал одного человека на свой счет, вне всякого сомнения, скоро запишешь и второго, и будешь свободен. Зачем причинять нам всем неудобства? Нет никаких причин, почему бы нам, несмотря ни на что, не сохранить товарищеские отношения. Выходи, и мы приготовим мясо для твоего утреннего завтрака.

Кугель ответил очень вежливым тоном:

— В настоящее время я нахожусь в слишком смятенных чувствах и не могу мыслить ясно. Я действительно слышал, как вы сказали, что отпустите меня на свободу без всяких условий?

В коридоре раздался шепот, затем пришел быстрый ответ.

— Мы действительно говорили это. А посему, с этой минуты, мы объявляем тебя свободным, и ты волен отправляться, куда пожелаешь. Убери ящики от входа, брось шпагу и выходи!

— Какие гарантии вы мне можете дать? — спросил Кугель, тщательно прислушиваясь к шепоту за навалеными им сундуками.

Он так и не расслышал, о чем они совещались, но ответ был следующим:

— Никакие гарантии не нужны. Мы сейчас уходим. Выходи и иди вдоль коридора до выхода. Ты свободен!

Кугель ничего не ответил. Держа в руке лампу в форме шара, он повернулся, чтобы обследовать склад, в котором находился. Здесь было множество самой разнообразной одежды, оружия и инструментов. В ящике, который он придвинул ко входу, он заметил несколько томов в кожаных переплетах. На титульном листе первого из них было напечатано:

ВОЛШЕБНИК ЗАРАЙДЕС

Записная книжка.

ОСТОРОЖНО!

Крысолюди обратились к нему еще раз, стараясь говорить как можно более нежными голосами:

— Кугель! Дорогой Кугель, почему же ты не выходишь?

— Я отдыхаю и набираюсь сил, — ответил Кугель.

Он взял кожаный том в руки, перевернул несколько страниц и нашел оглавление.

— Выходи, Кугель! — раздался повелительный голос, звучавший уже более резко. — У нас имеется горшок ядовитого пара, который мы бросим в комнату, в которой ты заперся, выходи, или будет хуже!

— Терпение! — отозвался Кугель. — Дайте мне время, чтобы придти в себя!

— Пока ты будешь приходить в себя, мы пойдем и приготовим горшок с кислотой, куда мы решили опустить твою голову!

— Ну, конечно! — бездумно ответил Кугель, погруженный в записную книжку Зарайдеса.

Раздался скрип, и в отверстие между ящиками был просунут резиновый шланг. Кугель взялся за него рукой и направил его конец обратно в коридор.

— Выходи, Кугель! — раздался командный голос. — Ты выходишь, или нам придется пустить ядовитый газ в эту комнату?

— Вы не можете этого сделать, — сказал Кугель. — Я отказываюсь выйти!

— Вот увидишь! Пускайте газ!

Шланг задрожал и зашипел — из коридора донеслись отчаянные крики. Шипение прекратилось.

Кугель, не найдя того, что он искал в записной книжке, вытащил другой том, На титуле этой книге было написано:

ВОЛШЕБНИК ЗАРАЙДЕС

Толкователь заклинаний.

ОСТОРОЖНО!

Кугель открыл книгу и принялся читать. Найдя подходящее, по его мнению, заклинание, он поднес лампу как можно ближе к тексту, чтобы ничего не упустить. В нем было четыре строчки — всего тридцать один слог. Кугель заставил себя запомнить заклинание.

Какой-то звук раздался позади него. Из другого входа в комнату ворвались крысолюди. Низко пригнувшись, с белыми дергающимися лицами, они с опаской продвигались вперед с трезубцами наготове.

Кугель угрожающе замахнулся шпагой, затем нараспев произнес Вывернутое заклинание, и в то время, как крысолюди в ужасе смотрели на него, раздался громкий треск, как будто что-то разорвали. Вся земля конвульсивно вздыбилась и толчком вывернулась наружу, раскидав всех по лесу. Крысолюди, дико визжа, бегали взад и вперед, и вместе с ними бегали какие-то белые создания, которых Кугелю не удалось разглядеть при неярком свете звезд. Крысолюди и белые создания кидались и разрывали друг друга на части. Весь день лес был полон шумом их драки, рычанием, визгами и предсмертными хрипами.

Кугель спокойно отошел в сторону и в ближайшем кустарнике стал пережидать ночь.

На рассвете он осторожно вернулся к холму, надеясь завладеть книгой заклинаний Зарайдеса и его записными книжками. Повсюду валялись какие-то обломки и много маленьких трупов, но того, что он искал, нигде не было видно. С большим сожалением Кугель ушел оттуда и почти сразу же наткнулся на дочь Фабели, которая сидела среди папоротников. Когда он приблизился, она тоненько зарычала на него. Кугель поджал губы и неодобрительно покачал головой. Он повел ее к ближайшему ручью и попытался как следует вымыть, но, при первой же представившейся ей возможности, она убежала и спряталась под скалой.

Глава 7
ДОМ НИКОНЮ

Вывернутое заклинание было происхождения столь давнего, что почти никто уже не помнил, откуда оно взялось. Неизвестный Наездник на Облаках из Двадцать первого века изменил его архаичный вариант, полулегендарный Весиль Блаквед сделал его более изящным. Процесс продолжил Белорайфер из Гранда, который добавил в него должный резонанс. Архимандрит Глера изменил в нем четырнадцать букв, и, наконец, Фандзал зарегистрировал его в классе «А» или самой высокой категории своего монументального каталога. Таким его записал мудрец Зарайдес, а Кугель, обнаружив заклинание на складе крысолюдей, прочитал его вслух.

Вновь вернувшись на место, где раньше была пещера, Кугель обыскал все тщательнейшим образом. Ему попадались самые разнообразные вещи: новая и старая одежда, куртки, блузы и плащи, старые туфли, бриджи, модные в Кучеке, сделанные в стиле Старого Ромарта или в соответствии с экстравагантной Андромахской модой. Тут были ботинки, сандалии и шляпы всех размеров и сортов, старые инструменты и сломанное оружие, дешевые побрякушки, филигранные кувшины, старинные камеи, драгоценные камни, которые Кугель не побрезговал собрать и которые, возможно, задержали его и помешали найти то, что он искал — книги Зарайдеса, разбросанные вместе со всем барахлом.

Кугель искал долго. Он нашел серебряные чашки, ложки из слоновой кости, фарфоровые вазы, обглоданные кости и зубы всевозможной формы, сверкающие, как жемчужины среди листьев, — но нигде он не увидел томов и книг, которые могли бы помочь ему отомстить Никоню, Смеющемуся Магу.

Сейчас же Фрикс, созданный Никоню, вонзил свои жала в печень Кугеля. В конце концов Кугель не выдержал и громко сказал:

— Я просто ищу самый прямой путь в Азиномею! Скоро ты встретишься со своим товарищем у Никоню. А тем временем успокойся, неужели ты настолько торопишься, что не можешь подождать совсем чуть-чуть?

После чего Фрикс неохотно прекратил свою деятельность.

Кугель все время бродил, разбрасывая листья, заглядывая между корней, разгребая папоротники и мох. Наконец у поваленного ствола дерева он увидел то, что искал с таким старанием — груду рукописей и книг. На поваленном дереве рядом сидел Зарайдес.

Кугель вышел вперед, и даже рот его скривился от разочарования. Зарайдес осмотрел его с ног до головы, сияя от восторга.

— Мне кажется, ты ищешь какой-то пропавший предмет. Надеюсь, пропажа эта несерьезна?

Кугель отрицательно покачал головой.

— Несколько пустяшек, которые я никак не могу найти. Пусть себе гниют под листьями.

— Ни в коем случае! — горячо возразил Зарайдес. — Я немедленно прочту заклинание об отыскании пропажи. Через несколько минут эти предметы будут в полном твоем распоряжении!

Кугель сделал отрицательный жест рукой.

— Я не могу затруднять тебя такими тривиальными делами. Давай лучше поговорим о другом.

Он указал на груду томов, на которые Зарайдес сейчас же поставил свои ноги.

— К счастью, все твои книги находятся теперь у тебя.

С глубоким удовлетворением Зарайдес кивнул головой.

— Сейчас все просто прекрасно, и я озабочен только отсутствием равновесия в наших отношениях.

Он поднял руку вверх, увидев, что Кугель сделал шаг назад.

— Тебе нет причин беспокоиться. Ты меня понял неправильно — на самом деле все наоборот. Твои поступки предотвратили мою верную смерть. Закон Равновесия тем самым нарушен, и я обязан отплатить тебе чем-нибудь, чтобы восстановить его.

Он стал причесывать свою бороду пальцами.

— К несчастью, я могу отплатить тебе лишь чисто символически. Даже если я выполню абсолютно все твои желания, все равно чаши весов не уравновесятся, и счет будет не в мою пользу.

Кугель сразу же повеселел, но теперь Фрикс, более нетерпеливый, чем раньше, еще раз продемонстрировал все, на что он был способен. Схватившись руками за живот, Кугель выкрикнул:

— Прежде всего, будь так добр, извлеки из меня это создание, которое пожирает мои внутренности, некого Фрикса!

Зарайдес поднял брови:

— Что это еще за создание?

— Отвратительное существо с далекой звезды. Оно напоминает розовый куст, комок колючек, паутину из жал, когтей и белых шипов.

— В этом нет ничего трудного, — сказал Зарайдес. — Такие создания легко поддаются самым примитивным методам воздействия. Пойдем, мой дом находится недалеко отсюда.

Зарайдес спрыгнул со ствола дерева, собрал свои книги и бросил их в воздух; они поднялись и быстро поплыли над верхушками деревьев, скрываясь из виду. Кугель печально смотрел, как они исчезают вдали.

— Ты удивлен? — спросил его Зарайдес. — Это — пустяк, самая обычная процедура, но она хорошо предохраняет от воров и разбойников. Пойдем же, мы должны извлечь это существо, которое причиняет тебе столько беспокойства.

Он пошел между деревьями. Кугель последовал за ним. Почувствовав, видимо, неладное, бурно запротестовал Фрикс. Кугель, согнувшись пополам, прыгая как-то боком, все-таки заставил себя не отставать от Зарайдеса, который шагал впереди, даже не оглядываясь.

В ветвях огромного баобаба был дом Зарайдеса. Ступени

лестницы вели по тяжелым ветвям к центральному входу. Кугель с трудом взобрался по ступенькам, вошел внутрь и оказался в большой квадратной комнате. Мебель в ней одновременно была простой и шикарной. Окна выходили в лес, толстый ковер с черным, коричневым и желтым узором покрывал весь пол.

Зарайдес сделал Кугелю знак, приглашая пройти в свой кабинет.

— Мы немедленно избавим тебя от этого неудобства.

Кугель проковылял за ним в мастерскую и по знаку волшебника уселся на стеклянный постамент. Зарайдес принес ширму из цинковых полос, которую поставил, прислонив к спине Кугеля.

— Это для того, чтобы сообщить Фриксу, что здесь находится опытный волшебник. Создания такого рода очень не любят цинк. А сейчас — простая мазь: сера, аквастель, настойка зайха, определенные травы — бурнида, хильп, лишайник. Хотя, впрочем, эти последние и не обязательны. Выпей, будь любезен! Фрикс, выходи! Повинуйся, неземная мерзость! Убирайся! Или я заставлю Кугеля наглотаться серы и вставлю ему внутрь цинковые стержни! Выходи! Что? Должен ли я заклять тебя аквастелем? Выходи, возвращайся на свой Акарнар, если сможешь.

После этих слов разозленный Фрикс вылез прямо из груди Кугеля: шар переплетенных белых шипов и щупалец, на конце каждого из которых были колючки, жала и когти. Зарайдес кинул его в цинковую ванночку, которую прикрыл цинковой же пластинкой.

Кугель, который во время этой процедуры потерял сознание, очнулся, увидел перед собой довольного Зарайдеса, ожидающего, когда он придет в себя.

— Ты счастливый человек, — сообщил он. — Мы успели в самую последнюю минуту. Эти злобные создания обычно вытягивают свои щупальца по всему телу, пока не доберутся до мозга: тогда оно и человек становятся единым целым. Как это ты заразился таким существом?

Кугель с отвращением нахмурился.

— Это произошло от руки Никоню, Смеющегося Мага. Ты знаешь его?

Последнюю фразу он добавил, увидев, что брови Зарайдеса полезли наверх.

— Вообще, у него репутация волшебника, любящего пошутить и пошутить оригинально, — ответил мудрец.

— Он просто шут! — воскликнул Кугель. — Из-за своего каприза, в отместку, он закинул меня на крайний север мира, где солнце стоит на небе совсем низко и светит, почти как

обыкновенная лампа. Никоню посмеялся вовсю, но теперь настала моя очередь посмеяться над ним! Ты сказал, что благодарность твоя не имеет границ, а следовательно, прежде чем я выскажу тебе все мои желания, ты поможешь мне отомстить Никоню?

Зарайдес задумчиво кивнул головой и принялся перебирать пальцами бороду.

— Я хочу дать тебе совет. Никоню тщеславный и очень чувствительный человек. Самое уязвимое его место — его гордость. Повернись к нему спиной, уйди от него куда-нибудь. Такой акт полного пренебрежения к нему доставит ему куда больше огорчения, чем любое другое неудобство, которое ты в состоянии будешь придумать.

Кугель нахмурился.

— Такая месть кажется мне довольно-таки абстрактной. Если тебе будет не так трудно вызвать какого-нибудь демона, я дам ему инструкции по части того, как следует поступить с Никоню. Тогда мы покончим с этим делом и сможем приступить к выполнению моих желаний.

Зарайдес покачал головой.

— Все это не так просто. Никоню сам большой волшебник, едва ли он не будет готов к атаке. Он в ту же минуту узнает, кто напал на него, и те отношения взаимного уважения, которые возникли между нами, будут немедленно нарушены.

— Ха! — вскричал Кугель. — Неужели мудрец Зарайдес боится выступить на стороне справедливости так, чтобы имя его стало известным? Неужели он собирается отступить от такого ничтожества, как Никоню?

— Одним словом — да, — ответил Зарайдес. — В любое мгновение солнце может погаснуть. Я не собираюсь проводить последние часы моей жизни, обмениваясь шутками с Никоню, юмор которого куда более изощрен, чем мой собственный. А сейчас слушай. Через минуту я должен буду заняться определенными важными делами. Поэтому, как свою последнюю благодарность за твой поступок, я перемещу тебя туда, куда ты только пожелаешь. Ну, говори.

— Если это лучшее из того, что ты можешь сделать, то я желаю оказаться на месте слияния реки Кзан со Скаумом!

— Как пожелаешь. Будь так добр, встань на эту площадку. Подними руки и держи их вот так.... Сделай глубокий вдох, и во время перемещения не вдыхай и не выдыхай воздух... Ты готов?

Кугель кивнул.

Зарайдес отошел назад и произнес заклинание.

Какая-то сила подхватила Кугеля и понесла прочь. Через

мгновение ноги его коснулись земли, и он увидел, что находится на главной улице Азиномеи.

Он глубоко вздохнул.

— После всех неприятностей, после всех несчастий я опять нахожусь в Азиномее!

И, в удивлении качая головой, он огляделся вокруг. Древние дома, террасы, нависающие над водой, базарная площадь. Все было, как раньше. Неподалеку виднелась лавка Фианостера. Отвернувшись, чтобы его не узнали, Кугель отошел в сторону.

— А что сейчас? — размышлял он. — Сначала — новая одежда, затем удобная гостиница, где я могу взвесить все преимущества и недостатки моего теперешнего положения. Когда желаешь посмеяться вместе с Никоню, следует тщательно обдумать, как это можно сделать.

Двумя часами позже вымытый, выбритый, освеженный, одетый в новые одежды черного, красного и зеленого цветов, Кугель сидел в общей комнате гостиницы «Речная» перед тарелкой сосисок со специями и бутылкой зеленого вина.

— Дело справедливого возмездия требует большой тонкости, — бормотал он. — Я должен быть крайне осторожен!

Он налил в стакан вина и принялся за сосиски. Затем он открыл свой кошелек и вытащил оттуда маленький предмет, аккуратно завернутый в мягкую тряпочку: фиолетовый каспи, который Никоню требовал в пару к тому, что уже был в его распоряжении. Он поднес было каспи к глазу, но рука его замерла на полдороге: он может увидеть картину настолько великолепную, что уже никогда не захочет снять его. И в ту же минуту, когда он смотрел на стеклянную поверхность каспа, в голове его возник настолько простой, настолько эффективный и не требующий никаких усилий план, что он в ту же секунду выкинул все остальные идеи из головы.

План на самом деле был прост. Он придет к Никоню и отдаст ему каспи или, вернее, не настоящий каспи, а точную его копию. Никоню захочет сравнить его с тем, которым уже владеет, а для этого он непременно поднесет оба каспа к глазам и посмотрит сквозь них. Разница между реальным и нереальным потрясет его мозг и сделает беспомощным, а после этого Кугель уже сможет принять те меры, которые сочтет нужным.

Где был просчет в его плане? Или неувязка? Кугель таковой не видел. Если Никоню сразу же определит подлог, Кугель извинится, выдумает какую-нибудь историю и вытащит настоящий каспи. В принципе — шансы на успех у него были большие.

Кугель, не торопясь, доел сосиски, заказал вторую бутыл-

ку вина и с удовольствием стал смотреть в окно на реку Кзан. Торопиться ему было некуда, наоборот, как он уже выяснил, торопливость с Никоню не вела ни к чему хорошему.

На следующий день, все еще не находя в своем плане никаких изъянов, он отправился к стеклодуву, мастерская которого находилась на берегу Скаума в миле от Азиномеи на поляне, где росли огромные желтые тюльпаны.

Стеклодув осмотрел касп.

— Точный дубликат того же цвета и формы? Трудная задача с таким чистым и глубоким фиолетовым цветом. Такого цвета очень трудно добиться в стекле. Придется смешивать разные компоненты. Но все же... попробуем. Я приготовлю форму. Посмотрим. Посмотрим...

После нескольких попыток ему удалось изготовить стекло нужного цвета, из которого он выдул касп внешне не отличимый от волшебной линзы.

— Великолепно! — объявил Кугель. — А теперь — сколько я тебе должен?

— Такой касп из фиолетового стекла я оцениваю в сто терций, — самым обычным тоном сказал стеклодув.

— Что? — в ярости вскричал Кугель. — Неужели я кажусь круглым болваном? Это слишком высокая цена.

Стеклодув положил на место свои инструменты, стекло и формы, не обращая никакого внимания на негодование Кугеля.

— Во Вселенной вообще нет стабильности. Циклы сдвигаются, все течет, все изменяется, все повторяется, все подвержено мутациям. Мои цены согласуются с космосом и подчиняются тем же законам, изменяясь в зависимости от нужд заказчика.

Кугель с неудовольствием отступил, а стеклодув протянул руку и забрал оба каспа.

— Что ты собираешься делать? — воскликнул Кугель.

— Расплавлю стекло обратно, что же еще?

— А как же с тем каспом, который является моей собственностью?

— Я оставлю его себе на память о нашем разговоре.

— Подожди! — Кугель перевел дыхание. — Может быть, я и заплачу твою грабительскую цену, если новый касп такой же чистый и идеальный, как и старый.

Стеклодув осмотрел сначала старый касп, а потом новый.

— С моей точки зрения они одинаковы.

— А как с фокусом? — требовательно спросил Кугель. — Поднеси оба к глазам, посмотри, и если все в порядке — я уплачу!

Стеклодув поднял оба каспа к глазам. Сквозь один из них

он увидел Чужой Мир, сквозь другой — реальность. Пораженный, стеклодув покачнулся и упал бы, если бы Кугель, беспокоясь за сохранность каспов, не поддержал его и не отвел к скамейке.

Забрав каспы, Кугель бросил три терции на прилавок.

— Все на свете течет, все меняется, вот и твои сто терций превратились в три!

Стеклодув, слишком ошарашенный, чтобы ответить что-то вразумительное, забормотал и попытался поднять руку, но Кугель уже вышел из мастерской.

Он вернулся в гостиницу.

Тут он надел свои старые одежды, запачканные и разорванные, и отправился на берег реки Кзан.

По пути он в уме повторил предстоящую беседу со Смеющимся Магом, пытаясь представить себе все, что только может произойти, перебирая в уме разнообразные варианты. И наконец впереди показались спиральные зеленые башни, в которых играл солнечный свет: дом Никоню, Смеющегося Мага!

Кугель остановился и стал смотреть на это причудливое строение. Сколько раз во время своего путешествия представлял он себе, как будет стоять на этом самом месте, а Никоню, Смеющийся Маг, будет находиться в его власти!

Он пошел по дорожке из темно-коричневого кафеля, и с каждым шагом каждый нерв его тела, казалось, напрягался все больше и больше.

Он приблизился к входной двери и заметил на ее тяжелой панели предмет, на который раньше не обратил ни малейшего внимания: лицо, вырезанное из древнего дерева, измученное лицо с впалыми щеками, острым подбородком и широко раскрытыми глазами, тонкими губами и оскаленным ртом, который, казалось, издавал крик отчаяния или мольбы о пощаде.

Рука Кугеля, занесенная для стука, так и осталась висеть в воздухе, и он почувствовал внезапный холодок в душе. Отпрянув от измученного деревянного лица, он заново обдумал свой план, вспоминая его до мельчайших подробностей. Был ли в нем изъян? Вроде бы нет. Если Никоню откроет подмену, Кугель всегда сможет попросить прощения, сказать, что ошибся, и отдать настоящий касп. А каких больших преимуществ можно было добиться при столь маленьком риске! Кугель опять подошел к двери и постучал.

Прошла минута. Очень медленно одна створка двери распахнулась. Повеяло прохладой, каким-то горьким, неопределенным запахом. Солнечный свет, падавший из-за плеч Кугеля, ложился на каменные плиты пола.

Кугель неуверенно заглянул в вестибюль, совершенно не желая входить без приглашения.

— Никоню! — позвал он. — Покажись и скажи, что я могу войти в твой дом! Я не желаю больше, чтобы меня несправедливо обвиняли!

Внутри дома раздался какой-то шорох, потом шарканье ног. Из боковой комнаты вышел Никоню, и Кугелю показалось, что в его внешности и манерах произошли изменения.

Большая мягкая желтая голова, казалось, еще свободнее чем раньше, болталась на шее, челюсть обвисла, нос висел, как сталактит, подбородок казался просто прыщиком под большим дергающимся ртом.

На Никоню была большая квадратная коричневая шляпа с опущенными полями. Его черная с коричневым атласная блуза удачно сочеталась с темно-коричневыми панталонами, отделанными черными кружевами. Это был очень красивый костюм, который Никоню совсем не умел носить изысканно. Создавалось впечатление, что он к этой одежде не привык и чувствует себя в ней неудобно. Поздоровался он с Кугелем более, чем странно.

— Ну, человек, что тебе здесь надо? Ты никогда не научишься ходить по потолку, стоя на руках.

И Никоню, закрыв рот руками, захихикал.

Кугель с удивлением поднял брови, не понимая, что происходит.

— Мне надо совсем не то. Я пришел к тебе по крайне важному делу. Сообщить, что твое поручение выполнено.

— Великолепно! — вскричал Никоню. — Тогда давай сюда скорее ключи от хлебницы!

— Хлебницы?

Кугель в изумлении уставился на него. Может быть, Никоню сошел с ума?

— Я — Кугель, которого ты послал на север с поручением. Я вернулся с волшебным каспом, с помощью которого можно смотреть в Чужой Мир!

— Ах, да, конечно, конечно! — вскричал Никоню. — Бразм — озаст! Боюсь, я немного запутался среди стольких дел и поручений. Все не так, как было раньше. Но сейчас я вспомнил. Я приветствую тебя, Кугель, ну, конечно же! Все теперь ясно. Ты ушел, и ты вернулся. А как поживает друг Фрикс? Хорошо, надеюсь? Я так скучал без него! Великолепный парень, этот Фрикс!

Кугель согласился без особого энтузиазма.

— Да, Фрикс действительно был моим другом. Неиссякаемый источник одобрения в моих долгих скитаниях.

— Великолепно! Заходи же! Я должен угостить тебя вином. Что ты предпочитаешь — сз-юз или сак-зыс?

Кугель искоса посмотрел на Никоню. Его поведение было более чем странным.

— Я незнаком с теми марками вин, о которых ты говоришь, и поэтому вынужден отклонить твое приглашение с благодарностью. Но смотри: вот он — волшебный касп!

И Кугель вытащил стеклянную подделку, которую приобрел всего несколькими часами раньше.

— Великолепно! — заявил Никоню. — Ты хорошо сделал, и твои прегрешения — а теперь я все вспомнил — можно считать аннулированными. Но дай мне касп! Я должен немедленно проверить его!

— Конечно, — сказал Кугель. — Я только хочу предложить, чтобы ты принес сюда свой касп и посмотрел одновременно сквозь оба, чтобы увидеть Чужой Мир в полном его великолепии. По-моему, это единственный приличествующий способ.

— Верно, о, как это верно! Мой касп... Куда же этот упрямый негодяй дел мой касп?

— Упрямый негодяй? — спросил Кугель. — Неужели кто-то рылся в твоих вещах?

— В определенном смысле.

Никоню дико захохотал и брыкнул в воздухе сразу двумя ногами, тяжело свалившись на пол, откуда он обратился к потрясенному Кугелю:

— Все это слилось в одном и том же и, следовательно, не имеет никакого значения, так как все уложилось в схему. Да, скоро я посоветуюсь по этому поводу с Фриксом.

— В прошлый раз, — терпеливо сказал Кугель, — ты достал свой касп из столика вон в той комнате.

— Молчать! — во внезапном раздражении выкрикнул Никоню.

Он поднялся на ноги.

— Саса. Я прекрасно осведомлен, где находится мой касп. Все находится в полном соответствии! Следуй за мной. Мы немедленно выясним сущность Чужого Мира!

И он расхохотался лающим смехом, не глядя на еще более пораженного Кугеля.

Никоню прошмыгнул в соседнюю комнату и почти сразу же вернулся с ящиком, в котором лежал его волшебный касп. Он сделал повелительный жест рукой и сказал Кугелю:

— Стой точно на этом месте. Никуда не сходи и не двигайся, если не хочешь неприятностей от Фрикса!

Кугель послушно поклонился. Никоню вытащил свой касп.

— А теперь — давай сюда новый!

Кугель протянул ему стеклянную подделку.

— А теперь поднеси к глазам оба сразу, чтобы ты мог полностью насладиться всей красотой Чужого мира!

— Да! Пусть будет так!

Никоню взял в руки оба каспа и поднес их к глазам. Кугель, ожидая, что он тут же свалится от дисгармонии впечатлений, сунул руку в карман за приготовленным шнурком, чтобы связать волшебника, но по Никоню не было заметно, что он хоть в малейшей степени стал беспомощным.

Он наклонял голову то направо, то налево, глядя то туда, то сюда и бормоча себе под нос что-то странное.

— Великолепно! Прекрасно! Изумительно! Превосходно! Истинное удовольствие!

Он отнял каспы от глаз и аккуратно положил их в ящичек. Кугель хмуро наблюдал за его действиями.

— Я очень доволен, — сказал Никоню, как-то странно дергая руками и ногами, отчего Кугель приходил во все большее и большее удивление. — Да, — продолжал Никоню, — ты хорошо выполнил мое поручение, и то ужасное оскорбление, которое ты мне нанес, можно считать забытым. Теперь все, что остается сделать, это достать из твоего тела моего незаменимого Фрикса, а для этого мне придется погрузить тебя в кювету. Ты будешь погружен в надлежащую жидкость на период примерно в двадцать шесть часов, которых может оказаться достаточно, чтобы побудить Фрикса покинуть тебя.

Кугель сморщился.

Как можно было надеяться договориться с волшебником не только странным и мстительным, но еще и сумасшедшим?

— Такое погружение может плохо отразиться на мне самом, — с осторожностью сказал он. — По-моему, разумнее будет пока оставить Фрикса, чтобы он пробыл со мной еще какое-то время.

Казалось, Никоню очень по душе пришлось это предложение, потому что он весь засиял и выразил свое восхищение таким визгливым верещанием и дикими прыжками, каких никак нельзя было ожидать от человека его комплекции. Окончил он выражение своей бурной радости огромным прыжком, после которого рухнул на пол, дергая при этом плечами, руками и ногами, как перевернутый жук. Кугель восхищенно наблюдал за этим представлением, и когда Никоню замер, даже задумался, жив остался Смеющийся Маг или нет.

Но Никоню, моргая глазами, с трудом принял вертикальное положение.

— Я должен отработать до совершенства положения и

прыжки, — задумчиво пробормотал он, — иначе получается эмпингемация. А элюктанция здесь получается немного другого порядка, чем соз-пента.

Он изо всех сил откинулся назад, запрокинув голову, и глядя в его открытый рот, Кугель увидел не язык, а белый конус. В ту же секунду он понял причину странного поведения Никоню. Каким-то образом создание, такое же, как и Фрикс, поселилось в теле Никоню и завладело его мозгом.

Кугель заинтересованно посмотрел на Мага и потер подбородок. Это была ситуация, над которой следовало как следует поразмыслить! Он нахмурился и принялся напряженно думать. Самым главным было выяснить, повлияло ли это существо на возможности Никоню-волшебника.

Кугель обратился к нему:

— Твоя мудрость поражает меня! Я полон восхищения! Не прибавилось ли диковин в твоей коллекции?

— Нет, мне хватает всего, что есть у меня под рукой, — объявило существо губами Никоню. — Но сейчас я чувствую необходимость расслабиться и отдохнуть. После тех упражнений, которые я продемонстрировал тебе только что, я должен погрузиться в полный покой.

— Это очень просто, — сказал Кугель. — Чтобы добиться этого наиболее эффективным способом, надо со всей силой сконцентрироваться на Мозговой Доле Прямой Силы Воли.

— Вот как? — вопросительно ответствовало существо. — Я сейчас попытаюсь это сделать... подожди. Вот Доля Анитоиса, а вот — Увлечения Сублямальной Конфигурацией... Стоэм. Больше всего удивляет меня то, что так никогда и нигде не бывает на Акарнаре... .

Тут существо замолчало и быстро искоса поглядело на Кугеля, чтобы убедиться, что эта оговорка прошла незамеченной. Но Кугель выразил на своем лице такое равнодушие и такую рассеянность, что существо успокоилось и принялось продолжать поиски в мозгу бедного Никоню.

— Ах да, вот она — Доля Прямой Силы Воли. А теперь — неожиданная и сильная концентрация!

Лицо Никоню стало напряженным, мускулы расслабились, и внезапно обмякшее тело рухнуло на пол. Кугель прыгнул вперед и в ту же секунду крепко связал ему руки и ноги, а на рот наклеил кусок липкой ленты.

Теперь уже Кугель исполнил свой собственный радостный танец. Все было прекрасно! Никоню, его дом, его огромная коллекция редкостей и волшебных предметов — все это было в его полном распоряжении! Кугель посмотрел на беспомощное тело и потащил было его за ноги на улицу, чтобы разбить этот желтый мягкий череп, но вспомнив о бесчисленных не-

удобствах, издевательствах и оскорблениях, которым он подвергался благодаря Никоню, остановился. Неужели же Никоню должен просто умереть, ничего не осознавая и не испытывая угрызений совести? Нет!

Кугель закатил неподвижное тело в зал и уселся на скамье, чтобы подумать.

Через некоторое время тело зашевелилось, открыло глаза, сделало усилие, чтобы подняться, и, увидев, что это невозможно, повернуло голову, глядя на Кугеля сначала в изумлении, потом — в ярости. Из заклеенного рта донеслись звуки, но Кугель только отмахнулся.

Через некоторое время он поднялся со скамьи, осмотрел связанное тело и пластырь, закрывающий рот, затянул веревки еще туже, а затем отправился с осторожностью осматривать весь дом, опасаясь всевозможных ловушек, которые Никоню мог устроить, чтобы защититься от грабителей и воров. Особенно осторожно он осматривал лабораторию Никоню, повсюду тыкая железным прутом, но если Никоню и устроил какие-то ловушки, то он не нашел ни одной.

Осматривая полки Смеющегося Мага, Кугель обнаружил серу, аквастель, смесь зайха и травы, из которых он приготовил тягучий желтый эликсир. Потом он втащил туго связанное неподвижное тело в лабораторию, влил ему в рот настойку и наконец после долгих приказов и угроз, когда волшебник совсем пожелтел от принятой им серы и аквастеля, а Кугель весь покрылся потом и тяжело дышал от собственных усилий — существо с Акарнара неохотно выползло из неподвижного обмякшего тела. Кугель подставил под него большую каменную ступу, раздробил до пастообразного состояния железным пестиком, растворил в спирте и витроле, добавил ароматических эссенций и вылил дурно пахнущую жидкость в раковину.

Никоню, со временем пришедший в себя, уставился на Кугеля горящим пронзительным взглядом. Кугель дал ему вдохнуть рентогона — газа, который он нашел все в той же лаборатории — и Смеющийся Маг, глаза которого закатились в ту же секунду, опять погрузился в бессознательное состояние.

Кугель уселся на скамейку отдохнуть. Теперь перед ним стояла проблема: как лучше всего обезопасить себя от Никоню, пока он будет делать свои приготовления. В конце концов, просмотрев несколько томов из библиотеки, он смазал губы Никоню волшебной склеивающей мазью, произнес заклинание, которое удерживало его жизненную силу, а затем поместил его в стеклянную трубку, которую повесил на цепи в вестибюле.

После того, как он все это сделал, Никоню еще раз пришел в себя. Кугель отступил на шаг назад с самой приятной улыбкой на лице, которую он только мог изобразить.

— Наконец-то, Никоню, все становится таким, каким должно было быть с самого начала. Помнишь ли ты все те оскорбления, которым подвергал меня? Каким преступником ты выставил меня тогда! Я поклялся, что ты пожалеешь об этом. Теперь я исполню свою клятву! Я выразился достаточно ясно?

Выражение, появившееся на лице Никоню, вполне можно было считать ответом.

Кугель усадил на стол с кубком лучшего желтого вина Никоню.

— Я намереваюсь покончить с этим делом следующим образом: я сложу вместе все те несчастья, которые свалились на меня по твоей милости, включая даже такие мелочи, как простуды, сквозняки, оскорбления, свою неуверенность, а также отчаяние, ужас, отвращение и другие неописуемые несчастья, и это все, не считая тех, которые принес мне бесподобный Фрикс. Из этой общей суммы я вычту ту обиду, которую я нанес тебе первоначально, а потом подведу общий итог. К счастью, ты — Никоню, Смеющийся Маг, и поэтому, надеюсь, ты хорошенько посмеешься над моей шуткой и получишь от нее большое удовольствие.

Кугель вопросительно посмотрел на Никоню. Ответный взгляд Мага вряд ли можно было назвать шутливым.

— И последний вопрос, — сказал Кугель. — Имеются ли в твоем доме какие-нибудь ловушки или западни? Если ты моргнешь один раз, то это будет значить «нет», а если два — то «да».

Никоню просто презрительно посмотрел на него из трубки.

Кугель вздохнул.

— Я вижу, что мне придется быть осторожным.

Взяв бутылку с вином с собой в большой зал, он начал свое знакомство с коллекцией волшебных инструментов, артефактов, талисманов и редкостей, теперь уже ставших его собственностью. Взгляд Никоню при этом следовал за ним повсюду, и во взгляде этом были ожидание и надежда, что Кугелю вовсе не нравилось.

Шли дни, а ловушки Никоню, если таковые, конечно, имелись, так и не сработали. Кугель наконец поверил в то, что их просто не существует. В течение всего времени он изучал книги и рукописи мага, но результаты этого изучения были неутешительны. Некоторые книги были написаны на древних языках, имелись нерасшифрованные рукописи, в

других описывались феномены, понять которые он был не в силах, в третьих содержались предостережения против такой грозной неминуемой опасности, что Кугель тут же захлопывал тяжелые книги и ставил их на место.

Только одна или две рабочие зацисные книжки волшебника оказались достаточно простыми для его понимания. Он изучал их с большим прилежанием, зазубривая слог за слогом, буквально вбивая заклинания себе в голову, пока она не начинала раскалываться. В конце концов ему удалось запомнить несколько самых простых, некоторые из них он опробовал на Никоню, в особенности заклинание Мучительного Чесания Люгвиллера. Но постепенно Кугель разочаровывался все больше и больше, видя, что у него недостает врожденных способностей. Настоящие волшебники запоминали сразу три-четыре самых сложных заклинания, а Кугелю для того, чтобы запомнить даже самое простое, требовалось приложить массу усилий. Однажды, пытаясь осуществить пространственный перенос атласной подушки, он перепутал некоторые слова, и его отшвырнуло в вестибюль вместо нужного ему предмета. Раздраженный усмешкой Никоню, Кугель отнес стеклянную трубку на улицу и закрепил ее над входной дверью между двумя подставками, на которых он повесил лампы, освещавшие пространство перед домом в ночное время.

Прошел месяц, и Кугель почувствовал себя в доме Смеющегося Мага более уверенно. Крестьяне из близлежащей деревни приносили ему пищу, а взамен Кугель оказывал им те небольшие услуги, на которые был способен. В одном случае отец Дженс, девушки, которая приходила убирать спальню, потерял ценную пряжку в глубокой цистерне и попросил Кугеля достать ее. Кугель с готовностью согласился и опустил трубку с Никоню в цистерну. Он держал ее там до тех пор, пока Никоню не указал, в каком месте был пряжка, которую Кугель потом достал с помощью крюка.

Этот эпизод подтолкнул Кугеля на мысль использовать Никоню иначе. На Азиномейской ярмарке проходило состязание уродцев. Кугель отнес и выставил Никоню на всеобщее обозрение, и хотя Смеющийся Маг не получил приза, его гримасы невозможно было забыть, и по их поводу велось много разговоров.

На ярмарке Кугель столкнулся и с Фианостером, продавцом талисманов и магических мазей, с тем самым человеком, который послал его в дом Никоню. Фианостер в немом удивлении переводил взгляд с Кугеля на стеклянную трубку с Никоню, которую Кугель отвозил обратно в дом на деревенской телеге.

— Кугель! Кугель-Разумник! — воскликнул Фианос-

тер. — Значит, слухи оказались верными! Ты сейчас хозяин в доме Никоню и обладатель всех его редкостей и волшебных инструментов!

Сначала Кугель сделал вид, что не узнал Фианостера, затем заговорил с ним самым холодным тоном, на какой только был способен.

— Совершенно верно, — сказал он. — Как видишь, Никоню с некоторых пор решил менее активно участвовать в мирских делах. Тем не менее дом его полон ловушек, несколько самых ужасных зверей ходят в саду по ночам, и я заклял каждый вход в дом заклинанием Насильственного Избиения, от которого никому не поздоровится.

Фианостер, казалось, не заметил холодного тона Кугеля. Потирая свои пухлые руки, он спросил:

— Раз уж ты теперь оказался владельцем некоторых редкостей, не захочешь ли ты продать самые незначительные из них?

— У меня в этом нет нужды, — сказал Кугель. — В сундуках Никоню золота хватит до тех пор, пока не погаснет солнце.

И оба человека по привычке, свойственной людям, живущим в это время, посмотрели на небо, проверяя цвет гаснущего светила.

Фианостер грациозно изогнул руку.

— В таком случае, я желаю тебе всего хорошего. И тебе тоже.

Эти последние слова были обращены к Никоню, который в ответ только с ненавистью посмотрел на торговца.

Вернувшись в дом, Кугель отнес Никоню в вестибюль, затем пошел на крышу здания и стал смотреть оттуда на длинный ряд холмов, который, казалось, уходил в бесконечность. Долго стоял так Кугель, опершись о парапет, и в сотый раз думал о неосторожности, которую допустил Никоню, и о том, что ему самому ни в коем случае нельзя совершить подобную ошибку. Потом Кугель еще раз осмотрелся вокруг.

Высоко поднимались стеклянные спиральные башни зеленого цвета, внизу здание шло острыми и неровными углами, которые Никоню, видимо, считал красивыми. Повсюду в тех местах, где легко можно было проникнуть в дом, Кугель разложил скользкий мыльный камень таким образом, что любой карабкающийся наверх человек неминуемо должен был ступить на него, тут же свалиться вниз и погибнуть. Если бы только Никоню принял такие же меры предосторожности — так считал Кугель — вместо создания этого слишком уж коварного хрустального лабиринта, то ему сейчас не пришлось бы смотреть на мир сквозь стеклянную трубку.

Следовало укрепить оборону дома, пользуясь тем, что находится на полках в лаборатории Никоню.

Вернувшись в большой зал, он быстро поел то, что прислали ему Дженс и Скиви, две его красивые служанки и подруги, затем немедленно вернулся к занятиям магией. Сегодня в его программе было изучение заклинания Безнадежного Отчаяния, которое пользовалось в прошлые века большим успехом, чем сейчас, а также заклинание Далекого Изгнания, которое Никоню использовал, перенеся его, Кугеля, на далекий и пустынный берег. Оба эти заклинания были очень серьезными, оба требовалось говорить смелым голосом, над обоими следовало осуществлять самый строгий контроль, и Кугель сначала боялся, что у него ничего не получится. Тем не менее он не сдавался и постепенно заучил их, так что в случае нужды мог бы произнести, пользуясь, конечно, при этом книгой.

Двумя днями позже, как Кугель и предполагал, раздался стук в дверь, и на пороге показался ненавистный ему Фианостер.

— Добрый день, — безрадостно поздоровался Кугель. — Я болен и должен настоятельно просить тебя, чтобы ты незамедлительно удалился.

Фианостер сделал движение рукой.

— Слух об этой твоей болезни достиг моих ушей, и я так обеспокоился, что тут же решил поспешить сюда с настойкой опия. Позволь же войти внутрь...

Тут он стал пропихивать свою тушу в полуоткрытую дверь мимо Кугеля....

— и я отмерю тебе нужную дозу.

— Я страдаю от болезни духовной, — мягко сказал Кугель, — которая выражается в том, что я подвержен приступам внезапной ярости. Я настаиваю, чтобы ты удалился, ибо я могу случайно разрубить тебя своей шпагой или, что еще хуже, произнести какое-нибудь заклинание.

Фианостер неуверенно поморщился, но голос его не потерял былого оптимизма.

— Против таких приступов у меня тоже есть с собой лекарство.

Он вытащил черный флакон:

— Сделай всего один глоток, и все твои волнения будут позади.

Кугель схватился за эфес своей шпаги.

— Видимо, придется говорить с тобой на другом языке! Уходи и никогда больше не возвращайся! Я прекрасно понимаю, что у тебя на уме, и хочу предупредить, что я окажусь для тебя противником куда более неприятным, чем Никоню.

А сейчас — убирайся! Или я прочту заклинание Большого Пальца Ноги, в результате которого означенный палец вырастет до размеров дома.

— Ах вот оно что! — вскричал Фианостер. — Маска сорвана! Кугель-Разумник показал свое истинное лицо! Неблагодарный! Вспомни, кто уговорил тебя ограбить дом Никоню? Это был я, и по законам чести и справедливости я должен наследовать половину всего, что здесь есть!

Кугель выхватил шпагу из ножен.

— Я достаточно слушал тебя, пришла пора действовать!

— Подожди!

И Фианостер поднял высоко над головой свою черную фляжку.

— Стоит мне только бросить ее на пол, и поднимется дикий гнилостный запах, от которого я заговорен. Отойди назад, не приближайся!

Но разъяренный Кугель кинулся вперед, задев шпагой руку Фианостера. Тот завертелся и бросил черную флягу в воздух. Кугель прыгнул и с ловкостью поймал ее, но тем временем Фианостер, кинувшись вперед, нанес ему удар, и пошатнувшийся Кугель попятился назад, наткнувшись на стеклянную трубку с Никоню. Она упала на каменный пол и разбилась. Никоню, болезненно морщась, выбрался из-под осколков.

— Ха, ха! — рассмеялся Фианостер. — Теперь дела пойдут несколько иначе!

— И не надейся! — сказал Кугель, вынимая из кармана трубку, которую он нашел среди магических инструментов Никоню.

Осколком стекла Никоню тем временем пытался освободить склеенный рот. Кугель направил на него трубку, и Никоню застонал от отчаяния.

— Брось стекло! — приказал Кугель. — Повернись лицом к стене!

Он угрожающе повернулся к Фианостеру:

— И ты тоже!

Он тщательно связал руки своих врагов, затем вернулся в большой зал и взял книгу, которую изучал.

— А теперь — оба на улицу! — приказал он. — И идите с осторожностью! События приближаются к развязке.

Он заставил Никоню и Фианостера зайти за дом и поставил их несколько посдаль друг от друга.

— Фианостер, ты понесешь заслуженное наказание за твой обман, коварство и наглость, я сейчас применю к тебе заклинание Безнадежного Отчаяния!

Фианостер жалостливо взвыл и бухнулся на колени. Ку-

гель не обратил на это ровным счетом никакого внимания. Сверяясь с книгой, он составил заклинание, затем, указывая рукой на Фианостера и называя его по имени, произнес странные слоги.

Но Фианостер вместо того, чтобы провалиться под землю, остался все в той же жалкой позе на коленях. Кугель торопливо заглянул в книгу и увидел, что поменял два слова местами, таким образом давая заклинанию обратную силу.

И действительно, только Кугель понял свою ошибку, как со всех сторон до него донеслись негромкие звуки, и жертвы, испытавшие на себе силу заклинания в давние времена, начали возникать из-под земли на площадке около сорока пяти миль в окружности. Одни лежали, в изумлении моргая глазами, другие вообще никак не реагировали на изменение своего положения. Их одежда превратилась в пыль, правда, на некоторых, недавно заклятых, сохранились еще какие-то лохмотья. Постепенно почти все они, кроме совсем обессилевших, начали шевелиться, оглядываясь кругом, глубоко дыша и удивленно глядя на солнце.

Кугель хрипло рассмеялся:

— Кажется, я немного напутал, но ничего страшного. Второй раз я не ошибусь. Никоню, твое наказание будет таким же, каким было мое, не более и не менее. Против моей воли ты зашвырнул меня на далекий и холодный север, земли которого дики и пустынны. То же самое я сделаю и с тобой. Ты снабдил меня Фриксом, я снабжаю тебя Фианостером. Вместе вы можете идти по тундре, пересечь Большой Эрм, пройти Магнацкие горы. Не просите меня ни о чем и не извиняйтесь — я решил абсолютно твердо. Стойте тихо, или я оболью вас с ног до головы голубым дождем!

Итак, теперь Кугель занялся заклинанием Далекого Изгнания, и тщательно повторил в уме все входящие в него звуки.

— Приготовьтесь! — крикнул он. — И прощайте!

Тут он начал смело петь заклинание, заколебавшись только в одном месте, когда его одолели сомнения. Но все было хорошо. Сверху донесся недовольный крик демона, полет которого был прерван заклинанием.

— Появись! Появись! — взвыл Кугель. — Место назначения прежнее: берег северного моря, куда груз должен быть доставлен в целости и сохранности! Появись! Схвати этих жалких людишек и отнеси их согласно моему приказу!

Хлопанье огромных крыльев раздалось в воздухе, черное чудовище с уродливым лицом посмотрело вниз.

Опустился черный коготь, Кугель был подхвачен и отне-

сен на север. Его еще раз подвел ошибочно переставленный слог.

День и ночь летел демон, ворча и стеная. На заре он швырнул Кугеля на пустынный пляж и был таков.

Стояла тишина. Справа и слева простирался унылый, голый берег. Выше виднелась какая-то жалкая растительность. В нескольких ярдах от Кугеля, на песке, лежала разбитая клетка, в которой его когда-то доставили на это же место. Склонив голову, обняв руками колени, Кугель сидел и смотрел на море.

СОДЕРЖАНИЕ

Вечная жизнь	*пер. К.Маслякова*	5
Умирающая земля	*пер. К.Маслякова*	169
Глаза чужого мира	*пер. К.Маслякова*	293

В 97 Вечная жизнь. Пер. с английского — М.: РИПОЛ, Джокер, 1993.— 480 с. (Фантастические романы)

ISBN 5-87012-026-0

Ответственный за выпуск
Чепурных О. В.

Подписано в печать 15.02.93 г. Формат 84x108/32. Бумага газетная.
Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Физ. п. л. 15.
Усл. п. л. 25.2. Переплет 7Б. Цена договорная.
Тираж 100 тыс. экз. Заказ № 2870.

Издательства РИПОЛ, «Джокер»
123000 Москва, а/я 21

Отпечатано в АП «Курск»
305007 г. Курск, ул. Энгельса, 109

В этой книге мы предлагаем вниманию читателя три увлекательнейших романа известного американского фантаста Дж.Вэнса. Перед вами загадочные истории, насыщенные приключениями, войнами и волшебными превращениями. В них вы встретите монстров, необычных героев и безумных волшебников. Автор как всегда демонстрирует безудержную фантазию и восхитительный юмор.

JOKER BOOK

ДЖЕК ВЭНС